

Министерство Республики Северная Осетия-Алания
по вопросам национальных отношений

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева –
филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

ИСТОРИЯ ОСЕТИИ

в 2-х томах

Том 2

История Осетии в XIX - начале XX века

Владикавказ 2019

ББК 63.3 (2Рос.Сев)
УДК 94 (470.65)
И 90

Печатается по заказу Министерства Республики Северная Осетия-Алания
по вопросам национальных отношений.

История Осетии: В 2-х томах / СОИГСИ им. В.И. Абаева – филиал ВНЦ РАН; Гл. ред.
З.В. Канукова, ответ. ред.: С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.
Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века. – 444 с.

Редакционная коллегия:

З.В. Канукова (главный редактор), С.А. Айларова (ответственный редактор), А.Г. Кучиев (ответственный редактор), Р.Х. Гаглойти, Ю.С. Гаглойти, Ф.Х. Гутнов, Р.Г. Дзаттиаты, А.А. Туаллагов, Г.И. Цибиров, А.А. Цуциев

Рецензенты:

Н. Н. Великая – доктор исторических наук, профессор АГПУ (Армавир)
Ю. Ю. Карпов – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург)
А. Ю. Скаков – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

Во втором томе «История Осетии в XIX – начале XX века» рассматриваются социально-экономические, политические и культурные аспекты развития Осетии в составе Российской империи. Особое внимание уделяется процессам включения региона в административно-государственную систему, миграционным процессам первой половины XIX века, конфессиональной составляющей российской политики. Рассмотрение пореформенного развития Осетии как процесса общественной и культурной модернизации позволило по-новому интерпретировать многие вопросы истории и культуры нового времени.

Авторами глав являются:

Раздел 1: глава 1 – Е.И. Кобахидзе, глава 2 – И.Т. Цориева, глава 3 – Ф.Х. Гутнов, Г.И. Цибиров, З.В. Канукова.

Раздел 2: глава 1 – Е.И. Кобахидзе; глава 2 – Ф.Х. Гутнов; глава 3 – В.Д. Кучиев; глава 4 – А.А. Хамицаева, И.Т. Цориева, З.В. Канукова; глава 5 – С.А. Айларова, Г.И. Цибиров, В.Т. Бетанов; глава 6 – З.В. Канукова, Г.И. Цибиров.

ISBN 978-5-91480-153-0

ББК 63.3 (2Рос.Сев)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019

Раздел первый

**Осетия в составе
Российской империи
(первая половина
XIX века)**

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Начальный период включения Осетии в политическое пространство Российской империи. Северный Кавказ издавна находился в центре экономических и геополитических интересов России. Осетия, отличавшаяся выгодным геополитическим положением, обеспечивавшим России прямой доступ к важнейшим транскавказским магистралям¹ и значительным военно-экономическим запасам в виде

Генерал К.Ф. Кнорринг

рудных и лесных ресурсов², имела для империи особое значение. Массовое переселение осетин на предгорные равнины Северного Кавказа³ вело к тому, что складывавшаяся веками в горных условиях модель хозяйственной и общественно-политической жизни подвергалась глубоким изменениям, что объективно способствовало вовлечению осетинского народа в общественно-экономический организм Российского государства.

В начале XIX в. Россия провела ряд военно-административных мер по укреплению своих позиций на Кавказе. Император Александр I сменил нерешительного и бездеятельного генерала К.Ф. Кнорринга. Его место занял генерал-лейтенант П.Д. Цицианов. Он был активным сторонником энергичных и крупных военных мер по утверждению власти России на Кавказе. Прибыв на Кавказ, П.Д. Цицианов приступил к укреплению Военно-Грузинской дороги. Он также вел переговоры с тагаурскими феодалами о переселении осетин из района Военно-Грузинской дороги на Владикавказскую равнину.

Приступив к работам на строительстве Военно-Грузинской дороги и Владикавказской крепости, российское воен-

ное командование привлекало местное население. Нещадная эксплуатация дешевой рабочей силы вызвало массовое недовольство крестьян. В 1804 г. осетинские крестьяне, жившие в районе Военно-Грузинской дороги, в своей жалобе князю Волконскому писали: «В нестерпимый для человека холод заставили нас от Степанцминды до Ананура сгребать страшный снег и расчищать дорогу. Двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетями». В конце жалобы крестьяне заявляли, что «предпочитаем умереть, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен»⁴.

Жестокое обращение с местным населением было санкционировано самим Цициановым. Он приказывал «пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища»⁵.

Генерал-лейтенант
П.Д. Цицианов

Летом 1804 г. в районе строительства Военно-Грузинской дороги вспыхнуло восстание крестьян. Восставшие разоружили местные гарнизоны, истребляли чиновников, разрушали мосты.

Генерал П.Д.Цицианов в это время был занят осадой Еревана. 15 сентября 1804 г. он прервал осаду города и возглавил карательную экспедицию по подавлению восстания грузинских и осетинских крестьян. Генерал прошел с карательным отрядом вверх по ущелью Арагви, подвергая жителей жестоким репрессиям. Цицианову понадобилось почти три месяца, чтобы подавить сопротивление повстанцев. Он также решил наказать и жителей, живших по ущелью Большой Лиахвы. 13 ноября 1804 г. войска в количестве 694 человек во главе с генералом выступили в поход. Они дошли

до села Ванел, разрушая и сжигая все на своем пути. Руководители и организаторы крестьянских выступлений были арестованы и отправлены в Гори.

Упиваясь своими победами, генерал Цицианов властно и повелительно обращался с феодалами и ханами, проявлявшими непокорность, писал им оскорбительные послания. 20 февраля 1806 г., подойдя к Баку с отрядом, он был убит.⁶

Крестьянские выступления продолжались и в последующие годы. В 1807-1824 гг. в ущельях Большой и Малой Лиахвы произошли крестьянские волнения. Эти выступления были жестоко подавлены царскими войсками.

После гибели П.Д.Цицианова новым главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал И.В. Гудович. Он считал положение на Северном Кавказе ненадежным и полагал необходимым возобновить миссионерскую деятельность Осетинской духовной комиссии. Ознакомившись с ситуацией на

месте, он отмечал: «Прибыв сюда, я нашел горских народов в течение переменных обстоятельств с 1804 года отклонившихся от послушания... Прежде всего я обращаю теперь мои старания на прекращение сего зла и приведение в горах живущих народов, а особливо осетинцев, в прежнее повиновение»⁷. Для достижения этой цели он стремился укрепить политический союз с осетинскими старшинами, признав за 10 тагаурскими фамилиями право брать пошлины с проезжающих по дороге «купцов грузин и армян». Осетинам также разрешалось ездить свободно в Моздок и Тифлис, вести торговлю на Кавказской линии⁸.

Успешное завершение Отечественной войны 1812 года упрочило позиции России в Европе. Вместе с тем экономическое положение страны в ходе войны было ослаблено. Одних военных линий на Северном Кавказе было явно недостаточно для распространения и укрепления административной и военной власти.

Учитывая это, император Александр I направил в 1816 г. на Кавказ генерала А.П.Ермолова, властного и решительного военачальника. С его назначением резко активизировалась политика по укреплению позиций России на Северном Кавказе⁹. Приказы А.П.Ермолова были такими же жестокими, как и цициановские.

А.П.Ермолов в период своего командования ввел систему налогов. Они сводились к следующему: крестьяне обязывались доставлять на русские военные посты дрова, строительные материалы для мостов. Также должны были предоставлять проходящим по Осетии воинским частям подводы, перевозить казенные вещи. Крестьяне привлекались к ремонту дорог, осуществлению почтовой связи.

Повинности эти не были определены каким-либо положением и взимались произвольно, что способствовало многочисленным злоупотреблениям. Один из высокопоставленных чиновников министерства финансов

А.П. Ермолов

Е.Г. Чиляев писал: «Повинности сии так обременяют народ, что не дают даже времени убирать с поля хлеб; почти все мужчины и скот заняты ими исключительно. Одни женщины занимаются сельским хозяйством. Я видел сам у них хлеб, гниющий на стебле и в снопах, в поле, под дождем, за отвлечением поселян от своих домов»¹⁰.

Многолетняя (многовековая) жизнь рядом с российским государством способствовала выработке, усвоению горцами таких средств, как переговоры, присяги, посольства, подарки, посредничество, поручительство и др.¹¹.

Но с конца XVIII в. ситуация меняется. По международным договорам (Кючук-Кайнарджийский, Ясский и последующие) и присягам, учитывающим интересы местных субъектов, идет активный процесс фактического включения горцев Северного Кавказа в состав Российской империи. Жизнь внутри государства неминуемо приводила к болезненной для горцев ломке привычных ценностей, трансформации института социализации, связанного в немалой степени с набеговой практикой, адаптации к требованиям, присущим любому государству, а именно необходимости платить налоги, нести повинности, подчиняться общему законодательству и т.п. Это во многом и определило кризис во взаимоотношениях России с северокавказцами, в том числе осетинами, в первой половине XIX в.¹²

В 1826 г. главнокомандующим на Кавказе стал генерал-адъютант И.Ф. Паскевич. Поздравляя Паскевича с завершением русско-турецкой войны, Николай I писал ему: «Кончив, таким образом, славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹³. Эти указания царя как нельзя лучше характеризуют сущность проводимой им политики.

Помимо военного подавления царские власти использовали и другие меры воздействия на горцев. Они старались подчинить их своему политическому влиянию с помощью местных феодалов. Для этого российские власти присваивали воинские звания горским феодалам, награждали их орденами и ценными подарками, земельными наделами, а главное — поддерживали их эксплуататорские притязания в отношении горского крестьянства.

Средством политического давления на горское население служила и регулируемая царским правительством торговля через специально открытые на Кавказской линии меновые дворы. Торговые операции осуществлялись под контролем царских чиновников, обманывавших горцев и наживавших немалые прибыли. Товары горцев принимались по низким ценам, а дешевые ситцы и сарпинки московских фабрик продавались дорого.

Поддержка администрацией притязаний грузинских помещиков в Южной Осетии стала причиной массовых выступлений крестьян. В 1830 г. для усмирения восставших крестьян прибыл отряд генерала П.Я. Ренненкампа. Он объявил крестьянам, что истребит их «как врагов общего спокойствия», если они не покорятся. В ответ крестьяне оставили свои жилища и в лесистых горах развернули партизанскую войну. Среди повстанцев были и женщины.

Восстание югоосетинских крестьян было жестоко подавлено. 118 человек было взято в плен. Из них 23 человека были преданы военно-полевому суду, 21 — прогнали сквозь строй и сослали на каторжные работы¹⁴.

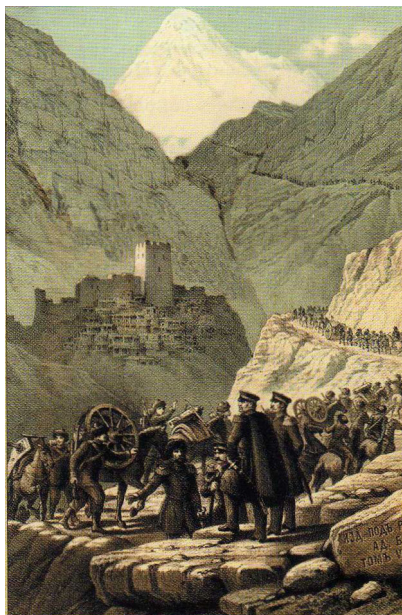
8 июля 1830 г. карательный отряд под командованием генерала И.Н.Абхазова предпринял поход против жителей Тагаурии. В ходе этой экс-

педиции были сожжены деревни, жители которых более участвовали в возмущении. Жилища Карсановых в Ламардоне были преданы огню, башни их взорваны, а стада уничтожены.

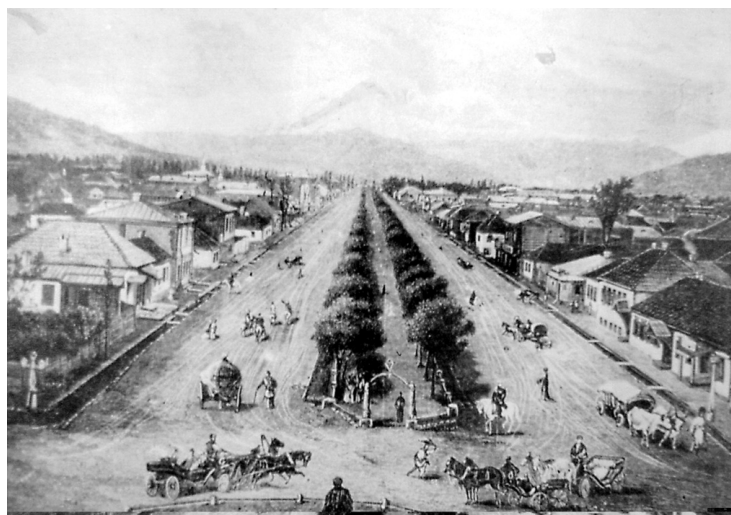
Формирование административно-управленческого аппарата на Центральном Кавказе началось сразу же после официального присоединения к Российской империи населенных осетинами и ингушами центральных областей Северного Кавказа.

Административное освоение Россией Центрального Кавказа началось еще со времени строительства крепости Моздок (1763) и размещения здесь военного гарнизона с аппаратом управления российских комендантов¹⁵. Именно военные укрепления Азово-Моздокской линии, протянувшиеся от Екатеринодара до Азова (Кизляр, Моздок, Св. Дмитрия, Екатериноградское, Ставропольское, Владикавказ), где располагался судебный и административный аппарат, штаб-квартиры воинских частей, склады военных и продовольственных запасов¹⁶, служили поначалу форпостами российской административной политики в регионе. Разместившемуся в укреплениях аппарату управления российских комендантов вменялось в обязанность собирать сведения о соседствующих народностях, которые надлежало «содержать ... в своем ведомстве»¹⁷. Взаимоотношения северокавказских народов с российской комендантской администрацией были опосредованы торговлей и миссионерской деятельностью¹⁸, которая декларировала цель «отводить (горцев. — Ред.) от варварских нравов, вселять людкость и лучшее обхождение»¹⁹.

С оформлением Георгиевским трактатом военно-политического союза России и Грузии (июль 1783 г.) остро встал вопрос о необходимости коммуникации, обеспечивающей между ними постоянную связь. В том же году началась реконструкция дороги через Главный Кавказский хребет, связывающей Россию с Закавказьем, а 25 апреля 1784 г. генерал-поручик П.С. Потемкин рапортовал своему однофамильцу князю Г.А. Потемкину о закладке новой крепости: «...При входе гор предписал я основать крепость на назначенном по обозрению моему месте под именем Владикавказ...»²⁰. С этого времени Владикавказ стал важным административным центром, обеспечившим возможность общего комендантского надзора за Осетией и Ингушетией²¹.

*Русская военная экспедиция
в горах*

Владикавказ начала XIX в.

В связи с образованием в мае 1785 г. Кавказского наместничества²² бывшие русские крепости, к которым тяготели жившие вокруг народы, превращались в уездные города, и на них распространялось общероссийское городское положение от 21 апреля 1785 г., которое вводилось в том числе в Кизляре и Моздоке, прежде управлявшихся воинским начальством. Все предстоящие преобразования настоятельно рекомендовалось проводить без «народам тамошним притеснений или принуждений», а, напротив, всячески поощрять к развитию торговли и промысловых занятий. Уже в январе 1786 г. в городах наместничества были открыты все присутственные места²³. После того как Моздок стал уездным городом, его жители в административном отношении были разделены на этнические группы: русских, армян, грузин, осетин, черкесов и т.д. Каждая группа управлялась своими выборными и по своим обычаям, всеми ими ведал военный начальник города — комендант²⁴.

Официальное установление системы военно-административного управления в центральных районах Кавказа тесно связывалось с переселением горцев на равнинные земли²⁵. Выступая с протекционистских позиций, власти всемерно содействовали переселенческому процессу, в ходе которого горцы поселялись на равнинных землях вблизи от укрепленных российских поселений, вокруг которых простирались угодья, уже обращенные в казенное ведомство. Закрепляя свои позиции в регионе, правительство щедро раздавало земли не только прибывавшим сюда из внутренних районов империи, но и представителям местных социальных верхов, принявшим российское подданство и крещение, которым позволялось селиться на казенных землях вместе с подвластными им людьми, основывая здесь «свои» селения.

Поселение горцев на равнине способствовало значительному повышению эффективности административного контроля, поскольку непосредственное вмешательство в дела горских общин в условиях высокогорья оказывалось весьма затруднительным, и к тому же было чревато нежелательными осложнениями с горской социальной элитой, с которой кавказское руководство изначально стремилось найти общий язык²⁶. Покровительствуя «лучшим людям народа сего», администрация поощряла поступление представителей местной элиты на русскую службу²⁷, видя в них социальную опору для дальнейшего политико-административного упрочения в крае. Поощрения поступающих на службу горцев «были тогда в большом ходу... и составляли особую специальную статью расхода казенных денежных сумм»²⁸. Опора на социальный вес осетинских старшин практиковалась еще во времена деятельности Осетинской духовной комиссии²⁹. Нередко для привлечения осетинских верхов к российской администрации власти препоручали их представителям административный контроль³⁰.

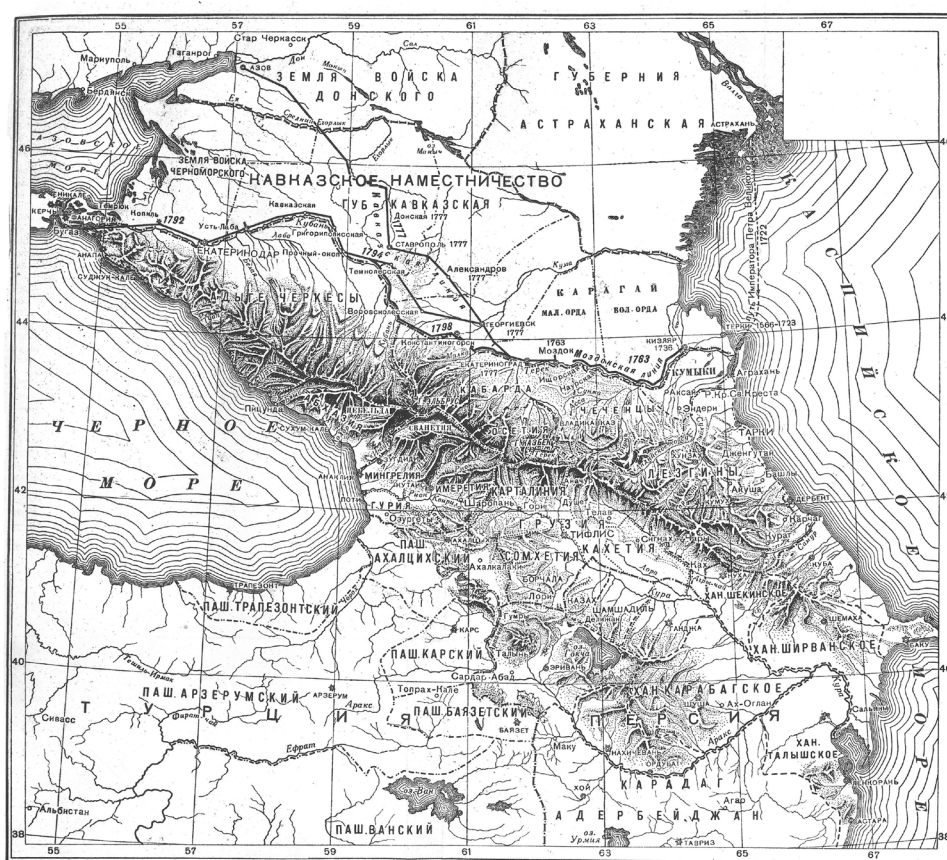
Особое внимание кавказского руководства к Военно-Грузинской дороге требовало урегулирования отношений с тагаурцами, заселявшими Дарьяльское ущелье, через которое пролегла эта важнейшая транспортная магистраль. Выступления тагаурцев во главе с Ахметом Дударовым необычайно затрудняли связи России с Грузией³¹. Военное командование не раз направляло в Тагаурию воинские отряды для усмирения «неспокойных» тагаурцев³², недовольных нововведениями администрации, регламентировавшими «поборы с проезжих» по Военно-Грузинской дороге³³. Другой составной частью российской политики в Тагаурии было привлечение лояльно настроенных местных владельцев, которых одаривали чинами, жалованьем и пожизненной пенсией³⁴ и которым, позволяя селиться на плоскостных землях со своими кавдасардами и фарсаглагами, отводили значительные земельные площади³⁵. По убеждению властей, спокойствия и «благонамеренности» со стороны тагаурцев можно было достичь, «коли поступать без нарушения обычаев и прав, веками между них утвержденных»³⁶.

По мере переселения горцев-осетин на Владикавказскую равнину укреплялись политические позиции России: новые поселения, по просьбе самих жителей, охранялись военными отрядами во главе с приставами, на которых возлагались функции администраторов. «Военное присутствие» российских постов обеспечивало и относительное спокойствие вдоль Военно-Грузинской дороги, где надзор за местными жителями осуществляли командиры небольших укреплений — редутов³⁷.

На фоне волнений в районе Военно-Грузинской дороги население удаленных Куртатинского и Алагирского ущелий для властей «представляло довольно надежный оплот, препятствовавший соединению кабардинцев и тагаурцев для враждебных действий против русских...»³⁸. Однако, несмотря на

сочувствие жителей горной Осетии русским³⁹, российское влияние здесь не приобрело еще четко выраженных административных форм, ограничиваясь простым покровительством и поощрением, административные же порядки «в форме пристава с неопределенной ролью полуначальника, полуагента» распространялись только на ближайшие к военно-пограничной Кавказской линии поселения⁴⁰.

Вовлечение Осетии в орбиту политического влияния России на первых порах шло, таким образом, постепенно, без особого институционального оформления административных прав империи. Под контролем администрации находились преимущественно моздокские осетины, осетины-переселенцы — жители новых сел, основанных на Владикавказской равнине, и тагаурцы, по территории которых пролегла Военно-Грузинская дорога. Горные районы Осетии, наравне с равнинами, принадлежали общему ведению владикавказского коменданта.

Карта Кавказа 1801 г. (из Актов Кавказской Археографической комиссии)

После реорганизации наместничества и учреждения Астраханской губернии (декабрь 1796 г.)⁴¹ «залинейные» жители, оказавшиеся за пределами укрепленной линии, были переданы в ведение главного пристава⁴², но из-за неудобств двойного подчинения (через своих приставов и комендантов крепостей) вскоре были изъяты из-под его контроля.

В ноябре 1802 г. было предпринято переустройство административной карты Кавказа: из Астраханской губернии, ставшей самостоятельной территориально-административной единицей, выделилась Кавказская⁴³. Общее управление обеими губерниями передавалось главному военному и гражданскому начальнику Кавказского края в Грузии, который одновременно назначался инспектором Кавказской линии. Таким образом получила развитие идея централизации управления всем Кавказом. Однако, по мнению правительства, успешное управление горцами было возможно при определенной степени невмешательства в их внутренние дела⁴⁴, что могло бы обеспечить поддержание должной стабильности в этом регионе, поэтому народы Центрального Кавказа поручались лишь наблюдению главноуправляющего⁴⁵.

Во многом реализации замыслов администрации должно было способствовать переселение части жителей, обитающих вблизи кордонной линии, в Кавказскую губернию. Все, что относилось к переселению туда горцев, находилось в поле зрения самого императора, поручившего кавказскому начальству разработку соответствующих мер. Власти готовы были способствовать переселению выделением земель «в выгодных местах», помощью зерном и денежными пособиями на обустройство⁴⁶, однако на некотором удалении от границы⁴⁷. Высочайше подтвержденным докладом от 23 ноября 1806 г. «водворение в Кавказской губернии переселенцев и назначение им вспоможения предоставлено распоряжению гражданского под главным наблюдением военного губернатора», для чего в 1807 г. было ассигновано 30 тыс. руб.⁴⁸

Активное переселенческое движение охватило и осетин. Так, к примеру, в 1810 г. командующий Кавказской линией генерал от инфантерии С.А. Булгаков докладывал императору о переселении на приграничные равнинные земли «двухсот шестидесяти девяти душ со всем имуществом и скотом» осетин, «дигорцами именуемых, исповедающих веру христианскую». Мотивация к поощрению подобных действий сводилась к поддержке «страдающих под игом неверных и поработанных кабардинским владельцам», для подкрепления которой из казенных средств тогда же в распоряжение гражданского губернатора «для водворения осетинцев» было выделено «двадцать тысяч шестьсот семьдесят шесть рублей сорок три копейки с половиною»⁵⁰.

Переселенцы из горной Осетии, основавшиеся на равнинных землях, по распоряжению Н.Ф. Ртищева, главноуправляющего в Грузии с 1812 г., состояли в ведении военного начальства и поручались «заведыванию» кабардинского пристава, «в недалеком от них расстоянии в селении Прохладном находящегося»⁵¹.

В этот период российские административные порядки по-разному касались населения Осетии: в горах они по-прежнему распространялись только на ближайшие к военно-пограничной линии поселения, которые контролировались российскими военными офицерами; осетины же, осевшие на равнине в пределах линии, «почти вполне ассимилировались с русской жизнью» и представляли «в общественном отношении то же, что и русское казачье население»⁵², будучи подчинены комендантскому управлению в составе полиэтничного населения укрепленных поселений. В непосредственной близости от населенных пунктов, основанных куртатинцами и дигорцами вне пределов пограничной линии, выстраивались редуты, бывшие местом пребывания «начальников русских», которые, по просьбе самих жителей, нередко разбирали «их дела и жалобы»⁵³.

Сложившаяся в начале XIX в. административная система управления «инородцами» в Кавказской губернии существовала на протяжении десятилетия практически без изменений, а декларация «невмешательства» во внутренние дела проживающих здесь народов и по возможности мирное, ненасильственное вовлечение горцев в орбиту политического влияния империи стала характерной чертой раннего периода административного подчинения Центрального Кавказа.

Административное управление южной частью Осетии отличалось своими особенностями, обусловленными общими тенденциями администрирования в Закавказье в целом, которые в значительной мере отличались от методов управления северокавказскими провинциями. О распространении российских административных порядков на территории Южной Осетии можно говорить лишь после включения Восточной Грузии в состав Российской Империи. Административное управление в новоприобретенных землях строилось по общероссийскому губернскому принципу, на основе которого выстраивался административный аппарат в образованной из Картли-Кахетии Грузинской губернии. В ее состав была включена и «закавказская» Осетия, территория которой вошла в четыре уезда: Горийский, Лорийский, Душетский и Сигнахский⁵⁴. Удаленность югоосетинских селений от административных центров и общая ориентация правительственной административной политики на «невмешательство» во внутренний быт горцев предопределили «постепенность» в судебно-административных преобразованиях. Так, при формировании в отдельных югоосетинских селах (Джава, Кешельта и Ванати) судебных органов в гражданском судопроизводстве были сохранены местные юридические нормы, хотя уголовное судопроизводство переводилось на военно-уголовную законодательную базу. Судьями в учрежденных судах выступали грузинские князья и избранные народом осетинские старшины. Вышестоящей инстанцией для этих судов назначался Горийский гражданский суд⁵⁵.

Следующая фаза административного подчинения региона отмечена установлением военно-политического контроля над Северным Кавказом. В качестве средств реализации новой программы были избраны военно-политические, методы⁵⁶. Активным проводником изменившегося правительственного курса на дальнейшее укрепление российских властных позиций на Кавказе стал генерал от инфантерии А.П. Ермолов, в 1816 г. вступивший в должность главнокомандующего на Кавказе, командира Отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса, управляющего гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях.

С именем А.П. Ермолова, помимо тактико-стратегических мероприятий в регионе (расширение Кавказской линии, устройство путей сообщения между постами, вырубка лесов, переселение горцев на равнинные земли и пр.), связаны меры административного переустройства Осетии, вызванного «необходимостью обуздания осетин» и «воздержания» их «от шалостей»; программа соответствующих действий была предложена им уже в ноябре 1816 г. Проект главноуправляющего предполагал учреждение в Осетии волостного управления⁵⁷, которое, судя по тексту соответствующего документа, должно было касаться осетин, переселившихся на равнину в первое десятилетие XIX в. и основавших новые села по типу казачьих поселений. Состав волостных управ должен был формироваться из выборных «старейших и более уважаемых» лиц, сфера полномочий которых ограничивалась решением внутренних вопросов, касавшихся хозяйственной жизни осетин: урегулированием тяжб между односельчанами, подворной раскладкой повинностей и контролем над их исполнением.

Волостное управление, предполагавшее известную самостоятельность народа в решении собственных дел, рассматривалось А.П. Ермоловым как начальный, «подготовительный» этап окончательного административного подчинения Осетии, в ходе которого осетины получают некоторые навыки повиновения твердой российской власти⁵⁸.

Одновременно с разработкой проекта волостного управления А.П. Ермолов поставил вопрос о несении осетинами воинской повинности. Понимая, что это бремя может вызвать волну протеста среди осетинского крестьянства, А.П. Ермолов обращал особое внимание на подготовительный этап введения новой обязанности, предписывая владикавказскому коменданту генерал-майору И.П. Дельпоццо «приуготовить осетин самым осторожным образом к тому». Вначале предполагалось сформировать из осетин отряды «ополчения» для внутренней стражи, «дабы испытать их способность». Затем такое же ополчение должно было быть сформировано для охраны российской кордонной линии на Северном Кавказе⁵⁹. Проведение в жизнь административных мер в Осетии было предложено возложить на кавказского граж-

данского губернатора, а непосредственное их исполнение — на владикавказского коменданта.

А.П. Ермоловым был осуществлен ряд мероприятий, направленных на дальнейшее расширение российского административного влияния на Кавказе путем распространения экономических мер. Так, в 1818 г. на Осетию и Ингушетию были наложены дорожная и подводная повинности⁶⁰.

Размеры повинностей, однако, законодательно не регламентировались, что создавало широкие возможности для эксплуатации крестьянского труда⁶¹. Приведение в систему порядка взимания повинностей, которые прежде имели довольно случайный характер, диктовалось необходимостью утверждения России в районе стратегически значимой Военно-Грузинской дороги. Этим же обстоятельством была вызвана и прямая заинтересованность правительства в переселении части горцев на равнинные территории, что ослабляло напряженную обстановку в горных районах, вызванную ощутимым малоземельем, и, отвечая на тот момент насущным интересам самих горцев, способствовало укреплению позиций России в Осетии в целом⁶².

В числе мероприятий, предпринятых генералом А.П. Ермоловым в Осетии, было осуществление грандиозного по своим масштабам проекта переселения осетин на Владикавказскую равнину⁶³. Чтобы катализировать процесс, переселенцам как равноправным российским подданным было обещано «ограждение» «от всяких утеснений со стороны прочих народов»⁶⁴. Переселенцы из Дигории подчинялись начальнику в Кабарде, выходцы из Алагирского ущелья — владикавказскому коменданту⁶⁵, в чьем ведении находились также тагаурские и куртатинские новопоселенцы.

Дальнейшие действия по административно-территориальному устройству Центрального Кавказа были обусловлены необходимостью учреждения управления, «более сообразного местным обстоятельствам». В июле 1822 г. Кавказская губерния преобразовывается в область, оказавшись в одном главном управлении с Грузией⁶⁶. Верховная власть в области вручалась начальнику Кавказской военной линии, сменившему гражданского губернатора и наследовавшему все его полномочия. Таким образом, был окончательно закреплен приоритет военного управления над гражданским; одновременно усилилась и тенденция к централизации власти на всем Кавказе, что отразилось в последующих административно-правовых актах. Первым положением, детально регламентировавшим все уровни административного управления в области, стало «Учреждение для управления Кавказской областью» 1827 г.⁶⁷, где декларировалось намерение правительства способствовать всем желающим из «внешних инородцев» переселиться в пределы области с тем, чтобы Кавказская военная линия со временем перестала служить барьером между Россией и Кавказом⁶⁸.

Однако часть «залинейных инородцев», на которых не распространялись новые административные порядки, оставалась в ведении линейных и воинских начальников под наблюдением самого главноуправляющего⁶⁹. Все уголовные преступления, совершаемые «внешними инородцами», подлежали рассмотрению в воинских судах; во всех остальных случаях им оставлялось право «разбираться на основании древних обычаев и законов их». Впрочем, линейное начальство также получало возможность исполнения судебных полномочий, но только когда сами горцы обратятся к нему с подобной просьбой⁷⁰. Более эффективное управление горцами, по мнению правительства, было возможно посредством полицейского надзора, который должен был осуществляться воинской стражей⁷¹.

Административные шаги России в Кавказской области, предпринятые в конце второго десятилетия XIX в., обозначили тенденцию на нивелирование различий, существовавших в системах управления «внешними» и «внутренними» «инородцами». Открытие в июле 1828 г. Владикавказского инородного суда с унифицированными правилами, предназначенными равно как для существующих (Временный кабардинский суд⁷²), так и планируемых (Чеченский народный суд) судебных учреждений, свидетельствовало о намерении правительства начать судебную реформу, охватывавшую весь Центральный Кавказ⁷³. Владикавказский инородный суд предназначался для разбора гражданских дел, возникающих в осетинских и ингушских обществах, на основе обычно-правовых норм, адаптированных по возможности к российскому законодательству⁷⁴.

Учреждая этот судебно-административный орган, сохранявший лишь видимость народного участия в решении гражданских дел, российское правительство решительно следовало уже наметившемуся в системе управления «внешними инородцами» курсу на полное подчинение всех аспектов жизнедеятельности горцев российскому административному контролю. Окончательный же отказ от ранее провозглашенных принципов «невмешательства» и «постепенности» произошел после карательной экспедиции в Осетию и Ингушетию генерала И.Н. Абхазова⁷⁵, одним из результатов которой стала реорганизация Владикавказского инородного суда в окружной, предназначенного «для народов Куртатинского, Тагаурского, Джераховского, Кистинского и Галгаевского», о чем главноуправляющий И.Ф. Паскевич уведомлял военного министра 12 декабря 1830 г.⁷⁶ Итогом крестьянских выступлений стали не только военные меры, но и усиление политико-административной приставской системы⁷⁷.

Одновременно приставства были учреждены и на территории Южной Осетии, после военной экспедиции П.Я. Ренненкампа, отправленной в Южную Осетию в июне 1830 г.⁷⁸ Здесь территория, заселенная осетинами, была разделена между четырьмя приставствами: 1) Джавским и Чесельтским;

2) Кошк-Рокским; 3) Маглан-Двалетским; 4) Джавским и Джамурским. Кударское ущелье и р. Проне в приставства включены не были⁷⁹. Эти территориально-административные единицы, управляемые грузинскими дворянами, знавшими осетинский язык, образовывали «особое приставство», выделенное из Горийского уезда Грузинской губернии. Три из них (кроме Джамурского) передавались в административное ведение Горийского окружного начальника; Джамурское приставство подчинялось главному приставу горских народов, населявших территории вдоль Военно-Грузинской дороги⁸⁰.

Введение института приставов в Осетии стало началом реализации правительственных планов по внедрению государственного административного аппарата на всем Центральном Кавказе с целью «приучить понемногу необузданных горцев к повиновению и приготовить их к принятию гражданского устройства»⁸¹.

Высшей номенклатурной единицей в системе приставства на Центральном Кавказе являлся главный пристав в северной части Осетии и Ингушетии, должность которого исполнял русский офицер. За подчиненными ему четырьмя помощниками, назначаемыми из местной, «преданной Российской Империи», социальной элиты, состоявшей на российской воинской службе⁸², закреплялись различные районы Осетии. Под управлением помощников главного пристава оказались горная и равнинная территории Тагаурии и Куртатинское ущелье⁸³. Пока еще недостаточно прочная административная база не позволяла включить в систему общего приставского управления алагирцев, которые продолжали подчиняться назначенному властями «управляющему» — старшине, наделенному всеми полномочиями пристава⁸⁴, и дигорцев, которые по-прежнему оставались в ведении кабардинского пристава⁸⁵. Так же обстояло дело и с назрановцами, которыми ведал назначенный к ним собственный пристав⁸⁶.

Распространение государственной податной системы на Центральном Кавказе стало другой составной частью российской управленческой политики в регионе. «Облагая сих вновь покоренных горцев податью, — сообщает в своем рапорте главноуправляющему генерал И.Н. Абхазов, — ...я имел целью показать власть правительства, вселить повиновение и приучить их понемногу к податному состоянию»⁸⁷. Все народы, живущие на равнине, были обложены фиксированной подворной податью; тагаурцев же, прежде пользовавшихся определенными привилегиями со стороны российской администрации, «навсегда» лишили их суверенного права взимать в свою пользу пошлину с проезжающих по Военно-Грузинской дороге — теперь деньги надлежало передавать в государственную казну; казенные поступления предназначались на содержание местного управленческого аппарата⁸⁸.

Сфера исполнительных полномочий пристава и его помощников была заметно расширена за счет включения в нее фискальных функций и услож-

нения полицейских обязанностей. Осуществляя полицейский надзор, помощники приставов на местах были уже уполномочены принимать меры по «уничтожению беспорядков» и вести уголовные дела⁸⁹. Функции сборщиков податей в то же время налагали на пристава и его помощников дополнительные обязательства: собирать информацию о торгово-хозяйственной и иной деятельности местного населения и доставлять ее во Владикавказский окружной суд.

Деятельность Владикавказского окружного суда в сфере уголовного судопроизводства, куда были отнесены «кровные дела», «воровство и разбои», подпадала уже исключительно под российское законодательство. Число подобного рода дел на первых порах было достаточно велико: так, в 1830 г. среди всех принятых к рассмотрению в окружном суде «разных претензий» «54 были предъявлены по кровомщению»⁹⁰, и при этом еще оставались нерассмотренными дела «кистинцев, назрановцев, джерахов и... оллагирских жителей»⁹¹. Включение в судопроизводство дел уголовного характера привело к расширению институциональных полномочий этого судебно-административного органа и повлияло на его состав, высочайше утвержденный 1 апреля 1831 г.⁹²: председателем суда оставался владикавказский комендант, но судьями становились гражданские чиновники. «Депутатам от народа» давалось лишь право совещательного голоса, что ограничивало их роль в вынесении приговора или решения суда. Таким образом было сведено к минимуму участие в суде представителей местного населения.

Устройство в Осетии приставского управления и податной системы с одновременным распространением здесь общероссийской законодательной базы в сфере уголовного судопроизводства положило начало новому этапу в процессе утверждения государственно-административной системы управления. Этот этап ознаменовался коренными изменениями в российской политике на Кавказе в целом, которую определяла установка на политическое освоение региона и включение его не только в административно-экономическое, но и в политико-правовое поле империи. Принцип «единого Отечества» выдерживался весьма последовательно⁹³. В то же время в кавказской администрации сознавали, что горцы требуют особого управленческого подхода, «более сообразного понятиям и обычаям их».

Организация управления Осетией как наиболее значимой для России территорией, через которую пролегали важнейшие магистральные пути в Закавказье, по-прежнему оставалась в поле зрения Петербурга. Главноуправляющим на Кавказе бароном Г.В. Розеном был представлен подробный проект, в котором приводились доводы в пользу необходимости введения в Осетии особого приставского управления, правда, «до того токмо времени, доколе правительство не найдет возможным соединить всю Осетию под одно начальство... к чему однако же не прежде приступить можно, как по...

получении во всех вообще осетинских обществах такого влияния, каковое мы уже имеем над прилегающими к областям, состоящим в полной нашей зависимости»⁹⁵.

В октябре 1836 г. высочайшим указом было утверждено положение об управлении в Осетии. Основываясь на системе приставства, новое положение предусматривало введение территориально-административного принципа управления: теперь для Тагаурского, Куртатинского и Алагирского обществ, составлявших соответственно три приставства, назначался свой пристав, подчиняющийся непосредственно Владикавказскому коменданту, сам же комендант находился в ведении начальника Кавказской области⁹⁶. Таким образом, тагаурцы, которые ранее управлялись двумя помощниками пристава в соответствии с местом расселения (равнинные — горные), теперь были

Г.В. Розен

объединены под началом одного пристава; алагирцы также были включены в общую систему территориально-административного управления и получили своего пристава.

Преобразования Г.В. Розена коснулись и Владикавказского окружного суда. По его настоянию именным указом от 27 декабря 1837 г. окружной суд как лишняя административная инстанция, чья вялая деятельность не оправдывалась ходом текущих дел, был упразднен⁹⁷: «Действия этого суда, по неопределенности его руководящих положений и правил, весьма мало соответствовали местным нуждам, — полагал главноуправляющий. — Осетины весьма редко обращались к нему для разбора своих дел»⁹⁸.

Аргументация Г.В. Розена сводилась к признанию невозможности судопроизводства среди горцев по общероссийским законам ввиду их еще недостаточной «благонадежности» и неготовности местного населения к утверждению у них «какого-нибудь... гражданского образования»⁹⁹. Вместо упраздненного судебно-административного учреждения для управления горцами были определены особые приставы: для куртатинцев, тагаурцев, джераховцев, кистинцев и галгаевцев был оставлен один пристав с четырьмя помощниками, для алагирцев и назрановских ингушей — два пристава. Приставы передавались в подчинение Владикавказскому коменданту, а права и обязанности как самого коменданта, так и приставов должны были определяться особой инструкцией. Тем же указом на «всех вышеозначенных горцев» распространялись правила «о производстве суда и расправы, постановленные в Своде уголовных законов... относительно закавказских магометан и горцев, живущих

по Военно-Грузинской дороге». Предполагалось, что со временем правила эти, включенные в инструкцию для приставов, будут изменяться «сообразно местным обстоятельствам». Важные уголовные преступления, в которых обличались горцы, подлежали рассмотрению военного суда. Утвержденный указом порядок управления горскими народами Центрального Кавказа оставался до того времени, «когда представится возможность изменить оный, то есть до введения между горцами некоторого образования»¹⁰⁰.

Административные функции бывшего Владикавказского окружного суда перешли специально созданной тогда же, в 1837 г., Горской канцелярии, разбиравшей не только сугубо административные вопросы, но и «дела азиатцев» гражданского характера: земельные, имущественные, арендные, наследственные, дела, касавшиеся взаимоотношений различных сословий, дорожно-строительные и пр.¹⁰¹ (Через 20 лет, в 1856 г., дела Канцелярии по управлению мирными горцами вместе с делами Управления начальника Владикавказского военного округа были переданы в Штаб войск Левого крыла Кавказской линии, в ведение Управления командующего войсками Левого крыла¹⁰².)

Разделив территорию Осетии на отдельные административные единицы, поставив во главе местных администраций самостоятельных чиновников, располагавших каждый своим аппаратом в лице помощников и секретарей, расширив сферу исполнительных полномочий глав местных администраций, правительство достигало таким образом формального единообразия в управлении центром и окраинами и определенной степени упорядоченности власти «на местах». В то же время наметившаяся тенденция к укрупнению административных единиц управления и концентрации исполнительных функций у местной администрации свидетельствовала о том, что в Петербурге считали уже достигнутые административные позиции на Центральном Кавказе достаточно прочными и готовы были сделать следующий шаг по их дальнейшему расширению.

Это намерение отразилось в «Проекте положения об управлении мирными горскими народами», составленном в 1839 г. командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютантом П.Х. Граббе¹⁰³. Согласно «Проекту», военно-административное управление вводилось на всем протяжении Кавказской военной линии (на чем настаивал и сам Г.В. Розен), а управление учрежденными «сообразно с географическим положением земель и многосложными взаимными отношениями горцев»¹⁰⁴ территориально-административными единицами — приставствами — вверялось офицерам Кавказского корпуса или зарекомендовавшим себя своей преданностью России представителям местной социальной элиты¹⁰⁵.

К ведению «Владикавказского комендантства» причислялись Тагаурское, Куртатинское и Алагирское общества Осетии и ингушские общества, составившие три главных приставства; Дигорское общество, как и прежде, не было

включено в систему административного управления Осетией, а относилось к ведению начальника Центра Кавказской линии¹⁰⁶. Вся полнота исполнительной власти на местах сосредоточивалась у приставов, в обязанности которых входило «приводить в исполнение все требования и распоряжения начальства, доносить по команде о всех замыслах неблагонамеренных, охранять общественное спокойствие, производить уравнительную раскладку повинностей по аулам, вести перепись аулам, саклям и жителям, взыскивать за маловажные проступки по народным обычаям и в качестве домашнего исправления арестовывать и представлять по начальству уличенных в важнейших преступлениях»¹⁰⁷. Однако реформирование системы управления не коснулось судопроизводства, которое после упразднения Владикавказского окружного суда вершилось в самих обществах в соответствии с традиционными юридическими нормами. Тяжкие уголовные преступления рассматривались в аппарате пристава и результаты представлялись Владикавказскому коменданту.

Некоторые изменения приставского управления в конце 30-х гг. XIX в. произошли и на юге Осетии. Здесь в 1838 г. по представлению главноуправляющего Е.А. Головина образовывалась новая административная структура в виде главного приставства, выведенного из ведения Горийского окружного начальника и земского суда. Теперь вышестоящей инстанцией для главного приставства, куда вошли три приставства юга Осетии, назначалось губернское начальство. Джамурское приставство, как и прежде, оставалось в ведении управляющего горскими народами по Военно-Грузинской дороге¹⁰⁸.

Однако в 1841 г. в связи с административным переустройством Закавказья, где утверждалась российская губернская система¹⁰⁹, территория Южной Осетии вновь оказалась включена в Горийский уезд Грузино-Имеретинской губернии (до 1840 г. — Грузинской) с участковым управлением. Новым административным органам надлежало руководствоваться общероссийскими законоположениями¹¹⁰.

В результате переустройства Кавказской военной линии в 1843 г., отвечавшего идее обеспечения единообразия в управлении военно-административной и гражданской сферами деятельности, все пространство, подведомственное ранее Владикавказскому коменданту, оказалось включено в Центр Кавказской линии, в составе которого бывшее управление «Владикавказского комендантства» «с причислением к оному Дигории» стало именоваться Владикавказским округом (в 1845 году в связи с новыми преобразованиями на Кавказской линии дигорское приставство вновь передали в ведение начальника Центра Кавказской линии, занимавшегося вопросами Кабарды и Балкарии¹¹¹); все исполнительные полномочия в нем передавались окружному начальнику, в чьем ведении находились как войска, так и управление «покорными племенами». Самому Владикавказскому коменданту оставлялось только «заведывание крепостью» и предписывалось «во всех отношениях»

подчиняться Владикавказскому окружному начальству. В административных границах округа оказался и горский участок, «состоящий из народов, по Военно-Грузинской дороге обитающих», — тагаурцев и их соседей со стороны Грузии и Ингушетии, — подведомственный главному приставству горских народов¹¹³. Гражданские дела местного населения округа разбирались в Канцелярии по управлению мирными горцами, состоявшей при Управлении начальника Владикавказского округа.

Военно-окружное устройство вводилось и на юге Осетии. Еще в 1842 г. по распоряжению военного министра А.И. Чернышева все закавказские горцы были отделены в административном отношении от уездного управления¹¹⁴, и для них формировались отдельные округа: Тушино-Пшаво-Хевсурский и Осетинский с центром в Квешети. Но уже в 1844 г. из-за неудобств управления отдаленными ущельями, населенными осетинами, Осетинский округ был разделен на два: Горский и собственно Осетинский, центр которого находился в Джаве. Вновь образованный Осетинский округ состоял из трех участков: Джавского, Малолиахвского и Нарского¹¹⁵.

Противоречивые внутривластные обстоятельства привели к пересмотру общей стратегии управления отдаленной кавказской окраиной. В декабре 1844 г. учреждается должность кавказского наместника, а в феврале 1845 г. — Кавказское наместничество. В результате Кавказ оказался обособлен в административном отношении, и весь комплекс управленческих функций передан региональной администрации с предоставлением наместнику министерских прав по всем отраслям гражданского управления¹¹⁶. В мае 1847 г. Кавказская область переименовывается в Ставропольскую губернию, а ее округа становятся уездами¹¹⁷, что повлекло за собой распространение здесь внутривластных законоположений и разделение административной власти на исполнительную и судебную. Осетинские же общества вплоть до конца 50-х гг. «составляли... часть неопределенного, по своим границам, военного округа, центром которого была крепость Владикавказ»¹¹⁸. Владикавказский военный округ имел свое окружное управление, разместившееся во Владикавказе, и вновь учрежденный наместником в 1847 г. Владикавказский народный суд для живущих в пределах округа горских народов, где разбирательство «тяжелых дел» основывалось «на обычаях и законах давности, сохранившихся в предании»¹¹⁹. Свои народные суды имелись и в приставствах¹²⁰.

Важнейшим следствием административной деятельности М.С. Воронцова на посту кавказского наместника стало окончательное оформление т.н. военно-народного управления¹²¹, в ведении которого находились все горские народы Северного Кавказа. Будучи своеобразным политическим компромиссом между центральной российской властью и местными народами, военно-народное управление отличалось от общегражданского управления

Российской Империи, заключаясь в «простоте административного строя, в доступных пониманию туземного населения формах его, в предоставлении народу ведаться собственным судом, решающим дела по обычаю, и в большей самостоятельности административной власти, ближе поставленной к населению и могущей быстро и твердо проявлять свою волю без стеснения формальностями общего гражданского строя управления и без вмешательства общих судебных учреждений»¹²². В своих главных чертах военно-народное управление просуществовало вплоть до конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в.,

когда Кавказ вступил в эпоху Великих реформ.

А.И. Барятинский

Новые внешнеполитические реалии, связанные с окончанием Крымской войны (1853-1856 гг.), а также значительные успехи российского оружия в противоборстве с движением под руководством Шамиля на Северо-Восточном Кавказе создали предпосылки для пересмотра модели регионального управления. Стало очевидно, что система приставства, просуществовавшая на Центральном Кавказе более четверти века, изжила себя, поскольку в изменившихся социально-политических условиях преимущественно военно-полицейские функции управления, вменявшиеся местным администрациям образца 30-х гг. XIX в., уже потеряли свою актуальность, не отвечая в полной

мере установкам центрального прави-

тельства. Перед властями вставала насущная задача развития гражданских начал в управлении «покорными горцами», что новый кавказский наместник А.И. Барятинский считал «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе»¹²³. По его мнению, главное — «упрочить быт туземцев и возвысить его на ту же степень благоденствия, которую пользуются другие народы»¹²⁴.

Положения, утвержденные Александром II 2 декабря 1857 г. и 1 апреля 1858 г., изменили военно-административное устройство Кавказа¹²⁵. Вместо приставских управлений в Кавказской области учреждалось военное управление; на самой Кавказской линии вводилась окружная система: в границах Правого и Левого крыльев Кавказской линии формировались округа, в числе которых был и Военно-Осетинский¹²⁶, делившиеся на приставства и участки

(для мусульманского населения края — наибства). Командующим войсками в различных местностях Кавказа помимо военных прерогатив предоставлялось право распоряжаться всеми ресурсами местности и осуществлять управление в ней. Вопросы гражданского характера, касающиеся горского населения края, были отнесены к ведению Отделения по управлению горскими народами, созданного в соответствии с апрельским указом 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии для согласования действий армейских властей на местах¹²⁷. В состав реорганизованного Военно-Осетинского округа вошли главное приставство горских народов бывшего Владикавказского военного округа, а также Куртатинское и Алагирское приставства. Военно-Осетинский округ увеличивался за счет включения в него участка Малой Кабарды, а в горной полосе — последующего в 1859 г. присоединения Нарского участка Осетинского округа Тифлисской губернии и Мамисонского ущелья, составлявшего часть Рачинского уезда Кутаисской губернии¹²⁸.

Административно-территориальные преобразования повлекли за собой и реорганизацию судебной-административной системы. «Первоначальными правилами для управления участками Осетинского округа», введенными 18 сентября 1858 г., регламентировался порядок местного судопроизводства¹²⁹: вместо народных судов, действовавших прежде в каждом из подведомственных Владикавказскому коменданту приставств, учреждался окружной народный суд; помощникам окружного начальника по участкам предоставлялось право судебного разбирательства и вынесения окончательного решения по поводу «лишь немногосложных словесных жалоб»¹³⁰. Судебно-административные преобразования, по замыслу А.И. Барятинского, должны были способствовать развитию «полной системы экономических мер для устройства народного благосостояния»¹³¹.

В ноябре 1859 г. А.И. Барятинский обратился к председателю Кавказского комитета с просьбой ходатайствовать перед императором о разрешении преобразовать крепость Владикавказ, «сделавшуюся основным и главным пунктом прочного владычества России на Кавказе»¹³², в город. Император счел доводы наместника убедительными¹³³, и 31 марта 1860 г., «в видах развития на Кавказе торговли и промышленности и водворения начал мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами», крепость Владикавказ в соответствии с именным указом кавказскому наместнику¹³⁴ была «обращена» в город, который по утвержденному тем же указом новому «Положению об управлении городом Владикавказом» выводился из системы комендантского управления и в порядке общего управления причислялся к ведомству командующего войсками Левого крыла Кавказской линии. С этого времени Владикавказу, прежде служившему чрезвычайно важным пунктом в стратегическом отношении, отводилось «не менее важное назначение по водворению между покорными горцами начал мирной гражданской жизни»¹³⁵.

Изменение статуса Владикавказа повлекло за собой учреждение в нем городского суда, предусмотренного Положением¹³⁶, который уже 1 июля 1860 г. «открыл свои действия»¹³⁷. Процесс судопроизводства, структура и штат Владикавказского городского суда регламентировались установлениями свода гражданских законов (изд. 1857 г.), предназначенными для внутренних губерний России¹³⁸.

Отказ от прежней военно-административной структуры в виде Кавказской линии, которая почти сто лет служила отправной организационной формой административно-территориальных преобразований в крае, подтвердил прочность российских позиций на Северном Кавказе. Уже в январе 1860 г. из Правого и Левого флангов упраздненной Кавказской военной линии образовывались Кубанская и Терская области¹³⁹, а все пространство, расположенное к северу от Главного хребта «Кавказских гор», включающее Терскую и Кубанскую области, а также Ставропольскую губернию, «было приказано именовать впредь Северным Кавказом»¹⁴⁰. В соответствии с рескриптом Александра II от 8 февраля 1860 г. Терская область разделялась на шесть округов, в числе которых находился Военно-Осетинский, и два наибства.

Принятое «Положение об управлении Терской областью»¹⁴¹ вводило новый военно-административный порядок: область подразделялась на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный), Отдельное управление военного начальника округа Кавказских Минеральных вод и Владикавказское городское управление. Каждый отдел в свою очередь распадался на округа, в основу выделения которых был положен принцип «племенного различия жителей Терской области»¹⁴²: Осетинский (вместо упраздненного Владикавказского), Кабардинский, Ингушский — в Западном отделе, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский — в Среднем отделе, Кумыкский и Нагорный — в Восточном отделе¹⁴³, причем округа получали наименование «большею частью по народностям, их населяющим»¹⁴⁴. Каждый из этих округов делился на участки; в Осетинском округе, который вошел в состав Западного отдела, вместо прежних восьми приставств было создано три участка, являвшихся административными единицами Осетии «к северу от главного хребта»: Тагауро-Куртатинский, Алагиро-Мамисонский, Дигорский. Остальные административно-территориальные единицы, состоявшие в ведении начальника бывшего Владикавказского военного округа, были преобразованы и переданы под начало других администраций: из Назрановско-Карабулакского и Горского участков формировался Ингушский округ¹⁴⁵; Малокабардинский участок снова переходил в ведение начальника Кабардинского округа¹⁴⁶. Этой мерой, отвечавшей идее бюрократического практицизма, достигалось выравнивание округов в численном и территориальном отношениях. Соотношение административных и этнических границ было делом непростым, учитывая давние территориальные споры¹⁴⁷.

«Положением» предусматривалось разделение управления в Терской области по отраслям: военное, гражданское и управление местными народами «на особых правах». Исполнительная власть в области в порядке общего управления передавалась начальнику области в чине полковника или генерала, приравненного в правах к генерал-губернатору центральных губерний. В его ведении находилось не только командование войсками на правах командира корпуса, что позволяло ему по своему усмотрению применять оружие «против возмущившихся», предавать военному суду, но и вся административная власть: он единолично контролировал работу суда, начальников округов, полицейских сил, распоряжался финансово-хозяйственной частью; впрочем, фактически вводившееся полновластие областного начальника оправдывалось условиями военного положения области. При областном начальнике в качестве самостоятельных структурных отделов состояли Штаб командующего войсками и Канцелярия, созданная для производства гражданско-административных дел, касающихся управления местными народами. Во главе каждого из отделов ставились военные начальники, каждый из которых возглавлял и один из входивших в отдел округов. Именно от начальников округов зависели практически все аспекты жизнедеятельности подведомственного населения, и их исполнительные прерогативы распространялись на всю окружную администрацию: окружной суд, начальников участков, полицейские отряды.

«Для судебной расправы между туземцами» во Владикавказе учреждался Главный народный суд Терской области¹⁴⁸ «из почетных лиц по выбору народа»; в округах вводились окружные, а в участках и наибствах — участковые суды. Председательствовать в Главном народном суде поручалось особому лицу, утвержденному главнокомандующим Кавказской армией по представлению областного начальника; возглавлять работу окружных судов полагалось окружным начальникам, а в Осетинском, Чеченском и Кумыкском округах эти функции обязаны были исполнять либо военные начальники отделов (являвшиеся одновременно начальниками соответствующих округов), либо их помощники. Однако в действительности суд начал свою работу на два года позже, лишь в 1864 г., и то после настойчивых напоминаний нового начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова¹⁴⁹.

В административный аппарат Терской области допускались представители «туземного» населения, занимавшие низовые посты. Эта идея, высказанная командующим Кавказской армией Г.Д. Орбелиани, аргументировалась целесообразностью разделения принципов назначения на руководящие должности в местных администрациях исходя из «готовности» населения принять русских в качестве начальников: так, в Кабардинском, Осетинском, Ингушском и Кумыкском округах участковыми начальниками были поставлены российские офицеры, а начальниками ряда наибств, входивших в Восточ-

ный и Средний отдел, назначались представители местного населения, сами же наибства формировались по тейпам¹⁵⁰. Г.Д. Орбелиани объяснял свою позицию следующим образом: «...в тех местностях, жители которых уже привыкли к русской власти, где многие из них уже знают русский язык, я считаю полезным поставить русскую власть по возможности в ближайшие отношения к народу. В прочих округах, где население еще не довольно подготовлено к этому, туземцы в должностях участковых начальников будут полезнее»¹⁵¹.

В целом сложившаяся к началу 60-х гг. XIX в. схема административного деления Кавказского наместничества не была свободна от недостатков, мало соответствуя реальным потребностям администрирования. Установленная во время военных действий, она носила во многом случайный характер, не учитывая географических границ расселения народов и механически объединяя в пределах одной административно-территориальной единицы совершенно разные этносы. К примеру, основными этническими группами довольно пестрого по этническому составу Военно-Осетинского округа являлись осетины, кабардинцы, ингуши и другие. «9 различных народностей, живущих в горах и на плоскости, находились в ведении владикавказского коменданта»¹⁵². В то же время дробление прежних административных единиц, входивших в Кавказское наместничество, ничуть не облегчило процесс «слияния» края с Россией, а, напротив, привело к уничтожению единства в управленческой политике российского правительства, ставшему следствием чрезмерного разрастания чиновничье-бюрократического аппарата.

Основной задачей, поставленной перед окружной администрацией, было «содействие к скорейшему обрусению края» путем «постоянного и осторожно направленного сведущими мировыми судьями» перехода от обычно-правовой основы жизнедеятельности обществ к государственной-правовой и постепенного введения в Осетию русского общинного устройства¹⁵³. В этом процессе особая роль отводилась всемерному развитию образования и торговли вплоть до открытия в селах лавок, духанов и постоянных дворов. Обозначенные задачи предписывалось решать расширением школьной сети и улучшением путей сообщения. Администрации помимо распорядительных полномочий вменялись и фискальные функции, заключающиеся в контроле над раскладкой государственных повинностей.

Новое управление официально именовалось «военно-гражданским» и призвано было «достичь цели другим, лучшим, сообразным с духом христианской цивилизации» образом¹⁵⁴, иначе говоря — путем приведения системы управления горскими народами в соответствие с общероссийской. Высшая кавказская администрация вполне отдавала себе отчет в том, что в завершении «славного дела умиротворения Кавказа» главным является не столько демонстрация «внешней власти в горах», сколько «утверждение над горцами нравственной власти и значения», покорение их «оружием духов-

ной, внутренней силы»¹⁵⁵, олицетворяемой российским законом. Все последующие административные шаги, предпринятые в регионе в течение 60-х — начале 70-х гг. XIX в., отражали ориентацию правительства на расширение сферы действия общероссийских порядков.

Примечания

1. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Т.III. Тифлис, 1883. С.225.
2. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом Т.II. / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. С.83.
3. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар-Армавир, 2004. С.27.
4. АКАК. Т.I-XII. Тифлис, 1869-1904 гг. Т. III. 1869. С.311-312.
5. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т.I. / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1904. С.160.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С.24.
7. АКАК. Т.III. С.76.
8. Там же. С.213.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827 гг.). Ессентуки, 1999. С.12-13.
10. АКАК. Т.VII. 1878. С.347-352.
11. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С.21.
12. Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). М.-Армавир, 2007. С.7.
13. Щербаков М.М. Фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский. Т.II. СПб., 1892. С.229.
14. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Сталинград, 1956. С.200.
15. Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т.XIX. С.200.
16. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1960. С.129.
17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869. Ч.I. С.162.
18. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.III. Хронологический и алфавитный указатели. С.95, 97; Лавров Д. Указ. соч.
19. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.I. С.157.
20. История Владикавказа (1781-1990 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. М.Д. Бетаева, Л.Д. Бирюкова. Владикавказ, 1991. С.15.
21. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е гг. XIX века. Владикавказ, 2005. С.266.
22. ПСЗ-I. Т.XXII. №16193. С.388.
23. Там же. №16366. С.566.
24. Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений. С.202.
25. В частности, о переселении осетин см.: Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С.52-64.
26. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.II. С.260-261.
27. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. 1742-1762 гг. Орджоникидзе, 1976. С.402.

28. Лавров Д. Указ. соч. С.240.
29. Материалы по истории Осетии (XVIII в.): Сборник документов. Т. 1 / Сост. Г.А. Кокиев // ИСОНИИ. Т. 6. Орджоникидзе, 1933. С.22-24.
30. АКАК. Т.III. 1866. С.219.
31. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964. С.71.
32. АКАК. Т.I. 1868. С.411.
33. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе, 1987. Т.I. С.222-223.
34. АКАК. Т.II. С.552-553.
35. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Т.II / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. С.109.
36. АКАК. Т.I. С.411.
37. Блиева З.М. Указ. соч. С.266-267.
38. Лавров Д. Указ. соч. С.283.
39. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 335.
40. Лавров Д. Указ. соч. С.241.
41. ПСЗ-I. Т.XXIV. № 17634. С. 229-230; №17702. С.269.
42. АКАК. Т.I. С.728.
43. ПСЗ-I. Т.XXVII. №20511. С.363-364.
44. АКАК. Т.II. С.9.
45. Там же. С.9-10.
46. РГИА. Ф.383. Оп.29. Д.929. Л.7об.
47. Там же. Л.1-1об.
48. Там же. Л.10-10об.
49. Там же. Л.8.
50. Там же. Л.21.
51. Там же. Л.83-83об.
52. Лавров Д. Указ. соч. С.288-289.
53. АКАК. Т.V. 1873. С.523-525.
54. Блиева З.М. Указ. соч. С.267.
55. Там же. С. 267-268.
56. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.150.
57. АКАК. Т.VI. Ч.1. 1874. С.685; см. также: Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.271.
58. АКАК. Т.VI. Ч.1. С.685.
59. Там же.
60. Там же. Т. VI. 1875. Ч.2. С.472; Т.VII. С.350.
61. Там же. Т.VII. 1878. С.350.
62. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. С.333.
63. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.124-125, 189-190; см. также: Берозов Б.П. Указ. соч. С.85-96.
64. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.124.
65. АКАК. Т.VI. Ч.2. С.472.
66. ПСЗ-I. Т.XXXVIII. №29138. С.568.
67. ПСЗ-II. Т.II. №878. С.107-155.
68. Там же. С.123.
69. Там же. С.111, 122.
70. Там же. С.122.
71. Там же. С.123.

72. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. (Конец XVIII — начало XX века). Нальчик, 1995. С.9-10.
73. Блиева З.М. Указ. соч. С.271.
74. См. подробнее: там же. С.271-273.
75. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // КС. 1889. Т.XIII. С.70-114.
76. АКАК. Т.VII. С.373.
77. Там же. С.354-359, 372-373; см. также: Чудинов В. Указ. соч. С. 109-110; Зубов П. Картины Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом и торговом отношениях. В 4-х частях. СПб., 1834-1835. Ч.3. С.140.
78. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т.I. История южных осетин до образования ЮОАО. Тбилиси, 1985. С.180-181.
79. Там же. С.181.
80. Блиева З.М. Указ. соч. С.274-275.
81. АКАК. Т.VII. С.357.
82. Там же. Т.V. С.523.
83. Там же. Т.VII. С.373.
84. Там же. С.374.
85. Там же. Т.V. С.525.
86. Там же. Т.VI. Ч.2. С.516; см. также: Блиева З.М. Указ. соч. С.276.
87. АКАК. Т.VII. С.357.
88. Там же. С.373.
89. Там же. С.373-374.
90. Там же. С.373.
91. Там же. С.374.
92. ПСЗ-II. Т.VI. Отд. 1-е. № 4474. С.280; Штаты к № 4474. С.818; см. также: РГИА. Ф.1152. Оп.2. Д.16.
93. Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX вв. (управленческие аспекты). Ростов-на-Дону, 2010. С.46.
94. ПСЗ-II. Т.XII. Отд.2-е. Прибавление к XI-му тому. №9810а. С.130.
95. АКАК. Т.VIII. 1881. С.426.
96. Там же. С.425-427.
97. ПСЗ-II. Т.XII. Отд.2-е. Прибавление к XI-му тому. №9810а. С.130-131; см. также: РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.692. Л.8.
98. Лавров Д. Указ. соч. С.292.
99. АКАК. Т.VIII. С.831.
100. ПСЗ-II. Т.XII. Отд.2-е. Прибавление к XI-му тому. №9810а. С.131.
101. ЦГА РСО-А. Ф.290. Оп.1. Д.106. Л.1-40.
102. Там же. Л.1.
103. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках / Под ред. Г.Л. Бондаревского и Г.Н. Колбая (далее — Документальная история...). М., 1998. С.526-527.
104. Там же. С.527.
105. АКАК. Т.IX. С.237.
106. Там же. С.745.
107. Документальная история... С.527-528.
108. Блиева З.М. Указ. соч. С.279-280.
109. См.: АКАК. Т.IX. С.I, 28-35.
110. Блиева З.М. Указ. соч. С.280.
111. Там же. С.281.
112. АКАК. Т.IX. С.745-746.

113. Там же. С.750.
114. Блиева З.М. Указ. соч. С.280.
115. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т.I. С.183.
116. ПСЗ-II. Т.XX. Отд.1-е. № 18679. С.151-152; Т.XXI. Отд.1-е. №19590. С.17-19.
117. Там же. Т.XXII. Отд.1-е. №21164. С.397.
118. Лавров Д. Указ. соч. С.295.
119. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.313.
120. О Дигорском суде см.: Блиева З.М. Указ. соч. С.282-285.
121. АКАК. 1885. Т.X. С.843.
122. Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908. С.64.
123. АКАК. Т.XII. 1904. С.1278.
124. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С.61.
125. ПСЗ-II. Т.XXXII. Отд.1-е. №32529. С.987-988; АКАК. Т.V. С.1276.
126. ПСЗ-II. Т.XXXII. Отд.1-е. №32541. С.995-996.
127. АКАК. Т.XII. С.222, 1276, 1277.
128. Там же. С.222, 1288.
129. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.237-238.
130. Там же. С.237; НА СОИГСИ. Ф.5. Оп.1. Д.1. Л.11-12.
131. АКАК. Т.XII. С.1289.
132. Там же. С.1185.
133. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008. С.23.
134. ПСЗ-II. Т.XXXV. Отд.1-е. №35648. С.351-359.
135. Там же. С.351.
136. ПСЗ-II. Т.XXXV. Отд.1-е. №35648. С.353-355.
137. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.1927. Л.16 об.
138. См. подробнее: Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.
139. Там же. С.58.
140. Там же; см. также: Отчет ген.-фельдмаршала князя А.И. Барятинского за 1857-1859 гг. // АКАК. Т.XII. С.1275-1394.
141. ПСЗ-II. Т.XXXVII. Отд.1-е. №38326. С.497-502.
142. НА СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л. 22.
143. ПСЗ-II. Т.XXXVII. Отд.1-е. №38326. С.498-499.
144. Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т.V. С.108.
145. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.6. Л.36, 37.
146. Там же. Л.30-30об., 31-31об.
147. Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2008. С.70.
148. ПСЗ-II. Т.XXXVII. Отд.1-е. №38326. С.499, 500-502.
149. РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.27. Л.9-10.
150. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 22об.
151. АКАК. Т.XII. С.1254.
152. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. С.134.
153. Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1871. С.204.
154. НА СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.17.
155. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870. С.2.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЕ РАВНИННЫХ СЕЛЕНИЙ И КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Включение Осетии в экономическое и политическое пространство Российской империи оптимизировало жизненные перспективы горских обществ, которые после неоднократных набегов татаро-монгол в XIII веке, а затем еще более разрушительных походов Тимура в конце XIV века, будучи запертыми в горных ущельях Центрального Кавказа, оказались на грани вымирания.

Присоединение Осетии к России изменило политическую ситуацию в регионе. Отныне осетины связывали с Россией решение самого жизненно важного для них вопроса — вопроса о земле, которое представлялось возможным благодаря освоению новых территорий. С этого времени и на протяжении всего XIX века наблюдается постоянный отток осетин на предгорные равнинные земли и другие территории, располагавшиеся за пределами их прежнего обитания. Основание новых поселений (селений, станиц, хуторов, колоний) осетинами, русскими и представителями других народов в равнинных и предгорных районах Северного Кавказа и в Закавказье происходило в рамках утверждения российской административно-политической системы.

Попытки вернуться на предгорную равнину, полностью контролировавшуюся к рассматриваемому времени кабардинскими князьями, предпринимались неоднократно. Осетинские поселения на равнинных территориях Центрального Кавказа, именовавшихся «Кабардинской степью», были известны еще в первой половине XVIII века, но их было крайне мало. На карте Кабарды 1744 года, составленной Степаном Чичаговым, было обозначено селение Каражаево, заложенное баделятами Каражаевыми, выходцами из горного аула Камат. Капитан русской службы Левегант Штедер, побывавший

в Дигории в 1781 году, называл Каражаево «большим селением», а место его расположения — «удобным и хорошим». «В нем деревянные строения, сады, поля, особенно хороши пастбища и здешний табак, который горцы считают наилучшим»¹. В селении во время своей кавказской экспедиции в 1807-1808 годы побывал и Юлиус Клапрот. Он писал, что жители здесь живут богаче и зажиточнее горцев. «Их урожай обычно так обилен, что они могут продавать большую часть своего хлеба дигорцам, живущим в высоких горах»².

Во второй половине XVIII века к юго-востоку от Каражаево на реке Урсдон возникли два селения Кубатиевых — Кубатиево и Фадау, заложившие основу современного Кора-Урсдона. В первом селении стояли деревянные жилища с огороженными дворами и садами. Во втором среди каменных строений возвышался замок баделят. В этих селениях вместе со своими феодалами жили Галаовы, Гиголаевы, Дедегкаевы, Зиноевы, Кевросовы, Кибизовы, Тавашиевы, Темиряевы, Толасовы. В конце XVIII века сюда же переселились хехесы Марзоевы, Соховы, Царукаевы³.

Представители тагаурской и куртатинской аристократии

В 1787 году в одном из Кубатиевских сел побывал плененный осетинами имеретинский князь Давыдов. Он оставил свидетельство того, как жили в этом селении: «... жительство состоит в 200 домах, там много лесу, также и деревьев барбарисовых, сливовых, шелковичных, рябиновых и виноградных, она состоит на хорошем ровном месте, у которого две речки, где ловятся осетры. Хлеба, дынь, арбузов и прочих зеленых овощей весьма довольно»⁴.

Другим феодальным поселением в предгорной Дигории было селение Дур-Дур. Оно принадлежало семье Тугановых, состоявшей в 1781 году «из семи братьев».⁵ Вместе с баделятами на равнину переселились их подвластные Газдаровы, Гобаевы, Гуларовы, Елбаевы, Золоевы, Казаховы, Керчелаевы, Найфоновы, Савхаловы, Суменовы, Цакоевы. В основном они являлись выселенцами из Гулара и близлежащих сел. В конце XVIII века в Дур-Дур из Лезгорского общества переехали хехесы: Дзахоевы, Колоевы, Мамаевы и другие. По свидетельству Л. Штедера, дур-дурцы «разводят бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака; всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев... У них имеются большие стада, по сравнению с другими горцами они зажиточны, в чем им помогли плодородная почва и хорошее местоположение»⁶.

В конце XVIII века было известно еще одно поселение, принадлежавшее баделятам, — селение Кабаново. Вначале оно было заложено близ реки Урсдон. Оно постоянно пополнялось за счет новых переселенцев из семей зависимых фамилий: Бетрозовых, Гатагоновых, Кабалоевых, Тахуновых, Хекилаевых, Цориевых. Количество дворов росло. Селение перестало вмещаться в прежние границы и со временем было перенесено на новое место близ реки Лескен, в район современного селения Лескен.

Создание поселений на предгорной равнине в XVIII веке было сопряжено с огромным риском для жизни. В любой момент поселенцы могли подвергнуться нападению со стороны абреков, грабителей и прочих банд. Поэтому переселиться на равнину решались только сильные феодальные фамилии, да и те лишь заручившись поддержкой кабардинских князей, контролировавших равнинные территории. Баделята платили кабардинским феодалам за право основать поселение. Так, Кубатиевы купили земли под селения у Таусултановых, Кабановы — у Анзоровых. Жители Кабаново, к тому же, платили кабардинским феодалам с каждого двора по барану. На землях кабардинских князей располагался и Дур-Дур⁷. Неудивительно, что в конце XVIII века количество осетинских равнинных поселений было незначительным, и горцам, по-прежнему замкнутым в горных ущельях и испытывавшим огромную потребность в пригодной для обработки земле, не приходилось в подобных условиях рассчитывать на решение сложнейшего комплекса экономических и социальных вопросов.

Военная администрация, поддерживая переселенческие устремления кавказских и других народов, помимо непосредственной задачи создания сети охранных кордонов, решала проблему формирования социальной базы, которая могла служить опорой в утверждении российских позиций в таком важном с геополитической точки зрения регионе, как Северный Кавказ. Это и определило преимущественно военно-казачий характер создаваемых поселений в обозначенное время.

Еще в правление императрицы Елизаветы Петровны осетинские старшины обращались с просьбой разрешить переселиться на предгорную равнину. Российское самодержавие выражало заинтересованность в создании осетинских равнинных поселений. Но, вынужденное считаться с неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, оно не спешило предпринимать конкретные шаги в данном направлении. Вместе с тем, самодержавие негласно поддерживало устремления осетин, среди которых находились смельчаки, решившиеся, несмотря на отсутствие каких-либо гарантий безопасности, самостоятельно переселиться с гор на равнину.

Со второй половины XVIII века Россия с целью укрепления своих позиций на Северном Кавказе активно использует заинтересованность местного населения в переселении на равнину. В начале 60-х годов XVIII века российская коллегия иностранных дел разработала проект, по которому осетинам отводились земли вдоль русской пограничной линии на Северном Кавказе. Частью этого проекта являлось строительство «осетинской крепости» в урочище Моздок, возведение которой началось в правление Екатерины II.

В привлечении в район Моздока горцев важную роль сыграла Осетинская духовная комиссия. Одним из надежных способов обращения горцев в христианство она считала переселение их на новые земли, ближе к пограничной линии. Начальники комиссии — Пахомий, Григорий, Болгарский, Лебедев — неоднократно ездили в осетинские села и предлагали жителям переселиться на новые земли, убеждая их в преимуществах жизни на равнине.

В 1764 году в Моздоке поселились 200 человек, преимущественно осетин и кабардинцев. Пограничные земли заселялись в основном зависимыми крестьянами. Они по указу 1762 года, поселившись в этом районе и приняв христианскую религию, переходили в категорию «свободных» крестьян. Для поощрения переселенческого движения среди местного населения правительство открыло в Моздоке в 1764 году школу для осетинских детей со стипендией и пансионом.

Создание осетинских поселений в Моздокской степи в начале XIX века. Присоединение Осетии к России ускорило переселение горцев на равнину. Моздокские степи стали одним из основных объектов переселенческих устремлений осетин в отмеченный период. В поисках защиты от постоянных внешних нападений переселенцы предпочитали селиться в тех местах, где уже имелись русские казачьи станицы, военные форпосты и крепости. Так, в конце XVIII — начале XIX века вокруг Моздока рядом с казачьими станицами возникли поселения: Ос-Багатар, Осетинское, хутор Джикаевых и другие⁸. Разумность подобного шага была очевидна, так как, несмотря на распоряжение русских властей об ограждении переселенцев «как российских подданных от всяких утеснений со стороны прочих народов», было крайне пробле-

матично обеспечить их защиту из-за постоянных набегов местных феодалов и абреков.

Переселявшиеся в моздокские степи горцы столкнулись со сложнейшей проблемой — отсутствием воды. В поисках ее приходилось копать колодцы на глубину до 50 метров. Не всегда тяжелый и изнурительный труд десятков людей увенчивался успехом. Человек, выкопавший удачно колодец (цъай), приобретал особый статус, он считался основателем хутора (поселения). Часто в знак признательности его именем называли хутор. Место поселения новоселы именовали «цай», а себя не осетинами, а цайта⁹. На начальных этапах район Моздока особенно активно осваивался выходцами из Дигорского общества, позднее сюда устремились также переселенцы из других осетинских обществ. Здесь закладывалась основа дружественных отношений между русским и осетинским народами.

В 1804 году переселенцами из Дигории на левом берегу Терека в 25 верстах от Моздока в местности «Черный яр» был образован населенный пункт. По названию местности поселение получило имя Черноярск. Сами же жители свое село называли Дзараста. В 1805 году в Черноярском насчитывалось 40 дворов. Первыми поселенцами стали адамихаты, покинувшие родные места (аул Каражаево) в знак протеста против притеснений баделят и их союзников — адыгских князей.

Отказ подчиняться феодалам и оставление обжитых мест ради освоения новых неизвестных земель не обходились без жертв. Основателями селения по преданию считаются братья Кургосовы — капитан Тавсарук и священник Алексей. Они ездили по аулам с агитационными целями, стремясь «подействовать на тех, которые желали переселиться, но не решались». Узнав о роли Кургосовых в уходе крестьян, кабардинские феодалы, союзники баделят, убили братьев¹⁰.

Через шесть лет после основания Черноярского к нему подселились 266 жителей селения Масукау, принадлежавшего баделяту Каражаеву. Жители этого села особенно страдали от своих баделят и их давних союзников князей Кайтукиных. Многие из них, надеясь хоть как-то защититься от притеснений со стороны феодалов, предпочли принять русское подданство. В 1800 году в селении была построена церковь, прикомандирован небольшой отряд казаков. Такого каражаевцам феодалы простить не могли. Поводом к расправе над ними послужило убийство кабардинского князя, пытавшегося увезти крестьянскую девушку. Кабардинцы разгромили церковь, прогнали священника и казаков. Впоследствии виновные в учиненном погроме были наказаны отрядом царских войск, но это еще больше озлобило князей и баделят. После ухода русских масукауцы вынуждены были скрываться в лесу, поручив свое имущество и скот близким и знакомым в соседних селениях. Часть из них бежала в горы к родственникам¹¹.

Масукауцы прожили в лесу семь лет. Когда же они узнали, что русские приглашают селиться в Моздоке, и уже образовалось Черноморское поселение из дигорцев, они обратились за содействием к военному начальству. Весной 1810 года в рапорте главнокомандующему на Кавказе А.П. Тормасову командир 19-й дивизии Булгаков сообщал о притеснениях дигорских крестьян и об их желании «переселиться к кордонной линии Кавказской». Под прикрытием присланных Булгаковым казаков адамихаты «со всем имуществом и скотом» переправились к Прохладненскому карантину. Спустя несколько дней они прибыли в Черноморское.

С черноморцами масукауцы прожили три года, стойко перенося вместе невзгоды неустроенной жизни. Затем, ниже по течению Терека, в трех километрах от Черноморского для масукауцев выделили участок в 12 000 десятин, выкупленный казной у помещика П. Реброва за 10 тыс. рублей. Здесь они и поселились. Адамихатам оказали финансовую помощь для устройства на новом месте, «приобретения леса», скота, лошадей и т.д. «не менее чем от 150 до 200 рублей ассигнациями». Всего на обустройство масукауцев было затрачено 20 676 рублей. Взамен поселенцы обязались нести караульную («казачью») службу на линии. Таким образом, в моздокских степях было основано еще одно осетинское селение, получившее официальное название Новоосетинское, хотя в народе оно называлось Масукау¹².

Некоторое время черноморцы и новоосетинцы существовали автономно. Но в 1824 году была претворена в жизнь идея генерала Ермолова о создании Горского казачьего полка из осетин и кабардинцев. Кроме них вместе с Моздокской горской командой в состав полка вошли жители Луковской и Екатериноградской станиц. С этого времени два осетинских селения были переименованы в станицы Черноморскую и Новоосетинскую. До 1858 года станицы составляли одно общество с одним станичным управлением. Так началось создание военно-казачьих поселений на территории современной Северной Осетии и формирование сословия казаков-осетин.

Пополнение поселений выходцами из Дигории продолжалось в течение трех первых десятилетий XIX века. Постепенно среди станичников появлялись выходцы из других осетинских обществ. Определить точное число переселенцев невозможно. В силу разных обстоятельств многие, обосновавшись на новом месте, меняли фамилии. Примером может служить история Тотиевых из Нарской котловины Алагирского ущелья. Спасаясь от кровной мести, они бежали в Новоосетинскую и здесь после крещения стали именоваться Латышевыми¹³.

В 1837 году в двух станицах проживало более 1200 человек (около 150 дворов). Незначительный прирост населения в этот период объяснялся начавшимся в 1820-1830-е годы активным освоением всей Владикавказской равнины. Пока на этой равнине оставались свободные земли, территориаль-

но ближе расположенные к ущельям, осетины охотнее переселялись туда, нежели в моздокские степи. С конца 30-х годов XIX века многое меняется, так как пригодных для жизни свободных пространств на предгорной равнине оставалось все меньше, и взоры осетин вновь обратились к более отдаленным территориям. В 1850 году в станицах Чернойарской и Новоосетинской насчитывалось 207 дворов, в 1866 — 243, в 1900 году — 533 двора. Кроме этих станиц осетины в разное время основали хутора Тускаев (1837), Елбаев (1840), Гокинаев (1853), Аркалов (1876), Савлаев (1891) и другие населенные пункты¹⁴.

Земли, отведенные осетинским переселенцам в моздокских степях, занимали значительные пространства. Они были пригодны для занятий многими видами сельскохозяйственного производства. Однако успешное экономическое развитие тормозилось под влиянием военно-политических факторов. «Вечно тревожное положение населения, подвергавшегося набегам кабардинских и других князей, уничтожавших посеы и загоны, забиравших имущество и детей, а затем непрерывная военная служба не давали возможности развиться экономической жизни населения»¹⁵. На полевые работы станичники отправлялись только группами: несколько семейств соединялись вместе. А мужчины на случай нападения всегда имели при себе оружие.

Но все-таки с годами жизнь поселенцев налаживалась, становилась более обеспеченной и благоустроенной. «Осетины, — свидетельствовал документ 1826 года, — выведенные по желанию и вышедшие сами собою из гор, живут при городе Моздоке и в двух деревнях Чернойарской и Новоосетинской... Народ сей, сколько был беден при поселении, столько теперь изобилует хлебом и скотом»¹⁶.

Находясь в окружении русских станиц и поселений, казаки-осетины старались сохранить в повседневном быту законы и обычаи, присущие их соплеменникам в горах. В пределах своих станиц они разговаривали на языке предков, и в то же время все население, от мала до велика, знало русский язык. Владение русским языком было жизненно необходимо, поскольку он помогал им общаться с другими народами и чувствовать себя равноправными среди полиэтничного населения Северного Кавказа.

По общему мнению, к началу XX века казаки-осетины Чернойарской и Новоосетинской станиц по своему экономическому и культурному развитию стояли выше своих земляков.

Отличительной особенностью переселенческого движения на протяжении конца XVIII — первой половины XIX века, как отмечалось выше, являлась его военная направленность. Поселения основывались преимущественно вблизи военных укреплений, и поселенцы, помимо хозяйственной деятельности, в первую очередь были призваны выполнять охранные функции. Ярким свидетельством тому являлась история осетинских станиц в районе

Моздока и других селений, основанных на предгорных равнинных землях в 1820-1830-е годы.

В составе Горско-Моздокского казачьего полка осетины-казаки моздокских станиц Чернойарской, Новоосетинской, Курской участвовали в военных операциях во время Кавказской войны. В 1903 году в «Терском сборнике» была опубликована статья об осетинах, жителях станицы Чернойарской. «... Несмотря на все испытания, — писал ее автор З. Сосиев, — население Чернойарской станицы явило замечательный пример жизненности, а службой в рядах Терского казачества казаки-дигорцы, являя замечательные примеры выдающейся доблести, непоколебимой верности присяге и долгу, не только убедили всех в своей благонадежности, но заставили оценить их как воинов, способных сознательно положить жизнь свою за веру и отечество. Два элемента одинаково сильных — казак и горец — слились в казаке ст. Чернойарской. Дигорцы, попавшие в условия казачьей службы, давали примеры воинской неустрашимости, доходившей иногда до героизма, в буквальном смысле этого слова»¹⁶.

Казаки-осетины. Худ. И. Лотиев

Формирование осетинских поселений на Владикавказской равнине в первой половине XIX века. С укреплением внешнеполитических позиций и усилением военно-политического присутствия России на Северном Кавказе началось массовое переселение осетин на предгорные равнины. Процесс, происходивший на протяжении первой половины XIX века, существенно менял границы их прежнего расселения. «Новая географическая среда,

в которой оказалась часть осетинского населения, а также принципиально иное политико-административное устройство предопределили новые пути хозяйственного и социального развития Северной Осетии. Складывавшаяся веками в горных условиях модель хозяйственной и общественной жизни подвергалась глубоким изменениям, что объективно способствовало вовлечению Северной Осетии в общественно-экономический организм Российского государства»¹⁷.

На начальных этапах освоения предгорных территорий Россия, содействуя переселению осетин, нередко шла на сделки с кабардинскими князьями, считавшими равнинные земли своей собственностью. Но опустошительные эпидемии конца XVIII — начала XIX века, а также потеря кабардинскими князьями, перешедшими на сторону Шамиля в ходе Кавказской войны, власти над своими владениями на равнине, вели к тому, что российская военная администрация объявляла земли казенными и передавала их желающим поселиться на новом месте. Поддержка переселенцев со стороны российской администрации этим не ограничивалась. Они получали от правительства денежные ссуды, лесоматериалы для постройки домов и прочее.

Российское правительство активно поощряло осетин, особенно в первой трети XIX века, в их стремлении переселиться на предгорные территории. Оно понимало, что осетины, получив земли на равнине, будут верными подданными России или, по меньшей мере, сохранят лояльность по отношению к ней. Оно рассчитывало также, что благодаря переселению осетин несколько оживится хозяйственная жизнь Северо-Кавказской равнины, что облегчало решение задачи обеспечения продовольствием русской армии на Кавказе. К тому же, легче было контролировать умонастроения людей, вырванных из привычной среды обитания. Таким образом, помогая осетинам реализовать их вековую мечту о земле, Российское государство одновременно обеспечивало закрепление и защиту своих позиций на Кавказе.

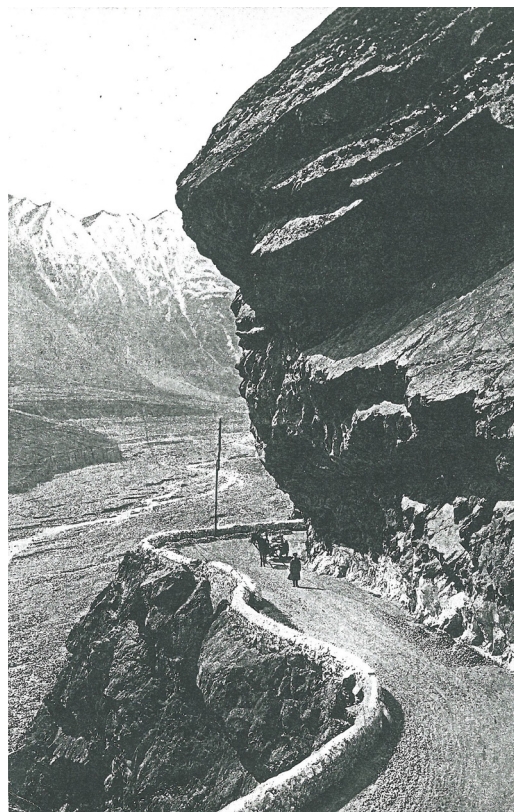
С начала 1820-х годов российская администрация последовательно и целенаправленно занималась проблемой заселения Владикавказской (Осетинской) равнины горцами. 4 сентября 1822 года А.П. Ермоловым был утвержден план переселения жителей из горных ущелий Осетии, составленный по его же поручению комендантом Владикавказской крепости полковником Скворцовым совместно с представителями осетинских обществ. На основании этого плана Тагаурскому обществу отводились земли между Тереком и Майрамадагом, Куртатинскому — между Майрамадагом и рекой Ардон, Алагирскому — Ардонско-Курпское междуречье. Предназначенные для Дигорского общества земли были разделены между феодальными фамилиями: Тугановым отводилась территория от гор до реки Разбун при ее впадении в реку Дур-Дур и по ее левому берегу до хребта Татартупа; Кубатиевым — от реки Дур-Дур до устья реки Белой; проживавшим на реке Урух Пахте Кубатиеву,

Кабановым и Каражаевым — по правому берегу реки Белой до реки Курп. Правобережье Терека еще прежде было отдано тагаурским феодалам Дударовым, которые были привлечены российскими властями к строительству Военно-Грузинской дороги в начале XIX века¹⁸.

В 1820-е годы при содействии российской администрации на Владикавказской равнине возник ряд осетинских поселений: Балтинский хутор, аул около крепости Владикавказ, аулы Кардиу (Козыревых), Есеновых (из Саниба), Зауровых, Теджикау (Мамсуровых и Кундуховых), Дзантиевых (из Какадур). В эти годы жителями Алагирского и Куртатинского ущелий, переселившимися на предгорную равнину, были основаны населенные пункты Суадаг, Верхний и Нижний Кадгарон, Салугардан.

Переселение на равнину носило в целом добровольный характер. Случаев насильственного выселения горцев встречалось немного. Они были связаны в основном с подавлением массовых выступлений против политики российской военной администрации. Так, в 1830 году после карательной экспедиции генерала Абхазова в Тагаурию на равнину насильственно были выведены жители ряда горных селений. Сами аулы «в назидание» были разрушены и сожжены дотла. Жителям селения Чми в качестве нового места жительства определили урочище Карджин на берегу Камбилеевки, для кобанцев — район между Архонским и Ардонским военными укреплениями на берегу Гизельдона. Тогда же возникло поселение Шанаево (современный Брут). Оно состояло из жителей Кани и Тменикау.

В начале XIX века российская администрация приступила к строительству важнейшей коммуникации — Военно-Грузинской дороги, проходившей по правобережью Терека и соединявшей Северный Кавказ и Закавказье. Реализация «проекта Александра пути», составленного главнокомандующим на Кавказе П. Цициановым и имевшего важнейшее военно-стратегическое значение, была

Военно-Грузинская дорога

сопряжена с необходимостью решения многих сопутствовавших проблем. Большой участок дороги проходил через владения Дударовых — одной из самых богатых и влиятельных алдарских фамилий Осетии. Они контролировали вход в Дарьяльское ущелье и считались «полными господами движения, шедшего вдоль Терека». Любой путник, воспользовавшийся этой дорогой, должен был заплатить дань Дударовым.

Обоснованно опасаясь враждебных акций в отношении строительства важной коммуникации, власти искали разные способы договориться с алдарами. В частности, они предложили Дударовым взять на себя строительство и охрану дороги. В 1810 году Инал Дударов, подпоручик российской армии, получил разрешение поселиться с подвластными ему людьми на равнине. Владикавказский комендант И.П. Дельпоццо выделил ему землю на левом берегу Камбилеевки, в двадцати пяти верстах от Владикавказа и в двух верстах севернее Елизаветинского укрепления. Взамен И. Дударов принимал на себя обязательство «оберегать Моздокскую дорогу от Кабардинских гор, с одной стороны, и до Владикавказа, с другой»¹⁹. Кроме того, поселенцы облагались подводной повинностью, то есть они обязаны были обеспечивать подводами проходившие по дороге команды и обозы. Поселение, первоначально составленное из 26 дворов, было названо Иналово в честь его основателя. Среди первых поселенцев были Зиу Агаев, Куркуко Агузов, Лаппу Азиев, Темрук и Басил Албеговы, Дзибирт Ахсаров, Тотраз Байматов, Инал и Азо Бедоевы, Ису, Зеха, Тотраз и Дога Болиевы, Кузи Бугулов, Зибизи Гариев, Курдан Гасиев, Тапсико Гусалов, Айдаруко Зугутов, Айдаруко и Сафараша Итазовы, Саукуз Кадиев, Габис и Ислам Куцаевы, Касай Пацов, Деби и Порци Псхациевы, Бадур и Сосе Салбиевы, Хадо Талинов, Зми и Роче Туаевы, Касил Туккаев, Забо Тхоев, Кавдын Хадарцев, Таба Циноев. Территория поселения составляла 4368 десятин²⁰.

История основания одного из крупнейших населенных пунктов в Осетии — современного города Ардона — относится к 20-м годам XIX века. В 1825 году в низовьях реки Ардон близ военного укрепления, охранявшего Военно-Грузинскую дорогу, было заложено осетинское поселение Ардон.

Разрешение на основание поселения командующий войсками Кавказской линии генерал Г.А. Емануэль выдал служащему военного укрепления Тасо (Петру) Гайтову. «После перенесения в 1825 году с правой на левую сторону реки Терека Военно-Грузинской дороги и укреплений через Большую Кабарду и Екатериноград до Владикавказа, — писал полковник Гайтов в 1854 году в прошении на имя начальника левого крыла Кавказской линии генерала Евдокимова, — единственное тогда укрепление было Ардонское, где я находился при войсках за переводчика. Найдя в 1,5 верстах от Ардонского укрепления удобное, пустопорожнее место, я вознамерился на нем основать аул...

Поселясь там, я устроил аул, который состоял из 4 семейств, моих родственников... Но так как в то время на плоскости не было ни одной души из туземных жителей, которых весьма трудно было пригласить из гор переселяться на плоскость, то я с семейством своим, живя 4 года подвергался большой опасности от набегов хищнических партий, бывших в то время весьма в большом количестве, но, несмотря на опасность, я бодрствовал против врагов России и всеми мерами старался склонить горских жителей селиться на плоскости; между прочим пригласили Амзора, Созрука, Мулдара и Кулаевых...»²¹.

В своем прошении Тасо Гайтов обращался к генералу Евдокимову с просьбой о даровании ему и его детям в вечное пользование земли за услуги, оказанные им правительству при основании поселения Ардон. С подобными прошением о закреплении своих наследственных прав на землю обращались все основатели равнинных поселений в связи с межеванием земель, развернувшимся в 1840—1850-е годы. Закрепление наследственных прав на землю облегчало к тому же решение межевых, трудовых и арендных конфликтов, возникавших со временем как внутри селений, так и между соседними населенными пунктами.

Привлеченные известиями об удобстве земель рядом с Ардонским укреплением для занятий сельскохозяйственным производством за первыми поселенцами вскоре последовали со своими семьями Габис и Баразка Адырхаевы, Баби Баскаев, Курман Бугулов, братья Гайтовы, Цуцки Гудзиев, Гало Джеранов, Сахам Дзугаев, Дудар Доцоев, Баппи Каиров, Хоткар, Кудзи и Гавис Кулаевы, Хамурза Ревазов, Тега Урусов.

На новом месте горцы получили широкое раздолье богатых нетронутых земель и сравнительно безопасные условия их использования благодаря соседству с военным укреплением. За короткое время Ардон стал одним из самых больших селений равнинной Осетии. Через три десятилетия после основания Ардонского аула в нем проживало 250 семейств²².

Своеобразно складывалась судьба одного из крупнейших поселений, основанных тагаурскими феодалами в XIX веке. В 1825 году Сохуг, Осман, Соса, Знаур, Пшемахо, Беслан Тулатовы-Аликовы по разрешению Владикавказского коменданта полковника Скворцова заложили около Владикавказской крепости аул, состоявший из 23 дворов переселенцев — бывших жителей Нижнего Кобана. Аул занимал территорию, на которой в настоящее время располагаются Горнометаллургический техникум, Северо-Осетинский государственный драматический театр и Северо-Осетинское училище искусств. Вместе с Тулатовыми на новое место переселились зависимые от них фамилии: Арчеговы, Атарыевы, Аспиевы, Бериёвы, Браёвы, Галабаёвы, Дзестеловы, Караёвы, Кубаловы, Ногаёвы, Торчиновы²³.

Размеренная и относительно безопасная жизнь рядом с Владикавказской крепостью закончилась в начале 40-х годов XIX века, когда встал вопрос

об отмежевании земель осетинских сел в пользу казачьих станиц. Военная администрация предложила жителям Тулатово переселиться в Кабарду. Тулатовцы решительно отказались оставлять насиженные места.

Между тем, комендант Владикавказа полковник Нестеров в ответ на запрос высшего военного командования на Кавказе писал, что до приобретения земель у кабардинского князя Бековича-Черкасского «нельзя совершенно приступить к переселению от Владикавказа осетин..., потому что во всем вверенном мне округе нет решительно нисколько свободной земли, и всякая квадратная сажень, взятая из теперешнего количества земли, послужила бы большим стеснением и к неудовольствию жителей»²⁴.

В 1846 году российское правительство вновь потребовало немедленно водворить Владикавказскую казачью станицу на западной части крепости на месте Тулатовского аула. Жесткая позиция центральной власти диктовала необходимость скорейшего решения вопроса. Выполняя требования российского правительства, местные власти вынуждены были выделить на правом берегу Терека в 17 верстах севернее крепости часть земель войск Владикавказского гарнизона. Алдарам понравились выделенные земли, и в 1847 году они во главе с прапорщиком Бесланом Тулатовым перебрались на новое место²⁵. Вместе с ними на новые земли пожелали переселиться лишь 27 дворов из 58. Другие, испытав на себе в течение предыдущих двух десятилетий «покровительство и благодеяния» алдаров, отказались следовать за ними. Основания к тому у бывших подневольных от Тулатовых были. Через несколько лет уже на новом месте начались земельные споры между Тулатовыми и зависимыми от них крестьянами. «Живя в одном ауле с Тулатовыми, — писали крестьяне, — мы наравне с ними пользовались землей и всегда предполагали, что никто не будет нас притеснять, но, к несчастью, мы теперь услышали от алдар Тулатовых, что земля отведена только им; они объявили, что не дозволят нам более пользоваться ею». В ответ, ссылаясь на русскую администрацию, Тулатовы заявляли, что земли были дарованы им Российским самодержавием за верную службу «в вечное и потомственное владение», поэтому они вольны распоряжаться ими по своему усмотрению²⁶.

Действительно, Беслан Тулатов пользовался особым расположением военных властей. Долгое время он занимал должность помощника пристава горских народов, был активным проводником всех административных и управленческих мероприятий российской администрации в Осетии. За ним и была закреплена отведенная земля.

Осенью 1853 года к восточной окраине аула Тулатово с разрешения местной администрации переселились из Владикавказа и из Тагаурского ущелья алдары Тхостовы. Инициатором переселения был крупный и влиятельный алдар поручик Гадо Тхостов. Вместе со своими братьями и близки-

ми родственниками Наурузом, Эльзаруко, Цара и Куцыком и с двенадцатью дворами кавдасардов они были заселены на юго-восточной стороне аула. В потомственное владение Тхостовым власти отмежевали 1125 десятин из земель бывшего Елизаветинского укрепления. Дома новых переселенцев на территории аула Тулатово располагались отдельным кварталом, и жители этого квартала претендовали на название — «аул Тхостовых»²⁷. Однако самоназвание не закрепилось. Новопоселенцы изначально воспринимались как часть аула Тулатовых. Более того, наряду с первоначальным названием селения — «Тулатово» — среди жителей закреплялось другое наименование — «Бесланикау». По времени возникновения это поселение явилось последним из осетинских равнинных сел, основанных в первой половине XIX века на правом берегу Терека.

В 1820-е годы на реке Камбилеевке в 12 верстах северо-восточнее крепости Владикавказ был заложен осетинский укрепленный хутор Иры Уатар (Ольгинское). Российская военная администрация на Кавказе являлась инициатором основания поселения и активно содействовала его укреплению. Она предполагала использовать его для охраны Военно-Грузинской дороги. Первое население хутора составили 15 дворов Осетинского форштадта Владикавказа. В 1859-1860-е годы сюда переселились также 68 семей из Осетинской слободки. Новое пополнение извне произошло в 1864 году, когда в результате перераспределения равнинных земель изменилось местоположение некоторых осетинских сел.

Земли левобережья реки Камбилеевки были богаты сочными травами, что в первые годы жизни поселенцев благоприятствовало развитию скотоводства, особенно овцеводства. Со временем все большее распространение получали посевы кукурузы, дававшей богатые урожаи. Последовавшее вслед за этим сокращение размеров пастбищ привело к уменьшению доли овцеводства в структуре хозяйственных занятий жителей Ольгинского.

Своеобразна история осетинского равнинного селения Гизель. В отличие от других алдарских сел, в его основании участвовали сразу несколько алдарских фамилий из Тагаурского ущелья: Алдатовы, Кануковы, Кундуховы и Мамсуровы. На протяжении 1820-х — 1830-х годов тагаурские алдары вместе со своими подневольными крестьянами селились вдоль реки Гизельдон.

Первым на Гизельдоне появился аул прапорщика Османа Мамсурова, основанный в 1818 году и располагавшийся на левом берегу реки в районе дороги Кобан-Владикавказ. Первые жители аула, составившие 24 двора, являлись выходцами из Даргавса. Южнее Османова аула компактно располагались еще три: Зоров — аул Темболата Алдатова, Жегов — аул Тега Кундухова и Дуда Мамсурова, а также аул Аслангирея Мамсурова. Эти аулы были заложены в 1823 году выходцами из селений Верхняя и Нижняя Саниба, Даргавс,

Какадур, Кани, Генал, Тменикау. В 1847 году в трех аулах насчитывалось 86 дворов. Им принадлежало 5725 десятин земли. Среди первых жителей были Гудиевы, Ходовы, Томаевы, Накусовы, Цаллаговы, Бекузаровы, Дадановы, Доевы, Моргоевы, Гутиевы, Хадиковы, Ногаевы и другие²⁸.

В 1824 году на правом берегу Гизельдона в полутора верстах севернее Османова аула кобанским старшиной Бета Кануковым было основано еще одно селение. В нем поселились 17 семейств из Даргавса и Верхней Кобани. В 1850 году в селении проживало уже 49 дворов. Почти одновременно напротив селения Бета Канукова появилось другое — поселение Алимурзы Канукова. Вместе с ним на равнину из Верхнего Кобана пришли Биджеловы, Дзуцевы, Татровы, Дзерановы, Хадзараговы, Слановы, Кантемировы, Бутаевы, Бибоевы, составившие 13 дворов. Севернее находился аул Кундухова, включавший бывших жителей Верхней Санибы: Бероевых, Бзаровых, Доевых, Кастуевых, Мильдзиховых, Бигаевых, Губиевых, Хадиковых — всего 23 семейства.

В 1824 году в 2-3 верстах севернее аула Бета Канукова заложили свое поселение выходцы из горного Какадура. Когда осенью того же года к ним решили примкнуть алдары Хатахсико Жантиев, Базр Мамсуров и Хатахсико Кануков, жители равнинного Какадура отказались принять их из боязни вторично попасть в зависимость от этих феодалов.

В 1830-е годы новых осетинских поселений на Гизельдоне не появлялось, и поощряемые местной администрацией к переселению выходцы из горных аулов вливались в существовавшие селения. Земля, обрабатываемая жителями гизельских аулов, достигала 10669 десятин²⁹.

В подобном виде поселения просуществовали до второй половины 1850-х годов.

История осетинских равнинных селений, основанных в первой трети XIX века, ярко иллюстрирует динамику развития отношений между знатью и крестьянами в процессе освоения новых территорий. Как правило, возглавлявшие переселение феодалы обещали горцам совместное владение и коллективную обработку земли. Горцы верили обещаниям. Они полагали, что переселяются на казенные земли и, следовательно, никаких обязательств перед феодалами нести не будут. Но, по мере укрепления позиций на новом месте, знать распространяла свои права даже на те земли, на которые раньше не претендовала, и которые ей не принадлежали. Она объявляла их своей собственностью, облагала крестьян повинностями и заставляла платить подати за пользование землею. Подобное развитие событий вызывало резкое противодействие со стороны жителей равнинных сел.

В 1830-1840-е годы острота социальных противоречий на почве феодальных устремлений знати, особенно в Дигории и Тагаурии, достигла своего накала.

Ярким примером противостояния алдаров и крестьян являлась история селения Иналово (ныне Хумалаг). Несмотря на трудности и опасности жизни на новом месте, число жителей селения быстро росло. В течение 40 лет с гор переселились семьи Битаровых, Бугуловых, Галазовых, Зангиевых, Козыревых. В 1850 году в селении насчитывалось уже 77 дворов. В 1853 году к ним присоединились выходцы из Беслана: Амбаловы, Габолаевы, Гутиевы, Дамзовы, Ходовы и другие, составившие 11 дворов. Среди новых переселенцев было немало крепких, самостоятельных хозяев, не плативших алдару никаких налогов. Этот пример оказался заразительным для остальных. И, начиная с 1830-х годов, особенно после смерти Инала Дударова, ясно обозначалось стремление крестьян выйти из зависимости от алдара.

На протяжении двух десятилетий между крестьянами, не желавшими исполнять повинности и платить подати Дударовым, и алдарами, стремившимися сохранить привилегии и утвердить свою власть над жителями селения, противостояние только усиливалось. Местная администрация долго не предпринимала никаких мер к решению проблемы, предоставляя Дударовым и жителям селения право «разбираться самим». Однако непримиримая вражда сторон приобретала все более ожесточенный характер, выливаясь в кровавые столкновения. В прошении от 30 июня 1851 года председателю сословного комитета барону Вревскому крестьяне писали, что «живут в беспрерывной тяжбе и ссоре за землю с детьми алдара Инала Дударова, во избежание того, дабы впоследствии не произошли какие-либо вредные закону противные дела, мы желаем... иметь отдельный аул от алдар этих»³⁰.

Крестьянский бунт. Худ. М.С. Туганов

Подобно жителям Иналово, фарсаглаги Карджина, Габисово и других равнинных аулов не раз вступали в вооруженные схватки с алдарами. В 1840 году скудкохцы и батакоюртовцы едва не убили Муссу Кундухова и его братьев. В споре алагирцев с Кубатиевыми за землю «Кивон» в перестрелке был смертельно ранен Мисост Кубатиев, одинаково ненавистный алагирским и дигорским крестьянам. В сложившейся ситуации власти не могли уже игнорировать проблему противостояния знати и крестьян.

В конце 1846 года под председательством коменданта Владикавказа П.П. Нестерова была создана комиссия по разбору личных и поземельных прав жителей Тагаурского общества. Составленный комиссией план был утвержден российской администрацией в 1850 году. Он предполагал расселить жителей равнинных сел по сословному признаку. «Чтобы успокоить сословия, — отмечалось в документе, — нет другого средства, как поселять фарсаглагов отдельно от алдар»³¹.

Принимая это решение, комиссия одновременно преследовала и другие цели. Реализация плана Нестерова вела к ослаблению экономической базы феодалов, лишая их традиционных источников доходов, и делала более зависимыми от российской власти. Своим планом комиссия Нестерова завоевывала симпатии крестьян, так как выводила их из сферы влияния знати и освобождала от феодальных притеснений. Наконец, посредством осуществления этого плана предполагалось ликвидировать один из постоянных источников социальной напряженности в северокавказском регионе, охваченном войной.

Идеи комиссии Нестерова получили дальнейшее развитие в деятельности комитета по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа, работавшего под председательством начальника округа генерала Вревского с 1850 по 1857 годы. Одним из важнейших шагов комитета, направленных на разрешение земельных споров, стало принятие решения об основании отдельных поселений для феодалов (алдар и баделят) и крестьян (фарсаглагов и кавдасардов). Комитет утвердил также положение об отдельном поселении христиан и мусульман. Реализация намеченных задач осуществлялась в русле широкомасштабной программы межевания земель в пользу казачьих станиц*, предпринятой в 1840-1850-е годы и предусматривавшей переселение осетинских равнинных поселений с левобережья на правый берег Терека.

Согласно намерению руководителей комитета, все алдары Дударовы должны были поселиться в ауле Габиса Дударова (Габисово), Кундуховы — в Скуд-Кохе, Тулатовы и Тхостовы — в Беслане, Алдатовы, Кануковы, Мамсур-

* В результате реализации этой программы казачьим станицам передавались на Владикавказской равнине 52 тысячи десятин.

вы, Тугановы и Шанаевы — в ауле Шанаево и на реке Гизель. Для фарсаглагов-христиан были намечены аулы Батакоюрт, Карджин, Иналово и Дарг-Кох, для фарсаглагов-мусульман — Заманкул и Эльхотово.

Однако в ходе выполнения решений комитета Вревского и расселения феодалов и крестьян возникли серьезные затруднения. Дударовы не захотели переселиться в указанный им аул, и в 1855 году власти удовлетворили их просьбу и разрешили обосноваться в Карджине. Одновременно оттуда были выведены фарсаглаги. Часть крестьян, исповедовавшая мусульманство, вместе с жителями близлежащих сел в том же году была поселена в ауле Габисово.

Пригодных для обработки земель на новом месте было совершенно недостаточно. Жители Габисово прикладывали огромные усилия в культивировании заросшего кустарником и местами заболоченного левобережья Камбилеевки. На сельском сходе они приняли решение о переименовании аула. Новое название было навеяно своеобразием окружающего ландшафта. В месте расположения села русло реки Камбилеевки часто петляет, и вода совершает круговое движение в виде полузамкнутой кривой. Эта особенность течения реки и натолкнула поселенцев на мысль назвать село Зилги («вращающийся, движущийся по кругу»).

Предполагаемое выселение с намеченных земель нескольких тысяч человек вызывало естественное сопротивление со стороны населения. Хотя жители этих сел не так давно обосновались на предгорной равнине, но они успели построить жилища, наладить хозяйство, привыкнуть к новому месту обитания. Стремясь избежать вооруженных столкновений и других проявлений неповиновения, власти часто прибегали к испытанному методу подкупа осетинских социальных верхов: «чтобы избегнуть неудовольствия и ропота, дать каждому из старшин переселяющихся аулов постоянное денежное содержание» от 20 до 40 рублей, «смотря по расстоянию» предполагаемого переселения³².

В конце 1830 — начале 1840-х годов отдельные влиятельные феодальные фамилии получили крупные земельные участки на южном склоне Кабардинского хребта, в Малой Кабарде. Среди них были некоторые представители фамилий Мамсуровых, Кануковых, Есеновых, Тулатовых. В 1839 году отцу ротмистра Муссы Кундухова Алхасту по распоряжению наместника на Кавказе на южном склоне Кабардинской возвышенности, в урочище «Скуд-Кох» (в районе современного с. Раздзог), было выделено 4800 десятин в расчете на обоснование в течение 10 лет 80 дворов, в том числе фарсаглагов³³.

Весной этого же года Кундуховы вместе с кавдасардами в количестве 11 дворов покинули свой аул на реке Гизельдон и обосновались на правом берегу Терека. Но обещание Кундуховых принимать на выделенных им землях новых поселенцев, тем более свободных крестьян, исполнялось крайне не-

охотно. Лишь в начале 1850 года волевым распоряжением владикавказского коменданта в Скуд-Кохе поселили несколько десятков семей фарсаглагов. Число жителей достигло 45 дворов.

В 1841 году на реке Камбилеевка «в местечке, называемом Дарг-Кох, между деревнями Карджином и Заманкулом» поселился тагаурский старшина Хатахико Жантиев. Как следовало из рапорта владикавказского коменданта полковника Широкова на имя высшего кавказского начальства, Жантиев переселился из Какадура «с 28 дворами в числе 196 душ обоего пола еще в марте месяце». Вместе с ним на новом месте обосновались Савги Амбалов, Тотраз Гудиев, Елбиздико Камарзаев, Куку и Ельмурза Дудиевы, Батраз и Дзандар Кулиевы, Берд и Токас Кумалаговы, Бапин, Зикут, Тасбизор, Инус, Савлох, Кабар Уртаевы, Бапин Хабалов и другие. В 1850 году в Дарг-Кохе в 49 дворах проживало 389 человек. Спустя пять лет сюда переселились жители селения Тасолтана Дударова из Реданта, и число даргкохцев почти удвоилось. К этому времени в селении насчитывалось уже 89 дворов, из них 77 принадлежали фарсаглагам, 12 — кавдасардам.

Основателями селения Батакоюрт также являлись переселенцы из левобережных равнинных сел. Они состояли исключительно из фарсаглагов, которые в большинстве своем находились на русской службе. В 1844 году переселенцы во главе с прапорщиком Бада Кадиевым основали на самой восточной окраине Осетинской равнины рядом с аулом Муссы Кундухова новое селение.

Отношения батакоюртовцев изначально не складывались с ближайшими соседями. Власти, переселив фарсаглагов на новое место, не позаботились о наделении их достаточным количеством земли и четком размежевании границ между двумя населенными пунктами. Поэтому ссоры батакоюртовцев с Кундуховыми по поводу земли нередко перерастали в вооруженные конфликты. В 1851 году ротмистр Идрис Кундухов несколько раз жаловался коменданту Владикавказа, что жители Батакоюрта самовольно захватывают его земли и угрожают ему оружием. Натянутые отношения продолжали существовать между жителями двух сел вплоть до 1865 года, когда Мусса Кундухов с семьей переселился в Турцию. После его отъезда часть принадлежавших ему земель была отрезана жителям Батакоюрта, в котором к этому времени насчитывалось уже 170 дворов³⁴.

История создания многих осетинских равнинных поселений в первой половине XIX века была связана с известными алдарскими и баделятскими фамилиями. Но еще в конце XVIII — начале XIX века некоторые фарсаглаги и кавдасарды также предпринимали самостоятельные попытки основать на равнине исключительно крестьянские села, свободные от притязаний феодалов.

Одним из подобных примеров являлось поселение, заложенное в 1818 году в урочище Кардиусар богатой и многочисленной фамилией Козровых

(Козыревых) вместе с не менее состоятельными фамилиями Кусовых и Фидаровых. Разрешение на владение землей было выдано самим А.П. Ермоловым.

Жизнь на новом месте оказалась чрезвычайно опасной. За пятнадцать лет существования поселения крестьяне отразили множество нападений разных банд. Козровым удалось даже захватить знаменитого абрека Хаджи-Кула Анзорова. Но и сами поселенцы несли большие потери убитыми, ранеными, взятыми в плен. По собственным оценкам, в течение нескольких лет они потеряли около 3000 голов скота, более 6000 стогов сена³⁵. В конце 1840 — начале 1850-х годов в связи с межеванием земель в пользу казачьих станиц началось расселение кардиусарцев. Часть жителей вернулась в горы, другие расселились по равнинным селениям³⁶.

Не все крестьянские поселения обладали достаточными силами, чтобы противостоять грабительскому натиску осетинских и соседних владельцев. Даже зажиточные фамилии, которые, казалось бы, имели все необходимые материальные и людские ресурсы для обоснования на новом месте, не могли рассчитывать на безопасную жизнь и были вынуждены возвращаться в горы. Но с ростом российского военно-политического присутствия на Северном Кавказе, особенно в 30-е годы XIX века, ситуация стала меняться в пользу крестьянских поселений.

На протяжении конца XVIII — первой трети XIX века осетинская знать не всегда являлась последовательным и удобным политическим партнером для российской администрации. Она нередко в открытом противоборстве защищала унаследованные привилегии. Между тем, российская администрация для укрепления своих позиций на Кавказе нуждалась в надежной социальной опоре. Одним из каналов распространения своего влияния она избрала свободных и состоятельных крестьян. В 1820-1830-е годы администрация стала активно поддерживать их в стремлении переселиться на предгорную равнину. Поощряя переселенцев, российское правительство обещало навечно закрепить за ними земли, которые они освоят. Горцы, как и прежде, связывали с равниной надежду на лучшую жизнь, поэтому некоторые откликнулись на призыв военной администрации.

Селение Заманкул стало одним из первых равнинных осетинских крестьянских поселений. Существует предание, что осетины впервые обосновались в местности Заманкул еще в XVIII веке. Российское правительство предложило им поселиться на южном склоне Малокабардинского хребта. Земля эта, находившаяся на перекрестке торговых путей между Кавказом и Россией, отдавалась с условием, что горцы будут охранять от «хищнических шаек» строительство Потемкинского редута, начатое в 1782 году.

Для хозяйственной деятельности выделенная земля была практически непригодной. Она не могла привлечь и с точки зрения личной безопасности. Но земельный голод и большая плотность населения в горах вынуждали се-

литься даже в опасных для жизни местах, окруженных дремучими лесами, холмами и болотами и малопригодных для жизнедеятельности. Подобным местом являлся Заманкул («Яман-кул» в переводе с ногайского языка означало «плохое болото»). Здесь у источника Доны-сары-дон обосновались первые жители и назвали свое поселение Арыхъ (лощина). Под этим названием оно было известно почти до 40-х годов XIX века. Склон был покрыт дремучим лесом, а внизу, в котловинах — болота, топи с непроходимым в рост верхового камышом, с царством диких зверей, слепней, комаров, ос. Для спасения скота и людей от насекомых днем и ночью первопоселенцы вынуждены были разводить дымчатый огонь из валежника и кизяка. Отсутствовала и пригодная для пахоты земля. Единственным преимуществом выбранного для поселения места являлось нахождение его на перекрестке торговых путей. Но это обстоятельство одновременно еще более усложняло жизнь поселенцев. «Хищнические шайки» постоянно нападали на проходившие из Моздока и обратно обозы. Жертвами этих нападений часто становились и арыкцы, несшие охрану дороги.

Тем не менее, люди в этой местности продолжали жить. Как следует из «Рапорта Его императорского величества: По истории заселения плоскостной части Северной Осетии, постройке Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дороги» от 26 февраля 1803 года, в Заманкуле насчитывалось 26 дворов. В них проживало 129 «душ обоюбого пола из тагаурского народа». Среди первых поселенцев значились Кавтарты, Мрикаты, Гобаты, Мржаты, Кашан³⁷.

Следующая страница в истории местности Заманкул связана с именем прапорщика Берда Кусова, служившего в русской армии. В 1835 году он обратился к исполнявшему обязанности коменданта Владикавказа подполковнику Курилову с просьбой дать разрешение переселиться в урочище Заманкул.

Осенью того же года в урочище появились первые шалаши и землянки поселенцев. Вместе с Бердом Кусовым на новом месте поселились его братья Тего и Заурбек, а также ближайшие родственники из фамилий Кусовых, Козровых и Дзгоевых. Эти фамилии принадлежали к наиболее зажиточным слоям крестьян Тагаурского общества. Они владели большими табунами лошадей, крупного рогатого скота, отарами овец и денежными суммами. К примеру, Берд Кусов на имя своих сыновей Пшенako и Заурбека положил в Сохранную казну в Москве 3165 рублей. После его гибели за заслуги отца перед правительством на имя его детей было положено в Сохранную казну 1000 рублей серебром. По тем временам это были немалые деньги, если учесть, что баран стоил 1 рубль, а корова — 10 рублей³⁸.

Многие из фамилий Кусовых, Козровых и Дзгоевых служили в русской армии. Но и тем жителям Заманкула, которые не поступали на военную службу, предоставлялась возможность проявить себя, ибо жизнь на новом месте была полна опасностей.

«Занятие Бердом Кусовым этого места сильно беспокоило родственников моих, — писал в 1852 году племянник Берда — Заурбек Кусов — переводчик комитета по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа. — Бандиты постоянно делали нападения на новый аул Кусово, состоящий из нескольких дворов. Угоняли табуны, убивали, что вынудило Кусовых выставлять дневные пикеты и ночные секреты». Однако сил не хватало, и через полгода после основания села, весной 1836 года Кусовы пригласили в Заманкул жителей из Верхней и Нижней Санибы, Кани, Ламардона, Геналдона и других горных аулов. На равнину перебрались семьи Цомартовых, Чеджемовых, Хосоновых. Среди первых жителей Заманкула были также Каттуз и Агги Болиевы, Кази Алибеков, Мысырби Кулиберов³⁹. Всем им Берд Кусов выдавал «расписки», в которых фиксировались «права и обязанности» сторон. «...Мы должны жить согласно и мирно, не делая друг другу обид, и равно должны защищать... свою землю усердно... давая знать о всяком хищническом намерении ближайшему начальству... обязуюсь: не отягощать их ничем, как они есть вольные люди, то не брать с них податей и налогов и никогда не признавать их нашими подвластными; в том и подписываюсь. Старшина — прапорщик Берд Кусов»⁴⁰. Следует заметить, что дети Кусова не сдержали отцовского обещания. Впрочем, так же поступали и другие основатели равнинных поселений.

Количество жителей Заманкула быстро росло. Если в год основания в селении насчитывалось всего 16 дворов, то в 1853 году их было уже 83 двора⁴¹.

Среди первых равнинных осетинских селений особое место занимает Эльхотово, расположенное в районе святилища Татартуп. Решающую роль в основании этого поселения сыграло стратегически важное положение местности. Еще в 1775 году астраханский губернатор П.И. Кречетников направил Екатерине II проект освоения степного Предкавказья. В районе Татартупа он предложил заложить город и заселить его русскими и осетинами. «Находясь в центре Кавказа, — отмечал П.И. Кречетников, — он обезопасил бы дорогу из Кабарды в Грузию и способствовал бы установлению контроля над этими территориями».

В 1782 году правительство приступило к возведению военного укрепления на левом берегу Терека, недалеко от Татартупа. Осетины знали о строительстве с первых дней. В декабре 1782 года старшины Алегука Цаликов, Соломон Гуриев, часть жителей Алагирского, Нарского, Закинского и Тагаурского ущелий обратились с прошением к командующему Моздокской военной линией генерал-поручику П.С. Потемкину «позволить поселиться в Татартупе и жительство иметь». Такую же просьбу высказали и жители Дигорского ущелья. Просьбы горцев были удовлетворены. Уже в 1784 году в Потемкинском насчитывалось более полусотни дворов⁴². Осетины составляли его основное население. Однако через пять лет под давлением Турции Россия была вы-

нуждена вывести гарнизоны из Владикавказа и Потемкинского, а сами укрепления уничтожить.

К идее основания поселения в районе Татартупа вновь вернулись в 30-е годы XIX века. Генерал Розен, стремясь обезопасить подходы к Кавказской линии, предложил правый берег Терека «занять осетинскими и другими горскими поселениями, расположив оные двойной цепью аулов»⁴⁴.

Он обратился к военному министру А.И. Чернышову с планом основания Елхота на землях, принадлежавших кабардинскому князю Таусултанову, которые, как он писал, можно выкупить «за разумную цену». Ельхотово должно было стать новым форпостом, призванным охранять Военно-Грузинскую дорогу «от набегов хищников»⁴⁴. План был одобрен императором Николаем I.

Но подобное развитие событий вызвало резкое неприятие другого кабардинского князя Бековича-Черкасского, заявившего о намерении самому купить эти земли и заселить их соплеменниками, которые будут выполнять охранные функции. В конце концов было принято компромиссное решение отдать одну часть земель Бековичу-Черкасскому, а на другой — основать осетинское поселение.

По преданию, место для поселения было определено Николаем I. Возвращаясь в 1837 году из Закавказья, он остановился у Татартупа и приказал заложить на этом месте поселение с 60 дворами. Повеление императора было исполнено. В 1839 году командир Кавказского корпуса генерал Головин сообщал военному министру Чернышову, что в прошедшем году в урочище Елхот переселились 88 семей⁴⁵.

Земля передавалась поселенцам в вечное пользование. Российская военная администрация пыталась таким образом привлечь и закрепить жителей на новом месте, таившем немало опасностей. Новоселы обосновались в трех километрах восточнее современного Ельхотово на опушке леса у небольшой речки Харистидон. Однако вода оказалась непригодной для питья. Люди стали болеть. И тогда поселенцы «решили оставить это гиблое место. Ельхотовцы снялись и перебрались на поле напротив Джулата на правый берег Терека»⁴⁶. Первую группу поселенцев возглавлял Берд Кусов — основатель Заманкула. Помимо него среди основателей селения были братья Багияевы, Кубаловы, Мильдзиховы, Рубаевы, Салбиевы, Чеджемовы, а также Кавдын Доев, Тучи Едзоев, Гена Есенов, Доче Завитов, Темурко Кусов, Дота Карсанов и другие. В большинстве своем они являлись выходцами из алдарских аулов, расположенных «на равнинах Карджина и Камбилеевки». Были переселенцы и из других районов. В списке жителей Алагиро-Мамисонского участка, назначенных в Ельхотовский аул, значились следующие семейства магометан: Габиса, Баразга, Ахмата Адырхаевых, Макара Бесаева, Бока Гочиева, Инагора Дзесова, Ноха и Тамбия Дзугаева, Умара Дзулаева, Эльмурзы Карсанова, Сакло и Бизи Козырева, Эльзаруко Макеева, Асахмета Рамонова, Безды Ревазова,

Тага Сохова, Теко и Эльбруса Урусовых⁴⁷. Военная администрация с вниманием относилась к вопросу о выборе будущих жителей Эльхотова, учитывая их благонадежность и готовность защищать интересы России в регионе.

Условия обитания первых поселенцев, как и в других поселениях, создаваемых на Владикавказской равнине, были сопряжены с большим риском для жизни. Мужчины, где бы они ни находились: в поле, в лесу, в доме, практически не расставались с оружием. Они должны были защищаться от постоянных набегов абреков, убивавших мирных жителей, угонявших скот, воровавших детей. Они защищали и казачьи станицы, расположенные на левом берегу Терека. Мужество жителей Эльхотова в противостоянии с противником неоднократно отмечалось представителями российской военной администрации.

Эльхотовцам приходилось обороняться не только от абреков. С самого основания селения не складывались мирные отношения с кабардинскими феодалами. Периодически вспыхивали ссоры между эльхотовцами и Таусу-

*Осетин в полном
вооружении и походной одежде.
Худ. М.С.Туганов*

тановыми. Часто они перерастали в вооруженные столкновения. Причиной незатухающего конфликта, как обычно в подобных случаях, являлись земельные споры.

В 1839 году была предпринята попытка уладить конфликтную ситуацию между противоборствующими сторонами. С этой целью из штаба Кавказского корпуса командировали подполковника Л.В. Россильон. Он определил границы угодий аула, которые составили 8634 десятины 1159 сажень. Однако Россильон был гостем кабардинских князей, и эльхотовцы не получили ни плана, ни акта на землю. Жителям села не выдали документы и при повторном межевании, проведенном в 1842 году. Сложившаяся ситуация неизбежно провоцировала новые столкновения⁴⁸. В конце концов, незатухающие земельные споры эльхотовцев с кабардинцами Баракова аула, отстоявшего на расстоянии 16 верст, заставили военное

командование предпринять конкретные меры по разрешению конфликта. 28 мая 1843 года штабс-капитану Кабардинского егерского полка Горшкову было направлено предписание Командующего войсками Кавказской линии и Черноморья. В документе подчеркивалось: «Эльхотовцы переселились не по собственному желанию, но по распоряжению Начальства для обеспече-

ния от набегов хищников Военно-Грузинской дороги, я считаю по этим причинам справедливым отмежевание им земли отнести на счет правительства и в том входим с представлением к Корпусному командиру»⁴⁹.

Эльхотовцы являлись мусульманами по своему вероисповеданию. Существуют свидетельства того, что новопоселенцы изначально исповедовали мусульманство. Однако среди жителей села бытует также предание о том, как они приняли мусульманскую веру. Разбойные нападения абреков и феодалов на поселение не прекращались. Эльхотовцам, жившим по соседству с мусульманскими селами, было крайне сложно в одиночку противостоять постоянным набегам кабардинских феодалов, грабившим одинаково «как гяуров, так и приверженцев ислама». Тогда ... эльхотовцы, тщательно взвесив все за и против, собрались однажды и сказали: «Известно ведь, что селения Малой Кабарды, соседи наши, готовы вместе с нами отражать нападения разбойничьих банд, что это им даже предписано правительством, но они никогда не встанут с нами плечом к плечу по той причине, что мы люди другой веры. Религия запрещает им осквернять себя прикосновением ко всему, чем окружен православный. Не лучше ли во имя объединения против банд принять и нам мусульманство?».

И построили эльхотовцы в селе мечеть, выписали муллу из Кабарды и открыли мусульманскую школу — медресе для обучения грамоте детей. Осетины и кабардинцы стали объединяться в борьбе с «разбойниками», заводили друзей и названных братьев в соседнем народе и даже родниться с ним⁵⁰.

Эльхотовцы жили в мире и согласии с русскими поселенцами. Они охраняли Военно-Грузинскую дорогу в плоскостной ее части и участвовали в экспедициях Кавказского корпуса. Обо всем этом знали мюриды Шамиля, когда в 1846 году они появились у Татартупа. Но, поскольку жители Эльхотова исповедовали мусульманство, мюриды рассчитывали привлечь их на свою сторону как единоверцев. Они потребовали: или вы с нами, или вас уничтожат. Эльхотовцы не приняли ультиматума мюридов. Началось сражение, в результате которого село было сожжено. Население вынуждено было уйти в лес, но осталось непокоренным. Мужество жителей селения в этом сражении отметили все горцы Кавказа. Кабардинцы уважительно называли Эльхотова Емлик куаза (Непокоренное село)⁵¹.

Военное командование оценило преданность жителей села, которые, по их же собственному выражению, «верою и правдою» оберегали «пределы русские, как по долгу присяги, так и по собственному своему убеждению...». В 1849 году по просьбе эльхотовцев и на основании «исчисления заслуг, оказанных жителями этого аула Правительству», кавказское командование разрешило эльхотовцам поступать на службу в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон и состоять в «собственном Его Величества конвое и при особе генерал-адъютанта князя Воронцова»⁵².

Барон И.А. Вревский

С годами трудности и невзгоды становления села уходили в прошлое. Мирная жизнь налаживалась.

Расселение осетинских сел по признаку религиозной принадлежности. Острота социального противостояния между разными сословиями осетинского общества в середине XIX века вынуждала власти принимать меры не только к ограничению стихийного оттока из гор, но и к расселению жителей уже существовавших равнинных поселений. Еще в самом начале 1850-х годов возглавляемый И.А. Вревским комитет по разбору лич-

ных и поземельных прав жителей Влади-

кавказского округа признал целесообразным разделять жителей равнинных сел не только по сословному признаку, но и создавать отдельные поселения для мусульман и христиан. При распределении казенных земель, объявленных таковыми русским правительством после вытеснения с Владикавказской равнины про-турецки настроенных кабардинских князей, власти стали четко разграничивать население по религиозному признаку. Причем лучшие земли отводились осетинам, принимавшим православную веру.

Российское правительство исходило из представления о том, что проведение подобной политики ограждало христианское население от «рenegатства» («совращения в мусульманство») и тем самым сужало ареал распространения ислама⁵³. В 1865 году действовавшая сословно-поземельная комиссия утвердила положение об отдельном поселении христиан и мусульман. Этот принцип был реализован еще в 1852 году по итогам работы отмеченного выше комитета Вревского по разбору личных и поземельных прав в Дигории. Тогда были заложены два крупнейших равнинных дигорских поселения Вольно-Христиановское и Вольно-Магометановское.

Основанию этих крестьянских сел в середине XIX века предшествовало напряженное противостояние дигорских бадеят и крестьян. В 1850 году по предписанию Высшего кавказского начальства начальник Центра Кавказской линии князь Эристов представил наместнику на Кавказе князю Воронцову «докладную записку» о положении в Дигории. Это был проект решения сословно-поземельного вопроса в равнинной части Дигории. Для реализации проекта в следующем году было осуществлено межевание равнинных земель.

Фамилии Кубатиевых было отмежевано в «вечное» пользование 3000 десятин. Тугановым земля в размере 19 790 десятин была пожалована еще в

1837 году императором Николаем I. Ко времени межевания у них осталось 13 504 десятины, так как 6286 десятин было выкуплено обратно за 43 тыс. рублей серебром для казачьей станицы Николаевской.

Для крестьян отводились 9,6 тыс. десятин. Было принято решение отдать их на общинных началах адамихатам, «отведя особые участки для христиан и особые для мусульман, с поселением их отдельными новыми аулами». «Христианам, коих всех вместе 654 души мужского пола с теми, что в ауле Дур-Дур — 5000 десятин, магометанам, которых всех вместе 109 семейств — 4633 десятины»⁵⁴. По предписанию М.С. Воронцова, выделение участков под будущие села проходило под личным руководством начальника Центра Кавказской линии князя Эристова.

Ранней весной 1852 года Эристов прибыл в Осетию и в сопровождении пристава дигорских народов войскового старшины Гайтова и помощника штабс-капитана Абисалова отправился в Дигорию. Место для поселения жителей-христиан выбрали на левом берегу реки Урсдон в самом центре равнинной Дигории. Уже в августе-сентябре 1852 года на новом месте обосновались первые жители. Это были подвластные Тугановым крестьяне из селения Дур-Дур и небольшого предгорного аула Кусхо-Майхо. В новом селении, получившем официальное название — Вольно-Христиановское (позднее оно было переименовано в Ново-Христиановское), поселилось 260 семейств. Среди них были фамилии Акоевых, Газдаровых, Гардановых, Дзагуровых, Золоевых, Корнаевых, Тогоевых и многих других. В 1859 году в Вольно-Христиановском насчитывалось уже 280 дворов, а в 1866 — более 350. В эти годы селение пополнялось в основном переселенцами из кубатиевских аулов: Абаевыми, Абиевыми, Гостиевыми, Кибизовыми, Собиевыми, Тавасиевыми, Уруймаговыми, Цаголовыми.

Христиановское в 1852-1874-е годы представляло собой большую деревню, разбитую на кварталы по признакам родства. Каждый хозяин обновил свой двор плетнем на жердях из дуба или бузины. Отдельные домохозяева ставили ограду из досок на дубовых столбах. Все дома были крыты соломой и стояли среди усадьбы фасадом на восток. Перед домом огород или ветвистый столб, ствол или сруб дерева для сушки кукурузных кочанов. Вдоль улицы сарай для арб, а подле него кунацкая для гостей. На улице у ворот коновязь и бревно для нихаса. Ворота во двор и в хлев запирались деревянными перекладинами⁵⁵.

Благоприятное по природным и климатическим условиям расположение Христиановского способствовало успешной хозяйственной деятельности. Вокруг села вплоть до р. Дур-Дур раскинулись пахотные земли, пастбища и луга. Вдоль рек Дур-Дур и Урсдон росли леса. Христиановцы владели землей на общинных началах. Участки под пахоту выделялись подворно и перераспределялись ежегодно. Поля обрабатывали сообща. Сеяли пшеницу,

а также просо и кукурузу. Пшеница шла исключительно в пищу. Из проса и кукурузы делали брагу, квас, кашу, пиво. Зерно использовали также в качестве корма для скота и домашней птицы. Богатые высокими и сочными травами луга благоприятствовали развитию животноводства. Одной из главных статей экономики в 1850-1870-е годы являлось овцеводство. Продукция животноводства большей частью шла на продажу. Развивалось и пчеловодство. Ранней весной крестьяне вывозили свои ульи в поле и располагали их по склонам Муртазата и Силтанука. Излишки меда христиановцы продавали в казачьих станицах, в селениях Алагир, Дарг-Кох, Эльхотово, а также в Нальчике, во Владикавказе и Георгиевске.

Рыночные отношения рано стали проникать в жизнь христиановцев. В 50-е годы XIX века в селе имелись две лавки: Алексея Туккаева и Базе Елекоева. С годами торговых заведений становилось больше, появились смешанные лавки, предлагавшие разнообразные товары: предметы домашнего обихода, орудия труда и прочее. Расширялись торговые связи с Владикавказом, Моздоком, Нальчиком.

Поступательное развитие селения сопровождалось увеличением численности жителей, как за счет естественного прироста, так и притока новых переселенцев. Однако христиановцы довольно скоро стали ощущать острую нехватку земли.

В результате раздела равнинных земель российским правительством между баделятами и крестьянами, переселившимися на равнину (635 семейств), последним досталась лишь одна треть земель — 9564 десятины. Из них христиановцы получили 4870 десятин. На одну семью приходилось около 28 десятин земли. Сюда включались пашня, луг, пастбище, усадьба. Такое количество земли на крестьянский двор, в котором насчитывалось до 10-15 едоков и благополучие которого зависело от того, что даст «земля-кормилица», было явно недостаточно.

То, что христиановцы оказались в крайне стесненных обстоятельствах, вынуждена была признать даже царская администрация. «... Увеличить, — говорилось в предписании наместника начальнику области в 1864 году, — если окажется возможным, надел жителей Вольно-Христиановского аула, в пользование которого предоставлено крайне недостаточное количество земли»⁵⁶.

Но результатами размежевания земель были недовольны не только крестьяне. Баделята, особенно Тугановы и Кубатиевы, получившие львиную долю, лишь вынужденно мирились с тем, что рядом с ними на своих собственных землях проживали бывшие зависимые от них крестьяне. Они постоянно посягали на земли существовавших рядом с ними крестьянских селений — Христиановского и Магометановского. Границы земель христиановцев со стороны тугановских и кубатиевских владений, обозначенные властями ус-

ловно (кольями), из года в год переносились в глубь крестьянских полей, что усиливало социальное противостояние.

В отличие от христиановцев, дигорские крестьяне, исповедовавшие мусульманство, получили для поселения менее выгодные в природно-климатическом отношении земли. Выделенная под селение магометановцев территория являла собой болотистое место, которое зимой замерзало; летом здесь обильно рос кустарник. Речка Чикола имела обыкновение в морозы исчезать, поэтому первые переселенцы Вольно-Магометановского в зимний период брали воду из Ирафа.

В год основания — в 1852 году в селе проживало более 500 душ, а по переписи 1860 года в нем значилось уже 817 человек. Магометанцы владели 4633 десятинами земли⁵⁷. Первыми поселенцами стали Гокоевы, Макоевы, Царикаевы и Цориевы. Дальнейшее пополнение села происходило за счет семейных разделов внутри общества и отдельных семей — новых переселенцев с гор. В результате отбора мусульман из Дур-Дура переселились Газдаров Бутъу, Гуцунаев Гуйман, Золоев Гена. Из Карагача — Дедегкаев Карас, Медоев Брек, Тахоев Фацбай, из Фаснала — братья Баликоевы, из Моска — Мамиевы и др.

Магометановцы, поселяясь на новом месте, рассчитывали получить полную независимость от баделят. Но жизнь складывалась иначе. Крестьян посадили на земли, фактически принадлежавшие Тугановым, поэтому они оказались в кабале и вынуждены были платить тяжелые повинности феодалам.

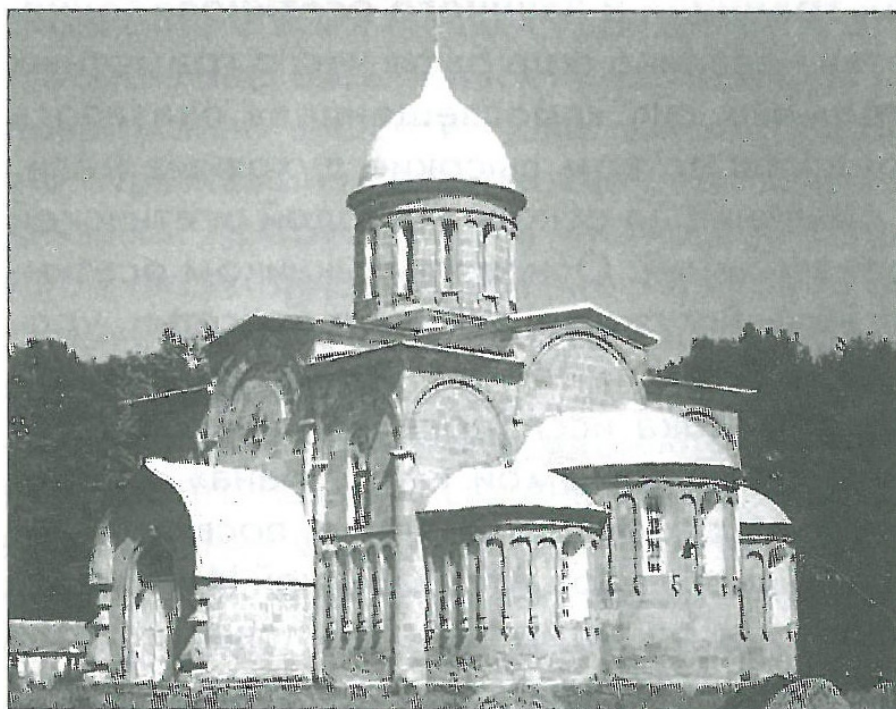
Каждый двор обязан был ежегодно выделять баделятам три меры озимого хлеба и пять мер ярового; для доставки дров из леса раз в год выделять арбу с парой быков. Если кто-то из подвластных крестьян переходил на жительство в другое место, то все его деревянные строения доставались баделятам. Магометановцы обязаны были сверх всего нести еще барщину. Сохранялись и другого рода повинности.

Попытки освободиться от тяжелых повинностей и неоднократные обращения осетин-мусульман к властям с просьбой помочь им в споре с Тугановыми не давали положительного результата. «Согласие» баделят в конце 1850-х годов освободить крестьян от всяких притязаний за выкуп в 300 рублей со двора являлось лицемерием. Крестьяне не в состоянии были уплатить такие деньги, и противостояние еще более усилилось. Они самовольно рубили строевой лес, совершали потравы и запашки тугановской земли, пользовались сенокосами и пастбищами, оказывали открытое сопротивление стражникам баделят.

Острота противостояния крестьян с Тугановыми усугублялась в связи с тем, что земли, выделенные поселенцам, в значительной своей части были непригодны для земледелия. Основные плодородные земли составляли не

более 1000 десятин. Ситуация еще более осложнилась в 1861 году после подачи крестьянами прошения властям разрешить их конфликт с баделятами. В ответ земельный комитет отрезал лучшие земли в пользу Тугановых, у которых жители села и арендовали эти земли⁵⁸.

Основание Алагира. Одной из ярких страниц в истории экономического освоения Северной Осетии стала разработка Садонских месторождений цветных металлов и строительство завода по переработке серебросвинцовых руд в Алагирском ущелье. Земля под строительство завода и рабочей слободы выделялась «из участка между реками Црау и Крупс, состоявшего в споре между жителями Дигорских аулов и Салугарданского участка»⁵⁹. Первыми жителями слободы Алагир стали мастеровые с семьями, прибывшие с Луганского литейного завода в апреле 1850 года.

Алагирский Вознесенский собор

Они нашли небольшую поляну и разместились в двух госпитальных палатках под охраной команды из донских казаков. Несколько позже прибыли мастеровые с уральских и алтайских металлургических заводов. Всего было переселено 380 семей. Ближайшими соседями жителей слободы были казаки станицы Горной, охранявшие завод, и жители Салугардана. Со временем

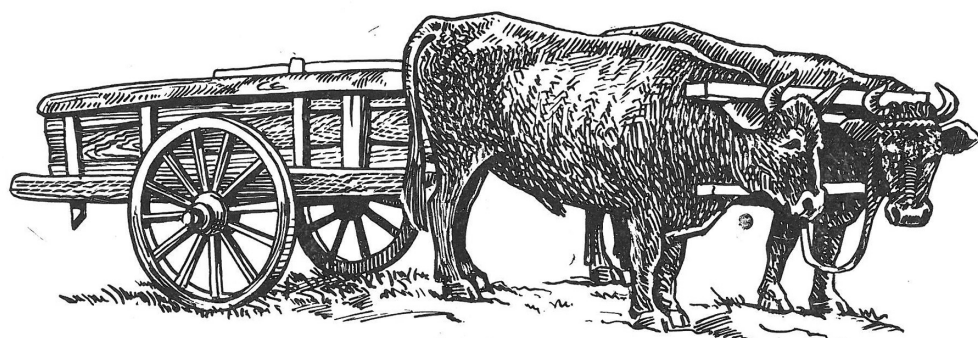
эти три населенных пункта слились, и образовалось селение Алагир (с 1939 года — город Алагир). Он создавался трудом русских горнозаводских рабочих, отставных солдат, осетинских и имеретинских крестьян. Здесь жили также армяне, евреи и представители других национальностей.

Удачно складывалась судьба Алагира как прекрасного места отдыха. По свидетельству современников, «... Алагир стал дачным местом: я встретил здесь несколько учителей Новочеркасского кадетского корпуса с семьями. Они нанимали чистые домики в 2-3 комнаты с садом, рублей по 6, по 10 в месяц. Все остальное было также дешево»⁶⁰. «Это единственный курорт, — подтверждал А. Бутаев в статье «В горах Осетии», — где удобства не требуют больших затрат. Правда, здесь нет целебных вод и источников. Но зато есть живительный климат, роскошная местность и дачная тишина, столь необходимая после городской сутолоки... Гордость Алагира составляют его фруктовые сады»⁶¹.

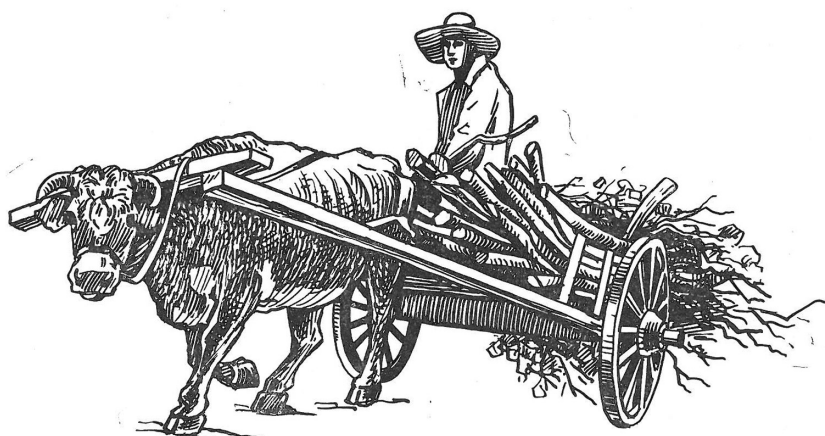
Современники называли Алагир «уездным городом с кавказским оттенком». Здесь имелись административные и судебные учреждения, большое и интересное здание завода, красивой архитектуры Вознесенский собор с укрепленной каменной оградой, улицы, обсаженные деревьями.

Создание предгорных поселений переселенцами из Алагирского и Куртатинского ущелий. Переселение на равнину жителей Куртатинского и Алагирского ущелий изначально носило несколько иной характер, чем в Дигории и Тагаурии, где инициаторами основания равнинных сел выступали, прежде всего, феодалы. Отсутствие в этих ущельях крупных феодальных фамилий способствовало тому, что равнинная земля не подвергалась столь интенсивному дроблению на отдельные чересполосные участки, и поселения жителей алагирских и куртатинских обществ располагались более компактно, чем, к примеру, у тагаурцев.

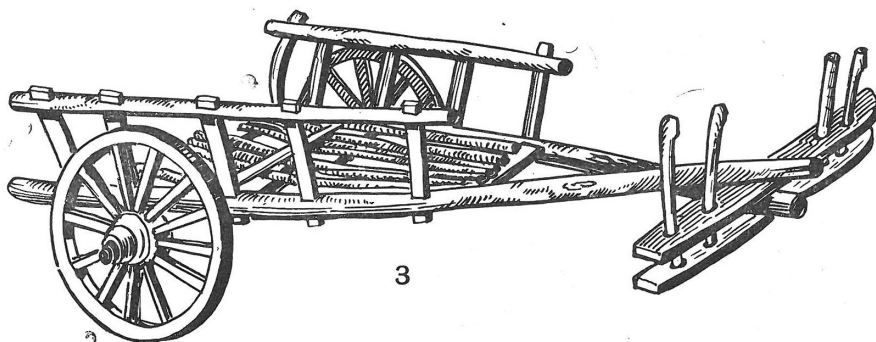
Для жителей Алагирского ущелья первоначальным местом переселения на равнину стали предгорные селения Салугардан и Бирагзанг. Существуют разные мнения о времени возникновения Салугардана. Некоторые исследователи связывают этот факт с 1824 годом, другие, ссылаясь на сведения русских путешественников и исследователей, полагают, что осетины жили здесь еще в XVIII веке. «Жители «Валагира», — писал в 1781 году Леонтий Штедер, — основали две колонии на восточной стороне предгорий: к югу Салугардан, а к северу у склона горы Бирагсан на речках того же названия»⁶³. А Юлиус Клапрот, побывавший в этих местах во время своей Кавказской экспедиции в 1807—1808 году, называл даже первых жителей Салугардана. Он писал, в частности, что селение «принадлежит валагирской фамилии Мазаде». Это свидетельство совпадает с семейным преданием Мадзаевых из селения Цамад, считающих первопоселенцами в районе Салугардана двух братьев Мадзаевых — Ислама и Тога⁶³.

1

2

3

Традиционная осетинская арба.

Ранние равнинные поселения выходцев из Куртатинского ущелья создавались по признаку фамильной принадлежности. Так, жители Суадага, образованного в 1825 году, жили в трех отдельных отселках: Верхний Суадаг — аул Тезиевых, Средний Суадаг — аул Борсиевых и Нижний Суадаг — аул Есиевых. В большинстве своем они выселились из предгорного куртатинского селения Нижний Карца. Позднее к первым поселенцам присоединились представители других фамилий: Бокоевы, Габановы, Галабаевы, Гугкаевы, Зихуровы, Тедтоевы, Чехоевы и т.д. В 1850 году в Суадаге насчитывалось 158 дворов⁶⁴.

Примерно так же складывалась история другого куртатинского селения Кадгарон. В конце 1820-х годов на правом берегу реки Фиэгдон были заложены два аула — Верхний и Нижний Кадгарон. Близкое расположение аулов давало повод стороннему наблюдателю считать их одним селением. В конечном итоге так и произошло. Со временем они разрослись настолько, что превратились в одно селение⁶⁵.

Добровольно переселявшиеся с XVIII в. в российские пределы кабардинцы составили основу субэтнической группы — «моздокских кабардинцев», которые в большинстве своем и по сей день сохраняют православие. Они проживают на территории современных Северной Осетии-Алании и Ставропольского края⁶⁶.

Переселение осетин на южные склоны Центрального Кавказа. В XIX веке происходил процесс переселения осетин на предгорные и равнинные земли Грузии. Для осетин, живших на южных склонах Центрального Кавказа, так же как и их северных сородичей, при отсутствии какого-либо прогресса в агротехнике и при возрастающем малоземелье по мере увеличения населения в горах, аграрное перенаселение было явлением неизбежным. Бедственное положение людей усугублялось в результате постоянно усиливавшейся эксплуатации со стороны князей Мачабели и Эристави, в зависимости от которых находилось югоосетинское крестьянство. В поисках лучшей доли многие южные осетины покидали родные места. Незначительная часть их устремлялась на север. Большинство же горцев оседали на предгорных и равнинных землях в Картли и Кахетии.

Как известно, в результате агрессивной политики соседних государств, прежде всего султанской Турции и шахского Ирана, сопровождавшейся многолетними кровопролитными войнами вплоть до конца XVIII века, а также внутренними междоусобицами, многие районы Грузии обезлюдели. В подобной ситуации грузинские феодалы были весьма заинтересованы в заселении этих районов. Они приглашали крестьян Южной Осетии селиться на своих землях. И южные осетины, гонимые нуждой и прельщенные свободными землями, принимали приглашение.

Подавляющая часть крестьян на кабальных условиях арендовала земли у грузинских помещиков Цициановых, Палавандишвили и других. Лишь

незначительная категория зажиточного крестьянства имела возможность покупать землю. Некоторая часть осетинских крестьян поселялась по решению российского правительства и синода также на казенных и церковных землях в Грузии, как отмечалось в правительственных документах, для «успокоения» и облегчения административного надзора за умонастроениями крестьян.

Создание русских казачьих станиц. На протяжении всего рассматриваемого времени наряду с созданием осетинских поселений на Владикавказской равнине и других районах Северного Кавказа российская администрация основывала населенные пункты, заселявшиеся главным образом выходцами из отдаленных районов Российской империи. Переселение на обширные территории Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья больших масс русского и украинского населения, а также представителей других народов, являлось частью программы военно-политического и хозяйственно-экономического освоения региона. В 1830-1940-е годы на предгорных территориях Северного Кавказа началось создание казачьих станиц⁶⁷.

В 1824-м году по инициативе командира Кавказского корпуса и главнокомандующего в Грузии А.П. Ермолова Военно-Грузинская дорога была перенесена с правого на левый берег Терека. Охрану ее осуществляли военные укрепления Урухское, Минаретское, Заречное, Пришибское, Аргуданское, Дур-Дурское, Ардонское и Архонское, расположенные на землях Кабарды и Осетии. Однако к началу 1830-х годов в условиях разворачивавшейся Кавказской войны эти укрепления уже не могли обеспечить в должной мере безопасности границы вдоль линии Военно-Грузинской дороги. Поэтому для защиты подходов к дороге русским военным командованием был разработан проект, на основании которого предусматривалось на участке от станицы Екатериноградской до Владикавказа вдоль Терека на линии протяженностью 105 километров создать на месте военных укреплений станицы и заселить их казаками.

Новые поселения призваны были выполнять в первую очередь военно-охранные функции. Само их присутствие, по убеждению военного командования, должно было служить сдерживающим фактором для населения Малой Кабарды, оказывавшего неповиновение «владельцу своему майору князю Бековичу-Черкасскому, а нередко и приставу Кабарды». На станичников возлагались также обязанности оказывать всяческое содействие и обеспечивать всем необходимым проезжавшие по дороге команды. Основание казачьих станиц делало ненужным использование для охраны дороги казаков Донских полков, содержание которых обходилось казне гораздо дороже поселений малороссийских казаков. Таким образом, отпадала необходимость в военных укреплениях вдоль линии Военно-Грузинской дороги⁶⁸.

К реализации намеченного проекта приступили в 1833 году. Тогда в отдельный Кавказский корпус из Польши перевели 1-й и 2-й Малороссийские казачьи полки, состоявшие из украинских крестьян и казаков. На базе в основном 2-го Малороссийского казачьего полка был сформирован 1-й Владикавказский казачий полк. Его разместили в военных укреплениях Пришибском, Урухском, Ардонском и Архонском, тем самым заложив основу четырех станиц. Решение об основании станиц было утверждено «высочайшим повелением», и в мае 1838 года доработанный план организации поселений был возвращен командиру полка И.Г. Стоцкому для немедленного исполнения.

Для отвода земли станицам и установления границ, а также для разбивки мест под станицы из Тифлиса был прислан офицер корпуса топографов прапорщик Горшков. Работы велись под наблюдением коменданта Владикавказа полковника Широкова. По распоряжению Стоцкого предварительно был произведен осмотр мест, предназначенных для станиц, «с целью определения качества земли и климата». Местность между Урухом и Минаретом для станицы Урухской осматривал лекарь 6-го Кавказского линейного батальона, титулярный советник Правдин. В его отчете подчеркивалось: «...1) место низменное, влажное, окружено с некоторых сторон горами, 2) земля отчасти известковая, отчасти глинистая, а кое-где чернозем... главная река, долженствующая снабжать жителей водою, есть, так называемая Черная; вода в ней чиста, светла и была бы, вероятно, здорова, если бы в течении своем, разделяясь на несколько притоков, не наполнялась гниющими растительными телами, которые, производя вредные испарения, изменяют ее качества. Климат в стране гористой постоянным быть не может». Определенную для станицы Архонской местность исследовал штаб-ротмистр Шидловский. В своем донесении он отмечал, что «предназначенное место весьма удобно для хлебопашества, сенокосов и скотоводства, что вода в реке Архонке вытекает из Кобанского ущелья и отделяется от реки Гизельдона, что она очень здорова, но зимой перемерзает, а потому необходимо пустить более воды из Гизельдона и углубить русло». Здоровыми по климатическим условиям были признаны и земли, выделенные под станицы Ардонская и Пришибская⁶⁹.

Территории под строившиеся станицы имели форму четырехугольника. Для защиты от внешнего нападения они обносились рвом и бруствером (валом) с плетнем и колючкой. Внутри ограждений сооружались дома для женатых казаков, казармы для холостых казаков и служебные помещения для офицеров. Рядом с домами сажали деревья.

На возведение построек были отпущены из казны 10 тыс. рублей ассигнациями. На них приобрели необходимые инструменты и 60 пар быков с повозками для подвоза нужных материалов к постройкам. Лес находился недалеко от населяемых станиц. Доставка строительных материалов была сопряжена

с большим риском для жизни: «Сильно мешали быстрому производству работ известия о намерениях непокорных горцев прорваться на Военно-Грузинскую дорогу для злодеяний»⁷⁰. При отправлении подвод за строительным лесом всегда назначалось особое прикрытие. Но и при наличии охраны подводы нередко возвращались с полпути пустыми из-за угрозы столкновения «с хищническими партиями горцев».

Все же, несмотря на большие трудности, в течение 1838 и 1839 годов были построены в станицах Ардонской — 41, Архонской — 46, Урухской — 29 и Пришибской — 35 домов. Женатых казаков увольняли со службы, и они сами принимались за строительство своих домов. В помощь им в каждую станицу назначали по 20 холостых казаков. Дома строили небольшие, деревянные, очень редко с черепичными крышами. В большинстве же своем они покрывались соломой. Каждому женатому казаку на обустройство выделялось пособие в размере 250 рублей. Из них 150 рублей выдавались казакам при поселении в станице, а 100 рублей должны были вручить их семьям при переезде их из Малороссии на Кавказ⁷¹.

Для сопровождения семейств женатых казаков из Малороссии на Кавказ была составлена вооруженная команда из 8 унтер-офицеров и 32 казаков. 7 октября 1838 года команда во главе с поручиком 2-го Малороссийского казачьего полка Тарнавским пешком выступила из Екатеринограда, имея при себе денежное довольствие и подробные сведения о составе семьи каждого казака. Одновременно командир отдельного Кавказского корпуса отправил черниговскому и полтавскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту графу Строганову 32 тыс. рублей ассигнациями, назначенных от казны на подъем казачьих семейств. Сборными пунктами были назначены для черниговцев — город Ножин, и для полтавцев — город Полтава.

После прибытия на место Тарнавский произвел сверку имевшихся списков с численностью семейств, подлежавших отправлению на Кавказ, и неожиданно обнаружил много незаконнорожденных детей (байстрюков). Это обстоятельство поставило его в крайне затруднительное положение: он не знал, как поступить с этим «естественным приращением» семейств. На сделанный им запрос бригадный командир Малороссийских полков генерал Николаев разрешил «взять всех на Кавказ». Семьи постепенно стали собираться в дальний путь, «летом следующего 1839 года переселенцы потянулись длинными вереницами (тремя партиями) к ожидавшим их мужьям, захватив с собой кур, чугуны, ухваты и т.п. хозяйственные принадлежности»⁷².

Всем поселенным казакам от казны выдавались ружья, шашки, пистолеты и порох. Каждый получал в собственность строевую лошадь со сбруей, а также боевую и мундирную амуницию. Провиант выдавался всем казакам, как служившим, так и не служившим. На довольствии они оставались до

тех пор, пока сами не могли обеспечить себя. В каждую станицу назначался смотритель-офицер. Он подчинялся непосредственно владикавказскому коменданту и отвечал за порядок и исполнение распоряжений властей в станице.

Работы по обустройству станиц производились под наблюдением кавказского военного командования, которое ежемесячно отчитывалось перед центральным российским правительством. Малейшая неурядица, связанная с казачьими станицами, вызывала гнев царя, полагавшего, что это «неудобно в политическом отношении, ибо окружающие горцы могут смотреть на это с невыгодной стороны». «Неудобно еще и потому, — пенял отчитывавшийся перед царем за исполнение проекта военный министр командующему Кавказской армией, — что станицы эти находятся на линии главного сообщения нашего с внутренними российскими губерниями и потому необходимо, чтобы подобные места отличались особым благоустройством»⁷³. В 1840 году на исправление ситуации и строительство в станицах церквей, лазаретов, базаров, школ, мельниц Военное министерство дополнительно отпустило 35 тыс. рублей⁷⁴. Женатые казаки до полного обустройства в станицах не назначались на службу, исключая защиту своих жилищ. Кордонную службу несли неженатые казаки, а для усиления охраны привлекались части Донских и Линейных казаков.

Военная администрация выражала заинтересованность в увеличении численности станичников. Она поощряла холостых казаков к вступлению в брак, к обзаведению хозяйством и обоснованию в станицах на постоянное жительство. Те же, в свою очередь, «видя сравнительно более выгодное положение женатых, и их почти полную свободу от службы, охотно женились, и тем достигалась намеченная правительством цель»⁷⁵.

Но, несмотря на рост населения казачьих станиц, военное командование считало его недостаточным для охраны 105-верстной дороги. Между станицами «оставались огромные интервалы, через которые легко могли проникнуть отряды горцев». Чтобы обезопасить уязвимые участки, в штатное расписание 1-го Владикавказского полка приказом военного министра А.И. Чернышева от 23 ноября 1842 года были включены четыре военных поселения: Владикавказское, Николаевское, Александровское и Погорелодубское (переименованное затем в Котляревское), основанные еще в 1838 году по примеру Новгородских и Чугуевских военных поселений. Поселения формировались из числа женатых солдат, прослуживших в частях Кавказской армии пятнадцать и более лет. В 1842 году все четыре военных поселения были преобразованы в станицы, а жившие в них солдаты причислены к разряду казаков. Численность дворов в казачьих станицах составляла: в Ардонской — 69, Архонской — 81, Урухской — 65, Пришибской — 74, Николаевской — 193, Владикавказской — 93, Александровской — 121, Кот-

ляревской — 95. Население полка в 1842 году включало 3173 человека, из которых 2011 проживали в четырех станицах: Ардонской, Архонской, Николаевской и Владикавказской, располагавшихся на территории современной Северной Осетии⁷⁶.

На основании уже отмеченного приказа военного министра от 23 января 1842 года к 1-му Владикавказскому казачьему полку причислили также 1-й Малороссийский полк, располагавшийся на постах Военно-Грузинской дороги. Усиленный подобным образом, Владикавказский полк был передан в ведение наказного атамана Кавказского линейного войска как боевая единица. С этого времени станичники обязывались исполнять военные повинности, связанные с несением полевой и внутренней службы. Одновременно, как подчеркивалось в приказе командира полка полковника М.С. Ильинского, сменившего на этом посту И.Г. Стоцкого, каждый казак должен был «изыскивать способы к прокормлению себя и семейства своего ... сопрягая хозяйственный свой быт с военным, должен не только быть исправным воином-земледельцем, но... заниматься скотоводством, пчеловодством, всякого рода ремеслом и промышленностью»⁷⁷.

Хотя поселяне в подавляющем большинстве своем происходили из крестьян, возвращение к крестьянскому труду после 15 и более лет службы в регулярных войсках происходило непросто. Многие навыки хозяйственной деятельности были утрачены. Приходилось заново учиться пахать землю, разводить скот, ухаживать за птицей. Весной 1838 года из Кавказского казачьего полка по распоряжению корпусного командира в каждое поселение были направлены по два казака «как хорошие хозяева». Они наблюдали за распашкой полей поселянами, показывали, как надо производить работы, и в сентябре, «по миновании в них надобности, отправлены в свой полк»⁷⁸.

Станичники занимались разведением различных сельскохозяйственных культур. Они сеяли рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, просо, горох, лен, овес, клеверное семя. В первые годы урожаи редко бывали высокими. Но начальство зорко следило за тем, чтобы казаки не прекращали занятий земледельческим трудом. Не меньшее внимание уделялось развитию скотоводства.

В одном из приказов полкового командира М.С. Ильинского за 1842 год говорилось: «... обязанность каждого поселенного казака состоит в том, чтобы он мог стараться при надзоре ближайших начальников, обзавестись как можно более полезными домашними животными». Среди животных, «которые должны быть неразлучны с семейным бытом всякого поселянина», значились конь, вол, овцы. «... но не надобно пренебрегать и упускать из виду, — подчеркивалось далее, — что и животное, так называемое свинья, — на которое мы смотрим с каким-то вообще ложным отвращением, — есть одно из полезнейших домашних животных, а сознаться в этом не трудно, стоит

только вникнуть в сущность той пользы, какую это животное может доставить и доставляет всякому старательному, рачительному и доброму хозяину»⁷⁹.

Следует отметить, что в первые годы своего поселения, несмотря на внимание со стороны российской военной администрации, казаки и их семьи из-за непривычного климата, бытовой неустроенности, других неблагоприятных условий несли большие потери. Станичники страдали от различных болезней, крайне высока была смертность среди населения. Несмотря на то, что численность жителей казачьих станиц постоянно пополнялась за счет отставных солдат и притока крестьян из России (к примеру, в 1844 году в 1-й Владикавказский казачий полк передали 510 отставных солдат Кавказской армии), прироста не наблюдалось практически ни в одном населенном пункте. А после холеры в 1847 году в станицах Владикавказского полка осталась едва ли половина всего населения. Для восполнения потерь в 1848 году из Харьковской губернии привезли 1623 крестьянина. В 1849 году переселили 200 дворов государственных крестьян из Харьковской и Воронежской губерний, в 1855 году — 117 малороссиян из Боржомского района Закавказья. В 1860 году численность полка достигла 4643 человека, а количество жителей станиц — 8600 человек⁸⁰.

Успехи в хозяйственной деятельности, здоровье и благополучие станичников в значительной степени зависели от географического положения, климатических особенностей местности, в которой основывалось поселение. Станица Урухская располагалась в десяти верстах от Змейского поста на реке Урух. Ей отвели 9777 десятин земли и 1034 квадратных сажени. Территория пересекалась, помимо Уруха, многими другими реками и речками. Разливаясь, они наносили каменистый песчаник и оставляли болота, поэтому станичная земля, за малым исключением, была пригодна лишь для сенокосов и огородничества. Заболоченность местности приводила к развитию гнилостных процессов, заражала окружающую среду и вызвала различные болезни у станичников. Особенно страдали от лихорадки и «желчной горячки». Многие умирали. Неудивительно, что, несмотря на постоянный приток новых пополнений извне и естественный при-

М.С. Воронцов

рост населения, количество жителей в станице было невелико. В 1843 году здесь насчитывалось 127 взрослых и 49 детей⁸¹.

В 1838 году напротив упраздненного укрепления Дур-Дурского zaloжили станицу Николаевскую. Станице отмежевали 12576 десятин земли. Из них одна четвертая являлась лесом, остальные три четверти были признаны удобными для хлебопашества и сенокоса. Однако место, выбранное топографом поручиком Семеновым, оказалось крайне неблагоприятным для жизни.

Один из современников писал: «Надо удивляться тому, кто посоветовал Семенову выбрать именно это место для поселения, которое имело лишь стратегическое значение, а что же касается климата, то он представлял пагубу для жителей. От разлива Терека и действующих родников вокруг поселения стояли болота, порождающие злокачественную лихорадку и другие болезни». В летнее время почти все жители заболели. Более всего свирепствовала «желтая лихорадка», часто переходившая в горячку. От нее умирало больше всего станичников⁸².

В мае 1846 года по пути из Тифлиса в Нальчик князь М.С. Воронцов проезжал через станицу Николаевскую. Видя бедственное состояние станичников и обеспокоенный частыми болезнями и высокой смертностью поселян, он приказал сопровождавшему его инженеру путей сообщений поручику Бениславскому исследовать окрестности станицы и выяснить возможность осушения болот, представлявших большую эпидемиологическую угрозу. Однако средств на решение проблемы не нашлось, и все осталось по-прежнему⁸³. Несмотря на систематический приток новых поселенцев, население станицы постоянно уменьшалось. Через 40 лет местность вновь обследовали. Полученные результаты не обнадеживали. Вероятность того, что может вымереть все население, была настолько очевидной, что было принято решение изменить местоположение станицы и перенести ее на юг, к реке Дур-Дур⁸⁴.

В более благоприятных природно-климатических условиях располагалась станица Архонская, заложенная в 1838 году на правом берегу реки Архонки, на месте одноименного укрепления, в 17 верстах от Владикавказа. Под станицу отвели 6914 десятин и 642 квадратных сажени. Станица омывалась с востока к северу Терекон, с юга к западу притоком реки Гизельдон и пересекалась реками Черной и Архонкой. Ближайшими к станице были два осетинских аула: Кабаново на Гизельдоне и Какадур на Фиагдоне.

Станичная земля характеризовалась как «хорошая и удобная к хлебопашеству и сенокосам; хлеб всякого рода растет в избытке, преимущественно же просо и всех родов огородные овощи». Вблизи станицы устроена водяная мельница. От Архонки был проведен канал Неволька «на случай пожара». Он окружал станицу с трех сторон и снова впадал в Архонку.

Климат признавался хорошим. «Эпидемические болезни имели периодическое влияние, что более можно приписать к непривычке к климату лю-

дей, переселенных из Малороссии»⁸⁵. Первоначально в станице Архонской было поселено 82 семьи казаков из 1-го и 2-го Малороссийских полков. По сведениям 1843 года в Архонской проживали 79 казаков, 72 женщины, детей мужского пола — 64 и женского пола — 75 человек⁸⁶. Первыми жителями станицы были Захарий Гаянага, Ефим Кириенко, Демьян Овдиенко, Семен Сагайдак, Трухан Кондратьев, Иван Труш, Василий Цибань, Ефим Богомаз, Василий Вишневицкий, Илья Гусаренко⁸⁷.

Население станиц постоянно пополнялось за счет притока переселенцев извне. В 1845 году в станицу прибыло 10 семей-переселенцев из прикубанских казачьих станиц. В 1848-1849 годы из Харьковской губернии переселились 60 семей. В 1855 году 14 семей-староверов прибыли из Боржоми, в 1858 году — 17 казаков с семьями из линейного батальона. В 1865 году после упразднения станицы Датыховской в Архонскую прибыло 10 семей. Еще несколько десятков семей обосновались в станице в разные годы. Через 27 лет после основания станицы в ней насчитывалось 214 семейств, прибывших из разных регионов Российской Империи⁸⁸.

Одновременно со станицей Архонской между реками Ардон и Таргайдон в непосредственной близости с осетинским селением Ардон была основана станица Ардонская. От Николаевской она отстояла в восьми верстах. Земельный надел станицы составлял 7460 десятин 1050 квадратных сажений. Почва была большею частью каменистая. Руслу рек и ручьев постоянно изменялись. В дождливое время они разливались и на больших пространствах поля покрывались наносным илом.

После ряда лет станичники на собственном опыте убедились, что посевы овса и ячменя не приносили желаемого результата. Поэтому они стали отдавать предпочтение выращиванию озимых культур. Рожь и пшеница, а также лен, пенька и овощи произрастали с успехом. Вблизи станицы при содействии полкового руководства была установлена водяная мельница.

В станице располагался штаб полка. Была открыта школа для кантонистов* и детей казаков. В 1841 году между станицей и осетинским аулом был учрежден ардонский военный полугоспиталь. В 1843 году в станице насчитывалось немногим более 240 человек, почти половину из которых составляли мужчины⁸⁹.

Со временем границы между осетинским селением Ардон и станицей Ардонской практически исчезли (хотя официально они объединились только в 1924 году). Славу ардонцам — осетинам и казакам — приносили трудолюбие и ратные подвиги жителей, лучшая в Осетии школа, а со вто-

* Кантонистские школы существовали в России в 1805-1858 годы. Занимались подготовкой солдатских детей к несению военной службы и давали элементарные общеобразовательные знания.

рой половины XIX века — скачки. Скачки оказались так популярны, что, по воспоминаниям современников, их посещали «не только осетины ближних и дальних селений, но также ингуши и кабардинцы из-за Терека и Уруха. Народу на скачки поэтому съезжается масса, а лошадей для состязания пригоняется несколько десятков»⁹⁰. Скачки проводились в Ардоне ежегодно на третий день Пасхи.

Неизменное внимание и помощь со стороны российской администрации не гарантировали легкой и безопасной жизни в казачьих станицах. Строившиеся как военные укрепления для защиты Военно-Грузинской дороги и «успокоения непокорных горцев», они обязаны были находиться в постоянной боевой готовности. Приказом командующего отдельным Кавказским корпусом от 12 сентября 1840 года поселянам предписывалось регулярно проводить занятия «для приучения... к отражению неприятеля», содержать в исправности оружие, обучать стрельбе сыновей, а не могущих еще владеть огнестрельным оружием вооружать всегда кинжалом, шашкою или другими подобными вещами. Никому не дозволялось выходить из станицы безоружным. Пасущие скот и птицу мальчики тоже должны были иметь при себе оружие «по силам каждого для защиты от зверей и от внезапных нападений»⁹¹.

Меры предосторожности были жизненно необходимы. Нападения на караулы, стоявшие на военных постах; на конвои, сопровождавшие почту и иные грузы; на поселян, работавших в поле или занимавшихся заготовкой леса, случались постоянно. Объектом нападения становились и сами станицы. В 1841 году отряд чеченцев под предводительством Ахверды-Магомета, прорвавшийся через Терек, учинил большое разорение в станице Александровской.

В начале 1840-х годов отношения между казаками и осетинами осложнились. Причиной тому явилось перераспределение в пользу станиц части земель, уже занятых переселившимися на равнину горцами.

В 1842 году правительство отвело казачьим станицам 1-го Владикавказского казачьего полка 81184 десятины на кабардинских и осетинских землях, в том числе 52000 десятин на Осетинской равнине. Для отмежевания намеченных участков земли с уже освоенной левобережной части равнины предусматривалось выселить пятнадцать аулов, в которых проживали 1003 семьи⁹². Намерение властей вызвало протест жителей аулов. Не желая спровоцировать вооруженное сопротивление со стороны местного населения, военная администрация отказалась от идеи единовременно выселить все осетинские поселения. Решение проблемы затянулось более чем на два десятилетия, но, несмотря на значительные трудности, вопрос был урегулирован мирным путем.

История отношений между казаками и горцами переживала разные периоды от вооруженного противостояния, настороженного неприязненного

отношения до проявления симпатии, утверждения дружеских отношений. Объективно обе стороны были заинтересованы в развитии добрососедских отношений, что диктовалось жизненной необходимостью. Осетинские поселенцы чувствовали себя более защищенными от нападений различных банд, воров и абреков под прикрытием казачьих станиц. Станичники, в свою очередь, могли не опасаться враждебных вылазок со стороны мирно настроенных соседей. С годами взаимовыгодные, дружеские связи между казачьими станицами и осетинскими селениями упрочивались. Тесное общение казаков и горцев способствовало развитию особого вида дружественных отношений — куначества. Кунаки часто гостили друг у друга, дарили подарки, в случае надобности оказывали помощь во время проведения сельскохозяйственных работ. Особым знаком доверия и уважения считалось отдать своего ребенка на воспитание семье друга. Кунаки гордились своей дружбой и передавали ее детям как «священный завет от поколения в поколение»⁹³.

Развитию добрососедских отношений способствовали межэтнические браки. Женщины обеих сторон, например, оказавшись в иной культурной среде, продолжали поддерживать родственные связи, приобщали детей к родной культуре, обычаям и традициям своего народа.

Доверительные связи находили продолжение в хозяйственных отношениях и в оживленной торговле. Горцы поставляли на местные казачьи рынки рогатый скот, лошадей. Они привозили казакам просо, овчины, хозяйственную утварь, домотканые изделия. А получали в обмен на свой товар изделия из металлов, сукна, меха, соль, рыбу, овощи⁹⁴.

Взаимодействие с жителями как горных, так и равнинных поселений привело к заимствованию казаками некоторых элементов культуры народов Кавказа. И здесь особую роль по-прежнему играла женщина. Среди женщин было распространено рукоделие и портняжное ремесло. Они «занимались пошивом не только собственного костюма, но и черкесок, попона и бешметов для мужчин». В станице Новоосетиновской изготавливали сукно, которое славилось красотой и добротностью. Из него шили зипуны, чекмены, халаты. Эти изделия изготавливались «как для собственной надобности, так и для продажи; благодаря тому обстоятельству, что Новоосетиновская станица находилась среди русского казачьего населения, изделия шерстяные, как необходимые для казачьего костюма, легко сбывались на месте»⁹⁶.

В свою очередь осетины приобщались через русских поселенцев к традиционной русской материальной и духовной культуре. Под влиянием русских у осетин стал меняться тип жилища. Начали строить дома с большими окнами и с черепичной крышей, а в жилых помещениях на смену нарам пришли койки. В домах устанавливалась печь по образцу русской. Менялись

и средства передвижения горцев-осетин: рядом с арбой появилась четырехколесная бричка. С 30-х годов XIX века осетины стали применять у себя русскую баню⁹⁶.

Изменения в экономической и бытовой жизни осетин, происходившие в результате взаимодействия с русским населением, находили отражение и в словарном составе осетинского языка. В нем появилось большое количество воспринятых из русского языка слов, подобно следующим: бедра (ведро), борс (борщ), бричкаæ (бричка), ибкæ (юбка), къалостæ (галoши), пец (печь), пъл (пол), самовар (самовар), спичкæ (спичка), стъл (стол), цай (чай) и т.д.⁹⁷

Таким образом, взаимопроникновение культур находило отражение в быту, в предметах домашнего обихода, в методах и приемах хозяйствования, в языковой традиции. Соседство с казачьими поселениями оказало заметное влияние и на развитие религиозных воззрений, распространение христианства среди осетин.

Основание немецких поселений. В XIX веке Северный Кавказ стал ареной цивилизационного взаимодействия многих народов. Появление первых иностранных поселений в Предкавказье относится к началу XIX века.

20 апреля 1802 года миссионер Эдинбургского миссионерского общества Александр Паттерсон вместе с Г. Бунтом и А. Харрисоном исходатайствовали у Шотландской миссии разрешения «на водворение с целью жительства в южных границах Российской Империи». Получив разрешение, 14 мая того же года они прибыли в местность близ аулов Кара Султана для ассигнования местности для колоний. Из-за свирепствовавшей в это время эпидемии холеры владельцы Ислан-Гирей, Сади-Гирей и Кубул покинули свои аулы, и миссионеры приняли их под поселения колонии. Высочайшая грамота на владение землями была выдана 25 декабря 1806 года. В 1808 году в колонии «Каррас-Шотландская» была учреждена Управа и заведен полицейский порядок. Свое предназначение жители колонии видели, прежде всего, в осуществлении миссионерской деятельности на Кавказе.

В последующие десятилетия на территории Северного Кавказа возникли десятки иностранных, главным образом немецких поселений: колонии Николаевская, Константиновская, Александровская, Орбелиановская, Форстендорф и т.д. В подавляющем большинстве эти колонии создавались переселенцами из Поволжья, являвшегося одним из центров империи, куда на протяжении двух столетий после известного указа Петра I от 1710 года о переселении немцев из Швеции, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний во внутренние районы России, стекались немецкие переселенцы. Вместе с тем, формировались колонии и со смешанным населением. Одной из таких колоний являлась колония Каррас-Шотландская. В поселении Св. Николая проживали итальянцы, немцы, швейцарцы⁹⁸.

30 января 1829 года на р. Кура Моздокского округа переселенцами из Саратовской губернии была основана колония «Каново». На новом месте предполагалось поселить 180 семей. И в расчете из этого количества Ставропольской палатой государственных имуществ было выделено 11937 десятин земли. Но в августе 1848 года в колонии проживало всего 57 семейств. Земля не отмерялась, поэтому она постоянно подвергалась «незаконному вторжению». Самовольная распашка целинных земель колонистами и их ближайшими соседями — казаками станицы Курской — нарушали естественный баланс почв и истощали плодородный слой. Чтобы упорядочить процесс землепользования, окружное начальство приняло решение определить точные границы «Кановской дачи» и отмерить для 57 семей 3420 десятин земли. Одновременно предусматривалось поселить в колонии еще 123 семьи с наделением их 8517 десятинами земли⁹⁹.

С момента основания колонии Каново приток в нее новых жителей не прекращался. В ноябре 1847 года с согласия общественного схода и по решению начальства в ряды колонистов была принята 21 семья. Часть их прибыла в Россию в 1838-1842 годы и жила по годовым паспортам вначале в колонии Паскавадка Окторского уезда, колонии Россоший Камышинского уезда и колонии Цырыль Волезского уезда Саратовской губернии, а затем в Пятигорском уезде Ставропольской губернии в колонии Константиновка. Уже оттуда переселенцы направились в колонию Каново. Среди прибывших значились Конрад Энгель, Фридрих Мойвалер, Давид Клеман, Михаил Рвель¹⁰⁰. Весной 1849 года из колонии Росбенздорф Острогорского уезда Воронежской губернии прибыли Александр Шмидт, Фридрих Фриш и еще десять человек с семьями¹⁰¹.

Чтобы получить право постоянного проживания в любой колонии, переселенцы должны были иметь при себе отпускные свидетельства («увольнительные виды») от обществ, в которых они прежде состояли, и согласие общества принимающей колонии. Но окончательное решение о переселении могло состояться только после разрешения губернского или областного начальства. В декабре 1851 года наместнику Кавказскому генерал-губернатору Новороссийскому и Бессарабскому князю М.С. Воронцову было направлено прошение от 16 колонистов Камышинского уезда Саратовской губернии, проживавших к этому времени в Пятигорском округе на Ленцовской даче, с просьбой поселить их в колонии Каново. В следующем году с аналогичной просьбой к властям обратились 15 человек, прибывших ранее в Каново из колоний Сплавнуха и Олешни Камышинского уезда. К прошению был приложен приговор общества колонии Каново о согласии принять в свой круг Иоганеса Маркеля, Иоганеса, Георга и Якова Гердта, Иоганеса Вильгельма, Иоганеса Фелькера, Освальда Рота, Генриха Шлагера и др.¹⁰²

* * *

В конце XVIII — первой половине XIX вв. во многих районах Северного Кавказа и Закавказья, прежде всего на равнинных территориях, возникли десятки новых населенных пунктов, основанных представителями разных народов. Активное участие в освоении равнинных территорий приняли осетины. В первой половине XIX века при непосредственном содействии со стороны российской администрации осуществлялось массовое выселение осетин из нагорной полосы Центрального Кавказа и формирование множества больших и малых осетинских поселений на предгорных и равнинных землях. В эти же годы здесь создавались русские и осетинские казачьи станицы.

В истории осетинского народа освоение новых территорий в конце XVIII — XIX вв. и создание равнинных поселений имело выдающееся значение. Переселение на плодородные земли спасло осетин от физического вымирания. На некоторое время оно значительно улучшило экономическое положение как крестьян-переселенцев, так и оставшегося в горах населения. Основным видом хозяйственной деятельности осетин стало земледелие. «Почувствовав себя на просторе, на земле, которая веками, быть может, не знала плуга, — писал А.Г. Ардасенов, — они (осетины. — Ред.) прежде всего переменили свою соху «дзывыр» на тяжелый передковый плуг, напоминающий малороссийский и заимствованный, вероятно, у кабардинцев, живших на плоскости и занимавшихся с давних пор земледелием»¹⁰³. Развитие земледельческого хозяйства позволило расширить более прогрессивную отгонно-пастбищную систему скотоводства, значительно повышавшую его продуктивность. К середине XIX века наблюдается тенденция быстрого роста численности жителей практически всех осетинских предгорных поселений.

Поселение осетин на новых землях меняло не только социально-экономическую картину осетинских обществ. Оно в значительной степени способствовало политическому и культурному развитию Осетии. Это историческое событие сыграло огромную роль в этнической консолидации народа. Осетины, замкнутые на протяжении многих десятилетий и даже веков в труднодоступных и изолированных друг от друга ущельях, лишились регулярных экономических связей не только с соседними народами, но и со своими единоплеменниками. Происходившая в этих условиях почти беспрерывная межфеодалная, межродовая борьба в осетинских обществах мешала преодолению этих распрей. На равнине же сами условия жизни сближали тагаурцев, куртатинцев, алагирцев, туалъцев, дигорцев и других. Предгорные, равнинные районы Центрального Кавказа явились важнейшим жизненным пространством, на котором состоялась встреча горцев различных обществ. Она сыграла огромную консолидирующую роль в истории осетинского народа.

Вместе с тем, освоение новых равнинных территорий представляется важнейшим фактором межэтнического взаимодействия различных народов Российской Империи. Создавались более благоприятные условия для расширения хозяйственных, торговых, культурных связей осетин с соседними кавказскими народами: кабардинцами, ингушами, чеченцами, грузинами, армянами и другими. Развитие этих отношений способствовало формированию и закреплению мирных и добрососедских отношений между народами Кавказа. В процессе освоения новых земель осетины оказались также в непосредственном соседстве с русскими, украинцами, немцами и представителями других народов Российской Империи. Такое соседство существенно влияло как на взаимообогащение материальной и духовной культуры этих народов, так и развитие взаимовыгодного сотрудничества между ними.

Примечания

1. Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. С.46.
2. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ИСОННИИ. Дзауджикау, 1948. Т.12. С.217.
3. Берозов Б.П. Указ. соч. С.38.
4. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962. Т.I. С.295.
5. Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. С.46.
6. Там же.
7. Берозов Б.П. Указ. соч. С.39.
8. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т.1. С.191, 192.
9. Калоев Б.А. Из истории Моздока и моздокских осетин // ИСОННИИ. 1960. Т.25. С.233.
10. Гутнов Ф.Х. Века и люди. Из истории осетинских сел и фамилий. Вып. 1.2. Владикавказ, 2001-2004. Вып.1. С.140.
11. Берозов Б.П. Указ. соч. С.62.
12. См.: Гутнов Ф.Х. Указ. соч. С.141-142.
13. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып. 1. С.142.
14. Берозов Б.П. Указ. соч. С.63.
15. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). / Сост. Г.А. Кокиев // ИСОННИИ. Т.6. Орджоникидзе, 1933. Т.1. С.316.
16. Сосиев З. Станица Черноморская // Терский сборник. Вып. 5. Владикавказ, 1903. С.64.
17. История Северо-Осетинской АССР. Т.1. С.219.
18. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т.2. С.124, 189-190.
19. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.130.
20. Цориева И.Т. Пути исповедимые...Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце 18-19 веках. Владикавказ, 2010. С.46.
21. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.153.
22. Там же.
23. Берозов Б.П. Указ. соч. С.92.
24. ЦГА РСФСР-А. Ф.290. Оп.1. Д.109. Л.29.

25. Владикавказская станица была основана рядом с крепостью еще в 1839 году. В 1860 году была переведена в Тарскую. — Берозов Б.П. Указ. соч. С.120.
26. Берозов Б.П. Указ. соч. С.120, 122.
27. Это была не первая попытка Гадо Тхостова получить землю и основать собственное поселение. Он еще в 1847 году в рапорте на имя главнокомандующего на Кавказе просил участок земли у Челеметового кургана на берегу Камбилеевки. Но ему было отказано в просьбе. Ответ гласил, что просимая земля принадлежит уже алдарам Шанаевым из аула Брут. Тогда он обратился с просьбой выделить ему землю на месте бывшего Елизаветинского поста. — ЦГА РСО-А. Ф.233. Оп.1. Д.5. Л.138.
28. Берозов Б.П. Указ. соч. С.89-90.
29. Там же. С.90-91.
30. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.134.
31. Берозов Б.П. Указ. соч. С.124, 125.
32. Там же. С.115.
33. ЦГА РСО-А. Ф.290. Оп.1. Д.121. Л.24.
34. Берозов Б.П. Указ. соч. С.117-119.
35. Цаллагов А. Селение Гизель // СМОМПК. Тифлис, 1893. С.96.
36. ЦГА РСО-А. Ф.290. Оп.1. Д.111. Л.20.
37. НА СОИГСИ. Ф.5. Оп.1. Д.35. Л.5.
38. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.99.
39. ЦГА РСО-А. Ф.233. Оп.1. Д.1. Л.3 об.
40. Берозов Б.П. Указ. соч. С.101-102.
41. ЦГА РСО-А. Оп.1. Д.1. Лл.138-142.
42. Берозов Б.П. Указ. соч. С.69.
43. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.155.
44. ЦГА РСО-А. Ф.233. Оп.1. Д.2. Л.3.
45. НА СОИГСИ. Ф.5. Оп.1. Д.46. Л.3, 4.
46. Елхот. Исторический очерк. Владикавказ, 1999. С.12.
47. РГВИА. Ф. 644. Оп.1. Д.106. Л.4 — 4 об.
48. Берозов Б.П. Указ. соч. С.104.
49. ЦГА РСО-А. Ф.233. Оп.1. Д.2. Л.3.
50. Елхот. Исторический очерк. С.12.
51. НА СОИГСИ. Ф.5. Оп.1. Д.46. Л.9.
52. Хамицаева А.А. Осетины в Кавказской войне // Осетия в кавказской политике Российской империи. XIX век. С.13.
53. История Чиколы. Владикавказ, 1993. С.10-11.
54. История города Дигоры. Владикавказ, 1992. С.6.
55. Гарданов М.К. Селение Христианское в фактах жизни. Историко-статистико-экономический и революционный очерк // ИСОНИИК. Владикавказ, 1925. Т.1. С.179-180.
56. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.2. Д.855. Л.3 об.
57. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.3.
58. История Чиколы. С.15.
59. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С.121.
60. Попов К.П. Алагир. Владикавказ, 1996. С.35.
61. Попов К.П. Указ. соч. С.30, 35.
62. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. 1967. С.44.
63. Попов К.П. Указ. соч. С.29.
64. Берозов Б.П. Указ. соч. С.93-94.
65. Цориева И.Т. Указ. соч. С.134-135.
66. Викторин В.М. Моздокские и курские кабардинцы: специфика этносоциально-

го и конфессионального развития, межэтнических связей и современной субэтнокультурной самоорганизации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2006. №1. С.21-27.

67. Николаенко И.Д., Ермаков В.П. Кавказское линейное казачье войско: история формирования, система управления и служебные обязанности (начало XVIII — 1860 г.). Пятигорск, 2010. С.135-151.

68. Пономарев Ф.П. Материалы по истории Терского казачьего войска //Терский сборник.1904. Вып.6. С.17.

69. Там же. С.20, 21.

70. Там же. С.21.

71. Там же. С.22.

72. Там же. С.24.

73. ЦГА РСО-А. Ф.13. Оп.1. Д.6. Л.8,9.

74. Берозов Б.П. Указ. соч. С.109.

75. Пономарев Ф.П. Указ. соч. С.20.

76. См.: Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С.105.

77. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.165-166.

78. Там же. С.27.

79. Там же. С.51-52.

80. Там же. С.112.

81. Там же. С.73.

82. Омельченко И.Л. Указ. соч. С.106-107; Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.2. С.162.

83. Пономарев Ф.П. Указ. соч. С.81.

84. Омельченко И.Л. Указ. соч. С.107.

85. Пономарев Ф.П. Указ. соч. С.71.

86. Там же. С.71.

87. ЦГА РСО-А. Ф.49. Оп.1. Д.7. Л.59.

88. Там же. Д.97. Л.7.

89. Пономарев Ф.П. Указ. соч. С.71.

90. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. Вып.1. С.14.

91. Пономарев Ф.П. Указ. соч. С.28.

92. Берозов Б.П. Указ. соч. С.114.

93. См.: Омельченко И.Л. Указ. соч. С.62.

94. Там же. С.64.

95. Там же. С.236.

96. Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С.50.

97. Цориева И.Т. Указ. соч. С.214-215.

98. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.7. Д.432. Л.9, 20.

99. Там же. Оп.15. Д.1620. Л.1, 2.

100. Там же. Д. 1623. Л.2, 3, 12.

101. Там же. Д.1626. Л.1.

102. Там же. Д.1633. Л.5.

103. См.: Ардасенов А.Г. Избранные труды. Владикавказ, 1997. С.76.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Конфессиональная политика России в Осетии. Заинтересованная в развитии русско-осетинских отношений и присоединении к ней Осетии, Россия еще в XVIII веке решила укрепить свои позиции при помощи христианских миссий. Была сформирована Осетинская духовная комиссия, в которую вошли духовные лица из грузинских эмигрантов, поселившихся в Москве и Петербурге. В нее были включены также представители Осетии — иеромонах Парфений и его ученики, принявшие христианство в Грузии.

Инициатива учреждения этой миссии принадлежала грузинским духовным лицам, находившимся в Москве, — архиепископу Иосифу и архимандриту Николаю, подавшим в 1743 году царице Елизавете Петровне челобитную о посылке для проповеди христианства среди осетин. Они писали, что осетины издавна придерживались христианской веры, «то доказывают состоящие и поныне в жительство их каменные со святыми иконами церкви, к коим они охотно прибегают, и посты содержат и когда по случаю увидят какую христианскую духовную персону, с оной поступают ласково, и желательно в дом к себе для посещения неотступно просят, и к принятию греческого вероисповедания весьма склонны, да и мольбищ идолопоклоннических у них нет, но не получая проповеди Слова Божия, молитву творят, взирая только на небо».¹ Прошение было поддержано, и через некоторое время была основана Осетинская духовная комиссия с резиденцией в Кизляре.

Основной задачей Осетинской духовной комиссии было крещение горцев и строительство церквей в разных районах Осетии. В результате деятельности комиссии было открыто пять церквей — две в сел. Зака и Нар, две в Куртатинском ущелье и одна в Дигории.

Грузинские миссионеры предпринимали попытки перевести грузинские священные книги на осетинский язык и открыть школы в горной Осетии для подготовки священников

из осетин. Они раздавали холст на рубашки и кресты людям при крещении. Уже в 1750 г., согласно донесению архимандрита Пахомия, численность крещенных в Осетии составляла более тысячи человек. С 1745 по 1767 гг. было крещено 2142 чел., а с 1772 по 1792—6057 человек². Однако обращение осетин в христианство носило формальный характер. Грузинские миссионеры, проводившие эту работу, в силу незнания осетинского языка не могли успешно проповедовать. В результате многие горцы умудрялись креститься по нескольку раз, чтобы получить больше холста на рубашки.

Но в целом, как отмечают исследователи, христианизация середины XVIII в. была вызвана не стремлением получить некоторые предметы российского производства, а желанием и надеждой обеспечить с помощью России жизненные потребности осетинского народа: закрепление на плоскости, преодоление экономической замкнутости в горах, возможность вести торговлю с другими народами, избавление от внешней угрозы, от набегов и податей кабардинским феодалам. Пожелания осетин креститься сопровождалась просьбами о свободном проезде в российские пределы, беспошлинной торговле, безопасности. ОДК в этих условиях сыграла положительную роль, так как ее деятельность способствовала установлению прерванных русско-осетинских связей³.

В 1747–1753 гг. игумен Григорий для нужд Осетинской духовной комиссии перевел несколько церковных книг с грузинского языка на осетинский. Переводы использовались в церковной практике.

Новым этапом в становлении и развитии осетинской письменности принято считать деятельность Моздокской школы и Астраханской духовной семинарии, в результате которой на основе церковно-славянской графики была создана осетинская азбука. Инициативу в деле создания первой осетинской печатной книги взял на себя архимандрит Гай, начальник открытой в 1793 году Моздокско-Маджарской викарной епархии и Осетинской духовной комиссии. Гай привлек к работе над книгой священника Павла Генцаурова. Профессор Б.А. Алборов пришел к выводу о том, что «переводом Катехизиса на осетинский язык П. Генцауров занимался со дня появления Гая в Моздоке до сдачи рукописи в печать». В 1798 г. в Московской Синодальной типографии была напечатана книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания. Краткий катехизис» *. «Книга, ставшая в хронологическом смысле первым памятником осетинской книжной письменности, содержала в себе азбуку, краткий катехизис, молитвы и заповеди как на русском, так и на осетинском языках с применением к звукам осетинского языка русско-славянской графики», — отмечал Б.А. Алборов. По-

* Катехизис — краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

явление книги явилось большим событием в истории духовной культуры осетинского народа.

История образования в Осетии начинается с деятельности Осетинской духовной комиссии, которая вплотную занялась вопросом об открытии школы. Миссионеры сознавали, что для поддержания христианства и для обслуживания имеющих в Осетии церквей необходимо готовить церковнослужителей из местного населения. В 1751 г. архимандрит Пахомий в своем донесении Елизавете Петровне просил об открытии небольшой школы для осетинских детей⁴. Ему было поручено выявить условия для ее открытия, решить вопрос об учительских кадрах и языке обучения. Он составил проект, по которому школу предполагалось открыть в Куртатинском ущелье, в ауле Дзивгис, с числом учащихся в 30 человек, а обучение вести на грузинском языке до тех пор, пока не будут переведены книги. Проект создания первой осетинской школы в Куртатинском ущелье не удалось реализовать. Не дожидаясь открытия школы, Пахомий пытался заниматься обучением детей. В 1753 году он доносил Св. Синоду: «Понеже ныне мы, нижайшие, двух малолетних осетинцев обучили грузинской грамоте, которых держим при себе на своем коште, и они нам в крещении своего народа великое всепомоществование чинят».⁵

Первая осетинская школа была открыта в приграничной крепости Моздок. Указ об учреждении этой школы был подписан 27 сентября 1764 года. Екатерина II писала астраханскому губернатору Якобию: «Нет лучшего способа по обстоятельствам осетинцев и ингушцев учинить их прямыми христианами, к здешней стороне приверженными, как просвещением из них молодых людей».⁶

В конце 1764 года Коллегия иностранных дел сообщила астраханскому губернатору Бекетову решение Сената «О заведении при урочище Моздок школы для осетинских и ингушских и прочих горских народов детей». Следуя этому предписанию, в 1766 г. в крепости Моздок была открыта школа. Игумен Григорий набрал в Осетии 20 детей, однако взял он в Моздок всего 4 ученика. Двое из них — Иван Елиханов и Феофан Карабугаев — являлись внуками известных осетинских послов — Зураба Елиханова и Елисея Хетагова, двое других — Андрей Битаров из Заки и Петр Париев — были из фарсаглагских семей. Вскоре к этим ученикам прибавились еще трое — Павел Давыдов, Харитон и Христофор Хетагуровы. В дальнейшем количество учащихся колебалось от 6 до 46 детей. Детей обучали русской и осетинской грамоте, пению, священному писанию. В 1767 г. последовал указ Синода, чтобы «оныя осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на другом каком диалекте... дабы из осетинцев могли быть достойные к производству в духовные чины и по употреблению в должности переводческие»⁷. Окончившие школу привлекались к работе в Осетинской духовной комиссии. Некоторые из них

продолжали свою учебу в Астраханской духовной семинарии. В 1784 г. в ней обучалось 9 выпускников моздокской школы. Моздокская школа просуществовала до 1792 года. По мнению Л.С. Гатаговой, эта и подобные ей школы играли роль связующего звена Кавказа с культурным полем Российского государства⁸.

В 1771 году главой Осетинской духовной комиссии, а также начальником Моздокской школы стал протопоп Афанасий Лебедев. В Св. Синоде ему выдали секретную инструкцию, как он «вместе с прочими находящимися в Осетии священнослужителями поступать должен в обращении тамошнего народа в православную, греко-римскую веру».⁹

Важное значение имел пункт, касавшийся деятельности Моздокской школы. «Самое трудное дело есть при проповеди иноязычным неразумение взаимное языка, для чего надобно, во-первых, сколько возможно стараться, чтобы из обращенных принимать в учрежденную в Моздоке школу учеников с тем, чтобы они никогда своего родного языка не забывали, и чтоб таких со временем, по обучении российской грамоте, и по способности мест, можно было бы посвящать к церквам обращенных во священники и посылать для проповеди».¹⁰ Это можно рассматривать как проявление внимания со стороны российской администрации к местной культуре и традициям¹¹.

В 1777 г. в Высочайшем повелении говорилось о расширении и улучшении школы, на содержание каждого ученика выделялось по 2 рубля, а на старшинских — по 3 рубля ассигнациями в месяц. В 1793 г. с учреждением в Моздоке Викарной епископской кафедры одним из первых пунктов Высочайшего повеления было указание епископу Моздокскому и Маджарскому Гаю уделять особенное внимание «преумножению числа учеников в осетинской школе». Из некоторых сохранившихся в делах Кавказской консистории ведомостей видно, что с 1782 по 1799 год в школе обучалось ежегодно от 8 до 15 детей, преимущественно осетин, иногда и других горских народов; получило образование 65 человек, из них более 15 человек поступило в Астраханскую семинарию, некоторые — в священно-церковнослужители, а остальные отпущены в дома родителей. Учителями в этой школе были священнослужители, состоявшие при Моздокской духовной комиссии; ученики обучались читать и писать по-русски и по-грузински, краткой истории Ветхого и Нового завета, краткому катехизису, церковному пению и церковному уставу. В 1793 г. духовная комиссия и школа были поручены заботам Гая. Дети осетин обучались на осетинском языке с использованием азбуки, составленной Гаем из грузинских букв, а после 1795 г. в обучении использовался краткий катехизис на осетинском языке.¹² Школа просуществовала до 1800 г.

В этой первой в истории осетинского народа школе детей учили псалтырю и молитве. Она, как пишут осетинские историки, подготовила первых грамотных осетин, умевших читать и писать по-русски. Часть воспитанников

после окончания школы поступала в учрежденную в 1798 г. Астраханскую семинарию.

В 1816 г. Осетинская духовная комиссия была переведена из Моздока в Тифлис, где она работала под управлением экзарха — главы грузинской церкви. «С этого времени, — отмечал Б.А.Калоев, — начался новый этап в развитии христианства в Осетии»¹³.

Началось более активное строительство церквей. Больше стало переводиться грузинских духовных книг на осетинский язык, детей горцев стали посылать на учебу в духовные семинарии и церковно-приходские школы.

Христианизация осетин способствовала открытию школ и распространению грамотности.

В Южной Осетии в рассматриваемый период школ не было. Известный осетинский педагог П.Ю. Гагиев отмечал: «Крайняя материальная нищета южных осетин, которые были под властью грузинских феодалов, не давала им возможность думать об образовании своих детей; к тому же и сами помещики даже были настроены против просвещения крестьян, опасаясь, чтобы они по обучении не вышли из их власти, и тем не лишились бы они крестьян»¹⁴.

В разное время в Грузии получили образование некоторые осетины. Из них известны монах Христодул, иеромонах Гермаиил, архимандрит Неофит и Иоанн. Они получили богословско-философское образование. Монах Христодул был «опытный в знании грузинского, арабского, персидского письма, близко знал Коран; он был философ и опытный в священном писании». Иеромонах Гермаиил — ученик католикоса Грузии Антония... «был воспитан... в церковном пении, в писании, был опытный в арифметике, чудный писатель (переписчик книг), который переписал много священных и светлых книг. Архимандрит Неофит, принятый католикосом Антонием в число его монахов, был «лучший чтец богослужебных книг и знаток писания, отличный писатель (переписчик книг)... Иоанн с детства был в Гареджинском монастыре, изучил философию и другие науки. Он также воспитывался у Иоанна архиепископа Цилконского. «Он переводил на осетинский язык служебник и молитвенник и потом сам воспитал многих».¹⁵

В 1770 году католикос Антон с разрешения Св. Синода открыл в самом Моздоке первую осетинскую типографию для напечатания богослужебных книг на осетинском языке. До этого книги печатались в типографии грузинского царя Ираклия II.

В этот же период Екатериной II был вызван в Петербург архимандрит Гай, ученый монах, состоявший с 1784 г. на российской службе и являвшийся в то время главным членом Осетинской духовной комиссии. Этой поездкой открылась новая страница в истории распространения христианства на Северном Кавказе.

В 1793 г. была учреждена Моздокско-Маджарская викарная епархия и упразднена просуществовавшая почти полвека Осетинская духовная комиссия. Несмотря на ряд крупных недочетов в ее миссионерской деятельности, современная историческая наука дает высокую оценку трудам этой комиссии.

Оценивая роль комиссии, К.Л. Хетагуров отмечал: «Немногое могла совершить в то время моздокская комиссия для успешного распространения евангельского учения, но если принять во внимание, что ею отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, создано несколько церковнослужителей из природных же осетин, то и эти результаты нужно признать довольно значительными, судя по времени и обстоятельствам тогдашней военной жизни»¹⁶. Комиссия содействовала сближению Осетии с Россией путем насаждения и проповеди христианства, а также внедрению первых начатков просвещения среди осетин. Благодаря этой миссии среди осетин появились грамотные люди, знавшие азбуку, умевшие читать часослов, псалтырь и другие книги.¹⁷

В указе Екатерины II об учреждении Моздокско-Маджарского викариатства говорилось: «Употребление предками нашими старания, о добровольном распространении Евангельского учения в народах, поблизости к линии Кавказской обитающих, с Божией помощью, имели успех, доказываемый обращением многих осетинцев и тому подобных к церкви нашей благочестивой».

В Моздоке, где должен был находиться Архиерейский дом, предписывалось также завести мужской и женский монастыри 2-го класса «для обучения юношества тамошнего обоего пола закону и мастерствам, в общежитии потребным».¹⁸

Для успешного достижения главной цели новой епархии — христианизации горцев, живших вблизи Кавказской линии, Св. Синод дал епископу Гаю особую инструкцию, в которой предлагалось оказывать попечение к миссионерской школе в Моздоке с тем, «чтобы учение в ней происходило с желаемым успехом, в пристойном порядке и удовольствии их пищею и одеянием, стараясь и о умножении оных согласными расположению тамошних жителей средствами».¹⁹

На основе церковно-славянской азбуки — кириллицы — Гай впервые составил осетинский алфавит и применил его при составлении катехизиса, называвшегося «Начальное учение человекам, хотящим учиться книг божественного писания». Судя по языку этой книги, епископ Гай хорошо владел осетинской речью.

Благодаря усилиям епископа Гая был достигнут большой прогресс в развитии и укреплении христианства на Северном Кавказе. Поспешное и непродуманное упразднение Моздокско-Маджарской епархии отбросило назад

эту часть Северного Кавказа с завоеванных христианских позиций. После упразднения Моздокско-Маждарской епархии к титулу Астраханского епископа было прибавлено наименование Моздокский и Кавказский. Первым архиереем, именовавшимся таким образом, был архиепископ Платон Любарский, правивший Кавказской паствой с 1800 по 1805 годы²⁰.

Архиепископ Платон Любарский открыл два духовных училища в Кизляре и Георгиевске, которые фактически были приходскими школами. В 1800 г. Астраханская духовная консистория предписала своим органам — Кизлярскому и Моздокскому духовным правлениям — выслать в Астраханскую семинарию всех детей духовенства от 10 до 15 лет, собрав их в Георгиевске.

Однако кавказское духовенство упорно не желало учить своих детей в Астраханской духовной семинарии, что объяснялось дальностью и небезопасностью пути, а также скудным питанием бурсаков.

Быстро растущая с годами потребность в кадрах чиновников для службы в различных отраслях управления не удовлетворялась за счет служащих, приезжавших на Кавказ из центральных губерний. Назрела проблема создания кадров местного чиновничества, готового к лояльному взаимодействию с гражданской и военной администрацией.

В марте 1803 г. был издан высочайший указ об открытии в губернских городах гимназий, а в уездных — училищ. Сеть приходских школ продолжала расширяться.

Деятельность миссии была еще успешнее при экзархе Грузии Феофилakte. Св. Синод, по его предложению, составил для Осетинской комиссии новую инструкцию, по которой «дело обращения осетинцев» предписывалось вести только духовными средствами, ... «крещение преподавать, удостоверившись наперед в искренности обращения крещаемых, на проповедь являться без всякой огласки и конвоя, не как посланным от правительства, а как простым странникам, желающим спасения людям, и считать дело проповеди конченным не прежде, как обращенные пожелают иметь церкви и священников».²¹

В 1826 г. экзарх Грузии предписал членам Осетинской духовной комиссии обучать осетинских детей «грамоте по-осетински», после чего при церквях аулов Саниба, Унал, Джинат было организовано несколько групп с 3 — 5 учениками.

Заслуга разработки осетинского алфавита на основе грузинской графики принадлежит учителю Тифлисской духовной семинарии **Ивану Георгиевичу Ялгузидзе** (1775-1830 гг.). Он пользовался уважением в народе, его имя было известно во многих осетинских обществах. И.Г. Ялгузидзе родился в Джавском ущелье в семье «природного дворянина». Образование получил в монастыре Давид-Гареджи, воспитывался в традициях грузинской культуры. Знание русского, грузинского и осетинского языков давало ему возможность

выступать в роли посредника между русско-грузинскими властями, с одной стороны, и осетинскими обществами — с другой.

Работая в Тифлисской духовной семинарии, где он занимался с находившимися там учащимися-осетинами, И.Г. Ялгузидзе в 1820 г. разработал осетинский алфавит на основе грузинского письма и составил первый осетинский букварь, изданный в 1821 г. в Тифлисе. По этому букварю причетники обучали осетинских детей грамоте на родном языке при церквях и монастырях.

И.Г. Ялгузидзе перевел на осетинский язык «Положение о временных судах и присяге». В этой книге законоположения русской власти преподносились населению Осетии на его родном языке. Книги И.Г. Ялгузидзе способствовали развитию осетинской письменности.

Преемники Феофилакта продолжали проповедническую деятельность. Они также обращали особенное внимание на школьное дело, справедливо полагая, что только при развитии просвещения можно надеяться на успех христианства в Осетии.

Учитывая важность подготовки священников из детей самих осетин, комиссия в 1830 году решила открыть во Владикавказе специально для осетин владикавказское 4-х классное духовное училище, а в селе Алагир — двухклассный пансион. В делах Св. Синода существует также документ о содержании в селе Цми «зарамагского прихода, школы для местных жителей на пожертвования от барона Вревского 500 руб., от экзарха Грузии Исидора 120 руб., от него же 100 руб., и еще 495 руб. Потом в 1857 г. за 25 мальчиков прислано из экзаршеской канцелярии 807 руб.; на каждого мальчика приблизительно отпускатось 31 руб. 50 коп., в то же время комиссия содержала в Тифлисском духовном училище несколько мальчиков из осетин для определения их в семинарию».²² Для них наряду с остальными предметами были введены и уроки осетинского языка, на которых они изучали родной язык по составленной Гаеи и исправленной академиком Шегреном осетинской письменности (16), который в 1830 г. составил азбуку, а в 1844 г. напечатал полную грамматику на двух наречиях — дигорском и осетинском.²³ Первыми, окончившими Тифлисскую духовную семинарию были А. Колиев и В. Цараев, после них окончили курс в той же семинарии в разные годы: Алексей Аладжиков, Соломон Жускаев, Георгий Кантемуrow (Кантемиров), Михаил Сухиев.²⁴

И.Г. Ялгузидзе

В 1834 г. духовное училище открылось в Моздоке. Оно было подчинено Московскому академическому правлению, а затем — Казанской духовной академии. В училище преподавали греческий язык, русскую и славянскую грамматику, пение, устав церковного богослужения. В первый же год в нем было 25 учеников. Училище занималось не только подготовкой священнослужителей, но своей переводческой деятельностью создавало условия для вхождения Осетии и Владикавказа в русскую культуру. Преподаватели училища, приступив к переводу богослужебных книг на осетинский язык, посчитали необходимым усовершенствовать осетинский алфавит. В сотрудничестве с академиком А. Шегреном был не только усовершенствован алфавит, но и разработаны азы осетинской грамматики. В 1887 г. училище было переведено во Владикавказ.

В сентябре 1836 г. было открыто духовное училище во Владикавказе для детей «осетинских владельцев, старшин и некоторых сирот». В училище принимали детей и на казенное содержание, если они по его окончании принимали духовный сан. Экзарх Грузии требовал от благочинных привлекать горцев к обучению за «казенный кошт», но поскольку, получив образование, большая часть их уклонялась от церкви, казенное содержание было приостановлено.

Цель воспитания детей в училище определялась «Правилами», в которых говорилось: «Правила и поступки горцев почти во всем противоположны правилам и поступкам христиан и граждан. Поэтому-то священнейшею обязанностью смотрителя и наставников Владикавказского училища должно быть направление деятельности юных питомцев в противную сторону от примеров, их окружающих, на сторону чистой христианской нравственности». Далее рекомендовалось: «В душах этих диких надобно возродить новый мир с христианскими понятиями о коренных обязанностях и отношениях к Богу, к людям, к себе самим, ко всему обществу и к правительству Российскому и Государю».²⁵

Уже в первый год своей деятельности в училище обучалось 34 ученика — 33 осетина и один ингуш. Для обучения имелось 50 экземпляров осетинского букваря и катехизиса. По этим пособиям смотритель училища и преподаватель осетинского языка и Закона Божия грузин Шио Двалишвили первоначально учил детей. Инспектором и учителем русского языка и арифметики был осетин Мжедлов. Он перевел на осетинско-тагаурское наречие священную историю с кратким катехизисом, впервые употребив буквы русской гражданской графики. Для поощрения воспитанников в получении дальнейшего духовного образования родителей их освобождали от общественных повинностей. В 1846 г. в Тифлисской духовной семинарии обучалось пятеро осетинских юношей: Варфоломей Туганов, Георгий Кантемиров, Петр Джикашвили, Николай Кундухов и Василий Цораев.²⁶ Один из них, Василий Цора-

ев, по окончании Тифлисской духовной семинарии поступил в Московскую духовную академию, после чего стал преподавателем в семинарии, из стен которой он вышел. В. Цораев также перевел ряд книг на осетинский язык. Владикавказское училище сыграло значительную роль в развитии осетин. Для своего времени воспитанники училища «были единственными тружениками на ниве просвещения осетинского народа».²⁷ Питомцы училища по окончании учебы работали в школах учителями, другие, например, В. Цораев (первый собиратель осетинского фольклора) или С. Жускаев (первый осетинский этнограф), А. Колиев, Н. Берзенов, стали видными деятелями осетинской культуры.

К сожалению, по жалобе воспитанников Кавказскому наместнику на плохое бытовое состояние училища, оно в 1863 г. было закрыто. Этот факт архимандрит Иосиф считал самым печальным событием за все время своей деятельности в Осетии, полагая закрытие училища ужасной ошибкой.

Образованный в 1840 г. Кавказский комитет стал курировать и вопросы народного образования. Росла численность светских учебных заведений.

В октябре 1853 г. вышло «Положение о Кавказском учебном округе», призванное привести народное образование на Кавказе в соответствие с общегосударственной системой образования. «Положение...» регламентировало и типы уездных и окружных училищ: они делились на низшие и высшие, четырехклассные. Предусматривалось также бесплатное обучение в училищах. Первоначальные училища могли открываться по мере надобности, с разрешения наместника. Их существование должна была обеспечить казна или местное общество. Выпускники могли претендовать на государственную службу, на учительскую деятельность в начальной и частных школах.

Школы духовного ведомства, хотя и не входили в состав учебного округа, финансировались совместно с его школами. Объем финансирования согласовывался с экзархом Грузии.

Таким образом, приходские школы оказались подконтрольными округу.

Военные учебные заведения. Ко второй трети XIX века в Осетии наметилась тенденция к зарождению военного образования. В системе ценностей осетинского народа оно было национально-значимым приоритетом, поэтому содействие российского правительства в привлечении горцев к военной службе нашло поддержку. Образование вообще, и военное в частности в Осетии было не только частью российской политики, оно являлось осознанной самим осетинским народом потребностью.

3 августа 1836 года вышло Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского округа. Автором данного проекта был барон Г.В.Розен, видный военачальник первой половины XIX века, командующий Кавказским корпусом в 1831–1837 годы.

Положение было утверждено императором Николаем I и явилось одним из первых правовых источников в деле организации военного образования на южных рубежах Российской Империи. В документе обосновывались цель и задачи данного учреждения, главная из них — доставить возможность юношеству из бедных дворян и других почетных сословий Закавказского края и горских племен получить образование. Для исполнения этого предполагалось, не учреждая особо дорогостоящих заведений, принимать детей на воспитание и обучение в полки и батальоны отдельного Кавказского корпуса. Полковым и батальонным командирам предписывалось заниматься вышеназванными подростками наравне с детьми солдатскими.

Представляется, что с этого времени можно говорить о *становлении специальной (военной) системы образования в Осетии*.

Определение детей на воспитание в войска Кавказского корпуса выполняло двуединую задачу. С одной стороны, усиливалась ориентация подрастающего поколения на связь с Россией, а с другой, — повышался общий уровень образованности в крае.

К началу 1836 года в условиях продолжавшейся Кавказской войны в отдельном Кавказском корпусе было батальонов: 8 гренадерских, 40 пехотных, 1 саперный и 36 линейных, всего 85 батальонов и один драгунский полк. Согласно положению, в каждый батальон принималось по 10, в драгунский полк — 14 воспитанников, от 9 до 14 лет; таким образом в Кавказском округе учреждались вакансии для 864 воспитанников.

Если в Центральной России доступ в военные учебные заведения был открыт в основном для лиц дворянского происхождения, то на Кавказе образовательная политика в этом вопросе резко отличалась от общероссийской. Величайшим благом был доступ к обучению в военных школах представителей горских народов. В данном вопросе интересы центрального российского правительства и элиты горских народов совпадали. Администрация старалась установить дружественные контакты с привилегированными сословиями горцев, поэтому прежде всего заботилась об образовании их детей. Система совместного обучения русских детей с «инородцами» была инициирована Министерством народного просвещения при выработке программы обучения на национальных окраинах страны.

1 мая 1848 года при Навагинском пехотном полку была открыта школа для 50 военных воспитанников. Командир полка барон И.А. Вревский просил объявить об открытии школы по всему Владикавказскому военному округу, чтобы привлечь детей бедных дворян и почетных сословий. Для них было предоставлено 30 мест, а для детей русских чиновников — 20 мест. Навагинская школа становилась очень популярной²⁸. Многие горцы годами ждали очереди, записывались в списки кандидатов. Дети до 17 лет обучались за казенный счет.²⁹ (По окончании школы они поступали на военную или гражданскую службу).

С 1848 по 1853 годы в Навагинской школе училось 90 человек. В программу входили русская грамматика, немецкий или французский язык, арифметика, история и география. Анализ архивных документов, в частности «Отношения начальника главного штаба войск на Кавказе в штаб войск Кавказской линии и Черномории»,³⁰ датированного 12 декабря 1851 года, показывает, что основным контингентом учащихся были дети «инородцев».

В 1857 году командование Кавказской линии решило передислоцировать Навагинский пехотный полк из Владикавказа в район реки Сунжа, а существовавшую при полку школу военных воспитанников перевести в Тенгинский пехотный полк. Таким образом, существовавшие ранее две школы военных воспитанников объединились в одну.

После завершения Крымской войны в условиях постепенного прекращения военных действий на Кавказе правительство Александра II решило реорганизовать систему школ военных воспитанников и на их базе учредить так называемые горские школы.

Начало изучения Осетии российской наукой. Наиболее ранние сведения о Кавказе обобщены в известном географическом труде XVII в. «Книга Большому Чертежу». Это объяснительный текст к несохранившейся карте Московского государства 1627 г. Книга была составлена Разрядным приказом по «государеву приказу» и на протяжении всего XVII века служила практическим руководством для государственной службы посылок. В разделе «Роспись реке Терку» содержатся некоторые географические сведения об Осетии. «И в Кабарде пала из гор в Терек река Ардан, протоку 50 верст, а от Ардана реки 20 верст пала в Терек река Кизыл, от Уруха 20 верст».

В 1650 г. к русским послам Никифору Толочанову и дьяку Алексею Иевлеву, державшим путь в Имеретию и остановившимся в одном из кабардинских владений, приходили дигорцы Смаил и Чибирка. Они сообщили послам, что их жилища расположены в горах, «а владелец у них Алхас Мурза Карабгоев, а владенья его четыре кабака. Один кабак, по их словам, составлял 200 и более дворов. Для оберегания этих кабаков дигорцы давали ясак Алегуке и Ходождуке, мурзам Черкасским». С каждого кабака ясак составлял «по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй».

Новую эпоху в истории России открывает XVIII век. Россия превращается в одну из могущественных европейских держав. Значительные успехи были достигнуты ею в области экономики, культуры и науки. По указу Петра I в 1724 г. была создана Академия наук.

По словам академика С.И. Вавилова, Академия наук «сделалась основным истоком новой русской науки. Почти все, что было достигнуто в области науки в России в XVIII в., непосредственно или косвенно исходило из Петербургской Академии. В истории мировой культуры в прошлых веках нельзя указать другой пример столь же быстрого и эффективного выращивания на-

уки, как это было в России в первой половине XVIII в. через посредство Петербургской Академии»³¹.

Из множества научных экспедиций, проведенных Академией наук в XVIII в., общегосударственное значение имели экспедиции 1768-1774 гг. Большую роль сыграли эти экспедиции и в деле изучения Кавказа, в частности — Осетии. 22 октября 1767 г. в Академии наук было принято решение об организации в 1768 г. экспедиций на север, восток и юг. Руководителями научных экспедиций были назначены крупнейшие ученые: П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, И.А. Гюльденштедт, С.Г. Гмелин.

Участники экспедиций проводили изыскания геологического характера, выясняли размещение полезных ископаемых, определяли уровень развития отдельных отраслей сельского хозяйства. Они собирали сведения о фактическом состоянии народного образования, медицинского обслуживания населения. Предусматривался также и сбор материалов об этнографических особенностях населения.

Руководителем одного из отрядов был назначен **Иоганн Антон Гюльденштедт**. В состав его отряда входили три гимназиста: Сергей Мошков, Борис Зряковский и Алексей Беляев, рисовальщик Григорий Белов и чучельник Сергей Тарбеев.

С января 1770 г. по август 1771 г. экспедиция И.А. Гюльденштедта объездила различные районы Северного Кавказа. 10 февраля 1771 г. члены экспедиции побывали в Тагаурском обществе. С июня по август они изучали Дигорский округ. В сентябре экспедиция Гюльденштедта в сопровождении 24 терских казаков выехала в Грузию. Во время пребывания в Грузии члены экспедиции тщательно собирали сведения об осетинах, живущих в Южной Осетии. С июня по октябрь 1772 г. отряд побывал во многих ущельях и селах, где жили осетины. 1 октября 1772 г. члены экспедиции во главе с И.А. Гюльденштедтом выехали из Грузии. На обратном пути они посетили сел. Коби. 7 ноября 1772 г. прибыли в Моздок. В конце лета 1773 г. отряд Гюльденштедта перешел к обследованию низовьев Дона.

Во время пребывания И.А. Гюльденштедта на Кавказе большую помощь оказывали ему кабардинские князья Арслан-бек-Тасулан, Девлетуг Келемет, осетинские старшины Темир-Султан и Ахмет.

Гюльденштедта, не знавшего кавказские языки, сопровождали переводчики из числа местного населения, «которые понимали по-русски, осетински и грузински и были знакомы с дорогами». Это немаловажное обстоятельство содействовало успеху деятельности членов научной экспедиции, получавших из первых рук относительно добротные фактические сведения.

Главным трудом И.А. Гюльденштедта является «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.», изданное в двух томах в 1787 — 1791 гг. участником «академи-

ческих экспедиций» П.С. Палласом. Вслед за Палласом разделы этого труда, относящиеся к Кавказу, издал Ю. Клапрот.

В 2002 г. в Санкт-Петербурге под редакцией Ю.Ю. Карпова в переводе Т.К. Шифрановского труд И.А. Гильденштедта был впервые полностью опубликован на русском языке³².

Для Кавказа труд И.А. Гильденштедта является первым и наиболее основательным описанием. Такого описания, по словам видного ученого-кавказоведа М.А. Полиевктова, «не было еще ни в русской, ни в западноевропейской кавказоведческой литературе». Этот труд «открывает новый отдел в истории русского научного кавказоведения XVIII века»³³.

Рассматривая общественный строй Осетии, Гильденштедт указывал на разобщенность осетинских обществ, отсутствие централизованной власти и непрекращающуюся вражду между ними. «Сейчас страна разделена на многие округа или уезды, которые частью... подвластны грузинским царям и князьям, частью признают русское владычество, присягают этому государству на верность и дают ему заложников, частью состоят [под властью] своих князей, частью — под выбранными своими старшинами, над которыми из коих владычествуют кабардинские князья. Но и более или менее независимые уезды не только не держатся вместе между собой, но живут партиями в открытой вражде, осложняют свою суровую жизнь и сами себе устраивают ссоры»³⁴.

Гильденштедт является одним из первых ученых, выдвинувших гипотезу о происхождении осетинского народа. Он писал: «Осетины кажутся мне остатками прежних половцев или узен, вероятность чего подтверждается образцами языка и употребляющимися и сейчас мужскими именами... Эти образцы языка показывают также, что осетинский язык хотя и совершенно самостоятелен, но все же достаточно родствен чистому персидскому, чтобы иметь [в его лице] праязык; не так с татарским, как считал Тхунманн. Когда в 1110 году половцы были разбиты русскими на Дону, кажется, что остаток последних — современные осетины, спаслись в Кавказских горах»³⁵.

Несмотря на то, что это предположение не получило в науке дальнейшего подтверждения и было по существу ошибочным, все же сама постановка проблемы о происхождении осетин в то время явилась важным историографическим достижением. Ученый одним из первых дал описание земледельческих орудий горцев Северного Кавказа. Большой интерес представляет его сообщение о наличии торговых связей между жителями северных и южных склонов Кавказского хребта. «В Они, — пишет Гильденштедт, — живут имеретины, армяне и евреи. Все говорят по-грузински, но между собой каждый [говорит] на своем языке. Армяне и евреи торгуют железным товаром из Цедис, хлопчатобумажными материями из Картли и солью и пшеном, поэтому сюда приходят осетины из Двалети и Дугор, Балкар, Басиании и также из Сони»³⁶.

Гюльденштедт дал описание земледельческих орудий горцев Кавказа. «Здесьшний плуг очень похож на немецкую соху, то есть треугольный лемех косо, как лопатка, поставлен перед толстой продолговатой дощечкой. За ним находится рукоятка и впереди изогнутое дышло, которое тянут 2 быка. Такой же плуг употребляется и у осетин»³⁷.

В работе содержатся также сведения о полезных ископаемых и других месторождениях на территории Осетии. Тщательно записывая названия местностей и населенных пунктов Осетии, ученый тем самым оставил интересный материал по топонимике и гидронимике Осетии.

Вместе с тем некоторые суждения и выводы ученого недостаточно обоснованы. Поспешны и утверждения И.А. Гюльденштедта о том, что жители горских обществ не знают законов. В этих оценках автора, скорее всего, сказывалось незнание им обычного права горцев.

Труд И.А. Гюльденштедта ценен огромным количеством фактического материала по истории, этнографии, лингвистике и многим другим научным дисциплинам. Материалы, собранные в процессе экспедиции, часто являются единственным источником XVIII века, позволяющим фиксировать расселение различных групп осетин. Сведения об опыте местного населения дают представления о жилище, одежде, пище и повседневных занятиях горцев.

Из других участников «академических экспедиций» об Осетии писал **Петр Симон Паллас**, один из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в. Круг его научных интересов охватывал многие отрасли науки — зоологию,

ботанику, геологию, палеонтологию, минералогию, физическую географию, медицину, этнографию, лингвистику, сельское и лесное хозяйство. В развитие всех этих наук ученый внес существенный вклад.

П.С. Паллас родился 22 сентября 1741 г. в Берлине. Получив образование в Германии, Голландии и Англии, он в 1767 г. переехал в Россию и в течение 43 лет работал на благо развития русской науки. Биограф Палласа Ф. Кеппен справедливо отмечал, что «всестороннему изучению своего второго отечества он посвятил почти всю свою жизнь, а потому мы можем причислить его к русским ученым, между которыми он, по глубине своих знаний, по широте научных интересов и задач, а

П.С. Паллас

также по необычному дару и точности наблюдений, занимает одно из самых первостепенных мест»³⁸.

В 1793 году П.С. Паллас организовал научную экспедицию для изучения Поволжья, Северного Кавказа и Приазовья. Сам Паллас считал эту экспедицию продолжением академических экспедиций 1768 — 1774 годов.

На Кавказе он был только в районе нынешних Минеральных Вод. Сведения о северокавказских народностях составлены Палласом на основании литературных источников, а также показаний сведущих лиц. Одним из информаторов Палласа был подполковник Л.Л. Штедер.

Сведения об осетинах, а также о других народностях Кавказа, приведенные в работе Палласа «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», носят обзорный характер, о чем свидетельствует и само название работы.

Из осетинских обществ Паллас больше всего останавливается на Дигорском, указывая, что «дигорцы издавна живут отдельно от осетин; одни являются вассалами баделят дворянского племени, живущими в горах, а другие независимы. Жители Донифарса, так же, как и население соседних селений, расположенных на левом берегу Уруха, живут «по-республикански и в очень плохих отношениях с другими дигорцами». Упоминание Палласом «республиканского общества» указывает на наличие остатков патриархальной демократии в некоторых обществах Дигорского ущелья. Из числа отечественных исследователей именно П.С. Паллас впервые сообщил весьма ценные сведения о религиозных верованиях осетин.

Первый сводный труд о народах России под названием «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» принадлежит активному участнику академических экспедиций **Иоганну Готлибу Георги**. Появление этой работы свидетельствовало о том, что русская наука в результате кропотливой собирательской деятельности, проводимой Российской Академией наук и другими учреждениями, накопила достаточное количество необходимого материала для составления подробного этнографического обзора всех народностей и племен, населявших Россию.

При описании кавказских народов И.Г. Георги использовал в основном материалы И.А. Гюльденштедта по Кавказу. Пользуясь ими, он не ограничивается простым их изложением. Он стремится по-новому осмыслить и обобщить материалы своего предшественника. Характеризуя общественный строй осетин, Георги отмечает, что осетины «имеют у себя князьков и дворянство, которые весьма небогаты». Основным видом хозяйственной деятельности осетин он считал скотоводство. «Доходы их состоят... в скотоводстве, небольшом земледелии, через что могут они жить без всякой нужды». Указывает автор и на наличие торговых связей между горцами и русскими поселенцами на Кавказской линии³⁹.

Академия наук провела значительную работу по сбору сведений о различных областях России, о составе, образе жизни, обычаях и нравах населявших ее народов. Наряду с «академическими экспедициями» 1768 — 1774 гг. Россией направлялись на Северный Кавказ и геологические. Данные, добытые участниками этих экспедиций **С. Вонявиным** (1768 г.) и **А. Батыревым** (1774 г.), имели большое научное значение.

Помимо изучения рудных месторождений Осетии, Степан Вонявин и Афанасий Батырев должны были собрать различного рода материалы об осетинах, в частности, определить уровень их экономического развития и выяснить их отношение к России.

Характеризуя отношения осетин с Россией, С. Вонявин писал, «что они с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора». При этом он отмечал, что к переселению на плоскость осетин принуждает «претрудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам»⁴⁰.

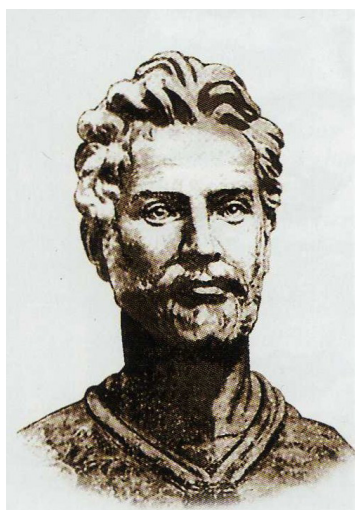
С. Вонявин справедливо считал, что переселение на плоскость осетин, принявших христианство, и наделение их землей благотворно скажется на всей жизни осетин и будет способствовать дальнейшему развитию русско-осетинских отношений.

В своих рапортах С. Вонявин сообщал много сведений о социальных отношениях в осетинских обществах, о взаимоотношениях осетин с Кабардой и Грузией. Сведения, полученные в результате экспедиции Вонявина, послужили толчком к еще более подробному изучению Осетии.

Следующая экспедиция для более подробного исследования природных богатств Осетии была организована в 1774 году. Ее возглавили рот-

мистр Терского войска Афанасий Батырев и горный мастер Александр Кирхнер. В качестве специалистов по горным породам в экспедиции участвовали Иван Жилин, Федор Ворман и Марк Ключев. Экспедицию сопровождали дворянин Николаев и военный конвой из 25 казаков.

Важный вклад в изучение истории осетинского народа внес грузинский историк и географ первой половины XVIII века **Вахушти Багратиони**. Он был побочным сыном картлийского царя Вахтанга VI. Родился Вахушти в 1696 г. Воспитывался он вместе с братом, царевичем Бакаром. Воспитателями у них были придворный священник Иесе Гарсеванишвили и его брат Гиорги. Вахушти учился также у

Вахушти Багратиони

миссионеров, что оставило заметный след как на его образовании, так и на научном наследии ученого.

Вахушти Багратиони активно участвовал в политической жизни своей страны. Из-за политических осложнений он вынужден был в 1724 г. покинуть вместе с отцом родину и переехать в Россию. В эмиграцию Вахушти отправился из г. Цхинвали, через Рачу, Грузинский (ледниковый) перевал и Дигорию. Здесь Вахтанг VI с придворной знатью в количестве 90 человек был задержан дигорцами, и лишь после вмешательства кабардинского князя Адилгирея Гиллясанова грузинский царь был освобожден и вместе с сопровождающими его лицами, включая и Вахушти, продолжил путь в Россию.

По пути следования Вахушти собирал материалы об осетинах. Этими материалами он воспользовался при написании своих работ.

В работе «География Грузии» Вахушти посвящает Осетии специальный раздел — «Описание современной Осетии или внутреннего Кавказа». Материалы об осетинах грузинский ученый дает на основе анализа многочисленных и разнородных грузинских, восточных, русских и западноевропейских источников.

Сведения Вахушти ценны в том отношении, что автор лично наблюдал жизнь осетин. Принимая активное участие в политической жизни Картлийского царства, он и тогда имел возможность подробно знакомиться с прилегающими к его родине областями.

Характеризуя мрачную судьбу осетин после монголо-татарского нашествия, Вахушти писал: «Во время же походов Чингизовых ханов, особенно же Батыя и Орхана, разорились и опустошились города и строения их, и царство овсов превратилось в мтаварство (княжество), и овсы стали убежать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню». В результате нашествия монголов «Осетия... раздробилась на множество мтаварств... С тех пор, — заключает автор, — Овсетия стала называться Черкесией».

Характер природы и малоземелье в значительной степени определяли хозяйственную жизнь осетин. В начале XVIII в. основным видом занятий в хозяйстве оставалось скотоводство. Но и уровень развития скотоводческого хозяйства непосредственно зависел от наличия пастбищных угодий и земельных площадей. Это было замечено автором, который указывал на недостаток у осетин пастбищ и покосов.

Торговля у осетин, по сообщению Вахушти, еще и в начале XVIII в. носила меновой характер. «Меди, золота и серебра у них мало. Денег не знают, но деньги заменяются войлоками, чохой, небеленым холстом, сукном, овцами, коровой и пленником, и между собой торгуют ими». Далее автор отмечает, что торговые отношения развивались не только внутри осетинских обществ, но и с соседними народами. Осетины, по Вахушти, торговали с грузинами, ка-

бардинцами, дагестанцами. Торговые отношения с Грузией поддерживались через перевальные дороги. У своих соседей они покупали соль, лен, коноплю, хлопок. В свою очередь осетины поставляли в обмен на эти товары изделия собственного производства.

Вахушти указывает, что ремесло у осетин было хорошо развито. Осетины, — по словам Вахушти, — «знают искусство выделывания кожи, тkanie сукон, валяние их, приготовление хороших бурок. Знают ковать, слесарное ремесло, выделывать деревянные вещи»⁴¹.

Внимание ученого привлекли осетинские укрепленные жилища-башни, о которых он сообщает следующее: «... а строят дома без окошек и во много этажей, из башенных каменных плит и земли, на высоких скалисто-горных местах, ибо таковые места считают наилучше безопасными от снежных завалов, которые не ударяют по ним».

Подробно описывает автор и одежду осетин. «Одеты они в рубашки из небеленого холста с вырезанным, как у монахов, воротником и в холщевые кальсоны, сверх того носят чоху короткую до колен и суконные ноговицы, но чохи бывают со сборами и без петель. Сверх чохи накидывают бурку. На ногах носят кожаную обувь, подошва которой переплетена нарезанными ремнями, а внутри выстлана осотом, и обуваются так, дабы не скользила нога по льдам, скалам и траве». При описании одежды автор указывает, что представители знатных родов «одеваются... в платья из бурмета, дариин, парчи, бумажно-шелковой материи и в другие ткани, которые в состоянии приобрести»⁴².

Ученый обратил внимание и на социальные различия в семейно-бытовых отношениях осетин. «Богатые женятся на двух и трех женах, а простолюдины на одной», — подмечает Вахушти. Из сказанного видно, что многоженство у осетин имело в своей основе социально-экономические факторы. Многоженство было распространено среди феодалов, ибо для простолюдины уплата калыма была непосильной задачей.

В работе Вахушти упоминается и о существовании у осетин в XVIII в. такой древней формы брака, как левират. «Когда умирает один брат, другой брат женится на жене своего брата: ибо, согласно достоинству семейств, дают ему (дому отца невесты) 10-20 и 40 коров — поэтому не допускают, чтобы на овдовевшей женился чужой, но сами женятся».

Ученый рассматривает и отдельные вопросы из области сословных и правовых отношений осетин. В осетинском обществе Вахушти различает две категории населения: низшие и высшие. К высшим он относит хорошо известные в Осетии средневековые феодальные роды: Сидамоновы, Цахиловы, Тагиата, Куртата, Бадеята, Царгасата и считает их «превосходнейшими из всех». Между этими феодальными родами существовала классовая солидарность. «В родах этих принято оказывать друг другу помощь, соратничать, пособлять, искать крови»⁴³.

В общественном быту осетин в первой половине XVIII в. в значительной степени еще сохранились черты патриархальной формы правления. Младшие члены рода должны были полностью подчиняться старшим и оказывать им всякие знаки уважения. Характеризуя эту форму патриархальной подчиненности младших старшим, Вахушти писал, что осетины «оказывают большой почет своим старшим и смотрят на них, как на своих патронов».

Немалый интерес проявляет Вахушти и к религиозным воззрениям осетин. Он указывает, что осетины «все были христианами» в старину, но со временем они забыли христианскую веру и стали поклоняться различным идолам, т.е. вернулись к языческим верованиям и обрядам.

Ценные исторические известия об осетинах первой половины XVIII в. содержатся в составленной В.М. Бакуниным «Записи показаний, находившихся в Санкт-Петербурге кабардинских владельцев Магомета Атажукина и Алдигирея Гиляксанова и кумыкского владельца Алиша Хамзина, ноября 1743 года», впервые введенный в научный оборот профессором Г.А. Кокиевым.

Первым письменным свидетельством о социальной и хозяйственной жизни осетин в первой половине XVIII в. является донесение архимандрита Пахомия, игуменов Христофора и Николая и иеромонаха Ефрема Святейшему Правительствующему Синоду от 12 июля 1745 г. Все они входили в состав Осетинской духовной комиссии. Члены комиссии занимались не только «приведением осетин в христианство», но также подробно изучали занятия осетин, их религиозные верования, уклад жизни, сообщали сведения о наиболее влиятельных лицах.

Интересны сведения о Зурабе Магкаеве, видном политическом деятеле Осетии в XVIII в. «... Между ими, — писали они, — знатной фамилии есть один, который по приказанию нашему встретил нас в горских черкасах и с ним был один, сын которого в то же время окрестил и оному главному имя Зураб Элиханов *. У грузинского царя в доме воспитан и диалект грузинский хорошо знает, також и божественное писание знает ж и как в сих местах, так и по всей Осетии он знатной человек и знают его и от самых горских черкасов и тракту до внутри Осетии. Главные люди все ему родственники и свойственники и сей Элиханов и в России бывал и христианству весьма ревнитель, так ж и услуга его императорского величества ревностно желает чтоб сие дело исправилось и христианство б распространилось, и в пути нам он был препроводитель, и он был наш вожатый и переводчик он же есть, хотя б он при нас быть переводчиком и погнушался, однако по христианству любовь имеет и того ради очень желание имеет дабы сие дело исполнено... он очень акку-

* В материалах Осетинской духовной комиссии упоминается и как Зураб Егоров, Зураб Азозов, в народе знали как Зураба Магкаева.

ратно знает здешние обстоятельства и помощник нам немало и никого не сыщется здесь в Осетии для перевода такого, да и грамоту в Осетии кроме его никто не знает»⁴⁴.

Авторы «Донесения...» также указывают, что наиболее влиятельные лица Осетии поддерживают идею присоединения к России. «Здешние главные люди в Россию ехать весьма желают и принести поклонение ее императорскому величеству и тамо крестится желают, ежели им указ будет...».

Среди множества материалов осетинской духовной комиссии особый интерес представляет донесение протопопа ** Иоанна Болгарского епископу Астраханскому и Ставропольскому Антонию от 18 июля 1780 г. Автор донесения — **Иоанн Болгарский** с 1777 г. состоял начальником Осетинской миссионерской комиссии. По указанию Астраханской духовной консистории *** он должен был благопристойным образом разведать о прежнем и нынешнем того народа положении, о числе их всех вообще, а особливо новокрещен, о их нравах и склонностях. Также относительно религии, в какой они в прежние времена находились, и в какой ныне состоят.

Выполняя официальное поручение, И. Болгарский составил описание нравов и обычаев осетин. В нем он ставит важнейший научный вопрос о происхождении осетинского народа — «откуда они или от кого начало свое приняли». И хотя автор не был в состоянии на него ответить, тем не менее, сама постановка им вопроса о происхождении осетинского народа свидетельствует о широте научных интересов автора. При описании свадебного обряда у осетин автор отмечает ту большую роль, которую играет культ огня и домашнего очага в быту осетин. «В доме невестинном из собравшихся к празднеству один взявши сговоренную девку, обнажа свою саблю, обводит ее в круге раскладенного огня три раза и потом отводит ее торопно в особый покой, где при сем празднестве больше бывает женщин»⁴⁵.

Из древних обрядов, описываемых И. Болгарским, большой интерес вызывает обряд посвящения коня, который, по всей вероятности, он не раз наблюдал. Он пишет: «Ежели умершей случится мужеску полу, то приводят к нему лошадь оседланную и ставят около ево весь военный наряд. Потом лошадь, обведши вокруг умершего три раза, отдают узду в руку умершего тогда принеся в бутылке пива подносят в деревянном пакале старику, который пошептавши что-то, и немного на землю выливши, выпьет, а потом и протчим всем разнеся и выпивши сам последний пакал, отрезывает у лошади ухо в знак тот, что она и на том свете будет ему служить (при смерти же женщины сей церемонии не бывает)».

** Протопоп — священник высшего чина.

*** Консистория — учреждение с административными функциями при епархиальном архиерее в дореволюционной России

С целью более основательного изучения путей сообщения между севером и югом Кавказа и составления военно-стратегических карт, необходимых для определения наиболее удобной и краткой трассы предполагавшейся Военно-Грузинской дороги, российское правительство привлекало военных специалистов. Многие из них подробно записывали все то, очевидцами чего они являлись. Среди этих материалов примечательны сведения из дневника офицера русской службы **Леонтия Леонтьевича Штедера**, который побывал в осетинских обществах в 1781 г.

Работа Л.Л. Штедера «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году», была впервые напечатана в 1796 г. П.С. Палласом.

По определению профессора Г.А. Кокиева, «Дневник...» Штедера характеризует Осетию второй половины XVIII в. в географическом, этнографическом и социально-экономическом отношениях, и самое главное — он дает богатейший материал о борьбе, происходившей в то время внутри осетинского общества⁴⁶.

Несмотря на полученные сведения о природных богатствах Осетии в результате экспедиций Степана Вонявина и Афанасия Батырева, российское правительство не переставало интересоваться их изучением и при каждой возможности старалось уточнить или дополнить эти сведения. Не остался в стороне от этого и Штедер, который указывал, что «минералы, которыми богата Осетия, дают большие надежды на эту местность, и я могу указать богатые свинцовые и серебряные руды», которые «сулят большие доходы».

Сведения об осетинах, содержащиеся в «Дневнике...», представляют большую научную ценность. Штедер, хорошо знавший жизнь осетин, особо отмечал их трудолюбие. «Они склонны к работе, — пишет он, — в особенности женщины постоянно заняты; они заботятся обо всей одежде, о домашнем хозяйстве, о жатве, сборе плодов, дровах и грязной работе. Мужчины, напротив, занимаются седельной сбруей, обработкой земли, пахотой, ремеслом кузнеца, каменщика и строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной».

Л.Л. Штедер во время своего пребывания в Осетии не только фиксировал события, очевидцем которых был, но и сделался активным их участником. Он явился одним из первых представителей русской администрации на Кавказе, которые в своих материалах подробно отразили события классовой борьбы, непрерывно происходившие в западной части Осетии в течение десяти лет между дигорскими крестьянами и феодалами-баделятами.

«Дневник...» Л.Л. Штедера представляет собой всестороннее описание осетин. Содержащийся в нем историко-этнографический материал является ценным источником для изучения хозяйственных занятий и социальных отношений осетин второй половины XVIII в.

Интересные сведения об осетинах имеются в сочинении Якоба Рейнеггса «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа». **Якоб Рейнеггс** (1744 — 1793 гг.) родился в Саксонии в городе Эйслебене. Биографические сведения о нем очень скудны, а имеющиеся данные часто противоречивы. Находясь длительное время на Кавказе, Рейнеггс составил историко-топографическое описание Кавказа. «Этот труд, — указывает видный историк-кавказовед В.К. Гарданов, — содержит весьма ценный материал по истории и этнографии Кавказа. Длительное пребывание Рейнеггса в Грузии и на Северном Кавказе дало ему возможность хорошо изучить жизнь местного населения и в ряде случаев он сообщает такие подробности, которые мы не найдем ни у одного из его современников»⁴⁷.

Ученый одним из первых высказал мнение, что «ассы Плиния... были, без сомнения, основным племенем теперешних осетин, которые и теперь еще населяют эту страну»⁴⁸. Рейнеггс, достаточно хорошо знавший языки народов Кавказа, обращает внимание на то, что «их язык совершенно отличается от разнообразных наречий остальных жителей Кавказа; сходство наблюдается только с некоторыми персидскими и грузинскими словами»⁴⁹.

Уместно обратить внимание и на его догадку о влиянии грузинского языка на осетинский. Рейнеггс, описывая обычаи кровной мести у осетин, отмечает, что «кровная месть является у этого народа вредным обычаем, сделавшимся необходимостью»⁵⁰.

Продолжительное бытование обычая кровной мести является результатом отсутствия сильной централизованной власти, а также политической раздробленности и наличия отсталых общественных отношений в среде осетин.

Немало внимания уделяла русская историческая наука в XVIII в. и такой сложной проблеме, как происхождение народов.

Вопрос о происхождении осетинского народа впервые был выдвинут русским академиком **Герардом Фридрихом Миллером** в работе «О народах, издревле в России обитавших». Анализируя труды античных историков и европейских путешественников, он высказал предположение: «Карпини и Рубруквис в XIII в. упоминают об аланах, коих они при путешествии своим находили или которых они слышали. Первый равняет их с черкессами и дает им прозвание ассы, которое кажется в сродстве с нынешними осетинами»⁵¹.

Независимо от Г.Ф. Миллера, теорию об аланском происхождении осетин выдвинул и другой ученый, почетный член Российской Академии наук **Иван Осипович Потоцкий**.

В 1798 г. он, желая проверить сведения Геродота и других древних писателей о Скифии, предпринял путешествие с научной целью на Северный Кавказ, посетив при этом и Осетию. Изучая труды древних и раннесредневековых авторов, ученый пришел к выводу, что осетины являются частью алан-ясов (осов).

Таким образом, русская наука к началу XIX века вплотную подошла к правильному решению вопроса о роли аланского этноса в этногенезе осетин, усматривая в них предков осетин.

Начало научного изучения осетинского языка связано с именем **Андрея Михайловича Шёгрена**. Вся его жизнь является образцом самоотверженного служения науке.

А.М. Шёгрэн (1794–1855 гг.) родился и вырос в финской деревне Ситтикаля, в семье сапожника. Отец, видя увлечение сына чтением различных книг, стал всячески помогать ему. К восьми годам Шёгрэн умел не только бегло читать книги, но и знал наизусть весь катехизис. Этим он обратил на себя внимание деревенского пастора, который в течение одного года обучал Шёгрена шведскому языку, а затем, в 1803 г., отдал его в школу в г. Ловизе.

По окончании гимназии в 1813 г. Шегрен поступил в Абосский университет, где главными предметами его занятий были классические и восточные языки. 16 июня 1819 г. он получил степень доктора философии. В апреле 1820 г. Шегрен прибыл в Петербург. Здесь молодой ученый приступил к изучению русского языка и истории России, одновременно собирая сведения о всех живущих в России народах.

В марте 1831 г. Шёгрэн был избран в экстраординарные академики, а в 1833 г. ему было поручено заведование иностранным отделением академической библиотеки. Вследствие усиленной и напряженной работы у Шегрена резко ухудшилось зрение. Медицинская помощь была тщетной, и врачи посоветовали ему ехать на Кавказ лечиться минеральными водами. Не имея средств, Андрей Михайлович обратился в Академию и, по ходатайству ее президента, графа С. Уварова, получил денежные средства, а также ряд научных поручений.

Отправляясь на Кавказ, Шёгрэн ясно представлял себе цели своей научной работы. Он писал: «Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня и цель и средства, я займусь еще в особенности осетинским... а также точнейшим исследованием осетинских нравов и обычаев»⁵².

Весной 1836 г. Шёгрэн прибыл во Владикавказ, где приступил к изучению осетинского языка. Большую помощь ученому оказывали прапорщик Петр Жукаев и протоиерей Владикавказа Шио Двалишвили⁵³. Особенно теп-

А.М. Шёгрэн

ло отзывался Шегрен о Жукаеве, «природном осетине, но притом знающем хорошо и русский язык, которому грамматически выучился он в Тифлисской духовной семинарии».

Работу по изучению осетинского языка Шёгрэн, по его словам, «продолжал в разных местах в самих горах, в Дигории, западной части Осетии, и в осетинской, дигорскими выходцами населенной, деревне на линии между городами Екатериноградом и Моздоком».

А.М. Шёгрэн был весьма трудолюбивым ученым. Стиль его работы можно охарактеризовать его же словами, что «дела человеческие, конечно, даже при всех стараниях остаются несовершенными, почему и надобно всевозможно стараться о достижении совершенства»⁵⁴.

В конце 1837 г. ученый возвратился в Петербург. Свое пребывание на Кавказе он подытожил словами: «... Я успел сделать все, что было мне только возможно, и в исходе 1837 г. возвратился в Петербург... обогащенный изобильными, и по возможности, достоверными материалами к пространному грамматическому изложению осетинского языка»⁵⁵.

А.М. Шёгрэн хотел, чтобы его труд по изучению осетинского языка принес пользу «учителям в таких кавказских учебных заведениях, в которые стали вступать и осетинские дети, которых число со временем еще более умножится, а особливо если и самый язык сделается, как и должно быть, особенным предметом учения»⁵⁶.

Изданная в 1844 г. работа ученого «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским» была высоко оценена в научном мире. Комиссия по присуждению Вольнеевской премии в своем донесении указывала, что «это творение ученого и добросовестное, которое впервые знакомит во всей подробности с одним из самых важных и занимательных наречий».

После тщательного изучения языка осетин Шёгрэн составил осетинский алфавит на основе русской графики. К этому побудила его мысль, высказанная им самим в предисловии к осетинской грамматике: «Соображая как будущую судьбу самих осетин, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму.., я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит».

Алфавит А.М. Шёгрена стал превосходным орудием распространения грамотности и культуры в среде осетинского народа. Создание ученым алфавита и грамматики осетинского языка, по словам профессора В.И. Абаева, «дало мощный толчок культурному развитию в Осетии. Оно разбудило дремавшие силы одаренного народа»⁵⁷. Поэтому один из видных публицистов Осетии Г.М. Цаголов назвал Шёгрена отцом современного осетинского алфавита. Аналогичного мнения придерживался и В.Ф. Миллер, считавший, что «научное изучение осетинского языка нужно вести от работ Шёгрена»⁵⁸.

Русские ученые особенно большой интерес проявили к истории и этнографии народов Кавказа. Это вызвало серьезное расширение круга источников о Кавказе и сопровождалось появлением оригинальных исследований, создатели которых, несомненно, были видными учеными для своего времени.

Обширные исторические материалы, относящиеся ко всем народам Кавказа, были собраны историком **П.Г. Бутковым** (1775–1857 гг.). Находясь в течение длительного времени на государственной службе, П.Г. Бутков в то же время неукоснительно и преданно занимался научной работой. В 1841 г. он был избран членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Поступив на военную службу в шестнадцатилетнем возрасте, он участвовал в военных походах.

На Кавказе Бутков усердно стал заниматься историко-литературной деятельностью. С 1801 по 1802 гг. он был начальником канцелярии командующего войсками на Кавказе генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга. Пользуясь своим служебным положением, П.Г. Бутков собрал документы и материалы официальной переписки русских властей на Кавказе. Работу по сбору материалов он продолжал в течение всей своей жизни.

Петр Григорьевич Бутков одним из первых начал заниматься вопросами о времени появления основных редакций «Повести временных лет», о подлинности русской начальной летописи, о самобытности древнерусской культуры. Важное значение в русской историографии имел его труд «Оборона летописи русской, Нестеровой, от навета скептиков» (1840 г.), в котором автор выступил против «скептической школы» М.Т. Каченовского.

Как исследователь-кавказовед, П.Г. Бутков известен своим капитальным трехтомным трудом «Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 гг.», изданным уже после его смерти академиком М. Броссе в 1869 году. Труд этот представляет ценный свод исторических сведений по истории Кавказа, извлеченных автором из различных источников, главным образом, из официальных документов русской администрации на Кавказе. Однако ценность материалов, приводимых Бутковым, ослабляется тем, что автор нигде не приводит ссылок на первоисточники и не указывает, откуда им взяты те или иные факты.

П.Г. Бутков оставил огромный рукописный фонд, сосредоточенный в настоящее время в архиве Российской Академии наук. Из материалов этого фонда видно, что он одним из первых в русской исторической науке задумал составить обобщающий труд по этнографии Кавказа. Но осуществить этот план ему не удалось.

Среди рукописей Буткова привлекает к себе внимание черновой набросок под названием: «Попытка к составлению древней истории осетинцев,

т.е. подонских ясов в русских летописях; по имени сих ясов, Азов и Азовское море называются». В этой незавершенной работе П.Г. Бутков, в частности, указывал, что этнические термины асы, ясы, аланы, языги обозначали предков современных ему осетин. Исходя из этого, он пытался обосновать тезис, что и названия Азов и Азовское море происходят от названия «ас». Эта гипотеза, однако, не нашла поддержки в исследованиях последующих ученых. Не являясь специалистом в области языкознания, Бутков иногда брал за основу доказательства своей гипотезы лишь некоторое сходство ряда топонимических и этнических терминов.

Крупный исследователь древнерусских летописей, П.Г. Бутков не мог не обратить внимание на материалы, относящиеся к истокам дружбы русского и кавказских народов. Этой теме посвящена его статья: «О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII веке», опубликованная в 1825 г. в журнале «Северный архив».

В этой небольшой статье ученый сообщает ряд ценных сведений о династических связях между аланами-ясами и древнерусскими князьями, свидетельствующих об экономических, политических и культурных связях между Древней Русью и Аланией в домонгольский период. Здесь же автор указывает на то, что аланы исповедовали христианство, и у них существовала своя епархия. «Не излишним считаю повторить... — писал он, — что ясы кавказские и донские, быв издревле христиане... составляли епархию, зависимую от патриаршества Царегородского». П.Г. Бутков одним из первых в научной литературе делает попытку определить месторасположение города Дедакова. Он пишет: «Столица владетелей осетинских, продолжавшихся до XVI столетия, стояла на землях Куртатского осетинского поколения, в урочище Гускадин при р. Фаяг, верстах в 20 выше втечения ее в Терек, где знаки бывшего города и ныне заметны, в 35 верстах от железных врат Дарьяла. Нашим же летописцам известна была под именем Дадако, Дедакова, Тетякова. Сей город, богатый и крепкий, силами русских князей покорен для Ордынского хана Менгутемира 1277 года». Впоследствии, усомнившись в возможности расположения Дедакова на р. Фиагдоне, Бутков упомянул Татартуп как возможное местонахождение Дедакова. Постановка ученым вопроса о местонахождении столицы домонгольской Осетии привлекала впоследствии внимание многих исследователей. Его успешное разрешение и по сей день стоит перед учеными.

Об уровне развития отечественного кавказоведения можно судить по «Географическому словарю Российского государства», изданному в Москве в 1801 — 1809 гг. Авторами его были **А.М. Максимович** и **А.А. Щекатов**. Словарь содержит статьи с новыми для того времени материалами о народах Кавказа. Отдельная статья под названием «Осетинцы, осеты или оссы» посвящена осетинам. При написании этой статьи авторы широко пользовались трудом академика И.А. Гюльденштедта.

В статье «Кавказские народы» была предпринята попытка составления общего этнографического обзора кавказских народностей. В ней отмечалось, что, несмотря на разноязычие, народы Кавказа во многом сходны в своем образе жизни, законах и обычаях. «Все они, — писали авторы словаря, — языками различны, а образом жития и законами по большей части сходны и управляются собственными начальниками... Все тамошние области вообще как будто бы составляют одно, из многих вельможных правлений состоящее, непорядочное, вельможами управляемое государство». Указывалось также на общность основных занятий народов Кавказа: «Главные промыслы кавказцев состоят в земледелии и скотоводстве, причем многие производят также простые ремесленные работы и торги»⁵⁹.

В 1802 г. на Кавказ с дипломатическим поручением был отправлен чиновник Коллегии иностранных дел **А.Е. Соколов**. Его записки об этой поездке были опубликованы в 1874 г. Отдельный отрывок из этих записок под названием «Краткое описание Дигора или Стодугора с некоторыми замечаниями» был перепечатан в «Сборнике сведений о кавказских горцах»⁶⁰.

Во время пребывания в Дигорском ущелье А.Е. Соколов интересовался вопросами хозяйственной деятельности осетин, одновременно намекая им о сближении с Россией. «Почерпав... сведения от старшин Кантемировских, — пишет он, — любопытствовал я от него о способах существования дигорцев, внушая им, сколь полезна для них быть может их приверженность к России».

Осетины, как свидетельствует А.Е. Соколов, не прочь были сблизиться с Россией, о чем они и заявили. «Они меня уверяли, — отмечал он, — что ничего для них лестнее быть не может, если бы только они могли надеяться на то, что им оказаны будут некоторые милости» со стороны России. При этом основные требования осетин сводились к следующему: «чтобы всем дигорцам, в бесплодных каменистых горах обитающим, было дано дозволение переселиться на землю Тав-Султанов, впусе лежащую между рек Уруха и Терека, на том положении, чтобы при отведении им достаточного количества земли... построены им были христианские церкви... чтобы они могли навсегда обеспечены со стороны безопасности от владельцев Большой Кабарды небольшим, но достаточным прикрытием казаков или другого войска».

В начале XIX века Академия наук успешно продолжала собирание материалов по истории, культуре и быту народов России усилиями ученых самых различных специальностей.

В 1807 — 1808 гг. по поручению Академии наук лингвистом-ориенталистом **Г.Ю. Клапротом** обследовались культура и быт адыгов, абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, горных грузин и других народностей Кавказа.

Перед отъездом на Кавказ Клапрот получил подробные наставления от графа Яна Потоцкого, который был одним из организаторов его путешествия. Академия наук поручила Л. Лербергу и Г. Кругу составить для Клапрота ин-

струкции по вопросам истории и нумизматики. Академия не ограничивала Клапрота ни во времени, ни в средствах, о чем сообщалось, что, «поскольку предмет его состоит в точнейшем познании Кавказа, то он должен употребить столько времени на свое путешествие, сколько для достижения сего нужно».

Итогом научных исследований Генриха Юлиуса Клапрота на Кавказе явился обширный двухтомный труд под названием: «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 — 1808 гг.».

Профессор Г.А. Кокиев, впервые издавший на русском языке материалы ученого об осетинах, отмечал, что «Клапрот был крупнейшим кавказоведом XIX века. Он непосредственно примыкал к своим научным предшественникам — Гюльденштедту, Палласу, Штедеру и др.». Будучи хорошо знаком с материалами предшествующих путешественников-кавказоведов, ученый не только сообщил, но и углубил и расширил их наблюдения.

Касаясь вопроса о происхождении осетин, Клапрот одним из первых использовал в этой связи сведения русских летописей, а также грузинских и армянских источников. Вслед за Я. Потоцким, с которым он поддерживал дружественные отношения, Клапрот повторил положение о генетической связи осетин с аланами.

Характеризуя социальные отношения осетин, Клапрот указывал, что «все старейшины у осетин имеют своих собственных крестьян, рабов, купленных или пойманных, прислуживающих им в доме, а также свободных подданных»⁶¹.

По своему образу жизни старшины резко выделялись среди других осетин. «Каждый старшина, — пишет Клапрот, — имеет один опрятный дом, другой — предназначенный для гостей, и третий — для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи... Подушки и матрацы... у богатых покрыты голубовато-полосатым полотном. Их одеяла покрыты персидским ситцем и сделаны из шерсти и хлопка». В противовес этому, автор тут же подмечает, что «бедные люди живут очень бедно и нечистоплотно»⁶².

Клапрот дал подробную картину экономической жизни осетин в начале XIX века. Главными хозяйственными занятиями осетин, по его оценке, были земледелие и скотоводство. Характеризуя вопрос о соотношении земледелия и скотоводства в начале XIX века у осетин, Клапрот придерживается мнения, что «после земледелия скотоводство составляет основное занятие осетин».

Торговые отношения связывали осетин с грузинскими и с русскими поселенцами на Кавказской линии, с соседними горскими народами. Предшествующие Клапроту путешественники описывали торговлю как исключительно меновую. Но к концу XVIII века, и особенно в начале XIX века, меновая торговля у осетин постепенно перерастала в денежную. Деньги становились

средством расчета, вытесняя холст, который служил основным мерилom ценности в среде горцев.

Интересно отметить, что процесс постепенного перерастания меновой торговли в денежную был подмечен и самим путешественником. Указывая на это явление, Клапрот пишет, что «прежде оплату производили рубашками или другими товарами, но со времени оккупации Грузии русскими жители гор лучше узнали цену денег...»⁶³.

Клапрот подробно описал поселения и жилища осетин. Он одним из первых в науке засвидетельствовал существование у осетин Нартовского эпоса. В результате проведенных Г.Ю. Клапротом академических экспедиций, посвященных изучению Кавказа, было накоплено большое количество материалов, позволивших ученым приступить к более глубокому и систематическому изучению этнографии, истории и языка осетин — этих основных элементов осетиноведения.

Крупный вклад в научное кавказоведение в первой четверти XIX в. внес **Семен Михайлович Броневский** (1763–1830 гг.), долгое время находившийся на военной и гражданской службе на Кавказе. С 1801 г. состоял правителем дел канцелярии Главноначальствующего на Кавказе. В последующее время служил в Петербурге в департаменте иностранных дел.

Занимаясь в свободное от службы время историей Кавказа в целом, судя по его словам, хотел «доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних народов».

Его труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах» дает систематическое историко-этнографическое описание народов Кавказа.

Характеризуя формы правления у народов Кавказа, Броневский пишет, что «абхазы, осетины, кисты, ингуши, чеченцы... управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору», и относит эту форму правления к аристократической, указывая далее, что правление «монархическое или аристократическое, еще правильное можно назвать феодальным»⁶⁴.

Эта первая в исторической науке оценка общественного строя народов Кавказа как феодального постепенно получила распространение среди кавказоведов. Броневский не ограничился общим указанием на существование у народов Кавказа в первой четверти XIX в. феодализма, а в своем труде показал многие существенные стороны феодальных отношений. С.М. Броневский был человеком передовых для того времени взглядов. Он явно осуждал крепостничество и сочувствовал крестьянам. «Крестьяне, хлебопашцы, или коренные жители Кавказа — есть многолюднейшее и полезнейшее сословие, — отмечает автор, — они мало чем отличаются от русских крестьян в нравственном своем образовании, можно предпо-

лагать, что в скором времени сделались бы добрыми и трудолюбивыми земледельцами, если бы не угнетали их повсюду следствия феодального правления». Далее он провозглашает, что «продажа крестьян почитается за великий стыд»⁶⁵.

Работа С.М. Броневского явилась первым звеном в целом ряде последовавших затем сочинений о Кавказе, авторами которых были официальные лица — военные и гражданские чиновники, служившие на Кавказе и хорошо знавшие жизнь и быт местных народов⁶⁶.

Обширное обследование различных областей Кавказа было проведено по поручению Российского правительства в 30-е гг. XIX в. Результаты этого обследования легли в основу капитального труда: «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях».

Авторами «Обозрения...» являлись чиновники гражданских учреждений города Тифлис. Источниками для выполнения этой работы послужили официальные документы, главным образом материалы, лично собранные авторами на местах.

Помещенное во второй части «Обозрения...» описание Осетии, выполненное **А.Г. Яновским**, является наиболее полным и всесторонним исследованием первой трети XIX века. Автор, изучавший осетин не только по литературным источникам, но и непосредственно наблюдавший их жизнь, отмечает чрезвычайно тяжелые условия жизни в горах Осетии и удивительное трудолюбие осетин. «Там, — пишет Яновский, — обрабатываются не только все хотя малоспособные земли, но даже такие крутизны, которые пахать невозможно, взрываются железными лопатами и засеваются хлебом. В этом случае трудолюбие осетин, может быть следствие необходимости, заслуживает удивления»⁶⁷.

Характеризуя острое малоземелье в Осетии, автор пишет, что «по сравнению с народонаселением в Осетии весьма мало способных к посевам земель, — так что едва ли приходится на каждое семейство по одной десятине... В ущельях по северную сторону главного хребта возделанная земля столь дорога, что место, на котором может лечь бык, стоит быка; день паханья такой земли продается обыкновенно от 90 до 108 коров»⁶⁸.

Особое место в работе А.Г. Яновского занимает запись осетинских ада-тов из области сословных и семейных отношений, а также судопроизводства осетин.

Возникновение русской периодической печати на Кавказе сыграло немаловажную роль в развитии русского кавказоведения. А.С. Пушкин дал высокую оценку первой русской газете «Тифлиссские ведомости», назвав ее «единственной между русскими газетами, имеющей своеобразную окраску и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес»⁶⁹.

На страницах этой газеты часто выступал **Г.С. Гордеев**. Он принимал активное участие в изучении Кавказа. Внимательный и наблюдательный офицер, а затем чиновник, он в своих статьях дал превосходное описание быта и нравов осетин. Как и А.Г. Яновский, Г.С. Гордеев был одним из первых собирателей материалов по обычному праву осетин. В «Письмах из Осетии» Гордеев дает достоверное описание обычного права. Поведение людей внутри осетинских обществ строго регламентировалось нормами обычного права. «Большая часть осетин, — пишет он, — с отдаленных времен по настоящий 1830 год, не признававших над собою почти никакой власти, удерживаемы были, в своем кругу, от взаимных друг против друга своевольных поступков древними коренными обыкновениями, которые горцы всегда почитали священными и в виде законов передавали из рода в род. Сии обыкновения, вместе с радушным гостеприимством, составляют единственную связь, поддерживающую существование кавказских народов»⁷⁰.

С целью популяризации трудов по истории, археологии и этнографии в конце 30-х гг. XIX в. известный русский литератор и историк **В.В. Пассек** (1808–1842 гг.) стал издавать «Очерки России». Он предполагал исследовать не только историю русского народа, но и прошлое других народов.

В первой книге «Очерков России» был помещен очерк «Осетинцы». В.В. Пассек приводит сведения древних авторов об аланах, которых он считает предками осетин. «Аланы, — пишет он, — были известны китайцам во II веке до Р.Хр. — под названием Янтсе. В это же время они жили, кажется, у берегов Аральского моря. Через два века после того они уже называются аланами... Осетинцы... составляют живой и чистый его остаток»⁷¹. Останавливается автор и на вопросе об алано-грузинских и армяно-аланских взаимоотношениях в древности.

В конце своего очерка об осетинах В.В. Пассек указывает на необходимость более подробного изучения Кавказа и населявших его народов, чему могут больше всего способствовать исследователи, которые сами непосредственно наблюдают жизнь горцев. В этом отношении автор прав, отмечая: «Как много могли бы сообщить нам о горских народах наши кавказские соотечественники... Какими сведениями могли бы они обогатить науку и какие живописные статьи могли сообщить публике, проникая в глубину гор, куда нельзя проникнуть мирному путешественнику, вникая в жизнь замаранных поколений и описывая природу их мест, их верования, их язык и песни, их одежду и оружие»...⁷²

В.В. Пассек придавал важное значение изучению обычаев народа. Обычаи народа он считал залогом национальной устойчивости. «Обычаи народа в обширном смысле, — писал он, — есть сокровищница его прошедшего, его знаний, философии, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытность. Без этой особенности народ был бы бесхарактерен, несча-

стен, ничтожен. Доколе жив и силен народ, до того времени живы и сильны его обычаи»⁷³.

Важную роль в распространении научных представлений о Кавказе в 40–50 гг. XIX в. стала играть периодическая печать. Русские газеты и журналы всегда уделяли большое внимание Кавказу. Материалы по истории, этнографии и культуре народов Кавказа часто появлялись на страницах «Отечественных записок», «Литературной газеты», «Вестника Европы» и др. Вместе с тем шло быстрое развитие русской периодической печати на Кавказе, в которой, естественно, определенное место отводилось описанию его отдельных областей и народов.

С 1 января 1836 г. вместо «Тифлиссских ведомостей», издание которых прекратилось в 1833 г., стал издаваться «Закавказский вестник», а в 1846 г. в Тифлисе возникла частная газета «Кавказ», которая имела целью «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и мало известным»⁷⁴.

Газета «Кавказ» печатала многочисленные материалы по истории края. Указывая на важность и необходимость изучения народов Кавказа, газета писала, что край «населяют грузины, татары, армяне, осетины, гурийцы, лезгины, персияне, имеретины, тушины и многочисленные племена гор, и каждое из этих поколений имеет свой особенный тип, свою физиономию, и физическую, и нравственную; каждый говорит, думает, чувствует и понимает по-своему и требует особого попечения о его благосостоянии... Вникните в жизнь каждого из этих племен... и вас вознаградит за все высокий интерес».

Такой подход газеты к изучению истории народов Кавказа, провозглашенный ее первым редактором О.И. Константиновым, встретил горячее одобрение со стороны великого русского критика В.Г. Белинского. «С прошлого года, — писал он, — в Тифлисе издается газета «Кавказ», значение которой неопределимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее известным ею краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»⁷⁵.

В середине XIX в. на страницах газет, издававшихся в Тифлисе, стали появляться статьи об Осетии, написанные представителями местной интеллигенции. Авторами их были известный публицист **Н.Г. Берзенов** и священник **С. Жускаев**. Оба они являются первыми представителями из тех культурных

деятелей Осетии, которые, вслед за русскими и иностранными учеными, стали проявлять интерес к истории и культуре Осетии.

Очерки и статьи Н.Г. Берзенова пользовались большим успехом у читателей. «Мы чрезвычайно благодарны автору за его неутомимую наблюдательность, — писала от имени своих читателей редакция газеты «Кавказ», — с какою он изучает быт осетин. Справляется ли вековой обычай, правят ли тризну по покойнику, рассказывают ли давнишнюю былинку — г. Берзенов со своим пером тут как тут. Ко всему присматривается, все замечает, и обо всем рассказывает. Если по-прежнему он будет присылать нам свои статьи, то не пройдет года, как читатели «Кавказа» узнают всю подноготную жизнь осетин»⁷⁶.

Активную помощь и поддержку оказывал Н.Г. Берзенов и Соломону Жукаеву, первому осетину, выступившему в печати с обстоятельными этнографическими статьями.

Разнообразные материалы об Осетии публиковались в ежегодном официальном издании «Кавказский календарь», начавшем выходить со второй половины 40-х гг. XIX в. С рядом статей на его страницах выступил А. Головин. Одной из наиболее содержательных стали «Топографические и статистические заметки об Осетии». В них автор сообщает статистические сведения о количестве населения в отдельных осетинских приходах.

Систематическое собирание материалов по обычному праву горцев было проведено в 40-е гг. XIX в. Мероприятие это было связано не столько с научными интересами, сколько с практическими целями по организации системы управления.

Инициатором по организации сбора сведений об адатах и их систематизации был секретарь канцелярии по управлению мирными горцами подполковник Д.С. Бибилов. Им же была предложена программа по сбору материалов. После проведенной работы было составлено семь сборников адатов. В течение длительного времени они оставались неопубликованными, и лишь в начале 80-х гг. XIX в. И.В. Бентковский, секретарь Ставропольского статистического комитета, принес в дар Новороссийскому университету рукописные записи кавказских адатов.

И тогда эти материалы к печати подготовил профессор **Ф. И. Леонтович** под заглавием: «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» в двух частях. Эти сборники явились для своего времени ценнейшей публикацией и одним из основных источников для исследователей общественного строя и обычного права народов Кавказа.

Изучением истории осетинского народа занимались и декабристы, сосланные на Кавказ. Среди них видное место занимает **В.С. Толстой**. Находясь на службе при наместнике на Кавказе М.С. Воронцове, он совершил в

1847 г. поездку по осетинским селам вместе с Аксо Колиевым. Результатом этой поездки, помимо официального доклада о состоянии христианства в Осетии, явились статьи «Тагаурцы» и «Из служебных воспоминаний, Поездка в Осетию в 1847 г.».

В.С. Толстой описал святилище Реком и связанные с ним обычаи⁷⁷.

Он является также автором работы «Сказание о Северной Осетии»⁷⁸. В этой книге В.С. Толстой характеризует язык и состояние грамотности в Осетии; сословную структуру и материальную культуру осетин; празднества и народные святыни; религиозные верования, обряды, развитие домашних промыслов.

Таким образом, в рассматриваемый период Осетия становится объектом повышенного внимания для российской науки, положившей начало научному осетиноведению.

Примечания

1. История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов по 1-е января 1825 г. М., 1853. С.64-65.
2. Калоев Б.А. Осетины. М., 2004. С.397.
3. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С.255.
4. Там же.
5. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т.V. С.3.
6. Там же. С. 4.
7. Там же. С.40.
8. Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993. С.14.
9. Знаменский П. Учебное пособие по истории русской церкви. Изд. II. СПб., 1904. С. 382.
10. Беляев И. Русские миссии на окраинах. СПб., 1900. С. 76, 77.
11. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг). Пятигорск, 2006. С.90-91.
12. Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. №13.
13. Калоев Б.А. Указ. соч. С.398.
14. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650 – 1652 гг. Тифлис, 1926. С.119.
15. Книга Большому Чертежу. М. – Л., 1950. С.90.
16. Материалы по истории Осетии. Т.V. С.165.
17. Тотоев М.С. История зарождения осетинской письменности в 18 веке // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX. С.135 – 146.
18. Беляев И. Указ.. соч. С. 85.
19. Там же. С.116.
20. Гедеон Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. – Пятигорск, 1992. С.100.
21. ВЕВ. 1896. № 12. С.187 – 189.

22. Там же. С.190.
23. Гатуев А. Христианство в Осетии. Исторический очерк. Владикавказ, 1901, С. 53.
24. Там же.
25. Габеев А. Владикавказское Осетинское духовное училище // УЗ СОГПИ. Орджоникидзе, 1940. С. 70.
26. Тогошвили Г.Д. Взаимоотношения грузинского и осетинского народов в XV – XIX вв. Тбилиси, 1971. С.68–69.
27. Тотоев М.С. Развитие просвещения в 30–40-е годы XIX века под влиянием русской культуры // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1948. Т.XIII. Вып.1. С.19–22.
28. Бледных Е.В. История военного образования в Осетии (конец XVII в. – 1917 г.). Владикавказ, 2009. С.68–69, 75–76, 138.
29. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С.134.
30. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.76. Л.1–4.
31. Вавилов С.И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки // Вестник АН СССР. 1949. №2. С.40–41.
32. Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1779 гг. СПб., 2002.
33. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С.123–125.
34. Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С.234–235.
35. Там же. С.234.
36. Там же. С.113–114.
37. Там же. С.115.
38. Цит. по кн.: Гехтман Г.Н. Выдающиеся географы и путешественники. Тбилиси, 1962. С.214.
39. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. 4.2 С.51.
40. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т.1. С.216.
41. Там же. С.139.
42. Там же. С.142.
43. Там же. С.141.
44. Там же. С.167.
45. Русско-осетинские отношения в XVIII в. / Сост. М.М. Блиев. Орджоникидзе, 1984. Т.2. С. 383, 385–386.
46. Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. С.5.
47. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII – XIX вв. Нальчик, 1974. С.209.
48. Там же. С.91.
49. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С.90.
50. Там же. С.93–94.
51. Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1788. С.17–18.
52. ЖМНП. СПб., 1835. Ч.XI. С.325–326.
53. Шегрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844. С.10.
54. Архив РАН. Ф.94. Оп.1. Ед.хр.70. Л.84.
55. Шегрен А. Указ. соч. С.13.
56. Там же. С.19.
57. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе, 1963. Т.1. С.27.
58. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. 4.2. С.2.

59. Словарь географический российского государства, описывающий азбучным порядком. М., 1804. Ч.III. С.22 – 25.
60. ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С.18-24.
61. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С.173.
62. Там же. С.170 – 171.
63. Там же. С.128.
64. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.1. М., 1823. С.39.
65. Там же. С.48-49.
66. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 346 – 361.
67. Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Т.2. С.168 – 169.
68. Там же. С.167 – 168.
69. Пушкин А.С. Собрание сочинений. М., 1962. Т.10. С.118.
70. Письма из Осетии // Тифлисские ведомости. 1830. № 84.
71. Очерки России. СПб., 1838. Кн.1. С.143.
72. Там же. С.183.
73. Там же. С.84-85.
74. Кавказ. 1846. № 1.
75. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953 – 1959. Т.1 – 13. С.58.
76. Кавказ. 1850. № 15.
77. Из служебных воспоминаний В.С. Толстого // Русский архив. М., 1875. Кн.2. С.267.
78. Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.

Раздел второй

**Осетия в эпоху
пореформенной
модернизации
(вторая половина
XIX – начало XX века)**

ГЛАВА 1. АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В 60-х гг. XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Мероприятия по территориальному и судебно-административному обустройству северной части Осетии представляли собой одно из важных направлений российской политики по формированию на Центральном Кавказе государственной системы управления. Во многих своих проявлениях они были обусловлены поиском со стороны правительства и кавказской администрации оптимальных управленческих механизмов, обеспечивающих скорейшее включение территории и населения региона в общегосударственное политико-экономическое и административно-правовое поле. В силу своего стратегического значения Терская область, к которой в административном отношении относилась территория Осетии, представляла собой объект пристального внимания кавказского руководства и центрального правительства, озабоченного вопросами совершенствования всей системы административного управления Северным Кавказом¹.

Образование Терской области. Учреждение Главного (областного) народного суда. Административное переустройство Центрального Кавказа в первой половине 60-х гг. XIX в. связывается с именем великого князя Михаила Николаевича, в декабре 1862 г. назначенного на должность кавказского наместника. Его бурная реформаторская деятельность распространялась на аулы и села, где «ломались старые учреждения...», шла замена их сельскими правлениями и целым институтом низовых лиц администрации по типу сельских мест метрополии². Все действия, предпринятые великим князем за двадцатилетний период наместничества (окончательное покорение Северного Кавказа, проведение крестьянской и судебной реформ, преобразование различных уровней административного управления и пр.), по оценке С.С. Эсадзе, «стремились к осуществлению идеи правительства о приобщении

Кавказа к общерусской гражданственности»³, во имя которой в крае спешно вводились судебные и административные институты, калькировавшие по сути общероссийские образцы. Реформа 1861 г., осуществленная в центральных российских губерниях, во многом определила темпы и характер преобразований, проводившихся на Центральном Кавказе.

В первые годы правления великого князя административная деятельность в Терской области основывалась на принятом еще при А.И. Барятинском «Положении об управлении Терской областью»⁴, в котором подробно расписывалась организационная схема устройства в области также и судебной части: независимо от окружных и участковых здесь предусматривалось введение Главного (областного) народного суда Терской области, предназначенного для рассмотрения дел всего гражданского населения Терской области⁵. Это административно-судебное учреждение в соответствии с Высочайшим повелением открылось во Владикавказе 28 октября 1864 г., о чем было объявлено специальным приказом начальника Терской области⁶. Работа нового судебного учреждения регламентировалась разработанным самим наместником проектом дополнений к «Положению об управлении Терской областью» в части, касающейся организации деятельности Областного суда, который и удостоился высочайшего утверждения в мае 1864 г.⁷

М.Т. Лорис-Меликов

Одновременно М.Т. Лорис-Меликовым, новым начальником Терской области, ставился вопрос о включении Моздока, Пятигорска и Кизляра, в административном отношении числившихся в Ставропольской губернии, в Терскую область, поскольку эти города, во-первых, располагались ближе к Владикавказу, чем к Ставрополю, во-вторых, находились среди земель, подчиненных начальнику Терской области, и, в-третьих, связывались с Терской областью рекой Терек. Во избежание затруднений, вызванных существующей чересполосностью, М.Т. Лорис-Меликов просил сразу же после учреждения во Владикавказе областного суда рассмотреть и вопрос о включении этих местностей в состав Терской области⁸.

Административное новообразование в виде Главного областного суда состояло из двух отделений: уголовного и гражданского; первому предназначался разбор дел об убийствах, в компетенцию второго входили разнообразные дела гражданского характера — имущественные и земельные споры, дела о бродяжничестве, о кражах и грабежах, о похищении девушек и т.п. Областному суду были подсудны все лица, составлявшие гражданское

население Терской области, включая и жителей Владикавказа. В него могли обращаться также «живущие в Терской области ингуши, осетины, чеченцы, кабардинцы и кумыки» с имущественными и другими гражданскими исками, однако в тех только случаях, когда «в качестве истца по спорному делу они жалуются не на природных и коренных уроженцев здешнего края и не на лиц, входящих в состав Терского казачьего войска, а на живущих в Терской области лиц гражданского ведомства»⁹. Областной суд являлся высшей и окончательной апелляционной инстанцией, где пересматривались дела, поступавшие из окружных народных судов¹⁰. Председательствовать и руководить работой суда предназначалось начальнику области, и лишь утвержденные им решения суда получали силу закона. Через год были пересмотрены штаты и порядок деятельности Терского областного суда, именуемого теперь Главным народным судом, в который наряду с прочими изменениями вводилась новая должность прокурора¹¹.

Одновременно с областным судом в округах учреждались окружные, а в участках — участковые народные суды. Подсудности окружных судов по положению 1862 г. подлежали дела гражданского и религиозного характера, а также все те, которые поступали туда по распоряжению военных или окружных начальников. Для горского населения Терской области определялся особый порядок судопроизводства: их дела могли разбираться по военно-уголовным законам — в комиссиях военного суда, и по адату, шариату и особым правилам, «постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности», — в участковых народных судах.

В окружном народном суде Осетинского округа рассматривались дела следующего характера: «уголовные; кровные по убийству; по поранению; спорно-тяжебные; о драках; о растлении; о мужеложестве; долговые; о подозрении в поджоге; убийство скота; о холопах; о воровствах разного рода скота и вещей; о подозрениях в воровстве; о грабеже; о кражах, учиненных со взломом; об увозе девушек». Наибольшее количество разбирательств приходилось на «спорно-тяжебные» дела, число которых доходило до 30 в год; дел по имущественным искам было немногим меньше, их количество колебалось от полутора до двух с половиной десятков ежегодно¹².

Подсудности участковых судов (в Осетинском округе — Тагауро-Куртатинского, Дигорского, Алагиро-Наро-Мамисонского) подлежали дела главным образом имущественного характера (долговые, спорно-тяжебные, о воровстве и подозрении в воровстве, «о завладении чужой собственностью», об «убийстве скота»), а также дела против нарушения общественного порядка (драки)¹³. В целом в участковые суды попадало большее число дел, по сравнению с судом окружным, и основная доля разбирательств здесь также приходилась на спорно-тяжебные иски (например, в 1867 г. в участковый народный суд Алагиро-Наро-Мамисонского участка поступило 54 дела такого

рода, и 34 дела — о краже скота, а количество дел другого рода не превышало полутора десятков¹⁴).

В связи с тем, что Владикавказ с 1863 г. становится юридически закрепленным центром Терской области¹⁵, Владикавказский городской суд переименовывается в Городское общественное управление, за которым сохранился весь прежний круг обязанностей, «за исключением дел судебных и опекунских и крепостной части», отошедших к областному суду¹⁶.

Очередное «Положение об управлении Кавказским наместничеством», введенное именным указом от 9 декабря 1867 г.¹⁷, видоизменило как систему высшего управления Кавказского и Закавказского края, так и административно-территориальную карту наместничества за счет увеличения числа губерний (в Закавказье образовывалась новая, Елисаветпольская) и изменения границ уездов. Одновременно отменялись все правила, установленные кавказскими наместниками до 1856 г., относительно порядка управления в крае¹⁸.

Переход к гражданскому управлению. Реформирование судебной системы. Низовые судебные учреждения. Совершенствование административной системы на Центральном Кавказе оставалось предметом особого внимания кавказского руководства. Подготовленные в декабре 1869 г. «предположения» наместника об устройстве Кубанской и Терской областей легли в основу Учреждения управления этими территориями и были утверждены Указом Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 г.¹⁹ Произведенные территориально-административные преобразования в Терской области заключались в разделении ее на семь полицейских округов (одним из которых стал Владикавказский), включении в область г. Георгиевска (исключенного из Ставропольской губернии) и официальном назначении г. Владикавказа областным центром²⁰. Управление Кубанской и Терской областями формировалось на основе общего губернского учреждения, а должности начальника округа и наказного атамана Терского казачьего войска соединялись в одном лице, подчиненном Главному начальнику Кавказского края: в гражданском отношении — как наместнику, а в военном — как главнокомандующему. За начальниками Терской и Кубанской областей оставались звания командующих войсками. При начальнике Терской области учреждалась должность помощника — «для облегчения его обязанностей как по гражданской, так и по военной части»²¹.

Тем же указом от 30 декабря 1869 г. за кавказским наместником оставлялось право самостоятельной разработки механизма «надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления» и определения времени введения здесь «мировых учреждений на одинаковых основаниях с занятыми русским населением местностями»²². Наместнику рекомендовалось постепенно применять

по отношению к горцам правила общего положения от 19 февраля 1861 г. с учетом соответствия их «обычаям и нравам означенного населения».

С 1 января 1870 г. в Терской области было официально введено областное правление, узаконенное высочайшим указом в мае того же года²³, а прежние моноэтнические округа (Осетинский, Ингушский) объединялись в пределах Владикавказского округа. Эта же конфигурация, отменявшая этнический принцип формирования территориально-административных единиц, была воспроизведена и в новом порядке управления, учрежденном несколькими годами позже, в 1876 г.²⁴ Управление Кубанской и Терской областями предписывалось осуществлять на основе общего губернского учреждения и дополнявших его законоположений Российской империи. Основная цель преобразований, по мнению Государственного совета, где обсуждался проект нового управления Терской и Кубанской областями, соответствовала «постоянному стремлению правительства постепенно устранять в присоединенных к России местностях такие отличия от общедействующего в империи порядка суда и администрации, которые уже не вызываются ни особенным положением, ни местными условиями края»²⁵.

Практическое применение новых законоположений, оставленных «ближайшему усмотрению наместника», было отложено по его же предложению до 1 января 1871 г. ввиду необходимости проведения ряда подготовительных мер. Именно в этот день и были одновременно открыты административные и полицейские учреждения в Терской и Кубанской областях, окружные суды во Владикавказе и Екатеринодаре, а также мировые суды во всех предназначенных для этого местах²⁶.

В тесной связи с судебной реформой на Кавказе велись и преобразования в общинной жизни горцев. Введенные в стране судебные уставы 20 ноября 1864 г.²⁷ утверждали новые принципы судостроительства и судопроизводства, в соответствии с которыми предусматривалось создание двух систем судебных учреждений в виде окружного (с назначаемыми судьями) и мирового (с избираемыми судьями) суда. Система мировых судов соответствовала административно-территориальному делению: каждый уезд с входившим в него городом или даже отдельный крупный город составляли мировой округ, в свою очередь делившийся на несколько участков с участковыми и почетными мировыми судьями. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей каждого мирового округа. Коронный суд также имел две инстанции: окружной суд и судебную палату. Окружные суды создавались для нескольких уездов, и их деятельность строилась на принципе бессловности. Именно при окружных судах начали свою работу суды с участием присяжных заседателей²⁸, разбиравшие дела, влекущие за собой наказания, соединенные с потерей или ограничением прав состояния. Однако дела о государственных преступлениях, «требующих при их обсуждении ясного представления о го-

сударственном строе, о задачах и целях государства», передавались судебным палатам с участием сословных представителей²⁹.

В соответствии с ходатайством наместника о скорейшем введении в Кавказском наместничестве судебных уставов 1864 г., распространение новой системы судопроизводства, подразумевавшей введение институтов присяжных и адвокатуры, гласный характер судебного процесса, а также устранение из процедуры разбирательства по уголовным делам сословных представителей, началось в 1868 г. со Ставропольской губернии³⁰, а в конце 1869 г. перешло на остальную территорию Северного Кавказа. Указом от 30 декабря 1869 г. «О введении судебных уставов 20 ноября 1864 года в Кубанской и Терской областях и в Черноморском округе»³¹ эти районы причислялись к округу Тифлисской судебной палаты (причем Черноморский округ подчинялся ведению Екатеринодарского окружного суда). В судебном отношении Терская область представляла один судебный округ, подведомственный учрежденному тогда же Владикавказскому окружному суду и делившийся на 13 судебно-следственных участков³². Учреждением окружного суда во Владикавказе упразднялся Терский областной суд³³.

Между тем, проведение судебной реформы на Кавказе отличалось рядом существенных особенностей. Принцип разделения судебной и административной власти, на что и была ориентирована реформа, здесь практически не соблюдался ввиду региональной специфики системы административного управления, высшим звеном в которой являлся кавказский наместник, сосредоточивший в своем лице все функции исполнительной власти в регионе. Кроме того, председателем Владикавказского окружного суда назначался начальник военного управления Осетинского округа. Это действие отменило принцип независимости судебной власти — один из основополагающих в судебной реформе 1864 г., включенной в систему окружного военно-народного управления, что в целом отвечало правительственному курсу на сосредоточение всех аспектов деятельности региональной администрации в ее высших звеньях. А со 2 марта 1876 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета наместнику предоставлялось право назначать мировых судей в участки и почетные суды³⁴.

Одним из значительных пробелов в практике реформирования судебной системы на Кавказе оказалось и отсутствие суда присяжных заседателей: согласно тому же указу от 30 декабря 1869 г., все уголовные дела, изъятые из ведения мировых судей, должны были производиться в окружных судах без участия представителей общества³⁵.

Не менее серьезным отступлением от основной идеи реформы стало сохранение особых судебных учреждений для горского населения Кубанской и Терской областей — преобразования коснулись только организационных форм их деятельности. Так, на основании п.п. 5, 11 указа от 30 декабря

1869 г. вводились «Временные правила для горских словесных судов», утвержденные наместником великим князем Михаилом Николаевичем 18 декабря 1870 г. как «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» и распространенные исключительно на горское население края³⁶. При этом «временность» их действия подразумевалась «впредь до полного введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» и ставилась в прямую зависимость от «успеха гражданственности» в крае³⁷.

Учреждение горских словесных судов отвечало идее упорядочения организационной структуры судопроизводства в регионе³⁸: теперь именно горские словесные суды, формируемые по одному в каждом округе и отделе, представляли для горского населения первую судебную инстанцию, являясь по существу судебно-административными учреждениями низшего уровня. Положением о «Горском словесном суде» был узаконен принцип выборности рядовых членов суда, председательствовать же в суде назначалось начальнику округа либо его помощнику, либо помощнику атамана отдела или участковому начальнику. Апелляцию на решения словесных судов можно было подавать непосредственно начальнику Терской области. Право окончательного разрешения дел, возникших в горских судах Терской и Кубанской областей, принадлежало наместнику как главнокомандующему через штаб Кавказского военного округа.

Новая система судопроизводства пока еще предусматривала сохранение народных судов для горцев, введя принцип отделения судебных властей от военных и гражданских на низовом уровне. Однако бытующие в горской среде традиционные юридические нормы предполагалось со временем привести в соответствие с российским законодательством, что поручалось личному усмотрению наместника³⁹, а народные суды в конце концов должны были смениться словесными судами. Но пока, согласно «Временным правилам», народным судам, использовавшим в своей практике нормы обычного права и шариата для урегулирования гражданских и уголовных преступлений, были подсудны лишь отдельные незначительные дела, предусмотренные общероссийским «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (изд. 1866 г.). Тяжелые уголовные преступления, совершенные в селах, а также поземельные тяжбы передавались в ведение мировых судов. Апелляционной инстанцией для них стал Владикавказский окружной суд, в который дела попадали по рапортам сельских старшин.

Хотя положение «О горском словесном суде» во многом унифицировало процесс судопроизводства на низовых уровнях судебной системы, обращение к обычному праву при разбирательстве мелких дел гражданского характера и применение в самом судопроизводстве традиционных элементов (принесение очистительной присяги, соприсяжничество, непризнание свидетельских показаний женщин, примирение сторон, композиционные вы-

платы в качестве возмещения ущерба и пр.) практиковалось одновременно с переводом уголовного и гражданского судопроизводства на общероссийскую законодательную базу⁴⁰.

Однако Осетия уже через год после учреждения горского словесного суда (28 октября 1871 г.) была изъята из его подсудности по причине того, что большинство осетин исповедует православную веру, — на Владикавказский округ было распространено действие судебных уставов России⁴¹. Таким образом, были удовлетворены ходатайства, поступавшие от осетинского населения Владикавказского округа об упразднении у них горского суда. В судебном отношении тогда же был создан мировой отдел Владикавказского судебного округа⁴², включавший шесть судебно-мировых участков⁴³: собственно Владикавказский, Алагирский, Нальчикский, Пятигорский, Прохладненский, Георгиевский⁴⁴ (позже, в 1896 г., пятый — Алагирский — участок был разделен на два⁴⁵, и во Владикавказском округе, таким образом, оказалось уже семь судебно-мировых участков). А с 22 декабря 1903 г. из подсудности горских словесных судов Кубанской области изымались дела, в которых участвовали осетины православного исповедания в качестве одной из сторон либо по односторонним их просьбам — все эти дела передавались на разрешение мировых или общесудебных установлений⁴⁶.

Практически одновременно с учреждением на Северном Кавказе горских словесных судов вводились сельские (в Кубанской области — аульные) суды, ставшие одним из звеньев низовой администрации, учреждаемой в сельских обществах⁴⁷. Еще до официального принятия соответствующего положения в Алагиро-Наро-Мамисонском участке Осетинского округа в 1868 г. в «виде опыта» вводились сельские суды, сменившие участковый суд, причем в качестве образца был взят соответствующий раздел Положения для Бакинской губернии⁴⁸. Как отмечал в своем отчете начальник Осетинского округа, «мера эта оказалась весьма полезною и встретила живое сочувствие народа»⁴⁹.

Пределы ведомства сельских судов ограничивались делами, сумма иска в которых не превышала тридцати рублей, однако по усмотрению начальника области она могла быть увеличена до пятидесяти рублей. Подсудности сельских судов подлежали все споры между жителями того же общества как по движимому, так и недвижимому имуществу (в пределах общинного надела), дела о вознаграждении за ущерб, причиненный имуществу, т.е. состоящие, главным образом, в сфере хозяйственных отношений внутри общины, а также мелкие личные тяжбы, ряд аспектов договорного и наследственного права и дела о нарушении традиционной этики.

Учреждение низовых судебных структур на первых порах значительно облегчало деятельность окружных судов, куда, впрочем, поступало весьма незначительное количество дел. Именно на сельские суды приходилась ос-

новая нагрузка, куда стекался поток «маловажных» дел, рассматриваемый в ходе словесного разбирательства сельскими судьями.

В связи с упразднением Владикавказского горского словесного суда и назначением одного «добавочного мирового судьи для разбора дел осетинского населения Терской области»⁵⁰ возникла необходимость установления порядка обжалования и решений осетинских сельских судов. Наместник, великий князь Михаил Николаевич, поначалу счел возможным предоставить это право окружному начальнику и областному правлению⁵¹, но уже в декабре 1874 г. он провел через Кавказский комитет и Государственный совет решение о предоставлении ему самого права разрешения вопроса «о порядке обжалования и отмены решений Владикавказских осетинских аульных судов»⁵². Император лично утвердил предложение великого князя⁵³.

В целом в Терской области указами от 28 октября 1871 г. и 16 ноября 1876 г. было учреждено 10 должностей участковых мировых судей⁵⁴, число которых увеличилось до 13 в соответствии с дополнительными штатами судебных установлений в Терской области, введенными с 1 января 1903 г.⁵⁵

Постановлением, вышедшим в свет 1 января 1871 г., в Терской и Кубанской областях провозглашалось введение «гражданского устройства»⁵⁶. Упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления привело к тому, что горское население Терской области формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края. Это событие, как справедливо считал наместник, имело огромное значение для областей, где вводились общие гражданские учреждения и судебные уставы 1864 г. По мнению наместника, великого князя Михаила Николаевича, «дело гражданского развития некоторых горских населений» продвинулось настолько, что стало возможным «подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям»⁵⁷. Особые «успехи в смысле гражданственности» сделала Осетия, «усердно занявшаяся хозяйством... и многие плоскостные селения Тагаурии и Куртатии поражают своим благосостоянием и порядком», — подчеркивали в региональной администрации⁵⁸. Уже в 60-х гг. начальник Осетинского округа в своем отчете с удовлетворением отмечал: «Вообще следует сказать, что Осетинский округ находится в самых благоприятных условиях к развитию; народ трудолюбив, покорен, стремится к улучшению своего быта и начинает сознавать необходимость образования»⁵⁹.

Новое положение о наместничестве, принятое в 1876 г. под названием «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края», утверждало уже внедренные указом от 9 декабря 1867 г. принципы организации административной деятельности в наместничестве⁶⁰ и закрепляло административное деление Терской области на семь округов: Пятигорский, Владикавказский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский;

управление областью должно было производиться на основании Общего губернского учреждения с некоторыми изъятиями⁶¹. Областное управление строилось по иерархическому принципу и подразделялось на: областные учреждения; уездные (окружные) и городские учреждения; станичные, сельские, в колониях и в горских аулах управления, судебные установления⁶². Относительно судебной части право определения времени создания мировых учреждений в местностях, занятых горским населением, предоставлялось самому наместнику.

Административные реформы 1880-х гг. Передача Осетии в Военное ведомство. Начало 80-х гг. XIX в. ознаменовалось резким обострением внутривосточной обстановки в России, сложившейся после убийства императора Александра II, а сам этот период в историографии устойчиво определяется как эпоха «контрреформ». Изменение политического курса правительства болезненно отразилось на национальных окраинах, и в частности, на Кавказе, где была решительно изменена вся система управления. В правительственной политике усиливается тенденция к централизации управления, что ставит на повестку дня вопрос о допустимости такой специфической формы административного устройства, как наместничество. И решительный шаг был сделан: 22 ноября 1881 г. упраздняется должность кавказского наместника, а в начале следующего года ликвидируется и само Кавказское наместничество⁶³. Край передается в подчинение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с ограниченной самостоятельностью, который одновременно назначается и командующим войсками Кавказского военного округа.

В соответствии с новым Указом «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» от 26 апреля 1883 г.⁶⁴ законодательно учреждается совершенно новая структура управления Кавказом: ее высшими звеньями становятся главноначальствующий гражданской частью и его помощник, Совет главноначальствующего, управление отдельными частями разных ведомств и трансформированная из прежнего Главного управления наместника канцелярия главноначальствующего. Дела из упраздняемых учреждений наместничества передаются в соответствующие центральные ведомства — министерства, главные управления, а также в канцелярию главноначальствующего.

Тем же апрельским указом 1883 г., узаконивается новое Учреждение управления Кавказского края⁶⁵, в соответствии с которым на Кавказе вводится губернская административная система с соблюдением общих правил, регламентирующих отношения местной администрации с главноначальствующим. Начальникам областей вручались права и обязанности губернаторов⁶⁶. По мнению Государственного совета, «законом этим за названной (кавказской. — Ред.) окраиной сохранено, правда, значение особой администра-

тивной единицы, но вместе с тем, по возможности, сближено с внутренними губерниями империи»⁶⁷. С июля 1883 г., одновременно с упразднением должности Командующего войсками Терской области, начальнику Терской области присваивались права военного губернатора⁶⁸.

Заинтересованное в оптимизации расходов казны на содержание Терского казачьего войска, правительство начало подготовку по усовершенствованию административной деятельности в северокавказском регионе и казачьем войске. В 1886 г. принимается Учреждение управления Кавказского края⁶⁹, подтвердившее полномочия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и сложившуюся после упразднения наместничества систему управления регионом по территориально-окружной административной модели. Основой нового положения стало «Учреждение» 1883 г., отступление от ряда статей которого вызывалось необходимостью передачи всей региональной администрации в ведение Военного министерства. А 21 марта 1888 г. выходит именной указ Правительствующему Сенату, которым повелевалось «признать за благо» преобразовать управление Терской и Кубанской областями и Черноморским округом «на началах объединения административного их устройства с гражданским управлением поселенных в названных областях казачьих войск»⁷⁰.

В соответствии с этим указом принятое Положение «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом»⁶⁷ устанавливало новые принципы управления Северным Кавказом, в результате которых не только войсковое сословие, но и гражданское население региона поручалось командующему войсками Кавказского военного округа, а на местах — в Кубанской и Терской областях — атаманам казачьих войск с правами генерал-губернаторов. Горское население было подчинено управлению командующего войсками Кавказского военного округа. В целом сельское управление (станичное и аульное) строилось на основании правил Учреждения управления Кавказского края 1886 г. Полицейское и административное руководство в округах осуществлялось начальниками округов, аналогичные функции в казачьих отделах выполняли атаманы отделов. Во Владикавказе и Моздоке образовывались отдельные полицейские управления, подчинявшиеся непосредственно областному правлению.

По новому Учреждению край перешел в ведение Военного министерства, управляясь Войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск, которому по гражданскому управлению вверялись все права и обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, а в военном отношении — права и обязанности командующего войсками Кавказского военного округа.

Терская область преобразовывается, разделяясь на три казачьих отдела (Пятигорский, Кизлярский и Сунженский) и четыре округа (Владикавказский,

Нальчикский, Хасав-Юртовский и Грозненский). Соответственно новому внутриполитическому правительственному курсу, высшие административные должности в области и округах занимали военные в чине не ниже полковника; начальниками участков, исполняющими обязанности станových приставов⁷¹, также назначались военные, чаще всего в звании штабс-капитанов.

Узаконенная в марте, по повелению императора подлежавшая к введению в действие в мае, новая реформа начала осуществляться только с 1 июля 1888 г. В результате преобразований территориально-административные единицы бывшего Кавказского наместничества оказались на общих основаниях включены в общероссийскую административную систему, однако управление Кавказом в организационном отношении по-прежнему строилось по военному образцу, и высшие гражданские должности занимали чиновники Военного ведомства⁷².

Владикавказский округ, населенный преимущественно осетинами⁷³, для удобства управления делился на три административных участка. К первому участку относились населенные пункты, расположенные на левом берегу Терека (селения Ногкау, Гизель, Кадгарон, горские общества Даргавское, Хидикусское, Даллагкауское, Санибанское и Балтинское, Михайловская немецкая колония), ко второму — правобережные поселения (селения Тулатово, Хумалаг, Ольгинское, Зильги, Батако-Юрт, Шанаево, Дарг-Кох, Карджин, Эльхотово, Заманкул), третий, самый крупный, включал слободу Алагир и ряд приходов и селений Алагирского ущелья. Каждый приход или общество состояло из нескольких селений или отселков, где количество дворов варьировало от 10 до 50.

Принимаемые указы и очередные административные трансформации, направленные на реорганизацию всей структуры властной вертикали в целях усиления государственного контроля над административной деятельностью в области и на местах, касались лишь высших звеньев управленческой иерархии, значительно расширяя и без того широкие полномочия губернаторов и областного начальства. На низовых же уровнях административного аппарата принцип концентрации управления оставался нереализованным, что выразилось в мозаичности и пестроте форм управления различными административными поселениями и этносоциальными группами населения. К примеру, казачьи станицы и осетинские села, расположенные в непосредственной близости и входившие в один участок, имели разные органы управления: первыми заведовал атаман, вторыми — старшина; в слободах для населения русских кварталов назначались старосты, для осетинского — сельское управление во главе со старшиной.

Начальникам округов предоставлялись практически неограниченные административные полномочия в пределах подчиненных им территорий, заключавшиеся в контроле над деятельностью судебно-административных

учреждений сельских обществ и их объединений. В компетенцию окружного руководства входило даже назначение сельских старшин и их помощников. Разумеется, эти действия окружных властей, открыто идущие вразрез с традиционными нормами и принципами социальной самоорганизации, вызывали неприятие и волну протестов местных жителей: так, например, в Осетии частыми стали требования общинников вернуть им исконное право избрания старшин из среды самого общества⁷⁴.

Активное и насильственное внедрение российских порядков в горскую среду вызывало в общинной массе упорное нежелание подчиняться чуждым их пониманию и общественному укладу законам, что ставило перед правительством вопрос о необходимости поиска иных средств, которые обеспечивали бы утверждение государственности в окраинных землях империи. Выход из этой ситуации правительство нашло в применении еще более жестких мер. В годы проведения контрреформ на Кавказе, практически реанимировавших систему военно-народных управлений, устанавливается открытый полицейский режим, и вместо упраздненного Ставропольского губернского жандармского управления, осуществлявшего надзор и в Терской области, появилось Терское областное жандармское управление⁷⁵.

Сторонник жесткого подхода к управлению горскими народами, начальник Терской области генерал-лейтенант С.В. Каханов, придававший серьезное значение усовершенствованию судопроизводства в крае, в начале 90-х гг. XIX в. выступил с инициативой пересмотра «Положения о горском словесном суде» 1870 г. и составления проекта изменений и дополнений к нему⁷⁶. Кроме того, поскольку изъятие Осетии из сферы действия горских словесных судов лишило осетин возможности разбираться по обычаю, что, по мнению администрации, привело только к росту числа нераскрытых преступлений⁷⁷, С.В. Каханов даже в течение нескольких лет ходатайствовал перед командующим войсками округа о введении здесь горского суда (поддерживая в этом своего предшественника А.М. Смекалова и опираясь на составленный еще в 1888 г. осетинским населением Владикавказского округа под руководством администрации общественный приговор⁷⁸), доказывая в то же время целесообразность реформы самих горских словесных судов⁷⁹. В связи с этим начальник Терской области выступал и активным противником идеи введения в округе дополнительной должности мирового судьи⁸⁰, находя поддержку самого главноуправляющего⁸¹.

Введенный в действие с 1 января 1903 г. проект дополнительных штатов судебных установлений в Терской области⁸², в соответствии с которым снова до восьми человек увеличивалось количество членов Владикавказского окружного суда, а в Терской области увеличивалось и число мировых участков, два из которых располагались во Владикавказском округе (таким образом, здесь формировалось девять мировых участков), должен был не-

сколько облегчить деятельность общесудебных учреждений и повысить ее эффективность.

Отмена кавказской автономии и включение ее территорий в общероссийскую административную систему влекло за собой и дальнейшее механическое распространение в регионе действующих в центральных губерниях законоположений. В принципе, эта линия не являлась новым направлением в кавказской политике правительства — с течением времени в орбиту ее влияния попадали лишь все новые сферы социально-политической жизни кавказских народов. На этот раз российские законоположения были распространены на земское и городское управление в крае. На каждом историческом этапе правительство решало вопрос о балансе имперской унитарности и федерализма⁸³.

В конце 1880-х — начале 90-х гг. земским положением, утвержденным высочайшим указом от 12 июля 1889 г.⁸⁴, на Кавказе были введены должности земских участковых начальников. Этим шагом правительство расширяло сферу влияния дворянства в земствах, а наделение земских начальников широкими судебными функциями⁸⁵ фактически означало передачу в их ведение мировых судов, появившихся после проведения в регионе судебной реформы. В то же время усиливался правительственный контроль над деятельностью самих земств, которые находились в поле зрения губернатора, обладавшего правом отмены любого из постановлений земств под предлогом их нецелесообразности.

Что же касается городского самоуправления, то его реформированием пытался заняться еще великий князь Михаил Николаевич, при котором в начале 70-х гг. постепенно вводилось городское положение в отдельных городах наместничества — в 1874 г. во Владикавказе⁸⁶, затем в Пятигорске⁸⁷, Моздоке⁸⁸. А в 1892 г. принимается новое городское положение⁸⁹, до минимума ограничившее самостоятельность органов городского самоуправления, исполнительные функции которых также передавались губернатору. Несколькими годами позже (1896 г.) городское положение вводилось во всей Терской области, где правительственные мероприятия по-прежнему проводились с особой интенсивностью.

Между тем, активные мероприятия Петербурга (губернская форма правления, комплектация чиновничьего, полицейского и административного аппарата одними и теми же людьми, тяжелое бремя разнообразных повинностей и прочие новшества) имели следствием углубление противоречий между группами населения региона. Еще более возросла напряженность и во взаимоотношениях властей с местными жителями, грозя вылиться в открытые антиправительственные выступления. В условиях нарастания массового недовольства действиями администрации в крае правительство принимало репрессивные меры. По Закону «Об изъятии некоторых преступлений, со-

вершенных в пределах Кавказского края, из общего порядка подсудности», принятому 13 сентября 1893 г., дела «о восстании и вооруженном сопротивлении властям», разбое, поджоге жилых строений и т.п. подлежали изъятию из общих судебных дел и передавались военным судам⁹⁰. Через два месяца последовало высочайшее утверждение положения Комитета министров о распространении на Кубанскую и Терскую области правил об административной высылке в Восточную Сибирь, что расширяло сферу применения к местному населению карательных мер, о принципиальной необходимости которых настойчиво хлопотала областная администрация⁹¹.

Очередное административное деление Терской области, введенное с 1 января 1899 г., сохраняло прежнюю окружную систему и включало в границы области четвертый казачий отдел — Моздокский⁹². Однако выделение в 1905 г. из казачьего Сунженского отдела Назрановского округа⁹³, в котором компактно проживали ингуши, реанимировало прежние подходы к административному размежеванию Терской области, при котором границы округов практически совпадали с территориями расселения горских народов региона. В отчетах начальника Терской области за 1908 и последующие годы указывается, что деление области на четыре отдела (Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский) и шесть округов (Владикавказский, Назрановский, Хасав-Юртовский, Нальчикский, Грозненский и Веденский) «вполне соответствует распределению в ней главнейших национальностей коренного населения, так как казаки занимают все четыре отдела, а туземцы — округа: Владикавказский — осетины, Назрановский — ингуши, Нальчикский — кабардинцы и балкары, Грозненский и Веденский — чеченцы, Хасав-Юртовский — кумыки...»⁹⁴. По мнению А.А. Цуциева, в начале XX в. было достигнуто предельно возможное совмещение административных границ с этническими⁹⁵.

Восстановление наместничества. Программа И.И. Воронцова-Дашкова. Новая модель управления кавказской окраиной, утвердившаяся после упразднения Кавказского наместничества и определения в качестве высшего звена в административной иерархии должности главноначальствующего гражданской частью, просуществовала вплоть до начала XX в., когда вновь встал вопрос о возвращении Кавказу административной автономии. Но, в отличие от 40-х гг. XIX в., когда учреждением наместничества решались важные геополитические задачи в регионе, теперь причины этого шага связывались с углублением социально-политического кризиса, ростом революционного движения в крае и нарастанием по всему Кавказу межатнической напряженности.

В этих социально-политических обстоятельствах в Петербурге пришли к осознанию необходимости локализовать взрывоопасный регион и решение его многочисленных проблем оставить местной администрации путем наде-

ления неограниченными полномочиями высшего должностного лица в крае — кавказского наместника, представляющего власть императора. Именным указом от 26 февраля 1905 г. восстанавливается Кавказское наместничество⁹⁶, а на должность наместника назначается граф И.И. Воронцов-Дашков. В высочайшем рескрипте на имя графа император объяснял мотивы изменения порядка управления на Кавказе, которые заключались в необходимости безотлагательного водворения на Кавказе спокойствия, «дабы приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве нашем по моим предначертаниям...»⁹⁷.

Деятельность И.И. Воронцова-Дашкова в первые же месяцы после назначения была ориентирована на решение поставленной перед ним императором задачи, демонстрируя стремление перейти от теории к практике. Предложенная им широкая программа преобразований в рамках «умиротворительной политики»⁹⁸ касалась не только основных направлений деятельности кавказской администрации, но и в целом российской внутренней социально-экономической политики в регионе: поземельного устройства, предусматривающего предоставление права собственности на землю всем землевладельцам края; податного обложения, требующего адекватных методов учета и оценки доходности земель наряду с установлением права земельной собственности; русской колонизации, нуждающейся в

И.И. Воронцов-Дашков

разработке особой программы, которая бы учитывала адаптационные возможности переселенцев; развития народного просвещения и расширения сети начального школьного образования; организации местного управления во всех его аспектах (судебное устройство, сельское управление и деятельность высших управленческих структур). Ряд необходимых реформ наместник прямо связывал с задачей успокоения Кавказа: прекращение зависимых отношений, приобретение частновладельческих земель за счет крестьянского поземельного банка, приостановка переселенческого потока из внутренних губерний России и обустройство уже прибывших переселенцев, поддержка национального языка в сфере образования и пр. Особое значение наместник придавал введению на Кавказе земских учреждений, среди которых, по его убеждению, именно мелкая земская единица наиболее со-

ответствовала общему укладу жизни населения⁹⁹. В программе декларировались свобода вероисповеданий и покровительство духовной иерархии, независимость возможности государственной службы от «туземного происхождения», коллегиальность (с участием представителей духовенства — православного, армяно-григорианского, мусульманского, а также предводителей дворянства, беков, выборных от городов и сельских обществ) в разработке конкретных действий¹⁰⁰. Но основное, на что И.И. Воронцов-Дашков обращал внимание как на первый шаг к успокоению Кавказа и сближению администрации с кавказским населением, — это открытость правительства и широкая огласка предстоявших реформ, о которых сможет узнать всякий, «желающий слышать»¹⁰¹.

Восстановлением автономии Кавказа в форме наместничества завершилась длительная эпоха территориально-административного строительства в регионе. Сформированная на Кавказе административно-управленческая модель через высшее руководство региона оказалась включена в общегосударственный управленческий механизм. Таким образом был решен вопрос об оптимальном соотношении принципов централизации государственной власти и управления в высших правительственных структурах и автономизации регионального управления с соответствующим разделением функциональных полномочий.

Примечания

1. Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // ИСОИГСИ. Вып.3 (42). 2009. С.114.

2. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.32.

3. Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913. С.50.

4. ПСЗ – II. Т.XXXVII. Отд.1-е. №38326. С.497 – 502.

5. Там же. С.499.

6. ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.1. Д. 427. Л. 107 – 109об.

7. ПСЗ – II. Т.XXXIX. Отд.1-е. №40908. С.456 – 458.

8. РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.27. Л.10 – 10об.

9. ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.1. Д.427. Л.109об.

10. ПСЗ – II. Т.XXXIX. Отд.1-е. №40908. С.456.

11. ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.10. Л.12об. – 13.

12. Там же. Д.319. Л.48 об. – 49.

13. Там же. Л.49об. – 52.

14. Там же. Л.51, 52.

15. ССТО. Владикавказ, 1878. Вып.1. С.60.

16. ПСЗ – II. Т.XXXIX. Отд.1-е. №40908. С.458.

17. Там же. Т.XLII. Отд.2-е. №45259. С.382 – 386.

18. Там же. С.185 – 386; см. также: Циркуляр наместника «О преобразовании с 19 февраля 1868 г. управления Кавказского и Закавказского края» // ПСЗ – II. Т. XLIII. Отд. 1-е. №45491. С. 127 – 129.
19. ПСЗ – II. Т.XLIV. Отд.2-е. №47847. С.412 – 415.
20. Там же. С.413.
21. Там же.
22. Там же. Т.XLIV. Отд. 2-е. №47847. С.415.
23. Там же. Т.XLV. Дополнение. Ч.2. №48429а. С.11 – 12.
24. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876. С.32.
25. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. II. С.85.
26. ПСЗ – II. Т.XLV. Отд.2-е. №48968. С.541 – 543; см. также: Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем его императорским высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С.62.
27. См.: ПСЗ – II. Т.XXXIX. Отд. 2-е. №41473. С.179 – 180.
28. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. (Из лекций по русскому государственному и административному праву) // Записки императорского Новороссийского университета юридического факультета. Одесса, 1911. Вып.IV. С.162 – 167.
29. Деятельность Государственного совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881 г. – 20 октября 1894 г. СПб., 1900. С.33.
30. ПСЗ – II. Т.XLIII. Отд.1-е. №45655. С.315 – 316.
31. Там же. Т.XLIV. Отд.2-е. №47848. С.415 – 416.
32. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 г. Владикавказ, 1894. С.5.
33. ПСЗ – II. Т.XLIV. Отд.2-е. №47850, п. III – а. С.418.
34. Там же. Т.LI. Отд.2-е. №55651. С.165 – 166.
35. Там же. Т.XLIV. Отд.2-е. №47848. С.416.
36. Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891; Положение о окружном суде // Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С.135 – 145.
37. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 8.
38. О горском словесном суде // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С.135 – 145.
39. ПСЗ – II. Т.XLIV. Отд.2-е. №47848. С.416.
40. Рейнке Н.М. Указ. соч. С.27, 28; см. также: Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892. С.85.
41. Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнке Н.М. Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912. С.141 – 142.
42. См.: РГИА. Ф.1149. Оп.8. Т.8. Д.60.
43. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем. С.63.
44. См.: Карта Терской области. 1891 г. // РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.229. Л.9.
45. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.229. Л.91, 93, 94.
46. Свод законов Российской империи. Т.XVI. Ч.1. Устав гражданского судопроизводства. С замечаниями, ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. (Издание неофициальное). СПб., б.г. Ст.1481/1. С.310 – 311; см. также: РГИА. Ф.1151. Оп.15. Д.496.
47. См.: Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871; ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.52. Д.680.

48. ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.319. Л.18 – 18об.
49. Там же. Л.18об.
50. РГИА. Ф.1405. Оп.71. Д.4217. Л.5.
51. Там же. Л.8.
52. Там же. 9 – 10об.
53. ПСЗ – II. Т. XLIX. Отд. 2-е. № 54142. С.414 – 415.
54. РГИА. Ф.1151. Оп.15. Д.496. Л.36.
55. Там же. Л.124.
56. ССТО. Владикавказ, 1878. Вып.1. С.99; см. также: Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказом и Закавказским краем. С.ХII, 60 – 61.
57. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою армиею по военно-народному управлению за 1863 – 1869 гг. СПб., 1870. С.119.
58. Всеподданнейшая записка Командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового Наказного атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 г. СПб., 1890. С.66.
59. ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.319. Л.33 – 33об.
60. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. С.3.
61. Там же. С.32.
62. Там же. С.32 – 36.
63. См.: ПСЗ – III. Т.II. № 637. С.28; №638. С.28 – 30.
64. ПСЗ – III. Т.III. №1521. С.186 – 187.
65. Там же. №1522. С.187 – 205.
66. Там же. С.199.
67. Деятельность Государственного совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881 г. – 20 октября 1894 г. СПб., 1900. С.136.
68. ПСЗ – III. Т. III. № 1686. С.354.
69. Учреждение управления Кавказского края. (Из Свода законов Российской империи. Изд. 1886 г. Т.II. Ч.2.). СПб., 1886.
70. ПСЗ – III. Т.VIII. №5076. С.97 – 98.
71. Там же. №5077. С.98 – 105.
72. ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.154.
73. Хубулова С.А. «Кавказский служака» по послужным спискам (коллективный портрет Наказного атамана Терского казачьего войска и начальника Терской области) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы VII Международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2010. С.102 – 105.
74. Материалы по истории Осетии. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / Сост. Д.А. Дзагуров. Дзауджикау, 1950. Т.III. С.4.
75. Там же. С.167 – 172.
76. История Северо – Осетинской АССР. Т.I. С.334.
77. Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1891 год. С.86.
78. Там же.
79. См.: РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712.
80. См., например, Всеподданнейшие отчеты начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1891, 1892 гг.
81. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.229. Л.20 – 20об.
82. Там же. Л.27об.
83. Там же. Л.122.
84. Матвеев В.А. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая пол XIX в. – 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2011. С.216.

85. Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. (Издание неофициальное). М., 1890. С.9 – 51.
86. См.: Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках // Полный систематический свод узаконений... С.51 – 61; Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках // Там же. С.61 – 76.
87. ПСЗ – II. Т.XLIX. Отд. 1-е. №53444. С.730 – 731; см. также: Округа Терской области // ССТО. Вып. 1. С.63.
88. Округа Терской области. С.72.
89. Там же. С.84.
90. История Северо-Осетинской АССР. С.332.
91. См.: Терский календарь на 1894 г. Вып.4. С.155 – 156.
92. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 г. Владикавказ, 1894. С.59 – 62.
93. См.: Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 год. Владикавказ, 1900. С.4.
94. Отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Владикавказ, 1906. С.2.
95. Отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1908 год. Владикавказ, 1909. С.2.
96. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 – 2004). М., 2006. С.42.
97. ПСЗ – III. Т. XXV. №25891. С.149.
98. Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. С.65.
99. РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.617. Л.1 об.
100. См.: Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал – адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.
101. РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.617. Л.2 об.

ГЛАВА 2. ПРОВЕДЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМ

Во второй половине XIX в. правительство вплотную приступило к решению вопросов, связанных с освобождением зависимых сословий, которое осуществлялось в рамках крестьянской реформы в России.

Необходимость проведения крестьянской реформы в Осетии была вызвана новыми социально-экономическими условиями, которые сложились после включения Осетии в состав России. Незрелые феодальные отношения в Осетии и государственное регулирование жизни ее населения со стороны российской администрации во второй трети XIX в. определяли своеобразие крестьянской реформы в крае, ее затяжной характер.

Проведение земельной реформы и освобождение фарсаглагов. В ходе освоения равнинных земель еще в 1-й половине XIX в. усилились противоречия между фарсаглагами и алдарами. Российская администрация не могла не учитывать, что фарсаглаги (адамихаты), «класс самый многочисленный и самый преданный правительству и всего ожидающий от правительства»¹: именно эта категория крестьян широко привлекалась к проведению ряда военно-политических акций. Администрация была вынуждена считаться с их интересами, и в условиях начавшейся борьбы фарсаглагов за избавление от феодальной зависимости она фактически признавала независимость фарсаглагов равнинных аулов от алдаров.

В первой половине 40-х гг. массовый характер принимает бегство холопов и кавдасардов от своих господ. И хотя фарсаглаги в своей борьбе за освобождение от алдар противопоставляли себя рабам-холопам и кавдасардам, все же, в конечном счете, эта борьба носила единый характер, что осознавали и алдары, и российская администрация. Весной 1851 г. наместник Кавказа кн. М.С. Воронцов подтвердил целесообразность

поселения фарсаглагов и кавдасардов отдельными аулами, поскольку, по его мнению, фарсаглаги вообще «не зависят от алдар». Он подчеркнул, что переселение должно «производиться исподволь, а не вдруг и по собственному желанию жителей».² При этом особо оговаривалось, что холопов как категорию зависимого населения не следует поселять отдельно.

В предписании начальнику центра Кавказской линии от 28 августа 1851 г. Воронцов пояснял, что вопрос об освобождении христиан-дигорцев от личных повинностей в пользу баделят «должен оставаться до времени неопределенным; но чтобы этого ни те, ни другие не знали».³

Однако политика царизма в деле освобождения крестьян на Кавказе в большой степени определялась сохранившейся в России системой крепостного права. В 1852 г. Воронцов подписал распоряжение о том, что крестьяне Дигории, проживающие в горах на землях баделят, по-прежнему остаются в личной зависимости от них и несут в их пользу поземельные повинности, тогда как переселившиеся на равнину крестьяне освобождаются от поземельной повинности. На практике же это означало, что те и другие крестьяне находятся в зависимости от баделят.

Хотя «по обстоятельствам края» с обнародованием этого решения власти сочли резонным подождать «до наиболее благоприятного времени», тем не менее, оно стало известно баделятам. Представители зависимых крестьян Дигории, уверовавшие в обещания, данные им. кн. Эристовым, усомнились в истинности объявленного им решения и отказались платить повинности баделятам. Местные власти усмотрели в этом еще одно проявление неповиновения начальству, свойственного дигорскому крестьянству.

22 августа 1859 г. на совещании представителей баделят было принято предложение об освобождении подвластных крестьян за денежный выкуп: по 50 руб. серебром с каждой души мужского пола, или по 300 руб. со двора.⁴ Комитет для разбора личных прав жителей Владикавказского округа в рапорте командующему войсками левого крыла Кавказской линии от 25 августа 1859 г. предложил «в виде наказания» обязать крестьян внести установленную баделятами сумму в определенный срок, а затем освободить их от всяких повинностей. После долгих колебаний крестьяне Дигории отвергли эти притязания феодалов, заявив, что они никогда не были в зависимости от баделят.

С целью нажима на дигорских крестьян Владикавказский комитет решил созвать в начале марта 1860 г. «самых благонамеренных» их представителей. Но эта затея провалилась, так как 400 представителей «простого народа» Дигории, собравшиеся в Ново-Христиановском ауле, подтвердили свой отказ платить выкуп. Владикавказский комитет предложил выдать баделятам за отказ от своих феодальных прав денежное вознаграждение от казны по 25 руб. серебром за крестьянский двор. Однако это не касалось холопов, которые должны были откупиться самостоятельно.

Более успешно шло освобождение фарсаглагов и части объединившихся с ними кавдасардов в Тагаурии. Вскоре после отмены крепостного права в России тагаурские алдары жаловались, что «с течением времени и с помощью содействующих распоряжений начальства» их фарсаглаги и кавдасарды обрели полную независимость от алдаров, этому примеру желают следовать и холопы.⁵ Предписанием командующего войсками Кубанской и Терской областей от 14 марта 1861 г. получили свободу те холопы, чьи алдары переселились в Турцию.⁶

К моменту проведения официальной крестьянской реформы в Осетии полностью освободились от феодальной зависимости фарсаглаги, адамихаты, многие кавдасарды и незначительное число холопов. Это усилило стремление к освобождению оставшихся в зависимости крестьян и рабов.

Отсутствие четких правил переселения горцев-осетин на равнину, противоречивые правительственные распоряжения о правах переселенцев на землю обусловили возникновение в середине XIX в. серьезных конфликтов между властями и переселенцами. Правительство, заинтересованное в получении высоких доходов от сельского хозяйства, видело, что рост его производительности сдерживался из-за неопределенности прав населения на землю.

В конце 50-х — начале 60-х гг. администрация вынуждена была признать свою слабую осведомленность о положении в области земельного права у горцев. Прежние распоряжения властей в этом отношении большей частью диктовались военными соображениями, имели временное назначение и с окончанием Кавказской войны уже не удовлетворяли «ни видам правительства, ни потребностям горцев». У самих горских народов к середине XIX в. «разрушился старый порядок владения землями и не установился еще новый».⁷

В начале 60-х гг. решение вопроса о земле в Осетии было признано безотлагательным. Во время пребывания на Кавказе в 1861 г. Александра II было подано 405 жалоб от зависимых горских крестьян⁸. Но власти сочли целесообразным не касаться вопроса о землевладении в горах. Принципы распределения равнинных земель было поручено разработать и провести в жизнь Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской

*Тип крестьянина-осетина.
Худ. А.В. Джанаев*

области под председательством бывшего чиновника особых поручений при наместнике Кавказа Д.С. Кодзокова.⁹ В 1864 г. комиссия представила проект землеустройства народов Терской области, в котором в качестве основополагающего был выдвинут принцип введения в равнинных селах предельного общинного землевладения. 31 декабря 1864 г. наместник утвердил предложенный проект, который подвел итоги многолетних и разнообразных попыток разрешения земельного вопроса в области.

Земельная реформа в Тагаурии. Комиссия для разбора личных и поземельных прав горцев, созданная в 1851 году под председательством барона Вревского, допустила просчет в определении количества наличной земли, которую предполагалось передать в собственность алдарам и в общинное пользование. Поэтому проведение в жизнь утвержденных в 1853 г. предложений этой комиссии немедленно вызвало жалобы как со стороны обделенных земель алдаров, так и крестьян.¹⁰ Проведение реформы было временно приостановлено.

Не избежал ошибок и созданный в 1859 г. Правительственный комитет под председательством генерала Грамотина. Они были обусловлены не только отсутствием четких данных о реальных земельных площадях равнинной Тагаурии, но и стремлением администрации предоставить алдарам максимальные земельные наделы.

В этих условиях наместник Кавказа вел. кн. Михаил обязал комиссию Кодзокова руководствоваться следующим проектом распределения земель в Тагаурии:

1. Все равнинные земли Тагаурии поступают в распоряжение аульных обществ с тем условием, чтобы каждому аулу было выделено для пользования количество земли соразмерно числу входящих в него дворов.

2. В общее число дворов аула включались и дворы алдаров. Таким образом, устанавливалась единая норма земельного надела и для алдаров, и для крестьян.

3. Алдарам в качестве вознаграждения за неисполнение данных ранее правительством обещаний было предоставлено право на надел (300 дес. на двор) в Кубанской области, земли которой в тот период оставались незаселенными. Но для получения этого надела необходимо было отказаться от прав на землю в Терской области.¹¹

В апреле 1865 г. тагаурские алдары подали прошение о выделении каждому из них по 40 дес. земли на равнине Тагаурии и по 260 дес. — в Кубанской области. Но администрация отвергла эту просьбу.

Комиссия Кодзокова определила, что в надел крестьянам и алдарам Тагаурии на равнине может быть отведено 64897 дес.¹² (в эту площадь были включены 6 000 дес. войсковых покосов).¹³ Земельные наделы должны были получить 1650 дворов, в том числе и дворы алдаров (никто из них не пожелал

переселяться в Кубанскую область). На один двор, следовательно, приходилось по 39 дес. земли.

2 апреля 1866 г. эти проекты были утверждены наместником Кавказа, который предписал начальнику Терской области:

1. Обязать комиссию Кодзокова немедленно провести межевание земли, отводимой в надел аулам Тагаурского общества.
2. Переселить жителей ряда аулов на особых основаниях.
3. В связи с началом полевых работ немедленно указать всем аулам выделенные им земли.
4. Для обеспечения христианского духовенства Тагаурии предоставить во всех аулах, в коих имеются церкви, в пользование причта по 3 подворных надела земли.
5. Земля распределяется в общинное пользование каждого аула, но отнюдь не в пользование всего Тагаурского общества.

Наделение земель 10 аулов равнинной Тагаурии в апреле того же 1866 года было окончено.¹⁴

Одновременно с решением земельного вопроса в Тагаурии был решен вопрос и о Редантской земле алдаров Дударовых площадью в 3408 дес. 600 кв. сажен. Поскольку права Дударовых на эту землю были якобы «не определены», то их принудили пойти на компромисс: по предложению администрации, Дударовы «добровольно» уступили из этой земли 1004 дес. 2125 кв. сажен для города Владикавказ, а остальные 2403 дес. 875 кв. сажен были закреплены за алдарами Дударовыми на правах собственности.¹⁵

Земельная реформа в Дигории. Еще в 1837 г. император Николай I даровал генерал-майору И. Туганову 19 тыс. дес. земли, часть которой была затем выкуплена властями, у генерала осталось 12 954 дес. 1495 кв. сажен. В 1853 г. на равнине Дигории в частную собственность Кубатиевым было пожаловано 3000 дес., Каражаевым — 800, капитану Абисалову — 200 дес. и т.д. — всего 5 125 дес.¹⁶ В конце 40-х — начале 50-х гг., чтобы несколько снизить накал в отношениях крестьян и феодалов, а также во избежание возможных столкновений между христианами и магометанами на религиозной почве, правительство решило основать на равнине два села адамихатов — Вольно-Христиановское и Вольно-Магометановское.¹⁷ По распоряжению М. С. Воронцова от 25 августа 1852 г. было выделено 4870 дес. на 60 дворов Вольно-Христиановского аула (сюда же переселялась и часть крестьян-христиан из аула Туганова) — всего на 654 души мужского пола; а Вольно-Магометановскому аулу на 619 душ мужского пола (включая переселенцев из аула Туганова) — 3764 дес.¹⁸ В состав этих земель вошли излишки, обнаруженные у Туганова сверх дарованной ему земли. На равнине новоселам запрещалась расчистка лесных участков под пашню, которые в горах обычно поступали в собственность тех, кто их обработал.

В 1863–1864 гг. население равнинной Дигории насчитывало 583 семейства, из которых 263 проживало в Вольно-Христиановском ауле, 109 семейств — в Вольно-Магометановском, а 211 безземельных семейств «простых дигорцев» (кумаягов и цагъайрагов, т.е. крепостных), лезгорцев (выходцев из малоземельного горного аула Лезгор) и хехесов (выходцев из Алагирского ущелья) находились в личной и поземельной зависимости от Тугановых.¹⁹

Крестьяне указанных двух аулов с 1861 г. стали обращаться к правительству с жалобами на нехватку земли. Все очевиднее становилась неизбежность новых социальных конфликтов между феодалами и крестьянами, более того, возникали противоречия внутри самой крестьянской среды.

В этих условиях царское правительство решило форсировать реализацию выработанных комиссией Кодзокова и ее предшественниками мер по решению земельного вопроса в Терской области.

В связи с этим 31 декабря 1864 г. наместник Кавказа предписал начальнику Терской области:

1. Формально провести межевание земли, отведенной баделятам в порядке компенсации за утрату прав на получение налогов с отдельных категорий зависимого населения.

2. Навсегда отменить личные повинности «простых дигорцев» — адамихатов, проживающих как на общественных землях, так и на землях баделят.²⁰

3. Для ограждения от произвола и притеснения со стороны баделят хехесов и других зависимых крестьян четко определить размер тех повинностей, которые хехесы и другие крестьяне должны отбывать в пользу баделят за пользование их землями.

4. Разработать меры по обеспечению землей «безземельных дигорцев, лезгорцев и хехесов», а также изыскать возможность увеличения земельного надела жителей Вольно-Христиановского аула, имеющих «крайне недостаточное количество земли».²¹

В 1865 г. жителей Дигории ознакомили с содержанием этого распоряжения. После чего были составлены весьма неопределенные временные правила, на основании которых «безземельные» дигорцы, лезгорцы и хехесы могли пользоваться землями баделят.²² Все это были полумеры, оставлявшие массу крестьян-адамихатов без земли.

Земельная реформа в Алагирском обществе. В данном обществе социальное расслоение было незначительным, поэтому при проведении здесь земельной реформы предстояло в основном наделить землей переселявшихся на равнину крестьян. В 1824 г. эти переселенцы образовали два аула — Ардон и Салугардан. В 1864 г. здесь числилось 399 семей и 1054 души мужского пола. Значительная часть первоначально отведенных им земель была изъята и передана под казачьи станицы — Ардонскую, Архонскую и Николаевскую — 1-му Владикавказскому полку, а затем Алагирскому серебрянскому

заводу. У двух аулов осталось 10 820 дес. земли²³. Распоряжением вел. кн. Михаила от 31 декабря 1864 г. здесь вводилось общинное передельное землепользование. Но так как в этих селах на один двор теперь приходилось 27 дес., что считалось недостаточным, то в 1865 г. им вернули 715 дес. земли из ранее отобранных для Алагирского завода²⁴.

Решение земельного вопроса носило в Алагирском обществе половинчатый характер; в 1865 г. комиссии Кодзокова поручили — когда «окажется возможным» — разработать новые принципы предоставления земель переселенцам из Алагирии²⁵.

Земельная реформа в Куртатинском обществе. Из земельных площадей, отведенных в 1824 г. владикавказским комендантом жителям Куртатинского общества на равнине, часть была отдана под Архонскую станцию 1-му Владикавказскому казачьему полку, и в результате к середине XIX в. у них осталось 14 520 дес. К этому времени население равнинных куртатинских аулов Суадаг, Верхний и Нижний Фиагдон насчитывало 293 семейства и 1146 душ мужского пола. Спорная между куртатинцами и алагирцами аула Бирагзанг поляна Дарг-Ардуз в 593 дес. была передана в 1864 г. алагирцам, а остальная земля (около 14 000 дес.) в 1866 г. поступила в общинное пользование равнинных куртатинских сел.²⁶

Правительственным актом от 31 декабря 1864 г. было подведено юридическое основание под освобождение от феодальной зависимости фарсаглагов и адамихатов, незначительной части других категорий крестьян.

Были сведены в села многие хутора на равнине, а в самих селах вводился принцип передельного общинного землепользования. Земельный этап крестьянской реформы был органически связан с освобождением фарсаглагов и адамихатов из-под власти алдаров.

Освобождение зависимых сословий в 1867 г. Отмена крепостного права в России послужила новым толчком для развертывания борьбы кавдасардов и холопов за свое освобождение. Более решительный характер их выступления обрели весной 1861 г., когда царская администрация приступила к ликвидации крепостничества в Закавказье. Учреждения были буквально завалены прошениями зависимых крестьян об освобождении.

В этой обстановке начальник Дагестанской области кн. Л. И. Меликов 30 марта 1861 г. выступил с обоснованием идеи ограничения крепостного права в Дагестанской области.²⁷ Высшая кавказская администрация поддержала идею ограничения крепостного права как меру переходную и предложила руководствоваться ею в Терской, а в последующем и в Кубанской областях. И хотя для Северной Осетии после фактического освобождения фарсаглагов эта мера была явно запоздалой, тем не менее, она вызвала переполох среди алдаров и зажиточных фарсаглагов (адамихатов), владевших подвластными крестьянами. В прошении от 18 сентября 1861 г. депутаты алдаров и рабо-

владельцев-фарсаглагов Тагаурии слезно умоляли власти оставить за ними холопов, «ибо их в малом количестве и те совершенно обеспечены со стороны их содержателей».²⁸ Об этом же просили в прошении от 18 сентября 1861 г.²⁹ доверенные феодальной верхушки Куртатинского общества, а дигорские адамихаты повторяли это в прошении от 13 марта и 24 ноября 1864 г.³⁰

В этих условиях социальная активность кавдасардов (кумаягов) и холопов становилась фактором, подталкивавшим правительство к их освобождению. В прошении тагаурских алдаров от 6 июля 1861 г. отмечалось, что холопы стремятся выйти навсегда из повиновения им, решив обрести свободу посредством принятия христианства. Уничтожение крепостного права в России способствовало росту самосознания горского крестьянства, все отчетливее проявлялась антикрепостническая направленность его борьбы. Уже к февралю 1863 г. высшая администрация на Кавказе вынуждена была признать недостаточность мер по ограничению крепостного права среди народов Северного Кавказа и начала изыскивать средства к постепенному уничтожению права владельцев иметь холопов или рабов, коих она считала необходимым сравнить с другими подданными России. При этом администрация не могла не учитывать, что «между туземными холопами уже брошена идея о предстоящем их освобождении, которая в случае неудовлетворения ее поведет к неприятным и даже кровавым столкновениям владельцев с крепостными их людьми».³¹

Вместе с тем власти на Кавказе всячески старались «не возбудить недовольствия высшего сословия». Принимая во внимание, что мысль о неизбежности освобождения их холопов держит феодалов в страхе «лишиться своей собственности без всякого вознаграждения» и, возможно, заставит их установить достаточно умеренный выкуп, власти поддерживали идеи об уничтожении холопства на Кавказе, пытаясь «действовать тем же порядком, как это делалось в России».³²

Если алдары все более осознавали неизбежность утраты власти над кавдасардами и холопами, хотя и стремились отсрочить их освобождение, то защиточные элементы крестьянства, которые при переселении в 1864 г. жителей Западного Кавказа в Турцию купили у них значительное число холопов, относились к этому иначе.³³

В 1863 — 1864 гг. царские власти начали подготовку к отмене крепостничества на Северном Кавказе. В 1866 г. от земельной реформы царизм перешел к ликвидации феодальной зависимости крестьян. В Северной Осетии это означало освобождение кавдасардов и холопов от зависимости.

После освобождения фарсаглагов и адамихатов дигорские баделята, стремясь максимально оградить свои владельческие права, представили в 1865 г. царской администрации свой проект освобождения кумаягов, кавдасардов и холопов. Одновременно со своим проектом выступили тагаурские

алдары. Оба проекта, особенно баделятский, предусматривали высокие выкупные цены. Баделята отстаивали прежние феодальные порядки. Проекты алдаров и баделят наложили тяжелый отпечаток на правительственные мероприятия по освобождению осетинских кавдасардов, кумаягов и холопов.

Проведение крестьянской реформы на Северном Кавказе было поручено созданному в 1866 г. в Тифлисе комитету по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа во главе с генерал-адъютантом Карповым.¹⁷ В своей деятельности комитет руководствовался идеей защиты интересов феодальной верхушки.

18 ноября 1866 г. был опубликован правительственный акт об окончательном освобождении зависимых сословий в Терской области. В феврале 1867 г. здесь учредили посреднические суды. В Северной Осетии их было образовано четыре, во главе их был поставлен старший адъютант начальника Осетинского округа капитан Кавтарадзе. В состав посреднического суда входили один депутат от окружного народного суда и по два депутата от феодалов и освобождаемых категорий крестьян. В своей деятельности эти суды руководствовались положениями, установленными высшей кавказской администрацией. Концепции, определявшие условия освобождения зависимых крестьян, как правило, отвечали интересам феодалов.

Феодалы пользовались запутанностью своих отношений с кавдасардами, предъявляя к ним те же требования, что и к холопам. При разборе подобного рода дел, как сообщал начальник Осетинского округа в рапорте от 11 сентября 1866 г. на имя начальника Терской области, неоднократно обнаруживалась незаконность исков со стороны лиц, владевших кавдасардами,³⁴ за что предписанием от 26 сентября 1866 г. начальник Терской области вменил в обязанность народного суда штрафовать таких владельцев по 100 руб.³⁵

Рассмотрев представление начальника Терской области, наместник Кавказа 17 мая 1867 г. предписал: распространить на Северную Осетию принцип бесплатного освобождения малолетних рабов от года до 15-летнего возраста, как в Кабарде, назначив в качестве вознаграждения владельцам 12 тыс. руб. из податных сборов; а также освобождать бесплатно лиц старше 50 лет.³⁶

Но, по требованию осетинских владельцев, право бесплатного освобождения было распространено только на рабов до 3-летнего возраста, а за освобождение детей от 4-х до 16 лет необходимо было заплатить по 8 руб. за каждый возрастной год.³⁷

Начальник Военного управления Осетинского округа в рапорте начальнику Терской области 23 августа 1867 г. сообщал, что освобождаемые разделены на разряды: холопы были переведены в категорию временнообязанных на 6 лет; кавдасарды и кумаяги — на 3 года.³⁸ Мужчины старше 50 лет и женщины старше 45 лет освобождались бесплатно. Стоимость обязательных работ для взрослых за год оценивалась в 30 руб.

По данным, приложенным к рапорту начальника управления Осетинским округом полковника Эглау начальнику Терской области от 27 ноября 1869 г., число освобожденных в Северной Осетии кавдасардов и номылус на 1 октября 1869 г. было 753, остался во временнообязательных отношениях 81 человек, число освобожденных холопов обоого пола — 658, во временнообязательных отношениях осталось 114 человек.³⁹

Особенностью отмены крепостного права в Северной Осетии в 1867 г. было то, что многочисленная прослойка зажиточного крестьянства, проживавшая почти во всех селах горной и равнинной зоны (аулы Заманкул, Дарг-Кох, Карджин, Батакоюрт, Эльхотово, Хумалаг, Зилги, Беслан, Владикавказский (Ольгинское), Цми, Саниба, Какадур, Ардон, Урсдон, Вольно-Христиановское, Вольно-Магометановское, Кани, Луар, Нар, Лезгор и др.), имела холопов, кумаягов, кавдасардов и номылус.

«Освобожденные» крестьяне (кавдасарды, кумаяги и холопы) оказались в безвыходном положении. В июне 1867 г. начальник Осетинского военного управления отмечал, что «они должны начинать жизнь вновь, без всяких средств и притом еще уплачивать владельцам выкупную плату».⁴⁰

По ходатайству Терской администрации правительство выделило на «вспомоществование зависимым сословиям при начатии ими новой самостоятельной жизни» 8 тыс. руб. серебром, которые были переданы для распределения мировому посредническому суду Осетинского округа.⁴¹ 20 ноября 1867 г. члены этого суда вынесли следующее постановление:

1) пособие распределить между холопами и кавдасардами, считая семейными имеющих жену и детей или только жену, а также тех бывших холопов и номылус, кои имели детей мужского пола от 3-х и более лет;

2) женщинам, имевшим детей женского пола, пособия не назначать, так как они не могут завести хозяйство и жить самостоятельно; не назначать пособия одиноким холопам и кавдасардам, поскольку они еще не скоро начнут самостоятельную жизнь, и пособие, которое они бы получили, не принесло бы им существенной пользы, разве только эти деньги обезземелили бы размер пособий лиц, названных в 1-м пункте;

3) пособие назначать в одинаковом размере холопам и кавдасардам, как живущим в горах, так и на равнине, сделав исключение в пользу депутатов данного мирового посреднического суда;

4) пособие распределить между 243 семействами по 30 руб., на семью, что составит с депутатами 7560 руб. Остальные 440 руб. придержать для выплаты пособия тем холопам и кавдасардам, которые ведут тяжбу со своими владельцами, «и еще не «освобождены из их зависимости»».⁴²

Конечно, эти суммы не могли сколько-нибудь существенно повлиять на улучшение хозяйства освободившихся крестьян, социальная активность которых продолжала вызывать беспокойство местных властей. Начальники

всех округов неоднократно ставили перед начальником Терской области вопрос об облегчении участи освобожденных, и последний вынужден был обратиться в Главный комитет в г. Тифлисе. 8 марта 1868 г. наместник Кавказа вел. кн. Михаил приказал: в апреле 1868 г. «даровать всем вновь освободившимся от своих владельцев горцам Терской области льготы от государственных податей и повинностей сроком на 8 лет, считая со дня начала освобождения, т. е. с 18-го ноября 1866 года». Сделать это было нетрудно, поскольку и до реформы эти категории не являлись податным сословием.

31 декабря 1868 г. «в пособие беднейшим из освобожденных холопов и номылу» Осетинского округа главнокомандующий Кавказской армией выделил 4 тыс. руб. серебром, которые были израсходованы к июлю 1870 г. Начальник округа в рапорте начальнику Терской области 4 июля 1870 г. запросил еще 3 тыс. руб. «для выдачи водворившимся уже самостоятельно вольноотпущенным холопам».⁴³ В начале января 1871 г. «в пособие беднейшим холопам и кумиакам» эти деньги были выданы⁴⁴. Всего в Осетии было освобождено 1449 холопов обоего пола⁴⁵.

Положение осложнялось и тем, что многие временнообязанные, получив по прошествии определенного срока личную свободу, остались без земли: кусаги (холопы), кумаяги и кавдасарды, согласно правительственным положениям, не обеспечивались землей. Новоосвобожденные крестьяне, по мнению администрации, должны были быть приписаны к аулам, жители которых — фарсаглаги, сами страдавшие от нехватки земли, — решительно отказывали в ней бывшим холопам (кусагам), кумаягам, кавдасардам, номылу.

Крестьянская реформа в Осетии была проведена не в силу назревшей необходимости ее внутреннего развития, а вследствие ее включения в социально-экономическую систему России. Реформу проводили не местные феодалы, а царские военные и отчасти гражданские власти. Отмена феодальной зависимости началась в Осетии задолго до отмены крепостного права в России, а с 1861 г. ход крестьянской реформы в Осетии все более соответствовал требованиям реформы в России. Отмена крепостного права в России имела положительное значение для Осетии как одной из окраин страны. Царизм и здесь проявил хорошее понимание и соблюдение интересов феодальной верхушки. Освобождение фарсаглагов произошло до завершения земельной реформы. Холопы, кавдасарды и адамихаты были освобождены с выкупом без наделения землей.

Отмена крепостного права в Южной Осетии была проведена позднее, чем в России. Крестьянская реформа в Грузии основывалась на Положении от 19 февраля 1861 года. Однако для Восточной Грузии были выработаны «Дополнительные правила о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Тифлисской губернии», утвержденные 13 октября 1864 года. Для нагорной зоны Горийского уезда и Горийского округа Тифлисской губернии»,

были сделаны изъятия из общего положения по этой губернии, установленные в особых «Правилах о поземельном устройстве крестьян», водворенных на помещичьи земли. Такие же изъятия были проведены и для нагорной части Рачинского уезда Кутаисской губернии⁴⁶. В нагорную часть этих уездов входили и осетинские поселения.

Российское правительство опасалось дальнейшего роста крестьянских восстаний в Грузии, но не хотело проведением крестьянской реформы настраивать против себя местных феодалов-крепостников, на которых опиралось в своей политике. Поэтому власти, успокаивая дворян, неоднократно подтверждали, что реформа в Грузии никакого ущерба помещикам не принесет.⁴⁷

В октябре 1864 г. последовал Указ Александра II об отмене крепостного права в Тифлисской губернии.

В период проведения крестьянской реформы территория Юго-Осетии не представляла отдельной административной единицы, а входила, главным образом, в Горийский и Душетский уезды Тифлисской губернии, а также в Рачинский и Шоропанский уезды Кутаисской губернии. В конце XIX века, по переписи 1897 г., в первых двух из этих уездов жило свыше 65 тыс., а в последних двух — свыше 6 тысяч осетин. Кроме того, в других уездах названных губерний проживало еще около 2,7 тыс. осетин⁴⁸.

Большая часть крепостных крестьян, на которых распространялось действие реформы, жило на землях князей Эристава — Ксанских. Их имения были расположены от ущелья реки Малой Лиахвы до ущелья р.Ксан. Много крепостных имелось и во владениях других помещиков: Павленишвили, Палавандишвили, Амираджиби, Херхеулидзе, Диасамидзе и др. Часть крепостных крестьян проживала в бассейне реки Большой Лиахвы, в селениях Кехви, Тамарашени, Ачабети, Курта, Кемерта, Дзарцеми и др. Крепостные крестьяне обитали и в горных районах Юго-Осетии (селении Едыс, Верхний и Нижний Ерман, Бритат, Ход, Тли и др.). Много крепостных имелось в кударском участке Рачинского уезда.

Крестьяне, проживавшие на территории, составляющей нынешнюю Южную Осетию, делились в основном на четыре категории.

Это были мачабеловские крестьяне, населявшие земли кн. Мачабели, но не признававшие над собой их прав; крепостные, жившие, главным образом, на землях кн. Эристава, отнесенные после реформы к временнообязанным; хизаны, проживавшие на землях разных помещиков, особенно князей Палавандовых, на территории нынешнего Знаурского района, и, наконец, казенные крестьяне, занимавшие государственные земли⁴⁹.

По положению 1864 г. о поземельном устройстве закавказских крестьян, последним было предоставлено право выкупать свои наделы с согласия помещиков по ценам, также согласованным с помещиками. До окончательного

выкупа крестьяне оставались в положении временнообязанных. В этом положении крестьяне несли помещикам повинности: 1) денежную за усадьбу и сады, 2) натуральную: одну четвертую часть урожая с пахотной земли, одну треть с сенокосов и одну четверть с виноградников.

Реформа 1864 г. не отразилась на положении той части крестьян, которые назывались «хизанами» («покорившиеся»); они пользовались помещичьей землей в качестве беспорных держателей земли за оброк и барщину. Хизаны лично были свободны, могли уходить от помещика, но и их можно было согнать с земли с удержанием части дворового имущества.

Мачабеловские крестьяне-осетины жили в Джавском, Урсдзуарском, Джомагском, Рукском, Чесельтском, Нарском и Кошкском (Ванельском) ущельях. Они обращались во все правительственные инстанции с заявлениями о том, что готовы быть покорными подданными русскому царю и платить правительству подать, какую на них возложат, но никогда не согласятся быть подданными князей Мачабели. Борьба осетинских крестьян за независимость против князей Мачабели приняла длительный характер. Активизации крестьянского движения во многом способствовали рабочие лесных работ, рабочие-отходники. Крестьяне уклонялись от уплаты повинностей, требовали землю, открытия школ и лечебниц. Они упорно боролись против чиновников, духовенства, купцов, сборщиков податей, сельских старшин. В 1891 году в селе Курта крестьяне убили князя Мачабели, а в 1894 году подожгли поместье этих князей. Власти жестоко подавляли выступления крестьян. Помимо карательных отрядов посылали экзекуции, которые длились месяцами и разоряли крестьянское хозяйство.

Помещики стремились закрепить за крестьянами худшие наделы. В результате реформы площадь землепользования югоосетинских крестьян заметно сократилась. На один крестьянский дым в среднем приходилось пахотной сенокосной земли 3,3 десятины, а после реформы — 2,1 десятины⁵⁰.

Ухудшилось положение крестьян и в отношении повинностей, после реформы они не только не уменьшились, а, наоборот, еще больше увеличились.⁵¹

Примечания

1. Докладная записка председателя комитета, учрежденного в крепости Владикавказ для разбора личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа барона Вревского 28 марта 1851 г. ЦГА РСФСР-А, Ф.233. Оп.1. Д.29. Л.27.

2. Там же. Ф.233. Оп.1. Д.9. Л.33 об.

3. Там же. Ф.291. Оп.1. Д.29. Л.29 об. – 30.

4. Там же. Д.10. Л.20.

5. Там же. Ф.12. Оп.6. Д.58. Л.1.

6. Там же. Д.172. Л.10.

7. Там же. Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.49.
8. Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией). Нальчик, 2007. С.174.
9. Там же. Д.256. Оп.1. Д.5. Л.6.
10. Там же. Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.50 об.
11. Там же. Л.50 об. – 51.
12. Там же. Л.51.
13. Там же. Ф.256. Оп.1. Д.5. Л.107.
14. Там же. Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.51; см. также: Ф.356. Оп.1. Д.62. Л.86 об. – 87.
15. Там же. Л.51.
16. Там же. Ф.11. Оп.6. Д.25. Л.26; см. также: Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.51.
17. Там же. Ф.379 Оп.1. Д.2. Л.51.
18. Там же. Ф.12. Оп.6. Д.268. Л.7 об. – 8 об.
19. Там же. Ф.256. Оп.1. Д.72. Л.88 об.; Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.51 – 51 об.
20. Там же. Ф.256. Оп.1. Д.72. Л.89 об.
21. Там же. Л.90.
22. Там же.
23. Там же. Л.90 об.
24. Там же. Л.90.
25. Там же. Ф.279. Оп.1. Д.2. Л.51 об. – 52.
26. Там же. Л.52.
27. Там же. Ф.12. Оп.6. Д.1252. Л.2.
28. Там же. Д.268. Л.17.
29. Там же. Л.15.
30. Там же. Д.1259. Л.8 – 8 об.
31. Там же. Л.3 об.
32. Там же. Л.4–4 об.
33. Там же. Д.1244. Л.60.
34. Там же. Д.1242. Л.13.
35. Там же. Д.162. Л.1.
36. Там же. Л.1, об. 6.
37. Там же. Д.1245. Л.63–65.
38. Там же. Д.190. Л.10–22.
39. Там же. Д.1244. Л.138.
40. Там же. Л.162–163.
41. Там же. Л.132.
42. Там же. Д.193. Л. 142.
43. Там же. Л.142–142 об.
44. Там же. Д.196. Л.227–227 об.
45. Там же. Л.236.
46. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск, 2005. С.283.
47. Догужов П.Б. Революционное движение в Южной Осетии в XIX – XX вв. Сталинир, 1960. С.12.
48. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1. Тифлис, 1907. С.403.
49. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. СПб. Вып.7.
50. Абаев В.Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма. Ч.II. Тбилиси, 1956. С.14–15.
51. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. Сталинир, 1956. С.288–289.

ГЛАВА 3. БУРЖУАЗНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ОСЕТИИ

Общая характеристика экономики Осетии. Разработка узловых проблем пореформенной истории Осетии диктует настоятельную необходимость глубокого анализа тех значительных и решающих сдвигов, которые произошли в ее социально-экономической жизни. В историко-экономической и этнографической литературе имеются достаточно обоснованные доказательства модернизации экономики Осетии, господства буржуазных отношений во всех сферах социально-экономической жизни как северной, так и южной части Осетии.

В пореформенное время Осетия оставалась разделенной на две части. Она занимала северные и южные склоны центральной части Главного Кавказского хребта. Северная часть Осетии входила в Терскую область, образуя административно-территориальный Владикавказский (Осетинский) округ. Осетин в северной части по разным данным насчитывалось от 170 до 200 тысяч человек. Точных данных нет и о численности южных осетин: в различных уездах Тифлисской и Кутаисской губернии и во всем Закавказье проживало от 100 до 120 тыс. осетин. На севере вне своего административного округа осетины жили также в осетинских станицах Моздокского казачьего отдела (в станицах Чернойорской, Новоосетинской, Луковской, в селении Веселое, а также в многочисленных хуторах вокруг Моздока. Во Владикавказе из пяти слободок в двух — Верхне-Осетинской и Нижне-Осетинской (Владимировской) — тоже жили осетины.

Южные осетины в рассматриваемое время не имели своего административно-территориального образования. Это обстоятельство тормозило экономическое развитие, ослабляло этнические связи.

И все-таки эти неблагоприятные условия не могли приостановить эволюционные процессы, двигавшие экономику Осетии к новым ступеням развития.

Рассматриваемое время Осетия встретила в разных географических измерениях: две ее части развивались в разных социально-экономических и политических условиях. Это обстоятельство в значительной степени определяло содержание и характер развития двух частей Осетии. Северная Осетия, например, во многом зависела от того, что происходило на Северном Кавказе. Южная же Осетия развивалась в контексте истории Грузии.

В социально-экономической жизни Осетии произошли значительные изменения, вызванные проникновением капиталистических отношений в экономику. Ко второму десятилетию XX века Северная Осетия находилась в зоне капиталистической модернизации, став регионом со сравнительно развитым капитализмом. Южная же Осетия оставалась в зоне аграрного капитализма без каких-либо существенных сдвигов в развитии промышленности. К началу XX в. промышленность Южной Осетии по-прежнему была представлена предприятиями полукустарного типа. За период с 1880 по 1920 гг. здесь не было создано ни одного сколько-нибудь значимого предприятия. Самым «крупным» являлось «Лиахвское лесопромышленное товарищество». В Южной Осетии появились мелкие кустарные мастерские ремесленного типа, сосредоточенные в основном в Цхинвали и Ахалгори. Здесь насчитывалось 157 ремесленников с 40 учениками, хлебопекарни, булочники, портные, сапожники, столяры и т.д. Тогда же появились кирпичные, известковые, лесопильные и другие предприятия по производству строительных материалов¹.

В пореформенный период в сельском хозяйстве полеводство и скотоводство были основными занятиями юго-осетинских крестьян. Во многих селах сохранились черты барщинной системы в виде натуральной ренты. Крестьяне обрабатывали помещичьи земли своим инвентарем.

В деревню начали проникать капиталистические отношения. Многие крестьяне, не имея рабочего скота и сельскохозяйственных орудий и будучи не в состоянии уплачивать помещичьи и государственные повинности, сдавали кулакам свои наделы за бесценок. Из среды зажиточных слоев крестьянства выделялась деревенская буржуазия. Рост числа малоземельных крестьян вынуждал их искать средства существования в других местах. Часть сельского населения отрывалась от земледелия, росло отходничество. Многие крестьяне отправлялись в Баку, Тбилиси, Грозный, на строительство Закавказской железной дороги, на снегоочистительные работы по Военно-Грузинской дороге, на рудники, на сельскохозяйственные работы в Картли и на Северный Кавказ. Отходники способствовали распаду большой осетинской патриархальной семьи.

Несмотря на эти изменения, крестьянское хозяйство у южных осетин и в пореформенный период оставалось натуральным. Производимые продукты сельского хозяйства и домашних промыслов в основном шли на удовлетворение нужд самих крестьян.

В 1897 г. в Цхинвальском и Ксанском участках в пользовании крестьян было 16510 десятин земли. В среднем на один временнообязанный крестьянский дом приходилось 2,45 десятины пахотной земли, на хизанский — 3,0, на мачабеловский — 1,0 и на казенный крестьянский двор — 2,7².

Крестьяне занимались также садоводством, огородничеством. Важное место в сельском хозяйстве занимало и животноводство. В северо-западной части современной Южной Осетии преобладало крупное животноводство, а в восточной — мелкое. Скотоводство носило товарный характер. Годовой сбыт скота достигал 500-800 голов крупного рогатого скота и до 5-6 тысяч голов мелкого скота. Скот сбывали в основном на рынках Грузии. В хозяйстве южных осетин важную роль играли лошади. Вьючный транспорт оставался единственным средством передвижения по горным тропам и перевальным дорогам.

В пореформенное время в юго-осетинских деревнях появляются очаги мелкопромышленного производства — предприятия кустарно-ремесленного характера. Во многих селах имелись известковые заводы, водяные мельницы. Лесопромышленники сплавляли лес по рекам, получая от этого большие доходы. Развивалось и дорожное строительство. В 50-е годы была построена колесная дорога Цхинвали-Рук. Основными видами транспорта оставались гужевой и вьючный. Расширилась торговля. Основными центрами торговли стали Цхинвали и Ахалгори. В проводимых ярмарках участвовали ремесленники, купцы, ростовщики. Они скупали по дешевой цене у крестьян сельскохозяйственные продукты, продавая им втридорога предметы промышленного производства. Осетинские крестьяне занимались земледелием, скотоводством, виноградарством и садоводством.

Кустарные промыслы в Южной Осетии получили соответствующую специализацию в разных районах, в зависимости от природно-климатических условий и наличия промышленного сырья для производства изделий. Кустарное ткачество развивалось в высокогорной зоне на базе овцеводства, деревообрабатывающее производство — в горной и плоскостных зонах. Производство этих отраслей в Южной Осетии занимало важное место наряду с земледелием. Из кустарных промыслов были развиты также производство гончарной посуды (в Манастерском районе), деревянной посуды (в Рокском и Кемультском районе)³ и т.д.

Южная Осетия медленно входила в полосу периферийного буржуазного развития. Несмотря на это, в юго-осетинской деревне наметились вполне определенные тенденции к рыночной трансформации сельского хозяйства.

Терская область, в состав которой входила Северная Осетия, по своему политическому, экономическому и культурному развитию представляла чрезвычайно пеструю картину. Терскую область составляли шесть национальных округов и четыре казачьих отдела с населением более 1 млн. человек.

Обширные и плодородные земли области были крайне несправедливо распределены между казачьими отделами и национальными округами. Казачество, составляя 18,7% всего населения, владело почти половиной земель области. Достаточно отметить, что на одного члена казачьей семьи в среднем приходилось в пять раз больше земли, чем на члена семьи неказачьего населения⁴.

Из 514892 дес. земли, которые составляли земельный фонд Владикавказского (Осетинского) округа, удобной было всего 150 тыс. дес.

Господствующими видами собственности на землю в Северной Осетии после отмены крепостного права были: 1) крупная собственность помещиков; 2) parcelлярная собственность крестьян в горной полосе; 3) общинная собственность крестьян на пахотную землю в равнинной части и на пастбища в горах. Самые лучшие и плодородные земли принадлежали помещикам, в том числе 12 тыс. дес. одним только Тугановым⁵.

В первое десятилетие пореформенного периода в Осетии продолжало господствовать сравнительно отсталое сельское хозяйство с крайне слабыми признаками прогресса и интенсивного развития. Но уже тогда на общем фоне отсталости проглядывали ростки нового, спорадически появлялись в деревне хозяйства, которые предпринимали отчаянные попытки выйти из состояния застоя.

Позднее, в 80-90-е гг., в результате проникновения капитализма в деревню сельское хозяйство в своем развитии достигло значительных успехов, и буржуазные отношения стали определять социально-экономическую жизнь осетинской деревни.

Однако дальнейшее развитие экономики в значительной мере определялось не внутренними процессами, а теми значительными изменениями, которые происходили в России во второй половине XIX в.

Капитализм, развиваясь вширь, втягивал в сферу своего влияния все новые и новые регионы страны. В 70-е гг. XIX в. русские промышленники, начав экономическое «завоевание» Кавказа, приступили к строительству железнодорожной магистрали Ростов-Владикавказ. Северо-Кавказская железная дорога, вступившая в строй действующих в 1875 г., явилась мощным толчком к разрушению докапиталистических форм хозяйства, способствовала оживлению экономической жизни края⁶. Капитализм, до того исподволь и медленно пробиравшийся к богатствам Северного Кавказа, устремился теперь к нефти Грозного и цветным металлам Осетии. Цветная металлургия оказалась в монопольном владении смешанного русско-бельгийского акционерного общества «Алагир». Интенсивно развивалась и торговля. Российские фабричные изделия заняли прочные позиции в местной торговле.

Осетия становится составной частью хозяйственной системы России; началось усиленное проникновение в ее экономику российского, а вместе с ним и иностранного капитала.

Открытие Петровско-Владикавказской ветки железной дороги

Осетия во II-й половине XIX века, благодаря богатству ее недр цветными металлами и близости к путям сообщения, была втянута в орбиту капиталистического развития. Капитализм в широких масштабах проник в ее экономику и ускорил процесс национальной консолидации.

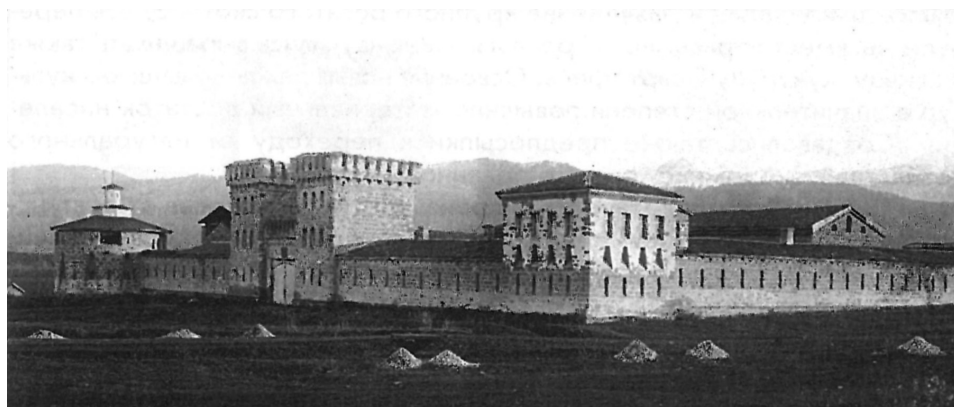
В южной же части Осетии целые пласты экономической жизни оказались вне зоны интенсивной капиталистической модернизации.

Развитие промышленности в Осетии. Формирование национальных кадров рабочего класса. Появление и развитие в Осетии промышленных предприятий связано с освоением и разработкой цветных металлов в Садонских рудниках и пуском серебросвинцового завода в Алагире. Капитализм к концу XIX века в широких масштабах проник в экономику северной части Осетии и вызвал в ней необратимые процессы.

За два-три десятилетия пореформенного периода в ее экономической жизни произошли огромные изменения. Именно в этот период одно из глухих ущелий Осетии — Алагирское — стало крупным промышленным центром Терской области. «Небывалое оживление в Алагирском ущелье, — писала газета «Терские ведомости», — в разных местах здесь открыты и разрабатываются минеральные богатства. Кругом то и дело раздаются выстрелы и взрывы, но это не те губительные выстрелы, которые не так давно раздавались в Кавказских горах, это потомок воинственного осетина разрывает порохом скалы и добывает руду... На отвесных скалах воз-

водятся каменные постройки для рабочих... Трудно описать все, что теперь происходит в Алагирском ущелье. Воздвигается масса построек для разных надобностей рудника, проводятся узколинейные рельсовые пути для перевозки руды, производятся миллионные расходы, и целая тысяча людей находит здесь заработок». Стали возникать различного рода акционерные кампании по разработке рудных месторождений. Природные богатства, сулившие огромные прибыли, вызвали настоящий промышленный ажиотаж. Когда неподалеку от старых Садонских рудников, близ с. Архон, были обнаружены богатые залежи цветных металлов, «эта весть разнеслась чуть ли не по всей России... Каждый старался раньше других поспеть в Архон, чтобы какими-нибудь путями взять в руки эти богатства». Осетинские помещики, отставные военные и гражданские чины, купцы и кулаки, охваченные «цинковой» лихорадкой, стремились вложить свои капиталы в горную промышленность. Несколько лет, например, шла упорная борьба между крупным помещиком Тугановым и генералом Хорановым за Архонские участки рудоносной земли. Холстинский рудник стал принадлежать Б. Канукову.

Среди промышленных предприятий особое значение имели Садонские рудники и Алагирский серебросвинцовый завод, основанные еще в начале 50-х гг. XIX века. Однако долгое время и рудники, и завод не могли наращивать свою мощность. В 1880 г. Алагирский завод, например, смог дать только 9 тыс. пуд. свинца и 31 пуд серебра. На этом же уровне оставалось производство цветных металлов и в 1890 г. Такое положение дел объяснилось в первую очередь низким уровнем техники, а также недостаточным финансированием.

Алагирский серебросвинцовый завод

Царское правительство, оказавшись неспособным улучшить производство цветных металлов, решило сдать Садонские рудники и Алагирский за-

вод в аренду частным предпринимателям. В 1895 г. был заключен контракт с Н.В. Фильковичем, накопившим к этому времени немалый капитал на продаже заграничным фирмам цинковой обманки, шедшей ранее в Садонских рудниках на отвал. По арендному акту к новому владельцу переходили также леса Цейского и Касарского ущелий общей площадью около 3 тыс. дес.

Филькович решил превратить завод и рудники в рентабельные предприятия, реконструировать их и провести новые геологоразведочные работы. Но для этого нужен был значительный капитал, и Филькович стал искать партнеров, готовых вместе с ним вложить деньги в это перспективное мероприятие. Его предложение первыми приняли бельгийские предприниматели. В апреле 1896 г. был подписан договор об образовании смешанного русско-бельгийского акционерного «Горнопромышленного и химического общества «Алагир». Размер капитала, вкладываемого обществом в развитие и техническое оснащение завода и рудников, составлял 4,5 млн. рублей. 75% акций «Горнопромышленного и химического общества «Алагир» принадлежали бельгийским капиталистам. В России держателями акций оказались петербургские Мейер и К°, а также представители династии Романовых — родные дяди царя Николая II — Владимир и Алексей.

Вскоре акционерный капитал общества «Алагир» возрос до 13 млн. руб. Количество заявок на приобретение его акций росло с каждым месяцем. Возникли и другие акционерные объединения — «Терское горнопромышленное общество Булатова» и общество «Вьельмонталь», приступившие к разведке и разработке руд в Дигорском ущелье. Их пайщиками являлись не только иностранцы, но и русские предприниматели, а также представители нарождающейся осетинской буржуазии (Н. Цагараев, К. Мурашев, Б. Кануков, ген. А. Фидаров, помещики Тугановы и др.).

«Рудные месторождения Осетии, — отмечала газета «Казбек», — были предметом долгих споров и судебных разбирательств между различными предпринимателями по преимуществу доморощенными».

Свою деятельность «Горнопромышленное и химическое общество «Алагир» начало с усовершенствования оборудования Алагирского завода и Садонских рудников. В Садоне была построена электростанция, значительно увеличилось число рабочих. Началось строительство рудообогачительной фабрики в Мизуре. Кроме Садонских функционировали Холстинский и Архонский рудники. Работа на рудниках была организована в две смены. В результате добыча руды начала расти, составив в 1898 г. более 750 тыс. пудов.

В 80-90-е гг. быстрыми темпами стала развиваться промышленность во Владикавказе. Он превращался в город со сравнительно развитым фабрично-заводским производством и торговлей. Если в 1870 г. в нем насчитывалось всего 90 предприятий (винокуренные, кожевенные, маслобой-

ные и кирпично-черепичные), то к началу 80-х гг. их количество возросло до 190⁷.

К концу XIX века в промышленности Владикавказа произошли существенные качественные изменения. Число мелких предприятий постепенно сокращалось, и заметную роль стали играть более крупные заводы и фабрики⁸. Поэтому в 1893 г. во Владикавказе количество промышленных предприятий сократилось до 66, однако сумма их годового производства составляла 1330 тыс. руб. против 424 тыс. в начале 80-х гг. Процесс вытеснения мелких предприятий более крупными приводил к концентрации рабочего класса. Достаточно отметить, что количество рабочих на одном предприятии возросло с 10-15 в 70-х гг. до 50 в 90-х гг., что было выше общероссийских показателей. Наиболее значительным из предприятий Владикавказа был оснащенный современной по тому времени техникой кирпично-черепичный завод Л.В. Штейнгеля и В.И. Грозмани, где работало 140 рабочих.

Один из первых паровозов в Осетии

В 80-90-е гг. XIX в. Владикавказ становится одним из крупных транспортных узлов Северного Кавказа. Быстрыми темпами во Владикавказе стала развиваться торговля. Его торговые обороты за 20-летие (1889-1909 гг.) возросли с 4 млн. до 20 млн. руб. По сумме торговых оборотов он стоял в одном ряду с такими крупными торгово-промышленными центрами степных районов Предкавказья, как Новороссийск, Екатеринодар, Армавир и Ставрополь.

Процесс формирования местного рынка проявлялся не только в росте торговых оборотов, но и в появлении торгово-капиталистических предприятий нового типа — лавок, лабазов, магазинов и т.д., которые вытесняли ярмарочную торговлю.

В 1880-е гг. в Осетии, как отмечал А. Ардасенов, была «нередкость, когда на 300 дворов населения насчитывается 4-5 лавок». В равнинных селениях Осетии наибольшее количество торговых заведений было в Алагире — 25, в Христиановском — 19, в Батакоюрте — 18, в Хумалаге — 9, Эльхотово — 12, Кадгароне — 11 и т.д.

Сравнительно развитой во Владикавказе стала кондитерская отрасль пищевой промышленности. Она оказалась в руках осетинских предпринимателей братьев Уасила и Лади Хасиевых и супругов Соломона и Сафиат Кучиевых. Мануфактурную и бакалейную торговлю контролировали братья Бибо, Тема и Джиор Ногаевы.

О быстром развитии торговли в Осетии свидетельствует появление множества различных торговых обществ, банков и касс. В 1869 г. во Владикавказе был открыт первый в области городской общественный банк, а в 1890 г. — отделение Азово-Донского коммерческого банка, которое производило учет векселей и выдачу ссуд под залог, в городе имелось 4 ссудосберегательных кассы, а в округе — 6. Торговля и предпринимательство получили широкое развитие и в Южной Осетии. Центром торговли становился Цхинвали. Занимая выгодное положение, Цхинвали стал посредником в торговле горной Осетии с г. Тифлисом и Гори. Три раза в неделю в Цхинвали собирались большие базары, а весной сюда на ярмарку осетины пригоняли для продажи табуны лошадей. «Хорошие пути сообщения, — отмечала газета «Тифлисский листок», — конечно, подняли бы торговлю и оживили бы богатое Джавское ущелье».

Менялся облик Владикавказа, шло интенсивное градостроительство. В городе появились мощеные улицы, застраивался Александровский проспект, в 1880 г. прокладывается водопроводная сеть в центральной части города. В застройке Владикавказа преобладали кирпичные и каменные здания.

Быстрыми темпами начало расти население Владикавказа. Если в 1872 г. оно составляло всего 15000 человек, то к концу 90-х гг. — 43740 человек. Владикавказ стал одним из самых крупных по численности населения городов Северного Кавказа. Росло количество предприятий и в сельских районах. Кроме Садонских рудников, Мизурской обогатительной фабрики и завода «Алагир», в крупных населенных пунктах Северной Осетии имелось более 100 мелких предприятий, многие из которых в начале XX в. превратились в предприятия промышленного типа (винокурный завод близ Беслана, Бесланский вакуум-сушильный завод, пивоваренный и крахмало-сушильные заводы в Ардоне, Дарг-Кохе и др.) с общим числом рабочих около 1 тыс. чел.

Рост горнозаводского производства в Садонском промышленном районе, а также развитие промышленности во Владикавказе и сельских районах сопровождались значительными количественными и качественными сдвигами в формировании рабочего класса. Если, например, для крестьян близлежащих к Садону сел, а также жителей Туалии, Дигории и Южной Осетии работа на рудниках прежде была сезонной, то с течением времени они расставались со своим хозяйством и становились кадровыми рабочими. Ряды рабочего класса пополнялись за счет малоземельных и разорившихся крестьян. Значительные изменения произошли и в национальном составе рабочих: в 80-е гг. более 89% всех занятых в горнозаводской промышленности рабочих были осетины. Еще в 1872 г. начальник Алагирского завода С. Счастливцев отмечал, что осетины «обратились в настоящее горнозаводское население».

Среди населенных пунктов особое место занимал Моздок. Его значение стало особенно заметным после окончания Кавказской войны. Здесь наибольшее развитие получила торговля. В Моздоке два раза в неделю устраивались базары и три раза в год — ярмарки, годовой торговый оборот которых составлял 199700 руб. По свидетельству современников, город кормил и одевал окрестные селения и казачество. Некоторое развитие здесь получили и мелкие кустарные промыслы. В 1880 г. в Моздоке насчитывалось 450 ремесленников: шорники, кузнецы, колесники и т.д.

Однако с 80-х гг. XIX в. значение Моздока резко падает в связи со строительством на Северном Кавказе новых железнодорожных линий и появлением новых крупных торговых центров. В 90-е гг. XIX в. в Моздоке насчитывалось всего пять кирпично-черепичных предприятий, два пивоваренных, четыре кожевенных, одно белильно-свечное предприятие и 26 мельниц.

Водоподъемник в Фаснале и Мизурская обогатительная фабрика

В результате развития промышленности росли кадры рабочего класса, в рядах которого (с учетом работавших на мелких предприятиях, в строительстве, железнодорожном транспорте, а также перевозчиков руды) к концу XIX — началу XX вв., по неполным данным, насчитывалось около 6 тыс. человек.

В процессе развития капитализма развивались две тенденции: внешняя, посредством импорта более развитых форм, и внутренняя, на базе менее развитых капиталистических форм местного происхождения. Местные и привнесенные извне капиталистические формы на первых порах развивались как бы параллельно, не сливаясь и слабо взаимодействуя друг с другом; при этом такое развитие «двух капитализмов» создавало своеобразную местную модель социально-экономической структуры. Сравнительно низкий исходный уровень всей эволюционной ситуации в Осетии, и в частности слабость ее предпринимательских потенций, во многом предопределили господство привнесенных, более развитых капиталистических форм или же возможность в этих условиях дальнейшей внутренней капиталистической модернизации местной экономики только под решающим влиянием внешних факторов. Вернее было бы сказать, что дальнейшая капитализация теперь определялась не только внутренними процессами, но и тем решающим воздействием, которое оказывал русский и иностранный капитал, достигший несравненно более высокой ступени развития. Крупные промышленные предприятия Северной Осетии (Садонские и др. рудники, Мизурская обогатительная фабрика, завод «Алагир») были основаны русскими и иностранными капиталистами. Поэтому появление их, а также создание монополистических объединений мы рассматриваем как внедрение более развитой экономической формы в менее развитую местную хозяйственную структуру.

Господство русского и иностранного капитала в сочетании с политикой царизма обусловило известную специфичность процесса экономического развития и формирования местной буржуазии.

К моменту бурного проникновения русского и иностранного капитала местная осетинская предпринимательская среда не успела накопить достаточных средств для крупного производства и оказалась временно подавленной монополистическим капиталом, развиваясь лишь на «нижнем этаже» капиталистической эволюции, осваивая легкую и пищевую промышленность.

Это обстоятельство привело к тому, что в Осетии, несмотря на ее быстрое буржуазное развитие, наблюдалось лишь спорадическое появление представителей местной крупной буржуазии.

Оригинальность и, может быть, неповторимость местной модели капиталистического развития в конце XIX — начале XX вв. заключается в том, что проникновение «импортного» и развитие местного капитализма привели к формированию национального рабочего класса и в то же время

создали условия для роста и развития местной крупной промышленной буржуазии.

Но и формирование здесь рабочего класса имело свои особенности: во-первых, он формировался как в самой Осетии, так и за ее пределами. Как указывалось выше, за пределами Осетии находилось более 15 тыс. осетинских отходников, которые пополняли ряды рабочего класса Тифлиса, Баку, Грозного, городов Дальнего Востока, а также Америки, Австралии и др., и, во-вторых, он с самого начала развивался как двунациональный (состоял из осетин и русских).

Признавая решающую роль внешних факторов в дальнейшем экономическом росте, отметим, что монополистические формы капитализма не были искусственным насаждением «сверху». Появление монополистических объединений в Осетии было возможно только при условии сравнительной зрелости капиталистических отношений, формировавшихся «снизу», на местной почве.

Развитие капитализма сопровождалось прогрессирующим обнищанием народных масс, усилением социального гнета, обострением классовых противоречий. Рабочие Северной Осетии, как и пролетариат России в целом, были лишены самых элементарных прав. Более того, на них не распространялись законы о продолжительности рабочего времени, об охране труда, порядке найма и увольнения. На предприятиях Владикавказа, Садонских рудниках и Алагирском заводе рабочий день, как правило, длился 12 часов. Работая с раннего утра до вечера, шахтеры, например, получали в месяц 25–30 руб. Вплоть до конца XIX в. рабочие Садона ютились в землянках и небольших каменных домиках. Многие из них жили в бараках без каких-либо элементарных удобств. Даже официальные представители властей отмечали, что быт шахтеров на Садонских рудниках хуже, чем на других рудниках и промыслах.

В 1897 г. директором рудника стал бельгиец Д. Харига. При нем, несмотря на принятый в 1896 г. Закон о сокращении рабочего дня, шахтеров заставляли работать 12 часов. Директор Харига начал практиковать на руднике сдельщину. Шахтеры объединялись в артели, которые заключали с администрацией рудника договоры. При этом администрация повысила нормы выработки. Материалы и инструменты (пи-

*Осетины-рудовозы. Ходское ущелье
Алагирского общества*

стоны, порох, зажигательный шнур, динамит, лопаты и пр.) рабочие — члены артели — должны были приобретать за свои деньги. Хозяева рудника устанавливали на них высокие цены. Так, за 1 пуд пороха артель платила администрации 11 руб., и за такое же количество динамита — 33 руб.

И на руднике, и на заводе не соблюдалась техника безопасности. В шахтах постоянно сверху сочилась вода, а отсутствие вентиляции приводило к скоплению газов от взрывов динамита. В таких условиях пребывание людей в забое было опасным для жизни и нередко кончалось гибелью рабочих. Только за июль 1898 г. на Садонском руднике, по неполным данным, произошло более 10 несчастных случаев со смертельным исходом. Газета «Терские ведомости» отмечала, что администрация Садонских рудников и Алагирского завода без всякой выплаты пособия выбрасывает с рудника шахтеров, потерявших трудоспособность⁹.

В таком же положении находились рабочие серебряноцинкового завода в Алагире. За 12-часовой изнурительный труд они получали всего 60-80 коп. На заводе, как и на рудниках, практиковалась система штрафов. «Причин» для штрафования было много: за утерю инструмента или за преждевременный его износ, за пререкание с мастером и т.д. В 1874 г. рабочего С. Цихиева, например, оштрафовали на 1 руб. 50 коп. только за подозрение, что он задремал у плавильной печи.

Жестокой эксплуатации подвергались и перевозчики руды («цинковозы»). Для перевозки руды из Садона до завода в Алагире администрация нанимала около 100 крестьян, имеющих собственные транспортные средства. В любое время года тяжело нагруженные арбы двигались по размытой горными потоками, с крутыми спусками и подъемами дороге от Садона до Алагира. Повозки часто падали с обрывов и исчезали в пучине рек Садонки и Ардона. Несмотря на невероятные трудности, плата за провоз руды была очень низкой. К тому же предприниматели систематически обкрадывали неграмотных цинковозов: на арбу в Садоне нагружали 35-40 пуд., а в накладной указывали 45-50 пуд. Руды при взвешивании в Алагире оказывалось на 5-10 пуд. меньше, и с возчиков высчитывали за «утруску».

Иностранные капиталисты вели себя в Осетии как в завоеванной стране. Они хищнически грабили природные богатства. Акционеры, писал К.Л. Хетагуров, захватили Алагирское ущелье вплоть до Мамисонского перевала. «Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах».

Владельцев рудников и завода нисколько не заботили вопросы улучшения тяжелого положения рабочих. Они прекрасно понимали, что безвыходное положение заставляет рабочих соглашаться на любые условия. «Так как работа на руднике среди осетинского населения, — сообщал начальник Вла-

дикавказского округа генерал-губернатору Терской области, — составляет... единственное профессиональное их занятие, то надо думать, большинство рабочих из осетин будет вынуждено работать... и на невыгодных условиях»¹⁰.

Тяжелый труд и бесправие, низкая заработная плата толкали рабочих на путь борьбы за улучшение своего положения. Первым выступлением рабочих Садона, четко обозначившим начальную веху истории рабочего движения в Осетии, явилась забастовка в 1881 г. В этом первом выступлении приняли активное участие бурильщики, которые отказались выйти на работу и потребовали улучшить условия труда, в частности, провести крепежные работы в забоях. Однако прибывшему на рудник с отрядом солдат начальнику Владикавказского округа удалось под угрозой расправы заставить рабочих прекратить забастовку. Недостаточная организованность рабочих, несогласованность их действий были следствием незрелости классового сознания шахтеров Садона (забастовку бурильщиков в 1881 г., например, не поддерживали другие рабочие).

Более массовым и организованным было выступление шахтеров в 1891 году. Они потребовали от администрации рудника прекратить практику обмана при обмере выработанной ими руды, когда мастера определяли объемы работ «на глазок» и записывали заниженные данные. Администрация на этот раз вынуждена была согласиться с требованиями рабочих и доплатить им более 1 тыс. руб. Тем не менее, были арестованы активные участники забастовки и заключены в тюрьму, а затем высланы из Осетии.

Знаменательным событием в истории рабочего класса Северной Осетии явилась забастовка садонских шахтеров в 1897 г. 8 октября 1897 г. по окончании смены рабочие вышли из шахт, собрались у здания рудничной администрации и потребовали отмены 12-часового рабочего дня. Однако директор рудника объявил им, что если они «не хотят работать 12 часов в сутки, то пусть уходят». Несмотря на оскорбления и провокационные действия рудничной администрации, рабочие сохраняли спокойствие и настаивали на удовлетворении своих требований. В последующие дни рабочие не выходили на работу¹¹. В ответ на это администрация уволила 120 рабочих-забастовщиков. Однако и после этого рабочие не прекращали борьбы. Они требовали восстановления на работе, возмещения убытков в связи с массовым их увольнением и возврата взносов из «вспомогательной кассы», членами которой они уже состояли. Однако ни одно из требований рабочих не было удовлетворено. Забастовка закончилась победой владельцев рудника. Тем не менее, она имела большое значение и явилась свидетельством того, что рабочее движение становилось одним из важнейших явлений общественной жизни Осетии.

После забастовки администрация рудника ужесточила порядки. За малейшее нарушение правил распорядка рабочего дня шахтеры подвергались

штрафам, увольнялись с работы, а те из них, что жили в домах, принадлежащих руднику, выселялись из квартир. Все это обостряло социальные противоречия. В 1898 г. Н.В. Филькович в записке вел. кн. Алексею, характеризуя положение в Садоне, писал, что «отношения между рабочими и рудничной администрацией становятся тяжелыми. Постоянная натянутость этих отношений грозит когда-нибудь серьезными беспорядками...». В этой связи Филькович просил принять «энергичные меры, вроде высылки из пределов Осетии всех подстрекателей и зачинщиков, установления достаточно сильной полицейской или военной стражи на руднике»¹².

В Садонском промышленном районе наблюдалось не только усиление рабочего движения, но и обострение отношений между акционерным обществом «Алагир» и жителями Алагирского ущелья.

Выше говорилось, что иностранные капиталисты грабили не только недра Осетии, но и хищнически уничтожали лесные массивы Алагирского ущелья и захватывали земельные участки крестьян. По контракту, заключенному царской казной с акционерным обществом «Алагир», владельцы рудников могли бесплатно рубить лес, причем размер порубок никак не оговаривался. Лес рубили не только для нужд рудников, но и для продажи рабочим. Жителям же Алагирского ущелья было запрещено пользоваться лесом без внесения платы. Крестьяне требовали восстановления своих прав, обращались в различные инстанции с просьбами оградить их от притеснений иностранных капиталистов. Убедившись, что помощи со стороны властей ждать бесполезно, они сами решительно выступали против владельцев рудников. Теперь уже администрация вынуждена была жаловаться властям: «Жители селения Цей... прогнали наших рабочих, производивших рубку... в лесных дачах. Жители вышеназванного селения ни под каким видом не желают дозволить рубку леса, называя его своим собственным».

Летом 1898 г. жители с. Нузал запретили администрации рудника пасти и держать рабочий скот на пастбищах, принадлежащих им.

Беззаконие и произвол акционеров и промышленников проявлялись и в отношении к рабочим промышленных предприятий Владикавказа. Рабочий день в 90-е гг. на предприятиях города продолжался 12 часов. Особенно тяжело приходилось ученикам и подмастерьям ремесленных мастерских. Характеризуя положение рабочих Владикавказа, газета «Терские ведомости» констатировала, что владельцы промышленных предприятий распоряжаются рабочими так, как в старину помещики со своими крепостными.

Развитие аграрного капитализма. Обострение социальных противоречий в осетинской деревне. Несколько иные факторы определяли развитие капитализма в сельском хозяйстве, иными были и социальные последствия. Здесь мы наблюдаем сравнительно высокую степень подготовленности внутренних условий, которые создавали возможность «собственной» са-

мостоятельной капиталистической эволюции, в которой значительную роль играло внешнее влияние. Но, в отличие от промышленности, комбинация местных буржуазных форм и внешнего влияния привела к формированию местной аграрной буржуазии, которая ко второму десятилетию XX в. приобрела признаки самостоятельного класса.

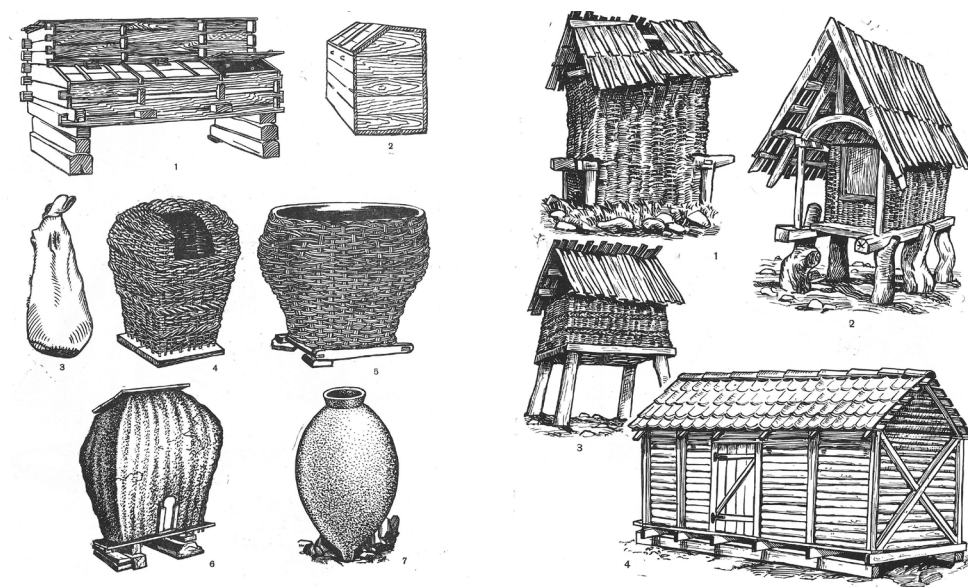
В пореформенный период в социально-экономической жизни осетинской деревни произошли значительные изменения. Проникновение капитализма в деревню существенно меняло хозяйственный уклад, разрушало замкнутость натурального хозяйства, прокладывало пути к классовой дифференциации крестьянства и высвобождало для развивающейся промышленности свободные рабочие руки. Вместе с тем, проникновение капиталистических отношений в хозяйственную жизнь осетинского крестьянства ускоряло развитие сельского хозяйства, втягивало его в водоворот рынка. Иначе говоря, с развитием аграрного капитализма и расширением (в связи с ростом промышленности) рынка сбыта сельское хозяйство Северной Осетии приобретало черты интенсивного развития. С этими явлениями было связано появление в осетинской деревне сельской буржуазии, предпринимчивой, умело сочетающей занятия земледелием с торговой деятельностью. С появлением сельской буржуазии (кулачества) наблюдалось улучшение культуры земледелия, применение более совершенных орудий и машин, усиление товарного характера аграрного производства. Отмечая эти новые явления в осетинской деревне, газета «Терские ведомости» в 1899 г. писала: «Если мы обратим внимание на экономическое положение осетин, то увидим, что, несмотря на сравнительное малоземелье, они и в этом отношении шагнули значительно вперед... у них уже весьма нередко можно встретить конные и паровые молотилки, косильные, жатвенные машины, усовершенствованные плуги... У них мы увидели возделывание не только кукурузы, проса и пшеницы, чем они исключительно занимались и раньше... но и картофеля, огурцов, арбузов, дынь, капусты, свеклы, редьки и пр., у них мы найдем фруктовые сады с ценными породами деревьев, сильно развитое пчеловодство и пр.».

По некоторым данным, сельскохозяйственный инвентарь, находящийся на Северном Кавказе до 1917 г., оценивался в 200 млн. рублей. На одно северокавказское хозяйство приходилось инвентаря на 170 рублей — в два раза больше, чем в земледельческих районах Центральной России. При этом в кавказском регионе Терская область занимала ведущее место по наличию и применению сельхозмашин. В свою очередь 50% всей техники Терской области находилось в северной части Осетии. К началу 1917 г. здесь, например, было 4641 усовершенствованный плуг, 132 жнейки, 73 косилки, 107 веялок и сеялок, 126 жаток, 233 молотилки, 259 пропашников, 67 соломорезок и 179 конных грабель.

Кроме того, в осетинских хозяйствах имелись 13 тыс. фургонов и арб. Для сравнения приведем данные о количестве сельхозинвентаря в обширной Ставропольской губернии, в десятки раз превышавшей и по территории, и по населению Северную Осетию. В конце XIX в. здесь насчитывалось: 16747 усовершенствованных плугов, 536 молотилок, 4339 веялок, 211 конных грабель, 337 косилок, 220 жаток и 24 сеялки. При этом следует иметь в виду, что данные по Северной Осетии относятся к 1917 году, когда в результате первой мировой войны наблюдалось не только разорение хозяйств, но и сокращение сельхозтехники¹³.

Применение совершенных по тому времени орудий и машин обеспечивало несомненный рост урожайности, ускоряло и углубляло интенсификацию производства. По сравнению с 60-80-ми годами, урожайность зерновых культур в 90-е гг. возросла более чем в три раза. За десятилетие, с 1880 по 1890 гг., производство зерна в Северной Осетии увеличилось в три раза. В целом осетинские хозяйства по некоторым основным сельскохозяйственным культурам получали более высокие урожаи, чем средние по России.

Значительные изменения к концу 90-х гг. произошли как в номенклатуре сельскохозяйственных культур, так и в их балансе, в котором полеводство занимало около 60%, огородничество — 2,4%, садоводство — 7,0%, луговое хозяйство — 9%. Соотношение земледелия и скотоводства составляло 76,7% и 23,3%.

Помещения и емкости для хранения кукурузы

Заметным явлением в сельском хозяйстве в северной части Осетии являлось широкое внедрение во второй половине XIX в. кукурузы, трудоемкой, но более товарной и перспективной культуры. Выращивание кукурузы из-за особенностей ее обработки требовало перехода к более рациональным формам производства — соблюдению севооборота, многолетнему циклу плодосмена. Кукуруза как высокоурожайная культура открывала новый источник прибыли для зажиточной части крестьянства, и ее производство в широких масштабах означало не только важный сдвиг в структуре потребления, но и являлось несомненным показателем товарного характера земледелия. Спрос на кукурузу как на продовольственную и техническую культуру рос быстро. Она вывозилась не только на всероссийский рынок, но и за границу. Достаточно указать, что с 1897 г. по 1900 г. из Северной Осетии было вывезено 1 млн. 900 тыс. пудов кукурузы.

Товарную продукцию начало давать и садоводство. Газета «Кавказ» в 1887 г. отмечала, что жители Алагиря «исключительно занимаются разведением фруктовых садов. Особенно славятся груши, вывоз которых за последние десять лет, благодаря Ростово-Владикавказской железной дороге, достиг значительных размеров»¹⁴.

В Алагире, например, местные жители М. Габолаев и Ф. Бараков занимались не только садоводством, но и вывели новые прекрасные сорта яблок и груш. Одним из этих сортов была знаменитая груша «Майрамка», названная именем Майрама Габолаева, который вывел этот сорт.

«В Салугардане нет дома, при котором бы не был разведен небольшой фруктовый сад, хотя с несколькими деревьями. Большинство же владеет садами с насаждениями до 40, а то и до 300 и более деревьев».

К концу пореформенного периода увеличилась также рыночная продукция животноводства. Товарный характер приобрело и сыроделие, которое наибольшего развития достигло в горной полосе и было вызвано потребностями капиталистического рынка.

Газета «Терские ведомости» писала, что в Осетии «все сильнее развивается сыроделие. Осетинский сыр приобретает все большее значение. В некоторых городах, даже у нас на Кавказе, этот сыр ценится наравне с чеддером». Большое развитие получило пчеловодство: в Северной Осетии насчитывалось 80 тыс. ульев и 20 тысяч — в Южной Осетии. Таким образом, в рассматриваемый период капиталистические отношения прочно утвердились в сельском хозяйстве. Отныне развитие основных отраслей сельского хозяйства находилось в прямой зависимости от потребностей как внутреннего, так и внешнего рынка. Тенденция к усилению товарного характера всего аграрного производства в свою очередь приводила к вытеснению отработочной и продуктовой ренты рентой денежной. Денежные доходы и затраты в крестьянских хозяйствах увеличивались и приобрели решающее

значение. В связи с этим потребность в деньгах неизмеримо выросла на всех «этажах» социальной структуры осетинской деревни. Иначе говоря, в товарно-денежные отношения были втянуты не только зажиточные хозяйства, но и хозяйства несостоятельных в экономическом отношении крестьян. «Даже бедный крестьянин, — отмечал известный осетинский ученый и публицист А. Ардасенов, — ... должен по необходимости, в ущерб питанию семьи, малых деток, значительную часть молока, мяса и пшеницы сносить на рынок и превращать в деньги». Развитие капитализма разоряло маломощную часть крестьянских хозяйств, заставляло переживать мучительный процесс ломки натурального хозяйства и переходить к товарно-денежным отношениям, приводившим в конечном счете не только к классовой дифференциации, но и к разложению крестьянства. Г.М. Цаголов отмечал, что в осетинской деревне, «с одной стороны, мы видим буржуазию, сельских богачей, имеющих иногда довольно солидные средства. С другой, — деревенскую голытьбу, в лучшем случае имеющую одну лошаденку или пару еле-еледвигающих ноги быков. Нужно ли говорить, что представители этой последней группы... не всегда бывают в силах всковырять или выкосить тот клочок земли, который выделяется им как членам данной общины. А против того, сельские «буржуи», при своем солидном хозяйственном инвентаре и постоянной возможности пользоваться наемной рабочей силой, никогда не ограничиваются своими наделами»¹⁵.

К 1894 г. сельская буржуазия уже владела 25184 дес. посевов. Ей противостояла разоренная и эксплуатируемая масса крестьян, 11,4% которых не имели посевов, 26,4% — рабочего скота и 16% — коров. Сельская буржуазия как в Северной, так и в Южной Осетии стала реальным социальным фактом.

Если в дореформенное время для осетина-крестьянина кулак был лицом незнакомым, то к концу пореформенного периода он столкнулся с ним лицом к лицу. В старые феодально-крепостнические отношения нарождавшаяся сельская буржуазия вносила новую, капиталистическую форму эксплуатации, что приводило к значительному усилению социальных противоречий в деревне.

Наряду с кулачеством деревня выделила слой мелкой буржуазии, занимавшейся подрядами и ростовщичеством, а также торговую буржуазию, которой принадлежали 650 торговых заведений. Монополия крупного землевладения, с одной стороны, безземелье и малоземелье основной массы крестьян, — с другой, порождали аренду земли в широких масштабах. Будучи в значительной мере порождением развивающихся рыночных отношений, капиталистическая аренда являлась в свою очередь условием дальнейшего развития внутреннего рынка. Эксплуатация крестьянства и увеличение спроса на сельскохозяйственную продукцию создавали необходимые предпосылки для развития капиталистических арендных отношений и найма рабо-

чей силы. Кроме того, непрерывный рост различных денежных повинностей, (в 1888 г. общая сумма налогов, выплаченных осетинским крестьянством, составила 91694 руб.) также приводил к разорению основной массы сельского населения и вынуждал крестьян прибегать к земледельческим заработкам, искать пути преодоления бедственного состояния.

В условиях Осетии одной из возможностей выхода из бедственного состояния были аренда земли или же ее покупка. Арендные отношения особенно интенсивно развивались к концу пореформенного периода. Немалую роль в этом играло то обстоятельство, что в Северной Осетии, в отличие от центральных губерний России, не имела места модернизация помещичьих имений и превращение их в хозяйства капиталистического типа. Осетинские помещики, а также грузинские князья в Южной Осетии, как правило, не вели своего хозяйства и не играли заметной роли в экономической жизни, они сдавали свои земли в аренду и жили за счет доходов от нее. По свидетельству Е.Д. Максимова, в конце XIX в. частный земельный фонд осетинских землевладельцев составлял 31 тыс. дес. и принадлежал помещикам. Эти земли, констатировал автор, эксплуатируются почти одной сдачей в аренду. Об этом же в 1901 г. писал К.Л. Хетагуров: «Наши землевладельцы не подготовлены к ведению хозяйства и поэтому рады сбыть поскорее с рук свои земли». Но если раньше землевладельцы сдавали крестьянам землю на началах использования — на условиях обработки пашни крестьянским трудом и инвентарем и расплаты с крестьянами частью урожая, то в начале XX в. они предпочитали получать арендную плату лишь в деньгах.

Крестьяне по-разному использовали арендованную землю: одни за счет аренды укрепляли свои хозяйства и расширяли товарное производство (капиталистическая аренда), другие выступали посредниками между помещиками и крестьянами и наживались на этом (субаренда, или посредническая аренда). Для безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств мелкая аренда была средством существования. Малоземельные крестьяне обычно арендовали землю коллективно, создавая товарищества из нескольких домохозяев; они брали землю маленькими участками, как правило, у субарендаторов, которые в свою очередь арендовывали ее у землевладельцев большими массивами.

В условиях постоянного роста цен и спроса на сельскохозяйственную продукцию крупная аренда стала весьма выгодным занятием. Учитывая это, землевладельцы всякий раз, сдавая землю посредникам, повышали арендную плату. А арендаторы-посредники по более высоким ценам пересдавали ее крестьянам. Постоянный рост арендных цен не мог не приводить к разорению мелких арендаторов-крестьян, пролетаризации значительной их части. Г.М. Цаголов отмечал, что в арендные дела между помещиками и крестьянами «втерлись самым бесцеремонным образом посредники в лице

разного рода «богатеев» — ростовщиков, лавочников и прочих разновидностей всеильного деревенского кулачества».

Значительным явлением в аграрных отношениях в конце XIX в. явилась тенденция к возрастанию веса бессословного землевладения, возникшего в результате усиленного движения земельной собственности и превращения земли в объект купли и продажи. В результате значительная часть помещичьих земель оказалась в руках деревенской буржуазии. Кулачество прибирало к своим рукам не только помещичьи, но и общинные земли. Кулачество, составляющее 15% общего количества крестьян, увеличило свой фонд землевладения к концу XIX в. в несколько раз. К пореформенному периоду применимы слова В.И. Ленина: «убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству... Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги»¹⁶.

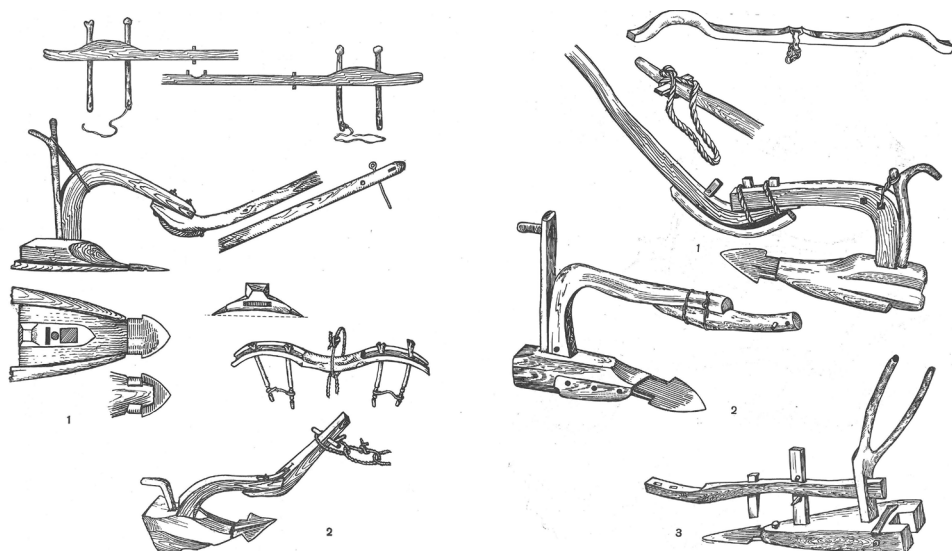
Кулаки и зажиточные крестьяне, покупая землю, создавали на ней хозяйства на основе применения более совершенных орудий и машин, широкого найма рабочей силы. В условиях Северной Осетии не помещичьи, а именно кулацкие и зажиточные хозяйства являлись основными производителями товарного хлеба и «потребителями» рабочей силы. Крестьяне горной полосы, безлошадные, безземельные крестьяне равнинных селений находили поденную или же постоянную работу в кулацких хозяйствах. Для значительной части крестьян наемный труд стал регулярным занятием и неременным условием существования. Однако основной поток рабочей силы шел на равнину из горных районов. Обычно летом и осенью большая часть населения горной полосы в поисках работы спускалась на равнину, а в зимнее время занималась извозом и другими неземледельческими работами.

Осетия в природном отношении являлась страной с ярко выраженной вертикальной зональностью. Наличие равнинной, предгорной и горной зон создавало неравноценные возможности для развития сельского хозяйства. От характера зоны зависело формирование видов сельскохозяйственных орудий, типов жилых построек и т.д.

Горная Осетия отличалась исключительным малоземельем и своеобразными природными условиями, что обусловило специфические формы земледелия, землепользования и землевладения, а также скотоводческо-земледельческий тип ее хозяйств. В отличие от равнинной части, где господствовала общинно-передельная форма землепользования, в горной полосе участки освоенной земли являлись собственностью их «создателей» и в буквальном смысле слова создавались трудом их владельцев путем искусственного формирования верхнего слоя чернозема. Эти земли давали урожай только при условии тщательного ухода за ними. Газета «Кавказ», описывая тяжелую жизнь в горах Осетии, отмечала невероятные трудности, в которых крестьянам приходилось заниматься земледелием: «Если бы, — отмечала газета, —

была возможность вычислить весь труд, потраченный крестьянами для завоевания участка пахоты, то получилась бы поистине грандиозная цифра его стоимости».

Земледелие в горных районах носило ярко выраженный интенсивный характер, хотя это и не делало его прибыльным. Здесь в силу отмеченных выше особенностей человек давно взял на себя заботу о плодородии почвы, умело применяя удобрения и совершенствуя севооборот. Это отмечал и К. Хетагуров: «Значительная высота местности над уровнем моря... и полнейшее отсутствие чернозема делают здесь возможным занятие хлебопашеством только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на это, ни один клочок ее не остается здесь праздным. Пашня ежегодно очищается от щебня... систематически удобряется навозом, и если есть возможность, орошается искусственно проведенной водой».

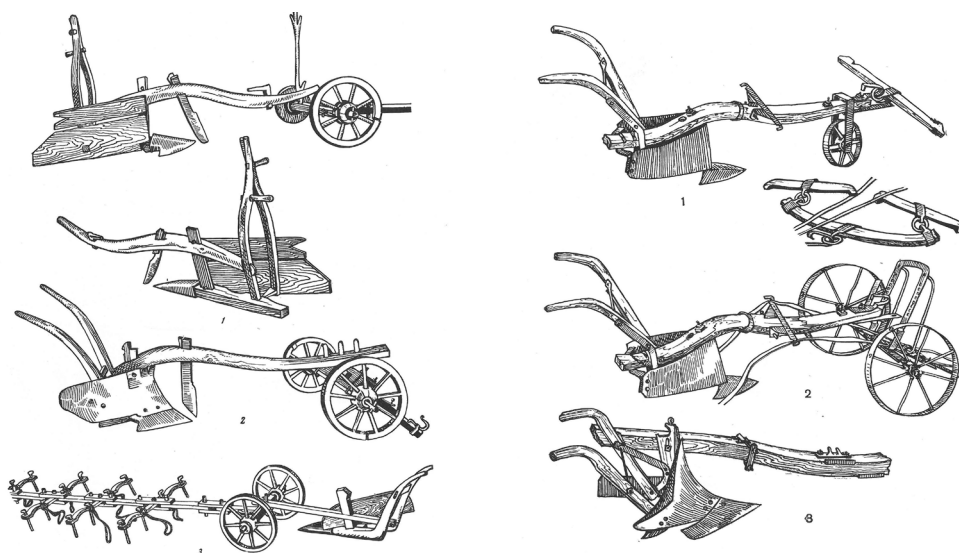

Горные пахотные орудия

Многие или почти все исследователи, характеризую хозяйственную жизнь в горах, изображают ее крайне отсталой и застойной, базировавшейся, якобы, на примитивном сельскохозяйственном инвентаре. Стало традицией стремление представить аграрные отношения в горной полосе как сугубо реликтовую замкнутую структуру. Жизнь в горах действительно была невероятно тяжелой, крестьянин добывал себе хлеб изнурительным трудом. Еще в 20-е годы XIX века А.Г. Яновский, статистик и экономист, изучавший Осетию, отмечал, что «трудолюбие осетин, может быть, и следствие необходимости, но заслуживает удивления». Позднее, в начале XX в., другой исследователь,

экономист А.Е. Скачков вынужден был констатировать: «Я никогда не видел земледельца, у которого рабочий день был бы более продолжителен и труден, чем у горца-осетина»¹⁷.

Но это не значит, что в горной полосе господствовал застой и отсутствовала всякая земледельческая культура. В свое время видный советский ученый Н.И. Вавилов свидетельствовал, что горные районы Кавказа сыграли выдающуюся роль в развитии человеческой цивилизации, и отмечал высокий уровень развития здесь народной земледельческой культуры. В горах Кавказа в процессе вековой практики были созданы не только сорта важнейших хлебных злаков, не имевших себе равных в мировом ассортименте, но и большое количество оригинальных земледельческих орудий. О развитии земледельческой культуры, глубоком знании строения почв и ее особенностей свидетельствует также огромная номенклатура земледельческих орудий, и в частности изобретение легкой деревянной сохи с железным лемехом. Однако именно этой незаменимой в горах сохе, как и другим оригинальным орудиям горного земледелия, не повезло: в историко-этнографической и экономической литературе она стала олицетворением отсталости земледелия в горах. А ведь там, в горной полосе, на почвах с неглубоким плодородным слоем нужна была именно соха — «черкающее», а не пашущее орудие. Такой и являлась изобретенная в горах горская соха, легкая и компактная.

Пахотные орудия, использовавшиеся на равнине

В пореформенный период горная Осетия была также вовлечена в процесс капиталистического развития. С постройкой дорог в горах и проникно-

вением капиталистических отношений заметные изменения произошли в подворном землевладении: более состоятельные хозяйства начали скупать у разорявшихся, а также у переселявшихся на равнину крестьян земельные участки. Начался захват общинных пастбищ и сенокосов.

Отсутствие условий для дальнейшего развития земледелия и потому ограниченные возможности создания хозяйств товарного направления диктовали кулачеству необходимость использования выгодного в горах овцеводства. Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были батрачить в кулацких хозяйствах. Следует отметить, что формы эксплуатации в сфере скотоводства отличались и имели свои особенности. «Торговый капитал хозяев-скотоводов, — указывал В.И. Ленин, — поставил в полную зависимость от себя мелких крестьян, он превратил их в своих скотников, выращивающих для него скот за грошовую плату...»¹⁸

В нагорной полосе Северной Осетии в 90-е гг. XIX в. возник значительный слой «овцеводческой» буржуазии: 100 наиболее богатых хозяйств, составлявших всего один процент населения, имели 180 тыс. голов мелкого рогатого скота, в то время как часть крестьян не имели ни молочного, ни рабочего скота.

В Джавском ущелье крупные овцеводы Пилиевы и Джатиевы имели огромное количество овец и занимались в широких масштабах коммерцией. Следует отметить, что в сельском хозяйстве Южной Осетии наметились вполне определенные тенденции к рыночной трансформации, углублялась товаризация соответствующих его отраслей. Крупные овцеводы содержали свои отары на общинных пастбищах, лишая тем самым массу крестьян возможности пользоваться ими. Комбинируя занятия овцеводством с торговлей, многие крупные овцеводы одновременно являлись и владельцами торговых заведений в горах.

«Теперь, — отмечал М.К. Гарданов, — овцевод — не пастух, а крупный буржуа или спекулянт, который ведет свое хозяйство на капиталистических началах. Он смотрит на свое стадо, как на предмет мены, как на капитал, который дает ему определенный процент дохода. Это крупные поставщики мяса».

К концу XIX в. в горной полосе как Северной, так и Южной Осетии сложилась критическая ситуация, вызванная ее перенаселением, а также захватом зажиточными хозяйствами земель маломощных крестьян. В результате, как отмечал Г.М. Цаголов, 37% всех дворов оказались без земли: «из 7 душ наличного населения мужского пола в нагорной полосе за убогим столом природы имеется прибор для одного человека, остальные 6 должны встать из-за стола»¹⁹. Дефицит пригодной для хозяйствования земли, наряду с др. факторами, приводил к превращению Большого Кавказа в зону повышенной конфликтности²⁰.

С проникновением в горную полосу капиталистических отношений многие крестьянские хозяйства не смогли приспособиться к новым условиям и

преодолеть все возрастающие налоговые тяготы, что приводило к полному их разорению. В этом заключена причина того, что здесь степень пролетаризации крестьянства была не ниже, чем в равнинной части.

Предельное «уплотнение» населения в горной полосе, крайне ограниченные производственные возможности и безземелье привели к миграционному «взрыву», к невиданному ранее усилению территориальной и социальной мобильности крестьянства. Горная полоса начала выбрасывать «лишнее» население в Садонский промышленный район, равнинные селения, промышленные города Кавказа и Дальнего Востока, на золотые прииски Сибири, а также в Америку, Австралию, Маньчжурию и другие страны. По неполным данным, в зарубежных странах осетин-отходников насчитывалось более 15 тыс. чел.

Осетины-отходники. Начало XX в.

Отходничество явилось одним из важнейших последствий проникновения капитализма в осетинскую деревню. Безземельное крестьянство, отмечал М.К. Гарданов, «... бросается из стороны в сторону и, проводя жизнь вдали от родного края, ищет денег — свое счастье — в рудниках далекой холодной Сибири и в лесах Северной Америки».

Отходничество, указывал В.И. Ленин, «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни».

Крестьяне занимались также извозом — наиболее распространенным видом отхожего промысла. После проведения Владикавказской железной дороги (1875 г.) извоз приобрел еще большее значение в связи с ростом торговли и необходимости доставки огромного количества сельскохозяйственной продукции на железнодорожные станции Владикавказа, Беслана, Дарг-Коха и Эльхотова.

Многие крестьяне были заняты также перевозкой руды из Садона на Алагирский завод.

В пореформенный период значительные изменения произошли также в социально-экономической жизни терского казачества.

Известно, что казачество представляло привилегированное военное сословие, опекаемое самодержавием. Наделив казачество огромными плодородными массивами земли, царизм пытался пре-

вратить его в свою опору. Послушные воле атаманов казаки не раз становились орудием борьбы самодержавия против народа. Однако с развитием капитализма и товарно-денежных отношений разрывается казачья замкнутость, происходят коренные изменения в станичном общинном землевладении. Офицерско-кулацкие верхи, захватывая наделные земли рядовых казаков, становились владельцами огромных богатств. «Богатые казаки, — писал один из знатоков казачьей жизни П.А. Востриков, — имеют свои табуны овец, рогатого скота, косяки лошадей... У богатого казака имеются молотилки, косилки, веялки и другие усовершенствованные орудия, при помощи которых он быстро управляет огромным хозяйством, да еще эксплуатирует других... Положение бедняков в данном случае незавидное. Богатый, например,

*Осетины-отходники в Северной Америке.
Начало XX в.*

пустит в ход несколько косилок, наймет несколько косарей, да и подкосит «кош» бедного, а последний останется на бобах».

К началу XX в. в станице Архонской, например, было 11 кулацких, 28 середняцких и 192 бедняцких хозяйства. В двух казачьих отделах (Сунженском и Кизлярском) из 33226 дворов 6856 не имели лошадей, 10055 — мелкого рогатого скота.

Развитие капитализма подрывало «казачью старину», «вековое единство» и выдвигало на первый план классовый антагонизм. Лишившись земли, не имея инвентаря, разорившиеся казаки покидали станицы в поисках заработков. Бедные казаки, по свидетельству П. Вострикова, «стали все более и более вести скитальческий образ жизни, ища вне родины средства для пропитания своего семейства. Масса мужчин находит себе пропитание и заработок на промыслах Грозного».

В осетинской казачьей станице Новоосетинской, например, было 290 дворов, а казаков в возрасте от 17 до 47 лет — 245 чел., из которых в настоящее время, по данным газеты «Казбек», на заработках... находились 126 чел., т.е. половина служилого состава.

В связи с распространением отходничества среди казаков, начальник Терской области, наказной атаман Терского казачьего войска вынужден был издать особый циркуляр, в котором предписывал атаманам отделов и станиц ввиду «отлучки казаков из станиц в разные места Российской Империи для заработков... строжайше не выдавать билетов на отлучку из станиц».

В разорении казачьих хозяйств, наряду с другими причинами, немало важную роль играла и многолетняя военная служба. Если крестьяне страдали под тяжестью многочисленных налогов, то военная служба и связанные с ней расходы подрывали хозяйства рядовых станичников. Казак обязан был являться на службу с конем, оружием и снаряжением. Если же он по бедности не мог приобрести все необходимое для службы, его обязывали брать ссуду, при этом станичное правление отдавало его землю в аренду до тех пор, пока он не возвращал выданную ему ссуду.

В обострении классовых противоречий в казачьей станице огромную роль играли «иностранцы» крестьяне.

Нищета и бедствия крестьянства Осетии усиливались в значительной мере налоговой политикой местной царской администрации. Установленная в 1866 г. подымная подать ежегодно увеличивалась и к 90-м гг. достигла больших размеров. При этом за единицу обложения был взят хозяйственный двор (дым) без учета его размеров и доходности, что было в интересах зажиточных дворов, плативших одинаковую с маломощными хозяйствами подать. С 1883 г. была введена еще одна новая подать — денежный налог взамен отбывания воинской повинности (из северокавказских народов отбывало ее в пореформенный период только население Северной Осетии).

Кроме того, существовали так называемые «земские сборы», «мирские сборы», «сборы на содержание местных властей» и т.д. Если принять во внимание еще и сборы на строительство дорог, мостов и пр., то не трудно представить себе, сколь бедственным было материальное положение осетинского крестьянства. Еще более оно ухудшилось в 80-е гг., когда российская администрация начала практиковать отвод крестьянских земель и общественных лесов в казну. В 1888 г. леса Северной Осетии были объявлены казенными. Более 90 тыс. дес. бывшего общественного леса было передано в ведение Управления государственных имуществ. Крестьяне лишились единственного источника увеличения площади удобных земель в нагорной полосе за счет расчистки леса; сократились также лесные промыслы, был закрыт доступ к лесным сенокосным полянам. Изъятие лесов из общинной собственности почти наполовину сократило площадь пастбищных земель; население горных районов потеряло удобные места для зимних стоянок крупного рогатого скота и овец. Не могло крестьянство пользоваться и остальными лесами (13 тыс. дес.), так как они находились в частном владении помещиков. Не имея возможности покупать дрова из-за дороговизны, крестьяне вынуждены были самовольно рубить лес. Царские власти и лесная охрана преследовали крестьян, налагая на них огромные штрафы. Но эти меры не приводили к желаемому результату: самовольные порубки в 90-е гг. стали своеобразной формой борьбы против незаконной экспроприации лесов Северной Осетии.

Отличительной чертой осетинской деревни являлось наличие в ней особой группы крестьянства — так называемых временнопроживающих. Мы уже указывали, что горная полоса систематически выбрасывала излишнее население. Часть крестьян горной полосы вместе с семьями покидала горную зону и селилась в равнинных селах. Не имея земли, инвентаря, «временнопроживающие» батрачили в кулацких хозяйствах. Их число составляло 10–14 тыс. чел. Многие из временнопроживающих, гонимые жизненными обстоятельствами, годами скитались между селами в поисках постоянного местожительства. Как отмечал М.С. Тотоев, «их страдания и бедствия происходили не только от безземелья и отсутствия права быть приписанными в качестве коренных жителей к тому или иному населенному пункту, но и от отсутствия права на защиту от издевательств и произвола кулаков и местных властей... Они не имели права участвовать на сельских сходах, не имели права доступа в сельские правления, но зато при разверстке налогов их «не забывали», — облагали их «на равных» правах с другими. За землю, полученную в аренду, также платили особую арендную плату: они платили не с десятины, а с сажени, что превышало обычную арендную плату в 10–12 раз»²¹.

Особо бесправным было положение временнопроживающих в осетинских селах и «иногородних» в казачьих станицах. «Иногородними» называли

разорившихся русских крестьян центральных губерний, которые в поисках земли и заработка попадали на Северный Кавказ и оседали в казачьих станицах. Не имея своей земли, «иногородние» работали в кулацких и офицерских хозяйствах или же брали землю в аренду. При этом они облагались всеми видами налогов и повинностей; для них устанавливалась особая арендная плата за землю, превышающая обычную более чем в 8 раз. За выпас скота на сельских и станичных пастбищах с них взималась также особая плата — от 50 коп. до 8 руб. за каждую голову скота.

Развивавшиеся капиталистические отношения превратили некогда натуральное крестьянское хозяйство в товарно-денежное, а крестьянина — в товаропроизводителя, работающего на рынок. В результате разложения крестьянства не только появились новые типы сельского населения, но и происходило изменение характера классовых противоречий: прежний антагонизм крестьянина и землевладельца-помещика уступал место новому социальному антагонизму между беднейшим крестьянством и кулачеством.

Важнейшим следствием развития капитализма являлось усиление территориальной и социальной мобильности крестьянства. Отходничество, сезонные миграции подтачивали традиционную социальную структуру.

К концу XIX в. развитие капитализма привело к ослаблению старых докапиталистических социальных структур и формированию буржуазных отношений в Северной Осетии. Вместе с тем развивающиеся буржуазные отношения, как и в целом по России, были обременены различными пережитками. Прежде всего капитализм не смог полностью уничтожить в Северной Осетии остатки добуржуазных укладов в ее экономике. Несмотря на капиталистическую модернизацию, в деревне оставались хозяйства экстенсивного и полунатурального типа с традиционными методами производства. В осетинской деревне все еще имели место некоторые докапиталистические формы отработок (работа на помещика или кулака за часть урожая, работа на помещика или кулака за участок арендованной земли и т.д.). В Осетии больше, чем в центральных районах России, проявлялись пережитки прошлого в быту и сознании (именно в сознании и быту, а не в экономической сфере), которые создавали видимость неразвитости социально-экономического строя. Сложилась некоторая асинхронность в темпах развития производительных сил и общественных отношений. В Осетии существовали собственные предпосылки развития капитализма, но этот процесс протекал с некоторым опозданием, «натыкаясь» на неблагоприятные политические условия.

Развитие промышленности и формирование рабочего класса, превращение земли в объект купли и продажи, разрушение сословного и значительный рост капиталистического типа земледелия, превращение зем-

леделия в торговое и утверждение в деревне нового типа крестьянских хозяйств — товарно-денежных, значительные качественные сдвиги в развитии сельского хозяйства, широкое развитие аренды земли, купли и продажи рабочей силы, разложение крестьянства и формирование кулачества и батрачества, ускорение этнических процессов, — все эти основные признаки капитализма с присущими ему закономерностями и антагонизмами определяли характер социально-экономического строя пореформенной Осетии.

Примечания

1. Ванеев З.Н. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма (1864-1921 гг.). Часть III. Сталинир, 1956. С.75.
2. Там же. С.321-323.
3. Тадтаев Т.В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861-1991 гг.). Владикавказ, 2011. С.21.
4. Статистический сборник. Обзор Терской области за 1914 г. Владикавказ, 1915. С.3.
5. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.55. Д.552. Л.2.
6. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С.207.
7. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981. С.97.
8. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008. С.68.
9. Тэсич-Вольный. «История серебросвинцового завода «Севкавцинк» // ИСОНИИ. Т.7. Орджоникидзе, 1934.
10. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.143. Л.146.
11. Джанаев А.К. Забастовка рабочих Садона 1897 г. Орджоникидзе, 1968. С.23.
12. Там же. С.35.
13. Сельскохозяйственные машины и орудия в Азиатской и Европейской России. СПб., 1913. С.49.
14. Газета «Кавказ». 1887. № 287.
15. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни // ТВ. 1889. № 138.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т.1–55. М., 1958–1965, Т.16. 1961. С.73.
17. Скачков А.Е. Опыт статистического исследования горного уголка. Владикавказ, 1905. С.35–36.
18. Ленин В.И.. Указ. соч.
19. Цаголов Г.М. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С.256.
20. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001. С.49.
21. Тотоев М.С. Положение крестьянства и классовая борьба в Северной Осетии в последней четверти XIX века// УЗ СОГПИ. Орджоникидзе, 1956. Вып. XX. С.9.

ГЛАВА 4. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Проведение буржуазных реформ, освобождение зависимых сословий, развитие экономики привели к активизации переселенческих процессов на всем пространстве Российской империи, в том числе на Северном Кавказе. Массовые миграции становились для России «явлениями внутреннего быта»,¹ имели важное значение в хозяйственном освоении новых территорий, в расширении и упрочении государственных границ, в формировании полиэтничных регионов, русскоязычных анклавов на национальных окраинах. Вместе с тем, переселения становились инструментом политики «умиротворения» края.

Переселение части осетин-мусульман в Турцию. Российские власти не имели единого принципа переселенческой политики. Даже начальники разных участков Кавказской линии порой придерживались на этот счет противоположных взглядов. Противоречивым оставалось видение проблемы массовых миграций в придворном окружении и в среде высшей петербургской бюрократии. Начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, начальник штаба войск Терской области И. Зотов и глава Кубанской области Н.И. Евдокимов, при поддержке наместника Кавказского князя А.И. Барятинского, выступали за выселение горцев из труднодоступных горных ущелий. Другие влиятельные военные и чиновники считали необходимым сохранить за горцами хотя бы часть прежних земель во избежание новых волнений. Подобных взглядов придерживались начальник Правого крыла Кавказской линии Г.И. Филиппсон, советник российского посольства в Константинополе В.А. Франкини, военный министр генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин.²

В 1860 г., после пленения Шамиля, во Владикавказе состоялось совещание командования армии, посвященное перспективам завершения войны на Северо-Западном Кавказе. На нем был принят разработанный Н.И. Евдокимовым план занятия русскими войсками непокорных районов Закубан-

ской Черкесии. Он заключался в постепенном вытеснении горцев либо на открытые равнины, либо в Османскую империю. Отнятые у них земли должны были быть заняты под казачьи станицы. Разделив горцев на «племена» более и менее «опасные» для российского владычества в регионе, Евдокимов советовал выслать первых поголовно в Турцию как «тайных врагов» России.³ При этом он предлагал администрации проводить политику двойных стандартов — на деле выдворяя горцев за пределы российских владений, но на словах всячески удерживая их на родине.

Поддержав этот проект, командующий армией наместник князь Барятинский признал «единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае... водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель».⁴

Ошибочно было бы предполагать, что переселение горцев в Османскую империю было вызвано только репрессивной политикой российских военных властей. Совершенно очевидно, что у миграционного процесса была не одна, а целый комплекс причин — социально-экономических, политических и этнокультурных. Как справедливо заметил в свое время Н. Дубровин: «Только ознакомившись с бытом туземного населения, можно указать на причины, вызвавшие какое-либо распоряжение, то или иное историческое событие».⁵

Сознавая всю серьезность земельного вопроса на Северном Кавказе, правительство приступило к его урегулированию сразу же после окончания войны. По всему региону начали работать сословно-поземельные комиссии. Однако подчас неумелые действия чиновников только усиливали брожение в горском обществе. Начавшиеся реформы второй половины 60-х гг. XIX в. вызывали «опасение владельцев лишиться своих крестьян вследствие распространенной между туземцами мысли о намерении правительства ограничить крепостное право между ними». Представители военной власти считали это одной из главных причин переселения в Турцию. Слухи об освобождении крестьян от всех повинностей резко усилили оппозиционные настроения местной знати, и без того крайне возмущенной потерей административно-политических прав. Алдары развернули активную агитационную деятельность в пользу переселения, надеясь угрозой массового выезда принудить власти сохранить их права на подвластных. Не добившись своих целей, они уезжали сами и увозили с собой зависимых людей — кавдасардов и кумаягов.

В еще большей степени, нежели представители местной элиты, переселенческому движению способствовало мусульманское духовенство. Так называемый религиозный фактор, по мнению ряда авторов, сыграл едва ли не первостепенную роль как в самой Кавказской войне, так и в последовавшей

за ней эмиграции горцев, в том числе и осетин. Именно «дух мусульманской религии», по мнению генерал-адъютанта князя Меликова, являлся главным препятствием для «возбуждения в здешнем народе полного доверия к христианскому правительству»⁶. И как закономерное продолжение этого явления — ориентация горцев-мусульман на единоверную страну — Турцию, связи с которой у кавказских (особенно западных) горцев были давние. Кроме того, Оттоманская Порта и стоявшие за ее спиной Англия и Франция прилагали все силы к тому, чтобы использовать недовольство местного населения против России: на Северный Кавказ постоянно засылались многочисленные турецкие эмиссары с различными прокламациями и воззваниями к горцам.

Сильным стимулом для эмиграции служили также многочисленные и самые невероятные слухи, циркулировавшие среди осетин-мусульман в неспокойное после окончания Кавказской войны время. Больше всего они боялись крещения и введения рекрутских наборов. Российские власти пытались разубедить своих подданных, опровергая эти слухи, но эти попытки, как правило, были безуспешны и цели своей не достигали.

Массовое переселение кавказских горцев, в том числе и осетин, в Османские земли началось вскоре после окончания Крымской войны (1853-1856 гг.), когда огромный военный потенциал Российской империи был направлен на покорение Восточного Кавказа и совершенствование военно-народного управления уже интегрированных в состав империи кавказских народов. Как писал С. Эсадзе, «первоначально движение началось в Кубанской области, где правительство по политическим видам не имело причин его сдерживать; когда же подобное переселение перешло все ожидаемые пределы и отозвалось между осетинами, чеченцами, кабардинцами, кумыками, лезгинами, правительство сочло нужным остановить его, не прибегая, однако, к каким-либо стеснительным мерам».⁷

Необходимо отметить, что северокавказская, главным образом черкесская диаспора начала складываться в османской Турции еще в XVI в. В XVIII — первой половине XIX вв. отдельные представители адыгской и дагестанской диаспоры сделали блестящую карьеру в Стамбуле.⁸ К 1840-м гг. некоторые ключевые посты в центральной османской администрации занимали бывшие черкесские мамлюки, которые впоследствии оказали немалую поддержку своим соотечественникам, оказавшимся в Османской империи.

Пути переселения с Северного Кавказа в Османскую империю были проложены еще в первой половине XIX века и окончательно установились ко второй половине 1850-х годов. Существовали морской (по Черному морю) и сухопутный (по Военно-Грузинской дороге) пути эмиграции. Через Закавказье предпочитали двигаться осетины, чеченцы, дагестанцы и ингуши. Проходя по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ и Тифлис, они приходили к русско-турецкой границе через Эриванскую и Тифлисскую губернии. Этим

путем шло особенно много нелегальных эмигрантов, пересекавших границу по ночам, небольшими группами. Полиция и кордонная стража регулярно задерживали их в Тифлисском и Александропольском уездах, по Военно-Грузинской дороге, но остановить поток эмигрантов не могли.

В разных частях Северного Кавказа хронология, формы и пути переселения имели свои нюансы. Переселение осетин также имело свои особенности. Отличительной и, пожалуй, главной особенностью переселений осетин является их ненасильственный характер.

Первое немногочисленное переселение части осетин-мусульман произошло в 1859 году. Из Осетии переселились главным образом семьи алдаров и баделят — Тугановы, Абисаловы и другие. Возглавил первую партию переселенцев дигорский феодал Абисалов.⁹ Эпизодические переселения осетин в Турцию происходили и до 1859 г. Это были традиционные для мусульман «хождения на поклонение гробу пророка», которые являлись зачастую скрытой формой эмиграции, — осетины-мусульмане использовали хадж как предлог для того, чтобы «затем бесследно исчезнуть с кавказского горизонта».¹⁰ К примеру, в 1860–1861 гг. под предлогом «поклонения гробу Магомета» из Владикавказского округа в Турцию выехали офицеры царской армии: штабс-капитаны Хамурза Албегов, Касай Кусов, Кургок-Хаджи Абисалов, подпоручики Карасей и Симон Кусовы, Али-Мурза Абисалов, капитаны Эльзаруко и Ахмет Цаликовы, поручики Каспулат и Дудар Кануковы, Гагоз и Варахмет Цаликовы, Темурко Бзаров.

Отношение российских властей на Кавказе к переселенцам в Турцию было неоднозначным. Главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский в отзыве министру иностранных дел от 19 ноября 1859 г. подчеркивал, что «с давнего времени принято было на Кавказе за правило, по возможности затруднять увольнение мусульман в Турцию и Мекку, чтобы устранить то вредное влияние в крае, которое производят возвращающиеся на Кавказ горцы, выносящие из означенных мест дух религиозной нетерпимости и враждебное расположение к России». Здесь А.И. Барятинский выступает последователем политики А.П. Ермолова, который в свое время ходатайствовал перед императором о запрещении мусульманам Закавказья ходить в хадж, мотивируя это теми же доводами.¹¹ Однако А.И. Барятинский, будучи дальновидным политиком и знатоком кавказских реалий, хорошо понимал, что подобные ограничительные меры могут привести к эффекту противодействия, т.к. рассматривались мусульманами как «гонение их религии», что «давало оружие властолюбивым распространителям мюридизма»¹². Перепробовав с целью «умиротворения Кавказа» различные формы и методы политики, традиционно чередуя «кнут и пряник», кавказское командование в числе других мер решило несколько облегчить увольнение горцев за границу. Тут, по словам Барятинского, «произошло

неожиданное движение в массах покорного населения. Турецкие эмиссары распространили на Кавказе молву, что государь император заключил с турецким султаном условие, по которому для взаимного размена иноверческих подданных дозволяет кавказским мусульманам переселиться в Турцию». Спровоцированные подобным образом сотни семейств устремились за море, «видя вместе с тем, что многолетняя религиозная война на Кавказе приняла решительный оборот — в пользу Русского государства».¹³

Оказавшись первоначально застигнутым врасплох столь массовым движением, А.И. Барятинский, тем не менее, был «вполне убежден в государственной пользе безусловного и открытого разрешения мусульманским племенам переселиться навсегда в Турцию», и при этом стремился облечь это движение в законную форму.¹⁴

Поскольку российским подданным не дозволялось переходить в подданство иностранной державы под страхом лишения прав состояния и ссылки в Сибирь, а в землях, состоящих на военном положении, под опасением наказания за измену, главнокомандующий, «желая умерить движение жителей за границу», дозволил «увольнять желающих беспрепятственно», но не более 10, а позднее и до 40 семейств. При этом им объявлялось, что:

1. Разрешается отпуск, а не переселение в Турцию, сроком не более чем на 1 год.

2. Переход в подданство иностранной державы будет рассматриваться как измена, и с виновниками будут поступать как с изменниками; между тем имущество их будет конфисковано, а подвластные крестьяне получают свободу.

3. Если уволенный в Турцию будет иметь надобность остаться там более срока данного ему отпуска (по болезни, по частным делам и т.д.), то он обязан просить разрешения на продолжение отпуска у консула.

4. С просрочившими отпуск без дозволения консула или без удостоверения его в уважительности отсрочки будет поступлено как с переселяющимися в Турцию самовольно.

5. Отъезжающие в Турцию обязаны окончить или надлежащим образом уладить все тяжёбые и исковые на них дела.

6. Позволять брать с собой семейства, а из крепостных людей только тех, которые сами пожелают того.¹⁵

Как видим, кавказские власти на начальном этапе предприняли попытку регламентировать и тем самым несколько замедлить переселенческое движение. Однако уже к весне 1860 года становится понятным, что сделать это практически невозможно. Подобно нарастающему снежному кому, процесс этот охватил почти все народы, населяющие Северный Кавказ.

Вторая волна переселения части мусульманского населения Осетии в Турцию также относится к 1860 году. Главным организатором этого этапа переселения выступил куртатинский феодал Ахмет Цаликов. Однако и на этот

раз количество переселенцев-осетин было весьма незначительным. В 1859-1861 гг. осетин-мусульман в Турцию переселилось, по приблизительным подсчетам, не более 300-350 дворов. В числе переселенцев находилась семья Дудара Канукова, отца будущего поэта Инала Канукова, которому тогда было всего 9 лет. В том же 1860 году семья Кануковых вместе с 90 другими семьями, разочаровавшись в «прелестях жизни» в Турции, вернулась в Осетию.¹⁶

Позднее, в начале 1870-х годов, когда еще продолжались спорадические переселения из Осетии, Инал Кануков, пытаясь образумить своих соотечественников, в своем очерке «Горцы-переселенцы» описал трагическое положение переселенцев-мухаджиров в Турции. Он писал, что горцы-мусульмане «знают только, что существует где-то в мире страна, называемая Стамбулом и что в том Стамбуле живут такие же мусульмане, как и они сами, — они стремятся туда так безотчетно потому, что обольщены ложными слухами, что им там (в Турции) будет хорошо и лучше даже, чем на старой Родине. Но, увы!... Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев, и сколько раз слышались слова проклятий на голову тех, которые их увлекли, когда трудность дороги и действительности в Турции представляли им воочию и раскрыли им глаза»... «Разочарование охватило их уже в пути и многие хотели вернуться, но боялись стыда и посрамления, что они трусили», — писал И. Кануков.¹⁷

В 1861 году обратно в Россию вернулось несколько десятков осетинских семей.

В 1865 году последовало новое переселение горцев Центрального Кавказа в Турцию. «В мае месяце нынешнего года, — писал начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, — генерал-майор Кундухов высказал предложение о возможности восстановить между туземцами Терской области по примеру 1860-1861 гг. стремление к переселению в Турцию и предложил взять на себя выполнение этого дела»¹⁸. Идеолог и организатор этой волны

Мусса Кундухов

переселения горцев-мусульман Мусса Кундухов надеялся увести из Осетии не менее 100 семейств, но реальное количество переселенцев оказалось значительно меньше. Согласно официальным данным, в течение 1865 года в Турцию из Терской области переселились 4 тыс. 989 семейств, или 23 тыс. 57 душ обоего пола¹⁹. Указанные цифры включали в себя также 45 осетинских семейств и около 900 человек кабардинцев.²⁰ По мнению некоторых современных исследователей, реальное число кавказских переселенцев в 1865 году было значительно больше, поскольку многие из них покидали родину без официальной регистрации, и размеры

нелегальной эмиграции были очень высоки. Кроме того, зачастую на целую семью выдавался один паспорт (на главу семьи), и в списки переселенцев заносился один человек.

Мусса Кундухов (1818-1889 гг.) — сложная и неоднозначная фигура осетинской истории XIX века. Тагаурский алдар по происхождению, личность чрезвычайно амбициозная, Кундухов сделал блестящую карьеру в русской армии, дослужившись до генерал-майора, начальника Военно-Осетинского и Чеченского округов. Участвовал в Кавказской и Крымской войнах, в подавлении Краковского мятежа 1846 г. и Венгерской революции 1849 г., волнений на Северном Кавказе 1860-х гг.²¹

Возглавляя Осетинский и Чеченский округа, М. Кундухов активно выступал против разорительных похоронных обрядов осетин, используя для этого не только административные меры.

В 1858-1859 гг. в связи с предполагавшимся предоставлением Владикавказской крепости статуса города остро встал вопрос о выселении осетин за пределы города, в отдельный аул, для которого был выделен участок земли по р.Терек, в 11 верстах от крепости.

Несмотря на серьезное давление властей, владикавказские осетины категорически отказались выселиться, заявив, что «они первые из горцев вступают в число граждан будущего города Владикавказа, и что хотя не знают никакого ремесла, но при постоянной любви к труду, полагают, дело для каждого найдется, и надеются, что если не они, то по крайней мере дети их научатся каким-нибудь ремеслам...»²².

За владикавказских осетин вступился экзарх Грузии архиепископ Евсевий, который писал начальнику Главного штаба Кавказской армии в 1859 г., что переселение осетин из Владикавказа «может иметь неблагоприятные последствия для православной веры в Осетии и будет разорительно как для помянутых христиан, так и для казны».²³ Кроме того, в 1857 году во Владикавказе был за 15 тыс. руб. серебром отстроен дом для размещения Осетинского духовного уездноприходского училища, и к 1859 году там насчитывалось 97 учеников, две трети из которых осетины разместили в своих домах. «С переселением осетин в другое место, — писал архиепископ Евсевий, — более двух третей учеников должны будут оставить училище, а самое училище, основанное во Владикавказе с особенною целью, должно будет расстроиться»²⁴. Против переселения владикавказских осетин самым решительным образом выступил и протоиерей Аксо Колиев. Более того, он возглавил лагерь противников выселения в противовес Муссе Кундухову, исполнявшему на тот момент должность начальника Военно-Осетинского округа и выступавшему если не инициатором, то деятельным сторонником выселения и не гнушавшемуся использовать в этом деле административную власть, бывшую у него в руках. Дело приняло характер открытого про-

тивостояния и дошло даже до публичных оскорблений между Колиевым и Кундуховым.

Подоплека конфликта скрывалась в конфессиональной разобщенности осетинского народа, что, безусловно, самым отрицательным образом сказывалось на процессе формирования этнического единства и национального самосознания.

Активно выступая за выселение осетин и всячески тому способствуя, Мусса Кундухов преследовал цель — помешать усилению роли христианства в Осетии, и тем самым подорвать или надолго замедлить процесс укрепления позиций православия.

В частности, во Владикавказском ауле к тому времени уже много лет действовала церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная на народные пожертвования и незадолго до того, как встал вопрос о выселении, осетины собрали 2000 руб. серебром на перестройку церкви, и выселение, безусловно, поставило бы крест на этих планах.

Пренебрегая интересами собственного народа, для которого городское будущее было реальной возможностью сделать новый, серьезный шаг в своем развитии и приобщиться к достижениям европейского образования и культуры, он всячески способствовал претворению в жизнь плана выселения соотечественников. «Несмотря на никакие просьбы и уверения в небывалых добродетелях жителей Владикавказского осетинского аула, я полагал бы выселить отсюда всех неблагонадежных людей...», — заявлял Кундухов.²⁵ В результате часть жителей покинула город.²⁶

В 1864 году Кундухов уходит в отставку и по согласованию с властями Кавказского наместничества организует переселение в Османскую империю более 5 тыс. семей чеченцев, ингушей и нескольких десятков осетин-мусульман. Вместе с ними уходит и вся семья Кундухова. За оставленные в Осетии имущество и земли он получил из казны компенсацию в размере 45 тыс. рублей серебром.²⁷

В Турции М. Кундухов стал известен под именем Мусса-паши или Черкеса Мусса-паши и смог сделать не менее успешную военную карьеру. Уже на османской стороне он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После войны командовал гарнизоном Эрзерума. В звании ферики (дивизионного генерала) вышел в отставку и прожил остаток своих дней в Эрзеруме, где и умер в 1889 году.²⁸

Из Осетии выехали в Турцию главным образом недовольные предстоящей крестьянской реформой алдары и баделята — Кундуховы, Мамсуровы, Тхостовы, Кануковы, Есеновы, Алдатовы и др. Кавказские власти не стали препятствовать этим намерениям, поскольку ясно осознавали, что «ввиду поднятых и разрешаемых в Кабарде, Осетии и Кумыкском округе поземельных вопросов, ...должны были... образоваться партии недовольных, теряющих

при означенном перевороте часть прав своих»²⁹. «Объявление осетинам решения их поземельного вопроса, — писал М.Т. Лорис-Меликов начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову, — имело на все население, за исключением 100 семейств алдар и весьма немногих их приближенных, самое благотворное влияние. Что же касается собственно алдар, то часть из них, проникнутая более других духом исламизма, вероятно, уйдет в Турцию, чему я, как делал и до сих пор, препятствовать не намерен». «Осетины, кумыки, кабардинцы и жители Надтеречного наместства к 1 января 1866 года или все будут расселены правильно и платить нам подать, — настаивал М.Т. Лорис-Меликов в другом своем донесении А.П. Карцову, — или недовольная из них часть уйдет в Турцию».³⁰

Э.С. Андреевский, служивший на Кавказе при наместнике князе М.С. Воронцове и автор интереснейших «Записок», оценивая ситуацию, создавшуюся на Кавказе в связи с переселением горцев в Турцию, также обратил внимание на то, что среди переселенцев было невелико число соотечественников Муссы Кундухова — главного вдохновителя переселения.

Он писал: «Переселение это объемлет теперь пять тысяч семейств, из этих 5 тыс. семейств едва ли найдется тысяча, которые говорят языком Кундухова, принадлежащего к очень незначительному осетинскому племени. Утрата осетинских племен для нас, по-моему мнению, большая потеря. Осетины — народ смысленный, трудолюбивый, доступный образованию на европейский лад. Осетины хорошие хозяева...».

О переселении осетин-мусульман в Турцию и чрезвычайной для России его нежелательности Э.С. Андреевский писал далее: «Осетины никогда не были мусульманами-фанатиками. Они скорее оказывали склонность к христианскому вероисповеданию, чтити древние христианские храмы, уважали крест... жаль, что черкесов переселили, жаль будет, если переселят чеченцев, но переселение осетинского племени, которое едва ли имелось в виду и при самых смелых политических соображениях, будет для нас совершенным несчастьем. Когда началось, оно не приостановится на одних дигорцах, тагурцах, назрановцах, ингушах и карабулаках, но может захватить и осетин южного поката..., тогда взятки будут гладки, и мы образуем огромную пустошь между Россией и Закавказьем. Закавказье отделится материально своими интересами, утерять свое преобладающее значение, приобретенное во время русского владычества, и начнет поглядывать в сторону».³¹

В Турции осетины-переселенцы были поселены в основном вокруг Карса, на российско-турецкой границе. По некоторым данным, к началу XX века в пяти вилайетах (провинциях) Турции насчитывалось до 15 осетинских селений с общим числом населения примерно в 3,5 тыс. человек.³²

Мухаджиров в Турции расселяли в «горячих точках», там, где была необходима организованная военная сила для подавления антиосманского

сопротивления. Из курдов и северокавказских мухаджиров были созданы полки иррегулярной кавалерии. По имени правившего тогда султана Абдул-Хамида II (1876-1909) они получили название Хамидие. Эти подразделения использовали для усмирения повстанческих движений на окраинах Османской империи. Согласно предположению современного исследователя Б.Р. Авакяна, проект создания Хамидие был разработан в 1878 году при деятельном участии Муссы Кундухова и сына Шамиля Гази-Мухаммеда, переселившегося в Турцию в 1871 году ³³. Кроме этого, мухаджиров охотно использовали в жандармерии.

Судьба горцев в Турции, несмотря на обещания османского правительства, оказалась трагической. Масса переселенцев, не сумев обустроиться на новом месте, все же смогла вернуться на родину, несмотря на противодейственные меры, предпринимаемые российским правительством. К примеру, циркуляр начальника Главного управления наместника Кавказского от 20 февраля 1861 года предписывал применять «всевозможные меры для воспрепятствования» намерению горцев возвращаться на родину. Горцы же, которые, несмотря на запрет, возвращались в родные места, должны были подвергаться аресту и ссылаться во внутренние губернии России на постоянное поселение, а в случае принадлежности возвращающихся к непокорным горским обществам, таковых в течение 3-х месяцев пытались обменять на пленных русских солдат, и если обмен не состоялся, то их отсылали в Сибирь также на постоянное поселение. ³⁴

Тем не менее, из переселившихся из Терской области в Турцию в 1861 году 685 семей, или 8 тыс. человек, вернулось на родину 403 семьи, или примерно 3800 человек. ³⁵

В 1862 году было разрешено вернуться во Владикавказский округ 600 осетинам, переселившимся в Турцию в 1861 году. Чуть позже, в том же 1862 году вернулись еще 15 семей осетин, которые были «поселены на прежних местах их жительства, а именно: первые 12-ть в ауле Заманкуле, а последние в Эльхоте». ³⁶

В 1863 году делегаты от 100 осетинских дворов Бимбулат Згоев, Гебош Джанги-Оглы и Джордж Бадов обратились к российским властям с просьбой разрешить им вернуться на Кавказ и согласились поселиться в Ставропольской губернии на условиях, предложенных возвратившимся из Турции ногайцам. ³⁷

Положение кавказских переселенцев в Турции было настолько тяжелым, что в 1864 году российский консул в Трапезунде А.П. Мошнин доносил начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову, что «некоторые горцы просят назад с условием принять христианство».

Несмотря на то, что в 1865 году предписанием императора Александра II вопрос о возвращении в Россию кавказских переселенцев был снят с повест-

ки дня, единичные разрешения на возвращение на родину «во внимание к бедственному положению, претерпеваемому ими в Турции», выдавались осетинам и в 1870-1880 гг. XIX века.³⁸

Логическим завершением переселения части осетин-мусульман в Турцию стало образование диаспоры. Оторванная от своего субстрата осетинская диаспора была подвержена сильному инокультурному влиянию. В Османской империи не было создано условий для этнического развития осетинских (равно как и других северокавказских) переселенцев³⁹. Поэтому по-разному складывалась судьба различных представителей этой диаспоры. Сохранить свой язык удалось далеко не всем ее представителям, хотя осетинской диаспоре по сей день удается сберечь некоторые черты этнической самобытности. Однако перспективы этого процесса не вселяют надежду.

Переселенческие процессы в Осетии. С середины XIX века, особенно в пореформенное время, происходит ускорение темпов роста численности населения в равнинных и предгорных поселениях. Так, если за двадцать лет, с 1840 по 1860 годы в Кадгароне число дворов увеличилось в 1,8 раза (с 69 до 125), то в течение десяти последующих лет эти показатели выросли в 2,4 раза (со 125 до 380). В Суадаге с 1840 по 1860 годы количество дворов увеличилось в 1,4 раза (со 142 до 201), а с 1860 по 1870 годы — в 1,5 раза. В 1870 году в селе числилось 304 двора⁴⁰. Схожая картина наблюдалась и в других населенных пунктах. К примеру, в год основания селения Ногкау в 1867 году в нем насчитывалось всего 19 дворов, через 20 лет — уже 75, а еще через 10 лет проживало 276 дворов⁴¹. Высокие темпы роста численности жителей предгорных осетинских селений были связаны не только с естественным приростом. На количественный рост населения оказывал влияние и непрерывающийся отток людей из горных районов.

В 1858 году в связи с межеванием земель для дальнейшего обустройства казачьих станиц по распоряжению правительства все гизельдонские аулы были сведены на левом берегу реки в одно большое селение под названием Гизель. В новом селении не было представителей феодальных фамилий. Алдаров переселили вместе с зависимыми от них крестьянами, пожелавшими следовать за своими феодалами в другие села. Разделение произошло по религиозному признаку. В селении остались крестьяне, в отличие от алдар-мусульман, исповедовавшие христианскую религию. Среди них было немало вновь обращенных в православие осетин. Смена веры в данном случае носила скорее социальный, протестно-меркантильный характер, нежели имела мировоззренческое значение, поскольку в Гизели оставались крестьяне, принявшие христианскую веру. Это освобождало гизельцев от обязательства следовать за прежними господами. *

* Случаи перехода в христианскую религию среди осетинских социальных низов не были редкостью в XIX веке. Мотивация при этом была проста: освобождение от феодальной зависимости, получение определенных привилегий при наделении их землей на равнине, смягчение налогового бремени.

Удобное политико-географическое положение нового поселения способствовало быстрому росту Гизели. С 1866 по 1890 годы количество дворов в селе увеличилось со 188 до 296, соответственно росло и число жителей. К началу 1890-х годов в нем насчитывалось более 2800 человек. Большинство населения составляли мужчины⁴².

Жители занимались земледелием. Основными зерновыми культурами являлись кукуруза и гречиха, дававшие хорошие урожаи. Пшеница, просо, ячмень и овес не возделывались гизельцами на собственных землях из-за крайне низкой их урожайности. Для посева этих культур состоятельные крестьяне ежегодно арендовали землю в соседних станицах и селениях.

Были распространены садоводство и огородничество. В садах гизельцев росли яблоки, груши, вишня, слива, персики, алыча, крыжовник, малина, орехи. В огородах разводили капусту, редьку, бобы, огурцы, тыкву, фасоль, бурак и стручковый перец. У русских станичников гизельцы переняли традицию возделывать картофель и табак.

Разведением крупного рогатого скота, лошадей и овец занимались немногие жители. Основная причина заключалась в отсутствии необходимого количества пастбищ и сенокосов. В 1890 году в селении имелось всего 2150 голов крупного рогатого скота, 625 лошадей и 845 овец и коз. В целом уровень материального благосостояния жителей Гизели был невысок. Как писал в конце XIX века А. Цаллагов: «Избытка в хлебе и плодах не бывает, часто чувствуется недостаток». Но при этом в селении не встречались нищие и голодные. Несомненно, благоприятное влияние на материальное положение жителей Гизели оказывало близкое расположение к Владикавказу. Гизельцы пополняли семейный бюджет, в частности, за счет продажи дров горожанам. Зимой на арбах, запряженных волами или лошадьми и груженными дровами, они отправлялись во Владикавказ, располагавшийся в 7 верстах к востоку от села. За вывоз леса из «казенных дач» платили с воза по 40 копеек, а продавали воз по 2 рубля. Существовали и небольшие предприятия по производству кирпича. Но продукт получался низкого качества и использовался только в самой Гизели⁴³.

В пореформенный период формируются новые подходы к проблеме гражданской колонизации Северного Кавказа. Упор в освоении предгорных равнинных территорий делался уже не на местное население, а на выходцев из других районов Российской Империи. Поэтому, ссылаясь на отсутствие свободных земель на равнине, власти стали ограничивать переселенческие устремления осетин и все реже давали разрешение на основание новых населенных пунктов. Выселенцы с гор лишались возможности компактного поселения на предгорной равнине. Но отток на равнину продолжался. Обычно, перебираясь из гор отдельными семьями или группами семей, осетины-переселенцы подсеялись к равнинному селению, где проживали их однофамильцы или бывшие одноаульцы.

На начальных этапах многие сельские общества не ощущали еще недостатка в свободных пространствах и довольно терпимо относились к новоприбывшим, позволяя им подселяться в аулы. Однако с конца 1860-х годов ситуация коренным образом изменилась. С этого времени в равнинных селениях вводится общинное землепользование. Наряду с тем, теперь каждое селение наделялось землей соответственно количеству дворов. Новое положение значительно ограничивало земельные ресурсы предгорных селений, и сельские общества решительно стали отказывать новым выходцам с гор, выразившим намерение подселиться к ним.

Очередным шагом российской администрации, жестко ограничивавшим возможности выселения на равнину, стал циркуляр №300, изданный в 1876 году начальником Терской области, предусматривавший впредь недопущение фактов «беспорядочного и произвольного перехода населения из одного места в другое». На основании принятого документа запрещалось какое-либо переселение из горных аулов без выполнения определенных формальных процедур. Ни один человек не мог быть приписан к равнинным селениям без увольнительного свидетельства от своего общества и приемного приговора того сельского общества, к которому желал приписаться переселенец. Причем эти документы требовали подтверждения специальным разрешением Терского областного управления⁴⁴. Однако появление циркуляра № 300 не остановило стихийного оттока горцев на равнину в последующие годы.

Показатели быстрого роста численности жителей равнинных осетинских сел в 1860-е — 1880-е годы подтверждают факт непрекращающегося оттока людей из горных районов. Несмотря на политику ограничения переселенческих устремлений коренного населения, выселение на предгорную равнину продолжилось, хотя и в меньших масштабах, чем в предыдущие годы. По материалам М. Кипиани, только в 1880-е годы из нагорной полосы выселилось 327 дворов, в том числе из Даргавского ущелья — 130, из Санибанского — 80, из Хидикусского — 83, из Махческского — 67 и из Донифарсского — 17⁴⁵. Но горцы, поселяясь в равнинных селах, не приписывались к сельским обществам и попадали в категорию временнопроживающих. На рубеже XIX-XX веков проблема временнопроживающих превратилась в одну из самых болезненных и сложных социальных проблем осетинского общества.

Горцы знали о бедственном положении временнопроживающих. Не желая повторять их горькую судьбу, они искали возможности переселиться на равнину «законным путем», то есть с разрешения властей. Но это был нелегкий путь, и просителям не всегда удавалось достичь желаемой цели. К примеру, в 1867 году группа жителей Даргавского ущелья обратилась в областное управление с просьбой разрешить переселиться в разные равнинные села или на Чернореченскую дачу Владикавказского лесничества. Но им

было отказано ввиду того, что земли Владикавказского лесничества принадлежат казне, и заселение казенных земель «туземцами совершенно невозможно»⁴⁶. В 1871 году даргавсцы подали новое прошение на имя начальника Владикавказского округа разрешить переселиться в Кубанскую область. На это раз отказ мотивировался тем обстоятельством, что просьба вытекала, якобы, «не из действительных нужд в земельном довольствии», а из желания получить предоставляемые от казны горцам-переселенцам пособия и льготы. Начальник Кубанской области также выразил нежелание принять у себя даргавсцев⁴⁷.

Не рассчитывая более на поддержку со стороны начальства в решении своего вопроса, 45 дворов даргавсцев собрали все имевшиеся у них средства и в 1879 году приобрели на левой стороне реки Урух у кабардинцев — поручика Ислама и юнкера Ельмурзы Анзоровых — 612 десятин земли. В августе следующего года с разрешения начальника Терской области переселение жителей Даргавского общества на купленные земли состоялось⁴⁸. Среди первых поселенцев были Алборовы, Бадтиевы, Байматовы, Бердиевы, Блиевы, Джибиловы, Дзарасовы, Дзуцевы, Дреевы, Кантемировы, Кодзаевы, Кудакоты, Кумалаговы, Мамсуровы, Рамоновы, Сасиевы, Теджиевы, Тменовы, Токаевы, Фидаровы, Хабаевы, Цихиловы, Цириховы и другие.

Для своего селения они выбрали место, где соединялись две маленькие родниковые речки. Вскоре здесь появились несколько десятков плетеных домиков, покрытых соломой и сеном. Селение получило официальное название Средний Урух. Жители же называли его Быдыры Даргъавс (Равнинный Даргавс). На приобретенной у Анзоровых земле не было ни пахотных полей, ни сенокосных лугов. Она сплошь была покрыта кустарником и бурьяном. Поэтому новопоселенцам пришлось прикладывать огромные усилия для того, чтобы обустроить новое место. Однако даргавсцы не отчаивались. Главное — теперь у них была собственная земля.

Несколько ранее, в 1871 году на левом берегу Уруха, примерно на расстоянии двух километров от будущего селения даргавсцев было заложено другое поселение — Новый Урух. Основание его стало возможным в результате реализации проекта сословно-поземельной комиссии управления Терской области, предусматривавшего расселение 183 дворов безземельных дигорцев и хехесов, живших на владельческих землях. Из общего числа дворов 98 принадлежали к христианскому вероисповеданию. Из них 55 намечалось подселить к Вольно-Христиановскому. Остальные дворы поселялись на левом берегу Уруха во вновь образуемом поселении.

47 дворов магометан и 38 дворов «ренегатов» приписывались по принятому проекту к Вольно-Магометановскому. Однако выделенные для них земли оказались совершенно непригодными для жизни «по случаю чрезвычайно обрывистых берегов этой реки» (р. Чиколла. — Ред.). Исходя из открыв-

шихся обстоятельств, начальство пересмотрело первоначальный проект. В Вольно-Магометановском оставались 15 дворов мусульман. Остальные мусульманские дворы вместе с дворами «ренегатов» решено было поселить в создававшемся христианском селении.

Но обеспечить мирную жизнь христиан и мусульман в одном селении оказалось крайне затруднительно. Христиане категорически отказывались принимать мусульман. Постоянные споры и разногласия на религиозной почве, усугублявшиеся сложными хозяйственно-экономическими проблемами, а также материально-бытовой неустроенностью, не способствовали укреплению добрососедских отношений. По сведениям правления Владикавказского округа, в 1884 году в селении насчитывалось 61 семейство (39 христиан и 22 магометан и «ренегатов»), а по данным от 31 марта 1892 года, представленным в правление Терской области, числилось уже 68 дворов коренных жителей, из них 46 дворов христиан и 22 двора магометан. И христиане, и мусульмане обращались к областному начальству с просьбой выселить противоположную сторону из селения. Ходатайство христиан перед начальником Терской области и наказным атаманом поддержал бывший епископ Владикавказский, преосвященный Петр. В мае 1891 года он передал прошение доверенных от христианского населения Новоурухского общества Душета Фарниева и Дзици Басиева о выселении магометан и «ренегатов».

Вскоре начальник Терской области генерал-лейтенант С.В. Каханов направил запрос в адрес начальника Владикавказского округа полковника Д.К. Голубова. В своем ответе Д.К. Голубов писал, что выселить из Нового Уруха магометан и ренегатов «значило бы снова поставить их в положение безземельных, так как нет никакого сомнения в том, что ни одно из сельских обществ в настоящее время не примет их в свою среду, а свободных казенных земель для поселения их не имеется»⁴⁹.

Тем не менее, вопрос о разделении христиан и мусульман все же был решен. Во избежание дальнейшего обострения конфликтной ситуации областное начальство по настоянию Владикавказского епископа в 1892 году приняло решение развести христиан и магометан по разные берега Уруха. На правом берегу реки, почти напротив Нового Уруха было заложено новое селение — Дзагепбарз (Текаевское), в котором поселились все мусульманские семейства.

В 1865 году на левом берегу реки Лескен в бывших муртазовских владениях с разрешения областного начальства поселились 12 семейств лезгорцев. Большинство переселенцев были Хаевы, поэтому поселок получил название Хаевский. Вскоре сюда же перебрались 24 семейства из бывшего аула Кабанова: Гегиевы, Кабалоевы, Кебековы, Комеховы, Царикаевы, Чехтисовы и другие. В начале 1880-х годов в Хаевский переселились с семьями Хаджумар Дзагуров, Хадзимет Надгиреев, Тотырбек Тотоев. Несколько

позднее 42 дигорских семейства, в том числе Адаевы, Асановы, Имлахановы, Караевы, Макоевы, купили у кабардинских землевладельцев Тембота и Хату Анзоровых 500 десятин, а у Умара Коголкина — 152,5 десятины земли, примыкавшей к поселку. В декабре 1893 года разросшийся поселок был преобразован в селение и переименован в Лескен по аналогии с названием реки, на берегу которой он был заложен почти 30 лет назад⁵⁰.

В 1890-е годы с разрешения начальства Терской области был создан еще ряд поселений на предгорной равнине и в районе Моздока. Среди них — Новая Саниба, заложенная выходцами из горной Санибы Тагаурского ущелья на земле Гизельской казенной дачи, а также хутор Веселый, основанный переселенцами из Наро-Мамисонского прихода Владикавказского округа и Душетского уезда Тифлисской губернии вблизи Моздока.

Созданию этих поселений предшествовало стихийное бедствие, разразившееся в 1889 году в горных районах Осетии. Сильные ливни и град, в некоторых местах сопровождавшиеся землетрясением, уничтожили пахотные поля с готовой жатвой, разрушили мельницы и мосты, снесли дороги, сделали непригодными для жизни жилые и хозяйственные постройки. В некоторых горных аулах стихия настолько изменила ландшафт, что жить в них стало невозможно. Бедственное положение горцев вызвало сочувствие всех осетинских обществ. Жители многих равнинных селений выразили желание принять у себя часть горцев.

Чрезвычайные обстоятельства, в которых оказались горцы, принудили областное начальство предпринять меры по смягчению тяжелых последствий стихийного бедствия и разрешить выселиться части горцев на равнину. Жителям Санибанского прихода в количестве 242 дворов с разрешения министра государственных имуществ отводилось в 1891 году из северной части Гизельской казенной лесной дачи 726 десятин земли. Эти земли выделялись, как отмечалось в постановлении Терского областного правления, «в дополнительный надел вследствие того, что земельный надел их в горах не только не удовлетворял нужд населения, но в 1890 году проливными дождями приведен в совершенно негодное состояние». Для 69 дворов переселенцев из Наро-Мамисонского общества и Душетского уезда на участке казенной земли, называемой «Архиерейский», близ Моздока «на основании Высочайших повелений» от 23 октября 1889 года и 20 августа 1890 года под постоянное поселение выделялось 578,5 десятин.⁵¹

Таким образом, в пореформенное время создание поселений на равнине, хотя и в значительно меньших размерах, чем в предыдущие десятилетия, продолжалось. Однако предоставлявшиеся возможности не решали проблемы горцев, по-прежнему страдавших от малоземелья и сурового горного климата и связывавших надежды на улучшение своих жизненных обстоятельств с переселением на новые земли. Поскольку областное начальство,

ввиду отсутствия свободных земель, отказывало горцам в праве выселиться на Владикавказскую равнину, взоры желающих переселиться устремлялись в другие, более отдаленные районы Северного Кавказа, в том числе Кубанскую область.

Первые жители селения Георгиевско-Осетинское

В 1871 году на месте небольшого Шоанинского поселка Баталпашинского уезда Кубанской области было заложено селение Ново-Осетинское. В 1879 году оно было переименовано в Георгиевско-Осетинское. Поселение было известно под другим названием — Лаба. Основанию этого селения предшествовала многолетняя тяжба жителей Зругского ущелья с грузинскими князьями Мачабеловыми.

В 1852 году была отменена крепостная зависимость осетин шести ущелий: Джавского, Комского, Ванельского, Урсдзварского, Дзомагского, Рокского. Мачабеловым была назначена потомственная пенсия из государственной казны в размере 6 тысяч руб. серебром. Бывших в зависимости от них крестьян передали в казенное ведомство. Однако они продолжали жить на землях Мачабеловых и обязаны были по-прежнему нести тяжелые феодальные повинности. Но Мачабеловы не довольствовались этим. Они требовали податей и от жителей Зругского ущелья, входившего в состав Осетинского округа. Зругцев обязывали отдавать 1/10 часть со всех доходов каждого крестьянского хозяйства. Но такие налоги для крестьян, едва сводивших концы с концами, были непосильны.

Насильственное ограбление зругских крестьян грузинскими помещиками вызывало ожесточенное сопротивление. Чтобы прекратить бесконечные

распри между князьями и зругцами, главнокомандующий на Кавказе приказал начальнику Терской области предложить зругцам переселиться на свободные земли нагорной полосы Кубанской области, освободившиеся в результате ухода горцев-мусульман в Турцию.

Переселение зругцев предложили возглавить влиятельным среди осетин лицам — Левану Хетагурову, отцу великого осетинского поэта Коста Хетагурова, и Мисирби Гутиеву. Взамен на согласие возглавить переселенческое движение Л.Е. Хетагуров получал в долине реки Марухи участок земли в 200 десятин, пожизненную пенсию в размере 300 руб. в год, а его 8-летняя дочь Ольга и 11-летний сын Коста были приняты в гимназию на государственное содержание. М. Гутиев получил земельный участок в размере 150 десятин⁵².

Переселенцы в Кубанскую область получали 15 десятин земли на мужскую душу. Кроме того, каждой семье выдавалось по 35 рублей подъемных, из них перед выездом 15 рублей. Остальные 20 рублей семья получала по прибытии на местожительство. Были обещаны и другие льготы. Помощь переселенцам действительно была нужна, так как значительная часть отведенных земель была покрыта густым лесом и заключала в себе «чрезвычайно мало мест, сколько-нибудь удобных для ведения сельского хозяйства»⁵³.

В конце августа 1870 года все пожелавшие переселиться в Кубанскую область собрались в Ардоне, и отсюда десятки семей на арбах, запряженных быками и груженых домашним скарбом, погоняя имевшийся у них скот, тронулись в далекий и трудный путь. Среди них были семьи Абаевых, Авсарговых, Баскаевых, Бираговых, Бутаевых, Дзанаевых, Дзасоховых, Дзугаевых, Гагиевых, Зангиевых, Исаковых, Калоевых, Каргиновых, Кесаевых, Козаевых, Колиевых, Кучиевых, Татровых, Тотиевых, Тохсировых, Урумовых, Хестановых, Хозиевых, Цахиловых, Цуциевых, Черкасовых и многих других, всего 149 семейств.

Дорога заняла два месяца. Только в октябре переселенцы прибыли на место поселения, располагавшееся на левом берегу Кубани вблизи военного укрепления Хумаринского Баталпашинского уезда. Первые холода не заставили себя долго ждать. Поэтому люди торопились успеть построить хотя бы временные жилища. Зима оказалась на редкость суровой. Ситуация осложнялась тем, что поселенцы не имели достаточного запаса продуктов, теплой одежды. Люди страдали от болезней и недоедания. Особенно тяжело приходилось детям и старикам. Не менее трудным оказался следующий год. Хотя переселенцы и получили относительно большие участки земли, но из-за нехватки рабочего скота они не успели вовремя вспахать, посеять, а затем и убрать урожай.

Не выдержав тягот неустроенной жизни, многие пытались вернуться, но получали решительный отказ. «По совершенному неимению свободной

земли во вверенной мне области, — писал начальник Терской области Лорис-Меликов в ответ на прошение, — я признаю невозможным дозволить переселившимся в 1870 году на жительство в Кубанскую область осетинам водвориться опять в пределы Терской области»⁵⁴. Тем не менее, случаи возвращения на родину имели место.

С годами благодаря трудолюбию, самоотверженности и упорству жителей селение Георгиевско-Осетинское укреплялось и разрасталось. И земля платила людям добром. Как писал впоследствии Коста Хетагуров, «благодаря превосходному климату, тучной непочатой земле с обилием лесов, обширных пастбищ, лугов и воды, эти бедняки в продолжение 30 лет больше чем удвоились и сделались настолько зажиточными, что в настоящее время ни одно осетинское селение, не говоря о других туземцах, не может сравниться с ними»⁵⁵.

В конце XIX — начале XX в. выходцы из Осетии (Гайтовы, Таутиевы, Тариевы, Бедоевы, Таусултановы) проживали в равнинных ингушских (Кантышево, Альтиево, Экажево, Верхние Ачалуки) и чеченских (Герзель-Аул) селениях, Малгобеке и в г. Грозном. В 1913 г. близ станицы Шелковской на левобережье Терека возникло осетинское с. Коби. Его основали выходцы из одноименного аула Безиковы, Цабаловы, Рубаевы, Чигоевы, Хамицевы и Кочоровы⁵⁶.

Крестьянская реформа дала новый импульс переселенческому движению южных осетин *во внутренние районы Грузии*. Стремление осетин выселиться из горных районов и обосноваться на равнинных и предгорных территориях Грузии находило активную поддержку грузинских помещиков, чья позиция была обусловлена вполне конкретными экономическими интересами. Переселение южных осетин на грузинские земли происходило на протяжении всего XIX века. Но массовый характер переселенческое движение приобрело во второй половине столетия.

Именно к пореформенному периоду относится появление большинства осетинских поселений в Кахетии, на правом берегу реки Алазани от северо-западных границ Ахметского района до северо-восточных границ Лагодехского района. С 70-х годов XIX века по 1914 год в Нижней и Верхней Кахетии появились десятки осетинских селений: Арашеда, Аремшерани, Ахалдаба, Ахшан, Верхиминдори, Гаристау, Гурджарет, Джуган, Думастри, Кехиани, Кожори, Корет, Кучатани, Лапиани, Мхслеб, Надукнари, Пичхисбогири, Сабуге, Халацани, Хвце, Хошатани, Цицканансели, Цинубани, Чаракаул, Чикоани, Чысан и другие. Одной из особенностей формирования новых поселений на равнинных и предгорных землях Грузии в этот период являлось создание смешанных грузино-осетинских селений.

Осетинские крестьяне переселялись и во многие другие районы Грузии (Боржомский, Горийский, Душетский, Карельский, Ксанский, Мцхетский, Хашурский). В конце XIX — начале XX века в бассейне реки Дзама были образованы селения Абурхава, Арцеви, Батиури, Газатикау, Гвердзиети, Елбакиант-

кари, Имерхеви, Келети, Клду, Кодмани, Кробани, Кудатке, Лаше, Сукит, Суко-нантубани. Южные осетины поселялись и в горах Триаветии. Они основали здесь селения Сакуаре, Цици, Лули, Пел, Натинцев, Лили, Ногкау, Надорбази, Габаратикау, Окани, Мхебриани, Дидтуи и другие.

Грузинские помещики обычно селили осетинских крестьян на землях, не подвергавшихся прежде обработке и располагавшихся в неудобных местах, покрытых кустарниками, лесом, на склонах гор. Окультуривание этих земель требовало огромных усилий. Однако благодаря упорному, каждодневному труду осетинских крестьян, эти земли постепенно осваивались. В 1883 году газета «Дроеба» писала о хизанах-осетинах села Чонтили и Катамамворе Душетского уезда: «Уже приходит пятое поколение, как в этих селах поселились осетины. Те места, где раньше обитали дикие звери, сегодня превращены в наилучшие пахотные земли трудом этих осетин, а помещики подымную подать повысили с одного рубля до двадцати четырех рублей»⁵⁷.

Еще одной особенностью освоения новых территорий южными осетинами являлось поселение их в селах со смешанным населением. Такими селами являлись Алексеевка, Буденовка, Чархеле. В Карельском районе осетины с семьями подсеялись к грузинским селам Згудер, Кехиджвари, Кинцвиси, Кобесантубани, Санебели и т.д. Совместная жизнь способствовала развитию межэтнических, родственных и добрососедских связей. Однако это же обстоятельство становилось основой для реализации ассимиляторских устремлений грузинских правителей.

Подавляющее большинство крестьян, поселявшихся на грузинских землях, принадлежало к категории хизанов. Помещик обычно стремился приравнять хизана к крепостным крестьянам, распространить свои права над его личностью. Но он юридически не мог объявить его своим крепостным, хотя бы потому, что личность хизана считалась собственностью его прежнего владельца: помещика, царя или церкви, и крестьянин мог вернуться к ним обратно в любое время. Повинности, отбывавшиеся хизанами в пользу помещиков, были разнообразны и неодинаковы; размер их зависел от соглашения между сторонами. Осетинские крестьяне, жившие в горах и лесных местностях, платили помещикам 8-10 рублей в год, а жители Заретского сельского общества, например, давали помещикам с урожая кукурузы и ячменя по 18 чананов*, пшеницы — 14 чананов с дневного пахания, и к тому же отработывали 12 рабочих дней в году. Со временем размеры податей и повинностей увеличивались. Так, в 1886 году помещики требовали с жителей этого общества уже в 2-3 раза больше платы за пользование лесами и пастбищами. И подобный расклад в отношениях между крестьянами и помещиками встречался повсеместно. Между тем, многие крестьяне ис-

* Один чанан равнялся 23 фунтам или 10,5 килограммам.

пытывали большую нужду. Вот что писала уже упомянутая газета «Дроеба» в 1884 году о положении осетин, поселившихся в горах Триалетии: «Сами триалетские осетины очень бедно живут, так как у них нет в достатке земли и к тому же они не приспособлены к ее обработке. Тамошний осетин вырубит участок густого леса, выкорчует его, сделает себе маленькое поле и посеет, но этот маленький участок, какой бы большой урожай ни дал, никак не может прокормить его семью, да, кроме того, здесь каждый год бывает сильный град»⁵⁸.

Со второй половины XIX века основание новых осетинских поселений на Владикавказской (Осетинской) равнине уже не носило столь массового характера, как в предыдущие десятилетия. В процессе гражданской колонизации Северного Кавказа российское правительство теперь отдавало предпочтение выходцам из других регионов Российской Империи. В отношении же коренных народов закреплялась практика сдерживания переселенческих настроений. Создание самостоятельных поселений выходцами из гор становилось редким явлением. Новые населенные пункты на Владикавказской равнине создавались в основном в результате межевания земель и расселения жителей уже существовавших поселений по принципу сословной и религиозной принадлежности.

Во второй половине XIX века, особенно после окончания Кавказской войны и осуществления крестьянской реформы, началась активная хозяйственная и культурная колонизация Северного Кавказа. Приоритетное значение приобретали задачи экономического освоения региона. Поэтому, поддерживая создание новых поселений, российское правительство руководствовалось теперь в первую очередь социально-экономическими и политическими соображениями. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на проводимую им переселенческую политику.

Формирование полиэтнического состава населения Осетии. В пореформенное время усилились переселенческие потоки из внутренних губерний России на Кавказ, «...начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось».⁵⁹

Развитие капитализма в русской деревне, углубление социальной дифференциации, рост безземелья и нищеты стали причинами активного миграционного движения из внутренних губерний России. Правительство расценивало эти миграционные потоки как средство предотвращения крестьянских волнений. Наместник Кавказа князь М. Романов 26 июля 1865 года представил Александру II записку о заселении Предкавказья, в которой подчеркивалось государственное значение освоения края.⁶⁰

В рассматриваемый период продолжалось формирование казачьих поселений. Еще в 1849 году к западу от селения Эльхотово на р. Змейка в 55 верстах

от Владикавказа, согласно распоряжению главнокомандующего Кавказским корпусом от 30 ноября 1848 года, была заложена станица Змейская. Поводом к ее основанию послужили события, связанные с передвижением Шамиля. В 1848 году он направился в Большую Кабарду и дважды пересек Терек «в удобном для него месте». Проводником у него был Магомет Мирза Анзоров, аул которого находился в шести верстах выше Урухской станицы. Тогда «за измену, побег и вероломство князь Анзоров был лишен всех владений», и на его земле, там, где была переправа, zaloжили новую станицу, названную Змейской⁶¹.

Основу ее составили 200 семейств государственных крестьян, переведенных из Харьковской и Воронежской губерний. В том же году к первым жителям станицы причислили еще 10 семейств солдат регулярных войск⁶².

Располагавшаяся в достаточно удобном с точки зрения природно-климатических условий месте, станица развивалась довольно быстрыми темпами. Уже в 1874 году в ней проживало 1422 человека, в том числе 733 мужчин. К 1900 году в станице насчитывалось 386 дворов. Число жителей достигло 2141 человек. В начале XX столетия она представляла собой крупное поселение с русскоязычным православным населением. В станице Змейской жили Василий, Иван и Семен Бондари, Тимофей Диденко, Николай Ничипко, Василий Белозерский, Никита Сысой, Яков Васильев, Константин Черников, Иван Расстегаев, Николай Шеповалов, Гаврил Моженный, Павел Борисенко, Федор Бородый, Иван и Хрисанф Черновы, Семен Михин, Иван и Федор Долгани, Аким Мачнев, Степан Педь, Герасим Корниенко, Андрей Порожков, Андрей Вензига, Иван Ламов, Степан Синяк, Василий Олихейно, Егор Нагорный, Иван Кравченко, Иван Лепихин и многие другие. В 1910-е гг. атаманом станицы Змейской был Федор Яковлев⁶³.

В Змейской находилось «местопребывание» канцелярии и командира 2-го Сунженско-Владикавказского полка. Здесь имелись восемь торгово-промышленных заведений, включавшие продуктовые и мануфактурные лавки и небольшие предприятия по производству строительных материалов, предназначенных в основном для внутреннего потребления. По субботам в станице организовывались базары, где шла бойкая торговля сельскохозяйственной продукцией, инвентарем, предметами домашнего обихода, мануфактурными товарами и пр. На эти базары помимо станичников съезжались жители соседних осетинских селений⁶⁴.

В 1859 году в 15 верстах к юго-востоку от Владикавказской крепости была основана казачья станица Тарская. После преобразования Владикавказа в город за городскую черту вынесли станицу Владикавказскую, а ее жителей переселили в Тарскую. В 1861 году в казачьей станице насчитывалось 1072 жителя, в том числе 563 мужчины. В 1900 году в 255 дворах проживали 1728 человек. В станице имелось около десятка промышленно-торговых заведений: питейное, три молочные лавки, мясная лавка, мануфактурная лавка, че-

репичный завод, два известковых завода⁶⁵. Среди уроженцев Тарской было немало известных людей. Это Ивлий, Герасим, Степан и его сын Тимофей Гурьевы, востоковед Николай Караулов, войсковой атаман Михаил Караулов, известный своей миротворческой деятельностью на Северном Кавказе. В 1907 и 1912 годы Караулов избирался депутатом Государственной Думы России, где отстаивал интересы казаков и горцев.

Через два года после основания станицы Тарской на левом берегу реки Сунжа в 12 верстах к северо-востоку от Владикавказа была заложена еще одна казачья станица — Сунженская. Наряду с Тарской, Карабулакской, Камбилеевской, Галашевской и еще четырьмя другими станицами она вошла в состав 2-го Владикавказского казачьего полка.

В год основания станицы в ней поселили 258 семейств из внутренних губерний России, а также поселений Северного Кавказа. В 1865 г. после упразднения станицы Датыховской сюда переселили 41 семейство. Через четыре года из упраздненной станицы Камбилеевской были переселены 47 семейств. Еще 40 семей перевели разновременно из регулярных войск. По переписи, произведенной 23-25 сентября 1875 г., в станице насчитывалось 518 дворов, из которых 497 принадлежали казакам, и 21 — иногородним. В станице проживали к этому времени 2713 человек. К казачьему сословию принадлежали 1365 мужчин и 1248 женщин, остальные 100 человек — к разным сословиям: духовенству, отставным военным, купечеству, мещанам, крестьянам.⁶⁶ Разновременно в станице поселились фамилии Авдеенко, Бец, Бондаревых, Борзученко, Величко, Гридневых, Горба, Горбуз, Дашко, Дробнич, Еременко, Ереминых, Жук, Задорожных, Кириченко, Кикоть, Клочко, Коломыц, Корень, Косточко, Коцур, Лазурко, Левченко, Лях, Малышевых, Наливайко, Пацук, Троценко, Третьяковых, Умрихиных, Химули, Хохменко, Шаталовых, Шульги и многих других.⁶⁷

В распоряжении станичников находились 11 569 десятин земли. Из них под пахоту и сенокос были отведены 9387 десятин, под огороды — 128 десятин, под саму станицу — 84 десятины. Лесные пространства занимали 1350 десятин. Остальная земля признавалась неудобной для жизни и хозяйственной деятельности.

В 1870-е гг. из земель Моздокского полка сунженцам передали примерно еще 26 тысяч десятин. По отзывам казаков эта земля была «хорошая и удобная для земледелия... и если бы дозволено было, то большинство жителей станицы охотно переселилось бы совсем на эти земли». Однако, поскольку такого разрешения никто не давал, а земля находилась на расстоянии 130 верст от станицы и требовала больших материальных, физических и временных затрат, то пользоваться ею, естественно, могли только самые зажиточные станичники, которые имели достаточно рабочих рук и скота, чтобы заложить там хутора.

Между тем, материальное положение большинства первопоселенцев было крайне тяжелым. Огромным бременем для станичников являлась воинская повинность. Во-первых, она требовала больших денежных затрат. При поступлении на действительную службу казак обязан был иметь строевую лошадь и полное форменное обмундирование. Все это приобреталось на собственные средства, и казачья семья нередко залезала в непомерные долги, чтобы экипировать должным образом сына. Но, пожалуй, еще более обременительным для станичников являлось то, что на службу призывали самых молодых, здоровых и работоспособных мужчин, которые в течение 5 — 7 лет полностью отрывались от станичной жизни и исключались из хозяйственной деятельности своих семей.

С годами, несмотря на трудности первых десятилетий, жизнь в станице Сунженской постепенно налаживалась.* Станичники занимались хлебопашеством. В 1860-1880-е гг. из зерновых культур засевали преимущественно рожь, в меньшей степени кукурузу, пшеницу, гречиху. Самым распространенным занятием являлось огородничество. По сравнению с земледелием оно требовало меньше физических затрат, поэтому им занимались и стар, и млад. Из овощных культур станичники выращивали преимущественно картофель и капусту, составлявшие главные продукты в рационе казачьей семьи. В структуре хозяйственной деятельности сунженцев существенное место занимал лесной промысел. Рубка и продажа леса в виде досок и дров владикавказцам, а также жителям соседних поселений, многие годы являлась важным источником дохода для населения Сунженской станицы⁶⁸.

В 1881 году был издан Закон о добровольном переселении крестьян на казенные земли.

На конец XIX — начало XX вв. приходится новая волна миграций из внутренних губерний России. По свидетельству очевидцев, было «трудно проехать хотя бы раз по Ростово-Владикавказской железной дороге, чтобы не встретить довольных молокан, с увлечением рассказывающих о прекрасных местах в Терской области, или занятых расспросами и расчетами о заветной мечте их за последнее время — об устройстве своем на Кавказе».⁶⁹

* После революции 1917 г. многое изменилось в жизни казачьих станиц Северного Кавказа. Как известно, в 1920 г. было предпринято поголовное выселение казачьих станиц бывшей Сунженской линии: Тарской, Фельдмаршальской (ныне Комгарон), Камбилеевской и других. Не избежала этой участи и станица Сунженская. Поселение сохранилось, но национальный состав его населения не раз менялся на протяжении XX века. В настоящее время в селении Сунжа проживают представители разных национальностей. Среди них есть и немало казаков. Абраменко, Воронцовы, Дводиенко, Карпенко, Колотилины, Коренчуй, Коробовы, Маевские, Матчины, Радченко, Ярошенко и многие другие являются потомками тех первых сунженцев, самоотверженным трудом которых, в том числе, создавалась история современного селения Сунжа.

В конце 1890 года во Владикавказе было основано общество всепомоществования переселенцам, в функции которого входили забота о временном приюте переселенцев в городе, строительство для них бараков, облегчение дальнейшего пути, «приискание для них временных заработков на пути следования к месту, избранному ими для водворения».⁷⁰ Общая численность русских во Владикавказском округе составила в 1897 году 31,2 тыс. человек.⁷¹

Российское правительство неоднократно заявляло о своей готовности содействовать переселенческому движению, которое «ускорит умиротворение области посредством развития в ней русской культуры и гражданственности»,⁷² но миграции имели явно стихийный характер. Ежегодно весной через Владикавказ проходили массы переселенцев, зачастую не имеющие средств не только для продолжения пути, но и для ночлега и пропитания — «угнетенные, изможденные горем, нуждой и долгими лишениями, шедшие на удачу русские простолюдины с протянутой рукой о помощи...».⁷³

В 1902-1903 годы на землях помещиков Тугановых образовалось несколько хуторов, расположившихся по балке Маскиаг до Черного леса. Основателями хуторов стали переселенцы из Херсонской губернии (203 чел.), Екатеринославской (277 чел.), Полтавской (458 чел.), Черниговской (228 чел.), Каменец-Подольской (119 чел.), Крымской (404 чел.), Бессарабской (63 чел.), Ставропольской (64 чел.). Всего на землях Тугановых обосновалось 1515 переселенцев.⁷⁴ Впоследствии многие хуторяне примкнули к казачьим станицам в качестве «иногородних».

Миграция из российских губерний приняла такие масштабы, что к началу XX века стала создавать большие проблемы. В 1905 году Кавказ был официально закрыт как переселенческий район, но переселения продолжались, хотя и в меньших размерах. Больше всего переселенцев прибыло в Осетию из Ставропольской, Тифлисской и Саратовской губерний (свыше одной тысячи человек из каждой). Первые две находились в тесной территориальной связи с Терской областью, а большая миграционная волна из Саратовской губернии связана с историей образования немецких поселений.

В Осетии обосновалось немало мигрантов (от 500 до 1 тысячи) из Воронежской, Калужской, Курской, Пензенской, Харьковской, Тамбовской, и других губерний, Кубанской области. Большею частью это были русские переселенцы, но среди них были поляки (Воронежская губерния) и татары (Пензенская губерния). Сравнительно небольшое число мигрантов (от 100 до 500 человек) дали Астраханская, Виленская, Владимирская, Гродненская, Екатеринославская, Казанская, Киевская, Ковенская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Орловская, Подольская, Полтавская, Рязанская, Самарская, Санкт-Петербургская, Симбирская, Таврическая, Тульская, Уфимская, Херсонская, Черниговская, Варшавская, Калишская, Сувалкская, Седлецкая, Бакинская, Дагестанская, Елизаветпольская, Кутаисская, Эриванская губернии.

Кроме русских переселенцев из этих губерний пришли поляки, украинцы, немцы, татары.⁷⁵

Одну из первых и многочисленных национальных диаспор Осетии составили *армяне*. Известно, что в истории армян было много мрачных страниц, связанных с постоянными вторжениями иноземных захватчиков. В результате многолетних осmano-персидских войн за территорию Предкавказья Западная Армения отошла к Турции, а Восточная — к Персии. Армяне обращались за помощью к единоверным христианским государствам, в том числе к России. Русский кабинет проявлял к ним особое внимание, Екатерина II считала торгово-предпринимательскую деятельность армян полезной для развития экономики и намеревалась основать на юге страны армянские поселения. После заключения Туркманчайского договора 1828 года на Восточную Армению была распространена административная система Российской империи. Эриванская, Тифлисская и Елизаветпольская губернии стали основными исходными пунктами армянской миграции на Северный Кавказ, в частности во Владикавказ. Западная Армения оставалась под игом империи Абдул-Хамида — «Макиавелли мусульманского мира» и неоднократно подвергалась варварским акциям, что стало причиной массового бегства армян в Россию, в основном на Кавказ. К концу XIX века армянское население Владикавказа составляло 1,7 тыс. чел. В годы первой мировой войны Западная Армения стала жертвой геноцида, учиненного младотурецкими националистами. Хлынувшая масса беженцев пополнила армянское население Владикавказа. В 1920 году армянская община насчитывала 12 тысяч человек.⁷⁶

В начале XIX века стала формироваться **греческая община**, ядро которой составили выходцы из Трапезундского пашалыка — г. Гюмушхана, Трапезунда, с. Харторс, Харшера, Котиля, Такфчюки, Холек, Ишера, Хакакса, Базба, Варену, Санта и др. Позднее к ним присоединилось несколько семейств из Афин, Салоник, Сербии, а также из Тифлиса, Эриванской и Тифлисской губерний, Кутаиси, Цалки, Батуми, Ставрополя и других мест. В 1897 году во Вла-

*Представительница армянской
городской общины*

дикавказе насчитывалось 487 греков.⁷⁷ В связи с угрозой геноцида вместе с армянами из Карской области Турции бежали и греки, пополнившие городскую общину.

Видное место в этнической структуре города принадлежало **евреям-ашкеназам**. В 1804 году им было предоставлено право поселения в Кавказской губернии, администрация которой с особой благосклонностью принимала ремесленников, обеспечивавших городскую жизнедеятельность. Но Северный Кавказ не входил в черту оседлости, поэтому евреи-ремесленники периодически подвергались выселению. В воинских частях, стоявших в окрестностях Владикавказа, служило более 200 солдат-евреев. В армии сложилась практика воспитания еврейских детей-кантонистов. По окончании срока службы им разрешалось жить на Кавказе. В 1863 году они добились права поселения в Терской области. Несмотря на многократные попытки ужесточения режима («Устав о паспортах» и др.), еврейская община укоренилась в городе. Многие евреи не были официально причислены к городским сословиям, годами вели переписку с различными правительственными инстанциями, но жили во Владикавказе. Это были выходцы из Полтавской, Витебской, Могилевской, Минской, Киевской, Волынской и Тифлисской губерний, общая численность которых к 1914 году достигала 1154 человек.⁷⁸

Первые **персы** и **азербайджанцы** появились во Владикавказской крепости. Известно, что в XVII веке Азербайджан стал ареной противоборства между Ираном и Турцией. Мирный договор 1639 года утверждал власть Ирана над Азербайджаном. По условиям Стамбульского мира 1724 года прикаспийские области, включая Баку и Ленкорань, отошли к России, но с 1734 года Иран вернул свой контроль над азербайджанскими землями. В середине XVIII века Азербайджан распался на 15 самостоятельных ханств. По окончании русско-иранской войны 1804–1813 годов, завершившейся Гюлистанским договором, Иран сохранял контроль над Южным Азербайджаном, но отказался от своих притязаний на Северный Азербайджан, т.е. на Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Бакинское, Дербентское, Кубинское и Талышское ханства. После русско-иранской войны 1826–1828 годов к России отошли и другие территории, в том числе Нахичеванское ханство, Ордубадский округ. В результате большая часть азербайджанцев осталась в Иране, меньшая — в России.

В Осетию прибывали мигранты из обеих территорий. Большая часть источников обозначает их общим термином «шииты», в отдельных документах различаются «персидско-подданные» и «русско-подданные» персы. Русско-подданные персы переселились в Осетию из Закавказского края.

Азербайджанцы, именовавшиеся в источниках «русско-подданными персами», стали прибывать в крепость Владикавказ в 1850 году. Это были небольшие миграционные волны выходцев из Закавказья — Елизаветпольской, Бакинской, Тифлисской и Эриванской губерний (Нагорного Карабаха и

внутренних районов). Персидская диаспора в Осетии стала формироваться в конце 1860-х годов в результате отходничества персидских крестьян из Тавриза и его окрестностей. С 1870-х годов стало развиваться отходничество «персидско-подданных», которые переселялись целыми группами из Тавриза и его окрестностей, где экономический кризис, инфляция, безработица высвободили массу рабочих рук. В 1903 году азербайджанцев было 800 человек, а персов — 2 тысячи человек.⁷⁹

В начале 30-х годов XIX века во Владикавказе служила большая группа поляков-офицеров Черниговского пехотного полка и Литовского пионерского батальона, осужденных к ссылке на Кавказ. Она стала ядром этнической группы **поляков**, которая со временем увеличивалась за счет ссыльных, после подавления царским правительством польского восстания в 1863 году, а также за счет рекрутов, прибывших в местные войска в 1867 году. Численность поляков увеличивалась в ходе общей колонизации края. Они переселялись из Варшавской и Воронежской губерний, а также из Прибалтики.

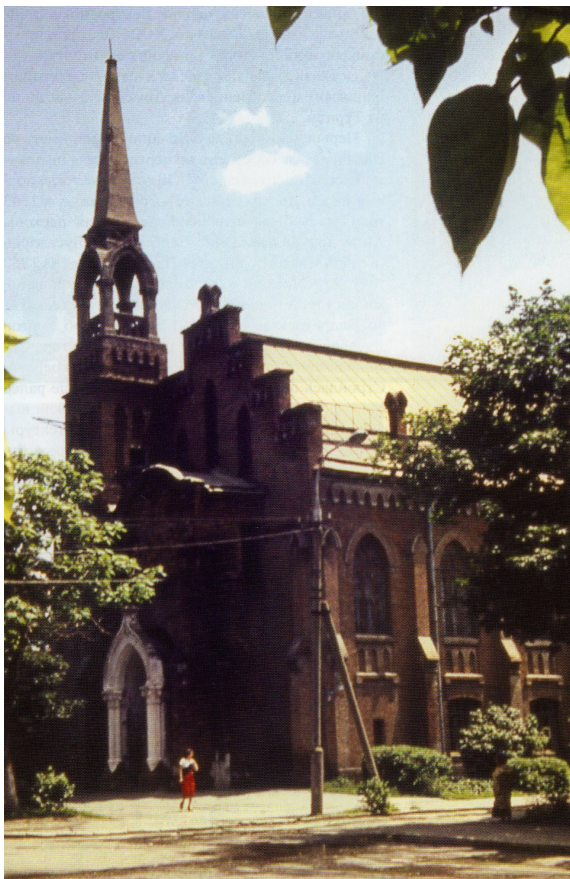
Значительное место в этнической структуре Осетии занимали **немцы**, предки которых поселялись в России в разное время и из разных областей Германии. Основная масса немецких переселенцев обосновалась в России во второй половине XVIII — первой половине XIX веков. Причиной миграции было аграрное перенаселение Германии. В 1764-1774 гг. появились немецкие колонии на Волге, в Санкт-Петербургской губернии, на Украине, в Крыму, а в начале XIX века — в Грузии и Азербайджане. Среди колонистов преобладали выходцы из Вюртемберга, Баварии, Тюрингии, Верхней Саксонии. В течение XIX века образовывались «дочерние» колонии-выселки в Киевской и Харьковской губерниях, в Поволжье, на Северном Кавказе. В конце 1861 года во Владикавказе появились первые переселенцы из Саратовской губернии. К ним позднее присоединились немцы из Нальчика, Моздока и Пятигорска. Они стали первыми жителями Владикавказской немецкой колонии (с 1876 года селение Михайловское). Через 6 лет колонию перенесли на место бывшего Потемкинского поста, располагавшегося в 9 верстах севернее Владикавказа, на правом берегу Терека. В июле 1903 года в Михайловском проживали 773 жителя, среди них семьи Ионаса Арента, Якова Лаука, Михаила Коберта, Якова Майера, Петра Нойбергера и др.⁸⁰ В 1880-ые годы во Владикавказском округе был основан еще ряд немецких колоний, в том числе Эммаус, Дзанхотов-Ларс и др.⁸¹ Большая часть немцев-переселенцев обосновалась в Моздокском округе. В 1914 году в Каново было 272 немецких двора, всего 1990 человек. В начале XX века (1900-1902 гг.) в Моздокском отделе было основано 10 немецких поселений — Матиса, Вобий, Фаммана, Целера, Раймера, Фишера, Цвайгера, Луковича, Говета и Ново-Немецкое.⁸² Численность владикавказских немцев увеличилась с 220 человек в 1882 году до 568 человек в 1911 году.⁸³

В Осетии сформировалась и **татарская община**. После присоединения к России Казанского и Астраханского ханств татары, жившие в пограничных районах, как и казаки, наделялись определенными правами и вольностями. Но в отличие от казаков они входили не в дополнительные воинские подразделения, а в состав регулярной армии. Вместе с российскими войсками они участвовали в Кавказской войне, а после ее окончания многие татары обосновались в Тифлисе, Баку, расселились в городах Северного Кавказа — Ростове, Екатеринодаре, Ставрополе, Грозном, Моздоке, Владикавказе.⁸⁴

Татары участвовали в строительстве и обороне городов-крепостей. Отставные офицеры и солдаты прокладывали Военно-Грузинскую, Военно-Осетинскую дороги, строили шахты, Северо-Кавказскую железную дорогу.

Владикавказская татарская община в основном сформировалась в ходе общей колонизации Северного Кавказа. Ее ядро составили переселенцы из Пензенской и Казанской губерний. Начало формированию татарской общины было положено этнической группой пензенских татар-мишарей, выходцев из Волго-Окского междуречья с Мещерской низменности. В 1882 году их было 320 человек (вместе с ногайцами и каракалпаками).⁸⁵ По материалам Всероссийской переписи населения 1897 года, в город Владикавказ прибыло из Пензенской губернии 676 человек, из Казанской — 108.⁸⁶

Население Осетии формировалось не только в ходе организованных правительством или стихийных массовых переселений, но и небольших «одиночных» миграций из соседних районов — Кабарды, Чечни, Ингушетии.

Лютеранская кирха

Миграции **грузин** в Осетию объясняются в основном экономическими причинами. Переселения происходили из многих уголков Грузии, особенно из сопредельных районов. В Рачинском уезде Кутаисской губернии недовоставало пахотных земель, а в результате ряда неурожайных лет положение крестьян в Рачи значительно ухудшилось. Это стало причиной миграционного потока грузин в Алагир, Владикавказ и Моздок. Нередко они покидали родные места из-за необходимости скрываться от кровной мести. К концу XIX века только во Владикавказе числилось 3033 человека из Тифлисской губернии и 211 человек — из Кутаисской.⁸⁷

Кабардинское, кумыкское, чеченское и ингушское население было представлено главным образом отходниками, прибывавшими на сезонные работы или занимавшимися извозным промыслом.

Полиэтничность была характерна и для Южной Осетии, современная территория которой в XIX веке частично входила в Цхинвальский участок Горийского уезда Тифлисской губернии, восточная ее часть — в состав Ксанского и Квишхетского участков Душетского уезда той же губернии, юго-западная — в состав Онского и Рачинского участков Кутаисской губернии. В этих районах осетины жили совместно с грузинами. С XVIII века здесь стали селиться армяне — ремесленники и торговцы. Впоследствии численность

армянских мигрантов увеличилась за счет беженцев из армянских провинций, захваченных Турцией. Наиболее заметная миграционная волна пришлась на период после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. К этому же времени относится и формирование компактных еврейских поселений. Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в Цхинвальском участке Горийского уезда, то есть на основной части современной территории Южной Осетии, этнический состав населения был представлен следующим образом: осетины — 34478 человек, или 63,4 %; грузины — 17068 человек, или 31,3%; евреи — 2051 человек, или 3,8%; армяне — 753 человека, или 1,4

Владикавказские грузины

%; русские — 38 человек, или 0,1 %.⁸⁸

В пореформенное время проникновение российского капитала, рост промышленного производства, появление железных дорог, перераспределение трудовых ресурсов, рост отходничества привели к изменениям в этнодемографическом состоянии Южной Осетии. В 1902 году в Цхинвальском участке проживало 26 323 осетина (53,5%), 20282 грузина (42,3%), 1630 евреев (2,3%), 1010 армян (1,8%), 18 русских (0,07%) и 17 представителей других национальностей.⁸⁹

Таким образом, в результате буржуазных реформ в России и новой миграционной политики правительства менялся этнический состав Осетии, которая становилась полиэтническим регионом.

Примечания

1. Лурье С.В. Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // Цивилизации и культуры. Вып. III. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С.177.

2. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С.160.

3. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70 годы XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик, 2001. С.73.

4. РГВИА. Ф.38. Оп.30/286. Д.2. Л.117.

5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. С.3.

6. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на кавказско-малоазийском театре. Тифлис, 1910. Т.VI. Ч.2. С.14.

7. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1. С.196

8. Северный Кавказ в составе Российской империи. С.16.

9. Тотоев М.С. К вопросу об общественно-политическом и культурном состоянии Осетии в 30-40 гг. XIX в. // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1948. Т.XIII. Вып. 1. С.28.

10. Абрамов Я.В. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С.12.

11. Эсадзе С.С. Указ. соч. С.35.

12. АКАК. Тифлис, 1904. Т.12. С.51.

13. АКАК. Т.XII. С.50.

14. АКАК. Т.XII. С.52.

15. АКАК. Т.XII. С.52.

16. Осетия в кавказской политике Российской империи (XIX в.). Сборник документов и материалов / Сост. А.А. Хамицаева. Владикавказ, 2008. С.188.

17. Кануков И.Д. Горцы-переселенцы // ССКГ. Тифлис, 1874. Вып.9. С.110.

18. Осетия в кавказской политике Российской империи XIX в. С.208.

19. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов / Сост. Г.А. Дзагуров. Ростов-на-Дону, 1925. С.137-139.

20. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865) // ИСОНИИ. Т.XIII. Вып.1. Дзауджикау, 1948. С.38.

21. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С.234-235.

22. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.6. Д.246. Л.28 об.

23. Там же. Л.22.

24. Там же. Л.23

25. Там же. Л.28 об-29.
26. Там же. Д.247.
27. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.9. Л.68.
28. Чочиев Г.В. Кавказский лидер на службе султанского правительства: ожидания и разочарования генерала М. Кундухова в Османской империи // Б.А.Калоев и проблемы современного кавказоведения. Владикавказ, 2006. С.282-283.
29. Материалы по истории осетинского народа. Т.II. С.33.
30. Осетия в кавказской политике Российской империи XIX в. С.245.
31. Записки Э.С. Андреевского. Одесса, 1914. Т.2. С. 41.
32. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С.175.
33. Авакян Б.Р. Черкесский фактор в Османской Турции (вторая половина XIX-первая четверть XX вв.). Ереван, 2001. С.168-169.
34. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.20. Л.27.
35. Осетия в кавказской политике Российской империи XIX в. С.189.
36. Там же. С. 191.
37. Там же. С. 191.
38. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в–1917 г.). М., 1988. С.210.
39. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX — начало XXв.). Ростов-на-Дону, 2006. С.92-93.
40. Берозов Б.П. Указ. соч. С.158.
41. Гутнов Ф.Х. Века и люди. Из истории осетинских сел и фамилий. Владикавказ, 2001. Вып. 1. С.120.
42. См.: Цаллагов А. Селение Гизель // СМОМПК. Тифлис, 1893. С.8, 18.
43. Там же. С.7, 18, 19.
44. Материалы по истории Осетии. Дзауджикау, 1950. Т.III. С.28.
45. Тедтоев А.А. Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии. Дзауджикау, 1952. С.29.
46. ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.79. Л.9.
47. Материалы по истории Осетии. Т.III. С.21.
48. Там же. С.25.
49. Там же. С. 44.
50. Берозов Б.П. Указ. соч. 1980. С.167.
51. Материалы по истории Осетии. Т. 3. С.44, 45.
52. Берозов Б.П. Указ. соч. С.150.
53. Кравченко Г.И. Коста Хетагуров. Орджоникидзе, 1961. С.18.
54. Берозов Б.П. Указ. соч. С.153-154.
55. См.: Кравченко Г.И. Указ. соч. С.19-20.
56. Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На терских берегах. Очерки об исторических группах старожильского населения Среднего Притеречья. Армавир, 1997. С.57-58.
57. Очерки истории Юго-Осетии. Цхинвали, 1970. С.148.
58. Там же. С.145-147.
59. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987–1990. Т.1. Курс русской истории. 1987. С.50.
60. Берозов Б.П. Указ. соч. С.29.
61. ЦГА РСО-А. Ф.13. Оп. 1. Д.1300. Л.2.
62. ЦГА РСО-А. Ф.13. Оп.1. Д.580. Л.57.
63. Там же. Ф. 11. Оп. 12. Д. 403. Л. 4, 5.
64. Там же. Ф. 12. Оп.2. Д. 308. Л.32; Ф. 20. Оп. 1. Д. 2445. Л.18.
65. Там же. Ф. 20. Оп.1. Д. 2445. Л. 55-56.

66. Сунжа и сунженцы. Владикавказ, 2007. С.8-9.
67. ЦГА РСО-А. Ф.20. Оп.1. Д.97. Л.7.
68. См.: Сунжа и сунженцы. С.13-18.
69. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа // А.Г. Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ, 1997. С.91.
70. Долгушин А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. С.12.
71. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 16. Терская область, 1897.
72. Долгушин А.А. Указ. соч. С.73
73. Семенов Л.П., Тедтоев А.А., Кусов Г.И. Орджоникидзе — Владикавказ: Очерки истории города. Орджоникидзе, 1972. С.22.
74. Канукова З.В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX–начало XX вв.) // Роль России в истории Осетии. Сборник научных трудов/Под ред. В.В. Дегоева. Орджоникидзе, 1989. С.125.
75. Канукова З.В. Старый Владикавказ. С. 29.
76. ЦГА РСО-А. Ф.47. Оп. 1. Д.843. Л.39.
77. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Терская область, 1905. LXVIII. С.150-154.
78. Терский календарь. Владикавказ, 1914.
79. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л.84.
80. Там же. Оп.7. Д.8. Л.81-86.
81. Долгушин А.А. Указ. соч. С.14.
82. Список населенных мест Терской области (Ред. Гортинский). Владикавказ, 1914. С.1-6.
83. Канукова З.В. Старый Владикавказ. С.44.
84. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009. С.158.
85. Там же.
86. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Терская область. LXVIII. С.150-154.
87. Там же.
88. Русские в Южной Осетии. Сборник статей и материалов / Сост. Б.К. Харебов. Цхинвал, 2010. С.13.
89. Там же.

ГЛАВА 5. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОСЕТИИ

Современное состояние жизни российского общества, предпринимающего попытки обновления и реформирования экономики, социально-культурной и политической структур, актуализирует исторический опыт модернизации России и её национальных окраин, своеобразие и закономерности предшествующих обновленческих эпох в истории страны и ее регионов. В данном контексте интересна проблематика осетинской общественно-политической мысли второй половины XIX в., свидетельствующая о сложности и неоднозначности процесса модернизации, выработке способов и методов адаптации традиционного осетинского общества к требованиям жизни в «большом» государстве, к условиям индустриальной цивилизации.

Труды Инала Канукова, Афанасия Гассиева, Георгия Чочиева, Коста Хетагурова, Георгия Цаголова, Алихана Ардасенова и других осетинских просветителей представляют интересный и содержательный срез мировоззренческих подходов, оценок, присущих части горской интеллигенции, стремившейся к выработке наиболее безболезненных способов приспособления существования народа к глубоким политико-административным, социально-экономическим и культурным изменениям, товарному производству и стихии рыночной экономики.

Научно-публицистические статьи и художественные произведения, историко-этнографические очерки и фольклорные записи осетинской интеллигенции издавались в кавказских и столичных периодических изданиях тех лет: «Санкт-Петербургских ведомостях», «Терских ведомостях», «Тифлисском листке», «Казбеке», «Тереке», «Новом обозрении»; ведомственных изданиях: «Военном сборнике», «Кавказском сборнике», «Сборнике сведений о кавказских горцах (ССКГ)», «Сборнике сведений о Терской области (ССТО)», «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), «Кавказском календаре» и др.

Впитав русскую и европейскую культуры, осетинская интеллигенция основательно «переварила» их и освоила, исходя из собственного положения и собственных задач. Глубоко национальный облик этой интеллигенции определило то, что она раньше других социальных сил в наибольшей мере осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно «стоявшим в стороне от истории», вхождение в «большой мир».

Необходимость «догонять» более развитые общества России и Европы, преодолеть отсталость ставили перед осетинским народом непреложный императив обновления производства, социальных отношений, мировоззрения широких народных масс. И в то же время нужно было сохранить социальную и культурную преемственность, обрести культурно-историческую самостоятельность.

Становление культуры, которая не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов — выдвинулось в ряд первостепенных задач северокавказской истории. Эта задача была непроста, требовала глубокого знания специфических особенностей местных традиций и одновременно форм человеческой практики, порожденных европейским прогрессом. И не случайно она захватила сознание тех, чья мысль оказалась наиболее подвижной, не скованной предрассудками традиционной нормы, эмансипированной контактом с русской культурой. За решение этой задачи осетинская интеллигенция смогла взяться именно благодаря своей бикультурности.

Как и их русские собратья, осетинская интеллигенция XIX века выступает выразителем социального, исторического самосознания своего народа в важнейшую эпоху модернизации, эпоху разрушения замкнутых партикулярных ниш и создания универсальных общероссийских пространств экономики, политики и культуры.

Активно отвоевываемая ею причастность к решению задач и проблем общенационального масштаба — причастность, обусловленная не «положением» и местом в иерархии правящей власти, не осознанно-классовыми побудительными мотивами, а свободным размышлением и искренней озабоченностью судьбами края, оказавшегося на трудном историческом перекрестке самобытного и всемирного, — эта причастность и фиксировала собственно ее принадлежность к интеллигенции. На соответствующем историческом этапе (XIX — начало XX в.) осетинская интеллигенция была «разумом» осетинского общества, способным мыслить категориями общенационального и мирового развития.¹

Пореформенный период в идейно-культурной истории Северного Кавказа дал два крупных социально-исторических типа интеллигенции: просветительно-реформаторский и народнический. Два типа интеллигенции

различны по хронологическому признаку (это разные поколения), по характеру идейных влияний и, наконец, по своим социальным характеристикам. Культурный облик первого (просветительского) типа северокавказской интеллигенции начал формироваться в первой половине XIX века, а логика развития второго (народнического) — уже уводит в первые десятилетия XX века.

60-70-е гг. XIX в. — время проведения на Кавказе аграрно-крестьянской и административно-судебной реформ. Широкий спектр вопросов, связанных с адаптацией осетинского народа к глубокой социально-экономической трансформации общества, волнует представителей общественно-политической мысли этого периода: Инала Канукова, Афанасия Гассиева, Георгия Чочиева и др. Творческая активность просветителей концентрируется вокруг блока проблем: просвещения горских народов, формирования новой трудовой и хозяйственной этики, соответствия модернизирующих реформ народной ментальности.

Просветители трезво видят те черты архаики, застойности традиционной горской культуры, которые препятствовали её самообогащению, ассимиляции новых элементов социального развития. Россия, выступавшая в годы реформ модернизатором целого ряда сторон экономической и гражданской жизни горских обществ, являлась в глазах просветителей той силой, которая устраняла косные и консервативные традиции, несла социально-культурное обновление краю. И прогрессивные перемены ожидалась прежде всего от управленческих, бюрократических институтов России, кавказской администрации.

Стремясь воспитать в горце чувство свободной инициативной личности, освободить его от довлеющих над ним феодальных и родовых догм, предрассудков, авторитетов, чужой воли, они разворачивают критику таких традиций, как наездничество, кровная месть, калым, поднимают голос за поработленную и униженную горянку.

Решительная критика косных обычаев во имя свободной человеческой личности основывалась на уверенности в том, что в ходе реформ создаётся правовое государство, защищающее и своих новых граждан. «Чувство мести не имеет уже того свирепого характера, который оно имело, — писал осетинский просветитель Инал Кануков, — ...порывы народные немного обузданы не обычным правом народа, а законами, более гарантирующими человеческую жизнь и придающими ей больше цены, чем эти обычные права»².

Одним из выдающихся представителей осетинской общественной мысли вт. пол. XIX в. был **Инал Дударович Кануков** (1850-1898 гг.). Он родился в 1850 г. в семье тагаурского алдара, подпоручика российской армии. Малолетний Инал получил домашнее воспитание, типичное для отпрыска привилегированного сословия, состоявшее главным образом в обучении воин-

ским навыкам, прислуживании многочисленным гостям отца в кунацкой и уходе за их конями. В итоге «из него воспитывался хороший наездник», знаток горского этикета и народных обычаев.

В 1857 г. отец определил его в Ставропольскую гимназию и находившийся при ней интернат для детей «почетных горцев». Однако через два года Инал вынужден был прервать учебу, так как отец, поддавшись агитации фанатиков-мусульман, решил переселиться с семьей в Турцию.

Маленький Инал стал участником полных трагизма событий. Невероятные страдания переселенцев, смерть близких, потеря имущества, физические и нравственные муки семьи стали потрясением для впечатлительного мальчика. На чужбине Кануковы не обрели «обетованной земли», и через несколько недель пребывания в Турции семья вернулась на родину, на Кавказ. Все пережитое на чужбине навсегда запечатлелось в душе Инала и стало темой многих его произведений.

По возвращении на родину Инал доучивался в гимназии. В ее стенах пробудилось его незаурядное литературное дарование, были написаны первые рассказы.

В 1872 г. И.Д. Кануков получил аттестат зрелости и поступил в Александровское военное училище. С весны 1875 г. молодой офицер был на службе в различных частях, а в 1877 г. принял участие в русско-турецкой войне. В эти годы были написаны все его произведения «кавказского» цикла. (В 80-90-е гг. XIX в. И.Д. Кануков жил на Дальнем Востоке, сотрудничал в ряде печатных органов края. В его публицистике «дальневосточного» цикла поднимались самые актуальные проблемы российской общественно-политической жизни конца столетия)³.

«Кавказские» очерки, рассказы, статьи Канукова освещают знаменательные для Осетии процессы — формирование в первые пореформенные десятилетия новых ценностных ориентаций в обществе, фиксируют складывавшуюся потребность в новой трудовой и хозяйственной культуре, отвечающей условиям нового времени. «Пропало прежнее обаяние к традициям отцов, все внимание народа обращено теперь на практическую сторону жизни...»⁴. Прагматизм и рациональность овладевают сознанием целого народа; он готовится пересмотреть когда-то незыблемые представления о труде и собственности — «современный горец, хотя и верен до некоторой степени

Инал Кануков

традициям отцов даже и при воровстве, но приходит к сознанию неприкосновенности чужой собственности»⁵.

В народе с богатыми воинскими традициями и культурой начинает проглядывать практичность и приземленность. «Как посмотришь теперь да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодною, расчетливою, смотрящею на жизнь с более положительной точки зрения... Теперь вместо того, чтобы совершать набеги вооруженными с ног до головы и пугать мирных путешественников, занялись сельским трудом, понимая то, что в противном случае придется им голодать»⁶.

«Теперь времена другие настали... Пора расстаться с оружием и взяться за соху», — повторяют горцы.

Осетинский просветитель прослеживает судьбу бывшей социальной элиты осетинского общества — алдар, носителей воинских традиций. В ходе драматических исторических событий при столкновении с новой реальностью, с новыми требованиями жизни и в этой среде растет уважение к хозяйственному труду, формируются начатки прагматизма, рационального ведения хозяйства, появляются новые социальные типы.

Первым трагическим опытом для осетинской аристократии было переселение в Турцию в 60-е годы XIX века. Как агонию феодального уклада жизни рассматривает Кануков переселение части мусульманского населения Северной Осетии, прежде всего представителей высшего сословия, в очерках «Горцы-переселенцы» и «Заметки горца», путевых заметках «От Александрополя до Эрзерума»⁷.

Переселение горцев в Турцию было сложным явлением, где переплелись интересы российского правительства, Турции и социальных верхов горских народов. Кануков не дает разностороннего анализа этого исторического явления. В центре внимания просветителя, рисующего драматические события переселенческого движения с неимоверными страданиями мухаджиров, гибелью людей, — роль местных социальных верхов в горской трагедии. «Недовольные нововведениями после покорения Восточного Кавказа» алдары «хотели избавиться от них» в пределах азиатского государства. Не случайно, прослеживая историю переселения горцев в Турцию и отметив, что оно прекращается в 1867 году в силу «весьма важных обстоятельств», он указывает на главный стимул, уводивший феодалов за пределы Российской Империи, — лишение «даровых рабочих рук».

Пережившие тяжелейшую историческую драму горцы, как те, кто остался на родине, так и «обратные» переселенцы, произвели своеобразную переоценку ценностей. В историческом и временном пространстве, в котором очу-

тились горцы после Кавказской войны и проведения реформ 60-х гг., были востребованы уже другие духовные и интеллектуальные качества: «Условия прежней жизни, вырабатывавшие в горце молодецкие качества, искореняются постепенно, ...и идеалы прежних джигитов-абреков становятся достоянием преданий»⁷. Начинаются изменения в психологии северокавказских народов, в специфическом комплексе духовных представлений, способствовавшем развитию характерной для этих этносов воинственности и связанным с ней наездничеством. «Молодечество среди горского населения уже далеко не имеет того могущественного влияния на молодежь, какое имело еще в недавнем прошлом; на молодечество теперь смотрят, как на праздность и полнейшее безделье. Подражателей прежним удалцам укоряют, а не хвалят теперь»⁸.

Кануков дает интересную характеристику уходящему феодальному укладу жизни, которым жил когда-то его отец — тагаурский алдар, укладу, на основе ценностей и норм которого воспитывался будущий писатель. Он описывает этот прихотливый образ жизни с многодневными походами — «балцами», с утонченной этикетностью, торжественными церемониями горской обрядности, с глубокомысленными рассуждениями о конях и винтовках. И никакой идеализации, никакой романтической ностальгии! — Осетинский просветитель смотрит на этот ушедший мир сквозь призму европейской идеологии труда — и этот по-своему цельный мир предстает не более как «праздная жизнь».⁹

Но такова была сила новых исторических обстоятельств, что многие апологеты этого праздного образа жизни вынуждены были начать трудиться. «Отец, поняв свое безвыходное положение и то, что уже холопов, на которых можно было бы возложить работу, не стало, принялся сам работать энергично день и ночь, забыв о том, что он когда-то знал лишь своего серого коня да свое оружие, а черную работу презирал. И благодаря его энергии и удивительному труду, благосостояние наше стало быстро поправляться...»¹⁰.

Просветителя радует, что повседневность во всех ее конкретных проявлениях обретает высший смысл, что постоянная хозяйственная занятость становится нормой жизнедеятельности всех слоев населения Осетии.

Но Кануков указывает на традиции, несовместимые с рациональным и практичным ведением хозяйства, подрывающие его в самой основе, — обычаи калыма, поминока. В очерке «Из осетинской жизни» рассказано о том, как разорилось когда-то крепкое хозяйство крестьянина, женившего одного сына и похоронившего другого¹¹. Нормы осетинской религии и традиционной рыцарской культуры с требованием щедрости, расточительности довели и над хозяйствованием простого горца. То, что копилось упорным трудом целой семьи всю жизнь, — спускалось без сожаления в одночасье.

В статье «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», приуроченной к готовящемуся обсуждению в 1879 году выборами лицами осетинских обществ темы уничтожения «вредных» обычаев, просветитель высказывает надежду на успех этого начинания в борьбе со всем, «что мешает развитию экономических благ народа»¹². Напомнив о неудачной попытке начальника Военно-Осетинского округа Муссы Кундухова приказами бороться с экономической «этикой» адатов, Кануков считал, что «в борьбе с традициями веков... нужна коллективная борьба самого народа против гидры — вредных обычаев»¹³. Но просветитель преувеличивал степень переориентации населения на новые ценности — для него здоровая практичность и трудолюбие уже утвердились в народной массе. «Теперь не составит серьезного затруднения борьба с вредными обычаями, раз только будет признана вредность их»¹⁴. А между тем, как сам он показывал в статьях и очерках, — необходимость борьбы с разорительными обычаями осознавалась лишь отдельными представителями народа.

Подрывали основы хозяйства, по мнению просветителя, и непомерные штрафы, которые обрушивала кавказская администрация на головы горцев за малейшие провинности: «за дерзость», «за ругательство», за то, что «лошадь паслась на чужом покосе», и т.д. Так, с помощью системы штрафов администрация занималась «духовно-нравственным воспитанием туземцев». Штрафы были совершенно несоразмерны с возможностями маломощного хозяйства крестьян и обрекали семьи на совершенное разорение, а подчас и голод.

Но все же новые экономические отношения перестраивают многовековой уклад жизни, формируют новый тип горца-предпринимателя, в душе которого уже полновластно засел капитал, — эдакого горца-буржуа. С большой симпатией Кануков рисует эту новую фигуру для Северного Кавказа, представляющую «тип нашей зарождающейся молодежи», в которой «есть зачатки характера, выработанные обстоятельствами современной жизни». Просветитель верит, что «этими чертами характера будет отличаться вся наша молодежь в близком будущем»¹⁵. Речь идет о таких этических ценностях, как предприимчивость, трудолюбие, способность идти на риск, личная ответственность, целеустремленность в накоплении богатства и развитии производства.

В герое очерка «Горцы-переселенцы» Хасане, выходеце из алдарской фамилии, есть все черты «хозяина», трезвого, практичного человека, способного организовать экономический, материальный мир, заставить его продуктивно работать с выгодой для себя и окружающих. Это действительно новый человек для Кавказа — в центре всей его жизни, менталитета и нравственности находится активная, инициативная, повседневная трудовая деятельность: ни минуты безделья. «Я так привык теперь к хлопотам, что не могу

усидеть ни одного часа и презираю от души человека праздного и бездельного»¹⁶.

Но у него есть и национальный антипод — тип веселого шалопа, празднично шатающегося знатока дворянского этикета, завсегдатая всех случающихся в Осетии свадеб, пирушек и поминок. Данел, герой очерков писателя «В осетинском ауле» и «Две смерти», — тип «известного разряда нашей молодежи» — олицетворяет для писателя уходящий в прошлое дворянский образ жизни, в котором соединены беззаботность и безответственность, праздность и полное нежелание осознать требования настоящего времени и тревоги будущего.

И. Кануков полагает, что у Осетии только тогда будет будущее, когда тип целеустремленного, домовитого, почувствовавшего вкус к собственности труженика начнет превалировать над бездельником, проводящим жизнь в «бесцельных разъездах». И осетинский просветитель верит, что таким деятельным менталитетом будет отличаться «вся наша молодежь в близком будущем».

Просветитель считал, что лишь в накоплении капиталов, в спонтанном народном стремлении к хозяйственному творчеству — залог процветания народа и страны. Сам ход событий, требования новой экономической ситуации, по его мнению, покончат с традициями «набеговой экономики», создадут новую материальную основу жизни. «Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины».

Встреча с европейской цивилизацией заставит уйти в прошлое традиции кавказской бранной жизни с ее воинскими ценностями. Просветитель видит новые горизонты бытия горских народов, где будут ценны красота созидания и глубина интеллекта — он радостно приветствует «зарю новой жизни, жизни труда и мысли».

Одна из основных идей северокавказского просветительства, исходившего из культурно-исторической преемственности Северного Кавказа в эпоху реформ, — идея совместимости, гармонизации европейских форм жизни и сознания с сохранением национальной специфики горских культур. Просветители ставят вопрос не только о преодолении традиций как источника архаики и консерватизма, но и их соответствующей интерпретации и отборе, отвечающих задачам современности. Не механическое перенесение на горскую почву европейских институтов, норм поведения и мышления, а соединение достижений Европы с традиционным строем горской жизни, его творческое преобразование.¹⁷ Просветители заостряют внимание на «смыслообразующих» основах национальных горских культур, на тех духовных структурах, которые в современной науке принято называть ментальными.

Поиски национальной идентичности шли в полемике с негативными или ложноромантическими «мифами» и стереотипами части популярной

этнографической литературы о горцах, прежде всего против эклектичного, наполненного противоречивыми, подчас ложными сведениями труда П.Надеждина «Природа и люди на Кавказе и за Кавказом»¹⁸. Этот, по словам Канукова, «литературный промышленник» повествовал о «жестокости и мстительности чеченцев», о «свирепости и грубости абхазцев», о «воровском характере черкесов», о «диких, без выражения» лицах осетин и т.д.¹⁹

Потребность в исследовании фундаментальных духовных оснований национально-культурного бытия диктовалась, по мнению просветителя, не только сугубо научными задачами углубленного этнографического изучения кавказских народов, но и задачами управленческой практики в крае. «Прежде чем управлять каким бы то ни было народом, нужно понять прежде всего местной администрации дух того народа, среди которого она поставлена, — писал Кануков в очерке «Заметки горца». — ...А между тем начальники местные на Кавказе большею частью совершенно чужды знанию народных обычаев и духа народа»²⁰. На то, к каким трагедиям приводит подобное незнание, просветитель указывает, приводя обширные выписки из труда военного историка генерала Н.Ф.Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Все примеры драматических столкновений властей с горцами, взаимных неприязненных действий коренятся в «непонимании народного духа, с которым нужно всегда соотноситься во всем».

Однако исследовательская активность просветителя объяснялась еще одним, пожалуй, наиболее важным обстоятельством. В годы реформ, в эпоху крутой ломки традиционного уклада жизни элементы европейской культуры, европейских политических и экономических структур вливались в умы и быт горцев столь стремительно и в таких дозах, какие народы просто не могли сразу «переварить». И в этом смысле всегда имела почва для контрреформ, попятных движений. Отсюда просветительская задача: повысить ответственность российского реформаторства на Кавказе, указав ему на некие инварианты исторической судьбы горских народов, на долговременные духовные структуры архетипического или ценностного порядка.

Преобразовательная воля иссякает, наталкиваясь на скрытые социокультурные барьеры.

Россия, выступившая в годы реформ модернизатором горского быта и образа жизни, должна была исходить из культурного разнообразия кавказских народов. «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... на нем лежал долг воспитать горские племена»²¹, — писал, выражая чаяния всех северокавказских просветителей, осетинский мыслитель Афанасий Гассиев.

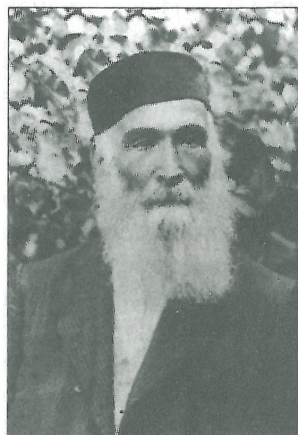
Выдающийся представитель общественной мысли Осетии, философ, патриарх осетинской интеллигенции **Афанасий Абрамович Гассиев** (1844–

1915 гг.) родился в осетинском ауле при Владикавказской крепости в семье простого осетина-крестьянина. Даровитый подросток в 14 лет поступает во Владикавказское духовное училище, а затем продолжает образование в Кавказской духовной семинарии. Исключительные способности позволили ему закончить также в 1871 г. с отличием Киевскую духовную академию и впоследствии много писать и публиковаться по богословским и общественно-гуманитарным проблемам.

Интересовали первого ученого-осетина и различные аспекты русско-кавказских отношений, национальная политика России на Кавказе, в том числе проблема российской реформационной педагогики, направленной на целые народы.

В контексте реформационных преобразований на Северном Кавказе шли поиски национальной идентичности. В центре внимания просветительской историографии — исторически изменяющийся «дух народа», как он представлен в характере его общественных порядков и институтов, в нравах и обычаях образующих его индивидов. Просветителей интересует не судьба отдельной личности, а коллективная жизнь народа, то, что можно было бы назвать «национальной культурой».

Выступив вслед за И.Д. Кануковым с критикой книги П.Надеждина, Гассиев обвиняет автора в хаотичной подаче материала, поверхностности и неуважении к человеческому достоинству горцев и формулирует «научную идею этнографии», указывая на необходимость изучения духовной основы народной жизни как движущей силы значимых для горских обществ процессов. «Как известно, — пишет он, — предметом этнографии служит народ и явления народной жизни. Этнограф касается не одной поверхности своего предмета, но проникает и в глубь его. Никакой народ в отношении бытовом, социальном, моральном и религиозном в этнографии не может быть предметом только одного описания, но должен быть в то же время и предметом исследования анализирующего и объясняющего. Почему? Потому что бытовая, социальная, морально-религиозная стороны народной жизни, взятые в совокупности или отдельно, будут всегда оставаться непонятными без объяснения факторов, из которых они слагаются, без указания происхождения и взаимодействия этих факторов в истории народа. Народный характер, обычаи, нравы, моральное и религиозное мировоззрение, словом, все культурное достояние народа вырабатывается взаимодействием двух факторов: внешней природы (начиная от почвы, на которой живет народ, и кончая самыми отдаленными космическими отношениями страны) и общих племен-

Афанасий Абрамович
Гассиев

ных особенностей физической и духовной организации народа, приобретающих устойчивость еще до начала исторической жизни народа»²².

Гассиев пишет о «народном характере» горцев, а говоря современным языком — феномене ментальности, связывая ее с психической обусловленностью поведения человека, рассматривая ее как выражение на уровне культуры исторических судеб народа, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах.

«Чтобы дать смысл, вложить жизнь в народные обычаи, нравы, надо знать их невидимое основание — думы народного ума и чаяния сердца народного. Результаты многовековой внутренней деятельности народного духа составляют мифология, изречения мудрые народов, сказания о героях народа, об идеальных типах людей, с которыми имеет связь большая часть народных обычаев. Этнографу необходимо знать не только эти результаты духовной жизни народа, — он должен знать и те нужды, которые испытала или испытывала народная жизнь, те средства, которые придумывало для их удовлетворения практическое сознание народа.

Большая часть народных обычаев без знания их психического базиса останется для нас непонятной, темной, а иное в них, пожалуй, представится в совершенно ложном свете»²³.

Как и все северокавказские просветители 60-70-х гг. XIX в., Гассиев был убежден, что реализация программы «европеизации» Кавказа, модернизация горских обществ, вся управленческая практика администрации должна основываться на знании духовных основ национального характера народов региона, их истории, этнографии, фольклора.

Кавказская администрация в целях организации управления и экономического освоения региона всячески поощряла историко-этнографическое изучение Северного Кавказа. 60-70-е годы XIX века — время бурного расцвета российского кавказоведения. Оно сопровождалось развитием на Северном Кавказе периодической печати, организацией здесь филиалов всероссийских научных обществ. Вышли обстоятельные исследования и фундаментальные археографические публикации крупных кавказоведов А.П. Берже, П.Г. Буткова, Н.Ф. Дубровина, В.Б. Пфафа, Д.Я. Лаврова и др. В газетах и журналах публиковались многочисленные статьи, корреспонденции, сообщения о положении различных групп населения, об экономических и культурных потребностях горцев.

Особым интересом к горской тематике, обилием ценных публикаций об историко-этнографическом и культурном прошлом народов Кавказа отличались «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Терские ведомости», сыгравшие к тому же и важную организующую роль в пореформенном кавказоведении.

Все горские просветители, выступавшие на страницах северокавказских изданий с обширными историко-этнографическими или фольклорными публикациями, — ингуши Чах Ахриев и Асланбек Базоркин, чеченец Умалат Лаудаев, адыги Адыль-Гирей Кешев и Дмитрий Кодзоков и др. — в своих трудах, как и Афанасий Гассиев и Инал Кануков, стремились к выявлению и анализу «духа народа», «народного характера» горцев, решая этим не только научные задачи, но и способствуя прогрессивным переменам в жизни соотечественников.

Другая важная проблема, волновавшая А.А. Гассиева, — школьное дело и просвещение в Осетии, в целом на Кавказе.

С начала 70-х гг. в крае утверждается система народного образования, унифицированная с существующей в центральных губерниях Империи. Берется курс на изгнание горских языков и письменности из кавказской школы и утверждается доктрина Министерства народного образования Российской Империи, заключавшаяся в том, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом»²⁵.

Апологетически облагороженная ассимиляция стала с конца 70-х гг. выражением официального курса на европеизацию малых народов России и приобщения их к «русской цивилизации».

Гассиев писал о порочной практике русификации, которой было подчинено школьное обучение, о калечащей умственное и духовное развитие детей казуистической методике преподавания на неведомом горским школьникам языке. «Главная беда или зло наших школ — это язык. Детей учат на неродном или не на родном языке. Ведь, подумаешь, не анахронизм ли это в наш педагогический век!.. Читатель счел бы наивностью с нашей стороны, если бы мы вздумали доказывать ему одно из азбучных понятий современной педагогики — что учить детей надо (т.е. развивать, сообщать им понятия) на родном языке»²⁵. Учащиеся-горцы годы тратят на то, чтобы тупой зубрёжкой овладеть азами русского языка — драгоценные годы, которые их русские собратья посвящают развивающему обучению.

Варварские методы обучения на незнакомом языке навязывались учащимся, по мнению А.А. Гассиева, во имя политической тенденции.

Большой интерес вызвала у Гассиева новая «система просвещения инородцев», разработанная педагогом-миссионером, профессором Казанского университета Н.И. Ильминским. Согласно его теории, религиозно-нравственное просвещение инородцев следовало осуществлять с помощью православных миссионерских школ, в которых первоначальное обучение должно было вестись на родном языке учащихся с одновременным изучением русского языка и последующим переводом преподавания на русский язык²⁶.

Хотя православное миссионерство было главной целью и ведущим началом всей его педагогической системы, объективно Ильминский «действовал в интересах просвещения инородцев»²⁷.

Просветитель выделил положительное начало системы казанского профессора — первоначальное обучение на родном языке и, следовательно, развитие письменности и учебной литературы на национальных языках — «языком обучения непременно должен быть родной язык: занятия в школе начинаются не с ознакомления детей ... с разговорным русским языком, также не с наглядного обучения, но прямо с элементарного курса наук»²⁸.

Система Ильминского, по мысли Гассиева, вполне могла бы быть приспособлена к особенностям Кавказа, будучи дополнена и видоизменена.

Становление образования на родных языках способствовало бы приобщению горских народов к российской гражданственности и ускорило бы их сближение с русским народом. «Население видело бы в школах заботу правительства об его просвещении, на его же языке; не боялось бы навязывания ему русского языка...; следовательно, питало бы к правительству больше доверия...; через распространение образования между туземцами школы с педагогической организацией содействовали бы сближению их с русским народом»²⁹.

Гассиев был исследователем очень разносторонних знаний и интересов, в которые входили не только проблемы народного образования, но и философии и социологии, истории, культуры и теологии религий.

Для Северного Кавказа, населенного в основном мусульманскими народами, проблематика исламской культуры обладала особой актуальностью. Как просветитель, исповедующий европейские либеральные ценности, смотрит А.А. Гассиев на историю и теологическую систему ислама в своих трудах «Коран, его происхождение и образование» и «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения»³⁰. Он сравнивает исламские ценности, исламское понимание достоинства человека в его отношении к Богу — с европейскими и христианскими.

Блестящий знаток текста Корана, он показывает, что истинному учению основателя ислама — пророка Мухаммеда — свойственны веротерпимость, гуманизм, наднациональный универсализм и даже пиетет перед христианством. Гассиев называет Мухаммеда «либеральным пророком Аравии» и считает, что «исторически развившееся мусульманство развилось далеко не согласно с духом и даже учением Корана, много привнесло в себя вражды христианству, и даже фанатизма вообще»³¹. Духу фундаментального ислама, по мнению Гассиева, не чужды вполне европейские идеи развития и равенства всех мировых религий, демократического права каждого народа на религиозное творчество — «кроме равноспасительности трех монотеистических религий, Коран признает даже национализм в религии и идею прогресса, что совершенно не согласно с духом мусульманства и всею его традицией»³².

Особенно импонировала просветителю свойственная учению исламского пророка гуманная форма прозелитизма: «В изречениях Корана о защите и распространении веры преобладает мягкий дух, близкий к веротерпимости. «Никого не преследуй, не нападай, если вера в безопасности» — такова общая тенденция Корана. Только впоследствии мусульманские богословы стали, с крайними натяжками, выводить из истории Магомета и некоторых изречений Корана мысли о распространении религии оружием»³³.

Сам Мухаммед личным примером демонстрировал своим последователям человеческий и благородный характер нового вероучения: «Имея такого пророка — ненавидящего национальную гордость, отличавшегося величайшей простотой и демократическим характером, «чуждого идеи величества» (а тем более, идеи теократического наместника), — могли ли исламисты признать божественным учение, несогласное со всем этим! Видя своего пророка вступающим в дружбу с христианами, заключающим договоры, союзы с евреями, могли ли они сами иначе относиться к ним, принять какой-то догмат человеконенавидения, истребления христиан или последователей Моисеевой религии! «Пятикнижие и Евангелие содержат наставление к свету и добру» — изречение это, любимое для Магомета, постоянно встречающееся в Коране. «Евреев и христиан должно судить по книгам, которые Бог открыл своим пророкам — Моисею и Иисусу, сыну Марии», — эти изречения попадают в Коране неоднократно. Так учит Магомет своих последователей»³⁴.

Подчас в Коране, пишет Гассиев, встречаются строки такой глубины и мудрости, такого современного звучания, что «подумаешь, это говорит какой-нибудь философ-социолог, а не арабский пророк!». Например: «Всякого, кто убьет человека, надо рассматривать, как убийцу ... человеческого рода», «чернила ученого и кровь мучеников имеют одинаковую цену в глазах божьих». «Как и учение божественного основателя христианства, Коран не содержит идеи или принципа национальности; человек, по учению арабского законодателя, есть гражданин мира, член в союзе человечества. В Коране не встретите ничего о племенных, ничего о фамильных преимуществах и рангах»³⁵.

В статье «Ислам и Конституция» Гассиев вступает в полемику с неким невежественным публицистом, уверявшим, «что ислам — религия не терпящая, исключительная религия, претендующая на деспотическое подчинения себе умов и сердец людских, противная духу нашего века, несовместимая с конституцией».

Отвечая этому невежде-ученому и ему подобным, Гассиев настаивает на том, что надо различать истинный дух религии, ее ценности, и те искажения, которым они подвергались в историческом развитии исламских обществ. «Правда, в истории исламских государств были уклонения от либерально-

го духа халифата, созданного Магометом...», — пишет Гассиев. Были в исламской истории и жестокие религиозные войны, и преследования инакомыслящих ортодоксами-фанатиками. Но такими жестокостями, неистовствами догматиков-фанатиков богата и история христианских стран. Гассиев напоминает, «какие дела бывали в истории Византии и Рима; то дела дней минувших, которых, правда, нельзя видеть воочию; но зато о них еще свежо предание, память сохранена кровавою записью на скрижалях истории».

Но это не может скомпрометировать высоту и красоту истин Корана. «Исламизм как догматизированное учение также уподобляется чистому источнику, принявшему в себя нечистые излияния мистиков, схоластиков, поэтистов, политиков и мечедержцев». Поэтому реформированный, очищенный от догматических наслоений ислам, по мнению Гассиева, вполне совместим с идеалами европеизма, демократическими ценностями Европы. «Неужели же мы должны смотреть на основы исламизма с точки зрения дервишей, теологов-мистиков и теологов-фанатиков, или с точки зрения «башибузуков», и «людей крови», убийством мнящих службу приносить Богу! Отчего мусульманство не может сделать с теологической системой то же самое, что сделал Лютер и позднейшие протестанты-рационалисты с догматикой Рима? Отчего исламиты не могут согласить все свои религиозные и социальные установления с чистым учением Корана, как те церковную жизнь с Евангелием или Библией?»³⁷.

Реформация ислама, по мысли А.А. Гассиева, освободила бы те потенции развития, которые заложены в Коране, дала бы мощный толчок социальному, экономическому и культурному прогрессу мусульманских народов Кавказа и всей Азии.

Однако Гассиев указывает и на те стороны исламской культуры и ментальности, которые для него несовместимы с европейскими идеалами свободы и развития. Таким предстает исламский «фатум» — «как учение, не мирящееся с духом современной цивилизации и с идеей свободного развития общества»³⁸. Вера в судьбу, в безусловную предопределенность Богом всех поступков и помыслов человека не только заглушает в нем сознание нравственной ответственности за свои действия, но и «подавляет энергию человеческой личности, убивает в человеке дух изобретения, отнимает у него силу в житейской борьбе, исход последней представляя воле Аллаха, и всем этим служит препятствием на пути развития мусульманских обществ»³⁹.

Абсолютную несовместимость с современностью обнаруживала, по его мнению, мусульманская концепция брака и вообще отношение Корана к женщине, ее достоинству и ее правам. Возражая европейским историкам-исламоведам, полагавшим, что, религиозная реформа Мухаммеда улучшила положение аравийской женщины, Гассиев писал, что «религиозным законодательством он (Мухаммед. — Ред.) освятил рабство женщины, заменив

право обычая, оспариваемое законом, религиозным, неоспариваемым,... характером и направлением своего учения унизил достоинство женщины и вне общественного ее положения как нравственной личности». Мусульманский полигамный брак — это «неестественный, ненормальный» брак, скорее «исторически выработавшаяся форма господства мужчины над женщиной, чем форма общения, сожительства двух полов». Именно эта сторона исламского образа жизни должна будет испытать в будущем наибольший нажим требований современной цивилизации — «где гарем, там немыслимы ни равенство двух личностей, ни свобода женской личности, там рабство женщины. Таким является мусульманский брак, этот особенный род невольничества, который Европа, вероятно, также уничтожит рано или поздно»⁴⁰.

Выявляя исторические причины низкого социального статуса женщины в северокавказских обществах, её бесправия и угнетения, Гассиев в статье «Нечто о положении женщины у горцев-мусульман» указывал не только на нормы горского патриархально-родового быта горцев, но и сервильные традиции мусульманства.

Необходимость нравственной, интеллектуальной, социальной эмансипации горянки была одним из «драгоценнейших убеждений» всех осетинских просветителей. При решении женского вопроса им свойственен оптимизм, вера в необратимость исторических перемен. «Скорому осуществлению этого заветного желания помешают предрассудки, которые обрекали горянку на долгое и долгое рабское положение, каковое может улучшить лишь одна цивилизация, против напора которой не в состоянии устоять никакие предрассудки и обычаи», — писал Инал Кануков. И эту безусловную веру в будущее просвещенной осетинской женщины, веру в прогресс разделял и Афанасий Гассиев. (Дальнейшая общественно-политическая и творческая активность Гассиева приходится на начало XX века, когда он выступил с рядом работ, где решались важные и актуальные проблемы истории и современности: русско-кавказские отношения; причины преступности в Осетии и на Кавказе; земельные отношения в северокавказском регионе, развитие буржуазных отношений в горском селе)⁴¹.

О положении осетинской женщины писал и Георгий Чочиев, молодой представитель осетинского Просвещения. В своем исследовании «Осетинская женщина» он сетовал на то, что в Осетии нет равноправия между женщиной и мужчиной, женщина является великой труженицей — воспитательницей, знатоком рукоделия, домохозяйкой — и в то же время существом, над которым неограниченно властвует мужчина. Первейшей задачей Г.Чочиев ставил освобождение женщины от патриархальных оков, защиты ее человеческого достоинства и прав, усиления роли матери в воспитании детей⁴².

Георгий Фомич Чочиев (1856-1885 гг.) — видный представитель передовой осетинской интеллигенции второй половины XIX века, жизнь и дея-

тельность которого до сих пор недостаточно изучены. Его труды по широкому кругу осетиноведения: истории, этнографии, культуре, религии осетинского народа, и сегодня не потеряли своего значения. Он ушел из жизни, не достигнув и тридцати лет, и не успел проявить в полной силе свой богатый духовный и творческий потенциал.

Г.Чочиев родился в 1856 г. в с. Ортеви в семье известного в Южной Осетии народного учителя-самоучки Фомы Чочиева.

Получив блестящее по тому времени образование в Тифлисской духовной семинарии, а затем и в Киевской духовной академии, Г.Чочиев начал свою трудовую деятельность учителем в Джавской народной школе. Литературное наследие Г.Чочиева состоит из множества небольших статей, опубликованных в основном на страницах грузинской прессы: «Дроеба», «Мцкемси». На русском языке им написаны три статьи для «Юридического обозрения» и для газеты «Кавказ».

Во всех работах Чочиева отчетливо прослеживается его гражданская и личная позиция по многим волнующим его и общество вопросам.

Видя безысходное экономическое положение крестьянских масс Южной Осетии, Чочиев в своих публикациях защищал интересы крестьянства, отображал его борьбу против помещиков. Особое внимание им было уделено хизанскому вопросу. В результате безземелья и перенаселенности осетины-горцы были вынуждены переселяться в Карталинскую долину и искать пристанища на помещичьих землях. Помещики принимали переселенцев, заключая с ними бессрочные договоры, согласно которым крестьяне оставались лично свободными, но были обязаны платить помещикам подать (хъалон). Такие переселенцы назывались хизанами. После отмены крепостного права помещики, на землях которых жили хизаны, пытались превратить их в арендаторов земли и тем самым сохранить власть над ними.

Этот наболевший вопрос стал предметом острых дискуссий и на страницах периодической печати, активное участие в которых принял и Г.Чочиев. Он писал, что хизан, как и других крестьян, независимо от времени их переселения на помещичьи земли, необходимо наделить земельными участками, а превращение хизан в арендаторов не должно иметь следствием закабаление их помещиками.

В статье «Хозяйственное положение осетин» Чочиев подвергает анализу вопросы ведения крестьянского хозяйства, дает рекомендации по улучшению культуры земледелия, демонстрирует хорошее знание экономического быта горцев-осетин. Этим же вопросам посвящена статья «Голоса из Южной Осетии»⁴³.

В ряде журналов и газет на грузинском и русском языках Г.Чочиев публикует материалы по широкому кругу просвещения и культуры южных осетин.

Им изданы такие очерки и статьи, как: «Вести об Осетии», «Осетинская азбука», «Леон Батонишвили среди осетин», «Праздники в Осетии», «Осетинские легенды», «Набеги чужих племен на Осетию», «Взгляды осетин на будущее». Эти и другие статьи Чочиева стали заметным явлением в культурной жизни Осетии. Г.Чочиев много работал над переводами (с грузинского и русского на осетинский), над книгами и очерками, которые по своему содержанию были направлены против отживших нравов и обычаев старины. Он был страстным противником тех предрассудков, которые мешали, по его мнению, осетинам выйти на арену культурной жизни (калым, кровная месть, разорительные поминки). Этим вопросам посвящены статьи «Потусторонняя жизнь», «Уважение покойных», «Харнаги».

В сферу интересов Г.Чочиева входили и вопросы истории осетинского народа. Много внимания он уделял истории возникновения осетинской письменности, посвятив ей статьи: «Осетинский алфавит»,⁴³ «О первых духовных книгах на осетинском языке»⁴⁴, «Маленькая заметка»⁴⁵.

Он подчеркивал огромную восприимчивость и стремление осетин к просвещению, которые в новых исторических условиях быстро усваивали все положительное в культуре более развитых народов. «Осетинский народ очень быстро приобщается ко всякому новому и быстро приобщается к другой, новой жизни, которую он до сих пор не знал... Основой распространения просвещения является школа. Народ это ясно должен представить себе и сделать все возможное для ее развития. Вместо разорительных «харнаги» (поминки) и «ирæд» (калым) народ должен расходовать свои средства на содержание школ»⁴⁶.

В целях сохранения самобытной национальной культуры Чочиев призывал бережно относиться к предметам материальной культуры (посуда, утварь, одежда, оружие), собирать их и изучать. Он справедливо считал, что «наличие таких предметов обогатит историю Осетии». Ему первому в Осетии принадлежит инициатива о необходимости начала историко-археологических исследований в крае.

Большое значение Чочиев придавал духовным ценностям, пронесенным народом через века и сохранившим их в своей памяти. Это, в первую очередь, устное народное творчество. Г.Чочиев правильно считал, что «...в народном творчестве рисуется вся жизнь народа, ход его исторического развития»⁴⁷. Он выражал обеспокоенность тем, что с годами некоторые произведения фольклора забываются, и их нужно записать своевременно, пока они еще сохраняются в памяти народа. Особое внимание Г.Чочиев уделил сказаниям о Нартах, называя Нартский эпос «бесценным богатством духовной культуры осетинского народа». Сам он записал и опубликовал в периодической печати несколько осетинских легенд: «Три грека»⁴⁸, «Кавказский Прометей»⁴⁹, «Божий гнев»⁵⁰ др.

Большое место в творческом наследии Г.Чочиева занимает проблема распространения христианства в Осетии. Этой теме он посвятил ряд своих работ. В них подробно анализируется история распространения христианства в Осетии с древнейших времен до 80-х гг. XIX века. В исследовании «Распространение христианства в Осетии» он пишет: «Семена христианства в Осетию проникли очень рано, почти в первом веке. Тогда на Кавказе христианство проповедовали святые апостолы: Андрей, прозванный первым, Тадеоз, Семен Кананский и Варфоломей — святой, который почти весь Кавказ обошел и привел к христианству большое число абхазов, сванов, осетин и других».⁵¹ Красной нитью через работы Г.Чочиева о христианстве в Осетии проходит мысль о необходимости церковной проповеди в Осетии на родном языке.

Не оставило равнодушным Чочиева и время правления царицы Тамары, ее усилия по распространению христианской религии. При ее царствовании в Осетии было построено множество церквей, в которые были направлены грузинские миссионеры. Г.Чочиев указывает на развалины тридцати церквей, построенных царицей в Осетии, самая известная из которых — Нузальская — сохранилась и до наших дней. Церковную тему Г.Чочиев развивает в статье «Развалины церквей в Осетии»⁵².

Патриот своей родины, глубокий знаток культуры и языка осетинского народа, поборник дружбы и взаимопонимания между народами, Георгий Фомич Чочиев осуждал всякие проявления межнациональной неприязни, внес весомый вклад в изучение грузино-осетинских культурно-исторических взаимоотношений. Талантливый исследователь и просветитель собирался работать для своего народа долго и плодотворно, но тяжелая болезнь не дала осуществиться его планам. Несмотря на раннюю смерть, Г.Чочиев оставил после себя большое творческое наследие и добрую память.

Осетинские интеллигенты следующего поколения 80-90-х гг. XIX вв. (А.Г. Ардасенов, Г.М. Цаголов, К.Л. Хетагуров и др.), сохранив моральный императив просветительской интеллигенции 60-70-х гг., их озабоченность гуманитарно-духовными аспектами преобразований, сумели усилить их аналитическим инструментарием исследователя. Они дают характеристику кризисному и противоречивому характеру развития капитализма на Северном Кавказе, анализируют становление товарно-денежных отношений в крае, достоинства и отрицательные последствия рыночной экономики для народов Северного Кавказа, ставят вопрос о необходимости модернизации всех сторон жизни. Исследователи обосновывают важную роль интеллигенции в осознании горскими народными массами задач модернизации, исторической ответственности интеллигенции в этот период.

Выдающимся представителем общественной мысли Осетии и всего Северного Кавказа пореформенного периода был **Алихан Губиевич (Алексей Гаврилович) Ардасенов** (1852-1916 гг.) — талантливый ученый-экономист,

публицист, общественный деятель. Родился А.Г. Ардасенов в с.Эльхотово в простой крестьянской семье. Окончив Владикавказское окружное горское училище, а затем Московскую земледельческую школу, он поступил в Петербургский земледельческий (лесной) институт, который блестяще закончил в 1874 г. со степенью кандидата сельского хозяйства и лесоводства. В Москве и Петербурге он активно вовлекается в деятельность революционных народнических организаций «чайковцев», московского «Общества пропагандистов», становится руководителем Владикавказского народнического кружка. В 1876 г. он был арестован в Москве за революционную пропаганду и затем около 10 лет провел в тюрьме и ссылках. Он мужественно выдержал тяжелейшие условия ссылки в самых отдаленных и суровых краях России — в Иркутской области, Колыме, Сибири⁵³.

Алихан Ардасенов

Вернувшись из ссылки на родину в 1885 г., он посвятил себя общественной и научной деятельности, работал в области лесного хозяйства Закавказья, опубликовал ряд статей в кавказской периодической печати. Самая крупная и глубокая его работа — это обширный очерк «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», изданный отдельной книгой в 1896 г. в Тифлисе под псевдонимом «В.-Н.-Л.» («Вера, надежда, любовь»)⁵⁴. В этом замечательном исследовании, не потерявшем своего значения и по сегодняшний день, А.Ардасенов предстает как талантливый экономист, историк, этнограф, блестящий знаток и наблюдатель изменяющейся горской жизни.

В центре внимания А.Г. Ардасенова — историческая «встреча» отставшего традиционного общества (а он пишет преимущественно об осетинах, осетинском обществе, хотя касается и чеченцев и ингушей) с европейской цивилизацией, включение в мировой процесс буржуазного развития (через российский рынок) аграрного по преимуществу региона. Происходит столкновение двух различных фаз исторического развития, что несет в себе, с исторической, экономической и социально-культурной точек зрения, ряд оригинальных черт развития.

В начале очерка автор дает краткую характеристику социально-экономического состояния докапиталистических горских обществ, всецело живших натуральными формами хозяйства, где ни один промысел не развился до степени ремесла, где сильно родовое начало. Здесь не знали вовсе товарно-денежных отношений, ограничиваясь лишь меновыми связями, — и тем разительнее был контраст с реальностями пореформенного развития. «В на-

стоящее время туземцы Северного Кавказа вступают в новый период жизни, — пишет А.Г. Ардасенов. — Современная торгово-промышленная жизнь начинает касаться их все более и более, благодаря улучшенным путям сообщения, в особенности железным дорогам, сблизившим пространства и народы. Новые экономические отношения, в которых горцу приходится теперь действовать волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию»⁵⁵.

Благодаря железным дорогам в громадной степени возрастает ввоз на Северный Кавказ товаров не только русских, но и европейских фабрик и заводов. И А.Г. Ардасенов подмечает интересное явление — у горского населения, еще продолжающего «великое дело производства... в унаследованных исстари формах»⁵⁶, начинает быстро формироваться новая система социальных потребностей — и не на собственной экономической основе, а на основе включения во всероссийский и, шире — мировой рынок. Так, автор пишет об «увеличении потребностей несоразмерно с производительностью труда»: «Склад и характер хозяйства, способы и приемы хозяйствования, за весьма незначительными изменениями, остались прежние, до сей поры; изменились потребности, вкусы, желания. Встретясь с другой, более развитой жизнью, впечатлительный горец ясно, так сказать, при свете дня, увидел все несовершенство своей жизни. У него словно разбежались глаза. Хочешь, не хочешь, а нужно подражать, заимствовать, покупать»⁵⁷.

Человечество обычно решало проблему отношения между потребителями и производителями либо в условиях традиционного общества — сохранением статичности потребностей, либо, наоборот — в условиях современной капиталистической цивилизации — ростом потребностей, включая потребности в формировании, освоении более совершенных форм труда, воспроизводства. Когда же в обществе, с одной стороны, складывается опережающее развитие потребностей в различного рода благах, а с другой, — оно сталкивается с недостаточной способностью их удовлетворять в результате отставания потребностей в развитии эффективных форм труда, воспроизводства, то можно говорить о переходном характере общества, причем переходность эта не просто временное сосуществование «традиционного» и «современного» элементов в рамках единого общества, но возникновение некой новой общественной целостности со своими особыми закономерностями развития⁵⁸.

Диспропорция между оказавшимися внезапно «разбуженными» потребностями горских народов и реальными нищенскими возможностями их удовлетворения, ее причины, последствия — вот основные темы очерка А.Г. Ардасенова.

Первую часть своего труда автор посвящает анализу тех особенностей исторической, социальной и культурно-хозяйственной жизни горских народов XVIII — нач. XIX века, которые предопределили особый драматизм и резкость этой диспропорции в условиях капитализирующегося Северного Кавказа.

Трудно еще найти в истории пример столь полной хозяйственной автаркии. Господство натурального хозяйства, неразвитость элементов общественного разделения труда, торговли, скудость горской экономики при нехватке земли и постоянной напряженности, вызванной межродовыми и межплеменными конфликтами, — все это сформировало чрезвычайную немногосложность потребностей горских народов. Труд был столь мало-производителен, что «потребности господина и его слуги были почти одни и те же»⁵⁹.

С массовым переселением горцев на плоскость, окончанием Кавказской войны, проведением модернизирующих реформ Северный Кавказ все более включается в общероссийский экономический процесс. «Конец 60-х годов можно считать тем поворотным пунктом, с которого горцы-осетины, так сказать, лицом повернулись к русским, — пишет Ардасенов. — ...Шатания горца начинаются приблизительно с 70-го года; до этого времени он еще чуждался и сторонился всеми силами влияния современной цивилизации»⁶⁰. Тогда и начинается рост новых социальных потребностей, принявший столь бурный характер еще и вследствие определенных сторон традиционных социально-этических ориентаций — не случайно Ардасенов ищет разгадку в «восприимчивости и разорительной силе подражания, в высокой степени свойственной тщеславным горцам».

Быстрый рост потребностей рождает такой интересный феномен общественного самосознания, как бедность. Ведь ранее, в дореформенное время, несмотря на крайнюю скудость своих жизненных средств, горец не чувствовал себя бедным. Теперь же он начал соотносить убогие объективные обстоятельства своей жизни с новой развитой духовной мерой. Пытаясь разобраться в этом явлении, автор отмечает: «Причина всему этому лежит не в абсолютной бедности современных осетин — нет. Он не беднее прежнего.

Сумма всех жизненных средств не меньше, чем было прежде, напротив, она даже больше. Абсолютно горец богаче, относительно — беднее прежнего. Загадка кроется в увеличении потребностей несоразмерно с производительностью труда...»⁶¹. Отсталость выражает собой более низкий уровень общественного развития одного народа по сравнению с другим, то есть иные диспропорции, нежели понятие «бедность». Ведь критерием бедности и богатства является не только и не столько предметно-вещественное богатство, сколько его измерение той системой потребностей, которая в это время развилась у данного народа, слоя, индивида.

«В добрую старину горец-осетин, несмотря на свою бедность вообще, мало в чем нуждался, — пишет Ардасенов. — ...Его потребности все были налицо, известны заранее, и он удовлетворял их трудами рук своих, мало завися от кого бы то ни было. От этого он обладал душевным спокойствием, позволявшим ему спать спокойным сном человека, чувствующего прочность своего положения, а потому довольного и счастливого»⁶². Приведенное рассуждение — вовсе не идеализация Ардасеновым дореформенной Осетии и патриархального быта. Чувство обеспеченности, надежности существования — один из наиболее активных нормативных принципов традиционного сознания; его крушение всегда переживается чрезвычайно болезненно⁶³. «Будучи еще в своей привычной среде, со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, не имея у себя таких потребностей, которые, в сущности, не мог удовлетворить без того, чтобы не лишить себя и детей насущного хлеба, — он был бесконечно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее. Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических отношений и влияний — начались и бедствия»⁶⁴.

Внимательный и вдумчивый наблюдатель, Ардасенов описывает многочисленные перемены, охватившие все стороны жизни горцев: в домостроении, где вместо традиционной горской сакли возводятся европейского вида дома, крытые черепицей, с мебелью, кухонной утварью; в быту, где европейское платье вытесняет черкеску — «поэтический горский костюм»; в хозяйстве, где большая часть орудий труда — уже изделия мануфактурной и заводской промышленности.

Давление на горское население новых потребностей повело к быстрой товаризации натурально-потребительских хозяйств, к энергичному вовлечению горских народов, когда-то отличавшихся презрением к торговле, в товарно-денежные отношения. Однако большая часть поступавшей на рынок товарной сельскохозяйственной продукции оказывается мнимотоварной, ибо она является не избыточной, не прибавочной, а необходимой, то есть в горском хозяйстве, оставшемся при прежних способах труда, не было рыночного излишка. «Ничего не делая сам из перечисленных предметов хозяйства, — откуда он берет средства на все это?» — спрашивает публицист. И показывает далее, что товаризация идет за счет недоедания, недопотребления горцев. «Важнейшим вопросом жизни у горцев стал вопрос о деньгах. Какими путями доставать их, чтобы удовлетворять новым потребностям усложнявшейся жизни? Не производя ничего уже сам, не умея делать деньги, откуда возьмет горец тот всеобщий эквивалент, без которого в наш век не обходится ни один смертный... Взять проклятый всеобщий эквивалент неоткуда горцу. Поэтому он должен по необходимости, в ущерб питанию семьи, малых деток, значительную часть молока, мяса, сыра и пшеницы сносить на рынок и превращать в деньги»⁶⁵.

Появление товарной культуры (кукурузы, которую выращивали прежними примитивными методами) еще более усилило недопотребление широких масс. «В денежных же видах... горец стал вводить в свой севооборот и кукурузу, уменьшив в ущерб своему питанию посевы пшеницы... Важнейшие продукты хозяйства исчезают, минуя желудки производителей. Главнейшею пищею сделался сухой кукурузный чурек с сыром, подчас тощим»⁶⁶. Ардасенов показывает, как горское крестьянство чисто экстенсивно, то есть, оставаясь при прежних отсталых способах труда, приспособлялось к рынку, занимая под кукурузу, имевшую спрос, все большие и большие площади. «Продажей кукурузы хотели удовлетворить потребность в деньгах, ради которых современный горец не задумается заложить свою душу»⁶⁷. Однако и такое приспособление имело свои границы — у горских народов было мало земли. «Громаднейшая часть земли и лесов из рук первоначальных владельцев перешла в руки победителя и распределилась между казной, чиновниками и казаками. Что касается туземцев, то они обделены землею», — отмечает публицист⁶⁸.

Общество, пронзительно ощутившее свою бедность, «оскорбленность» бедностью, не может не переживать мучительный процесс поиска выхода из создавшегося кризисного состояния. «Между тем жизнь идет вперед безостановочно и быстро. Годы мелькают перед глазами горца как верстовые столбы. В этом быстром движении он не принимает никакого активного участия, но оно его увлекает вместе с собой, не давая опомниться. Что же ему делать? Вечно быть на хвосте, составляя простое декоративное дополнение, или двигаться без цели и смысла — глупая, неприятная вещь и, кроме неприятности, влекущая за собой гибель народа!»⁶⁹.

Оказавшись перед вызовом истории, вызовом невиданных, неведомых прежде обстоятельств, горец пытается искать ответ в наличных пластах традиционной культуры — «однако из его упорных дум ничего не выходит путного. Он заглядывает в прошлое и ничего не видит там, кроме розни, вечной войны и драки; глядит вокруг, в себя, в свое хозяйство, но и тут никакой поддержки, ни одной спасительной опоры...».

В поиске выхода из кризисной ситуации было преодолено массовое негативное отношение к торговле: «При таком положении мысль беспомощного горца невольно останавливается на разных *средствах* («амалах») помочь своему горю, между прочим, и на торговле. «Амалта канин кау нир царинан!» («Надо изыскивать средства для существования. — Авт.) — говорят постоянно осетины. Прежде не было никакой надобности в этой фразе. Горцу не приходилось ломать голову о том, какими средствами жить? Он знал все это очень определенно. Теперь прежних основ его хозяйства недостаточно, новых еще не приобрел, и вот он бьется и мечется во все стороны: «амал! амал!...».

Внедрение товарно-денежных отношений в экономику отсталого края (автор описывает характерный «торговый бум» — возникновение десятков и сотен лавок, большая часть которых тут же разоряется и закрывается) без соответствующего развития производительных сил, неэквивалентный обмен — разоряют горские хозяйства, приводят к гибели ремесло, к массовой пауперизации населения, образованию армий мигрантов, покидающих села и устремляющихся на различного рода временные заработки, отхожие промыслы.

Таким образом, в центре внимания Ардасенова те же проблемы, что волновали и русских народников-экономистов — разрыв между торговой сферой и производственной, между потреблением и производством в российской деревне, где разорение крестьянства шло быстрее, нежели становление капиталистических форм хозяйствования⁷⁰. Народнические экономисты-теоретики апеллировали к выдвинутому К.Марксом в «Нищете философии» тезису о том, что в развитии капитализма на Западе определяющим фактором было производство, на основе которого развивалось потребление и обращение. Они доказывали, что своеобразие российского капитализма — в наличии «искусственного» обращения, шедшего за счет недопотребления крестьянского населения, а не роста производства⁷¹. Именно на этой, подчеркнутой ими особенности становления капиталистических отношений в российской деревне строилась народническая концепция «сокращения» внутреннего рынка вследствие прогрессирующего обеднения широких народных масс и «буксование» российского капитализма.

В очерке А.Г. Ардасенова нет таких обобщений, его задачи скромнее и конкретнее. Основная тревога публициста — разрушающее воздействие рынка на традиционное хозяйство, массовое обнищание горцев. Еще сильнее деструктивное воздействие буржуазных отношений на социально-психологическом и культурном уровнях. Рушатся старые ценности, но на их место не приходят новые. Горец «видит, как его родная, знакомая почва уже ускользает из-под его ног, как зданию его культуры наносятся удары один за другим, один сильнее другого. Оно получило уже трещины, и мало-помалу отваливаются кирпичики, его составлявшие...».

Публицист видит появление кулака, но это не тот предприниматель, о котором мечтал И.Кануков, а хищник, рожденный паразитирующим стяжательством: «...Увлечение торговлею, оборотом начинает создавать среди туземцев особое сословие хищников-кулаков, по своим приемам и проделкам представляющих подобие русским кулакам, только мне кажется, еще более грубых, жадных и жестоких»⁷².

Одно из интересных наблюдений Ардасенова — те или иные элементы традиционных структур, отношений и ориентаций не только разрушаются, но подчас возрождаются, получают как бы новый импульс. Таким явлением

он считал распространение хищений и воровства, находя их своеобразной модификацией традиционных набегов. «Воровство увеличилось в значительной степени, превратившись из более снисходительного, рыцарского, так сказать, благородного — в нечто мелкое, позорное, жульническое... стала тоже мечтой всех... Желание войны ничем другим в настоящее время не мотивируется, как необходимостью нажать проклятую копейку»⁷³.

И Ардасенов снова и снова подчеркивает — в основе всех явлений деморализации, падения нравов, криминализации общества — фундаментальная диспропорция, несбалансированность между системой потребностей и отсталыми способами труда в горском хозяйстве: «...Главнейший и существеннейший фактор, определяющий современную физиономию воровства, лежит глубже — в новых условиях социально-экономической жизни горца... Воруют же больше потому, почему стали налегать и отводить душу в вине, почему, как угорелые, стали бросаться во все стороны, занимать всевозможные положения вне дома и хозяйства, мечтать о войне и торговле, тщетно ища себе всюду хоть какого-либо облегчения и выхода. Горцу необходимо во что бы то ни стало удовлетворить своим новым потребностям...»⁷⁴.

Какие же пути предлагает Ардасенов для преодоления переходного состояния горской экономики? Необходимо, считал он, остановить чисто экстенсивное приспособление горских народов к рынку, поднять производительность труда через усвоение агрономических знаний, более усовершенствованных методов обработки земли, новых сортов семян, орудий и т.д.; надо перестать быть этнографическим дополнением к цивилизации, воспринимая лишь ее потребительские стандарты, и войти в рынок производителями, широко перенимая у передовых народов производственные навыки и технические достижения. Как ни малочисленны подобные примеры, а публицист их любовно подмечает. Так, он пишет о жителях некоторых осетинских сел (алагирцах и ардонцах), владикавказских осетинах, которые, «подвергаясь с давних пор непосредственному влиянию новых условий жизни, ... успевали и раньше, и лучше других приспособиться и вовремя воспользоваться услугами правительства по просвещению. Рядом с этим, в постоянном общении с русскими, они давно принялись за разные ремесла, изменили во многом способы хозяйствования и живут относительно лучше. В среде их много сапожников, столяров, кузнецов и мелких торговцев, ведущих свои дела довольно толково. У них же, прежде всего, приютилась культура плодовых деревьев. Но вследствие своего особого благоприятного положения, названные горцы составляют исключение»⁷⁵.

А.Г. Ардасенова интересуют адаптивные возможности в процессе модернизации северокавказских обществ. Он анализирует и условия хозяйствования, и традиционную горскую хозяйственную и социальную культуру. Ведь чем более сложившейся, развитой является добуржуазная культура обще-

ства, тем больше у него возможностей — при прочих равных условиях — преодолеть переходный период на пути к модернизации. Культуры тех или иных обществ являются неодинаковыми по своим потенциям к развитию, показывают различные предпосылки к модернизации.

Стремительно нараставший земельный голод обнажил, заострил глубокий раскол массовых потребностей: с одной стороны, в горском обществе складывается опережающее развитие потребностей в различного рода благах и атрибутах цивилизации, с другой, — оно столкнулось с недостаточной способностью их удовлетворять в результате отставания потребностей в освоении, развитии соответствующих форм труда, воспроизводства. «Увеличивающийся с каждым годом недостаток земли должен бы, казалось, заставить горцев заботиться о поднятии производительных сил своего земледельческого хозяйства путем введения новых приемов обработки, удобрения, ухода и т.п., но этого не замечается совсем: туземцы и в настоящее время занимаются земледелием так же, как занимались отцы и деды их на плоскости».

Хозяйственная культура традиционных горских обществ представляла собой неадекватную, крайне неблагоприятную архаичную основу для снятия раскола и формирования массовой потребности в эффективных формах сельскохозяйственного труда. «Прогресс земледельческой культуры оказывается делом чрезвычайно трудным и непосильным горцу за короткое время его мирной жизни. Не нужно забывать низкой ступени его простого, элементарного хозяйства, которое не так-то легко поднять сразу. Культура целых отделов хозяйственных растений (садовых, огородных и в особенности промышленных) горцу неизвестна вовсе. Немудрено, если его начинает тянуть на сторону, на другие роды деятельности, могущие скорее, чем земледелие и занятие хозяйством, удовлетворить не терпящим отлагательства потребностям»⁷⁶.

Так, Ардасенов указывает на отсутствие навыков рационального ведения хозяйства. Он пишет о «разорительном способе строить дома и вообще жилые помещения...». Такой же нерациональностью и «рыцарской» расточительностью отличались и все другие сферы хозяйства: «По свойству горского хозяйства, в нем все потребляется в большом количестве без существенной пользы и ничего не экономизируется».

Довольно высокая земледельческая культура, существовавшая у горцев в период проживания основной массы населения в горах, являлась экстремальной формой хозяйственной культуры, возникшей под воздействием суровых исторических и природных обстоятельств. Экстремальная хозяйственная культура существует ограниченное время, для нее характерно затухание по мере прекращения действия внешних по отношению к хозяйственной культуре факторов⁷⁷.

«Вместе с переходом на плоскость горцы сразу покончили с теми более совершенными приемами обработки земли, какие употребляли, живя в горах.

Простор освободил их почти от всяких забот по обработке земли. Осетины, например, совсем перестали удобрять почву, словно забыли совсем о значении удобрения, за редкими исключениями перестали полоть пшеницу, употреблять орошение и т.д.»⁷⁸.

Снижали адаптационные возможности общества и отсутствие внутреннего единства и консолидации, целостности социального космоса, неразвитость гражданских форм общежития у горских народов. Поэтому А.Г. Ардасенов не выдвигает, по примеру русских народников, альтернативного европейскому типу модернизации самобытного пути развития. Горец, по его мнению, не мог идти «своей собственной дорогой, ибо для этого он не имел под собой достаточно прочных культурно-исторических оснований»⁷⁹.

Недостаточная зрелость, сформированность добуржуазного общества, национальных культурных традиций может обернуться при столкновении с могучей цивилизацией Европы угрозой быстрой ассимиляции. «Судя по теперешнему ходу дел, — пишет Ардасенов, — можно смело сказать, что горцы не вынесут испытания без сильного ущерба для своих национальных особенностей».

Итак, горские общества оказались в сложном переходном состоянии, в промежуточной ситуации между двумя цивилизациями: традиционной и современной. Контакт с динамичной современной (европейской) цивилизацией задал динамизм потребностей в материальных благах, в качестве жизни, достойной жизни; отставание потребностей в развитии, освоении новых форм труда сохраняло горские общества в рамках традиционной цивилизации, традиционных форм воспроизводства общественного организма на основе статичного идеала⁸⁰.

Необходимо было или дать ответ на вызов истории, или оказаться перед угрозой социального распада.

Но перед этой модернизационной проблемой стояла в XIX — нач. XX века и Россия в целом. «Мощной движущей силой модернизации в России является исторически сложившееся противоречие между ростом массовых потребностей в благах и недостаточным, неадекватным ростом потребностей в новых, более сложных квалифицированных формах труда, общественного воспроизводства, возможно требующих подъема на новый уровень культуры, что абсолютно необходимо для удовлетворения роста потребностей в благах»⁸¹. Можно лишь отметить особую глубину раскола массовых потребностей на Северном Кавказе конца XIX века (зафиксированную А.Г. Ардасеновым), ввиду чрезвычайного динамизма усвоения новых потребностей в благах, задаваемого этико-культурными ориентациями горских обществ, с

одной стороны, и полной неадекватностью традиционной хозяйственной культуры требованиям современности, — с другой.

«...При столкновении двух цивилизаций побеждает более развитая в социально-экономическом отношении, — писал в конце своего очерка Ардасенов. — В данном случае победит, конечно, европейская, с ее более высшими экономическими формами промышленности и торговли. Вся задача национальной выгоды туземцев заключается в том, чтобы путем образования как единственного средства приспособиться к новым условиям жизни, возможно скорее и с честью пережить критическое время борьбы и испытаний, т.е. без окончательной нравственной порчи и падения»⁸².

Говоря о необходимости для горских народов приспособиться к экономическим условиям нового времени, А.Г. Ардасенов имел в виду становление на Северном Кавказе подлинно производительного современного сельского хозяйства и промышленного производства. И здесь главную роль он отводил образованию. Он выдвинул идею образования как национальную идею для горских народов, как идею выживания этносов.

Только образование, верно угадывающее пульс времени, упреждающее развитие будущего, освобождающее от оков архаики и консерватизма, может помочь горским обществам без катаклизмов преодолеть разрыв между старым и новым, снять цивилизационную неадекватность.

В приобщении горцев к знаниям, в глубокой перестройке, переориентации горских культур он главную надежду возлагал на интеллигенцию. Для нее это «дело высшей национальной гордости». Без помощи интеллигенции, полагал А.Г. Ардасенов, северокавказским народам не вырваться из «переходного состояния». Стихийное же развитие приведет к «раскрестьяниванию» нации, гибели самобытных культур, деморализации и криминализации общества.

«Отсюда для передовой части общества, — писал, обращаясь к осетинской интеллигенции, Ардасенов, — вытекает обязанность, серьезнее которой и быть не может; она энергетически должна вмешиваться в нашу жизнь и пробудить ее к деятельности, сделать предметом настойчивого своего изучения ту борьбу на мирной социально-экономической почве, которая происходит в настоящее время между нашей культурой и более развитой европейской цивилизацией с ее капитализмом. В самом деле, как эта последняя воздействует и каким влиянием подвергает она строй не только хозяйственный, но и всей нашей жизни? Что нами воспринимается полезного и что, напротив того, вредного? Какие заметны уже и теперь изменения в направлении и характере народного хозяйства, торговли, промышленности, земледельческой культуры и проч.? Путем такого изучения мы могли бы вовремя подсказать народу то, что ему более всего нужно, чего он ищет и не находит, над чем задумывается в нерешительности или делает опыты без всякого руководства

и указаний, — словом, облегчить ему переход к новым условиям жизни, к новым орудиям и формам труда, помочь выпутаться из затруднений переходного времени, могущем в недалеком будущем принять самый опасный характер, привести к экономическому кризису»⁸³.

Внедрение новых интенсивных методов агрокультуры, культивирование в народной среде установок на производительное, коммерчески ориентированное сельское хозяйство, воспитание ценностей трудолюбия и рационального хозяйствования — все это было делом жизни А.Г. Ардасенова. Эти цели он ставил перед собой, являясь членом «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», по заказу которого и написал «Переходное состояние горцев Северного Кавказа». (Членами «Общества...» были видные представители интеллигенции Кавказа — Г.Цаголов, М.Кипиани, Дж. и Гац. Шанаевы, Г.Баев, В.Шредерс, Н.Лавров, Г.Вертепов и др.).

«Переход к новым условиям жизни, к новым орудиям и формам труда» являлся задачей сложнейшей, непосильной для еще немногочисленной осетинской, и в целом северокавказской интеллигенции. Перипетии переходного периода на Северном Кавказе, и в целом в России, действительно приняли «самый опасный характер» — с начала XX века Россия вступает в период революций и гражданских войн.

Непреходящая актуальность обширного наследия А.Г. Ардасенова, и прежде всего его выдающегося исследования «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», ставит перед кавказоведением задачу анализа особой межформационной, межкультурной фазы, переходного периода социально-экономического и культурного развития северокавказских народов конца XIX в., рассмотрения осетинской истории нового и новейшего времени через призму задач модернизации.

Георгий Михайлович Цаголов (1871-1939 гг.) — талантливый публицист, яркий представитель осетинской демократической культуры конца XIX — нач. XX вв. Наиболее значительная часть его многообразной общественно-политической, публицистической и литературной деятельности приходится на начало XX века. Но и его первые публикации 90-х гг. XIX века охватывали самый широкий спектр актуальных проблем жизни горских народов Северного Кавказа; уже в раннем своем творчестве он показал себя как убежденный демократ, защитник обездоленных слоев горского общества, незаурядный исследователь

Георгий Михайлович Цаголов

осетинской культуры, истории, этнографии. О своей работе он писал: «Меня сжигал неугасимый огонь желания говорить о зле и неправде жизни, бороться против них. Я кипел в этой борьбе. Горел»⁸⁴.

В многочисленных статьях, публиковавшихся в 90-е гг. в кавказских изданиях (таких как «Казбек», «Терек», «Северный Кавказ», «Новое обозрение» и др.), затрагивается ряд тем: история народного образования в Осетии, проблемы педагогики, преподавание на родном языке; генезис осетинской интеллигенции, ее взаимоотношения с властью и ответственность перед народом; аграрная политика кавказской администрации и ее последствия; положение горской женщины в обществе и проблема её эмансипации и др.

Особой глубиной и аргументированностью, обилием статистических материалов отличались его статьи, посвященные земельному вопросу в Осетии, и в целом на Северном Кавказе. Один из первых в северокавказской общественно-политической литературе он сосредотачивается на анализе тенденций зарождения и развития капитализма в осетинском селе конца XIX в., классовом расслоении горских обществ. Характеризуя тематику своих работ, он отмечал: «Писал стихи и рассказы, но основной работой являлись статьи, посвященные выяснению нужд и потребностей трудовых масс горских народностей Северного Кавказа и защите их интересов, предававшихся наглому и жестокому всеоптанию со стороны: во-первых, кавказской администрации и петербургских бюрократов, во-вторых, горских буржуазных и сословно-привилегированных элементов. Вместе с тем приходилось бороться и против той части горской и вообще кавказской интеллигенции, которая упорно не хотела видеть происходящего в горской деревне расслоения крестьянства и проповедовала необходимость сотрудничества горской крестьянской бедноты, горской буржуазии, горского дворянства и горских помещиков»⁸⁵.

Г.Цаголов указывает на политику царизма как главную причину безземелья горцев. «При определении поземельных прав горских обществ, — писал он, — наша администрация допустила не мало таких ошибок, последствия которых еще долго будут тормозить экономическую жизнь горцев... Происходила страшная путаница. Явилась, неведомо откуда, масса претендентов на значительные участки земли... Стало процветать везде лакейство. Только простой народ остался в тени. А начальство работало и работало, кроя и перекраивая разные участки... В результате — масса частных землевладельцев и почти безземельный народ... Масса осетин нагорной полосы осталась вовсе без земли...»⁸⁶. Поэтому такой дружный отпор всей северокавказской интеллигенции, независимо от оттенков политических убеждений, встретило намерение российского правительства, вслед за объявлением лесов собственностью казны, сделать государственным владением и все остальные земли в горах⁸⁷.

Требование закрепления за горцами права собственности на свои земли, составлявшие единственную экономическую опору горских хозяйств, сделалось национальной формой протеста, мерой, могущей поставить хоть какой-то заслон ненасытному аграрному аппетиту кавказской администрации.

Однако требование закрепления сложившихся земельных отношений в нагорной полосе разрешало, по словам Г. Цаголова, «только часть общей суммы неотложных нужд края». Настоящее решение вопроса публицист видел в том, чтобы дать нуждавшимся дополнительные земельные участки. Публицист активно искал средства, которые помогли бы если не решить проблему, то сгладить ее остроту.

Г.Цаголов главное средство «смягчения» аграрного кризиса в крае видел в переселении безземельных крестьян:

- 1) на казенные земли Терской области;
- 2) на частновладельческие земли путем их покупки⁸⁸.

Безусловно, все эти меры, далекие от идеи конфискации крупной земельной собственности (постановка ее была немыслима в подцензурной печати. — Ред.), при условии их реализации могли лишь несколько облегчить экономическое положение крестьян. Но уже к концу 90-х гг. XIX в. в публицистике Г.Цаголова — лучшего знатока аграрного вопроса на Северном Кавказе, происходит определенная эволюция, выдвигается требование радикальной аграрной реформы, ликвидации помещичьих латифундий крупного частного землевладения.

В 1894 году (серия статей «Дигорские отголоски») Цаголов описывает характерный тип осетинских кулаков — «пауков» — «вся цель жизни которых, все помыслы и мечты, вся деятельность направлены к тому, чтобы как можно скорее разбогатеть... Законы гражданские, совесть, нравственность, человечность — для этих людей — одни лишь ничего не означающие звуки...»⁸⁹. Пока еще Цаголов рассматривает кулачество как случайное, возникшее благодаря стечению неблагоприятных обстоятельств явление. Непонимание причин появления новых эксплуататоров определяет и те меры, которые предлагаются для ликвидации «зла» — это учреждения мелкого кредита, просветительская деятельность школ, помощь администрации и т.д.⁹⁰.

Впоследствии, вновь и вновь обращаясь к проблеме кулачества, Цаголов показывает, как крепнет этот властелин деревни, как начинает играть центральную роль на селе. В одних статьях он описывает, как кулак начинает контролировать распределение мирских денежных расходов и сбор налогов⁹¹, в других — как кулак прибирает к рукам общинные земли, паразитируя на многочисленных докапиталистических пережитках⁹². Появляется уже социальное определение обособившейся группы, всплывает термин «сельская буржуазия».

Спасение от надвигающегося социального бедствия Цаголов видит в сохранении общины, как средства, способного защитить крестьян от «всех социальных треволнений и неурядиц». Об этом он писал в статье «Безземелье в Осетии». Сравнивая земельную обеспеченность горцев и плоскостных осетин, Цаголов отмечал, что в горах каждый хозяин имеет право продать свой участок, и поэтому там быстрее развивается безземелье, на плоскости же разорению крестьян препятствует община. Еще более определенна в этом отношении статья «Заметки из осетинской жизни (Новые веяния)». «Общинное землевладение, — отмечал здесь автор, — это одно из самых главных условий благосостояния сельского землевладельческого населения, это оплот против всех социальных треволнений и неурядиц»⁹³. Идеализация общины абсолютизировала вполне реальное явление: та или иная система традиционных связей (община, род) обладает определенной устойчивостью, может некоторое время противостоять разлагающему влиянию буржуазных отношений, ибо обеспечивает минимально сносное существование. К. Маркс отмечал «амортизирующие» свойства крестьянской общины: при самых неблагоприятных условиях она «не только не вызывает нищеты, а наоборот, одна только и смягчает ее»⁹⁴.

Однако уже статья «Культурное движение среди осетин» свидетельствует об определенных раздумьях автора. Процесс расслоения крестьянства становился очевиден, обнаруживал для Г.Цагорова буржуазный характер мероприятий, на которые надеялась демократическая интеллигенция: банков, кредитов, коопераций. «Ведь всем и каждому известно, что устроить сельский банк, значит, взять у бедняков последнюю копейку и отдать ее богачу-кулаку, чтобы он этой копейкой выколотил из горба оборванного хозяина целковый на свою собственную потребу»⁹⁵, — писал Цаголов. Народ, казалось, исчезал, размывался в процессе социальной эволюции, классово поляризовался и постепенно, по мнению Г.Цагорова, переставал быть «народом». «В этой родине, в этом народе, в этой Осетии, какой бы угол мы ни взяли, в настоящее время благополучно существуют социальные группы с самыми противоположными интересами».

Впоследствии он более определенно формулировал свое понимание дифференцировавшейся деревни, отмечая, что «деревня не представляет из себя чего-то однородного. Деревенское буржуйство и трудовое крестьянство... Богачи и голытьба... эксплуатирующие и эксплуатируемые»⁹⁶. Призывая осетинскую интеллигенцию трезво оценивать социальный распад «народа» и определить свое отношение к каждой из дифференцированных групп, Цаголов отмечал, что «...от того или иного направления деятельности зависит возможность ориентироваться в средствах..., возможность не биться головой об стену, возможность согласовать свое движение с более крупным мировым движением и не затыкать шапкой кратера Везувия»⁹⁷.

Увлеченность идеей социального распада единого «народа» подчас вела к безразличию части интеллигенции к категории национальности, как выражающей систему духовных ценностей. «Для традиционного интеллигентского сознания существовала ценность добра, справедливости, блага народа, братства народа, но не существовало ценности национальности... национальность представлялась не самоценностью, а чем-то подчиненным другим отвлеченным ценностям и благам»⁹⁸.

Вот и Цаголов пишет: «...родина, народ, Осетия — нечто туманное, расплывчатое, неясное, трудноосязаемое». Не случайно эти слова встретили такой протест со стороны Коста Хетагурова⁹⁹.

Чем явственнее обнаруживала себя с конца XIX века капиталистическая эволюция деревни, тем менее могли удовлетворить такого крестьянского демократа, как Цаголов, старые теории. Упования на помощь государства, надежды на общину, планы артельной промышленности, кооперации были скомпрометированы, ибо не могли остановить дифференциации деревни, пауперизации крестьянства. На смену старым взглядам является новая теория — прогноз о некапиталистической эволюции деревни при условии радикального решения земельного вопроса. Пролетаризация крестьянства и засилье кулаков-мироедов в деревне прекратятся, если дать крестьянину землю, экспроприировать помещичью земельную собственность¹⁰⁰. Усугубившийся антикапитализм начинал определять боевой демократизм.

О новом понимании причин социальной дифференциации крестьянства говорит статья Г.Цаголова «Заметки из осетинской жизни (Из истории сельской буржуазии)»¹⁰¹. Доказывая, что расслоение современной ему осетинской деревни — совершившийся и закономерный факт, Цаголов делает экскурс в историю Осетии и находит в ней, начиная с XI века, все атрибуты капиталистического общества.

Различные поиски аналогии в истории должны быть фундированы соответствующими стадияльно-формационными характеристиками. Иначе можно без труда обнаружить капитализм и в Древнем Риме, против чего в свое время решительно возражал К. Маркс¹⁰².

Столь смелую аналогию Цаголов основывает на наличии острого малоземелья в современной ему пореформенной деревне и средневековой горской, где оно было обусловлено природными обстоятельствами. Именно нехватка земли, по его мнению, и вызвала в Осетии XI века острую борьбу за ее обладание, и как следствие — резкую социальную дифференциацию, формирование класса сельской буржуазии. Появляются и совершенно безземельные — абреки, которых Цаголов считал «в буквальном смысле пролетариатом, не находившим в силу тогдашних социальных условий приложения для своего труда». Публицист явно смешивал паупера с пролетарием. «Мы видим..., — пишет Цаголов, — что уже в XI веке Осетия достигла такой

хозяйственной дифференциации, что здесь появляются настоящие капиталисты то в качестве хозяев производства, то в качестве посредников между местными производителями (кузнецами, оружейниками и др.) и внешним рынком. Мы видим, что здесь рано уже раздался звон «деньги», видим те условия, которые вызвали этот звон, и те следствия, которыми он сопровождается. Конечно, нельзя сказать, чтобы степень этого экономического развития была равна степени современного товарно-капиталистического развития. Но для нас это и не важно; важно для нас то, что одинаков тип развития»¹⁰³. Социологическая модель развития капитализма в сельском хозяйстве, которую выстроил Цаголов, включала в качестве основных компонентов генезиса нехватку земли и товарно-денежные отношения (существующие, кстати, во всех докапиталистических формациях).

Установление «русского владычества» также «не могло уничтожить дифференциации и распространить здесь экономическое равенство». Несмотря на переселение осетин в предгорья и долины, земли все равно было мало — по политическим соображениям администрацией был санкционирован институт крупного частного землевладения. Со второй половины 60-х годов XIX века введение российским правительством денежных повинностей, рост потребностей, все большая зависимость хозяйства от рынка означали, что «вновь над Осетией стали сгущаться тучи товарно-капиталистического строя». Еще более усугубляется дифференциация, крепнет кулак. Столкновение кулаков с остальной крестьянской массой и олицетворяет для Цаголова социальную борьбу — борьбу, «перипетии которой, собственно говоря, и составляют главное содержание современной осетинской деревенской жизни»¹⁰⁴.

Такая дифференциация представляет из себя «основную тенденцию современного строя», т.е. «нормальный ход жизни, необходимо вытекающий из существующего порядка вещей» (т.е. существование крупных земельных латифундий и опоры строя — самодержавия). Следовательно, измените «существующий порядок вещей» — и прекратится капиталистическое обезземеливание, всевластие кулака, пролетаризация крестьянства. Так в публицистике Цаголова проглядывали контуры неонароднической теории о возможности экономического равенства крестьянства в условиях товарного производства при условии наделения их землей.

У Цаголова есть ряд статей, посвященных чисто «рабочим» вопросам: положению пролетариата крупных предприятий и положению мелкого мастерового «люда», взаимоотношениям рабочих и хозяев, мерам защиты рабочих от произвола собственников¹⁰⁵.

Называя рабочее движение «разладом между капиталом и трудом», Цаголов в осторожной, но вполне определенной форме излагает известное марксистское положение, что новый общественный строй явится результатом классовой борьбы: «История учит нас, что начавшийся уже разлад между

капиталом и трудом есть вполне законное и ничем не устранимое явление современной общественной жизни. Вызванное к жизни предшествующими историческими условиями, оно, несомненно, является этапным пунктом в развитии общества. Здесь по одну сторону этого этапного пункта, кончается один период истории, а с переходом через этот пункт по другую его сторону, должен начаться новый период, которому, несомненно, будут совершенно чужды многие из недостатков предшествующего периода»¹⁰⁶.

Марксисты единственного сторонника социалистических исканий находили только в пролетариате, а крестьянство рассматривали в лучшем случае как необходимого, но временного союзника, поддержка которого являлась одним из условий победы рабочего класса.

«...Русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России», — так звучала марксистская мысль. Прямолинейное противопоставление прогрессивности одного слоя населения (пролетариата) патриархальности, неразвитости, традиционализму бытия другого (крестьянства) включало в себя не столько превознесение достоинств и порицание недостатков, сколько прагматизм целевой установки и одномерность политического суждения.

Для Г. Цаголова как крестьянского демократа эксплуатируемое крестьянство было столь же непосредственно заинтересовано в социализме, сколь и пролетариат. Более того, именно крестьянский, а не рабочий вопрос выдвигался как центральный, а крестьянство рассматривалось как класс, имеющий не переходное, а постоянное значение — класс, который должен составить главную движущую силу будущих преобразований.

Бросая марксистам обвинение в невнимании к крестьянству, Цаголов доказывает — «именно там, в заброшенной и забытой ими деревне, на самой, так сказать, груди нашей матери-земли, находится главная кузница, в которой выковывались, выковываются и будут выковываться судьбы человечества»¹⁰⁷.

Один из замечательных представителей общественной мысли осетинского народа, гуманист и демократ Г.М.Цаголов мечтал о том времени, «когда сам свободный народ будет распоряжаться своими судьбами».

Самым масштабным и талантливым представителем общественной мысли Осетии и всего Кавказа конца XIX века был **Коста Леванович Хетагуров** (1859-1906 гг.). Он удивительно сочетал в себе разносторонность ред-

К.Л. Хетагуров

кого таланта поэта, прозаика, драматурга, художника-живописца, публициста, политического деятеля, историка и этнографа. Творчество К.Хетагурова посвящено самым актуальным проблемам общественно-политической жизни всего Кавказа, думам и чаяниям народа родной Осетии. С именем Коста в народной памяти осетин связано все лучшее, светлое, возвышенное. «Коста — гений, творец, альтруист, путеводная звезда униженных и оскорбленных — вот понятия осетин, из которых слагается народный памятник поэту-гражданину»¹⁰⁸.

Творческая и политическая деятельность К.Хетагурова, как и всего поколения горской интеллигенции 80-90-х гг. XIX в., протекала в условиях углубляющихся социальных противоречий на Северном Кавказе, вовлекающемся в процесс буржуазного развития. Общественная мысль данного периода — это в первую очередь реакция образованного меньшинства северокавказских обществ на происходившие в крае и стране в целом гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры.

Будучи человеком разносторонних знаний, К.Хетагуров освещал в своих трудах многие вопросы истории и культуры осетинского народа, такие как происхождение осетин, русско-кавказские культурные связи, взаимоотношения с Грузией и Кабардой, роль просвещения как важнейшего фактора прогрессивного развития осетин и других горцев, роль интеллигенции в общественной культурной жизни горских обществ, земельный вопрос в Терской области, и на Кавказе в целом. Тематика проблем, волновавших Коста, огромна.

Продолжая традиции предшествующего поколения северокавказских просветителей, Хетагуров, как и все горские общественные деятели конца XIX в., выступает против отживающих феодальных и архаичных институтов и нравов, от феодального землевладения до обычаев наездничества, кровомщения, калыма.

Пропаганду нового образа жизни Коста мыслит не просто как распространение суммы знаний, а как гражданское воспитание горских народов. «Чтобы осетина заставить сознательно отрешиться от всего, что связано со словом ирæд (калым. — Ред.), надо воспитать его не только до отрицания словесной розни, но и до признания полнейшего равенства женщины и мужчины»¹⁰⁹, — писал Коста Хетагуров. Великий поэт и публицист всегда осознавал масштабы своей гражданской деятельности: «Я, осетин, Коста Хетагуров, художник, поэт, народный певец, всю жизнь мою посвятил воспитанию наших и всего Северного и Южного Кавказа...»¹¹⁰ — запишет он в набросках «Автобиографии».

Одной из побудительных причин всего творчества К.Хетагурова было желание сохранить традиционное осетинское социально-культурное насле-

дие, «славные традиции наших дедов». Боязнь «раскрестьянивания», пауперизации крестьянства — основы «народа», вызывалась не только тем, что Коста сочувствовал ему как «труженику» и «бедняку», но и потому, что «народ» — это носитель целостной социальной культуры: отношений солидарности, моральных традиций, скрепляющих общество. В статье «Зиу» он напоминает своим землякам о «лучшем традиционном обычае взаимопомощи «зиу», где «каждый осетин от всей души откликался на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов...». Руководствуясь нормами традиционного гуманизма, горцы в старину «внимательно относились к своим бедным, больным, потерявшим способность к труду, пострадавшим от стихийных разрушительных сил...»¹¹¹.

В то же время, наряду с вниманием к позитивным традиционным ценностям и обычаям, в деятельности и мировоззрении всей северокавказской интеллигенции явственно стремление к развитию, индустриализации. К.Хетагуров в статье «Накануне», отметив, что «промышленность на Кавказе... стоит на крайне низкой ступени развития», указывает на необходимость ряда неотложных мер «для развития производительных сил богатейшего в мире края»¹¹².

«Весь вопрос сводится только к тому, каким способом разрешат великую задачу поднятия производительных сил нашего края», — писал К.Хетагуров. И, безусловно, его идеал будущего развития был демократическим, включавшим не только сохранение окружающей среды и сочетание промышленного прогресса с хозяйственными интересами крестьянства, но и незыблемость тех человеческих и социальных ценностей, которые создавались веками.

В 80-е годы с наступлением реакции по всей стране, «свертыванием» реформ, быстрым социально-культурным распадом традиционных горских обществ начинает тускнеть в глазах интеллигенции идеал просвещенной бюрократии. Если в 60-70-е годы северокавказские просветители возлагали все надежды на кавказскую администрацию и видели свое предназначение в интеллектуальном «наставничестве» власти, то такой демократ 90-х гг. как Коста находится уже в прямом конфликте с властью. Чем более девальвируется для него цивилизаторская миссия правительства, тем интенсивнее становятся поиски контакта с народными массами, усиливается ориентация на социальные и духовно-культурные поиски передовой русской общественной мысли.

«Всю мою жизнь посвятил борьбе с администрацией Кавказа...», — пишет Коста Хетагуров в набросках «Автобиографии»¹¹³. Смысл и содержание этой яростной борьбы сконцентрированы в публицистике Коста, весьма показательной для иллюстрации того, с какой остротой и драматичностью переживаются в народническом сознании столкновение традиционного строя народной жизни со всеми новшествами, которые приносят в соци-

ально-экономическую структуру общества вторгающиеся в него капиталистические отношения.

Публицистика Коста, включающая несколько десятков статей в кавказских и столичных газетах, многообразна по тематике, но вся объединена одной мыслью, одним сквозным тезисом — невозможностью обновления, достижения социального и экономического прогресса горцев при игнорировании их национальной специфики, их многовековых традиций социальной организации и духовной культуры. Эта проблема, варьируясь в ряде статей, опубликованных в «Северном Кавказе» («Владикавказские письма», «Накануне», «Внутренние враги» и др.), получила свое итоговое, обобщающее освещение на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в статье «Неурядицы Северного Кавказа»¹¹⁴.

Статьи Коста вскрывают разящее противоречие реальной практики северокавказской администрации с провозглашаемыми благими целями, невозможность в рамках такой практики «гармонизации» европеизации с горской культурой. Результатами «просветительской» политики, особенно в годы «кахановщины», были — замыкание горцев в рамках их аулов, подавление в них чувства собственного достоинства — нечто прямо противоположное тому, что содержало Просвещение как элемент европейской культуры, тому, что несло в себе Эпоха Просвещения.

Венцом полицейского рвения администрации и лично генерала С. Каханова было Решение от 15 марта 1891 г., которым было запрещено проживание туземцев одной национальности в пределах поселения другой национальности; тогда же была введена паспортная система. Политика административной и территориальной изоляции дополнялась набором репрессий за любое выражение протеста: арестами, ссылками на остров Чечень, в отдаленные губернии России, в Сибирь, экзекуциями и т.д.

Коста, на страницах своих статей подробно описавший полицейскую вакханалию «цивилизаторов», приоткрывает и буржуазную подоплеку столь жесткого режима для горских народов: «просветителям», одержимым желанием использовать открывающиеся на Кавказе возможности для «предприимчивости» и обогащения, источником их превосходства представляется стремление внести новые формы материального производства и деятельности. Неразвитость таких форм и ориентаций в горском обществе истолковывается как достаточное основание для лишения населения всякой самостоятельности и подчинения его принудительной дисциплине. «Если туземцы..., — пишет Коста в статье «Накануне», — не выработали, да и не могли выработать в себе никакой предприимчивости и духа частной инициативы, т.е. всего того, что у других народов является или в силу экономической необходимости, или в силу развивающегося духа подражания, то, во всяком случае, эти же «дикари» сумели сохранить такие традиции, какими может гордиться луч-

ший европеец. Рыцарская неприкосновенность чести, святость долга, верность данному слову и многое другое до того присущи каждому туземцу, что с ним следовало бы считаться всем тем, кто действительно является к ним с просветительскими целями»¹¹⁵.

Традиционная горская этическая культура никак не вписывалась в буржуазную цивилизацию, не приемлющую те формы социальности и человеческой духовности, которые не укладываются в ее идеал практичности, утилитарности, рациональности. — «... всякая неблагоприятная эксплуатация их (горцев. — Ред.) непочатых сил и богатств всегда будет вести к неравной борьбе капитала с местными традициями, что, в конце концов, должно будет разрешиться если не вымиранием, то или полнейшим экономическим, или нравственным упадком населения», — отмечал Коста.

В борьбе с разорительными обычаями ревнители практичности доходили до абсурда — требовали «уничтожения священнейшего и гуманнейшего кавказского обычая гостеприимства»; с отвержением действительно консервативного в горских обычаях — ограничивали свободный доступ на традиционно многолюдные горские свадьбы и похороны — «эти два торжества в земной юдоли».

Борьба с консервативными обычаями, такими как калым, кровная месть, поминки, которую вели штрафами и «вымогательством общественных приговоров», приводила только к поверхностной аккультурации, — по словам Коста, к «обряжению китайца в европейский фрак», потому что не сочеталась с перестройкой, эмансипацией сознания горца, с воспитанием в нем представления о внесловной ценности личности. «До тех пор, пока в понятии ирона будут иметь место алдар (т.е. господин) и кавдасард (сын рабыни), до тех пор он не может представить себе другого мерила для сравнительной оценки качеств своих и своего соседа, как калым дочери и возмездие за кровь сына». А достигнуть этого можно прежде всего просвещенческими акциями; «добиваться же этого посредством штрафов и бессмысленно и жестоко...».

Радение об экономическом прогрессе, не учитывающее его человеческих аспектов, оборачивается разорением и деморализацией населения, ибо на место свергаемых старых ценностей ему не предлагают новых.

Капитализм, переряживавший «гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея», отводил основной массе не обладавшего капиталом горского населения бесправную роль арендаторов, сезонных рабочих. Администрация еще более усугубляла негативную сторону этого процесса, для своих интересов заставляя население, по словам Коста, «прислуживать во всем и везде», насаждая дух отвратительного лакейства. Столь ненавистное Коста лакейство — национальный позор и трагедия — было в его глазах вопиющим противоречием тому лучшему, что нес в себе духовный опыт нации, накопленному в ходе исторического разви-

тия достоянию отношений и ценностей. Так оформлялась в творчестве Коста оригинальная концепция самобытности.

У Коста «горская самобытность» противопоставляется самодержавной авторитарной государственности, бюрократической централизации, подминающей, отбрасывающей элементы традиционного демократизма, выборности, сложившиеся в ходе истории у горских народов. Отметив в статье «Неурядицы Северного Кавказа», что «режим, установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев, во всех его разнообразных проявлениях», он выявляет социально-историческую почву «духовно-нравственной самобытности» горцев. Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право — вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представлявшими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества».

При отсутствии автохронной традиции единой государственности, эти общества были способны и к самоорганизации, и к самоуправлению: «Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, избираемых всегда заново для каждого случая»¹¹⁶. Такая социальная структура формировала и соответствующие этические ориентации у горских народов, гипертрофию чувства собственного достоинства: «...никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой. Выработанные, таким образом, длинным рядом поколений, на исключительной почве свободы, социальные идеалы и верования залегли... в глубоких тайниках духовной самобытности туземцев».

Реальная практика управления на Северном Кавказе не склонна была считаться ни с элементами традиционного горского «демократизма» — заменяя все выборные сельские общественные должности на назначаемые администрацией, игнорируя традиционные правовые понятия, — ни с этическими ценностями горских народов.

Концепция «горской самобытности» у Коста обнаруживает типологическую близость множеству подобных концепций в мировой общественной мысли¹¹⁷. Отметим и характерные для русской демократической публицистики и исторической мысли обличения петровской бюрократической европеизации, санкт-петербургского самодержавия как силы, полярно противостоящей самобытности России (А. Герцен, А. Шапов, М. Бакунин)¹¹⁸.

Глубинная тайна «самобытности» — протест против превращения «личного достоинства человека в меновую стоимость»¹¹⁹. В «самобытно-

сти» отражена, хотя и в превращенной форме, реальная ситуация конфликта, возникающего в процессе вовлечения и приспособления докapiталистических форм общества к капиталистическим отношениям; она предстает как реакция, как отрицание негативных влияний буржуазной культуры. Межличная солидарность, основанная не на вещно-экономических факторах или правовой регуляции общества, а на непосредственном этическом и духовном общении людей, — вот ее содержание. «Подлинная» самобытность противопоставляется всякого рода «загрязненности», моральному разложению, загниванию, упадку нравов, алчности, продажности, всему бездуховному, пренебрегающему человеческим достоинством.

Традиционная культура и строй жизни «в самобытности» всегда предстают несколько идеализированными — по контрасту с тем «грязно-торгашеским», что приходит в нее извне.

«Хочу, чтоб не были вы в жизни торгашами

Душой и совестью, свободой и умом», — писал Коста¹²⁰, обращаясь к молодежи своей родины, — в то время, когда лакейство, деморализация все глубже проникали в «тело» народа. Он не устал повторять это и в поэзии, и в публицистике: «Если вы хотите быть действительными представителями народа, то не будьте, прежде всего, лакеями, не позорьте доброе имя осетин, как и вообще всякого народа...».

Официальная доктрина «европеизации» становилась лишь идеологическим камуфляжем, скрывавшим реальную практику разграбления горских народов совместными усилиями чиновников и буржуазных нуворишей, изолировала их от того действительно великого, демократического, что несли европейская и русская культуры, душила те потенции традиционного наследия, которые могли бы способствовать преобразованию горских обществ, усиливала косные черты наследия. «Если государство преследует всестороннее приобщение туземцев Северного Кавказа к общегосударственному организму и его культуре, то практикуемые до сих пор для этого меры ведут к совершенно противоположным результатам», — подводит итог Коста.

Когда-то северокавказская интеллигенция свято верила в просветительскую миссию российского правительства и кавказской администрации в деле прогресса и цивилизационного развития горских народов. Поскольку модернизирующие реформы 60-70-х гг. были связаны с трансплантацией европейского опыта на горскую «почву» (менталитет и привычки традиционной народной жизни, строй жизни народных масс), сопротивление «почвы» могло быть преодолено лишь при усилиях власти. Поэтому интеграция с властью воспринималась интеллигенцией как условие реформаторских преобразований.

Однако столкновение европейской рациональной культуры, идей переустройства горского быта с традиционной горской культурой порождали проблему их несостыковки, органичного неприятия традиционной «почвой» европейских новаций. Деспотизм и консерватизм власти, обнаружившей склонность в 80-90-е гг. прибегать к насилию в деле «европеизации» горцев, обострил «сшибку» двух малосовместимых культурных миров.

Для интеллигента, воспитанного на европейских ценностях развития и свободы и жаждущего воплощения этих идей в жизнь, нужно было, во-первых, переплавить их в новые идеалы и ценности, состыкуя с традиционным менталитетом, во-вторых, осуществить в соответствии с новыми идеями и ценностями реформацию горских культур и жизни. Обе эти проблемы и составляли основной предмет исканий северокавказской интеллигенции 80-90-х гг. В этих исканиях проблема «интеллигенция — власть» обретала новое измерение и дополнялась проблемой «интеллигенция — народ».

Как и русская интеллигенция, кавказское образованное меньшинство оказалось в чрезвычайно трудных условиях. Интеллигенции противостоял гигантский репрессивный аппарат полицейского государства. Но и от народа, простых людей ее отделяла большая социальная и культурная дистанция. Существование интеллигенции как бы в двух культурах — этнической и европейской — было причиной трагического отделения от народа, порождало стремление преодолеть этот раскол, «войти в народ». Проблема «почвы» и интеллигенции, их конфликта, поисков путей его преодоления — «одна из универсальных, фокусных проблем» интеллигентского демократического сознания.

В человеческой и творческой судьбе Коста Хетагурова тип маргинального интеллигента, «личности на рубеже культур» является во всем своем трагизме и многомерности. Через стихи и письма, через все творчество Коста проходит тема одиночества («Один, опять один, без призрака родного, как бы оторванный от жизни, от людей»). Личное, социальное, прямо-таки космическое одиночество человека, внешне живущего, казалось бы, бурной общественно-событийной жизнью. И дело не в раннем сиротстве или травле враждебных царских чиновников — это одиночество интеллигента, через душу и сознание которого проходит углубляющийся разрыв между традиционным и современным образами жизни, между двумя социальными мирами и культурными стихиями.

В пореформенный период российская интеллигенция и крестьянство испытывали похожие чувства обездоленности, растерянности, неуверенности в том, что принесет будущее. И интеллигент, испытывающий мучительное ощущение своей культурной оторванности от «почвы», начинает сравнивать себя с народом, начинает тянуться к когда-то оставленному им традиционному миру. Не случайно народничество считается особой фор-

мой национального сознания, когда нация отождествляется с бедняком, маленьким человеком¹²¹. Эта ситуация называется в научной литературе «возвращением» (приобщением).

Коста в «Ирон фандыре», осознавая ее как важный этап своей духовной биографии, писал:

*Сказал я: неси же домой —
В Осетию, в край наш родной,
Свое одинокое горе...
И хлынули слезы из глаз,
И радость в груди разлилась:
Увидел я снежные горы.
Но более бедным, чем я,
Вернувшись, нашел я тебя.
Народ, изнуренный заботой.
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!¹²²*

Но, вернувшись к народу, интеллигент не удовлетворяется этим. Подлинный выход для своего народа из отсталости и нищеты, вхождение его «в современность» он видит в подъеме народной культуры на новую высоту. К традиционной культуре осетинского общества Коста прививает европейское начало личности, этой вечной закваски деятельности, развития, свободы.

В вышедшем в 1899 году знаменитом поэтическом сборнике Коста «Ирон фандыр» задачи национального возрождения, культурного строительства и освободительной борьбы оказываются глубочайше связанными, взаимообусловленными. Справедливая социальная борьба, борьба за национальное существование выступают в нем элементом и предпосылкой действительного культурного обновления.

В поиске исторической перспективы для своего народа, в созидании культуры, вырастающей из национальных корней и имеющей широкие горизонты, Коста делает ставку на революционный «капитал», который составляют сами народные массы. Крестьянство, сохраняющее «самобытность», незапятнанность «лакейством», должно стать творцом своей судьбы, подлинным сувереном общественной жизни.

Книга, положившая начало осетинской литературе, создавшая национальный литературный язык, сыграла в то же время громадную мобилизующую роль, стала историческим явлением. «Редко бывает, чтобы появление такой небольшой по размеру книжки как «Ирон фандыр», — пишет ученый-осетиновед В.И. Абаев, — так много значило в жизни целого народа, служило бы такой яркой вехой в его истории, совершило такой переворот в его

сознании...»¹²³. «Ирон фандыр» стал для молодой осетинской нации «каким-то откровением, просветом в будущее, своего рода «путевкой в жизнь»¹²⁴.

Построенная как открытый, прямой разговор автора со своими многотысячными читателями, книга затрагивает самые острые, животрепещущие вопросы осетинской жизни. Многообразны ее темы, многолик ее автор, который критикует, бунтует, протестует, творит, ищет, сомневается, тоскует, борется. «Говорить с народом о том, что его больше всего волнует и в такой форме, которая покоряет и захватывает его без остатка — эту тайну Коста постиг в совершенстве»¹²⁵.

Феномен «Ирон фандыра», являющийся в мировой демократической традиции ярким примером духовного слияния интеллигента с народной «почвой», образцом синтеза культур, становится понятнее и в контексте теоретических поисков русской демократической мысли, а также через призму христианской религиозной традиции и, наконец, осетинской мифо-эпической культуры.

Прежде всего необходимо отметить роль в творчестве Коста великой теории русской интеллигенции о «долге перед народом»¹²⁶. Русская демократическая мысль, начиная с конца 60-х гг., выдвигала альтернативные буржуазно-либеральным концепции культуры, цивилизации, прогресса. В трудах А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова была поставлена проблема интеллигенции и народа как основной проблемы социального развития и его движущего источника. Антропологическая философия и субъективная социология П.Л. Лаврова была итогом многолетних теоретических исканий русской демократии, отвечая самому существу демократического мирозерцания.

Многие мировоззренческие аспекты творчества Коста определяются учением крупнейшего народнического мыслителя, идеи которого характеризуются как «один из высших этапов теоретического выражения русской революционной демократии»¹²⁷.

Начало продолжительного влияния П.Л. Лаврова в интеллигентских кругах было положено знаменитыми «Историческими письмами» (1869г.). Эта книга, которую современники называли «книгой жизни, революционным евангелием, философией революции», имела громадное воздействие на мировоззрение демократической молодежи 70-80-х годов; она сформировала духовный тип русского интеллигента¹²⁸. Мышление интеллигенции последней четверти XIX века было оформлено и отточено лавровской философией — «без Лаврова мы не поймем ни подполья, ни земства, ни даже академической среды этих (да и последующих) десятилетий»¹²⁹.

«Исторические письма» были и научной теорией исторического процесса, популяризацией историко-философских воззрений и страстной публицистической проповедью П.Л. Лаврова. Поставив в центр своей философии

личность, ее творческую и деятельную природу, он доказывал, что объективное движение истории и культуры совершается через человека, преобразуясь в глубинах его сознания. Важнейшим параметром истории, источником прогресса выступает в его теории критическая мысль, критическое самосознание человека.

Подлинный прогресс, здоровое общественное развитие обеспечиваются, по мысли Лаврова, гармоническим взаимодействием движущей силы мысли и традиционного строя народной жизни, между личностью, выдвигающей новый общественный идеал, и народными массами, сохраняющими и поддерживающими исторические традиции, интеллигенцией и народом.

На место буржуазной теории «просвещенной бюрократии» пришла теория, обосновавшая просвещающую и цивилизующую миссию интеллигенции.

Общественное разделение труда, социальное неравенство дали властвующей и образованной элите, интеллигенции досуг для интеллектуальных занятий, для развития культуры и техники. Все достижения цивилизации, и прежде всего критическое мышление, куплены нещадной эксплуатацией народа. «Цена прогресса» оказывается непомерно высокой.

Взывая к совести русской интеллигенции, Лавров писал: «Каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести... куплена кровью, страданиями и трудом миллионов»¹³⁰. Отталкиваясь от «цены прогресса», он выдвинул идею нравственной обязанности интеллигенции, «критически мыслящих личностей», отдать долг народу, борясь за его освобождение. «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем». Внося в народное сознание критическую мысль, приобщая массы к историческому творчеству, открывая народу глаза на врагов и те формы, которые препятствуют прогрессу, интеллигенция преодолает трагический раскол некогда единой человеческой общности на ученых и неученых, на интеллигенцию и народ, — раскол, который когда-то лег в основу цивилизации и прогресса.

Идея «неоплатного долга» народу стала нравственным императивом всего творчества К. Хетагурова; ее он выдвинул как философскую декларацию «Ирон фандыра».

*Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей,
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поет веселей.
Но если б народу родному
Мне долг отплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез*¹³¹,

— писал поэт в стихотворении «Ныстуан» («Завещание»), которым открывается «Ирон фандыр». С гневных, призывных стихов сборника, рисующих страшные трагические картины нищеты и бесправия (стих. «Раздумье», «Спой», «Взгляни», «Без доли», «Горе», «Мать сирот»), началось осознание кризисной социальной ситуации, критика общественной несправедливости, пробуждение народных масс Осетии.

Только общественная солидарность во имя нового общественного идеала способна совершить чудо, стать условием национального и социального освобождения. «Не смиряйся, протестуй, не склоняй головы, не унижайся», — повторяет Коста из стихотворения в стихотворение:

*Что же с тобой, молодежь наша, станется,
Кто же тебя защитит?
Ты, обезумев, как стадо голодное,
В чаще блуждаешь лесной, —
Ищешь ты стебли в лесу прошлогодние...,
Гибнешь... Что будет с тобой?
О, если б только над горной вершиною
Песню пастух твой запел,
Кликнул тебя — и в семью бы единую
Быстро собрать всех сумел!..*

Вера в историческую силу критической мысли вдохновляла осетинского поэта и общественного деятеля, решившегося действовать самостоятельно, одному, через голову администраций и правительств.

Если мысль, которую «критически мыслящая личность» несет народу, глубоко выстрадана, то народ обязательно поймет, оценит по достоинству почин пионера новой общественной идеи. Большинство людей, ощущая гнет и несправедливость, не может объяснить причины существующего зла. «Но если им сказать, то они понять могут, и те, которые поймут, поймут это также хорошо, как тот, кто высказал мысль впервые, а пожалуй, еще и лучше, потому что они, может быть, выстрадали верность этой мысли гораздо полнее и разностороннее, чем ее первый провозвестник»¹³². Мысль, овладевающая народными массами, становится «материальной силой».

В беспощадной правдивости всего, что он поведал и сказал народу, видел Коста залог бессмертия своего имени в народной памяти: «Чи мæ фехъуса, уый мæ кæд бамбарид, чи мæ бамбара, уый мæ кæд нæ ферох кæнид». (Кто услышит меня, тот поймет.., а кто поймет, тот, может быть, не забудет)¹³³.

«Ирон фандыр» — это борьба за эмансипацию сознания горца, борьба за свободного, раскрепощенного человека, хозяина своей судьбы — не бездумного раба консервативных обычаев и не буржуазного лакея с его девизом «чего изволите?» — а Личность. Воспитать в горце личность, — значит, научить его самостоятельно, без оглядки на традиционную норму, мыслить и

чувствовать, иметь собственное мнение, думать о своей и народной судьбе. Чем больше будет в обществе самостоятельно мыслящих личностей, тем более оно способно будет к непрестанному обновлению, критическому отбору лучшего в национальной и мировой культуре.

Нацеленность творчества Коста на воспитание в горце свободной эмансипированной личности подметил еще в дореволюционные годы видный общественно-политический деятель Дагестана Саид Габиев: «Поставив целью своей жизни борьбу за личность и лучшие формы жизни, Коста хотел быть «интеллигентом» в полном и самом хорошем смысле этого слова. И таковым он был. Его смело можно назвать не только родоначальником осетинской литературы, но и родоначальником нарождающейся осетинской интеллигенции. И это последнее значение Коста для Осетии, нам думается, выше первого»¹³⁴.

Действительно, Коста стремился быть интеллигентом в исконно демократическом смысле этого слова, включавшем не столько образованность (хотя непременно и ее), но прежде всего оппозиционность существующему порядку, неприятие социальной несправедливости, стремление к реформации общественных институтов. «Интеллигенция рассматривалась как своего рода нравственное средоточие общества, передовой отряд людей, в своих воззрениях отпавших от интересов всех «униженных и оскорбленных», народа в целом, а не от своих только или каких-либо других партикулярно-групповых нужд»¹³⁵.

Обостренная социальная чуткость интеллигента, ставшего совестью нации, диктовала Коста такие строки: «Нет! Я могу предложить только вечно тревожную и неизменно трудовую жизнь, полную смысла и целесообразности, проникнутую горячей любовью не только к семье и родственникам, но и к бедной нашей родине, ко всему страждущему, униженному и оскорбленному»¹³⁶.

Проблема «критически мыслящей личности», интеллигенции, ее места в народной борьбе волновала Коста на протяжении всей его жизни.

Христианской, мессианской символикой насыщены многие стихотворения Коста, написанные на русском языке, поэма «Се человек». Мифологема Христа, идущего на Голгофу за проповедь любви, новой нравственности, была символом жертвенной «критически мыслящей личности», самой отдающей себя на заклатие за зло и несовершенство мира. Теория «неоплатного долга» являлась философией жертвенности, требовавшей напряженной аскезы от того, кто решил посвятить себя служению прогрессу. И, несмотря на то, что народничество — идеология светская, оно обнаружило «глубинный восточно-спиритуалистический пласт мышления» и дало «секулярную версию мистического представления о греховности мира (и, стало быть, культуры) и об искупительной жертве»¹³⁷.

«...мæ иунæг сидзæры уд нывонд кæнын нæ Иры дзыллæйæн..., — писал Коста, — балæвар кодтон ... нæ Иры дзыллæйæн иттæг зæрдиагонæй: «Ирон фæндыр»¹³⁸. (Свою одинокую сиротскую душу я приношу в жертву осетинскому народу и дарю ему... «Ирон фандыр»...).

Итак, коллизия «почвы» и интеллигенции в творчестве Коста осмысливается и решается идентично русскому народническому сознанию, где она представляла как комплекс вины интеллигента перед народом. Тожеству судьб скорбящего Христа и обездоленного крестьянства противопоставлялись самовлюбленность «образованного общества», мещанской толпы и ее увлеченность поверхностными формами европейской культуры и жизни:

*Когда тебя, мой друг,
Порой гнетет недуг —
И не находишь облегченья,
Ты вспомни о Христе, —
Страданья на кресте
Ослабят вмиг твои мученья.
Когда же радость грез
Отравит горечь слез,
Когда тебя постигнет горе,
Ты вспомни лишь народ, —
Среди его невзгод
Твои страданья — капля в море.*

Но осмысление драмы столкновения «почвы» и интеллигента, поиски путей ее преодоления у Коста имеют «свой», глубинный национально-мифологический субстрат. Именно предписания и образы традиционных мифологий, традиционных религий помогают интеллигенту «отыскивать пути и методы своей идентификации с «почвой» и борьбы за руководство ею»¹³⁹.

Стержневые демократические мифы — «отпадение» интеллигента от «почвы», а затем «слияние» с «почвой» в ходе революционной практики — обретают национально-культурную подоплеку в мифологеме нартовского Сырдона, возвращающегося к нартам и дарящего им фандыр.

Сама ситуация «отпадения» интеллигента от «почвы» носит интернационально-универсальный характер, хотя В.Ф. Кормер определял ее как уникально-русское явление: «Исходное понятие было весьма тонким, обозначая единственное в своем роде историческое событие: появление в определенной точке пространства, в определенный момент времени совершенно уникальной категории лиц <...>, буквально одержимых еще некоей нравственной рефлексией, ориентированной на преодоление глубочайшего внутреннего разлада, возникшего между ними и их собственной нацией, меж ними и их же собственным государством. В этом смысле интеллигенции не существовало нигде, ни в одной другой стране, никогда». И хотя всюду были оппозиционеры

и маргиналы, люди богемы и деклассированные элементы, но «никогда никто из них не был до такой степени, как русский интеллигент, *отчужден* от своей страны, своего государства, никто, как он, не чувствовал себя настолько чужим — не другому человеку, не обществу, не Богу — но своей земле, своему народу, своей государственной власти. Именно переживанием этого характернейшего ощущения и были заполнены ум и сердце образованного русского человека второй половины XIX — начала XX века, именно это сознание коллективной отчужденности и делало его интеллигентом. И так как нигде и никогда в истории это страдание никакому другому социальному слою не было дано, то именно поэтому нигде, кроме как в России, не было интеллигенции»¹⁴⁰.

И когда Коста говорит и пишет о своем «полнейшем нищенстве в смысле духовного родства» и отсутствии взаимопонимания даже с ближайшими родственниками, то речь идет именно об этом интеллигентском *отчуждении*: «У каждого из них, несмотря на наше кровное родство, свой кругозор и свои требования... Я им совершенно чужд. Никогда, никому из них я не могу поверить свои истинные радости и мучения — потому, что они их никогда не поймут»¹⁴¹.

Интеллигент-маргинал, «личность на рубеже культур», — Коста именно с мифо-эпическим образом нартского Сырдона соотносит себя, свою жизнь, свое место в осетинском социуме. Об этом говорит не только название его поэтического сборника — «Ирон фандыр», напоминающее о даре Сырдона нартам (Коста и сам называл свой поэтический шедевр — «даром народу Осетии»), но и первоначальный вариант стихотворения «Рагон нæртон лæгау зарын куы зонин...». В черновом варианте звучит имя Сырдона — «древнего нарта», воссоздающее в памяти трагическую историю рождения фандыра¹⁴².

О том, что семантика образа древнего нартского певца в стихотворении восходит именно к Сырду, а не к другому нартскому герою — Ацамазу (как это традиционно было принято считать), писал Т.А. Гуриев¹⁴³.

Сырдон — маргинал нартского общества, отвержен и презираем честолюбивыми героями-нартами. Сын водного духа Гатага и нартской женщины, он принадлежит сразу двум мирам — хтоническому, потустороннему и нартскому, не являясь полноправным членом ни одного, ни другого (Французский ученый-исследователь Нартиады Ж. Дюмезиль даже называет его кавдасардом, незаконнорожденным).

Тайное жилище Сырдона — «под мостом, у самых его устоев» — как раз на границе двух миров — земного и сакрального. Ему далеко до храбрости и доблести главных героев — богатырей эпоса, но и у него есть свое оружие — его «язык, острый, ядовитый и беспощадный», и такой же острый, злой, беспощадный ум.

Точность гениальной интуиции Коста в том, что он почувствовал в этой нартской «критически мыслящей личности» своего далекого архаического

предшественника. Ведь значение интеллигенции не сводится целиком к той роли, которую она играла начиная с конца XIX века. В интеллигенции проявляется некий тип носителя культуры весьма древний, укорененный и в средних веках, и в более глубоких пластах истории.

Интеллигент — это человек, который поднимается над наличной культурой, но принадлежит ей по рождению и воспитанию. В качестве древнейшего культурного оппозиционера выступает в традиционной мифологии трикстер — представитель «принципа переживания жизни и культуры «наизнанку»». Демонически-комический дублер культурных героев, он выражает «потребность увидеть в культуре и организованном миропорядке не только благо, но и стеснение, принуждение каждого во имя целого и, соответственно, ощутить необходимость, привлекательность и важность противоположного, как бы самоотрицающего начала культуры»¹⁴⁴.

Облик и характер Сырдона, поведение и даже место проживания (где-то в таинственном месте, на краю села) — все «асоциально», противостоит обществу занятых набегами и пиршествами нартов, несовместимо с нормами и ценностями их героической идеологии.

Увидев в трикстерах Сырдоне и Локи черты протоинтеллигентов, Ж. Дюмезиль отмечал, что в этих типах «скандинавы и осетины довольно широко разработали тему одной из самых таинственных сил природы — умственной деятельности человека. Потому что именно этим качеством Локи и Сырдон возвышаются над всеми — или почти всеми — кто их окружает. Они более умны, их ум имеет определенные формы и границы, но он неоспорим. Причем разработка темы тут двусторонняя и охватывает то, что мы назвали бы социологией и психологией разума»¹⁴⁵.

Здесь прежде всего французский ученый подчеркивает всегдашнюю маргинальность, отверженность носителя подлинного ума: «Локи и Сырдон — существа, стоящие «особняком», низшие по рождению, к ним и относятся как к низшим, общество не принимает их целиком, и сами они сторонятся его. Но ведь это было распространено во всех странах и во все времена! Литераторы всегда вдохновлялись темой человеческого разума, который реет там, где пожелает, и не признает социальных преград: жажда знаний, способность к познанию бурно проявляются в лакее, в незаконнорожденном, в уроде или отщепенце. А разве человек «благородного рождения» часто не выходит из отведенных ему рамок, не деклассируется, потому что он, как говорится, «слишком умен»?».

Сырдон часто жесток, мстителен, его язык безжалостен, он мастер на всякие злые шутки, от которых страдают нарты. Не случайно его называют «Нарты фыдбылыз» («злой гений Нартов»). «Существующий строй реагирует на всесокрушающую силу беспокойной мысли самозащитой, враждебностью, что и вынуждает разум направлять часть — и нередко большую часть

— своих способностей на то, чтобы хитрить, обманывать, интриговать, а также, когда этому сопутствует уязвимость натуры, глумиться, отрицать, ненавидеть?»

Индивидуальный разум стремится к разрыву традиций, к выходу из сформировавшегося за многие поколения стереотипа, и в этом заключается его взрывное, двигательное начало, которое может стать как созидательным, так и разрушительным — «... в любую минуту деятельность человеческого мозга двусторонняя ... но эта двусторонность радикальна и глубока: ум разрушает столько же, сколько сберегает и даже более».

А таинственное жилище Сырдона — не символ ли уединенного труда интеллигента? «Этот подземный дом-лабиринт, эта странная берлога, куда осетины поселяют Сырдона..., — не напоминают ли они нам те уголки, где, укрываясь от глаз подозрительного общества, столько алхимиков и чернокнижников тщетно бились над разрешением великих проблем?»¹⁴⁶.

Итак, драма отпадения интеллигента от автохтонной почвы, переживаемая как отлучение от основных начал родовой жизни, — чуть ли не как отпадения от всего космического миропорядка — обрела мифологизированную подоплеку в эпической истории нартовского Сырдона. Но мифологема отпадения влечет за собой мифологему спасения. Характерная для традиционной мифологии космологическая трактовка спасения, идея которой вырастает из коллизии времени и вечности, предстает в сознании интеллигента как воссоединение самосознающей, но отчужденной интеллигентской личности с «почвенным» социальным целым¹⁴⁷.

Сырдон, потерявший в результате конфликта с нартом Хамыцем сыновей, объятый горем, сделал фандыр (арфу) и, придя на собрание (ныхас) нарт, заиграл-зарыдал на своем замечательном инструменте. «Музыка рождается из трагедии — такова, по-видимому, мысль, вложенная в этот замечательный эпизод»¹⁴⁸, — считал В.И. Абаев. Надо полагать, эпизод иллюстрирует и центральную идею традиционных мифологий — идею Благовремени, как превращения временного в вечное: «И люди, что сидели на ныхасе, понурились и опустили головы, застонали, и градом полились слезы из их глаз. А Сырдон все играет на своем фандыре и в лад струнам говорит нартам:

— Нарты, вот вам мой дар. Только позвольте мне жить среди вас.

И, слушая песню Сырдона, нарты сказали:

— Разве можем мы оттолкнуть человека, который принес нам в дар такое сокровище!

И сказал тогда Урызмаг Сырду:

— У нас с тобой, Сырдон, одна кровь. Ты всем нам брат. Если не жаль тебе подарить нам такое сокровище, то приходи и живи с нами. И, как брату, открыты перед тобой двери во все наши дома. И нет у нас тайн от тебя.

Взяли нарты из рук Сырдона фандыр, и сказали они друг другу:

— Если даже всем нам суждена погибель, навеки останется жить фандыр. Он расскажет о нас, и кто заиграет на нем, тот вспомнит о нас и тот станет нашим навсегда»¹⁴⁹.

«Фандыр» — осетинский сакрально-мифологический символ искусства, его вечных идеалов красоты и гармонии, — искусства, обладающего жизнетворящей функцией. Служение идеалам красоты есть свободное индивидуальное творчество — но оно обретает народную силу и мощь, народную почву добра и справедливости через бескорыстный дар художника своему народу. Единство интеллигента и народа достигается через «дар» — ведь во всех традиционных культурах «дар» («дарение») осмысливается как основа человеческого общения и социального единения. Дар как бескорыстная самоотдача, как благодать уже не свойствен буржуазному миру, где люди друг другу ничего не дают просто так, и где природа человеку уже ничего не дает. Потенциал дара, возможности дара уходят из мира.

Так же, как и во многих национально-страновых вариантах народничества, у Коста обращение к этим глубоко самобытным религиозно-мифологическим образам и сюжетам «выступает ...прежде всего, как средство политической мобилизации масс, и ... выражает устремления интеллигентов-народников избыть через активистское приобщение к «почве» свою культурно-историческую от нее отчужденность»¹⁵⁰.

В стихотворении «Дума» («Сагъæс») поэт пишет о драме своей отверженности, о непонимании народом, молодежью его стремления к свободе:

*... Я слаб, безвестен
В родимом краю...
Отец, о если б
Мне доблесть твою!
Отвергнут ныне
Селением всем,
В тоске, в унынье
На сходках я нем:
Стою, увядший
От дум и забот.
На битву младший за мной не идет.
За край мой кровью
Своей заплачу —
Раба оковы,
Бесславный, влачу¹⁵¹.*

Идея мифологемы Сырдона, эта центральная идея традиционных мифологий — претворение временного в вечное — предстает в «Ирон фандыре» с его пламенными гражданственными стихами, будящими самосознание на-

рода, поднимающими его на борьбу — «в качестве идеи национально-революционной активности, смысл которой — в претворении индивидуально-интеллигентского начала в социально-«почвенное»¹⁵².

Преодолевая трагическое отделение от народа и стремясь изжить этот раскол, «войти в народ», Коста, его «Ирон фандыр» стали духовной опорой формирующейся осетинской интеллигенции, помогая ей осознать себя народом, творящим свою историю. Всю свою жизнь Коста мечтал о гармонии социально-полноценной жизни, с чувством родства с людьми и отчей землей, как равный среди равных в кругу сверстников и друзей:

*Завидую тем, кто согрет
На утре безоблачных лет
Теплом материнских объятий.
Завидую тем, кто потом
Дни детства помянет добром,
Кто весел на грустном закате.
Завидую тем, кто в своей Отчизне,
Средь верных друзей!
Чей пир — это песня с игрою!
Завидую тем, кто с арбой,
Кто с плугом своей бороздой
Проходит рабочей порою.
Завидую тем, кто народ
Мятежною речью зажжет,
Чьего ожидают совета.
Завидую тем, кто любовь,
Честь племени, славу отцов
Хранит и в преклонные лета!*

Таким образом, «Ирон фандыр» решает проблему идентичности как основу консолидации общества. И текст знаменитого сборника выступает как своеобразный «индикатор» осетинской идентичности: всякий, кто прочтет его, «станет нашим навсегда».

Все творчество К.Хетагурова посвящено центральной проблеме российской общественной мысли, ее «краеугольному камню», но одновременно и «камню преткновения» — проблеме «интеллигенция и народ». Духовно-нравственные и художественные поиски Коста направлены на преодоление культурно-исторической разобщенности интеллигенции и народа, консолидации народных масс и осетинской образованной элиты вокруг созидательной идеи национального возрождения.

Георгий Васильевич Баев (1860-1939 гг.), больше известный в среде современников как Гаппо Баев, — видный общественный деятель Северной Осетии, один из первых осетинских экономистов, организатор писательского

Гаппо Баев

дела на осетинском языке, а также страстный борец за народное образование.

С 1902 по 1906 годы Г.В. Баев был председателем «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», одной из массовых просветительно-благотворительных организаций на Северном Кавказе, созданной передовой интеллигенцией Владикавказа в 1882 году.

Г.В. Баев избирался депутатом, а с 1912 года городским головой Владикавказской городской думой. Советскую власть он не принял и в 1921 году эмигрировал за границу. В советское время его произведения не издавались. Между тем, его творческое наследие необычайно ши-

роко и разнообразно. Оно охватывает публицистические статьи, литературные произведения, исторические и экономические очерки, наброски правовых документов и т.д. Особое место занимают вопросы просвещения и народного образования в Осетии.

Большое значение в просвещении осетинского народа Г.В. Баев придавал роли учителя. Именно педагогам, по его мнению, принадлежит пальма первенства в великом деле приобщения своего племени к культурному движению. По достоинству он оценивал и роль школ, в которых осетинский народ справедливо видел «основу своего благосостояния».¹⁵³

Отмечая по достоинству имевшиеся успехи в деле культурного развития Осетии, в частности в развитии народного просвещения, Г.В. Баев не забывал указывать и на имеющиеся недостатки. В целом они были свойственны существовавшей тогда системе образования в стране. К недостаткам Баев относил отсутствие подходящих учебников, отсталость и темноту части народа, его материальную бедность, плохие школьные здания, отсутствие путей сообщения в горной полосе и многое другое.

Вместе с тем, Г.В. Баев отмечал, что все эти обстоятельства, препятствовавшие развитию народного образования, «поборол осетинский народный учитель и вышел победителем».

Стремления к знаниям у осетинского народа так велики, говорил Гаппо Баев, что «приходится принимать во многие школы по жребии и весь народ проникся стремлением к образованию, показателем которого являются стремления осетин и их жертвы для того чтобы дать своим детям образование в средних и высших учебных заведениях».

В работе «Проект докладной записки о свободном избрании уполномоченных от горского населения для непосредственного общения с высшей

властью» в 1916 году Г.В. Баев сделал обзор состояния народного образования в Северной Осетии.¹⁵⁴ Справедливо отмечая достижения в деле просвещения и стремление осетинского народа к образованию, Г.В. Баев отмечал, что оно для большинства остается недостижимой мечтой как вследствие недостатка школ, так и вследствие недостатка средств.

А школ действительно было мало. «Достаточно сказать, — отмечал Баев, — что на 630-тысячное население туземцев нет ни одной технической, ни сельскохозяйственной школы, между тем, только широкая сеть таких школ и может явиться противовесом безземелью горцев, и необходимость в таких школах настоятельна теперь же, дабы население могло скоро оправиться от экономического потрясения».¹⁵⁵

Для исправления этого бедственного положения Г.В. Баев предлагал незамедлительно провести в жизнь два следующих мероприятия:

1. Открыть новые начальные школы в количестве, необходимом для охвата всеобщим обучением детей школьного возраста. Особое внимание уделить горским обществам, в которых недостаток в школах ощущался особенно остро.

2. В начальных школах наряду с русским языком ввести изучение родного, осетинского, в течение всего срока обучения. Для этого было необходимо назначить в горские школы учителей, знающих осетинский язык.

В качестве способа реализации этих целей Баев предлагал открыть во Владикавказе учительскую семинарию для горцев, «ибо во многих случаях в горские, или, их принято было называть, туземные школы, назначались русские учителя, не знавшие осетинского языка и начинавшие сразу вести обучение ребят на совершенно непонятном им языке».

Помимо Владикавказской учительской семинарии, он предлагал открыть высшие начальные училища в следующих селениях Осетии: Ардон, Фаснал, Садон, Даллагкау, Гизель, Тулатовское, Ольгинское, Владимирское, Дарг-Кох. При этих училищах также открыть дополнительные классы по изучению сельского хозяйства, ремесел, педагогики, бухгалтерии.

Открытие высших начальных училищ в больших селах Осетии создало бы возможность качественного обеспечения всех отдаленных осетинских селений квалифицированными кадрами в области сельского хозяйства, различных ремесел, начальной педагогики, бухгалтерии и других столь необходимых специалистов для развивающегося хозяйства Осетии.

На протяжении всей своей деятельности в качестве городского головы Владикавказа Г.В. Баев уделял большое внимание просветительно-благотворительной работе. Будучи председателем, а затем и пожизненным членом «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», он много внимания уделял вопросам народного образования, постоянно оказывал личную помощь многим студентам и уча-

щимся учебных заведений других городов. В его личном архиве сохранились списки студентов и учащихся высших учебных заведений из Северной Осетии, с которыми он поддерживал переписку. От имени «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», от себя лично помогал им материально. Особое внимание он уделял выходцам из бедных семей, которым получить образование удавалось, в основном, благодаря так называемым «горским стипендиям», назначаемым из средств горских штрафных сумм. А решение администрации Терской области прекратить их выплату студентам вызвало у Г.В. Баева резкую критику. «Как ни мизерны были эти стипендии (по двести рублей), — писал мыслитель, — но при скромных привычках горцев они давали возможность кончать высшие учебные заведения двум-трем беднякам, и это было большое благо для нас».¹⁵⁶

Г.В. Баев предлагал провести в существовавших средних учебных заведениях Северной Осетии коренную реформу в интересах народа и, в частности, усилить демократические начала в их деятельности. Он предлагал женский приют имени Великой княгини Ольги Федоровны преобразовать в Осетинскую женскую гимназию с широким профессиональным образованием, а при Ардонской духовной семинарии открыть отделение — мусульманскую семинарию, для того, чтобы готовить кадры учителей для тех школ, которые располагались в местностях, где преобладающим было мусульманское население.¹⁵⁷

В статье «Осетинская письменность» Г.В. Баев отмечал, что необходимо коренным образом улучшить условия, при которых осуществляется процесс образования и налаживания должным образом изучения в школах родного языка, который является, по его справедливому утверждению, не только промежуточным средством обучения, но и необходимым элементом культуры народа, предметом национальной гордости и почитания, основополагающим звеном существования национального сообщества.¹⁵⁸

Г.В. Баев хорошо понимал, что обучить детей родному литературному языку можно только при наличии родной письменности и изданной на ней правильно составленной с методической точки зрения дидактической литературы. Начинать работу было необходимо с начального курса обучения. Основные требования Г.В. Баев предъявлял к учебникам, их оформлению. Начальная книга на родном языке, — по его мнению, — должна была быть приноровлена к детским понятиям, должна была интересовать их молодые умы». Но именно таких книг у осетин не было, справедливо сетовал он в отношении учебной литературы.¹⁵⁹

Весьма интересна и заслуживает внимания идея Г.В. Баева о необходимости непрерывного образования для человека и превращения школы в центр учебно-воспитательной работы. «Просветительская деятельность школы, —

отмечал он, — не должна заканчиваться для ученика выходом из ее стен. Она дает умение читать, и он должен далее развивать себя путем чтения».¹⁶⁰

Таким образом, Г.В. Баев одним из первых среди осетинской интеллигенции выделил взаимообусловленность развития просвещения и создания литературы на родном языке. Вполне справедливо он делал вывод о насущной необходимости родного печатного слова, без которого народ лишь «...стихийная масса, живущая по законам инстинкта, но не разума и не по законам тех высших начал нравственности и культурного общежития, которые вырабатывались и до наших дней вырабатываются, начиная с седой глубины веков светочами человечества».

Г.В. Баев был горячим поборником воспитания на общечеловеческих ценностях и морали, пропагандировал идеи гуманизма и духовности.

Многогранна деятельность и воззрения Г.В. Баева, посвященные хозяйственной, культурной и правовой сферам жизни Терской области.¹⁶¹ Будучи членом правления Терского сельскохозяйственного общества, он прилагал много усилий для организации выставки, на которой были представлены экспонаты земледельцев Иристана. Гаппо явился одним из первых инициаторов кооперативного движения, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности Северного Кавказа. Он принимал деятельное участие в организации сельских поземельных банков, а один из них лично организовал в с.Ольгинском. Эти банки и кредитные товарищества оказывали неоценимую помощь крестьянству Осетии, спасая его от разорения. В советской историографии именно за эти «амбары» и «кукурузники» чаще всего и критиковали Г.В. Баева,¹⁶² причем критика эта началась еще задолго до октября 1917 года, и начало ей положил другой видный представитель осетинской интеллигенции — Г.М. Цаголов, опубликовав на страницах газеты «Северный Кавказ» в 1900 году статью «Культурное движение среди осетин». С Цаговым в корне был не согласен Коста Хетагуров, писавший: «Присяжный поверенный Г.В. Баев заслуживает глубокого сочувствия и поддержки в своих неустанных трудах и заботах о меньшей братии, не только общества Ольгинского селения, но всех честных и правдивых осетин».

Действительно, эти банки и общества давали осетинскому крестьянству реальную возможность получать денежную ссуду под относительно невысокие проценты.

Благодаря Г.В. Баеву, многим осетинским земледельцам были предоставлены кредиты Государственного Крестьянского банка, что позволило их хозяевам выстоять в конкуренции. Много сил и энергии отдал Гаппо разработке проекта землеустройства Терской области. Эта работа получила поддержку и одобрение как со стороны местных жителей, так и наместника России на Кавказе.

Г.В. Баев ратовал за создание единой России. До известных событий февраля 1917 года она ему, очевидно, мыслилась конституционной монархией, а

Ахмед Темболатович Цаликов

затем — республикой, построенной на федеративных началах с сильной центральной властью. Основы государственно-территориального устройства Баев видел в развитии самоуправления, подчеркивая, что «только на прочном базисе широкого местного самоуправления возможно создание прочного конституционного государства».

Ахмед Тембулатович Цаликов (1882–1928 гг.) родился в селении Ногкау. Окончил Ставропольскую гимназию и юридический факультет МГУ. А.Т. Цаликов, будучи известным общественным деятелем начала XX века, долгие годы находился не только в забвении, но и подвергался уничижительной критике. Его произведения были недоступны исследователям в силу их враждеб-

ности советской власти.

Творческое наследие А.Т. Цаликова неоднозначно и в некоторой степени противоречиво. Сегодня уже никого не надо убеждать в том, что эмиграция за рубеж по причине неприятия идеи Октябрьской революции — не повод для того, чтобы вычеркнуть из нашей истории столь неординарную личность, какой, несомненно, был А.Т. Цаликов, и тем более отказаться от анализа его творчества.

В начале XX века А.Т. Цаликов активно сотрудничал со многими центральными периодическими изданиями страны, среди которых были еженедельник «Наше дело», журнал «Возрождение», альманах «Утро гор». Его перу принадлежат произведения революционной публицистики, заметки, фельетоны, статьи, рассказы. Особое место занимают произведения, тематика которых тесно связана с просвещением осетин, а также народов, исповадовавших ислам.

Приверженность к исламу и неприятие идей диктатуры пролетариата наложили отпечаток на все его дальнейшее творчество и впоследствии явились одной из главных причин эмиграции за рубеж в 1920 году.

А.Т. Цаликова с полным основанием можно назвать одним из основателей и пропагандистов идей исламского социализма. Не случайно после Октябрьской революции В.И. Ленин призывал Цаликова к сотрудничеству в деле привлечения мусульман на сторону Советской власти. Он отказался от этого сотрудничества, так и не сумев примириться с репрессиями и богоборчеством новой власти.

С 1 по 11 мая 1917 года в Москве работал Всероссийский мусульманский съезд, на котором А.Т. Цаликов был одним из главных действующих лиц. Его речи, произнесенные на заседаниях съезда, легли в основу книги «Мусульмане в России и Федерации». ¹⁶³

К этому времени А.Т. Цаликов был автором следующих общественно-политических и художественных книг: «Кавказ и Поволжье», «В горах Кавказа», «Мусульмане России и война», «Мусульманская фракция в Учредительном собрании», «Красавица Зубейда», «Чаша жизни», «Мусульманский вопрос в России», «Сын Кавказа».

Работы А.Т. Цаликова по проблемам народного образования и просвещения имеют непреходящее значение. Он пытался дать оценку горской интеллигенции в решении той группы задач, «на которых хватит человеческой жизни, именно тех задач, которые вносят в жизнь смысл и содержание» ¹⁶⁴. По его мнению, во имя общечеловеческого идеала гармоничной жизни народов Кавказа требуется интенсивный труд горской интеллигенции. Только в этом случае ей удастся ликвидировать те беды родного края, о которых образно говорилось в процитированных автором стихах:

*«...В дебрях дикого края, родного,
Много старого, много гнилого...
Много разных пней и колод
По пути у развития народного
Бесполезно лежит и гниет...*

Необходимо выкорчевать эти пни и колоды, нужно разрушить всякого рода суеверия и предрассудки, нужно обуздать разных пауков и пиявок, присосавшихся к народному организму». Выход из данного бедственного положения Цаликов видел в следующем: «Побольше света нужно!.. Побольше школ!». ¹⁶⁵

А.Т. Цаликов ставил вопрос о месте и роли учителя в обществе. По его мысли, учитель «должен любить свое дело, своих питомцев, он должен быть близок к населению, должен быть его другом, наставником» ¹⁶⁶. Только такой подвижник был способен развеять мрак невежества и зажечь свет познания в медвежьих уголках горного края.

Цаликова занимала и проблема создания национальной школы. «Школа, — подчеркивал автор, — не должна преследовать задач ассимиляции, русификации, школа должна быть создана исключительно в целях культурного подъема населения, а для этого она должна быть приноровлена к этнографическим и бытовым особенностям населения. Только в том случае она будет выполнять свою высокую миссию, не вбиваясь клином в народную жизнь и не внося в нее сумятицу и раздоры». ¹⁶⁷

В книге «Кавказ и Поволжье», вышедшей в свет в 1913 году, А.Т.Цаликов значительное внимание уделял анализу положения, которое сложилось в

системе народного образования в тех регионах страны, население которых исповедовало ислам. По сути дела, в данной книге он сформулировал концепцию устройства школы, необходимой для мусульманского населения страны. Он считал, что ко времени написания книги на Северном Кавказе не существовало правильно организованных мусульманских профессиональных школ мектебе и медресе.¹⁶⁸

Представляет большой интерес оценка А.Т. Цаликовым деятельности интеллигенции по просвещению собственного народа. Так, в статье «Отклики горской жизни», опубликованной на страницах альманаха «Утро гор» в 1910 году, он осуждал тех представителей кавказской интеллигенции, которым был присущ «квасной патриотизм» и кто благодаря этому «не был склонен в своих произведениях касаться насущных проблем действительности».

Действительность жизни народов в Российской империи, политические реалии тех лет обусловили справедливый вывод Цаликова о том, что изменить ситуацию к лучшему можно только предав широкой огласке проблемы национально-культурных меньшинств. Тем более, что в национальных регионах — на Кавказе и в Поволжье — они составляли большинство населения. Главной задачей его известной работы «Кавказ и Поволжье», посвященной национальной политике России в этих регионах, стало привлечение внимания общественности к необходимости защиты российскими этносами своей культуры и национальной самобытности.

Главным орудием самозащиты народов А.Т. Цаликов считал их просвещение. Он решительно критиковал методы администрации, которые уже не соответствовали выросшему культурному уровню кавказских народов, решительно восстал против системы «ежовых рукавиц и бараньего рога». Зачастую такая политика вместо ожидаемых благотворных результатов оборачивалась трагедией. Цаликов считал, что карательные экспедиции и экзекуции, если они проводятся не конкретно против правонарушителей, а направлены против всех носителей круговой поруки, деморализуют и разоряют местное население, а разбои и грабежи начинают принимать все более значительные размеры.

С присущей российской интеллигенции критичностью А.Т. Цаликов отмечал: «Если бы русская государственная власть могла бы возвыситься до понимания самодовлеющих вопросов культурного подъема всех народностей, входящих в состав Российской империи, то она в школьных мероприятиях считала бы непременной обязанностью необходимость согласования этих мероприятий с этнографическими, бытовыми и религиозными особенностями инородческого населения. Стремясь к единству государственного целого, она не стала бы ущемлять этих особенностей, тем более теперь, когда новые правовые начала якобы должны лечь в основу этой власти. Может быть, ничто не наносило и не наносит такого удара идее государственного единства,

как политика насильственной и искусственной русификации инородцев, в частности мусульман, и мы думаем, что дальнейшее продолжение этой политики на восточном фронте России послужит росту национально-культурной борьбы в еще не виданных до сего размерах».¹⁶⁹

Следует признать прозорливость А.Т. Цаликова в определении сути происходящих событий. Острая критика мер государственной власти по просвещению инородцев сочетается с обоснованием требований к власти в деле проведения образовательной политики. Главное из них заключается в том, что, осуществляя те или иные мероприятия в различных отраслях государственной политики, центральная власть должна учитывать особенности экономического и психологического уклада каждого народа. Только в этом случае проводимая политика не будет наносить ущерб населению. Напротив, политика, отвечающая думам и чаяниям народа, будет им всецело поддерживаться. Единство государства, по мнению Цаликова, должно поддерживаться возможностями этнокультурного развития для каждого представленного в нем народа.

А.Т. Цаликов обосновал вывод о том, что государственное единство обеспечивается единством убеждений различных по национальной и религиозной принадлежности людей, а Россия будет крепким государственным объединением при условии сохранения культурно-национальных и религиозных форм существования различных народов, населяющих ее территорию.

Бурные события 1917 года заставили А.Т. Цаликова отказаться от идей социализма, а дальнейшие события подтвердили приверженность его исламу. Это послужило причиной отказа Цаликова от сотрудничества с органами Советской власти и эмиграции за пределы Родины.

Общественная мысль несет способность к изменению присущей обществу системы ориентаций, привносит новое сознание, способствует пониманию новых задач, с которыми сталкивается народ и общество в модернизирующемся мире.

Как писатели, публицисты и общественные деятели осетинские интеллигенты-демократы сформировались на традициях великой русской культуры и были связаны с ней множеством животворных нитей. «Мы все воспитывались на русской литературе», — любил повторять Г.Цаголов. У К.Хетагурова есть стихи, посвященные памяти М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, П.И. Чайковского, А.Н. Островского, А.Н. Плещеева¹⁷⁰. Г.М. Цаголов писал о творчестве А.С. Грибоедова, Т.Г. Шевченко, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и др.¹⁷¹ Г.В. Баев писал о кавказской лирике и поэмах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова¹⁷². Памяти выдающегося сибирского просветителя и ученого Н.М. Ядринцева посвятил прекрасное стихотворение И.Д. Кануков¹⁷³.

Своеобразный «культ» русских писателей в их творчестве был культом «критически мыслящих личностей», которые, по словам Коста, «озарили

мыслью новой всю Русь родную», формировали общественное самосознание русского и горского обществ. Для передовой интеллигенции Осетии они всегда были примером духовного подвижничества и интеллектуального подвига. Как и российская, интеллигенция Осетии старалась жить и работать для народа — «все анализируя, все осязая, все подвергая очистительному пламени критической мысли»¹⁷⁴.

Общественное движение в Осетии. В общественно-политическом движении пореформенной Осетии возникают и развиваются различные направления, среди которых особое развитие получили либерально-буржуазное и демократическое.

Деятельность представителей либерально-буржуазного течения была направлена против «стеснительных ограничений» самодержавия. Они выражали недовольство национальным угнетением, осуждали притеснения «своего» народа алдарами и баделятами. Либеральное крыло общественно-го движения довольствовалось вымалыванием отдельных, незначительных уступок для «осетинского общества», расширением «права» обсуждать свои интересы в печати и уповало на царскую «милость» во всех преобразованиях. Деятельность либерально-буржуазного направления оставила слабый след в общественно-политической жизни Осетии.

Многие осетины получали образование в столичных центрах, где принимали участие в народнических кружках. Так, например, Идрис Шанаев принимал участие в деятельности кружка «нечаевцев», за что был подвергнут аресту и два года отсидел в Петропавловской крепости. Молодой А.Ардасенов был участником Московского кружка «чайковцев». Выходец из с. Кадгарон М.Абациев был связан с петербургскими народническими кружками. Он распространял воззвание русской учащейся молодежи, написанное Г.В. Плехановым, принимал участие в покушении на жандармского генерала Мезенцева.

В 1873 г. в Петербурге образовался кружок кавказской молодежи. Из осетин членами кружка были А.Ардасенов, Д.Сохийев, Е.Газданов, М.Баев, И.Шанаев. Цели и задачи «кавказцев» состояли в том, чтобы «идти в народ с целью антиправительственной пропаганды... открыть во Владикавказе и Кутаиси нелегальные библиотеки».

Возвратившись на родину, они в 1874 г. во Владикавказе организовали кружок, в состав которого входили А.Ардасенов (руководитель), Ибрагим и Джантемир Шанаевы, П.Годжиев, Е.Газданов, А.Афдаров, Г.Атабеков, Д.Сохийев, Дз.Голиев, Х.Тускаев, братья Петр и Степан Поповы, А.Вертенев, П.Языев, О.Казбек, В.Кизер, Д.Лавров¹⁷⁵.

Активную роль в организации владикавказского кружка сыграла Л.В. Канонова (Палицина). При ее помощи члены кружка предприняли шаги к организации библиотеки во Владикавказе с целью пропаганды нелегальной ли-

тературы. Л.В. Канонова вместе с А.Ардасеновым и другими членами кружка пыталась организовать подпольную типографию.

Возникновение народнического кружка во Владикавказе явилось результатом влияния на местную молодежь идей революционного народничества центра России. Участники кружка расклеивали по городу прокламации, в которых провозглашались такие лозунги и призывы, как: «Свобода и воля. Равенство и братство. Долой царя... Смерть мироедам!».

Пропаганда революционной литературы в Осетии, начатая кружковцами, содействовала распространению среди населения идей социализма.

Активную пропагандистскую работу среди рабочих Владикавказа вели А.Радченко, Г.Рыбальченко, А.Ардасенов, М.Абаев. Во Владикавказский кружок входила и группа девушек: А.Охрименко, Х.Ророк, Л.Серебрякова, М.Бузилова (Газданова), О.Бритаева (Казбек)¹⁷⁶.

Лидия Серебрякова в 1875 г. в Осетинской слободке г. Владикавказа открыла школу для детей из неимущих семей, которая стала одним из опорных пунктов просветительской и пропагандистской работы. Узнав о том, что школа используется в пропагандистских целях, администрация поспешно закрыла эту единственную в области бесплатную школу для горских детей.

Активное участие в пропаганде революционных идей на Тереке принимала учительница А.Охрименко. Работая в Моздоке, она поддерживала связь с владикавказским кружком.

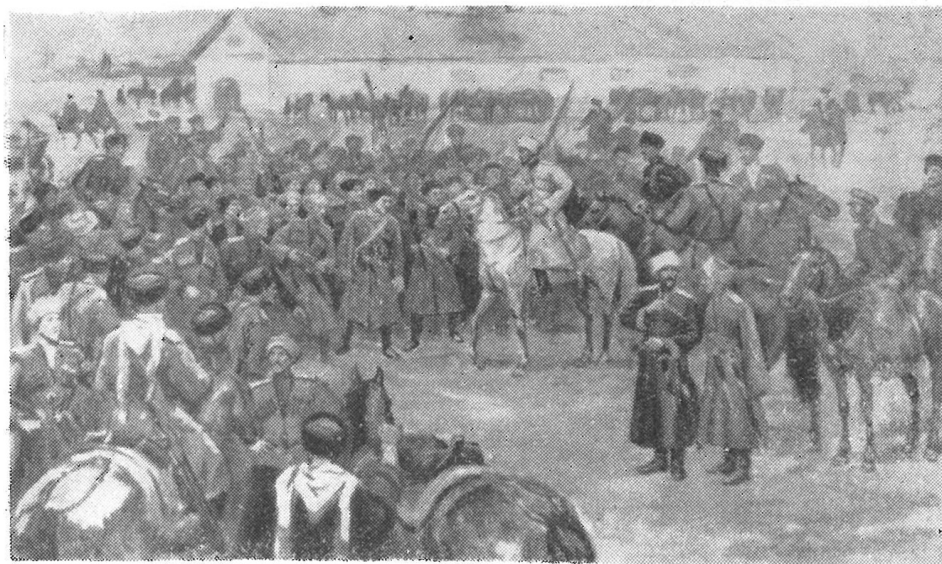
К концу 1875 г. народничество оказалось в трудном положении. Правительство готовило показательные политические процессы над участниками революционного движения. Не избежал полицейских преследований и Владикавказский кружок. 17 апреля 1876 г. был арестован его руководитель А.Г. Ардасенов.

Владикавказский кружок был тесно связан с российским революционным движением. Члены кружка распространяли запрещенные книги, создавали тайные библиотеки. Они оказали вооруженную поддержку участникам крестьянского восстания в Сванетии в 1875 году, освобождали политических заключенных, этапиремых по железной дороге из Владикавказа в Петербург, и др.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. группа студентов из Владикавказа, обучавшихся в вузах Петербурга, образовала народнический кружок, получивший в архивных документах наименование «Петербургский кружок владикавказцев». По поручению этого кружка в 1878 г. П.Головченко приехал во Владикавказ и организовал новый народнический кружок во главе с Неониллой Назаровой. В квартире сестер Назаровых (Неонила, Евлампии и Серафимы) собирались молодые люди, которые знакомились с содержанием запрещенных книг. Квартира Назаровых (по ул.Слепцовой, ныне ул.Маяковского) превратилась в базовый центр революционной пропаганды. В этот кружок

входили также учащиеся женской гимназии Богданова, Зумерова, Попова, Теремец, Котляревская, Климова, Томкоева и др.

Активную пропаганду среди рабочих Владикавказских вагоноремонтных мастерских проводил слесарь Иосиф (Осип) Адамец. По докладу Министра Юстиции относительно дела о мастеровом Адамце и других, обвиняемых в «государственном преступлении», император Александр II лично повелел 4 июня 1880 г. подвергнуть всех наказанию в административном порядке. Народническое движение в Осетии, как и в России, было направлено против существующего строя. Оно было составной частью освободительного движения в России.

Революционные выступления во во Владикавказе. 1905 г. Худ. А.В. Джанаев

В 1904 году оформилась Владикавказская группа РСДРП, объединившая ряд кружков. Она проводила агитационную работу среди городских рабочих, выпускала прокламации на русском, грузинском и осетинском языках, проводила собрания рабочих. Появились революционные кружки в осетинских селениях — Алагире, Ольгинском, Заманкуле, Христиановском. В конце 1904 года во Владикавказе образовался Терско-Дагестанский комитет РСДРП, объединивший социал-демократические группы Терской области и Дагестана.

Осетинские социал-демократы поддерживали нараставшее общественное движение на юге Осетии. Они опубликовали прокламацию «Памяти Ладю Кецховели» — человека, впервые начавшего пропаганду марксистских идей среди южных осетин. В феврале 1902 года организуются первые социал-демократические группы в Цхинвале, Боржоми, Сурами, в селениях Земо

Никози, Кемерта, Ванати и др. Одним из организаторов этих кружков был делегат Лондонского съезда РСДРП Г.А. Гаглоев. Накануне первой русской революции социал-демократические группы в Корниси организовали Аслан Кораев, Васо Тибилов, Саулаг Каджаев, Алексей Санакоев и др.: в Цунари — А.Бугулаев, М.Хетагуров; в Ахалгори — О.Хачирова, В.Хубаев; в Лехурском ущелье — А.Дриаев, Г.Хачиров, М.Маргиев, П.Плиев; в Джаве — Ш.Джигоев, Д. и Г.Санакоевы. Группы рабочих-осетин и учащихся вступали в ряды РСДРП в Баку, Тифлисе. Позднее многие из них (Р.Ш. Козаев, Д.И. Хубулов, К.Д. Джатиев и др.) перешли в ряды большевиков.

Возникновение социал-демократических организаций, пропаганда революционных идей, распространение большевистской «Искры» сыграли важную роль в революционном подъеме в Осетии накануне первой российской революции 1905-1907 годов.

Толчком к началу революции 1905-1907 годов послужили события 9 января 1905 года. В это «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге была расстреляна и разогнана мирная демонстрация рабочих. Волна возмущения жестокостью властей, которая подогревалась чрезвычайно сложной экономической и политической обстановкой в стране, в течение нескольких дней захлестнула все промышленно развитые регионы России. На Северном Кавказе крупные акции протеста рабочих начались в конце января 1905 года, когда первыми начали забастовку рабочие Грозненских нефтяных промыслов, служащие железнодорожных станций, шахтеры Садона и рабочие серебряносвинцового завода во Владикавказе. В это же время первые многолюдные митинги прошли в Южной Осетии, участники которых выражали резкое недовольство местными помещиками и чинами низшей сельской администрации.

На начальном этапе революции (май-сентябрь 1905 года) протестные выступления в основном распространялись среди пролетариата, городских служащих, учащихся и местной интеллигенции Владикавказа, Грозного, Минеральных Вод, Пятигорска. В этот период бастующие выдвигали, главным образом, требования экономического характера.

К концу весны политическая ситуация на Северном Кавказе обостряется. Майские выступления охватывают уже все города Северного Кавказа, а наряду с экономическими требованиями все чаще слышатся антиправительственные призывы.

Одним из значимых событий этого периода стала многотысячная антиправительственная демонстрация во Владикавказе. Начавшись 5 мая, к следующему дню забастовка охватила важнейшие предприятия города — заводы и фабрики, трамвайный парк, типографии, возчиков, приказчиков, многочисленные мастерские города и т.д. К забастовке присоединилась часть интеллигенции и учащейся молодежи.

Лето 1905 года стало для Северной и Южной Осетии временем массового движения среди крестьян. В Алагире, Ардоне, Христиановском, Магомедановском и других местах происходили выступления крестьян против сельских администраций, захваты церковных, казенных и частновладельческих земель, потравы полей, незаконная вырубка леса в заповедных участках и т.д. Аналогично крестьянское движение нарастало и в Южной Осетии, где повсюду собирались сходы, в которых участвовали иногда сотни и тысячи человек.

Крестьяне шли на столь радикальные действия в силу объективных причин, главной из которых было малоземелье. Ситуация усугублялась усиливавшимся влиянием революционной пропаганды радикальных политических партий¹⁷⁷.

Июльская стачка на Владикавказской железной дороге, которая пересекала весь Северный Кавказ и служила «основным путем распространения революции в регионе»¹⁷⁸, привела к тому, что движение поездов на Владикавказской линии было практически парализовано.

Власти прилагали большие усилия для того, чтобы восстановить движение железнодорожного транспорта. Жесткая позиция администрации, массовые увольнения при поддержке войск — все это подорвало боевой дух рабочих депо и 24 июля 1905 года они выразили согласие вернуться к работе на предложенных им условиях.

Осень 1905 и начало зимы 1906 года стали этапом наивысшего подъема революции, которая практически повсеместно перешла в фазу вооруженного сопротивления правительству. Всероссийская политическая стачка, начавшаяся в октябре 1905 года, вновь охватила Владикавказскую железную дорогу. К середине октября движение поездов опять остановилось.

Во Владикавказском округе наиболее значительными событиями этого периода были массовые митинги во Владикавказе и череда крестьянских выступлений. Бастовали вагоновожатые трамваев и служащие телеграфа, воспитанники Александровской миссионерской духовной семинарии в Ардоне и учащиеся Лорис-Меликовского ремесленного училища во Владикавказе, поступали тревожные сообщения о восстании солдат 81-го пехотного Апшеронского полка, расположенного во Владикавказе, и т.д.

Чрезвычайно серьезными и упорными были крестьянские волнения, охватившие Северную и Южную Осетию. Наиболее массовыми оказались беспорядки, происходившие в осетинских селениях, окружающих Мизурскую фабрику и Садонские рудники, эксплуатируемые акционерным горнопромышленным обществом «Алагир». Крестьяне производили захваты казенных земель и лесов.

Еще в августе в Цхинвале из местных жителей и крестьян окрестных сел была создана крестьянская сотня, целью которой была вооруженная борьба

с представителями власти, полиции, помещиками и т.д.

Декабрьская всеобщая политическая стачка, начавшаяся 7 декабря 1905 г., переросла в вооруженное восстание. И вновь волна революционных беспорядков первым делом захлестнула станции Владикавказской железной дороги. В Минеральных Водах, Пятигорске, Ессентуках, Беслане и др. восставшими были созданы вооруженные группы, которым удалось разоружить жандармов и полицию, устранить администрацию от управления железной дорогой и взять ее под контроль.

Разгон демонстрации во Владикавказе. Октябрь 1905 г. Худ. А.В. Джанаев

Чрезвычайную опасность для властей представляли разлагающиеся под давлением открытой революционной пропаганды воинские части. Особо революционная пропаганда проявила себя в действиях первой сотни Осетинского дивизиона, расквартированной во Владикавказе.

Для обеспечения обороны города начальник Терской области решил «стянуть во Владикавказ казачьи сотни из других пунктов, оставленных в безнадежном положении от надвигающейся угрозы со стороны взвинченных революцией горцев (в особенности осетин)»¹⁷⁹. Это была осознанная необходимость сосредоточить «все силы для защиты Владикавказа как административного центра, с потерей которого проиграло бы русское владычество на Северном Кавказе»¹⁸⁰.

Вскоре после переброски основных военных сил во Владикавказ, власти на местах оказались не в состоянии сдерживать надвигающиеся крестьян-

ские восстания. В Ардоне и Алагире, Христиановском и Магометановском, повсюду в селениях Осетии пылал «бессмысленный и беспощадный» бунт. Разношерстные агитаторы и подстрекатели рассказывали крестьянам о тяжести налогов, о несовершенствах в области землепользования, о притеснениях со стороны русского правительства и т.д. Их призывали воспользоваться благоприятным моментом, примкнуть к общему движению, чтобы уничтожить «российскую опеку над Осетией», которая, по мнению агитаторов, создала плачевное положение осетинской нации.

Вся эта пропаганда попадала на благоприятную почву и давала ростки. В горных и равнинных селах Осетии ежедневно происходили митинги и сходь. Крестьяне, вступая в ожесточенное противостояние с местной властью и землевладельцами, захватывали земли и леса, устраивали погромы и грабежи. Революционное движение нарастало с каждым днем и в 20-х числах декабря достигло высшей точки накала.

Центром крестьянского движения в декабре 1905 года стало селение Алагир. Начавшиеся здесь 21 декабря волнения продолжались в течение трех дней.

23 декабря 1905 года в Терской области было введено военное положение. С большим трудом в конце декабря 1905 г. — начале января 1906 г. восстание удалось локализовать и подавить при помощи войск и артиллерии.

По всему Владикавказскому округу начались массовые аресты участников декабрьского восстания. Только по официальным данным на 8 марта 1906 года в тюрьмах Терской области содержалось 278 человек, арестованных за участие в революционном движении¹⁸¹.

С целью принуждения осетинских сельских обществ к выдаче виновных в погромах в Ардоне, Алагире, Садоне, Мизуре и др., возврата похищенного ими имущества и разоружения осетинских селений, по распоряжению временного генерал-губернатора Терской области А.М. Колюбакина, 7 января 1906 года в Осетию был направлен отряд под командованием начальника штаба 21-й пехотной дивизии, полковника Ляхова¹⁸². Появление отряда и угроза применения оружия почти повсюду приводили к желательным результатам. Жители осетинских селений, несмотря на недовольство, выполняли предъявляемые им требования¹⁸³.

В нескольких селениях, общества которых всячески затягивали сдачу оружия, выдачу погромщиков и награбленного имущества, было применено оружие. В Кадгароне, Ногкау, Христиановском и Магометановском требования были исполнены только после оружейных выстрелов, в результате которых погибло несколько человек.

Схожими были последствия декабрьского восстания и для селений Южной Осетии. 31 декабря 1905 года на территории Горийского и Душетского уездов было введено военное положение. 15 января 1906 года временный

генерал-губернатор этих уездов генерал-майор Бауер в своем приказе предложил населению «немедленно приступить к мирному труду и точному соблюдению закона в полном объеме», в противном случае грозя «разрушением и уничтожением виновных и непослушных селений, без всякого разбора правых и виновных лиц в отдельности»¹⁸⁴.

В январе-феврале 1906 года накал революционного движения на Северном Кавказе стал заметно спадать. При помощи жестоких репрессий в течение 1906-1907 гг. администрации удалось стабилизировать социально-экономическую и политическую обстановку.

Завершающий этап революции во Владикавказском округе ознаменовался разрозненными бунтами во Владикавказе и некоторых селениях. Стоит отметить массовый загородный митинг, состоявшийся близ Владикавказа 29 июня 1906 года, в котором приняло участие до 1000 человек, преимущественно рабочих, служащих и учащихся Владикавказа, а также вооруженное восстание в артиллерийском лагере, расположенном в 6-7 километрах к северо-западу от Владикавказа.

В Южной Осетии в этот период аграрное и революционное движение также пошло на спад. Главным фактором, дестабилизирующим обстановку в регионе, была террористическая деятельность т.н. «красносотенцев-размистов», учинивших отчаянную охоту на представителей администрации, дворянства и держащих в страхе почти все местные селения.

С лета 1906 года правительство перехватило инициативу. В дальнейшем основное внимание уделялось решению главной задачи — предотвращению даже малейших попыток дестабилизировать обстановку. Революция 1905-1907 годов окончательно была подавлена здесь к середине лета 1907 года.

Несмотря на то, что в ходе революции 1905-1907 гг. не удалось добиться ни уничтожения сословного строя, ни установления демократической республики, страна получила важнейший исторический Манифест 17 октября 1905 года, дарующий «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Высшая власть пришла к пониманию важнейшей проблемы государства — «Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы».

Уроженцы Осетии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала одним из значимых событий европейской истории второй половины XIX века. Победа русской армии оказала огромное влияние на исторические судьбы народов Балканского полуострова, обеспечив их освобождение от пятивекового турецкого господства и положив начало независимости Болгарии, Сербии, Румынии и Черногории.

Известие о скорой войне за освобождение славянских народов Балканского полуострова от османского ига было с одобрением воспринято в рос-

сийском обществе и вызвало необычайный патриотический подъем. Большое число добровольцев, в том числе и в Осетии, было готово с оружием в руках помочь балканским славянам в борьбе за их независимость.

В 1876-1877 годах на Северном Кавказе и в Закавказье было сформировано: 19 конно-иррегулярных полков, 21 дружина, 7 конно-иррегулярных дивизионов, 4 дворянские конно-иррегулярные сотни, 5 сотен Самурзаканской милиции, 2 сотни Кутаисской милиции, 5 сотен Елисаветпольской милиции, 2 сотни Ахалцихского уезда, 2 сотни Ахалкалакского уезда, 2 сотни Горийского уезда, 3 сотни Тианетской милиции, 3 сотни Хасав-Юртовского округа, 2 сотни Грозненского округа, 16 отдельных сотен, 3 сотни осетинской милиции.

Из горцев, проживающих во Владикавказском округе, был сформирован один из первых на Северном Кавказе Терско-Горский конно-иррегулярный полк. 18 ноября 1876 года¹⁸⁵, согласно высочайшему повелению императора, главнокомандующий Кавказской армией издал приказ по войскам и управлениям Терской области № 87: «Сформировать из туземного населения Владикавказского округа вверенной мне области 4-х сотенный конный полк, которому и присвоить наименование Терско-Горского конно-иррегулярного полка. Командование этим полком Его Высочество разрешил вверить Начальнику Владикавказского округа полковнику Панкратову»¹⁸⁶.

В приказе предлагалось из числа добровольцев осетин и ингушей, проживающих во Владикавказском округе, сформировать два дивизиона — Осетинский и Ингушский, каждый в составе двух сотен. Командиром Осетинского дивизиона был назначен ротмистр Арслан-Мурза Есиев¹⁸⁷ (в этом дивизионе сотнями командовали корнет Агубекир Дударов и подпоручик Тотрадз Зембатов). Формирование полка проходило в обстановке необычайного патриотического подъема. Современник писал, что «осетины и ингуши очень огорчились тем, что зачем-де формируют только один полк, зачем берут так мало, когда джигитов хватит у них на десять таких полков»¹⁸⁸. В благородном порыве души, с лихорадочной поспешностью, и стар и млад, торопились не упустить возможность попасть в строй формируемого полка. Желающих поступить на службу явилось несравненно больше, чем требовалось, и менее чем за месяц добровольцы были полностью готовы к отправке в поход. Многие не попавшие в него осетины с нетерпением ожидали формирования еще других полков и с жадностью ловили каждый слух об этом. Офицеры, которым не удалось занять штатные офицерские должности, поступали в полк просто всадниками.

Всего в иррегулярных частях, сформированных из горского населения Северного Кавказа и Дагестана, находилось около 8 тысяч человек.

Во время войны 1877-1878 гг. терские казаки выставили в ряды действовавших армий около 15% мужского населения. Сформированные Терским Казачьим войском части принимали участие в боевых операциях на

различных участках военных действий.

Боевые действия русско-турецкой войны 1877-1878 гг. развернулись на двух фронтах — Балканском и Кавказском (Малоазиатском). Наиболее масштабные из них происходили на Балканском полуострове. Однако, несмотря на то, что Кавказский театр войны играл второстепенную роль, здесь одновременно решались несколько важных задач. Главной задачей было сковать максимально возможное количество турецких войск в Малой Азии и не допустить их переброску в Болгарию. Необходимо было предотвратить продвижение турецких войск в Закавказье и, по возможности, изгнать турок из ранее оккупированных ими районов Армении и Аджарии.

Осетины — участники военных кампаний России конца XIX в.

В состав Дунайской армии были направлены Лейб-Гвардии Кубанский и Терский Собственного Его Величества Конвоя Эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки, а также Терско-Горский иррегулярный полк. В Кишиневе была образована Кавказская казачья дивизия в составе Владикавказского и Кубанского казачьих полков, Терско-Горского иррегулярного полка и Донской горной батареи. Вскоре Кавказская казачья дивизия была преобразована в Кавказскую казачью бригаду, в состав которой вошли все указанные выше части. Командиром Кавказской казачьей бригады был назначен полковник И.Ф. Тутолмин.

С первых дней войны многие из воинских частей, сформированных на Кавказе, оказались среди передовых подразделений русской армии, сосре-

доточенных в Бессарабии вдоль румынской границы. Будучи в составе Кавказской казачьей дивизии, с первых же дней совместной службы у их командира, полковника И.Ф. Тутолмина, сложилось высокое мнение о всадниках¹⁸⁹ Терско-Горского иррегулярного полка: «Во всех оттенках этого полка проявлялось строго выдержанное военное щегольство; сухие, кровные кони, исправные седла, нарядная сбруя, изящная отделка шашек и кинжалов выказывали их любовь к боевой обстановке. Они от всей души откликались на призыв боя и жаждали войны»¹⁹⁰.

Оказавшись в составе Кавказской дивизии, а позже и Кавказской бригады, осетины на протяжении всей войны являлись примером самоотверженного служения Отечеству. По свидетельству очевидцев, «осетины, в голове Кавказской бригады, первыми вступали в бой за Дунаем, и если им приходилось бывать последними, то только при отступлении»¹⁹¹.

Командование без тени сомнения бросало их на самые опасные участки фронта. Неизменная верность долгу и высокие боевые качества осетин в этой войне по достоинству были оценены многими выдающимися русскими военачальниками — И. Гурко, М. Скобелевым, И. Тутолминым и др. В боях за Ловчу, Плевну, Шипку и др. выходцы из Осетии мужественно выполняли возложенные на них обязанности.

В сообщении на имя начальника Западного отряда генерала П.Д. Зотова командир Кавказской казачьей бригады отмечал: «Этот народ (осетины. — Ред.) заслуживает из ряда вон выходящей награды своею безупречною, безграничною храбростью. С первого шага за Дунай, с 22 июня, они открыли для Кавказской бригады целый ряд дел с неприятелем, полной безупречной отваги и собственной кровью значительно более других оросили путь от Дели-Сула через Градешти до самого Самовида и оттуда через Плевну до окопов Ловчи»¹⁹².

Генерал М.Д. Скобелев, командовавший русскими войсками в боях под Плевной, высоко ценил смелость и преданность Осетинского дивизиона. В одном из рапортов он отмечал, что «поведение осетинского дивизиона по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости выше всякой похвалы»¹⁹³.

Кавказская казачья бригада, в которую входили и Владикавказский казачий полк, и Осетинский дивизион, участвовала в боях на самых трудных участках фронта. Так, Осетинский дивизион принял участие

Генерал М.Д. Скобелев

в форсировании Дуная, в сражениях за Никополь, Ловчу, Плевну, Шумлу, Правец, Етрополе, Софию, Филипполь (Пловдив), Адрианополь (Эдирне) и т.д.

В мемуарах непосредственных участников русско-турецкой войны 1877-1878 гг. сохранились свидетельства героического служения Родине наших земляков.

И.Ф. Тутолмин, вспоминая одно из боевых столкновений под Плевной, описал, как осетины Бек-Узаров (Бекузаров. — Ред.) и Сокаев, преследуя отступающие отряды турок, в одиночных схватках захватили два турецких знамени¹⁹⁴.

В другой знаменитой кампании той войны, под Ловчей, во время усиленной рекогносцировки отличилась 1-я сотня Осетинского дивизиона. Отряд осетин был расположен наблюдательным постом на горе у Омаркиоя. Сотник Шанаев, первым заметивший скрытное продвижение турецкого отряда из 150 человек, «озадачил их своевременным открытием огня с вершины горы, 1-я сотня успела взять их с тыла, ударила на нее и вогнала в Осму... Душой этого осетинского дела была всегдашняя их отвага; но запевалами этой увлекательной отваги были сотенные командиры Дударов и Зембатов»¹⁹⁵.

В тяжелых боях редел Осетинский дивизион. Главнокомандующий Дунайской армией телеграфировал в Тифлис наместнику: «...Осетин пришли сколько можешь. Кавказцы служили великолепно и поддерживали свою славу, но зато и людей потеряли много. Необходимо их пополнить. Осетины так работали, что буду просить им Георгиевское знамя»¹⁹⁶. «Кавказское сердце ваше всегда сумеет быть на высоте боевого дела. Я знаю вас и не считаю врагов»¹⁹⁷, — обращался к ним Скобелев.

Вооруженные осетины. Конец XIX в.

Где бы ни оказались сыны Кавказа, в каком бы месте им ни пришлось нести службу, невзирая на происхождение, или вероисповедование, плечом к плечу в едином строю с регулярной армией, они предопределили победоносный исход войны 1877-1878 годов. Все они «отличались храбростью, высоким боевым духом, личной преданностью». Многие из них проявили беспримерный героизм в кровавых схватках с врагом, и подвиг их был по достоинству оценен.

С апреля 1877 по август 1878 гг. около 4 тысяч рядовых иррегулярных частей были награждены золотыми и серебряными медалями с надписью «За храбрость». За храбрость и мужество рядовые Терско-Горского конно-иррегулярного полка получили более 200 георгиевских крестов¹⁹⁸. Только из первой сотни Осетинского дивизиона это были Б.Мильдзихов, Э.Доев, К.Гуриев, А.Кокаев, К.Туганов, Т.Шанаев, Ф.Камбегов, С.Кубалов, Д.Дудаев, Е.Газданов, З.Коцоев, С.Фидаров, С.Кулаев, Х.Магкаев, К.Цазиков, К.Бадоев, К.-М.Мамсуров, Ц.Одархаев, Н.Сокаев, Т.Едзаев, Д.Бекузаров.

Во второй сотне георгиевские кресты получили Б.Каргиев, Б.Сокаев, И.Турлатов, П.Хантиев, Т.Есиев, Г.Лотов, А.Гуриев, А.Кайтов, Д.Кайтов, Г.Дзугаев, С.Дотиев, К.Зембатов, З. и Б.Цаликовы, З.Закуров, Г.Дотиев, К.Есиев, Е.Хадарцев и др.

За самоотверженное служение и героизм, проявленные на фронтах русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Осетинскому дивизиону Терско-Горского конно-иррегулярного полка было пожаловано Георгиевское знамя.

8 августа 1878 года Император Александр II издал рескрипт, которым пожаловал Осетинскому дивизиону Терско-Горского конно-иррегулярного полка самую почетную для войск награду: «В ознаменование особенного Монаршего благоволения Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости Осетинским дивизионом Терско-Горского конно-иррегулярного полка в делах с турками в 1877 и 1878 годах, Всемилостивейше жалуем дивизиону сему Георгиевское знамя с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877-1878 годов». Повелеваем: освятить жалуемое знамя, по установлению употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственным»¹⁹⁹.

Многие сыны Осетии, самоотверженно сражаясь в регулярных частях русской армии и казачьих полках, были удостоены высоких государственных наград. До сих пор в памяти осетинского народа особое место занимает ге-

Созырыко Хоранов

нерал Созырыко Хоранов. Боевое крещение он получил именно во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В начале войны прапорщик Владикавказского полка, участвуя во многих чрезвычайно опасных и рискованных операциях, он привлек внимание генерала М.Д. Скобелева. Оценив «разумного молодца» Хоранова», генерал Скобелев приблизил и сделал его своим ординарцем. «Вращаясь все время в гуще военных событий, ни на один час не выходя из огня, Хоранов быстро повышался в чинах. Хорунжий 18 сентября 1877 г., он произведен в сотники 2 ноября 1877 г., а 28 ноября 1878 г. произведен в есаулы... он получил при этом боевые ордена Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость». За взятие Зеленых гор под Плевной награжден орденом Св. Станислава 3 степени. За взятие Шейнова — орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом. За отличие, оказанное в деле против турок, 7 января 1878 г. при Хаскиое, награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом»²⁰⁰.

В исторической литературе сохранились сведения о том, что «штабс-капитан 155-го пехотного Кубанского полка Александр Бегиев, командуя ротой при штурме Деве-Бойну, выбил врага из траншей и первым взбежал на эту высоту и захватил одно орудие»²⁰¹. 18 апреля 1878 г. штабс-капитан А.Бегиев был награжден за свой подвиг Георгиевским орденом.

Так же высоко были оценены заслуги майора 16-го драгунского Нижегородского полка Инала Кусова: «2 октября 1877 года, командуя 4-м эскадронном, он отразил атаки турок, шедших на помощь своим частям, а на следующий день при атаке Визинкевских укреплений первым вскочил в укрепление, при этом получив ранение»²⁰².

Отличился и подполковник 154-го пехотного Дербентского полка Леонтий Асанович Кантемиров, который «при штурме Орлоксских высот, во главе своего батальона, овладел с боя сильно укрепленной позицией»²⁰³.

За мужество и героизм, проявленные в годы войны, четверо офицеров 1-го Владикавказского казачьего полка, бок о бок с которым сражались всадники Осетинского дивизиона, были награждены орденом Святого Георгия и Золотым оружием, а 213 казаков нижних чинов были удостоены георгиевских крестов²⁰⁴. Всего за годы русско-турецкой войны 1877-1878 годов 1113 казаков Терского Казачьего войска, принимавших участие в боевых действиях, были удостоены знаков отличия военного ордена Святого Георгия всех степеней²⁰⁵.

Неувядаемой славой покрыли себя многие выходцы из Осетии при обороне Шипки (июль 1877 — январь 1878 г.). Мемориальный комплекс, воздвигнутый благодарным болгарским народом на месте яростных сражений, напоминает о русских солдатах и болгарских ополченцах, которые «с неслышанной доблестью отстаивали нашу свободу». Среди особо отличившихся воинов, чьи имена высечены на памятнике погибшим за освобождение Бол-

Дудар Караев

гари, значится имя осетина, поручика Кантемирова.

Уроженцы Осетии сражались в рядах болгарского ополчения. Среди них был Дудар Караев, который, несмотря на ранение, оставался в строю и стойко продолжал защищать шипкинский перевал. За храбрость и мужество, проявленные им на Шипке в боях августа 1877 г., Д.Караев был награжден вторым для него Георгиевским крестом и повышен в звании.

История — это, прежде всего, история людей и их поступков. Народы Кавказа должны гордиться ратным подвигом своих предков, внесших существенный вклад в дело славной победы над Османской империей в военной кампании 1877-1878 гг. Их боевое содружество, скрепленное кровью, неоднократно было подтверждено в многочисленных войнах, которые наша страна вынуждена была вести в XIX и XX веках. Помнить об этом мы обязаны всегда, потому что «знание прошлого не только интересно, само по себе, как всякая история местной жизни, но оно всегда необходимо и весьма поучительно для того, чтобы иметь ясное представление о действительности»²⁰⁶.

Примечания

1. См.: Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX в.: Культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003. С. 30-33.
2. Инал Кануков Кровный стол // Инал Кануков. В осетинском селе. Орджоникидзе, 1985. С.290.
3. См.: Суменова З.Н. Инал Кануков. Орджоникидзе, 1972.
4. Инал Кануков К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // Инал Кануков. В осетинском ауле. С.300-301.
5. Инал Кануков Воровство-мечь // Инал Кануков Сочинения. Орджоникидзе, 1963. С.104.
6. Инал Кануков Горцы-переселенцы // Инал Кануков В осетинском ауле. С.83.
7. См.: Инал Кануков Заметки горца // Инал Кануков Сочинения. С.309-332; он же. От Александрополя до Эрзерума // Инал Кануков В осетинском ауле. С.96-106.
8. Инал Кануков Горцы-переселенцы. С.80.
9. Там же. С.81.
10. Там же.
11. Инал Кануков Из осетинской жизни // Инал Кануков В осетинском ауле. С.87-95.
12. Инал Кануков К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев. С.301.
13. Там же. С.300.
14. Там же. С.301.

15. Кануков И.Д. Горцы-переселенцы. С.84.
16. Там же.
17. См.: Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. Владикавказ, 2002. С. 52.
18. См.: Надеждин П.П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1869.
19. Кануков И.Д. В осетинском ауле. С.37-45; его же. Две смерти // Инал Кануков В осетинском ауле. С.106-115.
20. Кануков И.Д. Заметки горца. С.330.
21. Гассиев А.А. По части книжных древностей // Кавказ. 1873. №36.
22. Там же. №33.
23. Там же.
24. Иногородная школа (Сборник статей). Петроград, 1916. С.137.
25. Гассиев А.А. Школьное дело между инородцами на Кавказе // А.А. Гассиев. Избранные произведения. Владикавказ, 1992. С.249.
26. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вт.пол. XIX в.). Т.2. М., 1976. С.499.
27. Емельченко И. Значение трудов Н.И. Ильминского для нерусской школы // Русский язык в национальной школе. М., 1962. №1. С.42.
28. Гассиев А.А. Школьное дело между инородцами на Кавказе // А.А. Гассиев. Избранные произведения. С.275.
29. Там же. С.278.
30. Гассиев А.А. Коран, его происхождение и образование // А.А. Гассиев. Избранные произведения. Владикавказ, 1992. С.34-94; его же. Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения // А.А. Гассиев. Избранные произведения. С.95-132.
31. Гассиев А.А. Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения. С.95.
32. Там же. С.101.
33. Там же. С.127.
34. Там же. С.127.
35. Там же. С.130.
36. Гассиев А.А. Ислам и Конституция // А.А. Гассиев. Избранные произведения. С.140.
37. Там же. С.141.
38. Гассиев А.А. Фатум (Восточное учение) // А.А. Гассиев. Избранные произведения. С.134.
39. Там же.
40. Гассиев А.А. Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения. С.107.
41. См.: Гассиев А.А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909; его же. О пропавшем сельском банке и аульных порядках. Владикавказ, 1898; его же. Новое исследование учения Льва Толстого. Владикавказ, 1914.
42. См.: Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977. С.36.
43. Дроеба (Времена). 1884. №135.
44. Там же. 1883. №199.
45. Мцкемси (Пастух). 1884. №11.
46. Там же. 1885. №2.
47. Там же. №15.
48. Дроеба (Времена). 1883. №226.
49. Там же. 1884. №110.
50. Там же. №47.
51. Мцкемси (Пастух). 1885. №78.
52. Там же. 1884. №17.

53. Ардасенов Н.М. Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970.
54. Ардасенов А.Г. (В.-Н.-Л.). Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896; переизд.: Ардасенов А.Г. Избранные труды. Владикавказ, 1997. С.70-120.
55. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.84.
56. Маркс К. Письмо к Н.Ф. Даниельсону от 10 апреля 1879 г. // К. Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т.1-50. М., 1955-1981. Т. 34. 1964. С.291.
57. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.85.
58. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта («От прошлого к будущему»). Т.1. Новосибирск, 1997.
59. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.71.
60. Там же. С.86-87.
61. Там же. С.85.
62. Там же. С.84.
63. См.: Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982. С.87.
64. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.88.
65. Там же. С.108.
66. Там же. С.55, 108.
67. Там же. С.79.
68. Там же. С.89.
69. Там же. С.109.
70. См.: Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С.29-31.
71. См.: [Даниельсон Н.Ф.] Николай-он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства // Слово. СПб., 1880. №10. Отд.1. С.124-125.
72. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.111.
73. Там же. С.113.
74. Там же. С.118.
75. Там же. С.102.
76. Там же. С.99.
77. См.: Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С.28.
78. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.76.
79. Там же. С.85.
80. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта («От прошлого к будущему»). Т.1. Новосибирск, 1997. С.315-316.
81. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7. С.31; см. также: Айларова А.С. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX в.: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.
82. Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.120.
83. Ардасенов А.Г. Будущность травосеяния в Кутаисской губернии // Ардасенов А.Г. Избранные труды. С.226.
84. Цаголов Г. Воспоминания // НА СОИГСИ. Ф.11. Оп.1. Д.1. Л.379.
85. Там же.
86. Цаголов Г.М. Из жизни осетин (Безземелье в Осетии) // Новое обозрение. 1897. №4677.
87. См.: Хетагуров К.Л. <До сих пор еще не решенный земельный вопрос...> // К.Л. Хетагуров. Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ, 1999-2001. Т.4. С.239-242; Есиев А.К. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области // Казбек. 1899. №628-634; Баев Г.В. Поземельный вопрос в плоскостной Осетии // ТВ. 1901. №134; Шаханов Б.А. Терские дела // Каспий. 1899. №267. С.276.

88. Цаголов Г.М. Из жизни осетин (Безземелье в Осетии).
89. Цаголов Г.М. Экономические наброски // ТВ. 1895. №118.
90. Цаголов Г.М. Дигорские отголоски (Дигорские науки) // ТВ. 1894. №129.
91. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни (История одного налога) // ТВ. 1900. №9; его же. Из жизни осетин (Мирские денежные сборы) // Новое обозрение. 1897. №4647.
92. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни (Сельская буржуазия и наделные земли) // ТВ. 1899. №138.
93. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни (Новые веяния) // ТВ. 1899. №113.
94. Маркс К. Письмо Людвигу Кугельману от 17 февраля 1870 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.32. С.541.
95. Цаголов Г.М. Культурное движение среди осетин // Северный Кавказ. 1900. №11.
96. Цаголов Г.М. Аграрные заметки // Терек. 1910. №3827.
97. Цаголов Г.М. Культурное движение среди осетин.
98. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1989. С.49.
99. Хетагуров К.Л. Избави бог нас от этих судей // Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в пяти томах. Т.IV. Владикавказ, 2001. С.168.
100. См.: Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997. С.13; Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм. М., 1972. С.160.
101. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни (Из истории сельской буржуазии) // ТВ.1900. №6.
102. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-изд. Т.19. С.121.
103. Цаголов Г.М. Заметки из осетинской жизни (Из истории сельской буржуазии).
104. Цаголов Г.М. Необходимая точка зрения // ТВ. 1901. №67.
105. Цаголов Г.М. Наблюдения и заметки // ТВ. 1907, №49; его же. Терская горнопромышленность // ТВ.1901. №88; его же. Упразднение фабричной инспекции // Казбек. 1903. №1620; его же. Сельскохозяйственные рабочие // Казбек. 1903. №1625.
106. Цаголов Г.М. Упразднение фабричной инспекции.
107. Цаголов Г.М. Знаменательный переворот // ТВ. 1912. №165.
108. Терек. 1916. 22 марта.
109. Хетагуров К.Л. Владикавказские письма (В последнее время замечается...). Т.IV. С.40.
110. Хетагуров К.Л. Разные записи и наброски (Мелкие заметки и отрывки). Т.V. С.364.
111. Хетагуров К.Л. Зиу (Письмо землякам). Т.IV. С.161.
112. Хетагуров К.Л. Накануне. Т.IV. С.88.
113. Хетагуров. Разные записи и наброски (Мелкие заметки и отрывки). Т.V. С.365.
114. Хетагуров К.Л. Неурядицы Северного Кавказа. Т.4. С.131-158.
115. Хетагуров К.Л. Накануне. Т.IV. С.91.
116. Хетагуров К.Л. Неурядицы Северного Кавказа. Т.IV. С.136.
117. См.: Ерасов Б.С. Концепции культурной самобытности в странах «третьего мира» // Вопросы философии. 1971. №11; Кутейщикова В.Н., Тертерян И.А. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978.
118. Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х гг. XIX века. Л., 1971.
119. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.3. С.246.
120. Хетагуров К.Л. На «BIS». Т.II. С.43.
121. См.: Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С.167.
122. Хетагуров К.Л. Ирон фандыр. «Взгляни!..». Т.I. С.51.

123. Абаев В.И. Что значит Коста для осетинского народа // В.И. Абаев. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С.552.
124. Абаев В.И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // В.И. Абаев. Избранные труды... С.545.
125. Абаев В.И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров. С.546.
126. См.: Айларова С.А. «Ирон фандыр» К.Л.Хетагурова и теория «неоплатного долга» П.Л.Лаврова // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С.158-180.
127. Богатов В.В. Философия Лаврова. М., 1972. С.314-315.
128. Круглова Л.К. «Исторические письма» П.Л.Лаврова (К 100-летию со дня выхода в свет) // Вестник Ленинградского ун-та. Вып.2.№11 (Экономика, философия, право). Л., 1970. С.61-62.
129. Рашковский Е.Б. Культура, история, личность в трудах П.Л.Лаврова // Известия Академии наук ГССР (серия философии и психологии). №4. Тбилиси, 1983. С.56.
130. Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. М., 1965. С.86.
131. Хетагуров К.Л. Ирон фандыр («Завещание»). Т.1. С.15
132. Лавров П.Л. Исторические письма. С.120.
133. Хетагуров К.Л. Разные записи и наброски (Мелкие заметки и отрывки). Т.V. С.364.
134. Габиев-Кумухский С. Памяти Коста // Заря Дагестана. 1912. №12.
135. Хорос В.Г. Указ. соч. С.83.
136. Хетагуров К.Л. Письмо И.Т.Гайтову. Т.5. С.72.
137. Рашковский Е.Б. Культура, история, личность в трудах П.Л.Лаврова. С.64.
138. Хетагуров К.Л. Разные записи и наброски (мелкие заметки и отрывки). Т.V. С.367-368.
139. Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн.1. М., 1974. С.69.
140. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М., 1977. С.216-217.
141. Хетагуров К.Л. Письмо А.А.Цаликовой от 26 июня 1899 г. Т.5. С.150.
142. НА СОИГСИ. Ф.Коста Хетагурова. Оп.1. Д.415. С.68.
143. Гуриев Т.А. За строкой Коста // Социалистическая Осетия. 1981. 25 июля.
144. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С.22.
145. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. (Репринт.изд.). М., 1976. Владикавказ, 2001. С.136.
146. Там же. С.137.
147. Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе. С.68.
148. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // В.И. Абаев. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Т.1. С.197.
149. Сказания о нартах / Перев. с осет. Ю.Лебединского. Владикавказ, 2000. С.326-327.
150. Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе. С.69.
151. Хетагуров К.Л. Ирон фандыр («Дума»). Т.1. С.20-21.
152. Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе. С.68.
153. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп.1. Д. 8. Л. 3
154. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 163. Л. 16-20.
155. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 163. Л. 164.
156. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 163. Л. 17.
157. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп.1. Д.168. Л.11.
158. НА СОИГСИ. Личный фонд Г.Баева. Оп.1. Д.20. Л.1-64.

159. Там же. Л.21.
160. Там же. Л.1-2.
161. См. Чеджемов С.Р. Правовая культура осетинского народа: история и теория. Владикавказ, 2008. С. 55-58.
162. Там же.
163. Цаликов А.Т. Мусульмане России и Федерация. М., 1911.
164. Цаликов А.Т. Отклики горской жизни // Утро гор. Баку. 1910. №1. С.81-82.
165. Там же. С.82.
166. Там же. С.85.
167. Там же. С.84-85.
168. Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики, культуры и хозяйственного быта. М., 1913. С.148.
169. Цит. по: Чеджемов С.Р. Указ. соч. С.68.
170. См.: Хетагуров К.Л. Т.II. Сс.87, 107, 110, 111, 148, 198.
171. Цаголов Г. А.С. Грибоедов (по поводу 70-летия со дня смерти) // Казбек. 1899. №399.
172. [Баев Г.] Гаппо. Пушкин в жизни горцев // Казбек. 1899. №462.
173. Кануков И. Памяти Н.М. Ядринцева // Кануков Инал. Сочинения. С.253.
174. Цаголов Г. Культурное движение среди осетин // Северный Кавказ. 1900. №11.
175. Скитский Б.В. Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии // Известия горского педагогического института. Т.V. Владикавказ, 1928. С.254.
176. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси, 1985. С.212.
177. См.: Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1980. Т. I. 1905 г. С.134.
178. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С.288.
179. См.: Северная Осетия в революции 1905-1907 годов. Документы и материалы / Ред. М.С. Тотоев. Орджоникидзе, 1955. С.163.
180. Там же. С.165.
181. См.: Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы: в 2 т. / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1986. Т.2. 1906-1907 гг. С.68.
182. Там же. С.30.
183. Там же. С.40.
184. Цит. по: Революционное движение в Юго-Осетии (1905-1907 годы). Документы и материалы / Сост. И.Н. Цховребов. Сталинир, 1958. С.111.
185. Г. Баев отмечает, что «полк был сформирован по Высочайшему повелению из охотников — осетин и ингушей — составляющих население Владикавказского (быв. Осетинского) округа. Приказ по войскам и Управлениям Терской области от 6 ноября 1876 г. № 87» // Об этом см.: Баев Г.В. Осетинский дивизион. Историческая справка. Владикавказ, 1903. С.6. (примечания).
186. Дата 18 ноября 1876 года указана в тексте «Приказа по войскам и управлениям Терском области № 87. Ноября 18-го дня 1876 года — в г. Владикавказ», который мы цитируем по: Хрестоматия по истории осетинского народа / Сост. М.П. Санагоев. Цхинвал, 2009. С.172-174.
187. Первоначально предполагалось назначить командиром Осетинского дивизиона штабс-капитана Бекмурзу Кубатиева.
188. Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии. Т. I. СПб., 1878. С.31.
189. В противоположность казакам, каждый рядовой этого полка назывался «всадником».
190. Тутолмин И.Ф. Кавказская Казачья бригада в Болгарии. Походный дневник / Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878 гг. Т. II. СПб., 1879. С.4.
191. Баев Г. В. Осетинский дивизион. С. 4.

192. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып.26. СПб., 1899. С.346-347.
193. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып.41. СПб., 1903. С.219.
194. Тутолмин И.Ф. Указ. соч. С.107-108.
195. Там же. Т. III. С.86.
196. Цит. по: Санакоев М.П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII-нач. XXв.). Цхинвали, 1987. С.117.
197. Цит. по: Чанцев И.А. Скобелев как полководец. СПб., 1883. С.18.
198. См.: Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // ИЮОНИИ. Вып. XXII. 1977. С.50.
199. Цит. по: Баев Г.В. Осетинский дивизион. С.25.
200. Домба М. Генерал-лейтенант Созырыко Хоранов. Исторический очерк. Владикавказ, 2002. С.23-24.
201. Киреев Ф.С. Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в первой мировой войне. Владикавказ, 2010. С.79.
202. Там же.
203. Там же.
204. См.: Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском Казачьем войске / Составил Войсковой Старшина А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С.153.
205. Там же. С.145.
206. Баев Г. В. Осетинский дивизион. С.31.

ГЛАВА 6. СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ ОСЕТИИ

Социальные процессы в осетинском селе. Все осетинские общества к началу пореформенного времени имели выраженную сословную организацию. Развитие товарно-денежных отношений и разрушение традиционного хозяйства усугубляли социальную дифференциацию крестьянства и способствовали формированию новой социальной стратификации, представленной сельскими пролетариями, средним крестьянством и деревенской верхушкой.

Осетинская сельская община не переставала существовать как хозяйственно-территориальная единица. Она представляла собой сложное социальное образование, включавшее территориальные и родственные объединения. Традиции соционормативной культуры сохранялись и после перестройки общественной жизни осетин на основе государственного управления.

Высший орган власти — «ныхас» — сохранял внешние атрибуты традиционного общинного схода: проводился в местах прежних общинных собраний, созывали его, как и прежде, «фидиуаги» (глашатаи), создавалась видимость обсуждения крестьянами общесельских дел. В действительности сельский сход пореформенного времени становился выразителем интересов лишь определенного круга знатных и зажиточных общинников.

Значительно снизилась его роль как органа самоуправления. Но выработанная веками система самоорганизации, несмотря на социальное расслоение общества, демонстрировала свою устойчивость: старики пользовались уважением несмотря на бедность, а родственные связи и общественное мнение оставались мощными регуляторами жизни осетинского социума.

Родственные объединения заполняли вакуум в традиционной практике жизнеустройства, образовавшийся после распада большой семьи. Массовое обнищание крестьян в новых экономических условиях актуализировало их главную функцию — родственную взаимопомощь.

В пореформенное время система внутреннего управления сельской общины, как и другие области экономической и социальной жизни, претерпела существенные изменения. С одной стороны, это было обусловлено проведенными административными реформами, стремлением приспособить органы местного самоуправления к общеимперским. С другой стороны, изменение функций традиционных органов управления и появление новых в значительной степени были следствием проникновения в осетинское село буржуазных отношений.

Внутренний строй и организация общинного управления стали определяться «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей», утвержденным в 1870 г.¹ Это «Положение...» снижало роль общины как самостоятельной и самоуправляющей единицы, сковывало сферу деятельности органов управления, прежде всего сельского схода.

Согласно «Положению...», в селах, имевших 30 дворов коренных жителей или меньше, в сходе участвовали все домохозяева общества; в селах, имевших не более 300 дворов, на сход посылали по 30 выборных; если же количество дворов превышало 300 — выборных было по одному человеку от каждых 10 дворов².

В «Положении...» указывалось, что в ведение общинного схода входило распределение находящихся в общем пользовании земель и угодий, как между всеми хуторами и поселениями сельского общества, так и между всеми членами сельских обществ. В компетенцию схода входило также распоряжение лесной и выгонной арендой и другими общесельскими хозяйственными делами³. Сельские общества широко пользовались этими правами: сдавали землю в аренду, продавали отдельными участками под выпасы другим селам или отдельным скотоводам. Например, с. Ольгинское сдавало ежегодно в аренду под пахоту не менее 200 десятин, расположенных на берегу Терека и Камбилеевки⁴. Сельский сход Мизурского прихода, имевшего общественный участок под названием «Зилахар», в 1914 г. распорядился разделить его по 162 дворам прихода⁵. В селении Кадгарон общинный сход постановил в 1897 году «...сдать в аренду около 100 десятин своей земли, хотя таковой и не было лишней, в аренду на несколько лет под какую-либо фабрику с тем, чтобы производство работы на фабрике преимущественно предоставлялось жителям селения, чтобы сверх арендной платы несостоятельные общинники могли снискать там себе заработок»⁶.

Общинные сходы решали вопрос о предоставлении своих земель под рудничные разработки, сдавая ее в аренду как горнопромышленным обществам, так и частным предпринимателям.

В компетенцию сельского схода входило решение вопросов об обще-

ственных нуждах сельского общества: о благоустройстве, обучении детей грамоте и т.п.⁷ Одной из важнейших задач общинных сходов пореформенного времени стало строительство дорог. Сознывая, что экономическое развитие немыслимо без путей сообщения, сельские сходы составляли общественные приговоры о сооружении колесных дорог на свои средства⁸.

С большим энтузиазмом ходатайствовали сельские сходы о строительстве школ для детей. В 1896 г. Зильгинский сельский сход постановил выделить из общественных денег 1 тыс. руб. для постройки школы. Год спустя газета «Терские ведомости» уже сообщала об открытии начального училища в селении Зильги⁹. В январе 1897 г. на Даргавском общинном сходе обсуждался вопрос о недостаточности одного учителя на все село. Сход единодушно постановил пригласить еще одного учителя в местную церковно-приходскую школу¹⁰.

Функцией сельского схода было и назначение сборов на общественные расходы, распоряжение сельскими общественными суммами.¹¹

Сельское общество имело право само учреждать банк: избирало правление, распорядителя, особую комиссию по проверке работы банка. Сход начислял проценты на ссуду, устанавливал взыскание неаккуратным плательщикам¹². Такие банки были учреждены в селениях Ольгинском, Алагире, Эльхотово, Карджине и т.д.¹³

Функцией общинного схода, установленной «Положением...», было и решение вопроса о семейных разделах, которые в рассматриваемый период становились повсеместным явлением. Соглашаясь на раздел семьи, сход распределял между членами семьи отведенный ей полевой надел, усадебные участки, строения, другое движимое имущество.

Сход производил между новыми хозяйствами раскладку лежащих на семье казенных взысканий и числящихся на ней недоимок; в отношении платы податей и отбывания повинностей сход уравнивал новые семьи с остальными общинниками¹⁴.

«Положение...» обязывало также сельские сходы удалять из общества «вредных членов», опорооченных по суду¹⁵. Анализ общественных приговоров сельских сходов показывает, что к выселению приговаривались и не судившиеся лица, по усмотрению схода. Сход селения Христиановского в 1905 г. постановил всем сельским жителям «с презрением относиться к лицам, замеченным в краже, не допускать их к участиям в свадьбах, похоронах, поминках, сельских сходах, скачках, не давать им приюта»¹⁶.

Подобные приговоры были в Осетии довольно распространенным явлением. Приговоры сельских обществ, выходившие за установленные «Положением...» рамки, администрация считала недействительными. Сельские сходы в пореформенный период созывались по инициативе органов местной власти, и это обстоятельство в значительной степени определяло характер выносимых ими решений.

Новым органом управления стало сельское правление. В него входили староста (старшина), его помощники, казначей, писарь, переводчик, глашатай.

Староста выполнял роль исполнительно-распорядительного органа, фактически ведая всеми сторонами жизни общины. В сельских обществах, состоящих из нескольких сел и небольших поселков, он имел и 2-3 помощников. В «Положении...» оговаривалось, что должность старосты была выборной только для тех сельских обществ, которые имели на это особое право¹⁷. На самом деле повсеместно в Осетии администрация не только контролировала избрание должностных лиц, но и сама назначала старост в сельские общества. Этот факт был отмечен в свое время и бытописателями¹⁸. Интересно отметить, что если в первые годы после территориально-административных реформ должность сельского старосты занимали, как правило, представители знатных, влиятельных, привилегированных фамилий, зачастую бывшие владельцы аулов (например, тагаурские старшины Дударовы, Шанаевы, Тулатовы, Кануковы и др.), то в рассматриваемое время администрация Терской области предпочитала иметь в должности старост кулаков или русских офицеров.¹⁹

«Положение...» обязывало старшин собирать и распускать сход, объявлять по предписанию начальства законы и распоряжения правительства, наблюдать за нераспределением между жителями подложных указов и вредных для общества слухов, надзирать за общим благоустройством, охранять благочиние, порядок и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, предотвращать потравы, лесные и полевые пожары, рубку леса. Обязанностью старшин было задержание бродяг, беглых, военных дезертиров и представление их начальству; они должны были предупреждать и преследовать проступки, производить предварительное дознание, принимать полицейские меры для открытия и задержания виновных, штрафовать их, исполнять приговоры судебных учреждений, доносить о самовольно отлучавшихся лицах; выдавать жителям установленные билеты на отлучки в районы своего округа на месячный срок²⁰. Старшина должен был выдавать и временные пропуска крестьянам-отходникам, не допуская их переселения на равнину, которое администрация пыталась приостановить ввиду недостатка на равнине земельных участков²¹. В обязанности старшины входило также наблюдение за сельским общественным имуществом, за целостностью установленных меж и межевых знаков, неприкосновенностью сельского земельного довольствия и за сельскими общественными суммами²².

Ряд функций сельского старшины был определен новациями пореформенного времени: надзор за торговыми заведениями, запасным общественным амбаром, содержанием дорог, взысканием долгов в сельские суммы²³. Старшина зачастую без ведома обществ решал вопросы земельной аренды.

Ведению сельского правления подлежала ежемесячная проверка сельских сумм, долговых ведомостей и сельских хлебных запасных магазинов, проверка не менее одного раза в год сельских весов, построек, другого имущества, ежегодное составление сметы сельских общественных доходов и расходов на наступающий год²⁴. Сельское правление производило публичные торги, зачастую делая объявления о них в печати.

Старшина также был обязан надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, учрежденных сельским обществом.

В результате крестьянского движения 1905 г. сельские общества добились права выбора старшин и сельских писарей из своей среды.²⁵ Но эта мера не оказала большого воздействия на деятельность сельского правления, которое оставалось в полной зависимости от администрации.

Югоосетинские крестьяне также составляли приговоры о строительстве в ущельях шоссейных дорог, о строительстве школ, об уменьшении сборов на содержание канцелярий, сельских должностных лиц и священников. Жители Ахалгорского общества требовали, чтобы управление было передано людям, избранным самим народом на всеобщих выборах.

Рассмотренные явления несли в себе реальную динамику общественного развития и привели к трансформации традиционной жизнедеятельности осетин. Несмотря на комплекс внутренних и внешних факторов, разрушающих сельскую общину, она активно проявляла свою традиционную «живучесть». Многие ее институты трансформировались в новых условиях, наполнялись новым содержанием. Традиционные формы часто прикрывали качественно новые явления. Система самоорганизации осетинского социума демонстрировала высокие адаптивные возможности, убедив российскую администрацию в значимости и полезности некоторых традиционных принципов.

Город Владикавказ как фактор общественной модернизации. С образованием Терской области Владикавказ в 1863 году получил статус областного города, который со временем стал центром административного и социально-культурного развития. В сентябре 1865 года из Моздока во Владикавказ переместился центр управления Терского казачьего войска, канцелярия наказного атамана и войсковое дежурство²⁶.

Город Владикавказ становился фактором форсированных экономических, социальных и культурных преобразований в Терской области. Анализ статистических сведений показывает, что в городе в 1850-1860-е гг. большинство населения составляли военные, а с 1870-х годов до начала XX века стабильно преобладали мещане и ремесленники. К этому же периоду относится увеличение численности крестьян, значительную часть которых стали составлять «горцы сельского сословия» (9445 человек из 12646 человек в 1910 году).

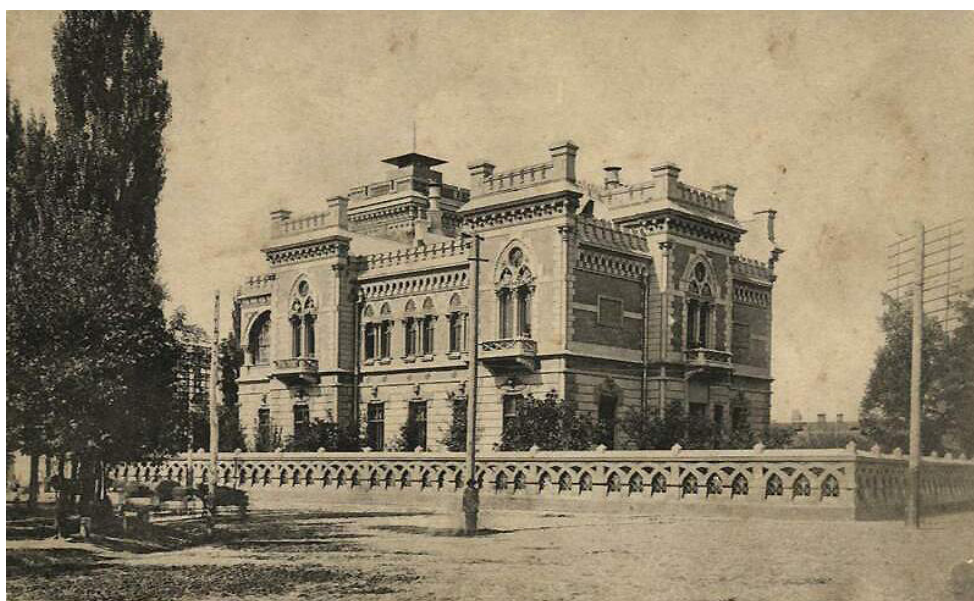
Владикавказ. Александровский проспект

В 1874 году социальную структуру города составляли мещане (5,278 человек), ремесленники (275 человек), рабочие (448), крестьяне (1,698 человек), казаки и военные, дворяне (1,897 человек), духовенство (94 человека), почетные граждане (29 человек) и др. Перепись населения 1897 года дала несколько иную картину: войсковые казаки составили 11,5%, дворяне всех категорий и чиновники — 10,7%, крестьяне — 33,4%, духовенство — 0,93%, купцы — 2,2%, потомственные почетные граждане — 1,3%, прочие сословия — 5,2%.²⁷ Важным социальным процессом становится увеличение численности городского населения.

В 1875 году во Владикавказе было применено Городовое положение, согласно которому избирательное право получили лишь те, кто имел в городе недвижимость, занимался торговлей или ремеслами. Таковых на 1 января 1875 года оказалось 735 человек²⁸. Избиратели были разделены на три разряда, с целью «устранить преобладание менее платящего большинства над образованным меньшинством».²⁹ Состав гласных был достаточно однородным. Это были, в основном, дворяне, купцы, мещане, несколько представителей интеллигенции. Социальный состав Думы можно определить как купеческо-предпринимательский, большинство гласных были представителями делового мира Владикавказа. Столь же однородным был и ее этнический состав, представленный, в основном, русскими горожанами.

В 1892 г. было принято новое Городовое положение³⁰. В целом, основные изменения касались двух областей: сокращения количества избирателей и

усиления контрольно-надзорных функций правительства. Право избирать и быть избранным в Городскую Думу имели только наиболее крупные домовладельцы и владельцы торгово-промышленных предприятий первой и второй гильдии. К первой гильдии принадлежали оптовые торговцы, ко второй — розничные торговцы, фабриканты, заводчики и подрядчики. Во Владикавказе, как и в других российских городах, купечество имело ведущие позиции в городском самоуправлении. Это обстоятельство отмечено в историографии как негативное явление. Но анализ деятельности Думы показывает, что купечество внесло реальный вклад в развитие городского хозяйства³¹. Гласные купцы часто выступали в роли благотворителей, делали пожертвования в пользу города, выступали попечителями учебных заведений, учреждений социального призрения. Избирательные права имели также представители правительственных, благотворительных и учебных заведений, духовенства, поскольку они владели недвижимостью.

Владикавказ. Городская Дума

Пореформенная экономическая, общественно-политическая и культурная модернизация края усложнила социально-профессиональную структуру общества, что, естественно, отразилось и на политическом сознании горожан. Повысился социальный статус инженеров, преподавателей, врачей, юристов, адвокатов. В 1916 году многие из них вошли в новый состав Владикавказской Городской Думы. Было избрано 62 гласных и 12 кандидатов, среди них было 6 учителей, 8 юристов, 5 врачей, а также предприниматели,

отставные военные и другие. Политическая активность интеллигенции стала заметной еще в 1913 году, когда эта группа значительно потеснила деловую элиту, делегировав в Городскую Думу 22 гласных, что составляло 36 % от их общего числа³².

Если в первых городских думах преобладали купцы и домовладельцы, то позднее представительство интеллигенции стало гораздо более широким. Изменился и этнический состав Городской Думы, наряду с русскими гласными появились осетины, армяне. В 1913 году среди гласных думы было 7 осетин (около 10%)³³.

Гаппо Баев — городской голова Владикавказа

Положение 1892 года многие авторы называют контрреформой, основываясь на анализе правовой базы, т.е. на сравнительном анализе городских положений. Однако важно отметить, что введение городского положения 1892 года не привело к реальному ограничению прав горожан и имело позитивные результаты в развитии города.³⁴ Оценивая последствия его применения к Владикавказу, нужно признать, что Городовое положение 1892 г. способствовало приходу к власти в городском самоуправлении представителей городской интеллигенции. Очевидно, такой состав во многом определял политику городской думы, направленную на поддержку народного образования и культурного просветительства.

Проведение городских реформ 1870 и 1892 годов активизировало хозяйственно-экономическую деятельность города Владикавказа, что в значительной степени сказалось на его успешном социально-культурном развитии.

Как и по всей России, большую часть социальных и культурных проблем власти перекладывали на общественную и частную благотворительность.

Владикавказ. Общество взаимного кредита

В 1870 году во Владикавказе было основано Благотворительное общество. Спустя 10 лет администрация Терской области взяла его под свою опеку: начальник Терской области А.П. Свистунов был почетным председателем, а его супруга М.Б. Свистунова — почетной председательницей общества. Эту традицию продолжали и другие начальники области. Первыми результатами деятельности Владикавказского Благотворительного общества стали создание ночлежного дома, приюта для престарелых и увечных, приюта для душевнобольных, детского приюта. Членами Благотворительного общества (первоначально их насчитывалось 90 человек)³⁵ становились чиновники и офицеры, состоящие на службе, отставные граждане и все желающие оказывать помощь бедным.

В городе Моздоке Благотворительное общество существовало с 1886 года. Оно проводило стационарное обследование материального положения жителей и оказывало адресную помощь.

Городская администрация не отстранялась от решения социальных проблем. Например, Владикавказская Городская Дума своим постановлением ограничивала рабочий день 10 часами. Служащим парикмахерских разрешалось не работать по воскресным дням, в первые дни Пасхи, Нового года и на Рождество. В 1893 году Городская Дума удовлетворила просьбу ремесленников и приказчиков о сокращении рабочего времени в воскресенье и праздничные дни³⁶.

Важной социальной проблемой было медицинское обслуживание населения. На всей территории Осетии не было ни одной больницы для обслу-

живания сельского населения. Во Владикавказе действовал только военный госпиталь, который оказывал посильную помощь горожанам.

В 1867 году была открыта Михайловская лечебница для приходящих больных. Оказание бесплатной медицинской помощи привлекало в эту лечебницу значительное количество не только городского, но и сельского населения. Так, только в 1913 году было принято 5824 больных, посещено на дому — 12186 (население города Владикавказ в то время составляло 76000 жителей). Михайловская лечебница и военный госпиталь, безусловно, сыграли большую роль в организации медицинской помощи населению Осетии, в повышении его санитарно-просветительской культуры. Однако полностью удовлетворить нужды населения Осетии в медицинской помощи не могли.

Нередко население довольствовалось домашними средствами лечения или обращалось к знахарям, что приводило к распространению страшных эпидемий чумы, оспы, скарлатины и других болезней. В 1861 г. в Моздоке начала работать первая «вольная» аптека провизора Гейзе.³⁷ В 1877 году была открыта первая лечебница, а затем «придворный покой» для бесприютных больных, для больных арестантов учредили отдельную аптеку³⁸. Об уровне медицинского обслуживания моздокчан можно судить по трагическим событиям 1891 года, когда эпидемия холеры ежедневно уносила десятки жизней. Имущая часть городского населения пользовалась услугами частнопрактикующих врачей, для подавляющей же части как городского, так и сельского населения бесплатная медицинская помощь была практически недоступна.

Однако к 80-90 гг. XIX века ситуация стала меняться во всех районах Северного Кавказа, медицинское обслуживание населения заметно улучшилось. В 1902 году была открыта I Владикавказская городская больница на 24 койки, к 1911 году коечный фонд расширился до 60 коек, а в 1913 году — до 90 коек. При ней существовала амбулатория. В городе было также четыре самостоятельные участковые амбулатории с семью врачами, из которых четверо были вместе с тем и санитарными врачами³⁹. Работавшие в этой больнице врачи избирались Городской Думой на три года и утверждались в должности начальником Терской области.

К началу XX века во Владикавказе существовал ряд частных клиник: А.И. Пеунова (1894 г.), К.А. Исаковича (1904 г.), А.И. Воронова (1909 г.), А.Л.Самойлова (1909 г.), Е.Т. Туганова (1910 г.), Н.Н. Салтыкова (1911 г.), в которых насчитывалось до 135 коек.⁴⁰

К июлю 1904 года в городе было шесть лечебных заведений: военный госпиталь на 650 мест, с психиатрическим отделением на 45 мест; городская больница на 48 мест с амбулаторией; бесплатная Михайловская лечебница для приходящих больных; бесплатная городская амбулатория для бедных горожан, открытая в июле 1902 года; городской приют для душевнобольных на 10 мест и частная лечебница, открытая и содержавшаяся группой вольно-

практикующих врачей. В городе были также железнодорожная амбулатория с одним врачом, 7 врачебных пунктов при учебных заведениях, больница в реальном училище на 10 коек и больница в учительской семинарии на 10 коек; работали четыре вольные аптеки и шесть аптекарских магазинов. Врачей в городе, не считая врачей госпиталя и служащих при военных частях, насчитывалось 28, в том числе женщин-врачей — 2; ветеринаров — 12, повивальная бабка — 1, фельдшеров — 10⁴¹.

Однако сельские жители, особенно горных районов, не могли пользоваться этими благами. Правительство считало, что медицинское обслуживание сельского населения должно осуществляться за счет специальных сборов с населения, но при этом не учитывало его реальных возможностей.

Система социальной защиты населения в области медицинского обслуживания развивалась с помощью благотворительности. Многие городские врачи в определенные дни или часы бесплатно вели прием неимущих больных, о чем свидетельствуют многочисленные объявления в местной прессе. Благотворительные общества брали под свою опеку лечебницы или приюты для больных. Существенным подспорьем была и частная благотворительность.

В южной части Осетии также развивалась городская жизнь. В городе Цхинвали появился осетинский квартал⁴², в начале XX века начиналось активное строительство кирпичных зданий. Медицинское обслуживание развивалось медленно. В 1883-1884 гг. в Цхинвали были открыты казенная аптека и сельский врачебный пункт. Кавказское товарищество торговли аптекарскими товарами выделило для этого пункта лекарства и медикаменты на сумму 331 рубль. Несколько позже, в 1895 г. были открыты врачебно-приемный покой и аптека в Ахалгори. Здесь работали один врач, три фельдшера и две повивальные бабки.

Цхинвальский и Ахалгорский приемные покои имели по шесть кроватей для стационарных больных. На хозяйственные нужды они получали от казны по 150 рублей, и для найма помещений, по 240 рублей в год.

В результате проведенных буржуазных реформ в Осетии проходил многоплановый процесс формирования классов, слоев и социальных групп нового общества. Расслоение крестьянства, повышение социальной мобильности населения, появление механизмов изменения социального статуса способствовали становлению рабочего класса, мещанства, купечества, чиновничества, интеллигенции.

Городская культура, ставшая своеобразным симбиозом образцов европейской, русской и традиционной культуры, подвергшейся трансформации в условиях политических и социально-экономических преобразований⁴³ внесла весомый вклад в формирование «новой» национальной культуры.

Православие в культуре Осетии. В 1857 году наместник Кавказа фельдмаршал князь Барятинский пришел к выводу о необходимости учрежде-

ния «Общества восстановления Православного христианства на Кавказе». В представленной на имя Кавказского Комитета в Петербург докладной записке князь писал: «Создать «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе» — долг православного государства...».⁴⁴

Владикавказ. Братская церковь

Конкретными задачами «Общества» князь считал сооружение и содержание церквей и их причтов, учреждение школ при церквях, организацию миссионерской проповеднической деятельности, перевод Священного писания и богослужебных книг и т. д.

Император Александр II ответил князю Барятинскому грамотой, в которой указывал, что «...с покорением Кавказа, желая действовать к восстановлению в этом крае православия, но действовать путем убеждений, распространяя в горах Слова Евангелия, мы признаем полезным призвать к участию в этом великом деле всех ревнителей православия».⁴⁵

Общество восстановления православного христианства на Кавказе было учреждено в 1860 году. Оно получило от Осетинской духовной комиссии богатое наследство, куда вошли и построенные Комиссией православные храмы: церковь во имя пророка Илии в Даргавском приходе (1846 г.), во имя Св. Жен Мироносиц в Лацинском приходе (1858 г.), во имя Св. Иоанна Предтечи Кадгаронского прихода (1853 г.), Николаевская Дарг-Кохского прихода (1859 г.), Ильинская Суадагского прихода (1823 г.), Георгиевская Ардонского прихода (1858 г.), во имя Св. Феодора Тирона Зарамагского прихода (1869 г.), Рождество-Богородичная Закского прихода (1858 г.), Владимирская

Садонского прихода (1854 г.), Успенская Зругского прихода (1860 г.), во имя архистратига Михаила в Тибском приходе (1855 г.), Рождество-Богородичная Вольнохристианского прихода (1858 г.), Георгиевская Галиатского прихода (1859 г.)⁴⁶.

Важной задачей православных российских миссий было создание в Осетии местных кадров священнослужителей, которые бы на родном языке проводили миссионерскую деятельность.

Формирование кадров священнослужителей. В 50-60-е годы XIX в. десятки одаренных осетинских юношей получили высшее образование в учебных заведениях Кавказа и России. Весомый вклад в формирование осетинской духовной интеллигенции внесла Тифлисская духовная семинария. Для подготовки пастырей-миссионеров при семинарии в 1866 году был создан Духовный комитет, который наблюдал за процессом обучения осетин. Они писали на родном языке, используя азбуку, составленную епископом Гаем и академиком Шегреном, переводили тексты с русского, дважды в неделю для них проводили богослужение на родном языке.

Первыми осетинами, получившими богословское образование в Тифлисской духовной семинарии, были Алексей Колиев и Василий Цораев. За ними последовали Алексей Аладжиков, Соломон Жускаев, Георгий Кантемиров, Михаил Сухиев и т.д. В 1863 году окончили семинарию священники Цаликов и Гудиев, в 1865 году — К. Токаев, Я. Туаев, в 1867 году — Гатуев, Хетагуров, Цаголов, в 1869 году — Стефан Мамитов, Габараев, Сикоев, Джиев. Все они стали священниками в осетинских приходах.⁴⁷

Подвижническая деятельность осетинских священников была многогранна: от личного участия в просвещении горцев, расширения школьной сети до перевода духовных книг на родной язык и ознакомления широких масс с русской культурой.

Когда архимандрит Иосиф впервые прибыл в Северную Осетию, то застал только одного священника — осетина с семинарским образованием — Аксо Колиева. Остальные были грузинами, служили на своем родном, непонятном осетинам языке. Лишь впоследствии к Колиеву присоединился ряд священников из числа осетин, окончивших курс духовной семинарии.

Аксо (Алексей) Колиев родился в 1822 г. в селении Ирыкау.⁴⁸ Он был первым из осетин, окончившим Тифлисскую духовную семинарию с отличием. По окончании семинарии в 1845 г. Колиев начал свою трудовую деятель-

Аксо Колиев

ность инспектором и учителем осетинского языка во Владикавказском духовном училище. 22 июня 1847 г. он был рукоположен в сан священника во Владикавказской осетинской церкви, затем назначен благочинным Осетинской духовной комиссии, а в 1849 г. — смотрителем (директором) Владикавказского духовного училища. В 1860 г. он был возведен в сан протоиерея.

Иосиф Чепиговский

В 1885 году вместо викариатства была учреждена Владикавказская епархия, включавшая в свой состав Терскую область и подчинявшаяся синодальной конторе Грузинского экзархата. Первым архипастырем Владикавказской епархии был преосвященный Иосиф (Иван Чепиговский) (1875 — 1889 гг.), прозванный в народе апостолом Осетии. Владыка Иосиф по окончании в 1847 г. Киевской духовной академии более 40 лет осуществлял миссионерскую деятельность на Кавказе. Он первым был назначен в 1857 г. на должность управляющего осетинскими приходами и причтами, с возведением в сан архимандрита. Будучи архимандритом и управляющим осетинскими приходами Владикавказского

округа (1857 — 1879), он прославился своей миссионерской работой среди осетин. Местопребыванием ему был установлен Алагирский собор (Вознесенская церковь), построенный в 1853 г. в византийском стиле по проекту архитектора Г.Г. Гагарина. До 70-х годов XIX века он был главным соборным храмом всего Владикавказского округа, с кафедрой архимандрита. В епархию также вошли 24 церкви Осетии. Новая епархия быстро наладила свою деятельность.

Преемником преосвященного Иосифа в июле 1889 года стал владыка Петр. Свою деятельность он начал с открытия церковно-приходских школ, сбора книг религиозно-нравственного содержания. Он учредил епархиальное братство и попечительство о бедных служителях церкви. Личность Преосвященного Петра вызвала в Осетии уважение к сану архипастыря православной церкви. Петр активно выступил против закрытия осетинского женского училища, за что был перемещен в Устюг.

Преосвященный Иоанникий Владикавказский, следующий после преосвященного Петра, стал епископом 3 мая 1891 г. Его заботы о просвещении осетин светом евангельского учения снискали ему глубокое уважение паствы. В сентябре 1892 г. он был перемещен в Рязанскую епархию.

В 1894 году Владикавказская епархия стала самостоятельной, освободившись от иерархического подчинения Грузинскому экзархату.

К концу XIX века практически все должности священников, псаломщиков, учителей церковно-приходских школ занимали осетины. Так, например, должность псаломщика Успенской церкви сел. Зруг занимал закончивший курс в даргавской церковно-приходской школе Гавриил Батиев, учитель Дарг-Кохской церковно-приходской школы Захарий Амбалов был направлен в Николаевскую церковь сел. Дарг-Кох.⁴⁹ «Харлампий Цомаев, окончивший курс в Александровской Миссионерской Духовной Семинарии, был назначен священником в Успенской церкви селения Зруг»⁵⁰. Александр Тлатов, окончивший курс в Александровском духовном училище, был направлен на диаконское место в Вознесенской церкви сел. Алагир. В числе первых выпускников Ардонской семинарии в 1897 г. был

Харлампий Цомаев

священник Харлампий Цомаев, который, окончив Алагирскую миссионерскую школу и Александровское осетинское духовное училище в Ардоне, успешно сдал экзамены в Ардонскую миссионерскую духовную семинарию. Цомаев вернулся в родное село и, открыв там церковно-приходскую школу, несколько лет учил и воспитывал детей своих земляков. Позднее он поступил в Казанскую духовную академию, но, успешно проучившись один год на свои скудные средства, вынужден был оставить учебу из-за тяжелого материально положения. Вернувшись на родину, Цомаев по настоянию духовного ведомства Владикавказской епархии стал работать священником в с. Згид, затем в с. Галиат. Но его привлекала учительская работа, и он добился перевода в Беслан, где открыл мужскую и женскую школы, а также хорошую библиотеку.

Деятельность осетинской духовной интеллигенции высоко оценил Святейший Правительствующий Синод, наградивший за заслуги по духовному ведомству ко Дню Рождения Его Императорского Величества следующих лиц духовного звания по Владикавказской епархии: священников Козьму Токаева, Георгия Сикоева, Михаила Хетагурова, Виссариона Бабиева, Евстафия Джанаева.⁵¹ Ардонское отделение Владикавказского епархиального совета выступило с инициативой отметить труд священников, особенно потрудившихся в школьном деле: Симона Маркозова (Дарг-Кох), Александра Цаголова (Вольно-Христиановское), диакона Афанасия Албегова (Хумалаг), учителей Евгения Битарова (Беслан), П. Аликова (Ольгинское), Михаила Гарданова (Махческ), Михаила Кулаева (Хидикус), диакона

Кайтмазова (Тиб) и учительницу Вольно-Христиановской женской школы Хадзарагову.⁵²

Начало XX века ознаменовалось деятельностью представителей осетинской духовной интеллигенции, выпускников Александровской Ардонской семинарии Афанасия Албегова, Тимофея Габиева, Александра Токаева (сына священника Козьмы Токаева), Александра Кодзаева и др.

Усилиями священника Тита Моргоева в сел. Гизель практически все население принадлежало к христианству, была открыта церковно-приходская школа.⁵³ В Кадгароне пастырствовал отец благочинный Георгий Сикоев, который много сделал в деле христианизации и просвещения осетинского народа. Им, совместно с другими священниками, было обращено в христианство больше 300 человек, а ранее, в 1867-1868 гг. в одном Кадгароне — более 100 человек.⁵⁴ В 1894 г. он стал инициатором обращения к Преосвященному Владимиру от общественного схода селения Махческ о ежегодном ассигновании взыскиваемых с местных жителей сельскими судьями и старшиною штрафных сумм в пользу местной церковно-приходской школы. «Такой пример сочувствия нуждам церковно-приходской школы среди православного туземного населения в Владикавказской епархии, кажется, единственный и для русских православных обществ — достоподражательный», — такой была резолюция на приговоре сельского схода.⁵⁵ В 12 округе, в бытность священника Г. Сикоева благочинным, было 7 школ, из них 2 женские. В них обучалось 709 человек, 567 мальчиков и 142 девочки. В округе было 9 библиотек. Численность православного населения достигала 25 554 человек. Всего в округе было 9 приходских и 4 бесприходных церкви, 9 священников, 7 псаломщиков. К 1903 году (священником был уже А. Цаголов) было 12 церквей, 11 священников, 11 псаломщиков, из них 7 — с богословским образованием.⁵⁶

В сел. Ардон священником в Георгиевской церкви состоял отец Козьма Токаев, окончивший курс в Тифлисской духовной семинарии и служивший с 1866 г. Причетником при нем состоял Михаил Басиев. Практически все население Ардона было православным. В 1894 году в 11 округе при благочинном священнике К. Токаеве (Ардонское благочиние) было 8 церквей, численность прихожан в них составляла 18992, из них 10125 мужчин и 8867 женщин; существовало 5 школ, в которых обучалось 457 учеников (431 мальчик и 26 девочек).⁵⁷ В 1903 году в Ардонском благочинии было уже 15 церквей, 2 часовни, молитвенный дом, 14 священников, среди которых и имевшие богословское образование.⁵⁸ В селении Вольно-Христиановском с 1885 г. священником служил Борис Хетагуров, окончивший курс в учительской семинарии. Население, проживавшее в 681 домах, в большей своей части было православным. В Салугарданском приходе служил с 1869 г. Ардонский благочинный священник А. Гатуев, окончивший с отличием курс в Тифлисской духовной семинарии.

К этому же времени относится деятельность Моисея Коцоева. Закончив Гизельскую церковно-приходскую школу, а затем Ардонское духовное училище, он стал учителем Махческской церковно-приходской школы. В январе 1896 года Моисей был рукоположен в сан священника Галиатской церкви. Он строил школы, церкви, занимался переводом церковной литературы на осетинский язык, создал благотворительное церковно-приходское братство. Помимо пастырских обязанностей он заботился о материальном состоянии прихожан, открыл судо-сберегательную кассу. Моисей Коцоев стоял у истоков осетинской журналистики и издательского дела. Во время Первой мировой войны он оставил эту деятельность и ушел на фронт в качестве полкового священника осетинского конного полка.

В 10-м округе благочинным был осетинский священник Н. Джигоев. В 1894 году в округе было 8 церквей с 17868 прихожанами (9677 мужчин и 8291 женщина). В 10-ти школах благочиния обучалось 726 человек, из них 187 девочек.⁵⁹ В 1903 году в 10-м округе было уже 9 церквей, в них прихожан насчитывалось 22224 человека.⁶⁰

В 1888 году из 26 приходов, обозначенных в отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе, 12 возглавляли осетинские священники.⁶¹

Несмотря на опасность для жизни, суровые природные условия в горах, тяжелое материальное положение, эти люди самозабвенно выполняли свой пастырский долг, проявляя высокие нравственные качества. В приходах, где священниками были осетины, тем более с богословским образованием, приходская жизнь была хорошо развита.

Среди южных осетин было немало священников, получивших богословское образование при поддержке Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В начале XX века духовенство Южной Осетии достойно представляли протоиерей Зураб Джигоев, благочинный священник А. Бегизов и др.

Идея привлечения коренного населения — осетин — к процессу христианизации Северной Осетии имела успех, поскольку осетинским священникам удалось намного больше продвинуться в деле просвещения своего народа. Именно в этот период начинается их активная культурно-просветительская деятельность.

Строительство храмов. Другой важной задачей Общества с первых лет его существования была организация приходов в горских аулах. Со второй половины XIX века начинается активное строительство православных храмов в осетинских селениях и городе Владикавказе.

При закрытии Осетинской комиссии в ведение Общества было передано 33 церкви с приходами. В 1862 — 1863 гг. церковных приходов в ве-

дении Общества состояло уже 127 при 128 причтах, из которых в Северной Осетии насчитывалось 32 прихода при 33 причтах.⁶²

Моздокский Благовещенский собор

Общество уделяло пристальное внимание храмовому строительству и благоустройству церквей, тем более, что храмы, доставшиеся в наследство от Осетинской духовной комиссии, представляли собой зачастую обычные горские сакли, не всегда пригодны для совершения в них богослужения. Во Владикавказской епархии в период с 1860 по 1887 гг. было построено и восстановлено 17 храмов. В селении Салугардан в 1864 году была построена церковь с двухэтажной колокольней во имя пророка Илии; в селении Нар в 1879 году открылась церковь во имя Святого Георгия; в с. Цей была церковь, построенная в еще в 1868 году; в 1890 году стали действовать Мизурская церковь в честь Святого Архангела Михаила и Зарамагская в честь Казанской иконы Божией Матери. В 1905 году была возведена Закская Свято-Георгиевская церковь.⁶³ К 1890 г. в Дигорском благочинии находилось 9 церквей и часовня. В Верхнем Кадгароне прихожанами с помощью Общества было построено новое каменное здание церкви в честь Святого Архангела Михаила, в Ардоне возведен причтовый дом.

В соседнем с Наром селении Зруг, расположенном в труднодоступном месте в горах, находился древний храм, возведенный во времена царицы Тамары. Внутри церкви сохранились фрески древней греческой живописи, на алтарной или восточной стороне были изображены лики 12 апостолов.⁶⁴ В

августе 1897 года по ходатайству благочинного 11 округа К. Токаева был открыт самостоятельный приход при Зругской церкви и основана церковь Успения Божией Матери.

Под влиянием священника Гатуева жители селений Мизур и Садон собрали деньги на строительство церкви и открытие церковно-приходской школы. В память о чудесном спасении императорской семьи 17 октября 1888 г. в Ардонском благочинии на пожертвования прихожан была восстановлена Садонская Свято-Владимирская церковь в Садоно-Нузальском приходе.

В Хумалагском приходе жители вынесли общественный приговор и собрали 3000 руб. на строительство новой церкви и обязались доставить для этой цели необходимый материал.⁶⁵ В Даргавском приходе жители собрали деньги на постройку новой церкви и выразили желание заготовить материал для строительства. Усилиями священника Моисея Коцоева были сооружены церковь и школа в селении Ногкау, часть населения которого исповедовала исламскую веру. Сбор денежных средств был проведен по всей Терской области, для росписи иконостаса пригласили одного из лучших художников-иконописцев.

Первым религиозным храмом Владикавказа был Старый Собор (Спасо-Преображенская церковь), построенный по «именному повелению» Екатерины II от 9 мая 1785 г. Известно, что до 1818 г. на месте собора существовал храм во имя Святого Иоанна Предтечи — турлучная постройка, обмазанная глиной. С 1818 г. в источниках упоминается Спасо-Преображенская церковь, принадлежавшая Владикавказскому гарнизонному полку, затем — Владикавказской крепости, а позднее (в 30-40 годах) — Кавказским линейным батальонам. Об этой церкви известно лишь то, что в ней «очень хорошего письма иконостасы, приношения одной из царственных особ».⁶⁶ В документах эта церковь известна как «крепостная», а после преобразования крепости в город ее стали называть «городской». В 1863 г. церковь становится собором и переходит в собственность города Владикавказа. В 1885 г. она получила статус кафедрального собора, а через пять лет вместо деревянной постройки была воздвигнута каменная. В соборе долгое время хранился дар государя императора Александра III — полное священническое облачение и покровы для священных сосудов.

По инициативе Высокопреосвященного Павла, экзарха Грузии при Спасо-Преображенском соборе, в сентябре 1890 г. было учреждено православное Братство Грузинского экзархата во имя Пресвятой Богородицы, покровительницы Грузии с целью распространения и утверждения религиозно-нравственного просвещения, осуществления миссионерской деятельности. С 1897 г. собор перешел в собственность Терского казачьего войска.

Осетинская церковь Рождества Пресвятой Богородицы была основана в 1814 г. Осетинской духовной консисторией для удовлетворения нужд поселенцев крепости и для миссионерской деятельности. Эта церковь более 50 лет обслуживала все православное население, независимо от его этнической принадлежности.

31 мая 1863 года церковь была обращена в городскую и передана в епархиальное ведомство. Прихожанами церкви были осетины, русские, грузины и греки, почти все православное гражданское население.

2 января 1894 г. был построен и освящен Михаило-Архангельский собор. Преосвященный Владимир основал при соборе Михаило-Архангельское братство, которое ставило перед собой миссионерские цели путем распространения книг, строительства школ и благотворительной деятельности, особенно по отношению к новокрещеным горожанам.

В 1897 г. к Михаило-Архангельскому собору была причислена Линейная церковь во имя Святого благоверного князя Александра Невского.

Свою церковь в городе имел Тенгинский полк. Тенгинская церковь была одним из красивейших храмов города. В ней хранились такие реликвии, как крест 1705 года, дарохранительница 1734 года, образ святого Автонома из коллекции А.В. Суворова и дар Екатерины II — пудовое Евангелие (1789 г.).

В ноябре 1887 г. была основана Братская церковь в честь Святой Троицы и освящена экзархом Грузии. Среди инициаторов храмового строительства были состоятельные горожане, в том числе и женщины. В 1894 г. была освящена Покровская церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Покровской женской общине. Вдова отставного рядового Евдокия Лозенко и вдова владикавказского мещанина Елизавета Козина на собственные средства (600 рублей) выкупили старое церковное здание у Тарского

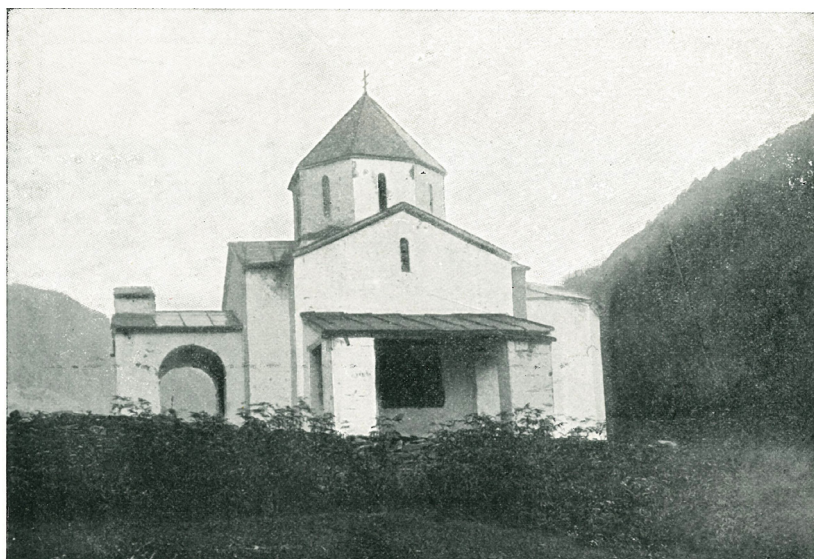
*Владикавказ.
Осетинская церковь*

станичного общества. Церковь была построена на добровольные пожертвования горожан.

В мае 1879 г. в городе Владикавказе праздновалось появление нового, греческого храма во имя Святых Константина и Елены. 14 сентября 1890 г. церковь была освящена и получила название Константино-Еленинская, а в народе «Харламовская», по имени строителя.⁶⁷

В 1895 г. была заложена еще одна церковь в честь Вознесения Господа Иисуса Христа.

На территории Южной Осетии православные церкви относились в основном к Грузинской епархии. При содействии Общества восстановления православного христианства на Кавказе была восстановлена церковь во имя святого Георгия Победоносца в селении Джер. Такие же церкви, во имя Святого Георгия Победоносца, были построены в селениях Дзар, Мсхлеби (Кардоджин), Рук. Рукскую церковь некоторые источники относят к Сухумской епархии.⁶⁸ В селении Кусджыта (Уанел) действовала церковь во имя великомученика Феодора Тирона. Церкви в честь Рождества Богородицы были основаны в селениях Дзау (Джава) и Залда. В Залде, Дзаре и Уанате были основаны причтовые дома.

*Церковь во имя великомученика Федора Тирона
в с. Кусджыта (Уанел) (Южная Осетия)*

Таким образом, одна из задач Общества — основание приходов и строительство церквей — была выполнена в обеих частях Осетии, православные приходы были основаны во всех осетинских обществах, даже в горных селах.

Культурно-просветительская деятельность. Важным направлением культурно-просветительской деятельности был перевод церковной литературы на осетинский язык. Совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе учредил комитет для перевода книг на осетинский язык. М. Сухиев перевел текст воскресной службы. А. Колиев перевел в стихах два акафиста — Пресвятой Богородице и Сладчайшему Иисусу, текст из требника для крещения, молитвы родильнице. Стефан Мамитов переводил на осетинский язык религиозные и светские произведения, написал учебники для осетинских школ. Ему принадлежит перевод Священной истории Ветхого и Нового Завета с кратким катехизисом, «Начальные беседы мироповедения» — пособие для школьников.

*Церковь во имя Св. Георгия Победоносца
в с. Мсхлеби (Южная Осетия)*

Священник Харлампий Цомаев переводил на осетинский язык учебники, методические пособия, религиозную литературу, произведения классиков русской литературы (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова), зарубежных авторов (Джона Рида).⁶⁹ Священник Цораев перевел соборные послания святых апостолов Петра, Иоанна Богослова и Иуды. Священник Жускаев перевел пасхальную службу и молитвы к святому причащению. Священники Колиев, Сухиев, Аладжиков и Жускаев сделали новый перевод литургии Иоанна Златоуста в 1861 году. В 1864 году они переработали перевод Евангелия. Им помогали священник Цаликов и учитель семинарии Цораев. К.Токаев в 1896-1897 гг. перевел на осетинский язык «Святые поучения»⁷⁰. Многие переводы также были отредактированы осетинскими священниками.

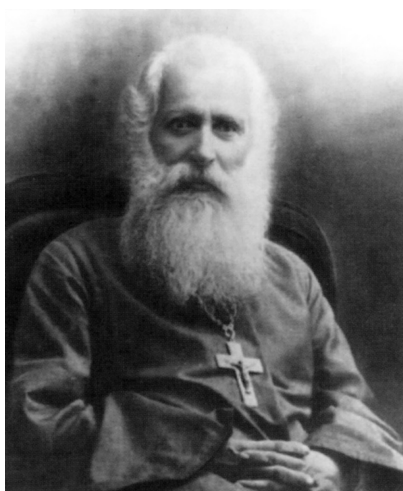
Перевод богослужебной литературы на осетинский язык сегодня вновь становится актуальной задачей, в решении которой неоценимую роль играют сохранившиеся тексты.

Православие стояло у истоков осетинской литературы. Первыми по времени написания на осетинском языке являются стихотворения Аксо Колиева «Хвалебная песнь Пресвятой Богородице», «Отче наш», «Светлое Христово Воскресение», написанные в форме народного стиха. Стиль его произведений, по определению литературоведа Х.И. Ардасенова, «торжественно-приподнятый, язык богат сравнениями и эпитетами»⁷¹.

Стефану Мамитову принадлежит «Детская книга» («Сывæллæтты чиныг») в двух частях с многочисленными текстами для школьного и домашнего чтения, содержащими фольклорный материал. В рукописи остались две комедии, которые ставились на осетинской сцене в Тифлисе, драма из жизни осетинской женщины на русском языке «Дядя Мурзабек», «Дуняша» и другие рассказы.

В 1894 г. на основании рапорта священнослужителей Осетии от 30 ноября высшее церковное руководство разрешило издание «Владикавказских епархиальных ведомостей».⁷² Одними из первых в данном печатном органе стали публиковаться священники-осетины А. Гатуев, К. Токаев, Х. Уруймагов, А. Цаголов. Часто они выступали авторами различных публикаций о деятельности Осетинской церкви.⁷³ Светская печать давала возможность высказаться полнее, поэтому они были сотрудниками многих других кавказских изданий, таких как «Кавказ», «Тифлиссские новости», «Казбек», «Терские ведомости» и др. Например, А.Гатуев опубликовал свою известную работу «Христианство в Осетии» в газете «Терские ведомости» в 1891 г.⁷⁴ Священник Моисей Коцоев издавал журнал «Христианская жизнь» («Чырыстон цард») на осетинском языке.

Как указывал Г. Баев, «... самую глубокую благодарность осетинский народ должен питать к своему духовенству за его работу на почве родной письменности. Современная светская осетинская литература, безусловно, могла развиваться только на почве именно этих трудов. Все церковные книги, части Библии и, наконец, Евангелие были переведены трудами священников, учебники для школ — Ветхий Завет, Новый Завет, азбуки, словари и другие, изданные апостолом Осетии епископом Иосифом, появились при ближайшем сотрудничестве священников-осетин, имена которых красуются на этих изданиях: М. Сухиев,

Алексей Гатуев

*Церковь в честь
Рождества Богородицы в с. Залда
(Южная Осетия)*

Х. Цомаев, К. Токаев, А. Гатуев, А. Цаликов, И. Дзампаев...»⁷⁵.

Г. Цаголов писал об осетинских священниках, что «это была небольшая горсть, но горсть людей, сильных духом, ...не щадивших ни своих сил, ни своих средств, ни даже жизни для достижения цели. У этих людей была вполне ясная цель: это религиозно-нравственное просвещение народа в духе, конечно, православия. Семья этих самоотверженных тружеников оставила после себя заметный след: осетинскую церковную службу и грамотную Осетию».⁷⁶

В своем приветствии по случаю 50-летия Общества восстановления православного христианства на Кавказе в 1910 году духовенство Южной Осетии с благодарностью отмечало: «Велики и неисчислимы апостольские труды этого общества по восстановлению христианства

среди горцев...Дикие вершины наших гор украшаются ныне благолепными храмами. Осетины из своей же среды имеют духовных пастырей, из которых некоторые более 40 лет плодотворно работают на ниве Христовой. Страна покрыта довольно густой сетью правильно поставленных школ. Некоторые стипендиаты общества с успехом прошли как среднюю, так и высшую богословскую школу...»⁷⁷.

Важным результатом деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе стало появление в осетинских селах новых церковно-приходских школ: Ольгинская, Гизельская, Ардонская, Алагиро-Салугарданская, Салугарданская женская, Хумалагская мужская и женская, Даргавская, Дарг-Кохская, Вольно-Христиановская, Батакоюртовская, Мизурская, Садонская, Кадгаронская и Даллагкаукая.⁷⁸

В 1887 г. в Ардоне было открыто Александровское Осетинское духовное училище с целью подготовки церковнослужителей и учителей для осетинских церковно-приходских школ Владикавказской епархии. Для создания школы жители Ардона пошли на большие материальные затраты: для училища был выделен хороший земельный участок в 10 десятин, построено до-

бротное двухэтажное здание с придворными постройками, стоившее около 20 тыс. рублей, разведен фруктовый сад.

Коста Хетагуров во «Владикавказских письмах» писал: «Селение Ардон является редким исключением не только на Кавказе, как туземное поселение, но и во всей России по тому напряжению, какое оно сделало для целей народного образования. Насчитывая у себя всего 500 дворов, оно выстроило обширное двухэтажное здание и с усадьбой и с садом в 3 десятины и передало его в распоряжение «Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе» с тем, чтобы Общество открыло в нем соответствующее учебное заведение и при приеме учащихся отдавало бы предпочтение детям ардонских осетин. Так возникло в Ардоне Александровское духовное училище, имевшее исключительной целью воспитывать детей-осетин в духе православия. Впоследствии училище было преобразовано в Миссионерскую семинарию».⁷⁹ Преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, осетинский язык, арифметика, география, церковное пение и чистописание. При изучении осетинского языка основное внимание уделялось обучению богослужебного языка, общеупотребительных молитв на осетинском языке, чтению и пересказыванию прочитанного из Евангелия.

При Ардонском осетинском училище имелось общежитие для учеников из отдаленных районов Осетии, а также библиотека. Большое внимание уделялось в училище религиозно-нравственному воспитанию учеников. Они посещали общественные богослужения в местной осетинской церкви, занимались чтением Св. Евангелия и других книг духовного содержания, с особой строгостью соблюдали посты.

С целью усиления христианского влияния среди осетин, высшим кавказским начальством было признано необходимым открыть в Ардоне миссионерскую семинарию. С таким ходатайством оно обратилось в Святейший Правительствующий Синод. В 1895 г. Александровское осетинское духовное училище было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию. Святейший Правительствующий Синод в своем циркуляре подчеркивал, что Ардонская семинария призвана готовить молодых осетин к миссионерской деятельности не только в пределах Владикавказской епархии, но и в Южной Осетии.⁸⁰

Следующим этапом в истории Александровской семинарии стало ее преобразование из миссионерской в духовную.

Большое внимание уделялось Обществом организации ремесленных мастерских и приютов при начальных школах. Главным образом осуществлялось обучение столярному ремеслу и сельскому хозяйству.⁸¹

По сведениям А. Гатуева, число школ в 1901 году составило 61, в них обучалось 3919 детей обоего пола. Ревизия школ, проведенная Обществом вос-

становления православного христианства на Кавказе в 1911 году, показала, что школы Владикавказской епархии в большинстве своём были хорошо оснащены мебелью, учебными и наглядными пособиями.⁸²

Таким образом, просветительская деятельность православных миссий, пронизанная идеями гуманизма, оставила глубокий след в культуре осетин, прежде всего в истории народного образования.

Женские учебные заведения. Феноменом осетинской культуры является раннее появление женского образования, начало которому было положено православным духовенством. История женского образования начинается с середины XIX века, когда А. Колиев открыл первую школу для девочек в своем доме. После его смерти школа перешла в ведение Общества, преобразовавшего ее в трехклассное училище с пансионом под новым названием Ольгинской в честь Великой княгини Ольги. Со временем эта школа была признана лучшим учебным заведением в просветительской деятельности Общества. В 1874 году были разработаны «Правила о приходских школах», предписывающие воспитание детей горцев в духе православной веры. Первоначально речь шла только о мальчиках, но позднее эти правила стали распространяться и на девичьи школы.

В 1866 году в селении Дзау (Джаве) появилась первая женская школа и на территории Южной Осетии.

В 1870-х годах были открыты Алагиро-Салугарданская (1870), Ардонская, Дарг-Кохская, Ольгинская (1871), Гизельская и Хумалагская (1872) женские школы. Все они основывались при поддержке Общества восстановления православного христианства на Кавказе. На 1 января 1880 года в этих школах обучалось 196 девочек. В вопросах финансирования предпочтение отдавалось мужским школам, а женские финансировались по остаточному принципу; женщина-учитель получала жалованье в 2 раза меньше, чем учитель-мужчина. Несмотря на материальные проблемы, женское образование развивалось достаточно быстрыми темпами. В отчете одного из приставов Владикавказского округа за 1886 год отмечалось, что женское образование поставлено лучше мужского, девочки охотно посещали занятия, к этому их всячески поощряли родители.

С переходом Общества в ведение Св. Синода в 1885 году все начальные школы были переименованы в церковно-приходские. Период с 1885 по 1895 годы был застойным для женского образования. Реакция, наступившая по всей России, привела к закрытию ряда сельских женских школ.

В 1884 году был разработан «Проект общего нормального плана промышленного образования в России», в котором излагались принципы организации профессионального образования и ставились важные задачи: привести программу обучения в профессиональной школе в соответствие с потребностями экономического развития и преодолеть ее одно-

сторонний характер. В учебные планы предлагалось ввести в качестве самостоятельного предмета ручной труд. В Осетии обучение женскому рукоделию началось еще в 1863 году по инициативе Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Занятия по рукоделию проводились в Садонской, Ольгинской, Даллагкаульской, Хумалагской, Дарг-Кохской и Батакоюртовской школах. Особенно прославилась Кадгаронская школа, где в октябре 1902 года была открыта ткацкая учебная мастерская, основанная священником М. Коцоевым с помощью благотворительного церковно-приходского братства во имя святого архистратига Михаила. Ученицы Кадгаронской учебно-ткацкой мастерской были награждены медалями и дипломами на выставке «Детский мир» в Санкт-Петербурге.⁸³

Женская часть осетинской интеллигенции, представленная выпускницами Ольгинской школы, внесла неоценимый вклад в развитие женского образования. С трудом добиваясь создания школ, учительницы нередко брали на себя материальные расходы, приобретая на собственные средства учебники и учебные пособия, письменные принадлежности для детей, зачастую работали без оплаты, предоставляя под школы свои дома.

Учительницы школы ст. Чернаярская

Все сельские женские церковно-приходские школы были одноклассными. Появление двухклассных школ зафиксировано в «Сведениях о церковно-приходских школах Владикавказского окружного отделения епархиального

училищного совета за 1914 год». Обучение в них было совместным. К началу XX века женские школы функционировали более чем в 40 селах, в том числе и горных, в большинстве из которых практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек.

Большую заботу о женских школах проявляли городские храмы и национальные общины Владикавказа. К 1914 году в ведомстве Владикавказской епархии находились одноклассные школы: при Братской церкви (18 учениц), при Вознесенской (26 учениц), при Константино-Еленинской (42 ученицы), на Молоканской слободке (35 учениц), при монастырской церкви (28 учениц), при Осетинской церкви (29 учениц), при второй Осетинской церкви Св. Георгия (45 учениц), при Преображенской (40 учениц). В Моздоке при церкви Моздокской Иверской Богоматери была открыта осетинская начальная школа для девочек.⁸⁴

К концу XIX века Владикавказский епархиальный училищный совет поставил вопрос о среднем женском образовании. Осетинский девичий приют в это время по своей программе был максимально приближен к уровню среднего учебного заведения. Владикавказский епархиальный училищный совет прилагал массу усилий для преобразования его в среднее учебное заведение. Однако позднее политика епархиальных властей изменилась; они считали, что школа не выполняет возложенных на нее миссионерских задач, и неоднократно пытались ее закрыть. Осетинская общественность повела борьбу за сохранение этой школы и не допустила ее перевода в Закавказье. Указом Святейшего синода от 4 августа 1901 года приют в учебно-воспитательном и хозяйственном отношении переходил в подчинение его преосвященства Владимира, епископа Владикавказского и Моздокского, с отпуском на его содержание 5740 рублей ежегодно из фонда Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Учебные программы и планы были приближены к тем, что действовали в учительских семинариях: сократились курсы катехизиса, Закона Божьего и церковно-славянского языка; основное внимание стало уделяться обучению арифметике, геометрии, географии, истории, дидактике, основам педагогики, русскому и осетинскому языкам, домоводству, рисованию, гигиене. Престиж этой школы возрастал с каждым годом. В 1904 году конкурс при поступлении составил 6 человек на место, из 309 абитуриентов 108 были осетинками. Школа выпускала не столько христианских наставниц, сколько образованных осетинок, способных распространять полученные знания, заниматься просветительской деятельностью.

Одной из малоизвестных страниц истории образования в Осетии является основание и деятельность Владикавказского епархиального женского училища. Епархиальное училище, открытое в 1894 году как трехклассное учебное заведение, давало звание домашней учительницы и было рассчитано на обучение дочерей духовных лиц. Позднее в него стали принимать

и детей других сословий православного исповедания, но за более высокую плату. Средства женского епархиального училища состояли из обязательного ежегодного процента от взноса с церковью епархии, так называемой сметной суммы, а также сверхсметной — наличными и билетами. Училищный совет посчитал возможным кроме полного пансиона ввести «полупансион», т.е. брать учениц на «половинное содержание». Например, в 1903-1904 учебном году на полном содержании епархии находилось 20 человек, на «половинном» — 9, а 122 человека обучались за свой счет.⁸⁵ Училище было открыто по инициативе Владыки Владимира (Синьковского). Этот человек оставил значительный след в истории Владикавказской епархии: добился самостоятельности епископской кафедры, организовал ежегодный крестный ход — перенос Моздокской иконы Божией матери во Владикавказ, основал Михаило-Архангельское миссионерское братство, открыл шесть новых приходов — Цейский, Ходский, Ногкауский, Бесланский, Зругский и две новые церкви, образовал специальный денежный фонд для детей-сирот священников и псаломщиков, организовал перевод и издание на осетинском языке Св. Евангелия для церковно-приходских школ, добился преобразования Ардонского училища в Александровскую миссионерскую семинарию. В том же году училище из трехклассного было преобразовано в шестиклассное. Не меньшую заботу об училище проявлял и архипастырь, сменивший отца Владимира, Преосвященный Гедеон, епископ Владикавказский и Моздокский.⁸⁶

Преподаватели и учащиеся Владикавказского Ольгинского женского училища

В 1910 году при училище была открыта своя школа. Учебная и воспитательная деятельность училища основывалась на Уставе Епархиальных женских училищ.

Создание начальных и средних учебных заведений стало результатом православного миссионерства, деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе, Владикавказского епархиального училищного совета, а также — подвижнического труда осетинской церковной интеллигенции.

Однако в Осетии наряду с церковно-приходскими школами и духовными училищами рано появились и светские учебные заведения. Администрация Терской области старалась установить дружеские контакты с привилегированными сословиями горцев, поэтому проявляла заботу об образовании их детей. При выработке программы обучения в национальных окраинах страны поощрялось совместное обучение русских детей с «инородцами». Так, например, для дочерей российских «нижних чинов» и девочек из горских влиятельных сословий было открыто Елизаветинское училище во Владикавказе.

В июне 1861 года в г. Владикавказ было открыто бесплатное училище для вольноприходящих детей всех сословий без различия вероисповедания. Инициатива открытия этого учебного заведения исходила от группы городской интеллигенции. Помощник начальника Терской области князь Д.И. Святополк-Мирский принял училище под свое особое покровительство и изъявил согласие быть попечителем общества, формирующегося для поддержания учебных и материальных средств. Княгиня С.Я. Святополк-Мирская приняла на себя обязанность председателя в совете училища. Оно было открыто с целью дать дочерям бедных родителей образование и основательное первоначальное воспитание. Принимали в него девочек не старше 8 лет всех сословий и вероисповеданий. В учебную программу входили Закон Божий, русский язык, краткая история России, география, арифметика, рукоделие. Училище существовало за счет частных пожертвований и сборов со спектаклей, устраиваемых членами благотворительного общества. Вскоре оно было преобразовано в училище 2 разряда и названо Ольгинским, в честь Великой княгини Ольги Федоровны, жены наместника Кавказа Великого князя Михаила Николаевича. В 1874 году оно было преобразовано в Ольгинскую гимназию. В 1893 году были открыты педагогические классы. Начальницами гимназии были Е.К. Соболева, с 1900 по 1916 год — Л.М. Дударова. Училище стало самым престижным из средних учебных заведений города. Здесь учились дочери священника А. Цаликова, ставшие впоследствии известными учительницами, девушки из семьи Газдановых, среди них Аврора Газданова, ставшая солисткой Мариинского балета, Роза Кочисова, первая женщина-драматург в Осетии.

Мощным фактором дальнейшего развития женского образования стала общественно-политическая деятельность осетинских просветителей, отстаивавших европейские идеалы свободы и развития. К.Л.Хетагуров, Х. Уруймагов, Г. Баев, А. Гассиев, Г.Дзасохов и другие призывали к расширению женского образования с использованием передовых достижений педагогики. Под влиянием российской общественно-политической и педагогической мысли и российского опыта школьного строительства осетинская интеллигенция повела борьбу за светскую школу, убеждая учителей и народ в преимуществах светского образования как более современного и соответствующего требованиям экономического и социокультурного развития общества. Просветители ставили вопрос об открытии высшего учебного заведения. Г.Баев обращался к высшим правительственным кругам России с просьбой преобразовать Осетинский девичий приют в женскую гимназию с профессиональным образованием.

Гиго Дзасохов

Появление в конце XIX — начале XX вв. светских школ системы министерства народного просвещения стало важным событием в истории народного образования Осетии. Первые женские светские школы создавались в магометанских селениях, где не было церковно-приходских школ. Осетинские сельские общества составляли «приговоры» об их открытии, оказывали им всяческое содействие.

В селах Осетии светские женские школы стали появляться в начале XX века. Одноклассные школы были открыты в Карджине и Новом Урухе, Ногкау, Шанаевском. В Карджине и Новом Урухе практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек, а в мусульманских селах Ногкау и Шанаевском девочки обучались отдельно.

Двухклассные школы в 1904 году были основаны в Алагире и Заманкуле, в 1908 году — в Эльхотово и Христиановском, в 1911 году — в Зильги и Магометановском. Из этих восьми школ девочки обучались только в пяти.

Для девочек из «городских сословий» было основано Владикавказское первое женское одноклассное училище, состоявшее из трех отделений, где, кроме общеобразовательных предметов, девочки занимались рукоделием, пением. Среди преподавателей были лица, имевшие высшее специальное образование. Училище имело свою библиотеку.

В сентябре 1887 года во Владикавказе было основано женское училище Владикавказской ремесленной управы, которая имела свое «Общество

Ученицы Ольгинского приюта.

ремесленных училищ», открывшее мужское, а затем и женское училища. Наряду с обязательными предметами — арифметикой, русским языком, историей, географией и Законом Божиим — здесь также преподавали пение и рукоделие. Все учителя являлись выпускницами Ольгинской женской гимназии. Училище состояло из трех отделений. В 1911 году в нем обучалось 129 девочек, большинство из них были русскими, православного вероисповедания. Социальный состав был достаточно однородным: только 37 человек были из семей крестьян, казаков и нижних чинов, остальные представляли «городские сословия» (мещан, ремесленников).

В 1888 году в городе было открыто Высшее женское 5-е начальное училище, состоявшее из четы-

рех отделений, двух общеобразовательных классов и класса ручного труда. Кроме общих предметов, девушки изучали немецкий и французский языки, рукоделие, занимались рисованием, пением, гимнастикой. В 1907 году в училище значилось 217 учениц.

В сентябре 1888 года во Владикавказе было основано двухклассное женское училище, состоявшее из пяти отделений. В сословном отношении ученицы представляли не только «городские сословия», но и дворянские (18 человек в 1906 году) и крестьянские (62 человека) семьи.

В феврале 1895 года Мещанская управа г. Владикавказ открыла свое женское училище. На 1 января 1907 года в нем значилось 110 учениц, все из «городских сословий». Примечательно, что в училище обучалось несколько девушек-мусульманок. Училище имело три отделения и большую библиотеку. В архивных документах сохранились сведения о внеклассной работе с ученицами; практиковались такие ее формы, как «чтения с картинками» (просмотр диафильмов) по произведениям русской классической литературы, по истории России и др.

В сентябре 1906 года было открыто Владикавказское третье женское одноклассное училище. Как и в других одноклассных училищах, девочек обу-

чали рукоделию и пению, наряду с обязательными предметами, а с 1911 года в программу были введены уроки рисования. В училище имелась своя библиотека. Внеклассная работа включала посещение детских спектаклей, просмотр диафильмов и литературные чтения.

По инициативе известной общественной деятельницы В.Г. Шредерс на базе двухклассного женского училища была открыта прогимназия — трехклассное учебное заведение. В 1903 году она стала четырехклассной, а в 1904 году был основан педагогический класс, окончание которого давало право преподавания в начальных училищах. Прогимназия имела два подготовительных класса, четыре обычных, один профессиональный и один педагогический. В 1904 году в ней обучалось 340 учениц. Гуманистические традиции, заложенные В.Г. Шредерс, достойно продолжали последующие поколения учителей.

Таким образом, к началу XX века женское образование было представлено учебными заведениями различного типа и разной ведомственной подчиненности: начальные школы и епархиальные ведомства, школы дирекций народных училищ Терской области, национальные светские и религиозные, женские училища ремесленников и мещан, частные школы, а также средние учебные заведения — епархиальные и светские⁸⁷.

Военное образование. Военные школы сыграли большую роль в просвещении, в формировании интеллигенции в Осетии⁸⁸. В пореформенное время политика российского правительства в отношении военного образования в Осетии претерпела определенные изменения, прежде всего оно отказалось от практики учреждения военных школ. Некоторые исследователи объясняют это явление социальной переориентацией имперской политики в Наместничестве после окончания Кавказской войны, когда российская власть не видела особой необходимости в заигрывании с феодальными верхами, для детей которых в первую очередь предназначались эти школы⁸⁹. Изменения в образовательной политике России на Кавказе символизировали переход от военной жизни к мирной. «Замирение» Кавказа сопровождалось укреплением основ гражданской жизни: сокращался военный бюджет, закрывались школы военных воспитанников, армию стремились освободить от «лишних» функций в государстве и обществе.

Политическая элита Осетии в своем большинстве предпочитала для своих сыновей светскую, особенно военную карьеру.

Владикавказская горская школа, предназначенная для детей привилегированных сословий, претерпела несколько реорганизаций и меняла свой статус от реальной прогимназии до реального училища. В 1870 году она была преобразована в реальную прогимназию. За 2 года существования число учащихся в ней достигло 300 человек, и учебное заведение уже

не вмещало всех желающих. Терское казачье войско согласилось взять на себя половину расходов по содержанию, при условии преобразования прогимназии в полную гимназию. Правительство дало разрешение на такое преобразование, и в 1876 году Владикавказская гимназия стала реальным училищем, Горский пансион был преобразован в пансион реального училища.⁹⁰ Обучение было рассчитано на 8 лет, программа состояла из общеобразовательных и естественных дисциплин, а также предполагала овладение навыками отдельных видов служебной деятельности.

Однако 19 июля 1882 г. было принято решение о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса. Так, в России вновь был восстановлен этот тип учебных заведений, ликвидированный в период демократического подъема 1860-х гг.

В приказе по военному ведомству, в ведении которого состояли данные учебные заведения, отмечалось, что переименование гимназий в кадетские корпуса произведено «во всемилостивейшем внимании к вековым заслугам бывших в империи кадетских корпусов, питомцы которых, прославив русское оружие в достопамятных войнах прошлого и текущего столетий, доблестно подвизались на различных поприщах полезного служения престолу и отечеству»⁹¹.

Владикавказский кадетский корпус

В 1900 году военное министерство Российской империи приняло решение, учитывая традиции военного образования, накопленные во Владикавказе, учредить здесь Кавказский кадетский корпус. Он замышлялся как самое крупное военное образовательное учреждение на юге России, а сам Владикавказ и Осетия признавались местом, имеющим высокие воинские традиции, которые благотворно отразятся на правильном воспитании юношества.

Данное решение центрального ведомства было с энтузиазмом встречено широкими кругами общественности Осетии, и 23 августа 1901 года Владикавказская Городская Дума, тщательно обсудив вопрос об устройстве кадетского корпуса во Владикавказе, постановила безвозмездно передать для нужд военного министерства России земельный участок на южной окраине города между левым берегом реки Терек и Военно-Грузинской дорогой.

Владикавказский кадетский корпус был учрежден на 500 воспитанников-интернов, то есть казеннокоштных воспитанников при одном приготовительном и семи общих классах. Прием детей во Владикавказский кадетский корпус производился на следующих основаниях: а) служащих или служивших на Кавказе в военном и гражданском ведомстве без различия национальности; б) неслужащих туземцев Кавказа — по кандидатским спискам, составленным губернаторами и начальниками областей и утвержденным к 1 апреля Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, «кандидатские списки на детей неслужащих туземцев Кавказа по утверждению их Главноначальствующим препровождаются в Главное Управление военно-учебных заведений для дальнейших распоряжений по приему малолетних в кадетские корпуса за счет казны может быть предоставлено детям лишь тех неслужащих дворян губерний и областей Кавказа, которые законным порядком утверждены в Российском дворянском достоинстве»⁹².

Во Владикавказе был открыт доступ к обучению для детей не дворянского происхождения. Если в центре для ограничения доступа в кадетские корпуса детей недворянского происхождения использовалась целая система мер, то на периферии, в частности в Осетии, этого не было.

Значительную роль в развитии военного образования сыграла деятельность Терского казачьего войска: строительство, содержание и ремонт войсковых учебных заведений; выплата стипендий и пособий, оплата обучения учащихся; обучение студентов за счет войсковых капиталов в учебных заведениях России. Терское казачье войско ходатайствовало перед начальником Терской области об открытии в г. Владикавказ военно-ремесленной школы, войскового реального училища, учительской войсковой семинарии и женской гимназии с пансионом.

Военно-ремесленная школа во Владикавказе была учреждена постановлением Военного совета 28 сентября 1902 года⁹³. Цель создания школы заключалась в распространении среди войскового населения профессиональных ремесленных знаний, необходимых для изготовления обмундирования и предметов снаряжения выходящим на службу казакам и строевым частям, а также в создании квалифицированных кадров мастеров и подмастерьев. В школу, рассчитанную на 60 человек, принимались дети казаков от 16 до 19 лет, преимущество отдавалось юношам из менее состоятельных семей. Зачисленные в школу ученики содержались за счет войска, они также освобож-

дались от личных денежных и натуральных повинностей. Курс обучения в школе составлял 3 года и включал младший, старший и специальные классы. Помимо теории и практики, ученики всех трех классов занимались фронтовыми учениями, стрельбой по цели, хоровым пением, чтением и рассказами из казачьей истории. Выпускники школы находились на особом учете в управлениях атаманов отделов и откомандировывались на службу в строевые части, оружейные мастерские и военно-ремесленную школу.⁹⁴

Во Владикавказе 27 октября 1911 года было учреждено Войсковое реальное училище Терского казачьего войска.⁹⁵ Кредит на постройку здания войскового реального училища был разрешен Военным советом в октябре 1913 года и отпущен в размере 427 755 рублей.⁹⁶

Положением Совета министров 29 июля 1909 года во Владикавказе была учреждалась учительская войсковая семинария. Для этого начинания было разрешено выделить из войскового капитала сумму в размере 41 980 рублей. Семинария начала свою деятельность с 1 сентября 1910 года и была рассчитана на 100 воспитанников (80 войсковых и 20 — других сословий)⁹⁷.

Осетинская светская интеллигенция стремилась к модернизирующим преобразованиям школы. Просветители, педагоги, публицисты отмечали, что церковно-приходские школы не соответствовали требованиям времени, обвиняли учителей-священников в невежестве. Пореформенная модернизация многих сфер жизнедеятельности требовала качественно другого, светского образования.

Николай II на встрече с казаками Терского войска. 1914 г.

В начале XX века осетинское учительство повело борьбу за демократизацию учебно-воспитательного процесса. В 1905 году на съезде учителей в сел. Ардон было принято обращение к Владикавказскому епископу о преобразовании церковно-приходских школ с содержанием следующих требований: переименовать все церковно-приходские школы в народные; сократить программу по Закону Божьему; исключить из программы старославянский язык и ввести осетинский; пересмотреть программы по русскому языку, истории, арифметике, геометрии, черчению, физике и географии; ввести в женские школы рукоделие и домоводство; уравнивать учительниц в правах с учителями; освободить от преподавания Закона Божьего.

Съезд создал специальную комиссию, которая должна была вместе с училищным советом разработать программу преобразования Осетинской Ольгинской второклассной женской школы в светское учебное заведение.⁹⁸

На определенные уступки шло и духовенство. В 1912 г. съезд осетинского духовенства и мирян, работавший с благоволения Его Высокопреосвященства архиепископа Питирима, постановил изменить программу церковной школы: упразднить преподавание мертвого славянского языка, ограничить преподавание Закона Божия главными молитвами и догматами православной веры и кратким курсом Нового и Ветхого Завета, шире использовать родной язык, вести на нем первые годы Закон Божий с чтением святого Евангелия.⁹⁹

Развитие образования в Южной Осетии. В Южной Осетии после отмены крепостного права действовало «Положение о начальных народных училищах». В 1864 году было открыто 9 церковно-приходских школ, в которых обучалось 107 человек, а в 1865 году — 140 человек¹⁰⁰.

В пореформенный период в Цхинвали (1881 г.), Ахалгори (1884 г.), Закори (1891 г.), Часавали (1895 г.), Дзаре (1896 г.), Цунари (1897 г.) и др. было открыто 10 монастырских школ.

С 1864 по 1900 гг. всего было открыто 24 школы, но их работа нередко прекращалась из-за отсутствия средств.

Крестьяне стали охотно посылать в школу своих дочерей. Женские школы были открыты в Дзау (Джаве), Цхинвали, Ахалгори и в селе Кусджыта (Кошки). Но они работали с большими перебоями и вскоре прекратили свое существование.

Жители многих осетинских сел на сельских сходах принимали решения, в которых просили царские власти открыть у них школы, давая обязательства о строительстве помещений для них. В 1871 г. жители с. Дзау просили императора Александра II учредить в их селе школу на казенный счет, но от него последовал отрицательный ответ¹⁰¹.

Несмотря на противодействия царских чиновников и духовенства, многим селам удавалось добиться открытия школ; при этом школьные расходы,

порою даже жалование учителям, в основном платили сами крестьяне, что было тяжелым бременем для них.

В 1886 г. для Дзауской школы было построено новое каменное здание с жилыми комнатами для учителей. В школе обучалось 108 учеников.

Первая светская школа в Юго-Осетии была открыта в Цхинвали в 1881 г. К концу XIX в. здесь насчитывалось уже 8 школ, в которых обучалось 207 мальчиков и 125 девочек.

В отчете о состоянии школ Общества распространения христианства на Кавказе за 1898 г. говорилось о Дзауской школе: «Теперь не редкость встретить в районе этой школы достаточно грамотных мужчин и даже женщин, понимающих русскую разговорную речь, имеющих правильное, согласное с духом христианского учения воззрение на жизнь, обязанности человека и т.п. По имеющимся у меня данным, в Джавском сельском обществе, состоящем из селений Джава, Мсхлеби, Джрия и насчитывающем приблизительно 4756 душ обоего пола вместе с детьми, в настоящее время грамотных на русском и туземных языках 1408, в том числе 114 женщин; процент довольно значительный, свидетельствующий о жизнедеятельности школы»¹⁰².

Обучение в министерских школах носило более светский характер. Кроме Закона Божьего в них изучали русский язык, арифметику, родной язык, естествознание, географию, черчение и пение.

Многие воспитанники югоосетинских школ для продолжения своего образования выезжали в Тифлис, Гори, на Северный Кавказ и в Центральную Россию. Например, только из выпускников Дзауской школы в 1880 г. в разных городах обучалось 13 человек. Учительские кадры для осетинских начальных школ готовились в Тифлисе, в Ардонской семинарии. Так в 1900 г. в Ардонскую семинарию из южных осетин было послано 9 человек.

Высшее образование для южных осетин оставалось недоступным. К 1900 г. среди южных осетин известно два человека с высшим образованием: Ягор Битиев из села Гуфта (врач) и Христофор Джигоев из села Морго (окончил Киевскую духовную академию).

Большим препятствием в развитии народного образования было отсутствие квалифицированных учителей. Первым светским учителем в Юго-Осетии был Фома Чочиев (Чочишвили). Всю жизнь он посвятил распространению знаний среди населения. Свою педагогическую деятельность он начал в 1851 г. в родном селе Ортеви. О его деятельности на поприще народного образования инспектор школ Общества распространения христианства на Кавказе Бакрадзе писал: «Относительно Ортевской школы я должен заметить, что она поддерживается старанием учителя Чочишвили... несмотря на свои скудные средства, он постоянно содержит, по словам местных учителей, на свой счет беднейших учеников; кроме того, он ежедневно по утрам обходит деревню и собирает мальчиков в школу»¹⁰³.

На 1 января 1914 года в ведении Дирекции народных училищ было 35 учебных заведений, из них 25 одноклассных училищ и 10 двухклассных. Число училищ, подведомственных Дирекции народных училищ, значительно возросло. В 1913 году на средства местных сельских обществ содержалось 23 училища, из них два были двухклассными. Обучалось в них 2514 человек, из них 472 девочки.¹⁰⁴ На февраль 1917 года Дирекция народных училищ финансировала свои школы в 35 осетинских селениях, причем в 23 из них было по одной школе, в 11 — по две школы, а в одном — 3 школы; всего было 48 министерских училищ, одноклассных и двухклассных.¹⁰⁵

Таким образом, усилия православных российских миссий и местной интеллигенции по устройству церковно-приходских школ привели к обновлению осетинского общества. Религиозное образование и воспитание подвергалось жесткой критике и в дореволюционное время, и в советский период. Оно рассматривалось в контексте колониальной политики России и расценивалось как часть миссионерской практики. Действительно, выработанная православием система образования и воспитания была максимально подчинена поставленной цели — христианизации населения, подготовке кадров миссионеров. Однако следует признать, что эта цель была обеспечена средствами, методами, критериями оценки результатов своей деятельности в образовательном процессе; религиозное воспитание, основанное на христианских заповедях, было направлено на формирование высоконравственной личности. Это дает основание для пересмотра сложившихся взглядов на роль православия в развитии образования. Церковно-приходские школы выполняли не только отведенную им миссионерскую функцию. Они способствовали распространению грамотности, духовному развитию осетинского народа, его приобщению к русской и мировой культуре. Выполнив свою благородную миссию, церковно-приходская школа перестала соответствовать потребностям нового осетинского общества и стала объектом критики со стороны местной интеллигенции. За короткий срок светские учебные заведения не только вытеснили церковно-приходские школы, но и значительно улучшили свою деятельность.

О развитии в области народного просвещения в Осетии газета «Терские ведомости» в специальной статье сообщала: «Вся Осетия в настоящее время покрыта школами (есть между ними и немало женских), которые открыты или исключительно на местные средства, или с небольшим пособием от казны». Профессор А. Краснов, побывавший в 1898 г. на Кавказе, писал: «Осетины — один из немногих народов Кавказа, не только способных к быстрому восприятию культуры, но и делающих на этом поприще большие успехи. Они обещают сделаться для Кавказа тем, чем швейцарцы для Альп... Если есть народ, который русская администрация могла бы сделать русскими горцами, то это, бесспорно, осетины... Осетины жаждут образования, они охотно открывают школы, посылают туда детей, изучают русский язык, и население им

уже владеет. Они в своем земледелии усвоили усовершенствованные машины. На месте горских саклей и жалких малороссийских мазанок в плоскостной Осетии вырастают... прочные постройки...»¹⁰⁶.

Особую значимость в развитии образования имело отношение к нему осетинского общества, которое расценивало его как важнейший фактор интеграции в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство.

Ислам в культуре Осетии. Наиболее ранние письменные свидетельства о распространении ислама среди осетин принадлежат перу грузинского бытописателя Вахушти. В 1745 г. он сообщал об осетинских феодалах, исповедовавших ислам, в то время как основная масса крестьянства была носителем православия. Исламские идеи преобладали среди местной знати, которая под влиянием кабардинской политической элиты, принимала исламскую веру. По свидетельству Штедера, во 2-ой половине 18 века все фамилии дигорских баделят (феодалов) уже прочно придерживались ислама. Речь идет о Тугановых, Абисаловых, Каражаевых, Битуевых, Кабановых, Карабугаевых и др.¹⁰⁷. В 1859 г. архимандрит Иосиф писал: «Дигорские алдары открыто проповедовали между осетинами ислам. Они приглашали имамов из Кабарды и Дагестана»¹⁰⁸. Вся политическая элита Тагаурского общества — Кундуховы, Шанаевы, Мамсуровы, Джатиевы, Есеновы, Дударовы, Тулатовы, Кануковы, Тхостовы, Алдатовы, Тугановы также приняла ислам. «Осетинские старшины все обратились в мусульманство, не имея, однако, имама, отправляя только положенные по обряду молитвы и воздерживаясь от употребления свиного мяса и спиртного, а простой народ, кроме алагирцев, начинает следовать примеру старших своих».¹⁰⁹

В 1785 году Ахмед Дударов, тагаурский алдар, владелец с.Чми, способствовал принятию чминцами ислама, активно распространял ислам по всей территории и построил в ауле Саниба каменную мечеть.¹¹⁰

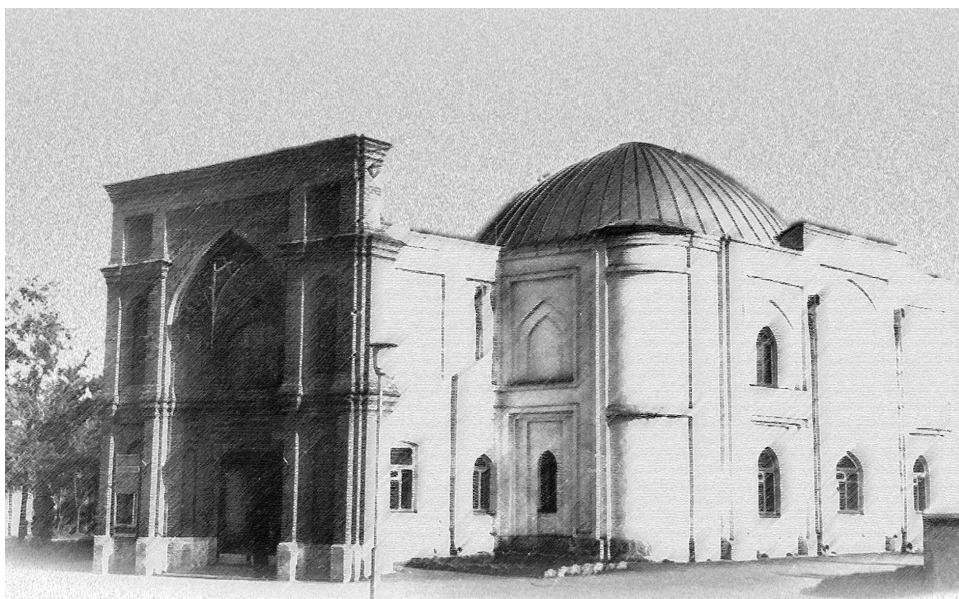
Многие осетинские села не имели мечетей, что объясняется общей политикой царизма, направленной на ограничение этой религии среди осетин. Однако феодальные фамилии дигорцев и тагаурцев обычно имели свои небольшие мечети, подобно адыгским княжеским фамилиям и дагестанским феодалам».¹¹¹ Таким образом, ко второй половине XVIII века практически все аристократические фамилии осетин и зависимых от них сословий прочно придерживались религиозно-этических норм ислама.

В первой трети XIX века на равнине появляются поселения Лескен, Хазнидон, Чикола, Беслан, Ногкау, Зильги, Брут, Заманкул, Карджин, Эльхотово. В отечественном кавказоведении сложилось ошибочное мнение о том, что мусульманскую религию исповедовали преимущественно в Западной Осетии. Приведенный список дает возможность говорить о численном преобладании мусульман в восточных районах Северной Осетии.

К середине XIX века процесс усиления социальной основы мусульманства среди осетин еще более усилился. Основной поток исламской информации начал поступать из Дагестана и Чечни. Имеющиеся документальные материалы подтверждают широкие масштабы исламской агитации. В частности, в одном из документов за 1869 г. отмечается, что в Осетии мусульманство «стало заметно распространяться в 40-х годах, занесенное сюда... муллами из Кабарды, Балкарского общества и даже Дагестана».

Российское правительство рассчитывало, что переселение мухаджиров в Турцию искоренит ислам в Осетии. Но идеи ислама не погибли, сохранилось достаточное число мусульман, потомки которых живут в указанных населенных пунктах.

В конце XIX — начале XX веков ими построены мечети в Чиколе, Эльхотово, Зильги, Беслане. Во Владикавказе действовали две мусульманские мечети — шиитская (1870-ые гг.) и суннитская (1908 г.). Шиитская мечеть была построена персами. Активными прихожанами суннитской мечети были осетины, кумыки и другие мусульмане города. В состав хозяйственного комитета, избранного в 1909 году на пять лет, входили осетины генерал-лейтенант Инал Кусов, генерал-лейтенант Темирбулат Дударов, полковник Индрис Шанаев, Амирхан Туганов, кандидатом в комитет был частный поверенный Сафар Абисалов.¹¹² Комитет управлял всем приходским имуществом, изыскивал средства для прихода, собирал пожертвования, вел административное делопроизводство.

Шиитская мечеть во Владикавказе

Суннитская мечеть во Владикавказе

Помимо места для культовой деятельности необходимы были соответствующие духовные кадры. В пропагандистской литературе можно встретить очень низкую профессиональную оценку мусульманского духовенства. Однако среди них были лица с разной степенью арабистской, исламской подготовки. В с. Чикола работал Ельмурза-молло Хаев, в молодости несколько лет обучавшийся арабскому языку и исламским догматам в Адыгее. Мулла из с. Чикола осетин Елмурза Марзоев (1890 г.р.) учился в адыгском ауле Атажукай. В Заманкуле священнослужителями были два турка Адо и Аслан-бек, оба женатые на осетинках и хорошо знавшие осетинский язык. В с. Карджин знатоком мусульманских норм считался Дафа-молло Моргоев. В с. Эльхотово были

три муллы из фамилии Салбиевых, братья Гацаловы — Татаркан-молло и Хаджумар-молло. В Беслане последним официальным муллой в 20-е годы был Мухтар-молло Мамсуров. За свою службу каждый из них получал ежегодно с каждого двора плату-закат (моллойы мызд). Однако значительная часть мусульманского духовенства не имела местных корней, и изъяснялась с населением с помощью переводчиков.

Выходцы из Осетии получали религиозное образование в мусульманских учебных заведениях Дагестана и Кабарды. Там же они обучались и арабскому языку, собирали арабские книги по различным областям знаний, выписывая их даже из Сирии и Египта. Для расширения знаний по арабской и исламской грамоте при мечетях работали духовные школы (мадрис), в которых детей обучали основам мусульманской религии. Срок обучения зависел от способностей ученика и длился от трех месяцев до двух лет. Обучение было платным, и весь курс стоил родителям около пяти рублей серебром. В

Индрис Шанаев

школах обучалось по 30-40 человек. Такое обучение позволяло лишь понять несложные устные проповеди и, заучив основные молитвы, навыки религиозного поведения, вести будущую жизнь по нормам исламской морали.

Появление мулл из числа осетин способствовало широкому распространению арабской письменности, о чем свидетельствуют надписи на могильных камнях, сделанные местными мастерами. Религиозные мусульманские книги стали переводиться на осетинский язык и издаваться на основе арабской графики. Наиболее ранним свидетельством знакомства осетин с арабской графикой являются надписи на склепах в с. Хазнидон. По словам видного специалиста Л. И. Лаврова они датируются серединой XVIII века. Аналогичный факт отмечен

им в Даргавском некрополе, где арабоязычная эпитафия датирована последней четвертью XIX века.

Для успешной проповеди в незнающей арабского языка среде необходимо было приспособить эту графику к нормам осетинского языка. Такую многосложную работу выполнил Сосланбек Тайсаев — осетинский мулла из с. Лескен. В 1912 году в г. Темирхан-Шура, в типографии дагестанского предпринимателя М.-М. Мавраева была напечатана небольшая, в 32 стр. книжка: «Книга азбуки. Для кабардинцев и осетин, составил муалим Сосланбек Тайсаюф аль-Анзори». Эта книга представляет интерес как исторический факт, свидетельствующий о попытке адаптировать арабскую графику для осетинского языка. Начинание не было доведено до конца: автора расстреляли в годы гражданской войны.

Татартупский минарет на средневековом аланском городище в Северной Осетии (Дзылаты масыг) был декорирован орнаментом, состоящим из многократного повторения слова АЛЛАХ, изображенного в стилизованной куфической форме. В мае 1829 г. его посетил А. С. Пушкин и описал памятник в «Путешествии в Арзрум» и поэме «Тазит».

Осетины-мусульмане, также как и осетины-христиане высказывали заинтересованность в появлении в своих селениях светских школ. Так, в конце XIX в. в с. Заманкул были открыты мечеть и светская школа, с которой население связывало надежды на дальнейший культурный прогресс¹¹³.

В Осетии издавна были люди, совершившие путешествие к великим святыням мусульман. Они считались авторитетными и выделялись своим поведением, набожностью и рассудительностью. Народная память сохранила имена таких

Генерал Даниелбек Цаликов

хаджи: Андиев, Козырев, Муртазовы. Благодаря хаджи в осетинской духовной культуре появились рассказы из ритуальных обрядов паломников в Мекке. Среди них рассказы о священных водах чудесного источника Дзам-Дзамыдон, беге между священными холмами Сафа и Марва или кидании камней в долине Мина.

В начале XX века вынужденно покинули родину видные общественно-политические деятели Осетии. Началась вторая волна исхода осетин-мусульман. Среди тех, кто вынужден был эмигрировать в Турцию, а затем в Европу, был Ахмед Цаликов (1882-1928). В эмиграции он возглавлял редакцию журнала «Кавказские горцы», выходившего в Праге с 1924 г., а затем, к 1928 г. перебирается в Варшаву. Здесь в 1920-30-е годы по личной инициативе Ю. Пил-

судского активно поддерживается мусульманская эмиграция из России. Опираясь на прогрессивные стороны концепции пантюркизма и ислама, принесенные интеллектуальной элитой этой эмиграции, создавался гуманитарный фронт, противопоставляемый тоталитаризму. Деятельность Ахмеда Цаликова и его коллег органически вливалась в эту работу. В числе этих единомышленников был еще один осетин — Барасби Байтуганти (1899-1986) — известный публицист, журналист и общественно-политический деятель. Он возглавлял редакцию журнала «Северный Кавказ», выходившего в Варшаве на русском и турецком языках. Долгие годы, с 1930 по 1938, это был основной печатный орган горской эмиграции в Европе¹¹⁴.

Осетинская интеллигенция. В эпоху пореформенной модернизации в Осетии резко возросло количество людей, занятых в различных видах профессиональной, общественной и культурно-просветительской

Офицеры — Хатакцико и Хаджимет (стоит) Абисаловы, Хамбий Туганов

деятельности. Формировались профессиональные группы осетинской интеллигенции: военная, духовная, педагогическая, творческая, медицинская и техническая.

Начало формирования **военной** интеллигенции относится к 30-40-ым годам XIX века. Это была большая социальная группа, сыгравшая весомую роль в военной истории России, в истории и культуре осетинского народа.

Большинство представителей военной интеллигенции получило образование в европейских и российских престижных учебных заведениях, что способствовало формированию большой группы блестяще образованных осетин-офицеров. Служба была основана на принципе добровольности, причем большая часть военных набиралась из представителей привилегированных сословий. Кроме гражданского долга и верности присяге, важное значение для горцев имели и традиционные представления о престижности военной службы.

Представители военной интеллигенции открывали школы на свои средства, помогали в обучении осетинских детей в столице России, занимались поисками одаренных детей в горных селениях, независимо от сословного происхождения.

Педагогическая интеллигенция была представлена профессиональными педагогами, которые повели борьбу за светское образование. С. Кокиев, А. Гассиев, Г. Дзасохов, Х. Уруймагов и др. выступали на страницах периодической печати за сохранение обучения в школе на осетинском языке, за развитие женского образования, за светскую школу с общеобразовательными и естественнонаучными предметами. Преподавали в них молодые осетинские учителя Е. Бритаев, М. Калоев, И. Таболов и др. Среди известных учителей были и женщины — Е. Такоева, С. Абаева, О. Абаева, Е. Дзугаева, М. Каирова, Е. Амбалова, Т. Дзахсорова, А. Туаева, О. Бицаева, А. Гарданова, О. Газданова, Н. Газданова, А. Газданова, С. Газданова, А. Дзахова, В. Караева,¹¹⁵ Е. Кулаева, А. Дзугаева, С. Баракова, А. Дзуцева, Г. Хатагова, А. Хурумова, Ф. Доева, Е. Амбалова, Александра Дзуцева, С. Габуева и др.

Формирование **творческой** интеллигенции тесно связано с зарождением национальной литературы, журналистики, искусства и науки. Начало осетинской литературы связано с православной культурой, способствовавшей появлению первых религиозных произведений.

Литературная традиция в Осетии начинается с поэзии *Темирбулата Мамсурова* (1843-1899 гг.). Сохранилось 11 его стихотворений. Стихи на родном

Темирбулат Мамсуров

языке созданы поэтом в Турции, куда он переехал в 1865 г. вместе с другими мухаджирами. В его творчестве отражена трагедия горцев-переселенцев на чужбине, охваченных запоздалым раскаянием и тоской по родине. Стихи Мамсурова близки к устному поэтическому творчеству осетин, обнаруживая хорошее знание автором и русской классической поэзии. Стихотворения Т. Мамсурова написаны в 1867-1898 гг., но в Осетии они стали известны лишь в середине 20-х годов XX века.

Поэт показал тяжелое положение горцев-переселенцев на пути в «обетованную землю». Творчество Т. Мамсурова дорого осетинскому народу. Он выступал как гуманист и патриот, как первый поэт, чье творчество на родном языке нашло отклик в сердцах осетин.

Инал Кануков

В начале 70-х годов XIX в. начался творческий путь Инала Дударовича Канукова (1851-1899 гг.).

Литературно-творческая биография Канукова делится на два периода: кавказский (70-е гг.) и дальневосточный (80-90-е гг.). Он писал на русском языке и был одним из основателей русскоязычной литературы в Осетии. Его «кавказские повести» — «В осетинском ауле», «Горцы-переселенцы», «Из осетинской жизни», «Две смерти», «Кровный стол», «Положение женщины у северных осетин», «Танцы и мода у кавказских горцев» и др. — носят художественно-этнографический и просветительский характер. Они служат для читателя своего рода путеводителем, содержащим эстетически оформленную

информацию об осетинах того времени, их культуре и быте. Здесь и характеристика институтов общественной жизни аула, знакомство с поверьями, мифологией, религией, менталитетом осетин, их семейным бытом, положением женщины, предрассудками и адатами (кровная месть, калым и т.д.), отношением осетин-мусульман к христианству, России и русской культуре.

Поэтические произведения И.Д. Канукова стали появляться в печати в 90-е годы XIX в. и на страницах дальневосточных газет. Для Канукова поэзия являлась оружием борьбы против насилия и зла, против рабства и угнетения. В своем обращении к поэту он пишет:

*Пиши, собрат, злословьем не смущаясь,
Неси свой стяг и твердою стопой
Иди, разя неправду, утешаясь,
Что скоро мрак рассеется тобой...*

Поэт верил в скорую победу добра над злом. Он восклицал:

*Но знай, борьба недолго будет длиться,
Не долго ждать желанного утра, —
Настанет час, и небо прояснится, —
Прольется свет, свет правды и добра!..*

Творческое наследие И.Д. Канукова является ценным вкладом в историю культуры осетинского народа.

Блашка Гурджибеков

В 90-е годы в печати появились первые произведения талантливого поэта и драматурга Блашка (Власий Иванович) Гурджибекова (1868-1905 гг.).

Б. Гурджибеков родился в ст. Ново-Осетинская в семье офицера. Учился в Ставропольской мужской гимназии. В 1886 г. зачислен в Кизляро-Гребенский полк, в 1893 году окончил военную школу с чином подхорунжего и зачислен в первый Сунженский полк. В 1904 г. он добровольно ушел на войну и при штурме японского укрепления у деревни Санвайджи (в Маньчжурии) 18 июня 1905 г. убит. Тело поэта было перевезено и похоронено на родине. У могилы поэта с речью выступил известный русский ученый-кавказовед академик В.Ф. Миллер.

В ранних произведениях Б. Гурджибекова идеи практического реализма соединялись с романтизмом. Он осуждал социальные претензии алдарской знати, выступал против новых форм угнетения, которые нес капитализм.

В лучших своих произведениях поэт предстает человеком демократических устремлений, гуманистом, глубоко сочувствующим угнетенному народу. Блашка Гурджибеков высоко ценил поэзию Коста Хетагурова.

Эмансипации женщины он посвятил романтическую поэму «Очаровательная красавица». В ней автор рассказывает о том, как юный певец Батрадз спасает от злого духа Авдеу красавицу Саниат. Умная, волевая и смелая, она сама решает свою судьбу. В поэме выразилась мечта Гурджибекова об освобождении осетинской женщины от оков рабства.

Неприглядную современность изображает поэт в комедии в стихах «Дурачок». В ней создан образ умной и обаятельной девушки Хангуассы Борхасовой, которую родители за большой калым выдают замуж за богатого дурачка Ахснирфа Царугова.

Батырбек Туганов

Батырбек Асланбекович Туганов (1866-1921 гг.) — выходец из привилегированной осетинской фамилии.

Первые его рассказы, содержащие просветительские идеи, появились в печати в 90-е годы («Ханифа», «Пастух Баде» и др.). В этих произведениях выражено сочувствие судьбе крестьян-бедняков, показаны стремление простых горцев к знаниям, недовольство устаревшими обычаями и отношениями, чуждыми социальной справедливости.

В рассказах Б.А. Туганова изображен измученный трудом и нищенским существованием горец-бедняк, в котором постепенно формируется критическое отношение к существующим порядкам, приходит понимание необходимости

борьбы за человеческое достоинство.

Асламурза Бекмурзаевич Кайтмазов (1866-1925 гг.) вошел в осетинскую литературу как один из первых детских поэтов. В своих произведениях он славит труд, призывает детей к учебе.

В 1894 г. началась литературная деятельность поэта, драматурга, известного собирателя народного творчества *Александра Захаровича Кубалова (1871-1944 гг.)*.

А.З. Кубалов родился в с. Старый Батакоюрт в семье сельского учителя. По окончании сельской школы и Владикавказской мужской гимназии он поступил в Киевский университет и окончил его юридический факультет. Занимался частной юридической практикой.

А.З. Кубалов писал поэтические, прозаические и драматургические произведения. Наиболее значительными являются поэмы «Афхардты Хасана», «Амбазыг», «Хосдзау», «Чермен», «Старый Еса» и драма «Смерть вождя Алгуза». Им же переложены в стихах на русском языке осетинские нартские сказания «Герои нарты».

Романтическая поэма «Афхардты Хасана» была опубликована в 1897 г. В основе сюжета поэмы лежит острый социальный конфликт; столкновение знатного рода Мулдаровых с представителями фамилии «Æфхæрдты» (букв. — угнетенных, обиженных, оскорбленных). Поэт создал

Александр Кубалов

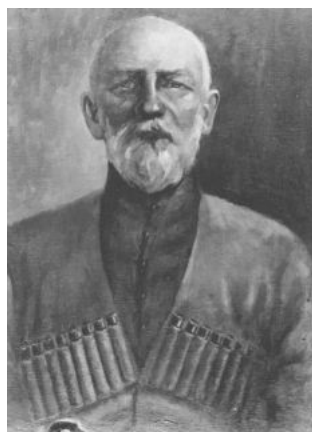
яркие образы. В частности, Госама — мужественная, стойкая и волевая женщина, которая растила сына для мести Мулдаровым — за смерть мужа и свою поруганную честь.

Фигура главного героя поэмы Хасана, который отомстил насильнику и сам стал жертвой кровной мести, импонировала читателю. Высокий художественный уровень поэмы, близость ее героев народным идеалам, острый драматический сюжет — все это обеспечило поэме А.З. Кубалова долгую жизнь, она выдержала несколько изданий и получила широкое признание в Осетии.

Крупным явлением в истории осетинской литературы является творчество *Сека Гадиева (1855-1915 гг.)*.

С. Гадиев родился в ауле Ганис, в Гудском ущелье, в семье бедного горца. Отец его Куыцири был неграмотным, но авторитетным человеком. На его долю часто выпадала роль ходатая по общественным делам.

Будучи уже взрослым, С. Гадиев при помощи грузинского священника выучился грузинской грамоте и стал причетником в церкви. В его формулярном списке указывается, что он «в училищах не обучался, чтению, пению и церковному уставу учился при душетской николаевской церкви и держал экзамен на права, дающие ему занимать псаломщическую должность в городе Тифлисе в 1872 году 23 октября».

Сека Гадиев

Переселившись в Северную Осетию, он получил должность псаломщика и служил в осетинских плоскостных селениях. Материалы для своих прозаических и поэтических произведений он черпал из богатого устного народного творчества осетин: собирал и записывал осетинские народные пословицы, сказания и предания, интересовался историей Осетии, черпал сведения из грузинских источников.

В своих произведениях С. Гадиев характеризует социальное положение трудового народа. В стихотворении «Сердце бедняка» он описывает суровую правду жизни:

*Ой, тяжелы заботы,
Ой, доля не легка!
И даже для работы
Нет сил у бедняка.
Жена и дети голы,
Ни корки хлеба нет.
Бедняк с тоски и горя
Сам высох, как скелет.*

*Уносит саклю ветер,
А ночь темным-темна,
Спросонок плачут дети,
Бедняк лежит без сна...*

Сека Гадиев стал одним из зачинателей художественной прозы на осетинском языке. Он создал целую галерею образов людей труда. Им чужда рабская покорность, они борются за свои права, защищают свою честь и человеческое достоинство.

Коста Хетагуров

Великий осетинский поэт *Коста Леванович Хетагуров* по праву считается основоположником осетинской литературы и литературного языка. «Имя Коста — поэта так называемого «маленького» осетинского народа, — писал о нем А.А. Фадеев, — войдет в ряд самых высоких имен человечества». Его поэтические произведения были созданы при отсутствии зрелых литературных традиций в Осетии. Определяющую роль здесь сыграло глубокое знание поэтом классической русской литературы. У А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова учился он глубине и остроте постановки коренных вопросов общественной жизни своего времени, жанровому разнообразию,

ритмическому и строфическому богатству стиха, мастерству отбора художественных средств из национальной сокровищницы и новаторскому их обогащению, лепки ярких характеров.

На страницах газеты «Северный Кавказ» стали появляться стихи Коста на русском языке. Проникнутые любовью к человеку труда, простые и задушевные, они пользовались популярностью среди читателей.

16 августа 1889 г. К.Л. Хетагуров присутствовал на открытии памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске. Во время торжеств он выступил с речью и прочел свое стихотворение «Перед памятником Лермонтова».

*Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды, —
Воспарит сокровенная дума твоя, —
Вот предвестник желанной свободы!
Она будет, поверь, — вот священный залог,
Вот горящее вечно светило,*

*Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..*

*К мавзолею искусств, в храм науки святой
С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.*

*Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды...*

*Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..*

Коста характеризует Лермонтова как предвестника свободы, который учит бороться за «великое, честное дело».

В 1895 г. в издательстве газеты «Северный Кавказ» вышел сборник стихотворений Коста на русском языке. Кроме стихотворений, в сборнике были напечатаны поэмы «Фатима» и «Перед судом».

В поэме «Фатима» автор показывает жизнь горцев после крестьянской реформы. Героиня поэмы Фатима смело вступает в борьбу против патриархальных нравов. Она самостоятельно решает свою судьбу: вопреки воле отца выходит замуж за трудолюбивого и честного человека — Ибрагима.

В поэме ему противопоставлен Джамбулат, княжеский сын, неприспособленный к новым условиям, ведущий пустую и бессодержательную жизнь.

*С наибом умерла и слава
Винтовок, шашек, скакунов...
Меж тем для княжеских сынков
Не по руке еще забава:
Соха, топор и наш ремень...
Холопов нет, трудиться лень,
А голод, говорят, не тетка, —
И вот, как старая подметка,
Вздымает пыль, сгущая грязь,
В народе топчется и князь,
Отцов наследье проживая...*

В поэме «Перед судом» продолжается линия разоблачения феодального уклада жизни, быта и мировоззрения. Эски-разбойник, герой поэмы, становится абреком не только из-за мести за поруганную любовь, он мстит и

за свою холопскую долю в этом несправедливом мире. В своем страстном слове перед судом он обличает мир насилия над человеческой личностью, общество господ, холопов и князей.

Античеловечный характер консервативных адатов патриархального общества, религиозный фанатизм его апологетов, ставший причиной трагической гибели юной матери и ее маленького сына, показан в поэме «Плачущая скала».

На страницах газеты «Северный Кавказ» в 1893-1994 гг. была опубликована сатирическая поэма Коста «Кому живется весело». Поэма написана в подражание Н.А. Некрасову. В ней автор обличает царский чиновничий бюрократический аппарат на Кавказе.

В 1899 г. во Владикавказе был издан сборник его стихотворений «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»). Царская цензура изрядна «потрудилась» над сборником, произведения поэта были «отредактированы». Из сборника были изъяты «Додой», «Солдат», «Тревога» и др. Возмущенный поэт в письме 19 июля 1899 г. Г.В. Баеву писал: «Я никогда своим словом не торговал, никогда ни за одну свою строку ни от кого не получал денег... И пишу я не для того, чтобы писать и печатать, потому что и многие другие это делают. — Нет! Ни лавры такого писания мне не нужны, ни выгоды от него... Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдерживать в своем изболевшем сердце, и если по упорному настоянию «друзей» я уступаю и поверяю им эти «сагъæстæ», то требую от них, чтобы и они, если даже не понимают, не разделяют мои чувства, относились к их изложению с благородной вежливостью, не переделывали бы его по своему вкусу и в таком виде не выдавали за мое произведение»¹¹⁶.

Один из исследователей творческого наследия К.Л. Хетагурова К.Ц. Гутиев отмечал: «Сборник «Ирон фæндыр» до Октябрьской революции выдержал несколько изданий, но ни разу не обошлось без цензурных искажений. И все-таки цензура не смогла вытравить тот дух обличения и протеста, которым пронизана эта книга»¹¹⁷.

Поэзия Коста характеризуется глубоким проникновением в осетинскую действительность. В простых и доходчивых словах он рассказал о тяжелой доле обитателей горских трущоб, об их страданиях.

После херсонской ссылки поэт поселился сначала в Пятигорске, а в 1900 г. переехал в Ставрополь и возобновил работу в редакции газеты «Северный Кавказ». Коста остался верен принципам реалистического искусства, выступал против реакционных течений в литературе. В эти же годы он приступает к работе над поэмой «Хетаг».

Годы ссылки и лишений сказались на здоровье Коста. В 1901 г. он тяжело заболел, вскоре болезнь приковала его окончательно к постели. 19 марта (1 апреля) 1906 г. поэт скончался.

Литературное наследие К.Л. Хетагурова по своей выразительности и глубине образов, богатству языковых средств является школой поэтического мастерства. Его литературный подвиг затмил своим величием предшественников и современников, его поэтическое искусство возвышается недостижимой вершиной в цепи осетинского художественного процесса. С именем и творчеством Коста осетинская литература становится духовным явлением общенационального масштаба и значимости.

К. Хетагуров заложил и основы национального реалистического искусства, которые были восприняты и продолжены М.С. Тугановым, способствовавшим воспитанию национальных художественных кадров; его стараниями во Владикавказе в 1907 году была организована художественная студия.

Б.Д.Датиев (сидит) с братом

Источником формирования **технической** интеллигенции стали престижные российские учебные заведения. Особенную активность осетины проявили в освоении дорожного строительства. Ярким представителем технической интеллигенции был Б.Д. Датиев — выпускник Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, действительный статский советник, член Госсовета Российской империи, автор книги «Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог». Предлагаемые автором меры были направлены на достижение мировых стандартов в строительстве железных дорог в России, с экономией капитальных вложений на сумму более 100

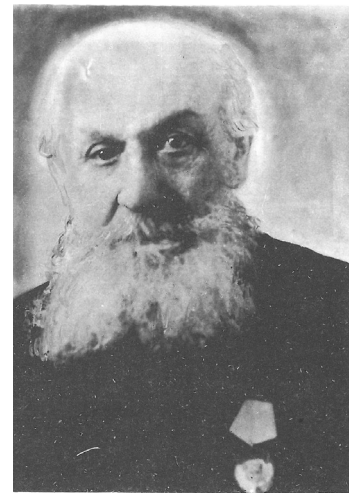
млн. рублей золотом. Под руководством Б.Д. Датиева проходило строительство дорог в Китае, Персии и Франции.

Инженером путей сообщения являлся Д. Гиоев, эрудированный инженер, владевший несколькими иностранными языками, выпускник Петербургского технологического института. Он принял деятельное участие в разработке транскавказской железной линии, в проведении Чиатурской железной дороги в Закавказье, возглавлял Батумское отделение Закавказской железной дороги, затем был переведен в Дагестанский округ. Д. Гиоев стал крупным чиновником Министерства путей сообщения. Первым осетином, окончившим Императорское Московское техническое училище (ИМТУ), был Инал Тотрукович Собиев. По инициативе выпускника Московского Высшего технического училища (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) Рутена Гаглоева было начато строительство дороги в районе Кехв-

ской теснины. Затем он непосредственно участвовал в прокладывании этой дороги, стал инициатором проведения оросительного канала от с. Кехви до с. Никоз. Б. Дзахов — сын георгиевского кавалера, выпускник Новочеркасского политехникума, инженер-механик, работал на Таганрогском металлургическом заводе, затем на торговом пароходе «Орел», приписанном к Одесскому порту. Б. Дзахов сконструировал оригинальный аппарат, с помощью которого можно было очищать корпус корабля непосредственно во время плавания от ракушек и водорослей.

В конце XIX века талантливый осетинский изобретатель Виктор Афанасьевич Гассиев закончил конструирование пятой модели фотонаборной машины и получил на ней впервые в мире печатный текст. Департамент Торговли и мануфактуры в 1900 году опубликовал об этом сообщение в «Своде привилегий» и выдал автору патент за «фотографическое получение набора». Так В.А. Гассиев закрепил за Россией приоритет в изобретении фотонабора. Многие из представителей технической интеллигенции были известны и своей просветительской деятельностью.

К концу XIX века относится развитие медицинской службы и появление осетинской **медицинской интеллигенции**. В декабре 1892 года было организовано Терское медицинское общество, сыгравшее значительную роль в развитии медицины в Осетии. Среди осетин были известные врачи: владелец частной клиники, выпускник медицинского факультета Киевского университета Е.Т. Туганов, моздокский городской врач М.И. Тулатов, выпускник Юрьевского университета Агубе Тлатов, работавший врачом горно-промышленного и химического общества «Алагир», первый хирург — осетин, участник трех войн Л.Б. Газданов (победитель конкурса Городской Думы Владикавказа среди врачей, которым предстояло работать в новой клинической бесплатной больнице), выпускник Харьковского университета А.Н. Тотиев, выпускник Московского университета К. Гарданов, выпускник Саратовского университета, судебно-медицинский эксперт К. Тхапсаев и др. В 1906 году в списках студентов первого курса Женского медицинского института появилась фамилия первой осетинки К.Т. Тургиевой. Осетинские врачи были востребованы и за пределами Осетии. А.Л. Хетагуров после окончания Петербургской медико-хирургической академии работал в инфекционной больнице им. С.П.Боткина в Петербурге.

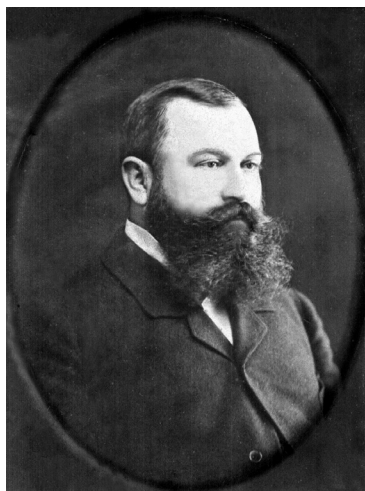

В.А. Гассиев

По согласованию с главнокомандующим Кавказской армией Цоцко Колиев, Андрей Бесолов и Василий Караев обучались во Владикавказском военном госпитале. В 1868 г. они поступили в Тифлисскую фельдшерскую школу. По окончании вернулись на родину и работали «с очевидной пользой среди соотечественников».

Сословная структура осетинской интеллигенции была разночинной. Основными социальными «лифтами» стали духовное и светское образование, военная служба, обретение статуса горожанина.

Помимо своей профессиональной деятельности осетинская интеллигенция видела свою миссию в поддержке образования и культуры, поэтому активно участвовала в деятельности многочисленных благотворительных обществ социальной и культурно-просветительской направленности.

Инал Тхостов

Развитие научного осетиноведения.

Во второй половине XIX в. изучение Северной Осетии достигло больших успехов. Подъем культурного и образовательного уровня Осетии вызвал к ней интерес А. Шегрена, Вс. Миллера, М.М. Ковалевского и других российских ученых, под влиянием которых развивалось научное осетиноведение — языкознание, этнография, фольклористика. Авторами первых научных изысканий были А. Ардасенов, А. Гасиев, В. Цораев, братья Шанаевы, И. Тхостов, М. Баев, Г. Чочиев, С. Кокиев, А. Кануков, С. Туккаев, А. Кодзаев, В. Темирханов и др.

На страницах периодической печати и в серийных изданиях они выступали с историко-этнографическими очерками о нравах, обычаях, быте и религиозных верованиях осетин. Многие авторы показывали изменения, которые происходили в социально-бытовой культуре горцев в пореформенный период. «Новые экономические отношения, — писал А.Г. Ардасенов, — в которых горцу приходится теперь действовать, волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию»¹¹⁸.

Выдающийся вклад в изучение истории, языка и фольклора осетинского народа внесли В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский.

Всеволод Федорович Миллер (1848-1913 гг.) — выдающийся русский ученый, один из крупнейших деятелей науки и культуры конца XIX — на-

Вс.Ф. Миллер

чала XX вв. Знание осетинского языка оказало ученому большую помощь в разработке научных проблем истории осетинского народа. Во время своих научных экспедиций он побывал во многих селах Осетии, собирая этнографический и фольклорный материал, производя археологические раскопки. «Цель моей поездки в Осетию, — писал он, — была лингвистическая и этнографическая... Познакомившись теоретически с осетинским языком по грамматике академика Шегрена и текстам, изданным академиком Шифнером, поставил себе задачей — изучить на месте диалекты осетинского языка и записать в текстах произведения на-

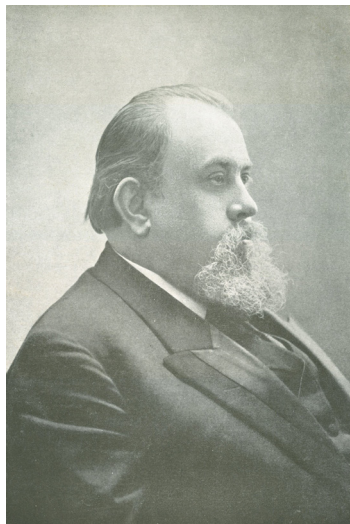
родной словесности, прежде всего т.н. нартовские (богатырские) сказания. Затем песни, сказки, местные предания и тому подобное»¹¹⁹. С 1881 по 1913 гг. В.Ф. Миллер написал более 50 научных статей и монографий о Кавказе. Особое значение имеют три тома «Осетинских этюдов», принесших автору всемирную известность. Эти книги, по образному выражению В.И. Абаева, «представляют своего рода энциклопедию осетиноведения». Говоря о происхождении осетин, В.Ф. Миллер писал: «Можно теперь считать доказанной и общепризнанной истиной, что маленькая народность осетин представляет собою последних потомков большого иранского племени, которое в средние века известно было как аланы, в древние — как сарматы и понтийские скифы»¹²⁰.

Оценивая значение присоединения Осетии к России, В.Ф. Миллер отмечал, что для осетин этот акт означал «значительное изменение к лучшему прежних тяжелых условий их жизни»¹²¹.

Ценный вклад внес ученый в развитие этнографических знаний об осетинах. В этом отношении большой интерес представляют его статьи: «Черты старины в сказаниях и быте осетин», «О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе», «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках» и другие.

Некоторые исследователи часто писали о тяжелом положении женщины в осетинском обществе. Не отрицая этого, В.Ф. Миллер в то же время отмечал: «Как ни безотраднa жизнь женщины, однако к чести осетин нужно сказать, что между ними крайне редко встречаются акты грубости и насилия против нее. Бить женщину считается позором. Если семейный раздор дошел до крупной размолвки, жена уходит в дом родителей, и со стороны мужа начинаются хлопоты о примирении»¹²².

Всеволод Федорович с большой доброжелательностью отзывался об осетинском народе. В одном из своих писем он писал: «Из личных сношений с осетинами во время моих поездок по Осетии я вынес самые отрадные впечатления. Я увидел перед собой народ живой, способный, интеллигентный, бодрый, несмотря на часто тяжелые условия существования, стремящийся к просвещению и достойный стать наравне с другими индоевропейскими народами... Эти свойства вашей народности возбудили во мне к ней искреннее сочувствие, которое руководило моими дальнейшими занятиями»¹²³.

М. М. Ковалевский

Максим Максимович Ковалевский

(1851-1916 гг.) — один из крупнейших ученых России, с 1883 г. под влиянием В.Ф. Миллера стал заниматься исследованием проблем истории народов Кавказа. По мнению профессора М.О. Косвена, обращение М.М. Ковалевского к этнографии Кавказа было не случайным. Время, к которому оно относится, последовало за выступлениями Бахофена, Моргана, Мэна, Мак Леннена, Лебокка и озаглаивалось «широкой дискуссией по ряду основных вопросов первобытной истории, в частности по вопросам семьи, рода, матриархата. Заинтересовавшись этими вопросами, Ковалевский пришел к убеждению, что кабинетным путем он серьезного вклада в данную область знания не сделает и что необходимо

для освещения всех этих вопросов обратиться к непосредственному собранному новому материалу»¹²⁴.

Летом 1883 г. М.М. Ковалевский прибыл в Северную Осетию. Он побывал в селениях Алагире и Христиановском, работал в архиве Терского областного управления. По некоторым вопросам осетинской этнографии ученый консультировался с С.В. Кокиевым, Дж.Т. Шанаевым и др. Материалы, собранные во время этих поездок, легли в основу ряда статей и двухтомного монографического исследования «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». Широкая постановка изучаемой проблемы, а также историко-сравнительный материал, который использует автор в своем исследовании, делает его работу весьма важной в научном отношении. Известно, что труды М.М. Ковалевского использовались Ф. Энгельсом при работе над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

М.М. Ковалевский писал: «Переход осетин под владычество русских сопровождался значительными переменами в их общественном быту... Это

обстоятельство сказалось на прекращении тех постоянных враждебных столкновений с соседними племенами, которыми характеризовался дотоле их общественный быт. И в среде самих осетин приняты были действенные меры к упрочению мира и спокойствия»¹²⁵.

В пореформенный период большой вклад в развитие духовной культуры осетинского народа внесли представители осетинской интеллигенции — первые осетинские этнографы, собиратели нартского эпоса и других памятников устного народного творчества. На страницах кавказской периодики с интересными статьями и материалами об устном народном творчестве осетин выступали братья Шанаевы — Гуцыр, Гацыр, Джантемир, а также С.В. Кокиев, С.Г. Туккаев, А. Цаллагов, А. Кайтмазов и др., во многом способствуя пробуждению интереса осетинской общественности к истории и культуре своего народа, к вопросам формирования национального самосознания осетин.

Важную роль в распространении научных представлений о Кавказе и его народах играла **периодическая печать**. Материалы по истории, этнографии и культуре народов Кавказа, в том числе и осетинского, часто появлялись на страницах «Отечественных записок», «Литературной газеты», «Вестника Европы», «Журнала министерства внутренних дел». В рассматриваемое время на Кавказе быстро развивается русскоязычная периодическая печать, в которой, естественно, определенное место отводилось описанию отдельных областей и народностей.

Большое значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ», издававшейся с 1846 по 1917 год. Своей главной задачей газета считала ознакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным, с его народами, с их самобытной культурой. Такой подход газеты к изучению истории и культуры народов Кавказа встретил горячее одобрение со стороны В.Г. Белинского.

60-70-е годы XIX в. вызвали подъем в общественно-политической жизни и развитие газетно-издательской деятельности не только в центре страны, но и на ее окраинах. До возникновения периодической печати на Северном Кавказе газеты, журналы и книги выписывались из городов центра страны или из Тбилиси, и спрос этот возрастал из года в год. Если в 1873 году владикавказские жители получали 75 наименований газет и журналов (в том числе 24 иностранных) в количестве 885 экземпляров, то в 1883 г. жители города получали уже 1950 экземпляров¹²⁶.

В январе 1868 г. во Владикавказе начала издаваться газета «Терские ведомости» — официальный орган Терской администрации. На ее страницах публиковались постановления правительства и Синода, приказы начальника области, решения Городской Думы. Газета сыграла важную роль в развитии истории и этнографии Кавказа.

В «Терских ведомостях» печатались осетинские просветители, публицисты Г.М. Цаголов, Х. Уруймагов, этнограф С.Г. Туккаев и др. На страницах «Терских ведомостей» получили освещение вопросы развития народного образования, истории края, географии, народного хозяйства, медицины и т.п. Публикуются и различные статистические материалы.

Появление частной периодики связано с именем купца З.И. Шувалова, открывшего в 1879 г. собственную типографию. В конце 1881 г. предприимчивый купец приступил к изданию газеты «Владикавказский листок объявлений». Однако газета просуществовала недолго и вскоре была продана. Газета была переименована в «Терек», первый номер которой вышел 28 июля 1882 г. под редакцией И.А. Веру. В связи с публикацией критических статей газета «Терек» находилась под особым надзором местных властей. В 1884 г. под их давлением газета была запрещена.

В 1890 г. во Владикавказе стали издаваться «Терский календарь» и «Терский сборник». На страницах этих изданий публиковались литературные и научные статьи о культуре и быте народов Северного Кавказа.

В 1895 г. С. Казаров стал издавать газету «Казбек». На ее страницах выступали К.Л. Хетагуров, Г.М. Цаголов, В. Дубянский, Н. Гатуев, Х. Уруймагов и др. Поднимая на страницах газеты «Казбек» актуальные вопросы на злобу дня, они ратовали за просвещение народа, создание системы здравоохранения, поддерживали борьбу горцев за землю, выступали против налоговой политики царской администрации и местных органов.

С 1868 по 1881 гг. при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 выпусков издания, специально посвященного истории и этнографии народов Кавказа, — «Сборник сведений о кавказских горцах». Редактором издания был Н.И. Воронов.

Интересные статьи по истории и культуре горцев печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1881 г.), а также в «Записках» (с 1852 г.) и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Издавались «Кавказский сборник» (с 1876 г.), «Кавказский календарь» (с 1845 г.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871-1885 гг. 9 выпусков), «Юридическое обозрение» (1881-1886 гг.), «Медицинский сборник» Кавказского медицинского общества (с 1868 г.) и др.

Печатными органами православной церкви на Северном Кавказе были «Кавказские епархиальные ведомости» (с 1894 г. в Ставрополе) и «Владикавказские епархиальные ведомости».

Материалы о народах Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе, Баку газетах «Кавказ», «Новое обозрение», «Тифлисский листок», «Каспий».

К началу XX века относится зарождение осетинской периодической печати. На страницах периодической печати публиковались историко-эт-

нографические, публицистические и иные материалы, статьи, документы, касавшиеся Кавказа и населявших его народов. Передовые деятели русского и горских народов использовали страницы периодики для публикации материалов, освещавших различные проблемы социально-экономической и духовной жизни горских народов. Первая осетинская газета «Ирон газет» печаталась в июле-августе 1906 года. Впервые были опубликованы стихотворения Коста Хетагурова, не допускаемые прежде цензурой из-за их революционного содержания. Газета была очень популярным и желанным явлением для осетин. Но областное начальство не разделяло этих настроений и, усмотрев в некоторых статьях революционные призывы, закрыло ее¹²⁷. В феврале 1909 года вышла другая осетинская газета «Хабар», издателем которой была Н. Валаева, а редактором — Алмаксид Кануков. Газета выходила на осетинском и русском языках и ставила перед собой просветительские задачи. Публиковались статьи по осетинской литературе, переводы произведений русской классической литературы — Л.Н. Толстого, М. Горького и других. В июне 1909 года она тоже была закрыта.

Осетины проявляли особую активность в издательской деятельности. А.М. Дзалаева, врач по образованию, добивалась разрешения издавать во Владикавказе политическую и литературную газету «Отклики Кавказа».¹²⁸ Г.Л. Тохов намеревался издавать в Пятигорске газету «Дарьял», К.Н. Дигуров просил разрешения издавать во Владикавказе ежедневную политическую и общественно-литературную газету «Эхо Кавказа».¹²⁹

В сентябре 1906 года было зарегистрировано осетинское издательское общество «Ир», которое получило право издавать на осетинском и других языках периодику, книги, брошюры, художественные произведения, иметь свою типографию, книжный магазин и киоски, проводить культурно-просветительские мероприятия.¹³⁰ Общество было открыто во Владикавказе и Тифлисе.

Осетинская интеллигенция издавала газеты и журналы «Ирон газет», «Хабар», «Зонд», «Афсир» и др. В марте 1907 года в Тифлисе стала выходить газета «Ног цард» («Новая жизнь»). Ее редактором был Петр Тедеев, а затем Тадиоз Цховребов. Газета существовала 10 месяцев, последний 75 номер вышел 31 декабря 1907 года.

Издательская деятельность развивалась в тесной связи с литературным процессом. В 1901 году сотник Терского казачьего войска Влас Гурджибеков перевел на дигорский диалект осетинского языка поэму М.Ю. Лермонтова «Демон», а в 1906 году вышла из печати и поступила в продажу книга А. Кубалова «Герои нарт». В том же году Кавказский цензурный комитет разрешил к печатанию драму Островского «Гроза», переведенную на осетинский язык К. Есиевым, и первый том осетинских народных сказок, составленный Г. Баевым. Обе книги были изданы в типографии З.И. Шувалова. Издательское общество «Ир» значительно оживило эту деятельность. Оно собирало неизданные про-

изведения Коста Хетагурова, планировало выпустить сборник на осетинском и русском языках, подготовило к печати стихи, поэму и драму М. Гарданова на дигорском диалекте¹³¹. В 1912 году поступили в продажу книга художника М. Туганова «Дигорон кадангита», комедия Д. Короева «Æз на уыдтæн — гæды уыди» («Не я был, а кот») на осетинском языке. В 1913 году большой интерес у горожан вызвал новый роман о жизни кавказских горцев известного осетинского писателя Г. Цаголова «Абреки». Ц. Амбалов, бывший студент парижской школы, перевел на осетинский язык «Гадкого утенка» Андерсена и «Звезду» Вересаева. Появились первые осетинские настенные календари А. Канукова (1906 год) и И. Рамонова (1911 год).

Городская общественно-культурная среда. Во второй половине XIX века во Владикавказе появляются **культурно-просветительские учреждения и общества**. Местные власти стремились расширить частную и общественную благотворительность, привлечь состоятельных граждан и общественность к решению социальных и культурных проблем. Одной из них было воспитание сирот. С этой целью было создано «Общество попечения о сиротах и бедных детях города Владикавказа», главной заботой которого был детский приют.

Одним из первых в городе было основано «Общество по устройству народных чтений». В июле 1870 года группа инициаторов получила разрешение начальника Терской области проводить публичные чтения по средам и субботам в зале городского общественного управления. Лекции были благотворительными, сбор с них был использован на помощь бедным горожанам. В 1890 году были предприняты первые попытки официального учреждения Общества народных чтений. Согласно Уставу, цель его заключалась в «развитии духовно-нравственных и эстетических чувств в народе, а также сообщении ему общеобразовательных и полезных сведений по всем отраслям знания». Общество обязывалось по воскресным и праздничным дням организовывать мероприятия с привлечением различных наглядных пособий, использованием кинематографа.¹³² Оно имело несколько аудиторий: в женской прогимназии, в городской управе, в мещанском, Николаевском и Пушкинском училищах, в Молоканской и Курской слободах. Лекционная деятельность была рассчитана на разные категории горожан. Правление общества устраивало лекции и на осетинском языке: врач Беликов на Владимирской слободке читал лекции о чуме и других инфекционных заболеваниях, горожанин Амбалов — о роли кооперативов¹³³. Среди осетин было немало популярных лекторов. Местная пресса публиковала восторженные отзывы о лекциях И.В. Баева по биологическим, социально-хозяйственным и нравственно-религиозным аспектам брака, мистицизму и поэзии.¹³⁴

В 1881 году от Благотворительного общества отпочковалось еще одно — «Комитет всепомоществования учащимся города Владикавказа». Филан-

тропические настроения многих горожан оказались связаны с заботой об образовании молодежи: в 1880 году в обществе было уже 230 членов.

В 1882 г. группа интеллигентных горцев в составе надворного советника Тхостова, полковника Шихалева, врача Далгата, подполковника Урусбиева, коллежского советника Османова и др. выступила с инициативой организации Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. В том же году был утвержден Устав Общества. Первым председателем Общества был избран М.З. Кипиани.

Общество способствовало открытию начальных школ с параллельным обучением различным ремеслам в самых отдаленных аулах, селах и городах. Открывались также подготовительные школы для поступления в средние учебные заведения.

Члены Общества часто выступали перед населением о новых достижениях в области науки и техники. В отчете Общества за 1884 г. отмечалось, что «правление, благодаря энергии члена Общества А.О. Сильвестровича, производило испытание сельскохозяйственных машин преимущественно с плугами на Владикавказской городской земле в присутствии горцев, и эта деятельность не осталась бесследной: многие горцы приобрели плуги и умение обращаться с ними».

Ибрагим Шанаев

Правление Общества оказывало посильную материальную помощь учащимся и студентам. В разные годы Общество возглавляли М.З. Кипиани, И.Д. Шанаев, Г.В. Баев, Л.Б. Газданов, И.Т. Кусов, А.З. Кубалов.

Деятельность Общества была многогранна: построено Горское общежитие с подготовительной школой им. А.С. Пушкина; во Владикавказе основана осетинская трехклассная женская школа; на средства Общества издана «Осетинская азбука» для первоначального обучения в школах, составленная Алмахсидом Кануковым.

В 1899 году секретарем общества был Гаппо Баев — будущий городской голова Владикавказа, председателем и почетным членом общества долгие годы был М. Кипиани. Члены общества приняли активное участие в борьбе за сохранение осетинской женской школы во Владикавказе, в сборе средств для строительства общежития на 50 мальчиков, в издании книг и брошюр на языках горских народов.

Со временем в структуре общества сформировалось 6 отделов — духовный, литературный, исторический, географический, естествоведческий и медицинский. По инициативе общества было принято решение о строительстве народного дома, в котором бы располагались сцена, аудитории,

Осетины. Конец XIX — начало XX вв.

Владикавказские осетины

библиотека, областной музей.¹³⁵

Во Владикавказе было учреждено эсперантское общество «Казбек» с целью изучения и распространения вспомогательного международного языка «Эсперанто», что явилось свидетельством консолидационных тенденций в среде городской интеллигенции.

Важную роль в общественной жизни Владикавказа и Осетинского округа играли частные и публичные **библиотеки**. Книги, журналы и газеты стали доступны значительному кругу лиц. С разрешения администрации открывались библиотеки при учебных заведениях. В 1862 г. с разрешения наместника

Кавказа была открыта библиотека для чтения во Владикавказском клубе. Видный деятель народнического движения Д.Я. Лавров в 1872 г. добился разрешения открыть библиотеку, в которой широко была представлена русская и иностранная классика. Он получал 8 газет и 3 русских журнала, имел сочинения Пушкина, Лермонтова, Белинского, Некрасова, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Шекспира. В 1874 году Лавров передал эту библиотеку нотариусу Н.Д. Прохорову. Прохоров за три года увеличил книжный фонд библиотеки до одной тысячи книг. В 1878 году он продал библиотеку Елене Червинской, которая в том же году открыла свою библиотеку на условиях отдачи книг на дом подписчикам для чтения с платой по 7 и 12 рублей в год. Библиотечный фонд включал 422 единицы русской беллетристики, 679 — переводной и 261 — научной литературы.¹³⁶

В 1874 г. появились библиотеки при Терском областном правлении и Владикавказском реальном училище. Открывались библиотеки и в других городах Терской области. В 1878 г. в Моздоке стала работать библиотека для чтения.

В начале 1890-х годов был открыт еще один книжный магазин с библиотекой-читальней Е.С. Ильиной. В эти же годы образовал свою библиотеку

Осетины. Конец XIX — начало XX вв.

коммерческий клуб. К 1892 году она начитывала около 800 книг, но обслуживала только членов клуба. В 1896 году Общество восстановления православия на Кавказе ассигновало 5 тысяч рублей на устройство при каждой из церквей Общества небольших библиотек из книг религиозно-нравственного характера.¹³⁷

Варвара Шредерс

Однако появившийся к концу XIX века новый «демократический» читатель нуждался в общественной библиотеке, которая бы обслуживала широкий круг горожан. В 1893 году инициативная группа во главе с В.Г. Шредерс обратилась к начальнику Терской области с ходатайством об открытии бесплатной библиотеки, представив соответствующий проект Устава. Но администрация, ссылаясь на существующее законодательство, настаивала на установлении платы за чтение книг, а ее размер должен был исключить возможность пользования библиотекой «лиц низших сословий». Переписка затянулась, устав общественной библиотеки подвергался нескольким редакциям и только в июне 1895 года был утвержден. В феврале 1896 года состоялось

официальное открытие библиотеки, которая к этому времени располагала книжным фондом в 1200 единиц. Учитывая возросший спрос на книги, правление библиотеки в марте 1906 года открыло филиал на Курской слободке. Необходимость в нем действительно была: только в 1906 году библиотеку посетило 14,5 тысяч человек, из них около 6 тысяч были учащимися учебных заведений города.

К 1913 году появилось еще несколько библиотек. Все они содержались на средства общественности, получая от Городской Думы лишь небольшие субсидии.

Крупным событием в культурной жизни Терской области стало открытие во Владикавказе постоянно действующего **театра**. 15 апреля 1871 г. Владикавказский театр поднял занавес. Открывшись постановкой драмы Лермонтова «Маскарад», театр тем самым заявил о своих демократических устремлениях. На сцене русского театра с успехом шли пьесы А.Н. Островского, произведения В. Шекспира, А.В. Сухова-Кобылина, Ф. Шиллера, А.Ф. Писемского, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова и др.

На сцене Владикавказского русского театра выступали известные русские актеры: Н.А. Шурин, М.В. Аграмов, К.О. Песоцкий, Н.Н. Синельников, А.Н. Антонова и др.

Владикавказ. Городской театр

Театр занял видное место в духовной жизни владикавказцев и окружающего город населения. На спектаклях бывали представители различных общественных слоев, в том числе рабочие, солдаты, прислуга. Театр посещали и горцы, приезжавшие во Владикавказ по разным делам.

В 1887-1889 гг. художником Владикавказского театра работал К.Л. Хетагуров. Критики неизменно отмечали умное, со вкусом выполненное оформление художником спектаклей и вечеров, проводившихся в театре. Вполне вероятно, что работа в театре подвела Коста Левановича к созданию драматических произведений и мысли о необходимости осетинского профессионального театра.

Русский театр в Осетии способствовал развитию духовной культуры осетин, приобщал их к русскому сценическому искусству, способствовал появлению и развитию драматического искусства. Осетинский кружок любителей театрального искусства ставил спектакли на осетинском и русском языках. Первые осетинские пьесы появились в начале XX века. К основателям театрального искусства относятся

Елбасдуко Бритаев

Б. Гурджибеков, Е. Бритаев, Р. Кочисова, Д. Короев, А. Токаев и другие. В городском театре работал декоратором К. Хетагуров. В 1887-1888 годах он оформил постановки оперетт «Цыганский барон» и «Хаджи-Мурат», феерии «Дети капитана Гранта».

В конце 1880-х годов Коста Хетагуров начал устраивать в городе спектакли и «живые картины». Он выступал в качестве актера, оформителя сцены, а вскоре завершил работу над первым вариантом пьесы «Дуня», где ставил проблему равноправия женщин. Особой популярностью у зрителей пользовалась драма «Хазби» Е. Бритаева, оперетка «Фаризат» А. Кубалова, «Дети гор» Д. Кусова, «Осетины в России» Хубаева. Драматург Дмитрий Кусов был также автором пьес «Заурбек», «Неудачное похищение», «Белый туман» и других. Его творчество высоко ценили Е. Вахтангов, И. Ростовцев, С.М. Киров, которые помогали ему ставить пьесы на сцене городского театра, а также печатать его стихи в местных газетах.

Евгений Вахтангов

К постановкам на осетинском языке печатались программы с кратким содержанием на русском языке. Спектакли получали высокую оценку в местной прессе. По поводу драмы «Хазби» «Терские ведомости» отмечали, что по содержанию и по «количеству действующих лиц она превосходит все, что доселе появлялось в этом роде на осетинском языке»¹³⁸. В постановке осетинской пьесы «Дети гор» Д. Кусова принимал участие Евгений Вахтангов — выдающийся мастер театрального искусства, тогда еще гимназист, активный участник любительских кружков. Спектакли ставились в благотворительных целях, для создания фонда по изданию газеты на осетинском языке, для оказания помощи осетинской молодежи, обучающейся в России, а также для общегородских

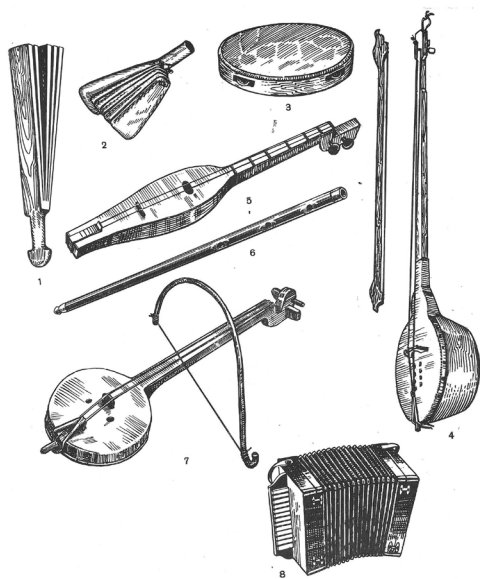
нужд. Например, в 1906 году горожанка Н.Е. Калоева подала генерал-губернатору заявление с просьбой разрешить ей устроить благотворительный спектакль на осетинском языке в «пользу недостаточных учащихся местных осетин». В 1913 году в чиновничьем клубе прошла пьеса «Вследствие воровства» на осетинском языке (сочинение Томаева). Сбор с этой благотворительной акции был передан осетинскому Ольгинскому женскому приюту. Проходили спектакли и в пользу осетинской церковно-приходской школы.¹³⁹ На постановки театрального кружка собирались не только городские осетины, съезжались и сельские жители. Осетинский драматический кружок пользовался большой популярностью среди горожан. Осетинская труппа гастролировала

в Тифлисе, где в театре Ветцеля ставила спектакль «Лучше смерть, чем позорная жизнь» и одноактную комедию Е. Бритаева «Уараседзау» («Побывавший в России»).

Осетинские драматические кружки появились также в Ардоне, в Ольгинском и некоторых других селах Осетии. В Ардонской семинарии обучалась группа семинаристов из Южной Осетии, которая организовала отдельный драматический кружок. Летом 1904 года они поставили пьесы Е. Бритаева в Тифлисе, Цхинвали, в селах Дзауского ущелья: Дзау, Уанели, Сба и Згубир. В 1907 году в Тифлисе были организованы и другие осетинские драматические кружки при «Осетинской секции общества народных университетов» и при осетинском культурно-просветительском обществе «Рухс». Они ставили пьесы «Жертва обычая» Б. Кочиева, «Лгун» Розы Кочисовой, «Чем кончается жизнь вора» Г. Томаева и др. Наиболее яркими постановками считались «Две сестры» и «Хазби» Е. Бритаева в 1909 году в народном доме им. Зубалашвили, «Дуни» К. Хетагурова на вечере, посвященном памяти поэта¹⁴⁰. Позднее появился новый драматический кружок, организованный осетинской молодежью при народном доме им.

Роза Кочисова

Музыкальные инструменты

Зубалашвили. Его репертуар был сходным с репертуаром северо-осетинских драматических кружков: «Ирад» А. Арисханова, «Другие нынче времена» и «Цимбирели» А. Цагарели, «Не я был, кошка была» Д. Короева, «Неудачное похищение» Д. Кусова, «Афхардты Хасана» А. Кубалова и др.

Народная музыка и народные музыкальные инструменты были неотъемлемой частью духовной культуры осетин. Но сфера ее бытования не ограничивалась национальной обрядовой жизнью.

Среди осетин были известные музыканты — Р.Л. Битиев, А. Жукаев, М. Коченов, Х. Есиев. Ражден

Битиев участвовал в концертах, преподавал музыку в классической гимназии и других учебных заведениях, занимался церковной музыкой. Местная пресса зафиксировала в 1870 году еще одно имя — осетинки О.Г. Баевой: «Мягкая и вместе с тем удивительно точная в музыкальном отношении игра пьесы, выбранной О. Баевой, вполне заслуживает того живого сочувствия, которыми встречены они были со стороны публики»¹⁴¹.

Введение преподавания музыки и пения во владикавказских учебных заведениях сыграло большую роль в распространении музыкальной культуры. Если прежде занятия музыкой были обязательной составляющей домашнего воспитания дворян, то в 1870-1880-е гг. они стали более доступны горожанам.

В 1882 году во Владикавказе был создан кружок любителей музыки, который состоял из хора и оркестра. Свою задачу кружок видел в устройстве музыкальных вечеров. Некоторые из них привлекали массу горожан, а критики давали восторженные отзывы. «В оркестре оказалось много опытных и даровитых музыкантов, обладающих хорошей техникой и экспрессией, ... эффект вышел громадный, публика просто бесновалась от восторга, ... не хватало стульев, большинство стояло плотной стеной позади и по сторонам, запрудив все входы в залу».¹⁴² Особой популярностью пользовался оркестр господина Казбека, исполнявший произведения Моцарта. Музыкальный кружок устраивал и концерты с «живыми картинами».

В 1890 г. во Владикавказе по инициативе выпускницы Московской консерватории Л.Ф. Кетхудовой открылось музыкальное училище. Спустя четыре года в городе начал действовать музыкально-драматический кружок. В деятельности кружка активное участие принимала известная пианистка З.В. Долбежева.

Позднее в городе появилось Владикавказское отделение Императорского Русского музыкального общества. Оно часто устраивало вечера камерной музыки, концерты. В 1906 году музыкальное общество подготовило большой праздник в честь памяти Глинки, по поводу открытия ему памятника в Петербурге. При обществе был открыт любительский хор, а позднее — музыкальная школа¹⁴³.

По инициативе барона И.Р. Штейнгеля было учреждено музыкальное общество «Владикавказский артистический кружок» с целью «развития и распространения среди посторонних лиц музыкальных познаний, сближения музыкальных деятелей для взаимопомощи и художественного преуспения, для ознакомления с произведениями музыкальной литературы»¹⁴⁴. В 1909-1910-е гг. членами общества были 108 горожан, среди них осетины — И.Т. Кузов, Г.Р. Баев, Л.Б. Газданов, А.Н. Кодзаев, Ф.П. Туганов, П.И. Туганова, У.А. Цаликов, А.И. Цариев. В 1909 году в городе прошел большой концерт известного местного публике музыканта — певца А. Аликова. Приняв участие в этом кон-

церте, владикавказцы материально поддержали Аликова, чтобы помочь завершить ему образование за рубежом¹⁴⁵.

В городе существовало общество распространения художественно-промышленных знаний. Коста Хетагуров выставлял на продажу свои произведения во Владикавказском собрании, вход был бесплатным.¹⁴⁶ Многие из интеллигентных горожан считали, что в городе следует открыть «рисовальную школу», что «учение рисованию полезно и будущим ремесленникам, и детям, и взрослым».¹⁴⁷ Желавшие имели возможность получать частные уроки рисования, живописи, черчения на дому у известного преподавателя В.К. Соколовского.¹⁴⁸ Многочисленные просьбы любителей рисования и живописи открыть школу были обращены к Коста Хетагурову. В 1902 году Коста дал объявление в «Терских ведомостях» об открытии им класса рисования и живописи.¹⁴⁹ Это

За водой. Худ. К.Л. Хетагуров

начинание было поддержано некоторыми городскими училищами, в штат которых были включены учителя рисования. В июне 1905 года было организовано общество художников и архитекторов, которое старалось открыть свою школу, чтобы дать возможность всем желающим получить художественное образование.

Неотъемлемой частью городской культуры были **музеи** — музей Терского казачьего войска, музей М.А. Шульца, известный экспозицией исторических и анатомических восковых фигур, Терский областной музей и другие. В марте 1893 года общественность города подняла вопрос о необходимости сохранения памятников исторического прошлого, разбросанных по всей территории области. В том же году была избрана особая комиссия по организации музея и начался сбор материалов по этнографии, истории, археологии и географии края. Одновременно комиссия приступила к сбору «пожертвований» на постройку здания музея краеведения. Так был основан естественно-исторический музей при Терском областном управлении. В нем демонстри-

ровались образцы древностей, собранные в различных местах, нумизматические коллекции и случайные старинные предметы. Строительство специального здания для музея было закончено в 1907 г., и тогда же была развернута экспозиция археологического, этнографического, естественно — исторического, промышленного и военного отделов.

С ноября 1897 года на Александровском проспекте в доме Сухова был открыт музей Лебзина с восковыми фигурами, коллекцией минералов с Урала. Анатомическое отделение музея представляло различные этапы эволюции человека. При музее была небольшая «народная» панорама и особое отделение с куклами-участницами комичных сцен¹⁵⁰.

В 1899 году в городе впервые была представлена экспозиция музея Паноптикуль, состоявшая из четырех отделений с более чем одной тысячей интересных предметов. Большой интерес публики вызывало анатомическое отделение для взрослых¹⁵¹. Появление музеев было свидетельством того, что в образованных кругах городского общества осознавалась необходимость сохранения и изучения культурного наследия. Музеи представляли для этого широкие возможности.

К началу XX века **кинотеатры**, или как их тогда называли, электробиографы, появились во многих городах Северного Кавказа — в Нальчике, Грозном, Моздоке, Пятигорске и других. Большая часть их приходилась на Владикавказ. Первым был кинотеатр «Пате», открывшийся в 1906 году в частном доме Аксеновых на Александровском проспекте. Он был рассчитан на 250 мест.

В 1913 году был открыт кинотеатр «Гигант». Он имел непосредственное отношение к первой российской кинофабрике, поэтому почти одновременно с жителями столицы горожане Владикавказа смотрели новые фильмы.

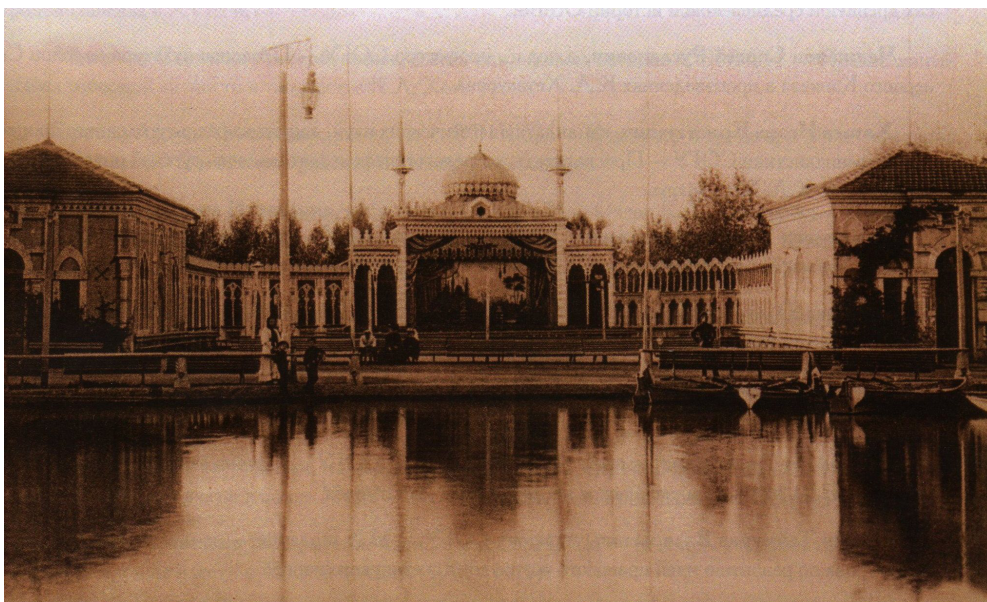

Скорбящий ангел. Худ. К.Л. Хетагуров

В репертуаре владикавказских кинотеатров было много документальных кинолент, рассказывавших о новых достижениях в науке, технике и медицине. Многие фильмы знакомили зрителей с природой России, историческими местами, достопримечательностями Кавказа, например, «Горы Кавказа», «Из Млета во Владикавказ». Кинематографические сеансы стали входить в программу различных благотворительных мероприятий.

В 1890-е годы горожане познакомились и с другим чудом техники — граммофоном, «передающим музыку, разговор и пение полным голосом»¹⁵². «Терские ведомости» рекламировали кинематографические аппараты Люмьера, фонографы Эдисона, американские граммофоны, фотоаппараты¹⁵³.

Одним из культурных новшеств во Владикавказе стали фотографические мастерские Гейтена (с 1864 г.), А. Конторсюго (с 1875 г.). В 1885 году с разрешения начальника Терской области был открыт фотографический кабинет Д.М. Руднева, а в 1889 году аналогичные заведения имели дворянин Л. И. Рогозинский и А. Хетагуров.¹⁵⁴

Владикавказский трек

С 1 апреля 1893 г. по инициативе генерала М.Р. Ерофеева начало свою деятельность Общество любителей велосипедного спорта, члены которого разбили прекрасный «Ерофеевский парк», так называемый «Трек». Владикавказский «Трек» прославился своим благоустройством далеко за пределами Терской области.

* * *

Вторая половина XIX — начало XX века стали для Осетии эпохой социальной и культурной модернизации, национального возрождения, становления осетинской национальной культуры.

Бурный рост переживали религиозное и светское образование, школа, литература, журналистика, живопись и музыка, ставшие истоками современной осетинской светской культуры. Перевод книг на осетинский язык, подготовка учебников на основе русского алфавита также способствовали приобщению Осетии к российской культуре.

Осетинская интеллигенция, будучи социально и культурно доминирующей группой, проводником европейской и российской культур, внесла огромный вклад в развитие не только осетинской, но и российской литературы, искусства, медицины, военного дела. Главной миссией осетинской интеллигенции была просветительская, а механизмами ее реализации стали основание школ, преподавательская, научная, переводческая и издательская деятельность, активное участие в благотворительных и культурно-просветительских учреждениях, направленных на поддержку образования, культуры и формирования национального самосознания осетин.

Таким образом, основными факторами, способствовавшими экономическому, политическому и социально-культурному развитию Осетии, стали развитие русско-осетинских отношений, пореформенная модернизация традиционного осетинского общества, демократизация общественной жизни, повышение социальной мобильности населения, урбанизация, развитие духовного, военного и светского образования, формирование интеллигенции.

Примечания

1. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276.
2. Там же. Л.31.
3. Там же. Л.32.
4. ТВ. 1897. №31.
5. ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.41. Лл.1, 2.
6. ТВ. 1897. №8.
7. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.32.
8. ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.48. Л.3-4.
9. ТВ. 1897. №65.
10. ТВ. 1897. №36.
11. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.32.
12. Там же. Лл.32, 33.
13. Голос Кавказа. Тифлис, 1906. №10.
14. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д. 276. Л. 44.
15. Там же. Л.36.

16. ТВ. 1905. №85.
17. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.35.
18. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С.23.
19. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С.282. С.165-166; Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860-1870 гг. // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1956. Т.18. С.150.
20. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.34-35.
21. ТВ. 1892. № 49.
22. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.34-35. Л.35.
23. Там же. Л.35.
24. Там же. Л.36.
25. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С.282.
26. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С.144.
27. Там же.
28. Канукова З.В. Старый Владикавказ. С. 178.
29. Высочайше утвержденное Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XLV, отд. первое. 1870 г. СПб., 1874. Ст.153.
30. Городовое положение 1892 г. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Кн. 1. М., 1910.
31. Уадати А.С. Владикавказская Городская дума (1875-1917). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. С.22.
32. ТВ. 1913. № 79.
33. Там же.
34. Уадати А.С. Указ. соч. С.22.
35. Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ, 2008.; Она же. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX — первой трети XX вв. Владикавказ, 2010. С.63.
36. ТВ. 1893. №24.
37. ЦГА РСО-А. ф.13. Оп.1. Д.87. Л.1-3.
38. ЦГА РСО-А. ф.12. Оп.2. Д.156. Л.97.
39. Отчет санитарного врача А. Перова за 1914 год. Владикавказ, 1915. №6.
40. Терский календарь на 1905. Владикавказ, 1905. Вып. 14. С.98-112.
41. Там же. С. 99.
42. Абаев В.Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма. Тбилиси, 1956. С.60.
43. Дзалаева К.Р. Городская культура осетин (вторая половина XIX — начало XX вв.) Владикавказ, 2009. С.94.
44. Гатуев А. Указ. соч. С.71.
45. Культура и быт народов Северного Кавказа/Под. ред. В.К. Гарданова. М., 1968. С.274.
46. История народов Северного Кавказа. М., 1988. С.311.
47. Гатуев А. Указ. соч. С.71.
48. Чибиров Л.А. Аксо Колиев. Владикавказ, 1999. С.7.
49. ВЕВ. 1897. №18. С.127.
50. Там же. №18. С.131.
51. ВЕВ. 1897. № 10. С.60.
52. ВЕВ. 1897. № 18. С.130.
53. ВЕВ. 1895. №6. С.88.
54. ВЕВ. 1900. №20. С.358.
55. ВЕВ. 1895. №15. С.110.
56. ЦГА РСО-А. Ф.143. Оп. 2. Д.4. Л-107.

57. Там же. Л.99-101.
58. ЦГА РСО-А. Ф.143. Оп.2. Д.139. Л.135-140.
59. ЦГА РСО-А. Ф.143. Оп.2. Д.4. Л.82-83.
60. Там же.
61. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 год. Тифлис, 1889. С.88.
62. Культура и быт народов Северного Кавказа. С.276.
63. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т.V. С.283-284.
64. ВЕВ. 1897. №18.130.
65. ЦГА РСО-А. Ф.150. Оп.1. Д.244. Л.3, 4, 5.
66. Там же. Л. 6.
67. ТВ. 1879. № 61.
68. Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Альбом церквей и школ общества и народностей Кавказа. Тифлис, 1910.
69. Бирагова Ф.Р. Осетинская церковная интеллигенция: история и современность // Религия в современном обществе. Владикавказ, 2003. С.34.
70. Впервые текст Евангелия был переведен Иваном Ялгузидзе, затем — Мжедловым.
71. Ардасенов Х.Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. С.67.
72. Попов И. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский. Киев, 1902. С.69.
73. ВЕВ. 1914. № 17. С.344.
74. ТВ. 1891. № 14, 15, 19, 27, 32, 34, 36, 42, 46, 47, 48, 51.
75. ТВ. 1898. № 79.
76. Цаголов Г. Культурное движение среди осетин // Кавказ. 1900. №11.
77. Юбилейный сборник. Издан по случаю юбилея Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Тифлис, 1911. С.78-79.
78. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 г. С.56.
79. Хетагуров К. Владикавказские письма. М., 1960. Т.IV. С.123.
80. ЦГА РСО-А. Ф.50. Оп.1. Д.335. Л.222-223.
81. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860 -1910 гг. Тифлис, 1910. С.14.
82. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1912-1913 гг. Тифлис, 1914. С.63.
83. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971. С.293-294.
84. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.62. Д.325. Л.7-8.
85. ВЕВ. 1905. №1. С.24.
86. Там же. С. 14.
87. Аппоева М.М. Становление и развитие женского образования Терской области во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.; Габоева Л.Р. Из истории женского образования в Осетии // Эхо Кавказа. 1994. №2.
88. Бледных Е.В. История военного образования в Осетии (кон. XVIII в. — 1917 г.). Владикавказ, 2009.
89. Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1994. С.61.
90. Канукова З.В. Старый Владикавказ. С.178.
91. История Владикавказа (1781 — 1990). Сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991. С.1014.
92. Терский календарь на 1909 г. Владикавказ, 1908.
93. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.58. Д.2045. Л.13.

94. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.58. Д.2046. Л.3.; ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.58. Д.2048. Л.9 об.
95. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.58. Д.2050. Л.19.
96. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.58. Д.2033. Л.19.
97. Там же. Л.19.
98. Антология педагогической мысли Северной Осетии / Сост. Э.К. Каргиев, С.Р. Чеджемов. Владикавказ, 1993. С.366, 367.
99. ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп. 2. Д.131.
100. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864–1900). Цхинвали, 1961. Т.III.С.217.
101. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т.1. Тбилиси, 1985. С.247.
102. История Юго-Осетии в документах и материалах. С.693–694.
103. Там же. С.600.
104. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С.473.
105. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе, 1968.
106. Кавказ. 1905. 18 марта.
107. История СО АССР. Т.1. С.175.
108. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971. С. 291.
109. Там же. С. 292.
110. Там же. С. 289–290,292
111. Там же.
112. ЦГА РСО-А. Ф.11.Оп.62. Д.325. Л.7–8.
113. Калоев Б.А. Указ. соч. С.293–294.
114. Уарзиати В.С. Ислам в культуре осетин // Эхо Кавказа. №3. 1993.
115. «Владикавказский листок». 1912. № 35.
116. Хетагуров К.Л. Письмо Г. Баеву от 19 июля. Т.5. С.144.
117. Гутиев К. Коста Хетагуров // Коста Хетагуров. Собрание сочинений в трех томах. Дзуджикау, 1951. Т.1. С.16.
118. Ардасенов А.Г. (В.-Н.-Л.). Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С.14.
119. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. № 9. С.281–284.
120. Миллер В.Ф. Язык осетин. М.–Л., 1962. С.16–17.
121. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.III. М., 1887. С.100.
122. Миллер В.Ф. В горах Осетии. С.79.
123. ИСОНИИ. Т.24. Вып.1. Орджоникидзе, 1964. С.21.
124. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С.226.
125. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т.1. М., 1886. С.48–49.
126. ИСОНИИ. Т.24. Вып.1. С.132.
127. Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971. С.23.
128. Ардасенов Х.Н. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959. С.221.
129. Голос Кавказа. 1906. №7.
130. ЦГА РСО-А. Ф.199. Оп.1. Д.21-а. Л.1.
131. Хоруев Ю.В. Указ. соч.
132. ЦГА РСО-А. Ф.199. Оп.1. Д.5. Л.21.
133. ТВ. 1914. №112.
134. ТВ. 1913. №64; 1916. №74.
135. История Владикавказа. С.305.
136. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.310. Л.1–4.
137. Гиреев Д. У самых истоков // Социалистическая Осетия. 1970. 28 октября.
138. ТВ. 1908. №256.

139. ТВ. 1909. №48; 1913. №25, 40; Жизнь Северного Кавказа. 1906. №3.
140. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. С.99.
141. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей». 1870. С.10.
142. ТВ. 1883. №23.
143. Терек. 1910. № 3806.
144. ЦГА РСО-А. Ф.199. Оп.1. Д.81. Л.1-4.
145. ТВ. 1909. №14.
146. История Владикавказа. С.102.
147. ТВ. 1899. №81.
148. ТВ. 1899. №71.
149. ТВ. 1902. №277.
150. ТВ. 1897. №148; Ларина В.И. Указ. соч. С.193.
151. ТВ. 1897. №16.
152. ТВ. 1899. №14.
153. ТВ. 1897. №72.
154. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.207. Л.9.

Именной указатель

Том. 1

- Абагахан, 316
Абаев В.И., 6, 8, 58, 239, 254, 256, 452, 455
Абаев Дж., 479
Абаев О., 479
Абазаце Д., 481
Абациев Батыр, 392
Аббас I, шах Бас, 357, 358, 360, 362
Абисаловы, 402, 472
Абрамова М.П., 120, 122
Абрскил, 128
Абу Бара'а, 248
Абу Халид, 248
Абу эль-Кассим, 296
Абульфед, 296
Авитабиле Пьетро, член римско-католической миссии, 362
Аврелиан, 212
Аврелий Марк, 210, 214
Агатангехос, 211, 215
Агафангел, 227, 295
Агафий, 234, 258, 267
Агнаевы, 427
Агриппа Публий, 210
Агузата (Агъузатæ) клан, 479
Аджи-Челеб, 468
Адиабены Ракбат, 209
Адлишвили Б., 469
Айзаугов Цопа, 409
Айтек, Айтек-мурза, 356, 357
Алагата, 340
Аланели (Сукияс) Багдрас, 209
Аланская Ирина, 277
Албеговы, 390
Алдатовы, 387, 393, 389
Ал-Джаррах, 247
Александр 354, 355, 356, 492
Александр II, 357
Александр груз. царевич, 467, 469
Алексеева Е.П., 57
Алемань А., 255
Ал-Идриси, 295
Алиев И.Г., 231
Аликовы, 384
Ал-Истахри, 244
Алмас, 346, 347, 355
Ал-Ларисийа (Арсийа, Арисиа), 244
Аллен У.Д., 358, 360
Ал-Масуди, 255
Ал-Омари, 325
Ал-Хаками, 247
Амага, 166
Амазасп, 212, 214
Амбазук, 208
Амбалани фурт Лаг, 255
Амиранов А., 469
Аммиан, 230
Амсаджан, 321, 333
Анариска, 227
Анастасий, 261
Ангудаев Тубе, 409
Андиёвы, 475
Андроник, 311
Антимах Ульпий, 212
Антоний Пий, 210
Антоний, епископ астраханский и ставропольский, 380
Антонов Тарх, 345, 346, 348
Аравелиане (Аруехеаны), 208
Арасланов Татархан, 350
Арбела мар Исхак, 209
Аргишти I, царь Урарту, 72
Аргун, 308, 310, 316
Ардасенов А.Г., 13
Аржанцева И.А., 195
Арес, 151
Ариарамн, 131
Аристакес, 216
Аристок, 355
Арифарн, 163
Арриан Флавий, 209, 210
Арсений архимандрит, 474
Арсиевы, 452
Арслан, 307, 308
Артамонов М.И., 242, 248
Арташир I Пабаган, 211
Археанактиды, 132
Арцруни Товма, 216
Арчил, 359, 467, 469
Арчил, царь Имерети, 358, 396, 411
Аршак II, 216, 217
Аршак, 210
Аршакид, 212, 213
Аршакиды, 165
Аскеназ, 126

- Асланбек, 346
 Асланов Г.М., 231
 Аспагур, 211, 213
 Аспандиат (Тангри), 232
 Аспург, 184
 Астби М., 474
 Асфагур, 411
 Асханат, 126
 Атажукин М., 471, 478
 Атачи, 307, 308
 Атон, 338
 Афанасьев Г.Е., 294, 298
 Афсати, божество осетинского пантеона, 82, 255, 455
 Ахемениды, 123
 Ахмадов Ш.Б., 467
 Ахматхан, 346
 Ахсартагата, 308, 340
 Ачарян Г., 256
 Ашхадар, 216
 Ашхен, 216
 Бабек, 256
 Бабичев А., 359
 Багатар, Бакаатар, 255, 308, 316, 317, 318, 321, 333
 Багатари фурт Амбалан, 255
 Баграт, 357
 Баграт II, 470
 Баграт IV, 277
 Багратиды, 470
 Багратиони В., 128, 437, 457
 Багрянородный Константин, 214, 243, 254, 257, 266, 276
 Бадел, 334
 Баделидзе К., 479, 481
 Баделидзе С., 479, 481
 Бадтиевы, 427
 Бадур, 307
 Базук, 208
 Байматовы, 427
 Бакар Мариам, 260
 Бакар царь, 469
 Бакаатар, 279, 287, 312, 317, 321
 Бакунин, 478
 Балсаг, мифический персонаж осетинского нартовского эпоса, 84
 Баматов М., 485
 Бандасдзе Григол, 320, 321
 Баракадра (Бахадрас), 209
 Баратов, 319
 Барбар, 126
 Бар-Гебрей, 265
 Бардацан, 211
 Барджиль, 247
 Барлак (Барсахлай), 209
 Барлах, 228
 Бартатуа, 128
 Барукаевы 390
 Басиани, 211
 Басили (св. Василий), 338
 Баскаевы, 427
 Батаев Г., 469
 Батрадз, 342
 Бату, Бату-хан, Батый, 305, 306, 309, 310, 311, 325
 Батчаев В.М., 122
 Батырев А., 392, 468
 Бедоевы, 475
 Бежанов И., 483
 Бей-барс, 310
 Бейли Г., 255, 256
 Бека, 317
 Бекба (Бецба), 473
 Бекби, абрек, 407
 Бекетов Н., астраханский губернатор, 382
 Белли Томас, 359
 Березин Я.Б., 153
 Берке, Беркей Берка-хан, Беркахан, 308, 310, 311, 315, 316
 Берозов, 348, 349, 355
 Берозов Б.П., 395, 399
 Бестужев-Рюмин А.П., 478
 Бзаровы, 390, 393
 Биасланов А., 400
 Бибииков М.В., 257
 Бибила, Бибиля, 319, 320, 333
 Бибилури, Бубиляур, 319, 320, 321
 Бигулов К., 469
 Бигулов Ч., 469
 Бидеевы, 427
 Биев Муртазали, 400
 Бильмайер Р., 256
 Бираговы, 428, 452
 Биркин Родион, 347, 348, 354
 Бларамберг И., 388
 Бодар, 307
 Бората, 308, 340
 Борена, 277
 Борсиевы, 392
 Борукин К., 482
 Боцоев Б., 394

- Боян, 307
 Бругельман, 350
 Бугуловы, 389, 393
 Бузанд Фавстокс, 216, 217
 Булгаков, 488
 Булоевы, 409
 Буракан, 328
 Бурдухан, 279
 Бури 306
 Буриберди, 328
 Бурнак, 347
 Бурнат, 347
 Бурнац, 348
 Бурнашев С.Д., 383, 395, 468
 Бутков П.Г., 8, 398, 491
 Буцковский Д., 387, 388
 Быдаев Фома, 392
 Вагарш II, 211
 Валагири, 457
 Валарш II, 227
 Валерий Флакк, 172, 185
 Валле делла, Пьетро, член римско-католической миссии, 360, 361
 Ванеев З.Н., 422
 Вараз-Бакур II, 218
 Вассаф, 305
 Вахнам, 214
 Вахтанг IV, 317, 318
 Вахтанг VI, 396, 467, 469, 470, 471
 Вахтанг Горгасал, 318
 Вахушти Багратиони, 128, 437, 457
 Вахушти, 211, 329, 373, 374, 401, 411, 457
 Византийский Стефан, 124
 Виноградов В.Б., 58, 117, 347, 377
 Виршел, Виршел III, 318, 321, 333
 Владимирцов Б.Я., 312
 Вологес II, 207
 Вонон Аршакид, 185
 Вонявин С., 468
 Воскрянов Фаддей (Иуда), 209
 Вртанес, 216
 Габриел (св. Гавриил), 338
 Габуев Т.А., 121
 Гавриил архимандрит, 358
 Гаглойти Ю.С., 227, 370
 Гадло А.В., 231, 232
 Гайтовы, 475
 Гак подполковник, 481
 Гакстаузен А., 379, 380
 Гамер, 126, 127
 Гамрекели В.Н., 58, 316, 353, 465
 Гангрский Феодосий, 261
 Гаос, 127
 Гарданов В.К., 402
 Гарданов М.К., 486
 Гардизи, 243, 245
 Гассиев А.А., 13
 Гатагаев Бага, 409
 Гатал, 166
 Гедреон, 215
 Геката, 164
 Гелланик, 124
 Георгий царь груз., 360, 361, 468
 Георгий И.Г., 374
 Георгий II, 280
 Георгий III, 279
 Георгий V Блистательный, 318, 333
 Георгий XI, 362
 Георгий XI, царь Картли, 396, 411
 Георгий XII, 403
 Георгий, 354, 357
 Георгий Победоносец, 457
 Гераклеийский Маркиан, 217
 Геродиан Элий, 163
 Геродот, 89, 124, 125, 127, 146, 147, 341
 Герхиев Геги, 409
 Гиг, 125
 Гильом де Рубрук, 272, 288, 309
 Гиляксанов Адильгерей, 471, 478, 472
 Гисаев Л., 469
 Глазенап ген., 487
 Гог, 125
 Гогешавили Яков, 370
 Годобриелидзе, осетинские дворяне, 396
 Головин А., 317
 Головин П., 357
 Голоев Кодош, 409
 Горгиджанидзе Парсадан, 356, 358
 Гордиан III, 213
 Готье Ю.В., 249
 Гоценаевы, 487
 Гоци, 467
 Грамотин, генерал-майор, 409
 Греков Б.Д., 328
 Григорий (внук Григория Просветителя), 216
 Григорий иеромонах, 474
 Григорий, 261
 Григорис, 216
 Гриднев В.В., 118
 Гудович И.В., 382, 387

- Гурек, 256
Гуриев Гуци, 392
Гуриевы, 388
Гусевский Я.И., 357
Гуюк, Гуюк-хан, 306
Гюльденштедт И.А., 369, 370
Давид IV Строитель, 279
Давид VI, 317
Давид Сослан, 279, 280
Давид Эристов Ксанский, 319
Давид, 281, 309, 312, 319, 338
Давидов сын Кутат, 392, 479
Далгат У.Б., 474
Далялан Т., 256
Дарий I, 144, 165
Деопик Д.В., 195
Деметр, 309
Децебал, 174
Дешериев Ю.Д., 58
Джанаев А.В., 235, 278, 406, 456, 480
Джанаев Дж., 469
Джанашвили М., 319
Джанибек, 326
Джаррах, 247, 248
Джебе, 304, 305, 306
Джека, 311
Джидашвили М., 469
Джику, 307
Джувейни, 305, 306, 307
Джучи, 316, 328
Дзампаевы, 427
Дзантиевы, 384
Дзаттиаты Р.Г., 332
Дзгоевы, 389, 393
Дзэбоевы, 428
Дзодзаев Дзодзи, 409
Дигор, 334
Дигор-Кабан, 334
Дидаров З., 394
Дирианос (Гирианос), 209
Диофант, 166
Домициан, 206, 207
Донбегов Хамча, 409
Донской Дмитрий, 327
Дохичко М., 470
Драсханакертци Иованнес, 126, 208, 216
Дудар, 348
Дударев С.Л., 58, 120
Дударов Ахмет, 383, 387
Дударов Девлет-Мурза, 381, 383
Дударов Инал, 387
Дударов, майор, 393
Дударовы, 319, 384, 385, 387, 388, 474, 475, 485
Дударук, 384
Дударуковы, 318
Дудыль, 347, 348
Дургулель Великий, 277, 278, 279
Дьяконов А., 490
Дюмезиль Ж., 341
Евстафий, 272
Евфимий, 261
Едигей, 327
Ездоур, Азнаур, 347, 348
Екатерина II, 375, 465, 481, 486, 489, 491, 492
Елбуздуков Нартчао, 350
Елена, 356
Елизавета импер., 478, 479, 481
Елисей Ильин, 469
Елисей Лукич сын Хетагов, 479, 480, 481
Елиханов З., 396, 471, 479, 480, 492
Елихановы, 396
Елканов И., 470
Елкановы, 428, 457
Елоев Кубади, 467
Ельницкий Л.А., 58
Епископ Феодор, 280, 282, 293
Епископ Фома, 215
Епхийев Дж., 469
Ермолов, 487, 488
Есенов Мирзабек, 383
Есеновы, 381, 384, 385, 387, 389, 393
Есиев А., 390, 391
Есиев Б., 486
Есиев Бахтигирей, 392
Есиевы, 388, 392
Ефрем, иеромонах, 396
Жантиевы, 385
Зазарука, 355
Зангиевы, 427
Зарашвили К., 469
Звенигородский Семён, 345, 346, 348, 354
Згуста Л., 255
Земарх, 234
Зидаханов М., 469
Зорсин, 169
Ибн ал-Асир, 246, 247
Ибн ал-Калби, 248
Ибн Араб-шах, 325
Ибн Баттута, 325
Ибн Руста, 277, 281

- Ибн Хордадбех, 235, 291
 Ибн-Василь, 316
 Ибн-Даста, 243, 244
 Ибн-Исфендияр, 265
 Ибн-Руст, 173
 Ибн-Рустэ, 243, 245, 254, 255
 Ибн Са'ид, 316
 Ибн-Фадлан, 244
 Ибн-Хаукаль, 244, 265
 Ибн-Хордадбех, 235
 Ивак мурза, 349
 Иван IV Грозный, 346, 347, 353
 Иванов Андрей, 346
 Ивелич И.К., 383, 387, 388
 Идаров Темрюк, 346, 347
 Идаровичи, 471
 Идриси, 266
 Иевлев А., 352, 465
 Иеремия, 123, 125, 126
 Иерусалимская А.А., 252, 298
 Иессен А.А., 293
 Иисус Христос, 337, 338
 Ильинская В.А., 117
 Илья-багадур, 307
 Император Валериан, 212
 Император Константин, 209
 Ининфимей, 212
 Иоанн Креститель, 261
 Иоанн, 320, 470
 Иоанн, архиепископ, 403
 Иовин, 217
 Иодманган, 210
 Иосиф, 245
 Ипполит Антипапа III, 126
 Ираклий II груз. царь, 370, 395, 411, 468, 469, 470, 488, 489
 Ираклий царь, 468
 Исак-паша, 410
 Исихий (Сукиас), 209
 Истахри, 244
 Истури фурт Багатар, 255
 Исхак б. Кундадж (Кундаджик), 255
 Итаз (Итаксис), 258
 Иусик, 216
 Ишпакай, 128
 Кабанов Айдарук, 334
 Кабанов Галат, 409
 Кабановы, 402, 407, 472
 Кабулов К., 394
 Кавкасос, 127, 128
 Кавтия, 214
 Каганкатвацци Мовсес, 126, 127, 208, 215, 216, 217, 231
 Кадан, 306
 Кадиевы, 427
 Каджарский Ага-Мохаммед, 470
 Казгиреев Бакар, 467
 Казый, 357
 Кайкубат, 470
 Кайсынов К., 484
 Кайтукин Арсланбек, 400, 401, 471, 488
 Кайтукин Пшеапшок (Шепшук), 347
 Кайтукины, 488
 Какабадзе С.С., 321
 Калинина Т.М., 291
 Калоев Б.А., 239
 Канбий, 387
 Кантемировы, 427
 Кануков, тагаурский алдар, 485
 Кануков Есе (Сари Асланбек), 400, 401
 Кануков И.Д., 13, 402, 422
 Кануковы, 332, 381, 384, 385, 387, 401, 427, 428
 Каплан (князь), 346
 Каплан-Гирей хан, 473
 Каражаев, 487
 Каражаев Сафарли, 400, 401, 471
 Каражаевы, 398, 399, 401, 402, 404, 472, 487, 488
 Карамурзин К., 485
 Карамурзин М., 485
 Каренианы (Камсары), 165
 Карло Диониджо, 362
 Карпини Джованни де Плано, 288, 309, 310
 Карпов Ю.Ю., 422
 Карсановы, 427
 Картир, 211
 Карчиха-хан, 358
 Касим, 355
 Кассий Дион, 185, 209
 Каур, 232
 Квариани Дмитрий, 358, 359
 Керефов Б.М., 122
 Кертановы, 487
 Кесарийский Прокопий, 232, 233, 234, 267
 Кетеван, 356
 Киаксар, 125
 Кизо, 210
 Киласов Р.К., 351
 Кир II, 144
 Киракос Гандзакечи, 216, 316
 Киреев С., 394

- Кирилл (старец), 346
 Клапрот Ю., 8, 384, 385, 388, 398, 399, 409, 437, 467, 487
 Книдский Эвдокс, 163
 Кнорринг К.Ф., 382
 Кобановы, 398, 399
 Кобиашвили, 470
 Ковалевская В.Б., 101, 119, 246, 293
 Ковалевский М.М., 8, 319, 408, 419, 421, 424, 426, 429, 432, 437, 438
 Когконов Ноок, 409
 Коджев Абрек, 409
 Козаевы, 428, 469
 Козенкова В.И., 54, 55, 58, 66, 68, 118, 120
 Козровы, 389, 393
 Кокиев Г.А., 474
 Кокиев С., 433
 Константин царь Кахетии, 469
 Константин, 209, 357
 Константинов, 484
 Копыловский, 402, 472
 Кореневский С.Н., 38, 46, 68
 Корнелис Клаас, 359
 Корнилат Ф. (Cornillat Fr.), 255
 Корюн, 127
 Котов Фёдор, 350, 359
 Котович В.Г., 231
 Котян, 312
 Коу-эр-цзы, 307
 Кречетников губ., 486, 488
 Крузе, 350
 Крупнов Е.И., 8, 58, 116, 238, 297
 Крым-Шевкал, 354
 Кубатиев А., 492
 Кубатиев К., 492
 Кубатиев, 481
 Кубатиевы, 385, 402, 398, 399, 402, 404, 406, 472
 Куденетов Ильдар, 350
 Куденетов Кельмамат, 350
 Куденетов Ш.-Г., 484
 Кудинов, 485
 Кудрявцев А.А., 294
 Кузнецов В.А., 121, 195, 231, 261, 284, 294, 297, 298
 Кулаковский Ю.А., 8
 Кулу, 328
 Кумаяков Темрук, 409
 Кумыков Янтуничку, 351
 Кундухов М.А., 388
 Кундухов Т., 470
 Кундухов Ф., 470
 Кундуховы, 384, 387
 Кургосовы, 487
 Курдалагон, 340, 455
 Куроедов, 484
 Курта, 332
 Кусовы, 389, 393
 Кутатский (Давидов) Патермирза (Куртаулов Егор), 392
 Кутатский митрополит, 468
 Кутейба ибн Муслим, 256
 Кутузов, 485
 Кушева Е.Н., 345, 346, 347, 351
 Лавров Л.И., 58, 347, 400, 401
 Лазар Парпеци, 208, 216
 Ларгвели, 320
 Ларина В., 483
 Латышев В.В., 8
 Лев Философ, 280
 Леван, 356, 360
 Лекан, 127, 128, 129
 Лиавхели Г., 400
 Лиддел Х., 257
 Лимичав (Лим и Ачав), 308, 315
 Линден В., 380, 409
 Лукан, 174, 207
 Льяновы, 475
 Люкк де Д., 377
 Магог, 125
 Магомадова Т.С., 347
 Магомедов А.Х., 401, 422
 Мадес, 127
 Мадий, 127, 128
 Майралкаевы, 409
 Макар, 359
 Македонский Александр, 130, 131, 184, 292
 Максим Исповедник, 261
 Максимов Е., 390
 Мамай, 326, 327, 343
 Мамиев К., 491
 Мамиконян Иоанн, 215
 Мамиконян Васак, 216
 Мамсуров А.Д., 400, 401
 Мамсуров Т.Д., 6
 Мамсуров Чанчек, 467
 Мамсуровы, 384, 386, 387
 Мамуков Г., 483
 Мамуна, 256
 Марзоевы, 487
 Мариньоли И., 308
 Мария, 281

- Марковин В.И., 117
 Маркс К., 396
 Марцеллин Аммиан, 275
 Маслама, 246, 247, 248
 Маст, 212
 Мастира, 212
 Масуди, 241, 243, 244, 245, 253, 254, 255, 257, 264, 265, 266, 268, 277, 295, 296
 Матарша, 307
 Махортых С.В., 120
 Мела Помпоний, 171, 172
 Меликишвили Г.А., 58
 Менандр, 234, 258, 267, 298
 Менгу, Менгу-каан, 306, 307, 308
 Менгу-Тимур, 311
 Мерван, 243, 247, 248
 Миллер Вс.Ф., 8, 341, 450, 455
 Мимиствали П., 469
 Минорский В., 307
 Минорский В.Ф., 230, 255, 266
 Мирандухта, 318
 Мирван III, 214
 Мирза Х., 474
 Митридат VI Евпатор, 154, 166
 Митридат VIII, 168, 170
 Митридат, 170
 Михаил (русский царь), 359
 Михаил архангел, 337, 457
 Михаил Сириец, 211
 Морган Л., 275
 Моуравов, 382
 Мошинский А.П., 99, 117
 Мровели Леонти, 127
 Мстислав, 265
 Мундар, 357
 Мунке, 311
 Мункэ, 306, 307, 310
 Мунчаев Р.И., 117
 Мурзин В.Ю., 120
 Мутасима, 256
 Мшихазка (Мшихазека, Мшиха-Зеха), 209
 Наглер А.О., 118
 Надир-шах, 410
 Найденок (стрелец), 346
 Негулай, 307
 Нерон, 206
 Низам ад-дин Шами, 327
 Никифор Григора, 308
 Никифор II Фока, 281
 Николай Мистик, 261, 280
 Николай свящ., 487
 Новосельцев А.П., 231, 243, 244, 245, 254, 295, 296
 Ногай, 311
 Ной, 127
 Норденстренг, 390
 Нурсал-бек, 395, 468
 Нух, 127
 Os-bagata'ar, 255
 Обадий, 242, 243
 Оболенский Д., 261
 Овидий, 171
 Окуцкий Ших-мурза, 346
 Олеарий, 350
 Олександр, 347, 348, 349
 Ольховский В.С., 122
 Орбелиани Папуна, 370, 395, 468
 Орбелян Степанос, 309
 Орози, 184
 Ос-Багатар, 319
 Паллас П.С., 370
 Панин, 382
 Пареджан, 312, 316, 317, 321, 333
 Пареев К., 469
 Паррот Ф., 383, 484
 Паруйра Скайорди, 127
 Парфенокл Ульпий, 212
 Паскевич, 485, 492
 Патер-мирза (Егор (Георгий) Куртаулов), 481
 Патканов К., 227
 Патриарх Герман II, 282
 Пахимер Георгий, 308
 Пахомий архимандрит, 392, 396, 402, 466, 471, 479, 480
 Певтенгер, 170, 174
 Периегет Дионисий, 217, 272
 Перош, 214
 Перс, 164
 Петр I, 403, 473
 Петр Ивер, 217
 Петр, 261
 Петренко В.Г., 122
 Петрона, 243
 Пивов Пётр, 348
 Плавтий Сильван Элиан, 207
 Плетнёва С. А. 299
 Плещеев Григорий, 347
 Плиевы, 475
 Плиний Старший, 168
 Плиний, 163, 165, 168, 169, 170, 171, 172, 173,

- 174, 185, 206
 Погребова М.Н., 120
 Пожарский С.Р., 358
 Полиэн, 165, 166
 Полуханов Андрей, 355
 Помпей Трог, автор I в. до н.э., 184
 Попко И., 353
 Поршневу Б.Ф., 482
 Посидоний, 184
 Потапов, 482
 Потемкин Г.А., 492
 Потемкин П.С., 382, 383, 395, 408, 483, 485, 489, 492
 Потемкин-Таврический Г., 489, 492
 Прато Джусто, член римско-католической миссии, 362
 Протасцев П., 359
 Прототий, 127
 Псевдо-Иерушалми Таргум, 126
 Псевдо-Каллисфен, 184
 Псевдо-Скилак, 163
 Птолемей, 169, 170, 172, 173, 174, 217, 233
 Пулад, 328
 Пфаф В.Б., 319, 437
 Пчелина Е.Г., 8
 Равеннский аноним, 211
 Раевский Д.С., 120
 Рашид-ад-дин, 306, 316
 Ребров А.Ф., 487
 Ребров, 488
 Ритор Захарий, 267, 294
 Рифан, 126
 Робакидзе Ю.Д., 58
 Родосский Аполлоний, 164
 Романоз, 338
 Ромораевы, 409
 Росмик, 257
 Ростом, 318, 319, 320, 333
 Ростунов В.Л., 153
 Рубос (Робос), 128
 Русудан, 279
 Рыбаков Б.А., 8
 Саакадзе Георгий, 358
 Сабит ан-Нахарани, 247
 Савин Кузьма, 355
 Савченко Е.И., 298
 Сайнаг-алдар, 308
 Саин-хан, 308
 Сайтафарн, 164
 Салваев К., 469
 Самосатский Лукиан, 132, 185, 212
 Самураев Г., 469
 Санесан, 216
 Сардоний, 174
 Сармат, 161
 Саросий, 234, 235, 258, 293
 Сартак (Сартах) 309, 310
 Сатана, 340
 Сатиник (Сатеник), 208, 209, 227, 256
 Сатхис, 293
 Саурмаг, 164
 Сахир, Бакатар, Анбалан, 287
 Сахири фурт Ховс, 255
 Сахнаев Кабул, 409
 Св. Георгий, 318, 337, 342
 Св. Григорий Просветитель (Лусаворич), 209, 215, 216
 Св. Иоанн, 338
 Св. Мария, 337
 Св. Нерсес Партеву, 217
 Св. Нина, 215
 Св. София, 342
 Святослав Игоревич, 265
 Святослав, 292
 Селим II, 355
 Семенов Л.П., 296, 297
 Сенека, 185, 207
 Серебряный Пётр, 356
 Сидамон, 318, 319, 320
 Сидамонов Захарий, 319
 Сидамонова фамилия, 317, 319, 320, 333, 347
 Сидамоновы Эристовы, 317, 319, 320, 333, 347
 Сидамоновы (Сидамонта), 317, 319, 320, 333, 347
 Симеон, 319
 Сираки, 165, 168
 Сицилийский Диодор, 97, 132, 163, 164
 Скаков А.Ю., 55
 Скалигер, 126
 Скачков А. 437
 Скитский Б.В., 8
 Скотт Р., 257
 Скуер, 209
 Смаилов, 474
 Смирнов К.Ф., 152, 184, 186, 197
 Соков Жангирей, 392
 Соколов, 470, 472
 Сократ, 124
 Сокур, 338
 Солин Юлий, 171

- Соловьёв С.М., 354, 383
 Соломон, 469, 470
 Соломонов С., 479
 Солох, 349, 355
 Сосиев З., 486
 Сослан, 255, 332, 338, 340, 342
 Сослан, герой Нартовского эпоса, 74
 Софокл, 124
 Спенсер Ч., 371
 Спицын А.А., 249
 Страбон, 131, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 184
 Стрейс Я.Я., 351
 Субудай, 304, 305, 306, 307
 Сузаков Нафи, 392
 Султан-мурза, Салтан, Салтан-мирза, 346, 348
 Сунгу, 321, 333
 Сунчалеев Муцал, 350
 Сурамели Бег, 293
 Саурмаг, 164
 Сурхапа Внасеп, 211
 Табари, 247
 Тавсарук, 487
 Тага (Тагаур, Тагаор), 379, 387
 Тага, 332
 Тага, Тагаур, 379
 Тагаурцы, 380
 Таймураз груз. царь, 361, 370, 395, 468, 469
 Тамаевы, 388
 Тамара, 279
 Тамара-царица, 452
 Тамерлан, 4, 11, 315
 Тан, 251
 Тансар, 235
 Таргамос, 127
 Таргитай, 127
 Таргом, 126
 Тариевы, 475
 Тарковский шамхал, 346, 353, 354, 359
 Таронеци (Таронский) Степанос, 211, 227
 Тархановы, 389, 393
 Татаров, 402, 472
 Татищев М. И., 346, 348, 349, 355, 402, 492
 Таус, 328
 Таусултанов Б., 472
 Таусултанов, 472
 Тау-Султановы, 399
 Таусултановы, 483
 Таутиевы, 427, 475
 Тацит, 154, 168, 169, 173, 185
 Тезиевы, 388, 392
 Теймураз (грузинский царь), 355, 356, 357, 358
 Теймураз (Таймураз) II, 361, 370, 374, 395
 Текоевы, 457
 Телишка, 347
 Темпфер, 484
 Темучин, 304
 Тенищев князь, 487
 Тереножкин А.И., 117
 Теренций Варрон Марк, 172
 Техов Б.В., 58, 59, 66
 Тиджиевы, 427
 Тизенгаузен В.Г., 307
 Тимур, 283, 284, 285, 327, 328, 329, 331, 342, 343
 Тимур-Аксак, Аксак-Тимур, Ахсак-Тимур, 343
 Тогарма, 126
 Тогошвили Г.Д., 316
 Толмачев ген., 489
 Толочанов, 355
 Томаев Бата, 392
 Томаев Дочико, 395, 468
 Томаевы, 390, 393, 394, 428
 Томирис, 256
 Тормасов, 488, 491
 Тотлебен, 382, 383
 Тотлебен ген., 485, 488
 Тохта, 311
 Тохтамыш, 315, 327, 328
 Трдат III, 215, 216
 Туаев Б., 469
 Туганов, генерал-майор, 402
 Туганов М.С., 440, 442, 446, 449, 451, 457
 Туганов У., 474
 Тугановы, 385, 387, 398, 402, 404, 406, 472, 474
 Тукаевы, 452
 Туккаев С., 390, 391
 Тулатовы, 381, 384, 385, 387
 Туманате, 384
 Тургиев Т.Б., 297
 Тушев Бибо, 467
 Тхостовы, 387, 427
 Уастырджи (св. Георгий), 342, 440, 455
 Уахтанес, 208, 211
 Уацилла (св. Илья), 342, 455
 Уварова П.С., 66, 238, 432
 Угедей, Угэдэй, 306, 307
 Узбек-хан, 314, 324, 326
 Узун Хасан, 360
 Узурабег, 293
 Уобос, 129

- Урбан VIII, 360, 361
 Урузмаг, 256, 453
 Урусбиев И., 400, 471
 Утурку, 328
 У-цзор-бу-хань, 307
 Фабрициан, 405
 Фадлон Ганджи, 277, 278
 Фарасман II, 209, 210
 Фарасман IV, 319
 Фарнаваз, 164
 Фарнак II, 166, 167
 Фарниев Солта, 392
 Фарниев Шота, 393
 Фарниевы, 392, 428
 Федоров Я.А., 58
 Феодор, 281
 Феофан, 234, 258, 267
 Фессалоникский Евстафий, 124
 Фидаров Алимурза, 468
 Фидаров Качи, 468
 Фидаровы, 389, 393
 Фидарос, 332, 338
 Флавий Иосиф, 185
 Фофорс, 214
 Фрумгольт, 405
 Фу-дэ-лай-сы, 307
 Хайдар, 256
 Халиф, 248
 Хаматов Н., 394
 Хаматовы, 457
 Хаматхановы, 475
 Хамзин А., 471, 478
 Хамыц, 308
 Хан-Ху-сы, 307
 Хасдай Ибн-Шафрут, 245
 Хваризми, 295
 Хворостин, 354
 Хелпомаев Т., 469
 Херак, 212
 Херхеулидзе, 410
 Хетаг, 467
 Хетагуров Д., 470
 Хетагуров З., 469
 Хетагуров К.Л., 14, 373, 458, 467, 492
 Хетагуровы, 469
 Хишам, 247
 Хоев Кизин, 409
 Хорадзе Р.Л., 58
 Хоралдар, 255
 Хоренаци Мовсес, 127, 165, 207, 208, 211, 215, 216, 217, 227, 295
 Хориан, 234
 Хосоновы, 390
 Хосров II, 211, 216, 227
 Христофор игумен, 479
 Хуанхуа, 212
 Хубаевы, 452
 Хубилай, 308
 Худдан, 279
 Худуд ал-Алам, 281, 295, 296
 Хулагу, 310, 312, 316
 Хурумов Дж., 469
 Хуршит, 346
 Хуцистов Мамсыр, 392, 393
 Хуцистовы, 428
 Цагаева А.Дз., 321
 Цалеуков А., 468
 Цаликовы, 388, 392, 486
 Царазонта (Царазоны) 318, 452
 Царгас, 470
 Царь Валгаш, 209
 Царь Вологез, 207
 Царь Саросий, 234, 235
 Царь Тиран, 216
 Цахиловы, 427
 Цензорин, 126
 Цериков А., 394
 Цеца, 256, 289
 Цитлосан, 319, 320, 333
 Цицианов князь, 382, 487
 Цицианов П.Д., 382
 Цомаев Гула, 409
 Цопановы, 392
 Цориевы, 487
 Цулая Г.В., 293, 317
 Цуровы, 475
 Цыклауров, 483
 Чебелев Е., 469
 Чегемовы, 402
 Черджиев Карги, 468
 Черджиев Самура, 468
 Черджиев Хаджи, 467-468
 Черкасский М., 358
 Черкесский Айтекмурза, 402
 Чернышев А.И., 485, 492
 Чиковани Г.Д., 401, 422
 Чингис, Чингисхан, 304, 305, 327, 329
 Чичагов С., 398
 Членова Н.Л., 58
 Чокаев К.З., 58
 Чочиев Г.Ф., 13

- Чудинов В., 370
Чулков М., 373, 466
Шалва, 317
Шалмеликишвили, осетинские дворяне, 396
Шанаев Д., 439, 441
Шанаевы, 384, 387, 427
Шанг, 349, 355
Шанше эристов, 395, 468
Шанше, эристав Ксанский, 411
Шапур I, 211, 212, 213
Шапур II, 215, 216, 217
Шараф ад-дин Йезди, 306, 307
Шатана, 256
Шегрен А.М., 8
Ширакаци Ананий, 170, 208
Ширван-шах, 304
Ширд, 317
Шолох (Солох), 357
Штедер Л., 372, 377, 384, 388, 398, 399, 404-409, 457, 473, 486, 487, 492
Эвлия Челеби, 350
Эвнон, 169
Эгриси-Колхиде Куджи, 164
Эладиев В., 469
Эмин Н., 227
Энгельгардт М., 383, 484
Энгельс Ф., 275
Эристав, 260
Эристов Бежан, 319
Эристов Нугзар, 319
Эристовы, 319
Эристовы-Ксанские, 319
Эсхил, 124
Ээт, 164
Эфесский Иоанн, 242
Эфор, 164
Юй-ва-ши, 307
Юлиан, 217, 270, 271, 280, 303
Юстин, 234
Язон, 164
Якуби, 256
Якубовский А.Ю., 328
Янбулат Эльмурзин, 351
Ярослав, 309

Именной указатель

Том. 2

- Абаев В.И. 106, 261, 269
Абаев М. 281
Абаевы 59, 202
Абациев М. 280
Абдул-Хамид II 194, 210
Абиевы 59
Абисалов 59
Абисалов Али-Мурза 188
Абисалов Кургок-Хаджи 188
Абисаловы 145, 188
Абраменко 208
Абхазов И.Н. 17, 42
Авакян Б.Р. 194
Авдеенко 207
Авсараговы 202
Агаев Зиу 43
Агузов Куркуко 43
Адаевы 200
Адамец И. 282
Адырхаев Ахмат 55
Адырхаев Баразка 44, 55
Адырхаев Габис 44, 55
Адырхаевы 55
Азиев Лаппу 43
Азозов Зураб 101
Акоевы 59
Аладжиков Алексей 89
Албегов Басил 43
Албегов Хамурза 188
Албегов Темрук 43
Алборов Б. А., 84
Алборовы 198
Алдатов Темболат 46
Алдатовы 46, 49, 192
Алегук и Ходождук, мурзы Черкасские 93
Александр I 5, 7
Александр II 24, 26, 93, 130, 143, 152, 282, 292
Алибеков Кази 54
Амбалов Савги 51
Амбаловы 48
Амираджиби 152
Андреевский Э.С. 193
Анзоров Магомет Мирза 206
Анзоров Хаджи-Кула 52
Анзоровы 35
Анзоров Ельмурза, 198
Анзоров Ислам 198
Анзоровы Тембот, Хату 200
Антон, католикос Грузии 86
Антоний, католикос Грузии 86
Ардасенов А.Г. 78, 163, 173, 218, 236, 237, 238, 239, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 280, 281,
Арент Ионас 212
Арчеговы 44
Асановы 200
Аспиевы 44
Атабеков Г. 280
Атажукин Магомет 101
Атараевы 44
Ахмет, осетинский старшина 94
Афдаров А. 280
Ахверды-Магомет 74
Ахриев Ч. 229
Ахсаров Дзибирт 43
Багияевы 55
Багратиони Вахушти, 98, 99, 100, 101,
Баделята, феодальный род 99
Бадов Джордж 194
Бадоев К. 292
Бадтиевы 198
Баев Г.В. 247, 271, 272, 273, 274, 275, 279
Баев М. 280
Базоркин А. 229
Байматов Тотраз 43
Байматовы 198
Бакар, царевич 98
Бакунин В.М. 101
Бакунин М. 258
Баликоевы 61
Бараков Ф. 172
Барятинский А.И. 24, 25, 32, 122, 185, 188, 189
Басиев Дзици 199
Баскаев Баби 44
Баскаевы 202
Батый, хан 99
Батырев Афанасий, 98, 103
Бегиев А. 293
Бедоев Азо 43
Бедоев Инал 43
Бедоевы 203
Безиковы 203

- Бекетов, губернатор 84
 Бекович-Черкасский 45, 55, 66
 Бек-Узаров (Бекузаров) 291
 Бекузаров Д. 292
 Бекузаровы 47
 Белозерский Василий 206
 Белинский В.Г., 114
 Белов Григорий 94
 Беляев Алексей 94
 Бениславский 72
 Бентковский И.В. 115
 Бердиевы 198
 Берже А.П. 228
 Берзенов Н.Г. 91, 114, 115,
 Бериевы 44
 Бероевы 47
 Бетрозовы 35
 Бец 207
 Бзаров Темурко 188
 Бзаровы 47
 Бибииков Д.С., подполковник 115
 Бибоевы 47
 Бигаевы 47
 Биджеловы 47
 Бираговы 202
 Битаров Андрей 84
 Битаровы 48
 Блиевы 198
 Богданова 282
 Богомаз Ефим 73
 Бокоевы 65
 Болгарский 36
 Болгарский Иоанн 102
 Болиев Агги 54
 Болиев Дога 43
 Болиев Зеха 43
 Болиев Ису 43
 Болиев Каттуз 54
 Болиев Тотраз 43
 Бондаревы 207
 Бондарь Василий, Иван, Семен 206
 Борзученко 207
 Борисенко Павел 206
 Бородый Федор 206
 Борсиевы 65
 Браевы 44
 Бритаева (Казбек) О. 281
 Броневский С.М. 111, 112,
 Бугулаев А. 283
 Броссе М., академик 107
 Бугулов Кузи 43
 Бугулов Курман 44
 Бугуловы 48
 Булгаков С.А. 13, 38
 Бузилова (Газданова) М. 281
 Бунт Г. 76
 Бутаев А. 63
 Бутаевы 47,202
 Бутков П.Г. 107, 108, 228
 Вавилов Н.И. 177
 Вавилов С.И., академик 93
 Васильев Яков 206
 Величко 207
 Вензига Андрей 206
 Вертепов Г. 247
 Вильгельм Иоганес 77
 Вишневицкий В. 73
 Вольнеевская премия 106
 Волконский 6
 Вонявин Степан, 98, 103
 Ворман Фёдор 98
 Воронцов М.С. 23, 57, 59, 72, 77, 141, 142,145
 193
 Воронцов-Дашков И.И., граф 135, 136,137
 Воронцовы 208
 Востриков П.А. 180, 181
 Вревский И.А. 48-50, 58, 89, 92
 Габановы 65
 Габиев С. 265
 Габолаев Майрам 172
 Габолаевы 48
 Гагиевы 202
 Гаглоев Г.А. 283
 Гадиев П.Ю., 86
 Газданов Е. 280, 292
 Газдаров Бутъу 61
 Газдаровы 35, 59
 Гази-Мухаммед 194
 Гай, архимандрит 83, 85,86, епископ 87, 89
 Гайтов Тассо (Петр) 43 44
 Гайтовы 44, 59,203
 Галабаевы 44,65
 Галазовы 48
 Галаовы 34
 Гарданов М.К. 178, 179
 Гарданов В.К., 104
 Гардановы 59
 Гариев Зибизи 43
 Гарсеванишвили Гиорги 98
 Гарсеванишвили Иесе, священник 98

- Гасиев Курдан 43
Гассиев А.А. 218, 220, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233
Гатагова Л.С. 85
Гатагоновы 35
Гаянага Захарий 73
Гегиевы 199
Генцауров Павел, священник 83
Георги И.Г., 97
Гердт Георг 77
Гердт Иоганес 77
Гердт Яков 77
Гермаиил, иеромонах 86
Герцен А. 258, 262
Гиголаевы 34
Гобаевы 35, 53
Годжиев П. 280
Гокоевы 61
Голиев Дз. 280
Головин Е.А. 22
Голубов Д.К. 199
Горба 207
Горбуз 207
Горшков 56, 67
Гостевы 59
Гиляксанов Алдигирей, 99, 101,
Гмелин С.Г., 94
Головин А. 115
Гордеев Г.С. 112, 113
Граббе П.Х. 21
Грамотин, генерал 144
Григорий, игумен 83, 84
Грибоедов А.С. 279
Григорий 36
Гридневы 207
Грозмани В.И. 162
Губиевы 47
Гугкаевы 65
Гудзиев Цуцки 44
Гудиев Тотраз 51
Гудиевы 47
Гудович И.В. 6
Гуларовы 35
Гуриев А. 292
Гуриев К. 292
Гуриев Соломон 54
Гуриев Т.А. 267
Гурко И. 290
Гурьевы Герасим, Ивлий, Степан, Тимофей 207
Гусалов Тапсико 43
Гусаренко Илья 73
Гутиев Мисирби 202
Гутиевы 47, 48
Гуцунаев Гуйман 61
Гюльденштедт И.А., 94, 95, 96, 108, 110,
Давыдов 34
Давыдов Павел 84
Дадиановы 47
Дамзовы 48
Дашко 207
Двалишвили Шио, 90, 105
Дводиенко 208
Дедегкаев Карас 61
Дедегкаевы 34
Дельпоццо И.П. 15, 43
Джанги-Оглы Гебош 194
Джатиев К.Д. 283
Джатиевы 178
Джеранов Гало 44
Джибиловы 198
Джиоев Ш. 283
Джикашвили Пётр 90
Дзагуров Хаджумар 200
Дзагуровы 59
Дзанаевы 202
Дзантиевы 42
Дзарасовы 198
Дзахоевы 35
Дзгоевы 53
Дзерановы 47
Дзестеловы 44
Дзугаев Г. 292
Дзугаев Сахам 44
Дзугаевы 202
Дзуцевы 47, 198
Диасамидзе 152
Диденко Тимофей 206
Доев Кавдын 55
Доев Э. 292
Доевы 47
Долгани Иван, Федор 206
Дотиев Г. 292
Дотиев С. 292
Доцоев Дудар 44
Дреевы 198
Дриаев А. 283
Дробнич 207
Дубровин Н.Ф. 186, 226, 228
Дудаев Д. 292
Дударов А. 288

- Дударов Габиса 49
 Дударов Инал 43, 48
 Дударов Тасолтан 51
 Дударовы 42, 43, 48, 49, 145
 Дудиев Ельмурза 51
 Дудиев Куку 51
 Евдокимов Н.И. 44. 185, 186
 Евсевий, архиепископ 191
 Егоров Зураб 101
 Едзаев Т. 292
 Едзоев Тучи 55
 Екатерина II 36, 54, 84, 86, 87
 Елбаевы 35
 Елекоев Базе 60
 Елизавета Петровна 36, 82, 84
 Елиханов Зураб 84, 101
 Елиханов Иван 84
 Емануэль Г.А. 43
 Еременко 207
 Еремины 207
 Ермолов А.П. 7, 15, 16, 38, 41, 52, 66, 188
 Есенов Гена 55
 Есеновы 42, 50, 192
 Есиев А-М. 288
 Есиев К. 292
 Есиев Т. 292
 Есиевы 65
 Ефрем, иеромонах 101
 Жантиев Хатахсико 47, 51
 Жилин Иван 98
 Жук 207
 Жукаев Пётр, 105
 Жускаев Соломон 89, 91, 114, 115,
 Завитов Доче 55
 Задорожные 207
 Закуров З. 292
 Зангиевы 48, 202
 Згоев Бимбулат 194
 Зембатов К. 292
 Зембатов Т. 288
 Зиноевы 34
 Зихуровы 65
 Золоев Гена 61
 Золоевы 35, 59
 Зотов И. 185
 Зотов П.Д. 290
 Зряковский Борис 94
 Зугутов Айдаруко 43
 Зумерова 282
 Иевлев Алексей, дьяк 93
 Иоанн, архиепископ Цилконский 86
 Иоанн, архимандрит 86
 Иосиф, архиепископ 82
 Иосиф, архимандрит 91
 Ильинский М.С. 70
 Ильминский Н.И. 229, 230
 Имлахановы 200
 Ираклий II 86
 Исидор, экзарх Грузии 89
 Исаковы 202
 Ислан-Гирей 76
 Итазов Айдаруко 43
 Итазов Сафараша 43
 Кабалоевы 35, 199
 Кабановы 35, 42
 Кавтарта (Кавтаровы) 53
 Каджаев С. 283
 Кадиев Бада 51
 Кадиев Саукуз 43
 Казаховы 35
 Казбек О. 280
 Каиров Баппи 44
 Кайтов А. 292
 Кайтов Д. 292
 Калмыков Ж.А. 30
 Калоев Б.А. 86
 Калоевы 202
 Камарзаев Елбиздико 51
 Камбегов Ф. 292
 Канонова (Палицина) Л.В. 281
 Кантемиров Л.А. 293
 Кантемировы 47, 198
 Кантемулов (Кантемиров) Георгий 89, 90,
 Кануков Б. 47, 160, 161
 Кануков Дудар 188
 Кануков И.Д. 190, 218, 220, 222, 223, 225, 227,
 229, 233, 242, 279
 Кануков Каспулат 188
 Кануков Хатахсико 47
 Кануковы 46, 49, 50, 188, 192
 Кара Султан 76
 Караев Д. 294
 Караевы 44, 200
 Карабгоев Алхас Мурза 93
 Карабугаев Феофан 84
 Каражаевы 33, 145
 Караулов Михаил 207
 Караулов Николай 207
 Каргиев Б. 292
 Каргиновы 202

- Карпенко 208
Карпов Ю.Ю., 95
Карпов, генерал-адъютант 149
Карсанов Дота 55
Карсановы 9
Карцов А.П. 185, 193, 194
Кастуевы 47
Каханов С.В. 199, 256
Каченовский М.Т. 107
Каченовский М.Т. 107
Кашанта (Касаевы) 53
Кебековы 200
Кевросовы 34
Келемет Девлетуг, кабардинский князь 94
Кеппен Ф., 96
Керчелаевы 35
Кесаевы 202
Кибизовы 34, 59
Кизер В. 280
Кикоть 207
Кипиани М. 247
Кириенко Ефим 73
Кириченко 207
Кирхнер Александр, 98
Клапрот Ю. 34, 63
Клеман Давид 77
Климова 282
Клочко 207
Кнорринг К.Ф. 5, 107
Коберт Михаил 212
Коголкин Умар 200
Кодзаевы 198
Кодзоков Д. 144, 145, 146, 147, 229
Козаев Р.Ш. 283
Козаевы 202
Козровы 51-53
Козырев Бизи 55
Козырев Сакло 55
Козыревы 42, 48, 52
Кокаев А. 292
Кокиев Г. А., 101, 103, 110,
Колиев Аксо 89, 91, 115, 191
Колиевы 202
Колоевы 35
Коломыц 207
Колотилины 208
Колюбакин А.М. 286
Комеховы 199
Кондратьев Трухан 73
Константинов О.И., 114
Кораев А. 283
Коренчуй 208
Корень 207
Кормер В.Ф. 266
Корнаевы 59
Корниенко Герасим 206
Коробовы 208
Косточко 207
Котляревская 282
Коцоев З. 292
Коцур 207
Кочоровы 203
Клапрот Г.Ю. 109, 110, 111,
Клапрот Ю., 94
Клюев Марк 98
Кравченко Иван 206
Кречетников П.И. 54
Кубалов С. 292
Кубаловы 44, 55
Кубатиев Мисост 49
Кубатиевы 145
Кубатиев Пахте 41
Кубатиевы 35, 41, 49, 58, 60
Кубул 76
Кундухов Николай 90
Кудаковы 198
Кулаев Амзор 44
Кулаев Гавис 44
Кулаев Кудзи 44
Кулаев Мулдар 44
Кулаев С. 292
Кулаев Созрук 44
Кулаев Хоткар 44
Кулиберов Мысырби 54
Кулиев Батраз 51
Кулиев Дзандар 51
Кумалагов Берд 51
Кумалагов Токас 51
Кумалаговы 198
Кундухов Алхасту 50
Кундухов Идрис 51
Кундухов Мусса 49-51, 190, 191, 192, 193,
194, 224,
Кундухов Тега 46
Кундуховы 42, 46, 49-51, 192
Куртата, 99
Кургосов Алексей 37
Кургосов Тавсарук 37
Кусов Берд 53-55
Кусов Заурбек 53, 54

- Кусов Карасей 188
 Кусов Касай 188
 Кусов Пшенako 53
 Кусов Симон 188
 Кусов Тего 53
 Кусов Темурко 55
 Кусовы 52-54
 Куцаев Габис 43
 Куцаев Ислам 43
 Кучиев Соломон 163
 Кучиева Сафиат 163
 Кучиевы 202
 Кешев А-Г. 229
 Лавров Д. 29, 228, 280
 Лавров Н. 247
 Лавров П.Л. 262, 263
 Лазурко 207
 Ламов Иван 206
 Латышевы 38
 Лаудаев У. 229
 Лаук Яков 212
 Лебедев 36
 Лебедев Афанасий, 85
 Левченко 207
 Ленин В.И. 175, 178, 179, 276
 Леонтович Ф.И., 115
 Лепёхин И.И., 94
 Лепихин Иван 206
 Лермонтов М.Ю. 279
 Лерберг Л. 109
 Лесков Н.С. 279
 Лорис-Меликов М.Т. 27, 122, 190, 193, 203
 Лотов Г. 292
 Любарский Платон, 88
 Лях 207
 Магкаев Х. 292
 Мадзаев Ислам 63
 Магкаев Зураб 101
 Мадзаев Тога 63
 Мадзаевы 63
 Маевские 208
 Майер Яков 212
 Макеев Эльзаруко 55
 Макиавелли 210
 Макоевы 200
 Максимов Е.Д. 174
 Максимович А.М. 108
 Малышевы 207
 Мамаевы 35
 Мамиевы 61
 Мамсуров Аслангирей 46
 Мамсуров Базр 47
 Мамсуров Дуда 46
 Мамсуров К-М. 292
 Мамсуров Осман 46
 Мамсуровы 46, 49, 50, 192, 198
 Маргиев М. 283
 Марзоевы 34
 Маркель Иоганес 77
 Маркс К. 242, 250, 251
 Матчины 208
 Мачабели 65, 153
 Мачабеловы 201
 Мачнев Аким 206
 Медоев Брек 61
 Мезенцев 280
 Менгутемир, хан 108
 Меликов 187
 Меликов Л.И., князь 147
 Мжедлов, инспектор и учитель 90
 Мильдзихов Б. 292
 Миллер В. Ф., академик 106
 Миллер Герард, академик 104
 Михаил Николаевич, великий князь, наместник 121, 127, 129, 134, 144, 147, 151,
 Мильдзиховы 47, 55
 Милютин Д.А. 185
 Михайловский Н.К. 262
 Михин Семен 206
 Моженный Гаврил 206
 Мойвалер Фридрих 77
 Моргоевы 47
 Мошков Сергей 94
 Мошнин А.П. 194
 Мржата 53
 Мриката (Мрикаевы) 53
 Мурашев К. 161
 Нагорный Егор 206
 Надгиреев Хадзимет 200
 Надеждин П. 226, 227
 Назарова Е. 281
 Назарова Н. 281
 Назарова С. 281
 Найфоновы 35
 Николаев, дворянин 98
 Николай I, император 8, 55, 59, 91, 145
 Николай, архимандрит 82, 101,
 Накусовы 47
 Наливайко 207
 Неофит, архимандрит 86

- Нестеров П.П. 45, 49
Николаев 68
Ничипко Николай 206
Ногаевы 44, 47
Ногаевы Бибо, Тема, Джиор 163
Нойбергер Петр 212
Овдиенко Демьян 73
Одархаев Ц. 292
Олихейно Василий 206
Орбелиани Г.Д. 27, 28
Орхан, хан 99
Островский А.Н. 279
Охрименко А. 281
Павленишвили 152
Палавандишвили 65, 152
Палавандовы, князья 152
Паллас П.С., 94, 96, 97, 103, 110,
Паллас П.С., 94, 96, 97, 103, 110
Париев Пётр 84
Парфений, иеромонах 82
Паскевич И.Ф. 8, 17
Пассек В.В. 113
Паттерсон Александр 76
Пахомий 36
Пахомий, архимандрит 83, 84, 101,
Пацов Касай 43
Пацук 207
Педь Степан 206
Петр I 76, 93
Петр, епископ Владикавказский 199
Пикиева 178
Писарев Д.И. 262
Плеханов Г.В. 280
Плещеев А.Н. 279
Плиев П. 283
Плиний 104
Полиевктов М.А., 95
Попов П. 280
Попов С. 280
Попова 282
Порожков Андрей 206
Потемкин Г.А. 9
Потемкин П.С. 9, 54
Потоцкий Иван Осипович, 104
Потоцкий Ян, граф 109, 110,
Псхациев Деби и 43
Псхациев Порци 43
Пушкин А.С. 112
Пфаф В.Б. 32, 228
Радченко 208
Радченко А. 281
Рамонов Асахмета 55
Рамоновы 198
Расстегаев Иван 206
Рвель Михаил 77
Ребров П. 38
Ревазов Безды 55
Ревазов Хамурза 44
Ренненкампф П.Я. 8, 17
Розен Г.В. 19-21, 55, 91
Рейнеггс Якоб 103, 104,
Романов Александр (Александр II) 194, 205
Романов Алексей 161, 169
Романов Владимир 161
Романов Михаил 205
Романов Николай (Николай II) 161
Ророк Х. 281
Росильон Л.В. 56
Рот Освальд 77
Ртищев Н.Ф. 13
Рубаевы 55, 203
Рыбальченко Г. 281
Савхаловы 35
Сагайдак Семен 73
Сади-Гирей 76
Салбиев Бадур 43
Салбиев Сосе 43
Салбиевы 55
Санакоев А. 283
Санакоев Г. 283
Санакоев Д. 283
Сасиевы 198
Семенов 72
Серебрякова Л. 281
Сидамоновы, феодальный род 99
Синяк Степан 206
Скачков А.Е. 177
Скворцов 41, 44
Скобелев М. 290, 291, 293
Слановы 47
Смаил, 93
Смекалов А.М. 133, 133
Собиевы 59
Сокаев 291
Сокаев Б. 292
Сокаев Н. 292
Соколов А.Е. 109
Сосиев 40
Сохиев Д. 280
Сохов Тага 56

- Соховы 34
 Стоцкий И.Г. 67, 70
 Строганов 68
 Суменовы 35
 Сухиев Михаил 89
 Счастливец С. 164
 Сысой Никита 206
 Тагиата, 99
 Тавасиевы 34, 59
 Талинов Хадо, 43
 Тарбеев Сергей 94
 Тариевы 203
 Тарнавский 68
 Тасултан Арслан-бек, 94
 Татровы 47, 202
 Таусултановы 35, 56, 203
 Тау-Султановы 109
 Таутиевы 203
 Тахоев Фацбай 61
 Тахуновы 35
 Теджиевы 198
 Тедтоевы 65
 Тезиевы 65
 Темиряевы 34
 Темир-Султан, 94
 Теремец 281
 Тибилов В. 283
 Тимур 33
 Тменовы 198
 Тогоевы 59
 Токаевы 198
 Толасовы. 34
 Толочанов Никифор, 93
 Толстой В.С. 115, 116
 Толстой Л.Н. 279
 Томаевы 47
 Томкоева 282
 Тормасов А.П. 38
 Торчиновы 44
 Тотиевы 38, 202
 Тотоев М.С. 182
 Тотоев Тотырбек 200
 Тохсировы 202
 Третьяковы 207
 Троценко 207
 Труш Иван 73
 Туаев Зми 43
 Туаев Роче 43
 Туганов Варфоломей 90
 Туганов И., генерал-майор 145
 Туганов К. 292
 Туганов М.С. 48, 60
 Тугановы 35, 41, 50, 58, 59, 61, 62, 146, 160, 161, 188, 209
 Туккаев Алексей 60
 Туккаев Касил 43
 Тулатов Беслан 45
 Тулатов-Аликов Соса 44
 Тулатов-Аликов Беслан 44
 Тулатов-Аликов Знаур 44
 Тулатов-Аликов Осман 44
 Тулатов-Аликов Пшемахо 44
 Тулатов-Аликов Сохуг 44
 Тулатовы 44, 45, 49, 50
 Турлатов И. 292
 Тускаев Х. 280
 Тутолмин И.Ф. 289, 290, 291
 Тхоев Забо 43
 Тхостов Гадо 45
 Тхостов Куцык 46
 Тхостов Науруз 46
 Тхостов Цара 46
 Тхостов Эльзаруко 46
 Тхостовы 45, 46, 49, 192
 Тхунманн 95
 Уваров С., граф 105
 Умрихины 207
 Уртаев Бапин 51
 Уртаев Зикут 51
 Уртаев Инус 51
 Уртаев Кабар 51
 Уртаев Савлох 51
 Уртаев Тасбизор 51
 Уртаевы 51
 Уруймаговы 59
 Урумовы 202
 Урусов Тега 44, 56
 Урусов Эльбрус 56
 Урусовы 56
 Фальк И.П., 94
 Феофилакт, экзарх Грузии 88, 89
 Фарниев Душет 199
 Фелькер Иоганес 77
 Фидаров Афако 161
 Фидаров С. 292
 Фидаровы 52, 198
 Филиппсон Г.И. 185
 Филькович Н.В. 161, 169
 Франкини В.А. 185
 Фриш Фридрих 77

- Хабаевы 198
Хабалов Бапин 51
Хадарцев Е. 292
Хадарцев Кавдын 43
Хадзараговы 47
Хадиковы 47
Хамзин Алиш 101
Хамицевы 203
Хантиев П. 292
Харига Д. 166
Харрисон А. 76
Хасиев Лади 163
Хасиев Уасил 163
Хачиров Г. 283
Хачирова О. 283
Хекилаевы 35
Херхеулидзе 152
Хестановы 202
Хетагов Елисей 84
Хетагуров К.Л. (Коста) 87, 167, 174, 176, 202, 203, 236, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 271, 275, 279
Хетагуров Леван 202
Хетагуров М. 283
Хетагуров Харитон 84
Хетагуров Христофор 84
Химуля 207
Ходовы 47, 48
Хозиевы 202
Христодул, монах 86
Христофор, игумен 101
Хоранов С. 160, 292, 293
Хосоновы 54
Хохменко 207
Хубаев В. 283
Хубулов Д.И. 283
Цабаловы 203
Цагараев Н. 161
Цаголов Г.М. 106, 173, 174, 178, 218, 236, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 275, 279
Цаголовы 59
Цазиков К. 292
Цакоевы 35
Цаликов А.Т. 188, 189, 276, 277, 278, 279
Цаликов Алегука 54
Цаликов Б. 292
Цаликов Варахмет 188
Цаликов Гагоз 188
Цаликов З. 292
Цаликов Эльзаруко 188
Цаллагов А. 196
Цаллаговы 47
Цараев В. 89
Царгасата, феодалный род 99
Царикаевы 61, 199
Царукаевы 34
Цахиловы 99, 202
Цибань Василий 73
Циноев Таба 43
Цириховы 198
Цихиев С. 167
Цихиловы 198
Цицианов П.Д. 5, 6, 42
Цициановы 65
Цораев Василий 90, 91,
Цомартовы 54
Цориевы 35, 61
Цуциев А.А. 135
Цуциевы 202
Чайковский П.И. 279
Чеджемовы 54, 55
Черкасовы 202
Черников Константин 206
Черновы Иван, Хрисанф 206
Чернышев А.И. 23, 55, 69
Чернышевский Н.Г. 262
Чехоевы 65
Чехтисовы 199
Чибирка, дигорец 93
Чигоевы 203
Чиляев Е.Г. 7
Чичагов С. 33
Чочиев Г.Ф. 218, 220, 233, 234, 235, 236
Чочиев Ф. 234
Шамиль 24, 41, 57, 185, 194, 206, 222,
Шанаев Г. 247
Шанаев Дж. 247, 280
Шанаев И. 280
Шанаев Т. 292
Шанаевы 50, 80
Шаталовы 207
Шеповалов Николай 206
Шёгрэн Андрей Михайлович, 89, 90, 105
Шидловский 67
Широков 51
Шлагер Генрих 77
Шмидт Александр 77
Шредерс В. 247
Штедер Л. 33, 35, 63, 97, 103, 110

Штейнгель Л. В. 162	Эристов 58, 59
Шульга 207	Эристов, князь 142
Щапов А. 258	Эсадзе С. 121, 187
Шевченко Т.Г. 279	Ядринцев Н.М. 279
Щекатов А.А. 108	Языев П. 280
Эглау, полковник, начальник Терской области 150	Яковлев Федор 206
Энгель Конрад 77	Ялгузидзе И. Г. 89
Эристави 65	Яновский А.Г. 112,113, 176
Эристави Ксанские, князя 152	Ярошенко 208

Указатель географических названий

Том 1

- Абаносхеви 21, 23
Абхаз, 275
Абхазети 128
Абхазия 234, 245, 251, 267, 280, 282, 283, 298
Австрия 73
Адайдон 54–57, 61–65, 68–75, 78–80
Аджиаул 484
Адиабена 126, 209
Адиюх, 259, 268, 272
Азак (Азов) 327
Азербайджан 64, 231, 247, 265, 313, 327, 353
Азиатская Сарматия 169, 170, 217
Азиатский Боспор 107, 212, 266
Азия 14, 17, 125, 126, 131, 174, 232, 290, 291
Азов 313, 352, 465
Азов, город 154
Азовское море 122, 123, 167–169, 173, 207, 275,
Айлам 43
Айтековы кабаки 357
Аксай, река 54, 56, 59, 91, 242
Акташ, река 242
Алагир, город 35, 151, 154, 331
Алагир, могильник 270
Алагирское ущелье 20, 54, 259, 291, 292, 328, 331, 342, 369, 390, 392, 397, 422, 452, 454, 467
Алазань 349
Алания 4, 7, 10, 11, 208, 215, 236, 242, 245, 247, 248, 251, 253, 254, 257, 258, 261, 264, 266–268, 271–283, 285–290, 292–296, 303, 306–311, 313, 324, 326, 328, 329, 339, 342, 343
Алания-Осетия 324
Аланские ворота (врата) 211, 215, 233, 247, 248, 268, 295, 316
Аланья 171
Албания 169, 197, 209, 213, 215, 216, 360
Алды, селение 116, 199, 205
Александровское, селение 94
Ал-Кабк, горы 295
Ал-Лан 247, 248, 295
Ал-Ланиййа 295
Алонта 49, 233
Алтай 91, 105, 143, 144, 146, 189
Алута, река 174
Алхан-Кала, городище, 193, 228
Алхан-Кала, селение, 199, 200, 202, 205, 210, 289
Алхаст (Алхастинское поселение) 93, 212
Аман, гора 126
Амиранис, гора 28
Аму-Дарья 143, 163
Анаури, крепость 382, 395, 410, 468
Андрей аул 2, могильник 205
Анзорова Кабарда 355
Аперис-хеви 317
Апшеронский полуостров 107, 231, 265
Арабский халифат 246
Аравийский полуостров 246
Арагви 49, 54, 59, 318, 320, 358, 360, 369, 370, 410, 470
Арагвское ущелье 21, 31, 410
Арал 197
Арарат 126
Арбела 209
Аргудан, городище 193
Аргуданское, городище 229, 274
Ардоз, область 208, 267
Ардон, город 41, 99, 151
Ардон, река 282, 285, 331
Аркас 325
Аркнет, селение 233
Армения 23, 26, 125–129, 165, 207–209, 211, 213–218, 246, 247, 275, 276, 288, 327, 353, 357, 360
Армхи, река 474
Армянское нагорье 207
Артаз 208
Архон, могильник, курган 40, 42, 43, 58, 68, 270
Архон, селение 259, 270, 331
Архонская, станица 41, 42, 151
Архонское ущелье 319
Арши 358
Аспиндза 411, 470
Асса, река 59
Ассиновская, станица 98
Ассиновское ущелье 98, 105
Ассирия 56, 126

- Ассия 257
 Астабрийа 295
 Астраханская область 309
 Астрахань 345, 349, 350, 351, 353, 355, 357, 359, 465, 481
 Атдорта, гора 20
 Афкан (Абхазия), 245
 Ахалгори, крепость 352, 374, 410, 465
 Ахали Жинвали 21
 Ахеменидская Персия (Ахеменидский Иран) 90, 123
 Ачабет, селение 233
 Ачабети 470
 Ачхой-Мартан, селение 98
 Ачхот 470
 Ашкала (Ас-кала) 295, 296
 Ашкасийа (Аскаса), 295, 296
 Баб ал-Лан 248
 Багир 474
 Бад, селение 331
 Базалетия 319
 Байтал-Чапкан 237
 Баксан, город 267, 269
 Баксан, река 59, 229, 269
 Баксанское городище 229
 Баку 265
 Баланджар 247
 Балканский полуостров 308
 Балканы 75
 Балкария 232, 328, 331, 403, 473
 Балта селение 54, 71, 237, 259, 297, 332, 381–384, 387, 489
 Балта, долина 385
 Балта, могильник 270
 Балхаш 143
 Бамут, селение 98
 Барбария 126
 Барсалия (Барсилия) 242
 Барсикау 388
 Басиани 211, 232
 Баср 292
 Безенгийская котловина 43
 Белая Вежа (Саркел) 265
 Белая, река 164, 398
 Белгородская область 251
 Беленджер 247
 Белореченский перевал 164
 Белые горы 373, 388
 Берда'а 291
 Бердау 265
 Бериклдееби 35, 44
 Берозов кабак 349, 355
 Беслан 46, 198, 204, 205
 Бесланский могильник 196, 202, 205, 218
 Бехуща 317
 Бештау, гора 271
 Ближний Восток 3, 4, 17, 237, 245, 246
 Бодорна 23
 Большая Кабарда 329, 402, 472, 483
 Большая Лаба, река 164, 233, 267, 292
 Большая Лиахва, река 54, 59, 312, 411
 Большой Зеленчук р. 54, 251, 273, 280, 282, 287, 289, 329
 Большой Кавказ 17, 352, 353, 465
 Большой Кавказский хребет 233
 Большой Майкопский Курган 32, 44
 Боспор 168, 172, 185, 206, 212, 213, 217, 218
 Боспорское государство 160, 168, 173, 207, 214
 Боспорское царство 184
 Брагунская станица 465, 483
 Братское, селение 193, 198, 199, 205, 210
 Брут, селение 43, 99, 101, 103, 193, 198, 200, 202, 205, 228, 229, 269
 Брутское городище (могильник) 37, 151, 193, 200, 205, 218, 229
 Бурон селение 452
 В. Рутха 54, 55, 62, 64, 68, 69, 71, 72, 75, 78, 79
 Вавилон 123, 125
 Вагаршакерт 209
 Валакау 474
 Ванния, царство 185
 Вардан, река 170
 Варсан 291
 Вассилово, селение 399, 409
 Ватшило, селение 409
 Велурта, селение 233
 Венгрия 73, 202, 308, 312
 Верхнее Салтово, селение 249
 Верхнесанибанское поселение 57
 Верхний (Верхняя) Саниба, селение 384, 385
 Верхний Джулат, Верхнее-Джулатский город 269, 272, 274, 289, 290, 297, 313–315, 324–326, 328, 330
 Верхний Кобан, селение 9, 20, 53, 55–57, 64, 65, 69, 71, 72, 75, 78, 79, 381
 Верхний Кора, селение 389, 393
 Верхний Ларс, селение 270, 332
 Верхний Подкумок, река 98, 113
 Верхняя Кубань 229, 267, 268

- Верхняя Обь, река 189
 Верхняя Рутха 54, 55, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 71, 72, 75, 78, 79, 99
 Веселая, станица 151
 Веселое, селение 51, 99
 Византийская империя 234, 283
 Византия 209, 233–236, 237, 243, 246, 257, 260, 261, 264, 276, 277, 279, 281, 284, 285, 290, 292, 294, 299, 308, 311
 Виноградная, станица 198, 200, 205, 228
 Вичина (Бичвинта, Пицунда) 282
 Владикавказ 19, 20, 41, 99, 151, 199, 206, 269, 296, 325, 467, 484, 488–491
 Владикавказ, крепость 382, 383, 404, 491
 Владикавказская равнина 4, 151, 158, 208
 Владикавказский округ 385
 Военно-Грузинская дорога 237, 291, 306, 374, 384, 388, 491
 Волга 90, 91, 105, 127, 147, 149, 169, 170, 189–192, 213, 229, 247, 248, 265, 269, 298, 306, 326, 345, 350, 351
 Волжская Булгария 292
 Воронеж 249
 Воронежская область 251
 Восточная Алания 247, 248, 258, 274, 281
 Восточная Анатолия 34, 35, 44
 Восточная Грузия 352
 Восточная Европа 3, 4, 17, 46, 48, 54, 73, 90, 147, 183, 186, 187, 190, 239, 248, 258, 264, 273, 305, 306, 307
 Восточная Осетия 54, 379, 393, 408
 Восточная Чечня 233
 Восточное Закубанье 148, 183
 Восточное Зауралье 146
 Восточное Закавказье 108, 109
 Восточное Предкавказье 193, 213, 216, 231
 Восточное Приазовье 148, 190
 Восточное Приаралье 145, 202
 Восточный Кавказ 17, 352, 464
 Восточный Крым 107
 Восточный Маныч, поселение 98
 Восточный Туркестан 165
 Гавази 317, 352
 Гагас-дзе 317
 Галатия 126
 Галиат (Фаскау) 26, 30, 31, 57, 68, 99
 Галфандаг 336
 Галюгаевская, станица (поселение) 32, 34, 44, 98
 Гамирк 127
 Ганджа, город 277, 395, 468
 Ганьсу 165
 Гебе, деревня 470
 Генал, река 384
 Генал, селение 390, 393
 Геналдон, река 331
 Георгиевск 193
 Георгиевская креп. 485
 Германикия 126
 Германия 126
 Гермонасса (совр. Тамань) 170, 212
 Гизель (Кизил), река 384
 Гизель, селение 99
 Гизельдон (Кизыл, Гизал, Джызæл), река 20, 26, 331, 343
 Гизельдонское ущелье 20
 Гиляч, городище 259, 268
 Гинчи, могильник 21, 23, 28, 35,
 Гиппийские горы 169, 170
 Гиркания 207
 Главный Кавказский хребет 3, 4, 59, 61, 108, 124–126, 268, 312, 330, 331
 Гладковская станица 353
 Глали, деревня 470
 Гогарен 125
 Гойты, селение 98, 107, 116,
 Голландия 351
 Гомарети 35
 Горгиппия 213
 Гори 316–318, 362, 471
 Горная Саниба, селение 61
 Горное Карца, селение 71
 Гоуст, селение 332
 Греко-Бактрия 149, 173
 Греция 352, 465
 Грозный 92, 199
 Грузия 23, 25, 31, 37, 59, 109, 215, 235, 260, 276, 277, 279–281, 284, 285, 308, 312, 313, 316, 317–319, 327, 328, 336, 338, 347–349, 352–358, 360–362, 370, 375, 383, 387, 395, 403, 410, 411, 452, 464, 465, 467–471, 478–481, 486, 488, 489
 Груиси, крепость 320
 Гуд 317
 Гуларкау, селение 398
 Гули 336
 Гурз, море 296
 Гуысыра, селение 152
 Дагестан 23, 25, 26, 28, 40, 93, 98, 111, 116, 121, 160, 190, 199, 205, 206, 213, 231, 232,

- 242, 247, 248, 268, 328, 349, 352–354, 357, 358, 484
Дагом, селение 423, 424
Даллагкау 394, 474
Дальний Восток 291
Даргавс, селение 54, 154, 259, 270, 332, 343, 355, 384, 390
Даргавс, могильник 270
Даргавсская долина 331
Дарг-Кох, селение 151, 152
Дар-и-Алан 309
Даринская дорога 291, 298
Дарубанди 214
Дарьял 121, 167, 206, 218, 247, 248, 382, 383
Дарьял, пост 489, 490
Дарьяльский проход 128, 214, 232, 233, 235, 247, 248, 257, 258, 267, 269, 328, 346, 348, 355, 357, 478, 485, 488
Дарьяльская крепость 296
Дарьяльское ущелье, Дарьял 99, 109, 246, 268, 291, 295, 309, 313, 314, 346, 356, 357, 358, 369, 467, 488, 489
Двалети 235, 282, 321, 333, 396
Двалетская дорога, 212, 214
Двалетская страна 320, 333
Девичья гора 343
Дедяков 289, 309, 311, 315, 325
Дербент 92, 93, 194, 206, 216, 230, 231, 246, 247, 248, 265, 266, 267, 272, 291, 294, 313, 316, 325, 328, 353, 356, 358
Дербентские ворота 316
Дербентские стены 235
Дербентские укрепления 233
Дербентский проход 128, 206, 211, 291, 304
Дерпт 356
Джавский район 479
Джеджо, река 370
Джейрахское ущелье 332
Джемдет-Наср 37
Джерах 489
Джераховское (Джерахское) ущелье 292, 474, 475
Джермухская гора 18
Джимара 348, 349, 355
Джоджора, река 369
Джулат 315
Джучиев улус 328
Дзагина 18
Дзагнакорца 317
Дзами 317
Дзауский район 18, 19
Дзивгис, селение 25, 281, 330, 331, 333, 334, 336, 337, 339, 392, 393, 428, 457, 479
Дзинага, селение 58
Дзуарикау, могильник 32, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 42
Дигвами 317
Дигор, река 398
Дигора, город 41, 452
Дигория 30, 43, 64, 70, 99, 232, 237, 321, 328, 329, 334, 343, 375, 390, 398, 402, 404, 405, 408, 457, 467, 472, 473
Дигорская плоскость 343
Дигорский уезд 483
Дигорское ущелье 54, 60, 117, 331, 369, 436, 452
Диди Лиавхи, река 370
Дманиси 312, 316
Днепр, река 168, 213, 326, 358
Долинское поселение 37
Дон, река 90, 91, 105, 132, 146, 147, 149, 164, 166, 168–174, 185, 189, 190, 192, 206, 207, 213, 217, 229, 248, 249, 251, 265, 266, 269, 288, 298, 326, 327
Донисар 428
Донифарс 63, 71, 72, 79, 398, 401, 409
Дубаюрт, городище 274
Дунай, река 190, 207, 213, 311
Дур-Дур, река 269, 297
Дур-Дур, селение 20, 41, 269, 343, 398, 399, 406
Душет (Душети), город 59, 352, 370, 374, 465
Евразия 7, 89, 112, 149, 165, 187, 291, 304
Европа 14, 17, 73, 77, 174, 184, 210, 217, 258, 288, 290, 291, 389
Европейский Боспор 212
Евфрат 215
Египет 310
Едыс, селение 233, 454
Елец 327
Елизаветовское поселение 147
Енгир 347
Ергении 169
Ереван 395, 468
Ея, река 358
Железноводск 193
Жинвали 21, 210, 312, 316
Заволжье 147, 189, 190, 192, 213
Загем (Загам) 357, 361
Загли Барзонд 26, 31, 38

- Задалеск 336, 457
 Задонье 148
 Задьва, река 312
 Закавказье 3, 11, 17, 25, 26, 28, 56, 59, 66, 82, 92, 94, 107, 108, 110, 121, 124, 130, 131, 147, 161, 165, 185, 187, 205, 206, 214, 216, 233, 235, 237, 243, 245, 246, 247, 265, 269, 275, 290, 291, 296, 299, 304, 306, 310, 312, 325, 327, 333, 348, 353, 355, 357, 360, 374, 388, 467, 471, 489, 491
 Закадон, река 331
 Закаспий 144, 165, 173
 Заки 320, 333
 Закубанье 94, 166
 Заманкул, селение 20, 37, 43, 99, 151, 152, 193, 269
 Заманкульский некрополь 44, 46, 57, 154, 155, 158
 Западная Алания 234, 236, 246, 258, 261, 268, 274, 280, 281, 282, 287, 330
 Западная Армения 126
 Западная Грузия 37, 234, 261, 316
 Западная Европа 211–213, 218, 236, 292, 306, 385
 Западная Осетия 408, 470, 481
 Западная Сванетия 128
 Западная Сибирь 144
 Западная Тува 90
 Западное Закавказье 72, 108, 109
 Западное Закубанье 51
 Западное Приэльбрусье 328
 Западное Средиземноморье 73
 Западное Чжоу 90, 143
 Западный Кавказ 17, 124, 296, 354
 Западный Прикаспий 266
 Зар 18
 Зарамаг (Зрамаг, Зарамагское поселение) 59, 80, 359, 467, 470, 479
 Затеречье 121
 Зауралье 105, 144–146, 187
 Зеравшан 150, 165
 Зестафони 210
 Зилгинское городище 193, 194, 197, 202, 218, 229
 Зильги, селение 269
 Змейская станица 55, 57, 99, 193, 279, 331
 Змейское поселение (селище, могильник) 60, 63, 71, 72, 73, 79, 80, 93, 99, 200, 260, 270, 272,
 Знаурский район 18, 19
 Золотая Орда 284, 308–311, 313, 314, 316, 324, 325, 326, 327, 330
 Зругдон, река 331
 Зругское ущелье 452
 Иберия 131, 168, 169, 197, 206, 210, 213, 360, 361
 Иверия 208, 215, 216, 217, 276, 354
 Илек, река 105, 148, 149
 Иловля, река 149, 190, 191
 Ильичевское городище, 268, 287
 Имеретия 29, 352, 361, 411, 464, 465, 470
 Иналово, селение 387
 Ингушетия 78, 95, 117, 199, 233, 259, 292, 328, 346, 351, 352, 403, 464, 467, 474, 484
 Индаг-Туманекау, селение 384
 Индийский океан 259
 Индия 309
 Иран 4, 82, 131, 165, 186, 218, 233, 234, 235, 236, 292, 299, 310, 313, 314, 325, 345, 350, 353, 356, 360, 470, 489
 Иранистан 370
 Истир (Большой) Кобан, селение 384
 Италия 122
 Итиль 264, 265, 277, 291, 292
 Кааба-и Зардушт 211
 Кабантикау, селение 407
 Кабарда 93, 95, 114, 121, 319, 329, 347, 353, 355, 357, 398, 400, 401, 403, 464, 467, 471, 473, 482
 Кабардино-Балкария 59, 95, 99, 122, 173, 199, 259, 271, 272, 274
 Кабардино-Балкарская Республика (КБР) 313
 Кабардино-Пятигорье 111, 121
 Кабардино-Сунженский хребет 57
 Кабардинский хребет 290
 Каван 347
 Кавказ 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 17, 43, 54, 56, 59, 69, 73, 79, 80, 94, 97, 108–111, 116, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 165, 167, 169, 174, 213, 217, 218, 227, 231, 232, 233, 234, 235, 237, 239, 247, 249, 257, 258, 260, 264, 265, 267, 272, 275, 285, 289, 291, 293, 294, 295, 309, 330, 341, 345, 347, 349, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 369, 370, 371, 374, 377, 382, 388, 395, 409, 431, 432, 435, 436, 464, 466, 467, 472, 480, 485, 486, 487, 488, 489
 Кавказ, горы (Кавказские горы) 167, 168, 169, 239, 267, 370, 454, 481, 489
 Кавказская Алания 7, 303

- Кавказские Минеральные Воды 229
 Кавказский перешеек 17
 Кавказский хребет 93, 237, 245, 267, 284, 331, 370, 478, 485, 489
 Кадат, селение 336, 389, 393
 Кадгарон, селение 41, 392
 Каевское городище 229
 Казань 345, 349, 350
 Казахстан 90, 105, 143, 144, 146, 149
 Казбеги, поселение 62, 63
 Казбек, гора 17, 59, 232, 268
 Казбек, селение 382
 Казун 277
 Какадур, селение 385, 390, 393
 Калет 18
 Калка 305
 Калмыкау 474
 Калмыкия 148, 150, 190, 199, 202, 213, 213
 Калмыцкие степи 211
 Камбилеевка, река 194, 229, 489
 Камбилеевское укрепление 490
 Каменномостский могильник 92, 93
 Каменные Столбы 94
 Камунта селение 54, 63, 68, 99, 236, 237, 270, 331
 Кангюй 171, 174
 Кани, селение 384
 Каппадокия 126, 127, 209
 Карабах 358
 Карагасы-обау 57
 Караджау (Каражаево, Маскуава), селение 398, 398, 399, 405, 406, 487
 Каракорум 309
 Карамыш, река 149
 Караугомский перевал 467
 Караугомское ущелье 471
 Карачаево-Черкесия 115, 119, 186, 272, 298
 Карачаевск 246
 Карачай 328
 Карджин, селение 20
 Карду (Курдистан) 209
 Каркуста-кау 20
 Карталиния 317
 Картли 128, 129, 130, 212, 214, 218, 315, 317, 356, 360, 362, 370, 410, 411, 467
 Картли-Кахетия 410
 Карца, селение 99, 388, 395
 Касак 296
 Касарское ущелье 271, 318, 396
 Каспий 130, 144, 149, 167–170, 172, 231, 264, 265, 267, 313
 Каспийские (Кавказские) ворота 168, 206, 215, 232, 242, 267, 291
 Каспийское море 17, 92, 127, 128, 130, 165, 167, 171, 173, 207, 242, 264
 Кауат, городище 269
 Кахетия 23, 107, 345, 354, 357, 360, 361, 370, 469
 Кахтисар 336
 Квайса 18
 Кварели 352
 Квасатал (Квасатали) 19, 54, 62, 70, 75
 Квацхелеби 23
 Квемо Картли 23
 Квирила, река 369
 Квирильский бассейн 31
 Квитки, селение 55
 Кепа 170
 Керавнийские горы 170
 Керчь 207, 292
 Киев 292, 307
 Киевская 49, 151
 Киевская Русь 254, 264
 Киевское городище 154, 155, 158, 229, 272
 Киевское, селение 193
 Кизик 349
 Кизляр 352, 375, 403, 464–467, 470, 474, 481–484, 486
 Киммерийский Боспор (Азовское море) 275
 Кирпили, река 190
 Кисловодск 93, 212, 237, 246, 249, 259, 289, 297
 Кисловодская котловина 148, 206, 246, 291
 Кисловодское погребение 94,
 Кистинка, река 247
 Китай 236, 275, 292, 311
 Клдееи 210
 Клухор 109, 246
 Клухорский перевал 92, 164, 291
 Кобан, сел. 99, 259, 270, 332, 384, 394
 Кобан, долина 385
 Кобанская котловина 332
 Кобанское ущелье 26, 28, 29, 30, 99
 Коби, селение 98
 Кобяково, курган 185
 Койсу (Сулак), река 353
 Колхида 164, 169
 Колхо 360
 Комарово 47, 48, 49, 50, 51, 72, 99, 151, 152, 154, 155, 158, 184

- Комсомольское 59
 Константинополь 236, 261, 264, 281, 282, 292, 308, 352, 465
 Кора, селение 388
 Кора-Урсдон, селение 41, 271, 398
 Коринта 18, 30
 Корнис 18, 70, 71
 Короча 299
 Корсика 185
 Корсунская станица 266
 Кострома 349, 350
 Красногор, село 41, 99, 151
 Краснодарский край 151, 158, 296
 Краснознаменный курган 129
 Крепи 357
 Крестовый перевал 237, 313, 467
 Крым 107, 132, 152, 166, 168, 171, 212, 213, 266, 299, 303, 305, 325, 326, 345, 353, 354, 358
 Крымская Скифия 161
 Крымский полуостров 122, 123
 Крымское ханство 4, 353
 Ксан, Ксани (Чысан), река 54, 92, 318, 320, 333, 347, 358, 369, 370
 Ксанское ущелье 30, 410, 452
 Ксанское эриставство (эриставство Ксани) 347, 349, 356, 362, 410
 Ктесифон 209
 Кубанская область 398
 Кубань 4, 147, 150, 164, 167–173, 206, 207, 210, 213, 214, 452
 Кубань, река 59, 95, 97, 112, 165, 167, 169, 171, 174, 184, 246, 249, 259, 261, 280, 283, 295, 327–329
 Кубатиево, селение 399
 Кударское ущелье 452
 Кулары, селение 98, 116
 Кулбакеби 18
 Куликово поле 327
 Кулыхуым 18
 Кума река 59, 94, 114, 193, 229, 233, 242, 268, 298, 313
 Кумбулта селение 65, 71, 99, 331
 Кумбулта, могильник 236
 Кумух 307
 Кумыкия 464
 Кумыцкая земля 357
 Куншаг 312
 Кура 108, 130, 131, 216, 370
 Курганинск 151
 Курджиново, поселок 251
 Курдистан 126, 209
 Курдюковская станица 353
 Курский район Ставрополя 48
 Куртат, селение 151
 Куртатинское ущелье, Куртатия – 25, 34, 152, 330–333, 339, 369, 388, 392, 452
 Куртаули 457
 Кутаиси 352, 464
 Кутатцкий уезд 470
 Кушания 213
 Кызбурун, городище 193
 Кыпчак, степь 275
 Лаба, река 94, 150
 Лабинский перевал 298
 Лазик, Ластика 214, 215, 234, 261
 Лакз, область 248
 Ларс 346, 348, 349, 382, 384, 489
 Лац, селение 99, 332
 Лаше-Балта 18
 Лезгор, селение 99, 292
 Ленингори 72
 Ленингорский район 19
 Лескен, река 398, 399
 Лескен, селение 42, 370
 Лесостепная Скифия 147
 Лиахви (Леуахи), река 212, 320, 369
 Лиахвское ущелье 410
 Луг Камней 247
 Луговое поселение 37
 Луковская станица 484
 Луристан (Юго-Западный Иран) 56
 Лысая гора 20, 31
 Магас (Маас, Майкосе, Минкас, М.к.с.) 277, 289, 292, 295, 306, 307, 328
 Маджар 298, 313, 325
 Мады Майрам святилище 438
 Мазу, река 357
 Майкоп 34, 35, 37, 38
 Майский, город 313
 Малая Азия 123, 214
 Малая Кабарда 329, 349, 350, 359, 399, 402, 470, 472, 478, 479, 483
 Малая Лаба, река 267
 Малая Лиахва 54
 Малая Скифия 212
 Малка, река 229
 Мамисон, ущелье 109
 Мамисондон, река 331
 Мамисонский перевал 237, 258, 467

- Мангия 309
 Мангышлак 143, 144, 147
 Маныч, река 91, 147, 150, 190, 242
 Мард Шаджи-лагат 20
 Мартанчу, селение 259
 Марткопская долина 358
 Маскат (Маскут, Машкут) 230
 Масыгкау, аул, селение 408, 487
 Матархи (Тамань) 265
 Махческ, селение 64
 Мацута, селение 423
 Маштага, селение 231
 Маяцкое городище 249
 Мединет-Аланийе 296
 Междуречье Аксай-Сал 150
 Межд. Терек-Сунжа 150
 Междуречье Волга-Дон 90, 91, 105, 147, 149, 192, 213, 229
 Междуречье Обь-Иртыш 189
 Междуречье Самура и Бельбека 230
 Менгрия 362
 Меотида 169, 170, 172
 Меотийское болото 275
 Меотийское озеро 124
 Мескер-Юрт, селение 98
 Месопотамия 299
 Месхети 28
 Мзымта-Брухонта, река 267
 Мидия 125, 129, 131, 275
 Мидия Антропатена, 207, 209, 216
 Мильтен 356
 Мингечаур 109, 231
 Минеральные Воды 114, 329
 Минни 126
 Митридатене 170
 Мичурино, селение 41, 151
 Мна, аул 321
 Моздок 56, 57, 59, 99, 114, 151, 205, 269, 372, 375, 466, 467, 481–486, 489, 490
 Моздокские курганы (Моздокский могильник) 50, 57, 61, 62, 93, 115, 162, 199,
 Моздокские степи 48, 49, 50, 370, 403, 482
 Моздокский район 46, 48, 51, 92, 105, 114, 151, 184, 198, 228, 487
 Мокрая балка 237, 259
 Молдавия 303, 308
 Моллаисаклы 64
 Монастер, селение 233
 Монастери, крепость 410
 Монголия 143, 311, 312
 Морго 18, 20
 Москва 274, 346, 349, 350, 353, 354, 358, 359, 396
 Московское государство 354
 Мохань 347
 Мощевая балка, могильник 251, 252, 292, 298
 Мтиулет 319
 Муганская степь 216
 Мулдарова Кабарда 355
 Мустьерские памятники 18
 Мцхета 130, 212
 Мшанские кабаки 347
 Нагутни 18
 Нар 64, 286, 423, 454, 491, 492
 Нар, селение,
 Нардон, река 331
 Наро-Мамисонская долина (котловина) 331, 396, 397, 436
 Насир-Корт, городище 193
 Нацаргора (Нацар-гора), 18, 54, 59, 63, 70, 80
 Непрядва, река 327
 Нижнее Заволжье 191
 Нижнее Поволжье 105, 144, 147, 149, 185, 192, 211, 213
 Нижнее Прикубанье 266, 267
 Нижнее-Архызское городище (Нижний Архыз) 271, 273, 282, 283, 286, 287, 289, 290, 292–294, 328,
 Нижнекобанский могильник 26, 29–31, 38
 Нижний Джулат 151, 193, 229, 272, 289, 290, 293, 313, 325, 326
 Нижний Днепр 161
 Нижний Дон 91, 94, 105, 107, 148, 149, 150, 152, 154, 167, 185, 186, 189, 190, 192, 197, 206, 207, 210, 213, 218
 Нижний Зарамаг 54, 71
 Нижний Зака 479
 Нижний Карца, селение 381, 395
 Нижний Кобан, селение 61, 381, 385
 Нижний Кора, селение 389, 393
 Нижний Садон 428
 Нижний Саниба, селение 384
 Нижний Сулак 199, 202
 Нижний Терек, река 183
 Нижняя Волга, река 91, 183, 190, 264, 309, 313
 Никози 356
 Николаевская станица (поселение) 41, 59, 61, 99, 297
 Новоосетинское поселение (станция) 51, 487, 488

- Новопавловск 193
 Новороссийск 183
 Ногайская орда 346
 Ногир, селение 41, 42, 151
 Нузал 318, 331, 336, 338
 Нул 18, 19, 54, 62, 71, 75
 Овсети (Осети) 212, 214, 235, 288,
 Одзрах 130
 Окоцкая слобода 346, 360
 Окс (Аму-Дарья) 163, 165
 Октябрьский хутор 198, 199, 200, 205, 228
 Октябрьское городище 229, 272
 Октябрьское селение 229
 Олимп, гора 261
 Ольвия 164, 211, 212
 Они, крепость 352, 374
 Орджоникидзе, город 332
 Ортеу 70
 Орь, река 91, 105, 148,
 Осетинская равнина 40, 41, 43
 Осетинское село 487
 Осетия 3, 5–14, 53, 54, 55, 58, 59, 62, 63, 65, 66,
 68, 69, 70, 72, 75, 78, 98, 288, 312, 319, 324,
 328, 329, 332, 333, 336, 338, 339, 348, 349,
 351, 356, 357, 358, 359, 370, 372–375, 378,
 379, 385, 389, 391–393, 396, 400, 401, 403,
 404, 408, 409, 420, 421, 422, 428, 430, 432,
 433, 434, 436, 448, 452, 453, 454, 464, 465,
 466, 467, 469, 471, 472, 474, 478, 479, 480,
 481, 483, 488, 489, 492
 Осетская страна 320, 333
 Оскол, река 298
 Османская империя 356
 Охария 171
 Павловская крепость 485
 Павлодольская, станица 49, 50, 51, 101, 105,
 114, 151, 154
 Пайкули 214, 217
 Паласа-Сырт 230
 Панда, река 169
 Партав 291
 Парфия 149, 213
 Парчуан Дурзукетский 235
 Пасисмта, город 370
 Пастбищный хребет 26
 Патара, река 370
 Паца, река 369
 Передняя Азия 17, 56, 69, 73, 92, 95, 107, 123,
 124, 127, 128, 130, 146, 275, 304
 Персия 144, 211, 214, 215, 292, 327, 350, 357,
 359, 362, 466
 Песчанка, селение 259
 Петербург 392, 478, 479, 480, 481, 492
 Питиунд (Пицунда) 168, 236
 Пичиджын 18
 Поволжье 51, 105, 148, 149, 150, 168, 245, 299,
 313
 Подкумок, река 289, 297, 298
 Подонье 105, 117, 168, 183, 214, 245, 266, 299,
 303
 Подунавье 54
 Польша 352, 465
 Понтийское море 296
 Попов хутор 19, 20
 Потемкинская крепость 489
 Преградная, станица 147
 Предкавказская равнина (степи) 267, 481
 Предкавказье 17, 46, 48, 57, 77, 96, 105, 107,
 118, 119, 122, 132, 184, 214, 229, 236, 242,
 245, 248, 266, 268, 271, 275, 309, 313, 373,
 482, 484, 486
 Приазовье 206
 Приаралье 143, 144, 146, 206
 Приднепровье 90, 105, 185
 Придонье 166
 Прикаспий 4, 217, 265
 Прикубанье 51, 74, 94, 95, 105, 121, 125, 132,
 146, 147, 148, 150, 160, 163, 164, 166, 172,
 183, 185, 186, 189, 328
 Принеу 19
 Приорелье 210
 Присарыкамышье 144
 Приск 232
 Приуралье 105, 146, 149, 150, 189
 Приуральская Башкирия 143
 Причерноморье 4, 77, 325
 Приэльбрусье 328
 Прохладный, город 329
 Прут, река 174
 Пседах, селение 199
 Пскупский могильник 44
 Псху, урочище 251
 Пятигорье 93, 110, 113, 114, 121, 324, 329
 Рага, гора 207
 Раздзог, селение 193
 Рачи 9, 54, 359
 Рачинский хребет 59
 Редант 489, 490
 Редант I 20, 31, 32
 Редант II 31, 32

- Редант, долина 385
 РСО-Алания 313
 Рибанкак-Туманекау, селение 384
 Рим 154, 166, 167, 168, 184, 207, 212, 218
 Рим-Гора, городище 289, 290, 293, 297, 298
 Рион (Риони), река 49, 370
 Рион-Квирильский бассейн 31
 Рифат 126
 Российская империя 12, 369
 Российская Федерация 6, 14
 Российское государство 5, 13, 346, 358, 405, 407
 Россия 4, 5, 7, 8, 12, 14, 286, 345–350, 352, 354–359, 362, 375, 383, 387, 388, 392, 395, 396, 405, 407, 411, 464–466, 470, 471, 473, 474, 479, 480, 486, 488, 489, 491, 492
 Ростов-на-Дону 210
 Рубас, река 230
 Рук 54
 Румыния 303
 Русь 264, 265, 266, 267, 292, 306, 326
 Рухта, могильник 236
 Садовый, курган (могильник) 92, 101, 103, 105, 152, 185,
 Садовый, поселок 151
 Садон 237, 270, 331
 Саир, долина 385
 Сайн-Шанда 312
 Сакасена 108, 125
 Сал, река 190
 Сал-Маных 150
 Самарканд 165, 256
 Самарское Заволжье 144
 Самегрело 128
 Самур, река 230
 Самшвилде 23, 35, 37
 Саниба, селение 389, 393
 Санкт-Петербург 274, 287, 396, 471, 484
 Санчаро, перевал 251
 Санчарский перевал 190
 Сарай 313
 Сарай-Бату 309
 Сарир 268
 Саркел 243, 254, 266, 299
 Саркин 130, 131
 Сарматина 165
 Сарматия (Сарматийа) 213, 295
 Сауар, поселение 60, 63
 Сацидова (Суцидава), город 174
 Сванетия 267, 298, 370
 Севастополис (Сухум) 298
 Северная Африка 246
 Северная Грузия 23, 26, 29, 35, 37
 Северная Осетия 9, 19, 20, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 46, 51, 53, 54, 68, 75, 92, 95, 98, 99, 101, 105, 114, 151, 152, 161, 173, 174, 184, 193, 198, 205, 206, 210, 212, 218, 219, 236, 259, 269, 270, 272, 274, 288, 292, 314, 330, 337, 347, 355, 370, 374, 375, 379, 380, 391, 396, 398, 400, 452, 465–467, 479, 482, 486
 Северный Прикаспий 117, 149, 236
 Северное Причерноморье 73, 89, 90, 105, 109, 111, 113, 122, 123, 132, 147, 148, 149, 160, 161, 164, 166, 169, 190, 191, 197, 213, 266, 303, 311
 Северный Азербайджан 246
 Северный Дагестан 121, 242
 Северный Иран 304
 Северный Кавказ 3–5, 11–14, 31, 32, 43, 51, 54, 57, 66, 68, 82, 90, 91–98, 101, 105, 107–109, 111, 112, 116, 117, 119, 120–122, 124, 125, 127–129, 131, 146, 147, 149, 150, 151, 154, 160–163, 165, 166, 167, 170–174, 190, 193, 202, 206, 214, 217, 218, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 248, 249, 258, 265, 267, 268, 272, 274, 275, 283, 285, 290–294, 299, 303–309, 313–316, 319, 324, 325–328, 330, 342, 343, 346, 350, 352, 353, 356–360, 370, 374, 375, 377, 379, 381, 389, 395, 399, 400, 402, 427, 442, 464, 465, 468, 473, 481, 482, 488
 Северный Казахстан 143
 Северный Каспий 168
 Северный Китай 143, 145, 146, 304
 Северный Прикаспий 117, 149, 236
 Севро-Восточная Армения 107
 Северо-Восточное Предкавказье 111, 167, 267
 Северо-Восточный Кавказ 25, 26, 35, 42, 51, 110, 116, 148, 150, 190, 230, 241, 242, 350
 Северо-Восточный Китай 145
 Северо-Западное Предкавказье 111, 166, 168, 214
 Северо-Западное Причерноморье 122, 164, 211
 Северо-Западный Кавказ 121, 124, 127, 147, 164, 165, 171, 173, 174, 185, 266, 328, 329, 354
 Северо-Западный Китай 143, 146
 Северо-Западный Прикаспий 266

- Северский Донец 298, 299
 Селитренное селение 309
 Семендер 248, 265, 291, 292
 Семиречье 145
 Серака, город 170
 Серики 165
 Сибирь 160
 Сигнахи 352
 Симсим 328
 Синдика 170
 Сиони 23
 Сирия 126
 Скалистый хребет 26
 Скиньские городки 347
 Скифия 105, 147
 Согд 150, 256, 292
 Сонгу(ти), река, ущелье 321
 Сонская земля 347, 348, 349, 356
 Сохта, селение 233
 Среднее Поволжье 130
 Среднее Прикубанье 266
 Среднеурухское поселение (Средний Урух)
 57, 59, 60, 79, 99
 Средний Восток 246
 Средний Кобан, село 20
 Средняя Азия 4, 90, 143, 144, 146, 147, 149,
 152, 161, 165, 171, 186, 187, 188, 236, 254,
 256, 275, 298, 299, 304, 327
 Средняя Европа 73
 Средняя Кубань 211, 213
 Став-Дорт, селение 99
 Ставрополь 59, 94, 98, 105, 114
 Ставрополье 48, 50, 94, 95, 98, 107, 121, 148,
 154, 160, 190, 193, 213
 Ставропольская возвышенность 54, 56, 59,
 107, 114, 169, 172, 174, 242
 Ставропольский край 259, 313
 Ставропольский курган 96
 Стактары, город 171
 Старо-Лескен, городище 193, 229
 Старый Батакоюрт, село 20
 Стыр-Дигория 398, 470, 479
 Стырдигорское ущелье 30
 Стырфаз 54, 56, 59, 61, 62, 68, 70, 79, 233
 Суадаг, поселение 392, 395
 Суания (Свания) 234
 Суардон 30, 31
 Сулак, река 150, 153
 Сунжа, река 59, 150, 193, 199, 208, 229, 329,
 345, 353, 359
 Сунжа, селение 32, 37, 99, 114
 Сунженский хребет 20
 Сурамский хребет 59
 Сурх, долина 385
 Сухая балка 99, 325
 Сухум 236, 298
 Сыр-Дарья 143, 144, 172, 174
 Тавр 166
 Таганча, селение 56
 Тагарама 126
 Тагаурия, Тагаурское ущелье 259, 375, 384,
 398, 404, 457, 490
 Тагаурское общество 53, 331, 332, 354, 379,
 393
 Тагискен 144
 Таманский полуостров 148, 169, 265
 Тамань 107, 170, 265
 Таматарха 292
 Тан (Дон), река 327
 Танаис 163, 170, 173, 192, 213, 214
 Тапан-Дигория 400
 Тарим 172
 Тарки 325, 352, 354, 464
 Тарское сел. 259, 270, 332
 Татарское городище 105, 148
 Татартуп 342, 352, 353, 464
 Татцкие земли 347
 Ташкент 165
 Тбилиси 246, 247, 316, 352, 374, 395, 468
 Теберда 280, 286
 Тегарма 126
 Телави 352
 Тендринская Коса 168
 Терезе, селение 110, 186
 Терек 43, 46, 47, 49, 59, 91, 99, 117, 122, 127,
 128, 150, 151, 160, 193, 194, 208, 229, 233,
 247, 266, 267, 268, 269, 290, 296, 297, 313,
 316, 327, 329, 331, 332, 345, 349, 353, 354,
 355, 358, 359, 360, 369, 370, 382, 387, 487,
 488, 489, 491
 Терекское городище 193
 Терки 355, 359, 465
 Теркы Итиль, река 316
 Терская станица 49, 151, 155, 158
 Терская крепость 354
 Терская область 398
 Терский городок 346, 350, 352, 359, 360
 Терско-Сунженский хребет 297
 Техута 23
 Тильгаримму 126

- Тифлис (Тбилиси) 245, 312, 360, 362, 374, 395,489
Тифлисская станица 266
Тли 54, 55, 56, 57, 61, 65, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 83, 109
Тлийский могильник 19, 61, 64, 65, 70, 74, 82, 93
Тменикау, селение 385
Тмутараканское княжество 265, 266, 267
Тогарма 126
Тонгузала 317
Триалети 125, 317
Троицкая 151
Троицкая, станица 47, 50, 51
Трусовское ущелье 321, 355, 369
Туалгом 285, 286, 318, 321, 331, 332, 333, 338, 411
Туалгомское ущелье 54
Тума, селение 399, 409
Туркестан 186
Турфан 165
Турция 4, 345, 353, 354, 355, 356, 486, 489, 491, 492, 493
Тува 90
Тырсыгом 349, 355
Тюменка, река 360
Тюркский каганат 234
Узаг, селение 424
Уаллаг Лиса, В. Лиса 54, 55, 67, 69
Уалладжир, Уаллагир 318, 319
Узбой 144
Узь, река 327
Уйгарак 144
Украина 56, 73, 150
Уорскен 20
Урал 148, 206
Урало-казахстанские степи 143
Урарту 56, 72
Урбниси 130
Урван, городище, 193
Урсдон 336, 428
Урсдон, река 372, 385, 398, 399
Урсдонское ущелье 236
Урух (Уруп, Урук, Урюх) река 20, 54, 59, 147, 281, 331, 370, 385, 398, 399, 478
Урус-Мартан, селение в ЧР, 114
Успа 169
Усрушан 256
Усть-Джегута, селение КЧР 186
Устюрт 143, 144, 147
Учкекен, селение в КЧР 115, 186
Фадау, долина 385
Фанагория, 213, 292
Фараскат, селение 20
Фарн, селение 41
Фаскау 26, 30, 31, 43, 54, 55, 57, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 79
Фельмаршальская, станица, 259
Фергана 165
Фиаг (Фиагдон) река 25, 34, 331, 372, 388
Фиагдонская долина 331
Филлиповые поля 213
Фиста, река, 289
Фортанга р. 329
Фуст, 289
Хазария 128, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 253, 254, 264, 265, 266, 276, 291, 292
Хазарский каганат 241, 242, 245, 246, 251, 261, 266, 299
Хазнидон, селение 41
Хайлан 295
Халгон, селение 388
Хамзин, область 248
Харес 335
Харьков 249
Харьковская область 251
Хасаут 246
Хевсуретия 370
Херсон 254
Херсонес 164, 166
Хертвеси 411
Хетагурово 19
Хизанаант-гора 23
Хилак, селение 336, 389, 393
Хиллаг-фаз, долина 392, 393
Хинашкау, селение 398
Хорезм 144, 244, 292, 304, 325
Хусфарак 31
Хускомайхуа 31
Цагеркер, перевал 251
Цалыкская депрессия 43, 46
Цамад 54, 61, 75, 76, 79
Царциаты Кадзах 54, 63
Цей, селение 63
Центральная Азия 90, 124, 143, 171, 172, 183, 186, 187, 202
Центральная Европа 55, 73, 305
Центральная Осетия 479, 480, 486, 492
Центральное Предкавказье 10, 30, 32, 37, 51,

- 92, 93, 105, 114, 116, 118, 120, 121, 122, 151, 160, 161, 166, 167, 173, 186, 190, 204, 205, 206, 207, 210, 213, 214, 215, 218, 219, 229, 241, 267, 313, 329
- Центральнопредкавказская Алания 206, 214
- Центральный Кавказ 4, 12, 17, 19, 20, 25, 30, 32, 34, 35, 37, 40, 44, 54, 57, 59, 113, 121, 122, 215, 216, 218, 229, 232, 237, 238, 253, 270, 284, 292, 312, 329, 333, 345, 347, 352, 356, 357, 358, 369, 464, 481, 488, 489
- Центральный Казахстан 143
- Цизил (Маленький) Кобан, селение 384
- Цимлянск 266
- Цми, городище 259, 332
- Цми, селение 20
- Цон 20
- Цопи 23
- Цхинвал (Цхинвали) 19, 352, 370, 374, 410, 411, 465, 470
- Цхинвальский район 18, 19
- Цхразмийское ущелье (хеви) 320
- Часовали, селение 370
- Чегем, река 59, 199
- Черекдон, река 398
- Черкасские земли 349, 357
- Черкесия 330, 349, 401
- Черкесская слобода 360
- Чернигов 265
- Черное (Чёрное) море 17, 124, 167, 169, 171, 242, 266, 296, 357
- Черноморское побережье, 236, 266, 267
- Черноярская, станица 49, 50, 51, 114, 151, 152, 155
- Черноярское, селение 486, 487, 488
- Черные горы 373, 396
- Чечня 39, 40, 56, 95, 111, 116, 117, 160, 190, 228, 233, 242, 259, 274, 328, 351, 352, 403, 464, 467, 484
- Чигирин 358
- Чикола 31, 41, 42, 99, 151
- Чиколинская котловина 41, 43
- Чинвант, мост 202
- Чинна 21, 23, 35
- Чинти 21, 23
- Чиори, деревня 470
- Чирамский уезд 470
- Чми, селение 54, 65, 68, 71, 72, 99, 237, 259, 270, 297, 332, 382, 383, 384, 387, 474
- Чми, могильник 237, 270
- Чограй, селение 98
- Шака 349
- Шалушки, селение 98
- Шау лагат 20, 25, 26, 29, 35
- Шемаха 353
- Шида-Картли 315, 316, 317
- Шилда 352
- Шилтрак 43
- Шираз 356
- Ширван 265
- Щадринская (Щедринская) станица 353, 465
- Элар 26
- Эльбрус, гора (Эльбрусские горы) 17, 59, 98, 207, 232, 268
- Эльхотово (Эльхот-ком) 56, 57, 62, 67, 71, 72, 73, 75, 76, 79, 83, 99, 193, 313, 331
- Эльхотово, селение 289, 488
- Эльхотовские ворота 269, 313, 314, 488
- Эльхотовское урочище 489
- Эмба, река 169
- Эндери 352, 353, 464
- Этоко, селение 98, 105
- Эшакон, река 297
- Эшакон, селение 259
- Юго-Восточная Европа 56, 246, 291, 295
- Юго-Западная Грузия 28
- Юго-Западная Европа 246
- Южная Грузия 26
- Южная Осетия 6, 17, 18, 19, 20, 30, 42, 43, 54, 58, 94, 205, 288, 312, 315, 319, 331, 369, 370, 384, 410, 452, 479, 486, 492
- Южная Сибирь 90
- Южное Зауралье 143–145, 149
- Южное Приуралье 143, 144, 145, 146, 149, 162, 187, 188, 189, 190, 202, 207, 213
- Южный Буг 168
- Южный Дагестан 230, 246
- Южный Кавказ 34
- Южный Казахстан 186
- Южный Урал 143, 144, 145, 146
- Ютановка-1 299
- Яксарт 169
- Янчжоу 294
- Яньцай 171
- Ярославль 349, 350
- Ясберень 312
- Яссы 303
- Ясшаг 312

Указатель географических названий

Том 2

- Абосский университет 105
Австралия 166, 179
Аджария 289
Адрианополь (Эдирне) 291
Азербайджан 211, 212
Азов, город, 9, 107, 108
Азовское море 107, 108
Азово-Моздокская линия 9
Академия наук 93, 94, 105, 109
Алагир, селение (город) 60, 62, 63, 89, 159, 163, 167, 172, 214, 282, 284, 286
Алагир, слобода 132
Алагирский участок 128
Алагирия 147
Алагирское общество 146, 147,
Алагиро-Мамисонский участок 26, 123, 128
Алагирский серебросвинцовый завод 146, 147
Алагирское ущелье 11, 16, 38, 41, 42, 54 62, 63, 132, 146, 159, 160, 167, 169
Алазани, река 203
Алания 108
Александровская станица 69, 74
Александропольский уезд 188
Алексеевка 204
Альтиево 203
Америка 166, 179
Ананури, селение 6
Англия 96, 187
Аральское море 113
Арашеда 203
Аргунский округ 26, 129
Ардан, река 93
Ардон, река 41, 43, 73, 167
Ардон, селение 43, 44, 73, 74, 146, 163, 202, 273, 284, 286
Ардон, аул 150
Ардонская, станица 44, 67-70, 73, 146
Ардонско-Курпское междуречье 41
Аремшерани 203
Аркалов хутор 39
Армавир 162
Армения 289
Архон, селение 160
Архонка, река 67, 72
Архонская, станица 67-70, 72, 73, 146, 147, 181
Арцеви 204
Арыхъ (Заманкул) 53
Астраханская духовная консистория 102
Астраханская духовная семинария 83, 85, 86, 88
Астраханский епископ 88,
Астраханская губерния 13, 15, 209
Астраханское ханство 213
Астрахань 85
Ачабети, селение 152
Афины 211
Ахалгори 156, 157, 283
Ахалдаба 203
Ахметский район 203
Ахшан 203
Бавария 212
Базба 210
Бакинская губерния 128, 210, 212
Бакинское ханство 211
Баку 6, 156, 166, 211, 213, 283
Балканский полуостров 287, 289
Балкар 95
Балтинский хутор 42
Балтинское горское общество 132
Бараков аул 56
Басиани 95
Батакоюрт, селение аул 50, 51, 132, 150, 163
Баталпашинский уезд 202
Батиури 204
Батуми 211
Белая, река 41
Берлин 96
Беслан (Бесланикау) селение 46, 49, 163, 180, 285
Бессарабская губерния 209
Бирагзанг, селение 63, 147
Болгария 287, 289
Большая Кабарда 43, 206
Большая Лиахва, река 152
Боржоми, город 73, 282
Боржомский район 71, 203
Бритат, селение 152
Буденовка 204

- Ванати, селение 14
 Ванел, селение 6
 Ванельское ущелье 201
 Варену 210
 Варшавская губерния 210, 212
 Веденский округ 129, 135
 Верхиминдори 203
 Верхние Ачалуки 203
 Верхний Кадгарон, селение 42
 Верхняя Саксония 212
 Веселение, селение 155, 200
 Викарная епископская кафедра в Моздоке 85
 Виленская губерния 209
 Витебская губерния 211
 Владикавказ 9, 10, 25, 26, 27, 49, 55, 60, 66, 72, 89, 90, 93, 105, 122, 123, 124, 125, 134, 158, 161, 162, 163, 164, 166, 169, 180, 185, 192, 196, 206, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 281, 282, 283, 284, 285, 287
 Владикавказ, крепость 5, 23, 25, 41, 42, 43, 46, 191, 211, 227
 Владикавказская (Осетинская) равнина 5, 11, 12, 16, 38, 41, 42, 49, 56, 58, 201, 205
 Владикавказская станица 45, 69, 70
 Владикавказский военный округ 23, 26
 Владикавказский округ 58, 124, 125, 128, 132, 133, 142, 155, 158, 168, 188, 194, 198, 199, 200, 209, 212
 Владикавказские осетинские аульные суды 129
 Владикавказский аул 150
 Владикавказский военный округ 92,
 Владикавказский городской суд 124
 Владикавказский окружной суд 126, 127, 133,
 Владикавказский горский словесный суд 129
 Владикавказский казачий полк 147
 Владикавказский полк 146
 Владикавказский судебный округ 128
 Владикавказский участок 128
 Владикавказский комитет для разбора личных прав жителей 142
 Владикавказское училище 90,
 Владимирская губерния 209
 Владимирское, селение 273
 Военно-Грузинская дорога 5, 6, 11, 12, 16, 18, 21-23, 42, 43, 46, 53, 55, 57, 66, 68, 70, 74
 Военно-Осетинская дорога 53
 Военно-Осетинский округ 24-26, 28, 191
 Волга, река 212
 Волезский уезд 77
 Волынская губерния 211
 Военно-Грузинская дорога 102
 Вольно-Магометановское, селение (аул) 58, 60, 61, 146, 145, 150, 198, 199
 Вольно-Христиановское 58-60, 145, 146, 150, 198
 Воронежская губерния 71, 77, 206, 209, 212
 Восточная Грузия 151
 Восточная Сибирь 135
 Восточная Армения 210
 Восточный Кавказ 187
 Вюртемберг 212
 Габаратикау 204
 Габисово, селение (аул) 49, 50
 Газатикау 204
 Галашевская, станица 207
 Галгаевское приставство 17
 Гареджинский монастырь 86
 Гаристау 203
 Гвердзиети 204
 Геналдон, селение (аул) 47, 54
 Георгиевск 60, 88, 124
 Георгиевский участок 128
 Георгиевско-Осетинское 201, 203
 Герзель-Аул 203
 Германия 96, 212
 Гизель, селение 132, 195, 196, 273
 Гизельдон, река 42, 46, 47, 50, 67, 72
 Главный хребет Большого Кавказа 26
 Гокинаев хутор 39
 Голландия 96
 Гори, город 6, 163
 Горийский округ 151
 Горийский уезд (район) 14, 18, 22, 151, 214
 Горная, станица 62
 Горский округ 23
 Горский участок 26
 Гродненская губерния 209
 Грозный 156, 166, 181, 213, 283
 Грозненский округ 129, 132
 Грузино-Имеретинская губерния 22
 Грузинская губерния 14, 18
 Грузинский (ледниковый) перевал 99
 Грузия 9, 11, 13, 14, 15, 16, 23, 54, 65, 82, 86, 88, 90, 91, 94, 98, 99, 104, 110, 111, 152, 156, 157, 191, 203, 212, 214, 254
 Гуджарет 203
 Гулар, селение 35
 Гюмушхана 210
 Гянджинское ханство 211

- Давид-Гареджи, монастырь 89
 Дагестан 265, 282, 288
 Дагестанская губерния 210
 Дагестанская область 147
 Даллагкау, селение 273
 Дарг-Кох, селение 273
 Даллагкауское горское общество 132
 Дальний Восток 166, 179, 221,
 Даргавс, селение 46, 47
 Даргавское горское общество 132
 Даргавское ущелье 197, 198
 Дарг-Ардуз, поляна 147
 Дарг-Кох, селение (аул) 50, 51, 60, 132, 150,
 163, 180
 Дарьял, врата 108
 Дарьяльское ущелье 11, 43
 Датыховская, станица 73
 Двалети 95
 Дедаков (Дадако, Тетяков), город 108
 Дербентское ханство 211
 Джава, селение 14
 Джавское ущелье 89, 153
 Джавское приставство 17
 Джавское ущелье 17, 163, 178, 201
 Джамурское приставство 18, 22
 Джераховское ущелье 17
 Джинат 88,
 Джикаевых хутор 36
 Джомагское ущелье 153
 Джуган 203
 Джулат 55
 Дзарцеми, селение 152
 Дзагепбарз (Текаевское), селение 199
 Дзама, река 204
 Дзантиевых аул 42
 Дзанхотов-Ларс 212
 Дзомагское ущелье 201
 Дзивгис, аул 84
 Дигора, или Стодугор 109
 Дигория, западная Осетия 22, 34, 35, 37, 38,
 47, 58, 59, 63, 82, 99, 106, 142, 145, 146, 164
 Дигорский округ 94
 Дигорский участок 26, 123
 Дигорское ущелье 54, 97, 109, 161
 Дигорское общество 97
 Дидтуи 204
 Дон 95
 Дон, низовья 94,
 Донифарс 97
 Донифарское ущелье 197
 Древняя Русь 108
 Дугор 95
 Думастри 203
 Дунай, река 290
 Дур-Дур, река 41, 59, 72
 Дур-Дур, селение (аул) 35, 59, 61, 72
 Душетский район 203
 Душетский уезд 14, 152, 200, 204, 214
 Европа 7, 111, 219, 225, 232, 245
 Едыс, селение 152
 Екатериноградская, станица 9, 38, 43, 66, 68
 Екатеринбург 106, 125
 Екатеринодарский окружной суд 126
 Екатеринодар 9, 162, 213
 Екатеринославская губерния 209
 Елбаев хутор 39
 Елбакианткар 204
 Елизаветинское укрепление 43, 46
 Елизаветпольская губерния 210, 212
 Елисаветпольская губерния 124
 Елхот, урочище 55
 Ереван, город 6
 Ерман, Верхний и Нижний 152
 Есеновых аул 42
 Ессентуки 285
 Жегов, аул 46
 Зака 82
 Закавказский вестник 114
 Закавказский край 92, 129, 130, 211
 Закавказье 9, 14, 19, 33, 42, 71, 78, 124, 147,
 155, 187, 193
 Закинское ущелье 54
 Закубанский край 186
 Заманкул, селение (аул) 50-55, 132, 150, 194,
 282
 Заманкул, урочище 53
 Западная Армения 210
 Западный Кавказ 148
 Зарамагский приход 89
 Зауровых, аул 42
 Згудер 204
 Земо Никози, селение 282
 Зилги, селение 50, 132, 150
 Змейка, река 206
 Змейская, станица 206
 Знаурский район 152
 Зоров, аул 46
 Зругское ущелье 201
 Имеретия 93
 Имерхеви 204

- Иналово, селение (аул) 43, 48-50
 Ингушетия 9, 16, 17, 18, 23
 Ингушский округ 26, 27, 125
 Иран 65, 211
 Ираф, река 61
 Иры Уатдр, хутор (Ольгинское) 46
 Ичкерийский округ 26
 Ишера 210
 Кабаново, селение (аул) 35, 72
 Кабарда 16, 22, 33, 45, 50, 54, 57, 66, 93, 98, 149, 192, 254
 Кабардинская возвышенность 50
 Кабардинская степь 33
 Кабардинские горы 43
 Кабардинский округ 26
 Кабардинский хребет 50
 Кавказ – Северный и Восточный 115
 Кавказ, север и юг 102
 Кавказ 5, 8, 10, 13, 15, 16, 19, 23-25, 28, 38, 41, 45, 46, 50, 52, 54, 68, 75, 76, 85, 88, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 125, 126, 128, 130, 132, 133, 135, 136, 137, 141, 142, 143, 144, 146, 148, 158, 177, 178, 179, 185, 188, 189, 193, 194, 202, 205, 209, 210, 211, 212
 Кавказская армия 151
 Кавказская губерния 13-16, 211
 Кавказская консистория 85
 Кавказская линия 87, 93, 97, 142,
 Кавказские горы 95
 Кавказский военный округ 127, 131,
 Кавказский епископ 88,
 Кавказский календарь 115,
 Кавказский комитет 91, 129,
 Кавказский корпус 91, 92,
 Кавказский край 124, 129, 130, 131, 135,
 Кавказский отдельный округ при войсках 91,
 Кавказский учебный округ 91,
 Кавказское наместничество 124, 125, 130, 132, 135, 136,
 Кавказская область 16, 17, 20, 23, 24
 Кавказские Минеральные воды 26
 Кавказский край 13
 Кадгарон селение 65, 132, 163, 195, 280, 286
 Казанская губерния 209, 213
 Казанское ханство 213
 Казанская духовная академия 89, 90
 Какадур, селение (аул) 42, 47, 51, 72, 150
 Калишская губерния 210
 Калужская губерния 209
 Камат, аул 33
 Камбилеевка, река 42, 43, 46, 50, 51, 55
 Камбилеевская, станица 207, 208
 Каменец-Подольская губерния 209
 Камышинский уезд 77
 Кани, селение (аул) 47, 54, 150
 Каново, колония 77
 Кантышево 203
 Карабахское ханство 211
 Карабулакская, станица 207
 Карагач, селение 61
 Каражаево, селение 33, 34, 37
 Карджин, селение (аул) 49-51, 132, 150
 Карджин, урочище 42, 55
 Кардиу, аул 42
 Кардиусар урочище 51
 Карельский район 204
 Каррас-Шотландская, колония 76
 Карс 193
 Карская область 211
 Картли, часть Грузии 14, 65, 156
 Картлийское царство 99
 Касарское ущелье 161
 Катамамворе 204
 Кахети, часть Грузии 14, 65, 203
 Квешети, город 23
 Квишхетский участок 214
 Келети 204
 Кемерта, селение 152, 283
 Кемультский район 157
 Кехви, селение 152
 Кехиани 203
 Кехиджвари 204
 Кешельта, селение 14
 Киевская губерния 209, 211, 212
 Кизляр, город 9, 10, 82, 88, 122
 Кизлярский округ 129
 Кизлярский отдел 131, 181
 Кизыл, река 93
 Кинцвиси 204
 Кистинское приставство 17
 Клдуду 204
 Кобан, селение 44, 46, 47
 Кобанское ущелье 67
 Кобесантубани 204
 Коби 94, 203
 Ковенская губерния 209
 Кодмани 204
 Кожори 203

- Комское ущелье 201
 Константиновская, колония 76
 Константинополь 185
 Кора-Урсдон, селение 34
 Корет 203
 Корниси, город 283
 Котиля 210
 Котляревская станица 69
 Кошк-Рокское приставство 18
 Кошкское (Ванельское) ущелье 153
 Крымская война 93
 Кробани 204
 Крупс, река 62
 Крым 212
 Крымская губерния 209
 Ксан, река 152
 Ксанский район 203
 Ксанский участок 157, 214
 Кубанская область 26, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 135, 143, 144, 145, 147, 185, 187, 198, 201, 202, 203, 209
 Кубань, река 202
 Кубатиево, селение 34
 Кубинское ханство 211
 Кударское ущелье 18
 Кудатке 204
 Кумыкский округ 26, 27, 192
 Кундухов аул 47
 Кура, река 77
 Курляндская губерния 76
 Курп, река 42
 Курская губерния 209
 Курская станица 40
 Курта, селение 152, 153
 Куртатинское приставство 25
 Куртатинское общество 147
 Куртатинское ущелье 11, 17, 18, 42, 63, 65, 82, 84
 Куртатия 129
 Кусово аул 54
 Кусхо-Майхо, аул 59
 Кутаиси 211
 Кутаисская губерния 25, 152, 155, 210, 214
 Кучатани 203
 Кючук-Кайнарджи, город 8
 Лаба, селение 201
 Лагодехский район 203
 Ламардон, селение (аул) 9, 54
 Лапиани 203
 Лаше 204
 Лезгор, аул 146, 150
 Ленкорань 211
 Лескен, река 35, 199
 Лескен, селение 35, 200
 Лехурское ущелье 283
 Лиахва Большая, река 6
 Лиахва Малая, река 6
 Лифляндская губерния 76
 Ловиз, город 105
 Ловча 290, 291
 Лорийский уезд 14
 Луар, аул 150
 Луковская, станица 38, 155
 Лули 204
 Маглан-Двалетское приставство 18
 Магометановское, селение 284, 286
 Майрамадаг, селение 41
 Малая Кабарда 25, 57, 66, 98
 Малая Лиахва, река 152
 Малокабардинский участок 26
 Малокабардинский хребет 52
 Малороссия 68, 73
 Мамисонский перевал 167
 Мамисонское ущелье 25
 Манастерский район 157
 Маньчжурия 179
 Маруха, река 202
 Масукау, селение 37, 38
 Махчесское ущелье 197
 Мекка 188
 Мещерская низменность 213
 Мизур, селение 161
 Минеральные Воды 97, 283, 285
 Минская губерния 211
 Михайловское селение 212
 Михайловская немецкая колония 132
 Могилевская губерния 209, 211
 Моздок 155, 164, 200, 212, 213, 214, 281
 Моздок, крепость (город) 7, 9, 10, 35-40, 53, 60, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 94, 103, 106, 122, 131, 134
 Моздокская духовная комиссия 85
 Моздокская школа 83, 85
 Моздокский епископ 88
 Моздокский казачий отдел 135
 Моздокский отдел Терской области 135
 Моздокско-Маджарская викарная епархия 83, 87, 88,
 Москва 82, 108
 Московское государство 93

- Московская духовная академия 90
 Московская синодальная типография 83,
 Московское академическое правление 89,
 Моздокская степь 36, 39
 Моздокский округ 77
 Моздокский отдел 155, 212
 Моска, селение 61
 Москва 53, 237, 277
 Московская губерния 209
 Муртазата, склон 60
 Мхебриани 204
 Мхслеб 203
 Мцхетский район 203
 Навагинская школа 92
 Навагинский пехотный полк 92, 93,
 Нагорный Карабах 212
 Нагорный округ 26
 Надорбази 204
 Надукнари 203
 Назрановский округ 135
 Назрановско-Карабулакский участок 26
 Нальчик 60, 72, 212
 Нальчикский округ 132
 Нальчикский участок 128
 Нар 82, 150
 Нарская котловина 38
 Нарский участок 25
 Нарское ущелье 54, 153
 Нахичеванское ханство 211
 Неволька, канал 72
 Нижегородская губерния 209
 Нижин город 68
 Нижний Кадгарон, селение 42
 Нижний Карца селение 65
 Николаевская, колония 76
 Николаевская, станица 59, 69, 70, 72, 73, 146
 Новая Саниба 200
 Ново-Немецкое 212
 Новоосетиновская, станица 38-40, 75, 155, 181
 Новоосетиновское, селение 38, 39
 Ново-Осетинское, селение 201
 Новороссийск 162
 Новороссийский университет 115
 Новый Урух, селение 198
 Ново-Христиановский аул 142
 Ногкау 132, 195, 204
 Ногкау, селение 276, 286
 Нузал 169
 Окани 204
 Окторский уезд 77
 Олешни, колония 77
 Ольгинское, селение 46, 132, 273, 275, 282
 Они, селение 95
 Онский участок 214
 Орбелиановская, колония 76
 Ордубадский округ 211
 Орловская губерния 209
 Ортеви, селение 234
 Ос-Багатар, селение 36
 Осетинская слободка 46
 Осетинский округ 23, 25-27
 Осетинская духовная комиссия 84, 85, 86, 87, 88,
 101
 Осетинская миссионерская комиссия 102
 Осетинский округ 123, 125, 126, 128, 128, 129,
 149, 150, 151
 Осетия 5, 7, 9, 12, 13-23, 26, 41, 43-45, 59, 73, 78,
 155, 156, 158, 159, 161, 163, 165, 166, 168,
 169, 170, 172, 174, 175, 176, 177, 181, 183,
 184, 188, 189, 190, 191, 192, 195, 200, 203,
 205, 209, 211, 212, 213, 214, 215, , 225, 229,
 233, 236, 240, 248, 250, 251, 252, 254, 264,
 265, 272, 273, 275, 279, 281, 282, 290, 293
 Османов аул 46, 47
 Османская империя 186, 187, 192, 194, 294
 Острогорский уезд 77
 Отечественные записки, журнал 114
 Паскавадка, колония 77
 Пел 204
 Пензенская губерния 209, 213
 Персия 210
 Петербург 19, 21, 86, 105, 106, 111, 134, 135
 237, 280, 281, 283
 Петербургская академия 93
 Пичхисбогири 203
 Плевна 290, 291
 Поволжье 76, 96, 212
 Подольская губерния 209
 Полтава город. 68
 Полтавская губерния 209, 211
 Польша 67
 Потемкинской пост 212
 Правец 291
 Предкавказье 54, 66, 76, 162, 210
 Приазовье 96
 Прибалтика 212
 Пришибская станица 67-69
 Проне, река 18
 Прохладное, селение 13
 Прохладненский участок 128

- Пятигорск 122, 134, 212, 283, 285
 Пятигорский округ 77, 129
 Пятигорский уезд 77
 Пятигорский отдел Терской области 131
 Пятигорский участок 128
 Разбун, река 41
 Раздзог, селение 50
 Рачинский уезд 25, 214
 Рача 99
 Рачинский уезд 152
 Рачинский участок 214
 Редант, селение 51
 Реком, святилище 116
 Рокский район 157
 Рокское ущелье 201
 Россия (Российская империя) 5, 7-9, 11, 16, 17, 19, 25, 28, 33, 36, 40, 41, 44, 52, 54, 56, 71, 73, 76, 77, 79, 158, 160, 161, 166, 171, 174, 181, 183, 185, 186, 187, 188, 193, 194, 196, 205, 207, 208, 211, 213, 215, 218, 219, 220, 226, 227, 229, 237, 245, 253, 258, 275, 277, 278, 279, 282, 283
 Российская Академия наук 97, 104, 107,
 Российская Империя 91, 125,
 Российские владения 112,
 Российский двор 98
 Российское государство 85, 97, 108,
 Российское правительство 112,
 Россия 82, 83, 87, 92, 93, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 105, 109, 113, 114, 125, 128, 136, 141, 142, 143, 147, 148, 151
 Россоший, колония 77
 Ростов 158, 213
 Рукское ущелье 153
 Румыния 287
 Рязанская губерния 209
 Сабуге 203
 Савлаев хутор 39
 Садон 161, 164, 166, 167, 168, 169, 180, 273
 Садонка, река 167
 Саксония 103
 Сакуаре 204
 Салоники 211
 Салугардан, селение 42, 62, 63, 146, 172
 Самарская губерния 209
 Санебели 204
 Саниба (Верхняя и Нижняя), селение 42, 46, 47, 54, 88, 200
 Саниба, аул 150
 Санибанское ущелье 197
 Санибанское горское общество 132
 Санкт-Петербург 95, 101
 Санкт-Петербургская губерния 209, 212
 Санта 210
 Саратовская губерния 77, 209, 212
 Св. Николая, колония 76
 Северная Америка 179
 Северная Осетия 38, 41, 62, 65, 70, 116, 147, 148, 149, 150, 156, 157, 158, 163, 165, 166, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 178, 181, 182, 183, 222
 Северный Азербайджан 211
 Северный Кавказ 5, 7-9, 15, 23, 26, 33, 35, 36, 39, 40, 42, 52, 66, 76, 78, 86, 87, 88, 94, 95, 96, 98, 104, 121, 126, 128, 131, 148, 149, 156, 158, 162, 163, 164, 170, 183, 185, 186, 187, 188, 191, 196, 201, 205, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 219, 224, 225, 227, 228, 230, 236, 237, 238, 239, 245, 247, 248, 249, 254, 258, 259, 275, 278, 283, 285, 287, 288
 Северо-Восточный Кавказ 24
 Северо-Кавказская равнина 41
 Северокавказский регион 131
 Седлецкая губерния 210
 Сербия 211
 Сербия 287
 Сибирь 179, 189, 194
 Сигнахский уезд 14
 Силтанука, склон 60
 Симбирская губерния 209
 Ситтикаль, финская деревня 105
 Скифия 104
 Скуд-Кох урочище 50
 Скуд-Кох, селение 49, 51
 Сони 95
 София, город 291
 Сплавнуха, колония 77
 Средний Урух, селение 198
 Ставрополь 122, 162, 211, 213
 Ставропольская губерния 23, 26, 77, 122, 124, 125, 126, 194, 209
 Ставропольский край 65
 Ставропольский статистический комитет 115,
 Ставропольское губернское жандармское управление 133
 Ставропольское укрепление 9
 Стамбул 187, 190
 Степанцминда, селение 6
 Суадаг, аул 147
 Суадаг, селение 42, 65, 195

- Сувалкская губерния 210
 Суцит 204
 Суконантубани 204
 Сунжа, река 93, 207
 Сунжа, с. 208
 Сунженская станция 207, 208
 Сунженский отдел 181
 Сунженский отдел Назрановского округа 135
 Сунженский отдел Терской области 131
 Сурами, город 282
 Тавриз 212
 Таврическая губерния 209
 Тагаурия, восточная часть Осетии 8, 11, 18, 42, 47, 63
 Тагауро-Куртатинский участок 26, 123
 Тагаурия 129, 143, 144, 148
 Тагаурское ущелье 17, 41, 45, 46, 54
 Тагаурское общество 94
 Тагаурцы 116
 Такфюки 210
 Тамарашени, селение 152
 Талышское ханство 211
 Тамбовская губерния 209
 Таргайдон, река 73
 Тарская станция 206, 207, 208
 Татартуп 41, 54, 57, 108
 Тбилиси 156
 Теджикау, аул 42
 Тенгинский пехотный полк 93
 Терская администрация 150
 Терек, река 37, 41-43, 45, 46, 49, 50, 55, 56, 66, 72, 74, 132, 191, 203, 206, 212
 Терская область 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 133, 135, 143, 144, 146, 147, 149, 150, 151, 155, 157, 159, 168, 170, 181, 185, 190, 194, 197, 198, 199, 202, 203, 209, 211, 249, 274, 275, 282, 285, 286, 288
 Терский областной суд 126
 Терское казачье войско 98, 131
 Терское областное жандармское управление 133
 Тифлис 7, 67, 72, 86, 89, 112, 114, 149, 151, 163, 166, 187, 211, 213, 237, 283
 Тифлисская губерния 25, 155, 187, 200, 209, 210, 211, 212, 214
 Тифлиссский уезд 188
 Тифлисская губерния 151
 Тифлисская судебная палата 126
 Тли, селение 152
 Тменикау, селение 42, 47
 Трапезунд 194
 Трапезундский пашалык 210
 Триаветия 204, 205
 Туалгом, Туалия 164
 Тулатово, селение (аул) 45, 46, 273, 132
 Тульская губерния 209
 Турция 51, 54, 65, 143, 148, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 202, 210, 211, 214, 222
 Тускаев хутор 39
 Тушино-Пшаво-Хевсурский округ 23
 Тюрингия 212
 Украина 212
 Унал 88
 Урсдзварское ущелье 153, 201
 Урсдон, аул 150
 Урсдон, река 34, 35, 59
 Урух, селение 97
 Урух, река 41, 71, 74, 93, 109, 198, 199
 Урухская станция 67-69, 71, 206
 Уфимская губерния 210
 Фадау, селение 34
 Фаснал, селение 61, 164, 273
 Фаяг, река 108
 Фельдмаршальская, станция 208
 Фиагдон, река 65, 72, 108
 Фиагдон, Верхний и Нижний 147
 Филипполь (Пловдив) 291
 Форстендорф, колония 76
 Франция 187
 Хаевский, пос. 200
 Хакакса 210
 Халацани 203
 Харистидон, река 55
 Харторс 210
 Харшера 210
 Харьковская губерния 71, 73, 206, 209, 212
 Хасав-Юртовский округ 129, 132
 Хашурский район 203
 Хвце 203
 Херсонская губерния 209
 Хидикусское горское общество 132
 Хидикусское ущелье 197
 Ход, селение 152
 Ходское ущелье 166
 Холек 210
 Хошатани 203
 Христиановское, селение 163, 282, 284, 286
 Хумалаг 163, 132, 150
 Хумаринское укрепление 202

- Цалки 211
 Цамад, селение 63
 Цареградское патриаршество 108
 Цедис, селение 95
 Цей, селение 169
 Цейское ущелье 161
 Центральная Россия 92, 170
 Центральный Кавказ 13, 14, 16-18, 21, 24, 33, 65, 66, 78, 121, 122, 124, 190
 Цинубани 203
 Цици 204
 Цицканансели 203
 Цми, аул 150
 Цми, селение 89,
 Црау, река 62
 Цунари, город 283
 Цхинвал (Цхинвали), город 99, 156, 157, 163, 282, 284
 Цхинвальский участок 157, 214, 215
 Цырыль, колония 77
 Чаракаул 203
 Чархеле 204
 Черкесия 99, 186
 Черная, река 67, 72
 Черниговская губерния 209, 210
 Черногория 287
 Черное море 187
 Черномория 93
 Черноморский округ 126, 131
 Чернорск (Дзæрастæ), селение 37
 Чернорская, станица 38-40, 155
 Чернорское, селение 37-39
 Чесельтское ущелье 17, 153
 Чеченский округ 26, 27, 191
 Чечня 213
 Чикоани 203
 Чикола, река 199
 Чми селение 42
 Чонтили 204
 Чысан 203
 Шанаево (Брут), селение 42, 50, 132
 Швеция 76
 Шекинское ханство 211
 Шелковская, станица 203
 Ширванское ханство 211
 Шоанинский пос. 201
 Шоропанский уезд 152
 Шумла 291
 Эйслебен, город 103
 Экажево 203
 Эльхотово (Елхот) селение 50, 55-57, 60, 132, 150, 163, 180, 194, 206, 237
 Эммаус 212
 Эрзерум 192
 Эриванская губерния 187, 210, 211, 212
 Эстляндская губерния 76
 Южная Осетия 8, 14, 17, 22, 65, 156, 157, 163, 164, 172, 173, 174, 178, 214, 215, 234, 283, 284, 286, 287
 Южный Азербайджан 211
 Юго-Осетия 152
 Южная Осетия 86, 94, 151, 152
 Яссы, город 8

Библиографический список

1. Абаев В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. Т. 1.
2. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
3. Абаев В. И. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
4. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
5. Абаев В. Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма. Тбилиси, 1956.
6. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927.
7. Абрамова М. М. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. М., 1999.
8. Абрамова М. М. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М., 1997.
9. Абрамова М. М. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993.
10. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII — начала XX века: Архивные материалы и научные исследования/Сост. П. А. Кузьминов. В 2-х т. Нальчик, 2006. Т. I.
11. Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. М., Тбилиси, 2003.
12. Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1877-1878. Т. V.
13. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв./Сост. и комм. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.
14. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 2000. № 3.
15. Алано-Георгики. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах/Перев. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 1995. № 2.
16. Аланский всадник. Сокровища князей I-XII веков: Каталог выставки. М., 2005.
17. Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
18. Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992.
19. Албегова З. Х. Разведки в Северной Осетии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005.
20. Албегова З. Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I-XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М., 2007. Вып. 4. CD-издание.
21. Алексеев А. Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.
22. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н. э. СПб., 2003.
23. Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Скифы // Античное наследие Кубани. М., 2010.
24. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // УЗ ЛГУ. 1949. №85. Серия исторических наук. Вып. 13.
25. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э. — IV в. н. э.). Черкесск, 1976.
26. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
27. Андреев А. От Владикавказа до Тифлиса. СПб., 1891.
28. Андрей Шегрен. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
29. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. III.
30. Античная цивилизация и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
31. Антология педагогической мысли Северной Осетии/Сост. Э. К. Каргиев, С. Р. Чеджемов. Владикавказ: Ир, 1993.

32. Ардасенов (В-Н-Л). Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896.
33. Ардасенов А. и Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1892.
34. Ардасенов А. Г. Избранные труды. Владикавказ, 1997.
35. Ардасенов Н. М. Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970.
36. Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959.
37. Аржанцева А. И. Каменные крепости алан // РА. 2007.
38. Аржанцева А. И., Малашев В. Ю. Зилгинское городище и проблема аланского протогосуда на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. В. М. Ломоносова. М., 1999.
39. Армянские источники об аланах/Сост. и комм. Р. А. Габриелян. Вып. I. Ереван, 1985.
40. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
41. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (От появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
42. Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.
43. Археология Грузии. Тбилиси, 1969.
44. Археология Северной Осетии. Часть I. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
45. Археология Северной Осетии. Часть II. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
46. Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
47. Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.
48. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993.
49. Ахмадова Я. З. Очерки политической истории Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.
50. Айларова С. А., Тебиева Л. Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
51. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002.
52. Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа: культурно-исторические проблемы модернизации (XIX в.). Владикавказ, 2003.
53. Айларова С. А., Кобахидзе Е. И. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII — начала XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
54. Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2006. Ч. I-II.
55. Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2006.
56. Бабич И. Л. Правовой монизм в Северной Осетии: История и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М., 2000. № 133.
57. Багаев А. Б. Военное дело осетин XV-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
58. Багрянородный Константин. Об управлении государством // СГАИМК. Вып. 91. М.-Л., 1934.
59. [Баев Г.] Гаппо. Пушкин в жизни горцев // Казбек. 1899. № 462.
60. Баев Г. Осетинский дивизион. Историческая справка. Владикавказ, 1903.
61. Баев Г. Поземельный вопрос в плоскостной Осетии // ТВ. 1901. № 134.
62. Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. 2003. Вып. 6.
63. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в./Перевод Е. Ч. Скужинской. Л., 1971.
64. Бартольд В. Соч. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.
65. Бахрах Б. Аланы на Западе. М., 1993.
66. Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // МИАД. 2000. Вып. I.
67. Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1985.

68. Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4.
69. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I (1578-1613 гг.).
70. Беляев И. Русские миссии на окраинах. СПб., 1900.
71. Бентковский И. Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения кавказского наместничества. С 1765 по 1786 гг. // СГВ. 1876. № 31-33.
72. Бентковский И. Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «Казачьи братья» // СГВ. 1880. № 3.
73. Бентковский И. Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетиях // СГВ. 1879. № 2.
74. Березин Я. Б. Погребения эпохи раннего железа с Владикавказской равнины // МИ-АСК. 2003. Вып. 2.
75. Березин Я. Б., Виноградов В. Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
76. Берлизов Н. Е. Аланы-скифы // ИАА. 1996. № 2.
77. Берозов Б. П. Земельный вопрос и аграрное движение на Северном Кавказе в дореформенный период. Орджоникидзе, 1978.
78. Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
79. Берозов Б. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
80. Берозов Б. П. Аграрный вопрос и крестьянское движение в пореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
81. Бесолова А. А. Терское казачье войско. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
82. Бесолова Е. Б. Язык и обряд. Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
83. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.
84. Бетеева М. Развитие культуры и общественно-политической мысли Южной Осетии в XIX — начале XX века. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
85. Бзаров Р. С. Три осетинских общества в сер. XIX в. Орджоникидзе, 1988.
86. Бзаров Р. С. История в осетинском предании. Владикавказ, 1993.
87. Бирзе А. М. Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии // Красный архив. 1937. № 4.
88. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
89. Бледных Е. В. История военного образования в Осетии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
90. Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. 1749-1752. Орджоникидзе, 1961.
91. Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964.
92. Блиев М. М. Осетия и Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999.
93. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2005.
94. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен. Владикавказ: Ир, 2000.
95. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е гг. XIX века. Владикавказ, 2005.
96. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1889. № 1-2.
97. Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974.
98. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823.
99. Бурнашев С. Д. Картина Грузии и описание политического состояния царства Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1896.

100. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869. Ч. I.
101. В. Х. Тменов, Е. Б. Бесолова, Е. Н. Гонобоблев. Религиозные представления осетин (история религии — в истории народа). Хрестоматия. Владикавказ, 2000.
102. Ванеев З. Исторические известия об аланах-осах. Сталинир, 1941.
103. Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955.
104. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т. II.
105. Ванеев З. Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // ИОНИИК. Владикавказ, 1926. Вып. II.
106. Ванеев З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Сталинир, 1956.
107. Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Тбилиси, 1955.
108. Ванеев З. Н. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма (1864-1921 гг.). Часть III. Сталинир, 1956.
109. Вахушти. География Грузии/Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904.
110. Вейденбаум Е. Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа // СМОМПК. Вып. XXII. 1894.
111. Вертепов Г. А. Осетины, ингуши и кабардинцы. Владикавказ: Б. И. 1893.
112. Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пгр., 1918.
113. Виноградов В. Б. Локализация Ахардея и сиракский союз племен (по письменным источникам) // СА. 1966. № 4.
114. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.) // Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972.
115. Виноградов В. Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.-IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
116. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987.
117. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 1.
118. Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
119. Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5.
120. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.
121. Вольная Г. Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. Владикавказ, 2002.
122. Вольная Г. Н. Скифские культурные элементы в памятниках верхнего Притеречья // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып. 2.1.
123. Вольная Г. Н., Нарожный Е. И., Ростунов В. Л. Поселение скифского времени и могильник XIV-XV вв. «Сухая Балка» // МИАСК. 2004. Вып. 3.
124. Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе: Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1985.
125. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
126. Габеев А. Владикавказское Осетинское духовное училище // УЗ СОГПИ. Орджоникидзе, 1940.
127. Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2.
128. Габуев Т. А. Аланы и гунны на Северном Кавказе // НАВ. 2009. Вып. 10.
129. Габуев Т. А. Две катакомбы сарматского времени у ст. Чернорская в Северной Осетии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
130. Габуев Т. А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н. э.-VII в.

- н. э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
131. Габуев Т. А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3.
 132. Габуев Т. А., Эрлих В. Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // МИАР. 2001. № 3.
 133. Габуев Т. А. Исследования аланских «княжеских» курганов у села Брут в Северной Осетии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005.
 134. Габуев Т. А. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. 1994. № 2 (5).
 135. Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
 136. Гагиев В. Т. Тумы. Чанки. Кавдасарды. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
 137. Гаглоева З. Д. Захарий Николаевич Ванеев. Цхинвали: Ирыстон. 1981.
 138. Гаглоева З. Д. Осетинские «рвадалта» (К структуре родственных объединений у осетин). М.: Наука, 1964.
 139. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974.
 140. Гаглов Р. Х. Памятники античного времени Южной Осетии. Цхинвал: Ныфс, 2008.
 141. Гаглойты Р. Х. Прикладное искусство населения Южной Осетии в античное время (II в. до н.э. — III в. н.э.). Цхинвал: Дом печати РЮО, 2011.
 142. Гаглойты Р. Х. Памятники археологии Цхинвальского района Южной Осетии. Цхинвал: Дом печати РЮО, 2011.
 143. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгики. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
 144. Гаглов Ю. С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮ-ОНИИ. 1962. Вып. XI.
 145. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
 146. Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996.
 147. Гаглойти Ю. С. Южная Осетия. Цхинвал, 1993.
 148. Газданова В. С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
 149. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992.
 150. Гутнов Ф. Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
 151. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
 152. Гакстгаузен А. Закавказский край. Ч. 1. СПб., 1857.
 153. Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I.
 154. Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980.
 155. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976.
 156. Гамрекелли В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.
 157. Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. № 1. 1964.
 158. Гарданов В. К. Исторический очерк // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
 159. Гарданов М. Селение Христиановское в фактах жизни // ИОНИИ. Вып. I. 1925.
 160. Гарданов М. К. Современная Осетия. Социально-экономические очерки. Владикавказ, 1908.
 161. Гассиев А. А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992.

162. Гассиев А. А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909.
163. Гассиев А. А. Новое исследование учения Льва Толстого. Владикавказ, 1914.
164. Гассиев А. А. О пропавшем сельском банке и аульных порядках. Владикавказ, 1898.
165. Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1994.
166. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901.
167. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
168. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник научных статей / Сост. И. Т. Марзоев. Вып. II. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
169. Генеалогия народов Кавказа: традиции и современность: Материалы Всероссийской школы-конференции молодых ученых (23 июня, Владикавказ) / Сост. И. Т. Марзоев, К. Р. Дзалаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
170. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб., 1776.
171. Герасимова М. М. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. М., 2004. Вып. 11.
172. Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // ЭО. 1994. № 3.
173. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1991.
174. Гершельман Ф. К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.
175. Гильченко И. Материалы для антропологического изучения Кавказа. Т. 1. Осетины. СПб., 1890.
176. Глебов В. П., Смоляк А. Р. Раннесарматское погребение с острова Поречный // Донская археология. 1998. № 1.
177. Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977.
178. Горгиджанидзе П. История Грузии / Перев. Р. К. Кикнадзе и В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1990.
179. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ, 1995.
180. Городецкий Б. М. Осетины нагорной полосы Терской области. (Этнографическо-статистические материалы). Екатеринодар, 1908.
181. Городовое положение 1892 г. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Кн. 1. М., 1910.
182. Горы мира: глобальный приоритет. М., 1999.
183. Граков Б. Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во МГУ, 1971.
184. Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4.
185. Греков Б. А., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
186. Грузино-осетинский конфликт: история и современность. М.: Алексей Яковлев, 2007.
187. Гугуев Ю. К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // МИАД. 2000. Вып. I.
188. Гуриев Т. А. Наследие скифов и алан. (Очерки о словах и именах). Владикавказ: Ир, 1991.
189. Гутнов Ф. Х. Средневековая Алания. Владикавказ: Ир, 1995.
190. Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Часть 1. Владикавказ: Ир, 2007.
191. Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Ч. 2. Владикавказ: Ир, 2008.
192. Гутнов Ф. Х. Аланы: Очерки истории. М., 2008.
193. Гутнов Ф. Х. Ранние скифы: очерки социальной истории. Владикавказ: Ир, 2007.

194. Гутнов Ф. Х. Века и люди. Из истории осетинских сел и фамилий. Владикавказ, 2001. Вып. 1.
195. Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.
196. Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.
197. Далалаян Т. К вопросу о генеалогии образа армянской эпической царевны Сатеник // Историко-филологический журнал. 2002. № 2.
198. Дарчиев А. В. О некоторых реликвиях святилища Реком. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
199. Дарчиев А. В. Скифский военный культ и его следы в осетинской нартиаде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
200. Дарчиева С. В. Северокавказские депутаты Государственной Думы России (1906-1917). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.
201. Дарчиева С. В. Деятельность северокавказских депутатов в Государственной Думе Российской империи (1906-1917 гг.): энциклопедический справочник. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
202. Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829.
203. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе. М.: Русская панорама, 2003.
204. Дегоев В. В. О Муссе Кундухове и не только о нем// Дарьял. Общественно-политический журнал. Владикавказ, 1994.
205. Джанаев А. К. Забастовка рабочих Садона 1897 г. Орджоникидзе, 1968.
206. Джанаев А. К. Феодалное землепользование в Стур-Дигории. Дзауджикау, 1948.
207. Джанаев А. К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе: Ир, 1988.
208. Джанашили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России// СМОМПК. Вып. XXII. Тифлис, 1897.
209. Дзагурова Г. Т. Осетины в войнах России. Владикавказ: Ир, 1995.
210. Дзагурова Г. Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир, 2002.
211. Дзагурова Г. Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003.
212. Дзидзоев В. Д. Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. (1900-1917 гг.). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
213. Дзидзоев М. У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1979.
214. Деопик Д. В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. II.
215. Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры // МАДИСО. 1961. Т. 1.
216. Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
217. Дзалаева К. Р. Городская культура осетин (вторая половина XIX — начало XX вв.) Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
218. Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
219. Дзапарова Л. Церковная интеллигенция в Осетии. Харлампий Цомаев. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
220. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир, 2006.
221. Дзаттиаты Р. Г. Снаряжение коня и всадника. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
222. Дзеранов Т. Е. Религия осетин и русская культура. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.
223. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.

224. Дзиццойты Ю. А. Этногенез южных осетин по данным диалектологии // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXV. С. 181-195.
225. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
226. Дигорон. Историческая справка // Казбек. 1902. № 1205.
227. Доватур А. И., Каллистов Д. И., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1982.
228. Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992.
229. Догузов П. Б. Революционное движение в Южной Осетии в XIX-XX вв. Сталинир, 1960.
230. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках/Под ред. Г. Л. Бондаревского и Г. Н. Колбая. М., 1998.
231. Долгушин А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907.
232. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.
233. Домба М. Генерал-лейтенант Созырыко Хоранов. Исторический очерк. Владикавказ, 2002.
234. Древнейшие государства в Закавказье и Средней Азии. М.: Наука, 1985.
235. Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.
236. Древние цивилизации / Под общей редакцией Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989.
237. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1868.
238. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII вв. до н. э.). Армавир, 1999.
239. Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995.
240. Дударев С. Л. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время. Армавир, 1997.
241. Дьяконов И. М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. № 1.
242. Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2.
243. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Владикавказ, 2001.
244. Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
245. Елхот. Исторический очерк. Владикавказ, 1999.
246. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
247. Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический источник // СА. 1970. № 2.
248. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003.
249. Епископа Феодора «Аланское писание»/Перевод Ю. Кулаковского// Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXI. Одесса, 1898.
250. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
251. Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области // Казбек. 1899. №628-634.
252. Жданов Н. Рассказы о кавказском племени осетин. М., 1898.
253. Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974.
254. Зураев А. П. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа. Нью-Йорк, 1966. Т. I.
255. Иванов А. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. СПб., 1914. Т. II. Вып. 3.

256. Иванчик А. И. Киммерийцы. М., 1996.
257. Иванчик А. И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2.
258. Игумен Андрей (Мороз) История Владикавказской епархии. Элиста: Джангар, 2006.
259. Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1982.
260. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Сост. Гаглойти Ю. С., Джоиев М. К., Джусойти Н. Г., Техов Б. В., Чибиров Л. А. Цхинвал, 1995.
261. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому/Перевод К. Патканова // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1883. Март.
262. Из служебных воспоминаний В. С. Толстого // Русский архив. М., 1875. Кн. 2.
263. Ильинская В. А. Скифы Днепровского степного Левобережья. Киев, 1968.
264. Ильинская В. А. Скифы и Кавказ (тезисы доклада) // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
265. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э. Киев, 1983.
266. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770-1779 гг. СПб., 2002.
267. Ирон æмбисæндтæ/Сост. К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе, 1976.
268. Исаев М. И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. М., 1987. Ч. II.
269. История Владикавказа (1781-1990 гг.): Сборник документов и материалов/Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Владикавказ, 1991.
270. История города Дигоры. Владикавказ, 1992.
271. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
272. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
273. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962.
274. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.
275. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен и до наших дней. В 2-х тт. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1.
276. История Чиколы. Владикавказ, 1993.
277. История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
278. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864-1900) / Сост. И. Н. Цховребов. Т. III. Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1961.
279. История южных осетин / Под ред. Л. А. Чибирова. Цхинвал: Иристон, 1990.
280. Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские Миллеровские чтения): Сборник статей. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
281. Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис. 1888. Ч. 2.
282. Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
283. Калоев Б. А. Венгерские аланы (ясы). М., 1996.
284. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
285. Калоев Б. А. Моздокские осетины. Историко-этнографическое исследование. Москва: Наука, 1995.
286. Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004.
287. Калоев Б. А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. Историко-этнографические очерки. Владикавказ: Ир, 2012.
288. Кануков И. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985.
289. Кануков Инал. Сочинения. Орджоникидзе, 1963.
290. Кануков И. Д. Горцы-переселенцы //ССКГ. Тифлис, 1874. Вып. 9.
291. Канукова З. В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
292. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.

293. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. 1908. Вып. XXXVIII.
294. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. СПб., 1996.
295. Картлис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955.
296. Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.
297. Керемов Б. М., Кармов Т. М. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик, 2009.
298. Киреев Ф. С. Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в первой мировой войне. Владикавказ, 2010.
299. Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ИСОНИИ. Т. 12.
300. Клейн Л. С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ. 1975. № 4.
301. Клепиков В. М. К вопросу о «сирматской» миграции // Вопросы краеведения: Материалы V краеведческих чтений. Волгоград, 1994. Вып. 3.
302. Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
303. Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII — нач. XIX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
304. Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII — конец XX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 2003
305. Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.
306. Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Пушино, 2005.
307. Ковалевская В. Б. Кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен (на материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989.
308. Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия АН Груз. ССР. 1985. № 3. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства.
309. Ковалевская В. Б. Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Известия АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1975. № 3.
310. Ковалевская В. Б., Аржанцева А. И. Работы Северо-Осетинской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988.
311. Ковалевская В. Б. Аланы и Кавказ. М., 1984.
312. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном изучении. М., 1886. Т. 1-2.
313. Кодзаев К. М. Верховная власть алан I-X вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
314. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
315. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИР. 1998. Вып. 5.
316. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант // САИР. Вып. 5. М., 1995.
317. Козенкова В. И., Багаев М. Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибуции в поздекобанской культуре // СА. 1991. № 4.

318. Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // МИАР. 1997. № 1.
319. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2–6. М., 1989.
320. Кокиев Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИК. Вып. II. 1935.
321. Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Осетии. Орджоникидзе: Госуд. изд-во Сев.-Осет. АССР. 1940.
322. Кокиев Г. А. Сношения России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
323. Кокиев С. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 1. М., 1885.
324. Кокоева А. Б. Смерть и похороны у осетин // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXXV.
325. Кореневский С. Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993.
326. Коренько В. А. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // МИАР. М., 2001. № 3.
327. Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб., 2003.
328. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
329. Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
330. Красильников Ф. С Кавказ и его обитатели. М.: Литер. Изд-во отдела наркома по просвещению, 1919.
331. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
332. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. № 23.
333. Крупнов Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. № 2.
334. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII в. Орджоникидзе: Ир, 1971.
335. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 106. М., 1962.
336. Кузнецов В. А. Аланы-ясы в Венгрии. Владикавказ, 1993.
337. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.
338. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.
339. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.
340. Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.
341. Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.
342. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.
343. Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003.
344. Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
345. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
346. Кулаковский Ю. Христианство у алан / Византийский Временник. Т. V. СПб., 1898.
347. Кулов С. Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX в. — в 1 четверти XX в. Орджоникидзе, 1968.
348. Культура и быт народов Северного Кавказа / Под. ред. В. К. Гарданова. М.: Наука, 1968.
349. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.
350. Кусов Г. И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания, 1998.
351. Кусов Г. И., Тедоева З. Х., Хмелева Л. Т. Знаменитые люди на берегах Терека. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011.
352. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

353. Кучкин В. А. Где искать ясский город Тютяков? // ИСОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
354. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963.
355. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
356. Лавров Л. И. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. 1883.
357. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч. 2.
358. Лавров Л. И. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1965.
359. Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960.
360. Ларина В. И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX.
361. Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909.
362. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882-1883. Вып. II.
363. Летопись Картли/Перевод Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.
364. Лиахвели Г. Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197.
365. Лиахвели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. 1886. № 292.
366. Любин В. П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I // Известия ВГО. М., 1959. Т. 91.
367. Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. 1960. № 79. Т. 4.
368. Любин В. П. Палеолитические находки в Юго-Осетии (работы 1951-1952 гг.) // КСИ-ИМК. 1954. Вып. 54.
369. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского крестьянства: Историко-этнографический очерк. Орджоникидзе, 1963.
370. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
371. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
372. Максименко В. Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
373. Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6.
374. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1.
375. Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
376. Мамсуров А. Д. Осетинская историческая «песня про Есе Канукова из Донифарса» // Изв. СОНИИ. Т. XXV. 1966.
377. Маргиев В. И. Кесаев С. М. Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
378. Марзоев И.-Б. Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII — нач. XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
379. Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — нач. XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
380. Марзоев И. Т. Тагиата. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012.
381. Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., 1887.
382. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.
383. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792 гг. // КС. Т. XVIII. 1897.
384. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре. Тифлис, 1910. Т. VI. Ч. 2.
385. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.
386. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) Т. I/Сост. Г. Кокиев // ИСОНИИ. Т. 6. Орджоникидзе, 1933.

387. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом Т. II. / Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942.
388. Материалы по истории Осетии. Т. III. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 гг. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау, 1950.
389. Махортых С. В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2.
390. Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
391. Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. № VI-VII.
392. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепрорье по данным античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
393. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
394. Медведев А. П. К интерпретации орнаментальных сюжетов на сармато-аланских бронзовых зеркалах // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000.
395. Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
396. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3.
397. Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
398. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях/Введ., примеч. и ком. С. А. Аннинского. М.-Л., 1936.
399. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. 1-3.
400. Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП. 1882. Август. Ч. ССXXXII.
401. Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. № 9.
402. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 1-3. М., 1881-1887.
403. Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.
404. Мошинский А. П. Древности горной Дигории в VII-IV вв. до н. э. М., 2006.
405. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
406. Надеждин П. П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1869.
407. Народы Кавказа. Т. 1-2. М.: Наука, 1960.
408. Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы-раннего железа. Армавир, 1997.
409. Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан/Перевод и прим. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
410. Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
411. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.
412. Новосельцев А. П. К истории аланских городов // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969.
413. Новосельцев А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3.
414. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
415. Новые материалы для жизнеописания С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г./Под ред. А. А. Цагарели. СПб., 1901.
416. Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
417. Ньюли Герардо. Название алан в сасанидских надписях. Владикавказ, 2001.
418. О горском словесном суде // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4.
419. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. Тифлис, 1910.

420. Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Т.2.
421. Обращение Грузии (в христианство)/Пер. Е. С. Такайшвили // СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. XXVIII.
422. Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Альбом церквей и школ общества и народностей Кавказа. 1910.
423. Округа Терской области // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
424. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М., 1994.
425. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
426. Ортабаев Б. Х. Земельные отношения и развитие сельского хозяйства в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
427. Ортабаев Б. Х. Социально-экономический строй народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ, 1992.
428. Ортабаев Б. Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX — начале XX в. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1978.
429. Ортабаев Б. Х. Развитие экономики в Северной Осетии в конце XIX — начале XX века. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967.
430. Осетиноведение — от прошлого к будущему. Материалы конференции, посвященной 110-летию В. И. Абаева и 85-летию СОИГСИ. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
431. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948.
432. Осетинское народное творчество/Под ред. З. М. Салагаевой. Орджоникидзе, 1961. Т. 1.
433. Осетины. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М.: Наука, 2012.
434. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.
435. Осетия в кавказской политике Российской империи (XIX в.). Сборник документов и материалов/Сост. А. А. Хамицаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
436. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
437. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Владикавказ, 1906.
438. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 г. Тифлис, 1889.
439. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем его императорским высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862-6 декабря 1872. Тифлис, 1873.
440. Отчий край (Фыдыуæзаг): Исторические сведения о жителях Трусковского и Гудского ущелий и Кобинской котловины. Владикавказ, 2008.
441. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе, 1968.
442. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
443. Памятник эриставов/Пер., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.
444. Памятники народного творчества осетин. Вып.2. Владикавказ, 1927.
445. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
446. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Терская область. LXVIII. Т. 68. СПб.: Центр. стат. комитет, 1905.
447. Первое двадцатипятилетие в истории просвещения города Владикавказа (1836-1861 годы). Приложение к Циркуляру по Управлению Кавказским Учебным округом за 1900 год. №1. Тифлис, 1900. С. 1-35.
448. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1613 г. по 1770 г./Перев. М. Броссе. СПб., 1861. Т. VIII.

449. Перерва Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М., 2002. Вып. 1-2.
450. Переселение горцев в Турцию. Сборник документов/Сост. Г. А. Дзагуров. Р-н/Д., 1925.
451. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ-Цхинвал, 1981-2006. Т. I-VI.
452. Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*, I. М., — Берлин: Бордо, 2006.
453. Петренко В. Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986.
454. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
455. Пикалов Д. В. Скифо-сарматская космогония. Ставрополь, 2003.
456. Пиотровский Б. Б. Ст. Моздок, 1936 г. // *Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. М.-Л., 1941.
457. Пиотровский Б. Б. Скифы в Закавказье // *УЗЛГУ*. Л., 1939. Вып. 13.
458. Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940.
459. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
460. Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
461. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
462. Полиевтов М. А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.
463. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.
464. Пономарев Ф. П. Материалы по истории Терского казачьего войска // *ТС*. Владикавказ, 1904. Вып. 6.
465. Попко И. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1883.
466. Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Вып. I.
467. Попов И. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский. Киев, 1902.
468. Попов К. П. Алагир. Владикавказ, 1996.
469. Потто В. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1.
470. Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1981.
471. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70 годы XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик, 2001.
472. Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
473. Проблемы скифской археологии. М., 1971.
474. Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.
475. Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
476. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
477. Прокопенко Ю. А. К вопросу о связях населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н. э. // *ИАА*. 1998. Вып. 4.
478. Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. — XI в. н.э. Ставрополь, 1999.
479. Прокопий из Кесарии. Война с готами/Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950.
480. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами/Перев. С. Дестуниса. СПб., 1880.
481. Пурцеладзе Д. П. Грузинские дворянские грамоты. Тифлис, 1881.
482. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
483. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории осетин. Тифлис, 1872.

484. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. 1871. Вып. V.
485. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Вып. II. 1872.
486. Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Тифлис, 1872. Вып. 1.
487. Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4.
488. Ракович Д. В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ, 1911.
489. Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. I. Кн. 2.
490. Революционное движение в Юго-Осетии (1905-1907 годы). Документы и материалы/Сост. И. Н. Цховребов. Сталинир, 1958.
491. Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы: в 2 т./Сост. А. К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1980. Т. I.
492. Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912.
493. Ритмы истории. Сборник научных трудов. Вып. 1. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
494. Ритмы истории. Сборник научных трудов. Вып. 2-3. История. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004.
495. Ритмы истории. Сборник научных трудов. Вып. 2-1. Археология. Этнография. Фольклор. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004.
496. Рклицкий М. В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // ИОНИИ. Вып. 2. 1926.
497. Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений: Сборник статей. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
498. Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений: Сборник статей. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. Вып. 2.
499. Ростовцев М. И. Сарматы // ПАВ. 1993. № 5.
500. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. СПб., 1925.
501. Ростунов В. Л. Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.
502. Ростунов В. Л. Эпоха энеолита — средней бронзы Центрального Кавказа. Т. I. Расселение древних обществ на Центральном Кавказе в эпоху энеолита — средней бронзы и роль географической среды в миграционном процессе. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
503. Ростунов В. Л. Эпоха энеолита — средней бронзы Центрального Кавказа. Т. III. Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
504. Русские в Южной Осетии. Сборник статей и материалов/Сост. Б. К. Харебов. РЮО, Цхинвал: Ныфс, 2010.
505. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов: В 2-х томах / Сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1976-1984.
506. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
507. Салагаева З. М. Ахмет Цаликов. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002.
508. Санакоев М. П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII — нач. XX в.). Цхинвали, 1987.
509. Санакоев М. П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // ИЮОНИИ. Вып. XXII. 1977.
510. Санакоев М. П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979.
511. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 26. СПб., 1899.
512. Северная Осетия в революции 1905-1907 годов. Документы и материалы/Ред. М. С. Тотоев. Орджоникидзе, 1955.

513. Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
514. Семенов Л. П. Памятник древнего культа Осетии (бронзовая голова идола из окрестностей с. Нар.) // МИА. 1951. Вып. 23.
515. Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии // КСИИМК. 1955. Вып. 57.
516. Семенов Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. Т. XII. 1948.
517. Семенов Л. П., Тедтоев А. А., Кусов Г. И. Орджоникидзе-Владикавказ: Очерки истории города. Орджоникидзе: Ир, 1972.
518. Сергацков И. В. О некоторых обстоятельствах появления алан в Восточной Европе // НАВ. 1998. Вып. 1.
519. Сергацков И. В., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып. 6.
520. Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
521. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
522. Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
523. Сказания о нартах/Перев. с осет. Ю. Лебединского. Владикавказ, 2000.
524. Скаков А. Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997.
525. Скачков А. Е. Опыт статистического исследования горного уголка. Владикавказ, 1905.
526. Скитский Б. В. Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии // Известия горского педагогического института. Т. V. Владикавказ, 1928.
527. Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933.
528. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972.
529. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // ИСОНИИ. 1947. Т. XI.
530. Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Дзауджикау, 1949. Ч. 1.
531. Скифы и сарматы. Киев, 1977.
532. Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
533. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
536. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия (Некоторые проблемы исследований) // СА. 1980. № 1.
537. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
538. Сланов А. А. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
539. Сланов И. А. Ардонская духовная семинария. Владикавказ: Проект-Пресс, 1999.
540. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.
541. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI.
542. Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 2.
543. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958.
544. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
545. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора и до Кючук-Кайнарджийского мира. 1700-1774. М.: Наука, 1991.
546. Список населенных мест Терской области/Ред. Гортинский. Владикавказ, 1914.
547. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказский округ. Владикавказ, 1890. Т. 2. Вып. 4.
548. Статистический справочник Северо-Осетинской автономной области. Владикавказ, 1927.

549. Статистический сборник. Обзор Терской области за 1914 г. Владикавказ, 1915.
550. Стрейс Я.Я. Три путешествия (1647-1673 гг.)/Перев. Э. Бородиной. М., 1935.
551. Сулейменов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. I.
552. Суменова З.Н. Инал Кануков. Орджоникидзе, 1972.
553. Сунжа и сунженцы. Владикавказ, 2007.
554. Тадтаев Т.В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861-1991 гг. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
555. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии. СПб.: СПбГУ, 1998.
556. Таказов Ф.М. Ислам в традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
557. Тедеева У.Ш. Грузино-осетинские противоречия: социальные и идеологические основы (XIX — 90-е гг. XX в.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
558. Тедтоев А.А. Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии. Дзауджикау, 1952.
559. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
560. Тер-Мартirosов Ф.И. Скифское царство в Передней Азии и «царь Армении Паруйр» // Кавказ и цивилизации Древнего Востока (материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989.
561. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском Казачьем войске/Составил Войсковой Старшина А. Ржевуский. Владикавказ, 1888.
562. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006.
563. Техов Б.В. Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника (к вопросу о проникновении элементов катакомбной культуры на южные склоны Главного Кавказского хребта) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
564. Техов Б.В. Кобано-тлийское графическое искусство. Владикавказ-Цхинвал, 2001.
565. Техов Б.В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ-Цхинвал, 2000.
566. Техов Б.В. Стырфазские кромлехи. Цхинвал, 1974.
567. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
568. Техов Б.В. Центральный Кавказ в 16-10 вв. до н. э. М., 1977.
569. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М., 1941. Т. II.
570. Тихонов А.Г. Средневековое население Северной Осетии (по материалам могильника Верхняя Кобань) // ЭО. 1994.
571. Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.
572. Тменов В.Х. «Город мертвых» (позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе: Ир, 1979.
573. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1996
574. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: «Ир», 1984.
575. Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2012.
576. Тогошвили Г.Д., Цховребов И.Н. История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до XVIII в.). Цхинвали. Т. I. 1962.
577. Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.
578. Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955.
579. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Книгоиздат, 1957.
580. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе: Ир, 1968.

581. Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1962.
582. Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе: Ир, 1968.
583. Тотров Б. И. У колыбели осетинского театра. Орджоникидзе: СОГИЗ, 1963.
584. Тревер К. В. Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии // ТОВГЭ. Л., 1947. Т. IV.
585. Туаева Б. В. «Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX — первой трети XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
586. Туаева Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
587. Тайсаев К. У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX в. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
588. Туаллагов А. А. Нахоязычные скифы и аланы — реальность или миф? Владикавказ: Ир, 2008.
589. Туаллагов А. А. Вс. Миллер и вопросы осетиноведения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
590. Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011.
591. Туаллагов А. А. Северный Кавказ от скифов до сарматов. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
592. Туаллагов А. А. Скифы и сарматы Северного Кавказа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.
593. Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
594. Тэсич-Вольный. История серебросвинцового завода «Севкавцинк»// ИСОНИИ. Т. 7. Орджоникидзе, 1934.
595. Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990.
596. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.
597. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: Ир, 1995.
598. Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887.
599. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII. Табл. XCIII, 1.
600. Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 2.
601. Учреждение управления Кавказского края. (Из Свода законов Российской Империи. Изд. 1886 г. Т. II. Ч. 2.). СПб., 1886.
602. Федоров Я. А. Горы и степь (Страницы этнической истории Северного Кавказа эпохи бронзы) // ВМГУ. Серия VIII. История. 1978. № 1.
603. Фидарова Р. Я. Художественная культура осетинского народа. М.: Наука, 2007.
604. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
605. Хазанов А. М. Золото скифов. М., 1975.
606. Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
607. Харматта Я. Из истории алано-парфянских отношений // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. Т. XIII. Fasc. 1-2.
608. Хатаев Е. Е. Просветители горских народов. Орджоникидзе, 1985.
609. Хачиров А. К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964.
610. Хачирты А. Аланика — культурная традиция (Историко-культурологическое исследование — эссе). Владикавказ, 2002.
611. Хетагуров К. Л. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1960.
612. Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. №13.
613. Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.
614. Хоруев Ю. В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Северной Осетии в эпоху империализма. Орджоникидзе, 1973.

615. Хрестоматия по истории Северной Осетии (с древнейших времен до 1917). Дзауджикау: Госиздат СОАССР, 1949.
616. Хрестоматия по истории осетинского народа/Составитель М.П. Санакоев. Цхинвал, 2009.
617. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. I.
618. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. II.
619. Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. (1766-1774 гг). СПб., 1891.
620. Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1912.
621. Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики, культуры и хозяйственного быта. М., 1913.
622. Цаликов А.Т. Мусульмане России и Федерация. М., 1911.
623. Цибиров Г.И. Осетия в русской науке (XVIII в — первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981.
624. Цориева И.Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце 18-19 веках. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
625. Цулая Г.В. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
626. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М., 1980.
627. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2006.
628. Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977.
629. Цховребов И.Н. История Юго-Осетии. Сталинир: ГИЗ, 1960.
630. Чеджемов С.Р. История педагогики и образования осетинского народа. М.: МГОУ, 2002.
631. Чеджемов С.Р. Правовая культура и народное образование в Северной Осетии в период трех революций. Владикавказ: СОГУ, 2011.
632. Чибиров Л.А. Аксо Колиев. Владикавказ: Алания, 1999.
633. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.
634. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: Роспен, 2008.
635. Чиковани Г.Д. Осетинский нихас // КЭС. Т.V. Вып. 2. Тбилиси, 1979.
636. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал: Ирыстон, 1993.
637. Чочиев А.Р. Очерки истории и социальной культуры Осетии. Цхинвали, 1985.
638. Чочиев Г.В. Северокавказские (черкесские) организации в Турции (1902-1923 гг.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
639. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // КС. 1889. Т. XIII. С. 70-114.
640. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк. Юго-Осетия. Тифлис, 1924.
641. Чшиев Х.Т. Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры в Северной Осетии // МИАСК. 2007. Вып. 7.
642. Чшиев Х.Т. К вопросу о северокавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // РА. 2008. № 4.
643. Чшиев Х.Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // МИАСК. 2005. Вып. 5.
644. Чшиев Х.Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // МИАСК. 2004. Вып. 4.
645. Чшиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Осетии. Владикавказ, 2007. Т. 1.
646. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981.

649. Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979.
650. Шанаев Д. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1870.
651. Шанаев Д. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. Отд. I.
652. Шарашидзе Ж. Индоевропейская память Кавказа. Владикавказ, 2004.
653. Шегрен А. М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.
654. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
655. Штедер Л. П. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Калоев Б. А. Орджоникидзе, 1967.
656. Щербаков М. М. Фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский. Т. II. СПб., 1892.
657. Шукин М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.
658. Шукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в.н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.
659. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.
660. Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международной научной конференции. Энгельс, 1997. Ч. 2.
661. Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
662. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907.
663. Эсадзе С. С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913.
664. Юбилейный сборник. Издан по случаю юбилея Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Тифлис, 1911.
665. Южная Осетия: и кровь, и пепел. М.: Ассоциация творческой и научной интеллигенции (ИР), 1991.
666. Якуби. История/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927.
667. Яценко С. А. «Бывшие массагеты» на новой родине — в Западном Прикаспии (II-IV вв. н. э.) // ИАА. 1998. Вып. 4.
668. Alemany A. The «Alanic» Title Bayatar // Nartamonga. 2002. Vol. I. № 1.
669. Allen W. E. D. A history of Georgian people. London, 1932.
670. Altheim F. Supplementum Aramaicum. Baden-Baden, 1957.
671. Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country//Les Sites archeologiques en Cremee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol. 5). Leiden-Boston-Köln, 2004.
672. Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
673. Bailey H.W. 1) Ossetic (Narta) // The modern Humanities Research Association. London, 1980. P. 238; 2) Ossetic (Narta) // Nartamonga. 2003. Vol. II. № 1-2.
677. Bielmeier R. Das alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Leuven. 1993.
674. Bretschneider E. Noties of Medieval Geography and History of Central and Western Asia. London, 1876.
675. Claessen H. J. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000.
676. Cornillat Fr. 2003. Du titre ossete aldar aux sources de L'Iran // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1-2.
677. Dandamayev M. A. Iranians in Achaemenid Babilonia. Costa Mesa, California and New York, 1992.

678. Diakonoff I. M. The Cimmerians // *Acta Iranica* 21, Leiden, 1981. Deuxieme serie. Vol. VII.
679. Diakonoff I. M. The Cimmerians // *Acta Iranica* 21. Leiden, 1981. Deuxieme serie. Vol. VII.
680. Engelhardt M. und Parrot F. Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin. Th. I. 1815.
681. Engelhardt M. und Parrot F. Reise in die Krym und den Kaukasus. Th. I. Berlin, 1815.
682. Gardiner-Garden J. Eudoxos, Skylax and Syrmatai // *Eranos*. 1988. Vol. 86.
683. Gershevitch I. Linguistic Geography and Historical Linguistics // *La Posizione Attuale Della Linguistica Storica Nell'Ambito Delle Discipline Linguistiche*. Roma, 1992.
684. Harmatta J. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950.
685. Hudud al-Alam. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937.
686. Klaprot J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jaren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1812. Bd. I.
687. Kristensen A. K. Who were the Gimmerians and where did they come from? Sargon II, the Gimmerians and Rusa I. Copenhagen, 1988. P. 42.
688. Kullanda S. The Scythian Language Revisited // *EURASIA SCYTHICA*. 2006. Vol. I. №1.
689. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
690. Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns // *Byzantion. International journal of byzantine studies (American Series III)*. Boston, 1944-1945. Vol. XVII.
691. Maenchen-Helfen O. The Yueh-chih Problem Re-examined // *JAOS*. 1945. Vol. 65. № 2
692. Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958.
693. Mošinskij A. Die Bestattung eines «Priesters» der Koban — Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // *Eurasia Antique*. 1999. Bd. 5.
694. Motzenbäcker I. Neue Funde reiternomadischer Provenienz in Iberien // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2000. Bd. 32.
695. Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Berlin, 1996. Bang 3.
696. Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892. Bd. III. S. 81.
697. Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Espelkamp // *Archäologie in Eurasien*. 1996. Bd. 3. S. 30-31, 44, 47, 58, 63, 65.
698. Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin // *British Archaeological Reports. International Series*. Oxford, 1986. № 278.
699. Rommel C. Volker des Kaukasus nach Berichten der Reisebeschreiber. Weimar, 1808.
700. Rostunov V. The Problems of the Transition Period from Aeneolithic to the Early Bronze Epoch in the Central Caucasus // *International conference «The Caucasus in the Context of World History»*. Tbilisi, 1996.
701. Simonenko A. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 2001. Vol. 7.
702. Simonenko A. V. Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontik Region // *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — StudArch* I. Szeged, 1995.
703. Simonenko A. V. The problem of the sarmatians penetration in the North Pontic area according to archaeological data // *Il Mar Nero. AAS. Roma-Paris*. 1994. Est. I.
704. Spencer Ch. S. The Political Economy of Pristine State Formation // *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok, 2000.
705. Steder. Tagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von der Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig, 1797.
706. Szemerényi O. *Iranica III* // W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
707. Teggart F. J. Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939.
708. Tomaschek W. *Aripharnes*//RE. 1895. Bd. II, col. 845; Bonnell E. Beiträge zur Alterthumskunde Russland (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr) hauptsächlich aus Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller. St. Petersburg, 1897.

709. Vinogradov Ju. G. Two Waves of Sarmatians Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus University Press, 2003.
710. Yamauchi E. *Foes from the Northean Frontier. Invading Hordes from the Russian Steppes*. Michigan, 1982.
711. Zgusta L. *Die Persontnnamen griechichte Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste*. Praha, 1955.
712. Zgusta L. *The Old Ossetic inscription from the River Zelencuk*. Wien, 1987.
713. Zuyev V. Yu., Ismagilov R. B. *Ritual complexes with statues of horsemen in theNorthwestern Ustyurt // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994.

Список сокращений

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.

АВПР – Архив внешней политики России. М.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.(СПб.)

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВЕВ – Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ.

ВЯ – Вопросы языкознания. М.

ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.

ДГТ СССР – Древнейшие государства на территории СССР. М.

ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб. М.

ЖМВД – Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб.

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис.

ЗСККГНИИ – Записки Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института. Ростов н/Дону.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.

ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир-М.

ИВУЗСК – Известия высших учебных заведений Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

ИОНИИК – Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Владикавказ.

ИСКНЦВШ – Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Ростов-на-Дону.

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе.

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Тбилиси (Цхинвал).

ИЮОНИИК – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Сталинир.

КС – Кавказский сборник. Тифлис.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.

КЭС – Кавказский этнографический сборник. М.

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе.

МАК – Материалы по археологии Кавказа. Тифлис.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Дону.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.

НА КБИГИ – Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.

ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.

ПМА – Полевой материал автора.

ПСЗРИ – Полный свод законов Российской империи. СПб.

- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.
 РА – Российская археология. М.
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 САИР – Свод археологических источников России. М.
 СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
 СГВ – Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь.
 ССК – Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
 ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
 ССТО – Сборник сведений о Терской области. Владикавказ.
 СЭ – Советская этнография. М.
 ТВ – Терские ведомости. Владикавказ.
 ТГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
 ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
 ТМКАЭН – Труды Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.
 ТОВГЭ – Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
 ТС – Терский сборник. Владикавказ.
 ТЧИНИИ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный.
 УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.
 УЗКБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.
 УЗКНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик.
 УЗЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л. ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов. М.
 УЗСОГПИ – Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Орджоникидзе.
 ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала.
 ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ.
 ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив. М.
 ЦГИА – Центральный государственный исторический архив. СПб.
 ЭО – Этнографическое обозрение. М.
 JAOS – Journal of the American Oriental Society.
 RE – Paulis Real-Encyclopadie der classischen altertumswissenschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ОСЕТИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (первая половина XIX века)	4
Глава 1. Политическое развитие и судебно-административные преобразования в первой половине XIX века	5
Начальный период включения Осетии в политическое пространство Российской империи (с. 5). Формирование административно-управленческого аппарата (с.9).	
Глава 2. Основание равнинных поселений и казачьих станиц в конце XVIII – первой половине XIX вв.	33
Создание осетинских поселений в Моздокской степи в начале XIX века (с.36). Формирование осетинских поселений на Владикавказской равнине в первой половине XIX века (с. 40). Расселение осетинских сел по признаку религиозной принадлежности (с.58). Основание Алагирского (с. 62). Создание предгорных поселений переселенцами из Алагирского и Куртатинского ущелий (с. 63). Переселение осетин на южные склоны Центрального Кавказа (с. 65). Создание русских казачьих станиц (с. 66). Основание немецких поселений (с.76)	
Глава 3. Культура Осетии в первой половине XIX века.....	82
Конфессиональная политика России в Осетии (с.82). Военные учебные заведения (с.91). Начало изучения Осетии российской наукой (с.93)	
РАЗДЕЛ II. ОСЕТИЯ В ЭПОХУ ПОРЕФОРМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (вторая пол. XIX – начало XX века).....	120
Глава 1. Административно-судебные преобразования в 60-х гг. XIX – нач. XX вв.	121
Образование Терской области. Учреждение Главного (областного) народного суда (с. 121). Переход к гражданскому управлению. Реформирование судебной системы. Низовые судебные учреждения (с. 124). Административные реформы 1880-х годов. Передача Осетии в Военное ведомство (с. 130). Восстановление наместничества. Программа И.И. Воронцова-Дашкова (с. 135).	
Глава 2. Проведение буржуазных реформ	141
Проведение земельной реформы и освобождение фарсаглагов (с. 141). Земельная реформа в Тагаурии (с. 144). Земельная реформа в Дигории (с.145). Земельная реформа в Алагирском обществе (с. 146). Земельная реформа в Куртатинском обществе (с.147). Освобождение зависимых сословий в 1867 г. (с. 147) Отмена крепостного права в Южной Осетии (с. 151).	
Глава 3. Буржуазная модернизация экономики Осетии	155
Общая характеристика экономики Осетии (с. 155). Развитие промышленности в Осетии. Формирование национальных кадров рабочего класса (с. 159). Развитие аграрного капитализма. Обострение социальных противоречий в осетинской деревне (с. 169).	

Глава 4. Миграционные процессы в Осетии во второй половине XIX века	185
Переселение части осетин-мусульман в Турцию (с. 185). Переселенческие процессы в Осетии (с.195). Формирование полиэтничного состава населения Осетии (с. 205).	
Глава 5. Общественная мысль. Общественное движение в Осетии	218
Инал Дударович Кануков (с.220). Афанасий Абрамович Гассиев (с. 226). Георгий Фомич Чочиев (с. 233). Алихан Губиевич (Алексей Гаврилович) Ардасенов (с. 236). Георгий Михайлович Цаголов (с.247). Коста Леванович Хетагуров (с.253). Георгий Васильевич Баев (с.271). Ахмед Тембулатович Цаликов (с. 276). Общественное движение (с.280). Уроженцы Осетии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. (с.287)	
Глава 6. Социальное и культурное развитие пореформенной Осетии	301
Социальные процессы в осетинском селе (с. 301). Город Владикавказ как фактор общественной модернизации (с. 305). Православие в культуре Осетии (с.311). Формирование местных кадров священнослужителей (с. 313). Строительство храмов (с. 317). Культурно-просветительская деятельность (с. 322). Женские учебные заведения (с.326). Военное образование (с.333). Развитие образования в Южной Осетии (с.337). Ислам в культуре Осетии (с.340) Осетинская интеллигенция (с. 344). Развитие научного осетиноведения (с.355). Городская общественно-культурная среда (с. 361)	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	379
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	400
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	422
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	445

Научное издание

**ИСТОРИЯ ОСЕТИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
ТОМ 2**

Корректор — *Дзуцева И.Г.*
Технический редактор — *Цопанова А.Ю.*
Компьютерная верстка — *Черная А.В.*
Дизайн обложки — *Макарова Е.Н.*

Подписано в печать 25.11.2019.
Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Muglad». Усл.п.л. 35,6.
Тираж 100 экз. Заказ №123.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО–Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3